КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ XXIX.

1890 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXIX. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Первобытный человѣкъ на берегахъ рѣки Днѣпра вблизи г. Кіева. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго. (1—21).

II. Очеркъ коліевщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ гг. Я. Н. Шульгина. (22—52).

III. Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. VIII—X. О. И. Роговой. (53—83).

IV. Культурныя переживанія. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. (84—100).

V. Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г. Мирона. (101—120).

VI. Отголосокъ лирницкаго языка. Ѳ. Д. Николайчика. (121—130).

VII. Описаніе атласа XVIII ст., подареннаго черниговской гимназіи кн. Н. П. Голицынымъ. (131—147).

VIII. Документы, извѣстія и замѣтки. Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго. Бѣгуны отъ науки. Г. Замѣтка къ статьѣ „Малорусскіе домашніе лѣчебники 18 в.“ А. І. Степовича. Два документа для исторіи семейства Разумовскихъ. А. Л. Къ „повѣрьямъ о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ“. Ив. М—ры. Свидѣтельство полтавскаго полковаго суда, выданное въ 1683 г. запорожцу, у котораго въ пьяной ссорѣ откушено было ухо, на возстановленіе „чести и доброй славы“. Универсалъ гетмана Разумовскаго относительно порядка избранія сотниковъ. Сообщилъ Ив. В. Теличенко. (148—166).

IX. Полковникъ прилуцкій Иванъ и бунчуковый товарищъ Григорій Стороженки. (Къ портретамъ). Н. В. Стороженка. (167—173).

X. Библіографія. A. Szarłowski. Stanisławów i powiat stanisławowski pod względem historicznym i geograficzno-statystycznym. В. М. Русская грекоуніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ П. О Бобровскаго. Арк. Л—нка. В. Гошкевичъ Замокъ князя Семеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ. Н. Б. Д. И. Эварницкій. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. Арк. Л—нко. A. de Gubernatis. Dictionaire International des écrivains du jour. Livraisons XI et XII. Gui-Zel. Н. М. Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи. Составилъ гр. Александръ Бобринскій. М. Обозрѣніе журналовъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи. (174—198).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Лѣтописныя замѣтки о событ. въ Новороссіи (оконч.). 2) Черн. лѣт. по новому списку съ пред. А. М. Лазаревскаго. 3) Портретъ прилуцкаго полковн. Ивана Стороженка.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Библиотека "Руниверс"

Въ вышедшихъ 1—12 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета** —Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича,** пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка** —На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева.** Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона.** Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **П. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго.** Чума, разск. **Мирона.** Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана.** М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова.** Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева.** На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Маркевича.** Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи **Акад. К. А. Трутовскаго.** Лирники. **Валеріана Боржковскаго.** Ѳома Падурра (Критическій очеркъ) **Равиты.** Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,—по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида.** Полтавскій полковникъ Иванъ Черняк. **А. А. Востокова.** Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика.** Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой.** Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе** (Переводъ съ польскаго). Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.** Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. **В. Н. Сторожева.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. **П. А. Шафранова.** Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой.** Александръ Степановичъ Лашкевикъ. (Некрологъ). Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. **Николая Сарнецкаго.** (Переводъ съ польскаго). **Н. М** Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ. извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. П. А. Лашкарева. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Вѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

Библиотека "Руниверс"

Иванъ Стороженко

Полковникъ Прилуцкій † 1693 г.

Библиотека "Руниверс"

Первобытный человѣкъ на берегахъ рѣки Днѣпра вблизи г. Кіева.

Обыкновеніе селиться у воды дошло къ намъ отъ временъ глубочайшей древности, теряющейся въ доисторическомъ мракѣ, отъ тѣхъ временъ, когда человѣкъ только что вступилъ на путь культуры, грудью отстаивая въ упорной борьбѣ каждый часъ своего существованія, и когда единственными средствами для этой борьбы ему служили камень да кость, а единственной цѣлью жизни было—найти что поѣсть.—И по берегамъ Днѣпра въ среднемъ его теченіи жилъ когда то человѣкъ, если и не находившійся въ такомъ состояніи, какъ мы выше представили, то во всякомъ случаѣ въ состояніи, близко къ нему подходящемъ.

На средней песчаной террасѣ Днѣпра, а иногда и на нижней луговой, въ разныхъ мѣстахъ находятся обнаженные песчаные бугры, свѣтло-желтаго цвѣта. Вслѣдствіе дѣйствія вѣтровъ, весеннихъ водъ и дождей бугры постоянно измѣняютъ свой внѣшній видъ, такъ какъ состоятъ изъ сыпучаго песка: въ одномъ мѣстѣ насыпаются новые бугры, въ другомъ выдуваются небольшія котловины. Благодаря такому измѣненію поверхности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходитъ наружу слой, содержащій остатки пищи, посуды и различныхъ другихъ предметовъ. Отъ свѣтло-желтаго песка этотъ, такъ называемый, культурный слой отличается темнымъ цвѣтомъ, происшедшимъ отъ смѣшенія песка съ золой, углемъ и другими уже уничтожившимися органическими остатками. Есть группы бугровъ, гдѣ этотъ культурный слой обнаружился на довольно большомъ пространствѣ и далъ воз-

Библиотека "Руниверс"

можность собрать сравнительно много предметовъ, въ другихъ же мѣстахъ онъ только проглядывалъ и тамъ находки были незначительны. Мы имѣли возможность осмотрѣть оба берега Днѣпра на протяженіи приблизительно пятидесяти верстъ, начиная отъ Кіева внизъ. Бугры со слѣдами пребыванія на нихъ первобытнаго человѣка обнаружены въ слѣдующихъ мѣстахъ: На лѣвомъ берегу—1) у с. Вигуровщины, 2) у с. Никольской Слободки, 3) у с. Гнѣдина, 4) у Вышенокъ — черниговской губ. остерскаго у. и 5) возлѣ д. Жеребятина и 6) у с. Койлова—полтавской губ. переяславскаго у. На правомъ берегу—1) у предмѣстья г. Кіева Пріорки, 2) у предмѣстья его же Верхней-Соломенки, 3) между с. Пироговымъ и д. Литовской Витой, 4) у хутора Козино, 5) между м. Трипольемъ и с. Злодіевкой—кіевской губ. и уѣзда.

Вслѣдствіе различныхъ, независящихъ отъ насъ обстоятельствъ, мы не имѣли возможности сдѣлать подробное изслѣдованіе бугровъ, не было также сдѣлано и опредѣленіе порядка залеганія пластовъ почвы—пришлось ограничиться только однимъ собираніемъ предметовъ на поверхности. Поэтому и матеріалъ, добытый нами, не отличается полнотой, необходимой для всесторонняго уясненія быта обитателей бугровъ. Но все таки кое что можно извлечь и изъ него. Всѣ вышеперечисленные бугры на лѣвой сторонѣ Днѣпра были извѣстны и раньше какъ мѣста, на которыхъ попадаются древніе предметы [1]), на правомъ же берегу почти всѣ открыты нами.

Изъ всѣхъ мѣстъ только на буграхъ у с. Никольской Слободки, у сс. Гнѣдина и Вышенокъ и у м. Триполья культурный слой обнаженъ на большомъ сравнительно пространствѣ, въ остальныхъ же были только слѣды его. Поэтому мы, переходя къ описанію отдѣльныхъ группъ, остановимся только на первыхъ, о вторыхъ же скажемъ немного и въ виду лишь того, что и

---

[1]) См. ст. Т. Кибальчича—„О находкахъ предметовъ каменнаго періода на лѣвомъ берегу Днѣпра въ 1879 году“, въ Сборникѣ археологическаго института кн. 3, 1880 г. Въ этой статьѣ между прочимъ авторъ принялъ бугры за могильныя насыпи. А также см. краткія замѣтки въ газетѣ „Кіевлянинъ“ 1879 г. №№ 109 и 114.

Библиотека "Руниверс"

онѣ въ будущемъ могутъ оказаться не менѣе богатыми въ смыслѣ находокъ.

Бугры у с. Никольской Слободки. С. Никольская Слободка находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончаются сооруженія Цѣпнаго моста и начинается Черниговское шоссе. Къ югу отъ села, сейчасъ же за нимъ, лежитъ небольшое озеро Святы́ще. Песчаные открытые бугры составляютъ сѣверо-восточный возвышенный берегъ этого озера, они простираются затѣмъ съ одной стороны къ лѣсу, съ другой же подходятъ къ постройкамъ идущимъ въ этомъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ шоссе. По другую сторону шоссе пески также обнаруживаются и заканчиваются большимъ бугромъ въ сѣверномъ концѣ села у сельскаго кладбища. Ближе къ лѣсу бугры покрыты тонкимъ слоемъ дерна и отчасти окрайной лѣса. Обнаженія культурнаго слоя замѣтны главнымъ образомъ по берегу озера и на такой высотѣ, что вода въ весенніе разливы туда не добирается; въ этомъ можно было убѣдиться во время сильнаго разлива весной 1888 г.; мѣстность же между этимъ берегомъ озера и противоположнымъ правымъ берегомъ Днѣпра, представляетъ весной сплошную водную поверхность.

Находки сосредоточивались въ двухъ мѣстахъ: при началѣ озера, тамъ, гдѣ кончалось село, и даже крайнія хаты его уже расположены на обнаженномъ культурномъ слоѣ, и затѣмъ—почти въ концѣ озера,—здѣсь культурнаго слоя почти не было замѣтно, но за то найдено нѣсколько сосудовъ.

Случай далъ возможность сдѣлать и геологическія наблюденія: лѣтомъ 1889 г. изъ берега озера брали песокъ для земляныхъ работъ на рѣкѣ; въ образовавшейся выемкѣ было видно, что однородный свѣтло-желтый песокъ залегаетъ на нѣсколько саженей вглубь.

Внѣшній видъ мѣстность по берегу озера имѣла слѣдующій: песокъ окрашенъ въ пепельно-сѣрый цвѣтъ, толщина темнаго слоя различна—иногда достигаетъ $^1/_4$ аршина и болѣе, иногда же является какъ бы тонкимъ налетомъ. На поверхности разбросаны, а также торчатъ изъ песка куски отъ сосудовъ съ орнаментомъ и безъ него, лежатъ также черепки и кучами, они, повидимому, принадлежали цѣлымъ сосудамъ, распавшимся отъ

Библиотека "Руниверс"

дѣйствія атмосферы; между черепками много измельченныхъ вывѣтрившихся костей, встрѣчающихся также кучами, и масса осколковъ кремня и другихъ камней, между ними попадаются и цѣлыя кремневыя орудія. Мѣстами всѣ эти остатки расположены вокругъ кострищъ, представлявшихъ не особенно большія кучи углей. Это въ началѣ озера. Дальше по берегу культурнаго слоя не было замѣтно, но попадались черепки, а при концѣ озера вблизи кострищъ найдены были, какъ уже сказано, цѣлые сосуды.

Перейдемъ къ болѣе подробному обзору предметовъ, оставленныхъ намъ, хотя и въ жалкомъ видѣ и незначительномъ количествѣ, но все таки кое что говорящихъ о тѣхъ кому они принадлежали. Мы ихъ раздѣляемъ на три группы: 1) орудія, 2) гончарныя издѣлія и 3) остатки пищи.

I. Орудія. Тѣ изъ орудій, которыя несомнѣнно носятъ характеръ мѣстный, сдѣланы исключительно изъ камня и преимущественно изъ кремня. По другой сторонѣ шоссе подъ лѣсомъ въ небольшомъ углубленіи найдены куски кварцита, изъ котораго, повидимому, приготовлялись крупныя орудія, но таковыхъ цѣлыхъ не было найдено. Также и кремневыя цѣлыя орудія попадались сравнительно рѣдко. Классифицируя орудія, ихъ можно подраздѣлить на слѣдующіе виды:

а) Ножи изъ кремня,—самый многочисленный родъ орудій, отличаются, какъ и всѣ другія, миніатюрностью: самый большій ножичекъ былъ $5^1/_2$ сант. длины и немного болѣе 1 сант. ширины; большинство ножичковъ съ двумя рѣжущими краями, хотя попалось нѣсколько и съ однимъ, особенность этихъ послѣднихъ — тупая сторона подправлена мелкими ударами. Всѣхъ ножиковъ, считая и сломанные экземпляры, найдено до 80 штукъ.

б) Кремневыя острія—найдено всего 7 штукъ; однѣ изъ нихъ узки, похожи на ножи, т. е. имѣютъ видъ тонкихъ осколковъ кремня съ заостреннымъ концомъ, другія же съ болѣе широкимъ основаніемъ; длиной не превышаютъ 3 сант. Сюда же нужно отнесть орудія, которыя, можетъ быть, служили шилами, онѣ остры и узки, одна сторона у нѣкоторыхъ подправлена.

в) Подправленные наконечники стрѣлъ, сдѣланные изъ кремня по опредѣленнымъ формамъ, нѣкоторые изъ нихъ очень

Библиотека "Руниверс"

красивы; формы ихъ слѣдующія: 1) основаніе у стрѣлы прямое или почти прямое, 2) основаніе выдается наружу полукругомъ, 3) въ основаніи сдѣлана выемка, иногда довольно глубокая, такого рода стрѣлъ найдено больше всего, 4) два наконечника стрѣлъ въ видѣ трапеціи, они сдѣланы изъ кусочковъ двускатныхъ ножей, причемъ тупыя стороны подправлены, острыя же служили: одна для всаживанія въ древко, другая — концомъ стрѣлы. Всѣхъ подправленныхъ стрѣлъ найдено больше 20 штукъ, у многихъ верхніе или нижніе кончики сломаны. Большинство стрѣлъ находилось на одномъ почти мѣстѣ, гдѣ сосредоточивались осколки кремня.

д) Скребки; мы такъ называемъ куски кремня, одна сторона которыхъ подправлена; они большей частью овальной формы; есть между ними нѣсколько очень маленькихъ, такъ что является сомнѣніе, могли ли они исполнять назначеніе скребка. Скребковъ въ общемъ найдено сравнительно много—до 50 штукъ.

е) Точилки изъ точильнаго камня,—только небольшой обломокъ въ 3 сант. длины, съ двухъ сторонъ сточенный. Кромѣ отдѣланныхъ орудій или испорченныхъ при отдѣлкѣ, но все таки носящихъ опредѣленный характеръ, найдена также масса осколковъ кремня разнообразныхъ формъ; большинство изъ нихъ было отбросами при выдѣлкѣ орудій, нѣкоторые же, не подходя ни подъ одну изъ вышеприведенныхъ рубрикъ, все таки могли служить въ домашнемъ обиходѣ болѣе чѣмъ нетребовательнаго обитателя бугровъ.

II. Гончарныя издѣлія. Матеріаломъ для наблюденій служили главнымъ образомъ многочисленные черепки отъ сосудовъ, а также конечно и найденные цѣлые сосуды. Приготовлялись сосуды отъ руки, безъ гончарнаго круга. Глина выдѣлывалась различно: встрѣчались (рѣдко) черепки изъ грубой глины съ большою примѣсью кусочковъ кварца, затѣмъ изъ глины лучшаго качества, но все таки не обладавшей достаточнымъ сцѣпленіемъ, наконецъ были изъ глины хорошо отмученной, неуступающей современной. Обжигъ также различенъ; это можно было видѣть въ изломѣ черепковъ; большей частью обожжена только наружная сторона, получившая отъ этого красный цвѣтъ; иногда крас-

Библиотека "Руниверс"

ныя полоски были съ наружной и внутренней стороны, а между ними оставалась черная прослойка, не совсѣмъ обожженная; былъ также и полный обжигъ, прошедшій насквозь черепокъ. Толщина стѣнокъ сосудовъ отъ $1^1/_2$ до $^1/_2$ сант. Что касается формы, то ее можно было наблюдать только на цѣлыхъ сосудахъ; таковыхъ найдено 4; изъ нихъ два были большіе, два маленькіе. Большіе найдены въ верхушкѣ одного изъ песчаныхъ бугровъ; они стояли рядомъ, днищами вверхъ; днища не сохранились, но на основаніи оставшихся кусковъ и того факта, что сосуды были перевернуты, можно предположить, что днища закруглялись и подходили къ конической формѣ. Къ отверстію, имѣвшему въ поперечникѣ у одного 23, а другаго 20 сант., сосуды съуживаются; вышина сохранившихся частей 30 и 24 стм., глина темно-красная, обжигъ полный, толщина стѣнокъ 1 стм. Когда эти сосуды были вырыты изъ песка, то распались на множество кусковъ, такъ что ихъ пришлось послѣ склеивать.

Два другіе небольшіе сосуда, напротивъ, вынуты цѣлыми; они стояли отверстіями вверхъ, другъ возлѣ друга, въ пескѣ, немного ниже того мѣста, гдѣ найдены большіе. Днища ихъ плоскія; форма чашеобразная; глина приготовлена съ кварцемъ, краснаго цвѣта; обжигъ полный; толщина стѣнокъ 1 стм.; вышина 11 и 9 снтм., поперечникъ отверстія 15 и $9^1/_2$ снтм. При началѣ озера найдена была куча черепковъ отъ сосуда; сложить черепки не удалось, но оставшимся частямъ видно, что сосудъ былъ въ видѣ миски съ отлогими стѣнками и ободкомъ, загнутымъ внутрь. На этомъ сосудѣ замѣтны слѣды копоти и дыръ для подвѣшиванія.

Теперь объ орнаментикѣ сосудовъ; мы разбираемъ ее подробно, потому что разнообразные узоры, покрывающіе сосуды, являются единственными данными, по которымъ можно судить о степени развитія эстетическаго чувства у древнихъ обитателей этого мѣста. Орнаментъ сосредоточивался почти всегда въ верхней части сосуда. Орнаменты разнообразны; преобладающій— изъ углубленій, сдѣланныхъ круглой палочкой, кремнемъ или костью, углубленія не сквозныя, а доходятъ только до половины черепка, по другую сторону соотвѣтственно дырочкѣ находятся

Библиотека "Руниверс"

возвышенія. Углубленія расположены на однихъ черепкахъ снаружи, на другихъ извнутри; идутъ обыкновенно по ободку сосуда и въ одинъ рядъ. Затѣмъ встрѣчается орнаментъ изъ небольшихъ углубленій, представляющихъ отпечатокъ орудія съ острымъ или тупымъ концомъ, иногда конецъ орудія былъ какъ бы раздѣленъ и отпечатокъ получился въ видѣ продолговатыхъ углубленій съ перегородками. Прямая линія также имѣла мѣсто въ орнаментѣ въ разныхъ сочетаніяхъ, между прочимъ въ видѣ зигзага. Далѣе идетъ орнаментъ, какъ бы выдавленный на глинѣ веревочкой, и наконецъ—изъ полосокъ, налѣпленныхъ на сосудъ; иногда на полоскахъ сдѣланы вдавленія пальцемъ. Кромѣ того былъ орнаментъ, составленный изъ соединенія вышеперечисленныхъ. Покрывался орнаментомъ и самый ободокъ сосудовъ. Встрѣчались также украшенія на сосудахъ въ видѣ шишекъ, иногда въ свою очередь орнаментированныхъ; онѣ могли отчасти замѣнять ручки, такъ какъ слѣдовъ настоящихъ ушекъ у сосудовъ у Никольской Слободки не было найдено, для этой же цѣли служили и сквозныя дыры у края сосудовъ.

Изъ другихъ предметовъ изъ глины у Никольской Слоб. найденъ кусокъ круглой глиняной пряслицы, сдѣланной изъ черепка и цѣлая пряслица или грузило въ видѣ небольшаго цилиндра въ $3'/_2$ стм. длины.

III. Остатки пищи. Къ остаткамъ пищи можно предположительно отнесть измельченныя и сильно выѣтрившіяся кости мелкихъ млекопитающихся. Въ одномъ мѣстѣ кости находились на кучѣ вмѣстѣ съ черепками. Вслѣдствіе дурной сохранности костей онѣ остались неопредѣленными.

Попадались у Никольской Слободки вещи изъ другихъ эпохъ, такъ напр. найдены бронзовыя вещи: куски пряжекъ и перстней, пуговицъ, бубенчикъ, двѣ трехгранныя стрѣлы, кольцо и нѣк. др.; изъ желѣзныхъ: стрѣлы разныхъ формъ и ножички. Предметы эти, вѣроятно, попали на пески случайно.

Дѣлая теперь общій обзоръ находокъ у Никольской Слободки и основываясь на нихъ, мы можемъ придти къ слѣд. заключеніямъ. Присутствіе множества кремневыхъ осколковъ, испорченныхъ и

Библиотека "Руниверс"

цѣлыхъ орудій и ядрищъ, отъ которыхъ отбивались орудія, указываетъ на мѣстное приготовленіе орудій [1]). Матеріаломъ служили кремневые валуны, попадающіеся изрѣдка въ близъ лежащихъ оврагахъ; малочисленностью и небольшимъ объемомъ валуновъ объясняется миніатюрность орудій, найденныхъ у Никольской Слободки. Недостаткомъ кремня можно также объяснить попытку отбивать орудія изъ розоватаго песчаника, неудачные осколки котораго обнаружены въ небольшомъ числѣ у Никольской Слободки (многочисленные осколки среди кремневыхъ найдены выше Ник. Сл. у с. Вигуровщины).

Изъ найденныхъ орудій только подправленныя стрѣлы точно указываютъ своей формой на назначеніе; сюда можно еще прибавить скребки, но только сравнительно большіе; о примѣненіи же остальныхъ орудій можно говорить только предположительно.

Гончарство, судя по найденнымъ образцамъ, достигло довольно высокой степени совершенства; сосуды, несмотря на незнакомство съ кругомъ, имѣютъ правильныя формы и украшены разнообразнымъ орнаментомъ, подчиненнымъ правиламъ симметріи. О назначеніи сосудовъ, по отсутствію данныхъ, трудно сказать что нибудь опредѣленное.

Хотя на пескахъ у Никольской Слободки не было найдено шлифованныхъ орудій, но все таки, принимая во вниманіе хорошую отдѣлку стрѣлъ и довольно высокое положеніе гончарства, мы можемъ отнесть пребываніе человѣка у Никольской Слободки къ концу каменнаго вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ къ концу т. н. неолитическаго періода его (періода шлифованнаго камня) и, можетъ быть, дальнѣйшія изслѣдованія еще приблизятъ принятое нами опредѣленіе эпохи.

Незначительность обнажившагося культурнаго слоя затрудняетъ опредѣленіе продолжительности пребыванія человѣка у Никольской Слободки. Положеніе у воды, представляя различныя удобства для жизни, также отчасти объясняетъ и темный

[1]) Т. Кибальчичъ, по поводу найденныхъ у Ник Сл. испорченныхъ орудій и осколковъ кремня, говоритъ: „Есть возможность предположить необходимымъ условіемъ при погребеніи—уничтоженіе каменныхъ орудій, которыя при этомъ разбивали“; см. вышепривед. ст.

Библиотека "Руниверс"

на основаніи находокъ вопросъ о пищѣ. Пищей могли служить рѣчныя раковины и рыбы. Ничего намъ не говорятъ находки и объ одеждѣ.

Было ли пребываніе человѣка у Никольской Слободки постояннымъ или только временнымъ,—вопросъ этотъ остается открытымъ. Но во всякомъ случаѣ, мы считаемъ нужнымъ упомянуть, что какъ разъ противъ Никольск. Сл. въ противоположномъ обрывистомъ берегу Днѣпра, при проложеніи спуска съ Печерской горы къ Цѣпному мосту, была открыта въ 1853 г. пещера, впослѣдствіи опять засыпанная. Хотя эта пещера, какъ и двѣ лаврскія, имѣютъ связь съ пустынножительствомъ, но, какъ справедливо полагаетъ проф. В. Б. Антоновичъ [1]), начало ихъ можетъ быть отнесено къ болѣе ранней эпохѣ. Что касается физическаго строенія обитателей бугровъ и способа ихъ погребенія, то данные отсутствуютъ [2]). Такимъ образомъ, всѣ вышеперечисленные признаки указываютъ на то, что у Никольской Слободки мы имѣемъ дѣло съ т. н. *стоянкой* первобытнаго человѣка. Факты, добытые нами, недостаточны хотя бы для поверхностнаго описанія быта этихъ первобытныхъ обитателей нашихъ мѣстъ; путемъ сравненія съ аналогичными стоянками, найденными какъ въ Россіи, такъ въ особенности за границей, можно было бы гораздо полнѣе очертить этотъ бытъ, но мы думаемъ, что аналогія хотя и немного, но все таки отвлекла бы насъ отъ истины. А потому мы будемъ лучше надѣяться, что послѣдующія изслѣдованія на основаніи точныхъ данныхъ сдѣлаютъ то, что сдѣлала бы въ этомъ случаѣ аналогія.

Къ сѣверу отъ Никольской Слободки, на протяженіи почти 5-ти верстъ вплоть до с. Воскресенскаго, тянется подъ лѣсомъ рядъ бугровъ различной величины и формы, покрытыхъ тонкимъ слоемъ дерна. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дернъ разрушился, песокъ обнажился и, вслѣдствіе дѣйствія вѣтра, образовались небольшія котловины; въ нихъ попадаются хотя и въ незначительномъ количествѣ аналогичные съ найденными у Ник. Сл. черепки и кремни, такъ что бугры эти являются продолженіемъ

[1]) Чтенія въ Историческомъ Общ. Нестора лѣтописца, кн. I, стр. 244.

[2]) Хотя Т. Кибальчичъ въ вышеуказанной статьѣ и говоритъ о часто встрѣчающихся у Ник. Сл. костякахъ, но мы не встрѣтили и слѣдовъ таковыхъ.

Библиотека "Руниверс"

стоянки Никольской Слободки. У с. Воскресенскаго бугры принимаютъ болѣе правильную куполообразную форму и совсѣмъ обнажены; находки и здѣсь были самыя незначительныя. Рядомъ съ с. Воскресенскимъ идетъ ровная песчаная плоскость, не давшая никакихъ находокъ; только въ концѣ, гдѣ опять начались бугры, найдено нѣсколько отбивныхъ кремней и большая, хорошо подправленная стрѣла. Эти же бугры тянутся далѣе вокругъ болота, отдѣляющаго с. Воскресенское отъ лежащаго выше с. Вигуровщины. Тамъ, гдѣ болото болѣе всего вдается въ берегъ, обнаружено небольшое мѣсто, сплошь покрытое осколками кремня, кусками ножиковъ, цѣлыми ножиками и скребками, тутъ же, какъ мы раньше упомянули, лежали осколки розоватаго песчанника, изъ котораго хотѣли приготовить орудія. Между черепками по орнаменту были одинаковые съ найденными у Ник. Сл., но нашлось также нѣсколько и особенныхъ, какъ напр. орнаментъ елкой. Цѣлыхъ сосудовъ у с. Вигуровщины не было найдено, но намъ передавали мѣстные пастухи, что весной они часто находили въ пескѣ „якись мыски". Встрѣчались въ кучахъ черепки отъ распавшихся сосудовъ, между таковыми найдены куски горшка, въ стѣнкахъ котораго сдѣланы дыры;—дыры сквозныя воронкообразныя и, какъ кажется, проверчены уже послѣ обжиганія сосуда, идутъ онѣ рядами, не близко другъ отъ друга, отъ края сосуда до самаго дна; трудно теперь судить о назначеніи сосуда, но несомнѣнно, что онъ удовлетворялъ какой то потребности въ домашнемъ быту, потребности общей и для другихъ поселеній первобытнаго человѣка, такъ какъ такіе же черепки отъ сосудовъ найдены и въ другихъ мѣстахъ по Днѣпру, а также и въ волынской губерніи (въ нашемъ собраніи есть такой черепокъ изъ большой стоянки у с. Збранокъ волынск. губ. овручскаго у.).

Далѣе с. Вигуровщины мы не простирали нашихъ изысканій; но въ этомъ мѣстѣ бугры, продолжаясь немного выше по направленію къ с. Троещинѣ, прекращаются и опять обнаруживаются, насколько мы знаемъ, уже спустя большое пространство.

Ниже Никольской Слободки средняя терраса покрыта лѣсомъ, спускающимся вплоть до заливной долины. Только вер-

Библиотека "Руниверс"

сты двѣ ниже, въ небольшой обнажившейся ложбинѣ, найдено нѣсколько остріевъ изъ кремня и черепки. Лѣсъ тянется далѣе на протяженіи 15 верстъ, считая въ прямомъ направленіи, до с. Гнѣдина. У сс. Гнѣдина и Вышенокъ, расположенныхъ рядомъ, терраса поднимается и достигаетъ значительной высоты. Лѣсъ здѣсь прекращается и поверхность состоитъ изъ обнаженныхъ небольшихъ бугровъ. На этихъ буграхъ найдена масса различныхъ предметовъ, различныхъ временъ. Собираніемъ въ настоящее время занимаются мѣстные крестьяне, доставляющіе находки священнику с. Вышенокъ о. Ѳ. Яновскому, которымъ было уже составлено нѣсколько полныхъ коллекцій, обнимавшихъ собою каменную, бронзовую, великокняжескую и болѣе близкія къ намъ эпохи (мы знаемъ пять такихъ коллекцій: 1) въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, 2) въ московскомъ археологическомъ обществѣ, 3) въ музеѣ древностей университета св. Владиміра, 4) у графа А. А. Бобринскаго и 5) у г. Поля). Такъ какъ матеріалъ, добытый на стоянкѣ у с. Вышенокъ, очень богатъ и разнообразенъ да и не находится у насъ подъ рукой и такъ какъ тѣсныя рамки нашей статьи не позволяютъ много распространяться, то мы скажемъ о предметахъ, найденныхъ у с. Вышенокъ, только въ общихъ чертахъ. Это также будетъ соотвѣтствовать и плану нашей статьи, которая составлена исключительно по личнымъ наблюденіямъ и по даннымъ лично нами добытымъ. Изъ предметовъ каменной эпохи у с.с. Гнѣдина и Вышенокъ найдены отбивные кремневые топоры, ножи, достигающіе иногда большихъ размѣровъ, острія, скребки различной величины, подправленные наконечники стрѣлъ всевозможныхъ формъ (ихъ найдено нѣсколько сотенъ), подправленные наконечники копій, орудія, служившія быть можетъ пилами, подправленныя и полированныя; затѣмъ идутъ: шлифованный молотокъ, шлифованные клинья или долота, иногда очень миніатюрные; изъ предметовъ глиняныхъ попадаются куски грубой посуды съ орнаментомъ, грузила и пряслицы (въ большомъ числѣ). Изъ бронзовыхъ вещей во множествѣ найдены различныя украшенія какъ самыя примитивныя, такъ и болѣе изящныя; изъ орудій мы знаемъ, что тамъ найденъ бронзовый небольшой клинъ

Библиотека "Руниверс"

въ 0,037 м. длины и наконечникъ дротика въ 8½ снтм. длины (оба предмета въ коллекціи г. Поля). Великокняжеская эпоха оставила намъ складные кресты (энколпіоны), монеты (напр. кн. Владиміра) и украшенія—кольца, серьги, браслеты, бусы, привѣски и т. п. Украшенія, монеты и орудія войны являются представителями позднѣйшихъ временъ вплоть до настоящаго. Т. о. Вышенки можно считать однимъ изъ древнѣйшихъ поселеній, перешедшимъ всѣ фазы культурнаго развитія

Вслѣдствіе тщательнаго собиранія находки каменныхъ орудій сдѣлались теперь довольно рѣдки, тогда какъ раньше ихъ можно было подбирать сотнями. При личномъ обозрѣніи этой мѣстности культурнаго слоя не было замѣчено, но намъ показалась заслуживающею вниманія обнаруженная на пескѣ противъ с. Гнѣдина куча разрозненныхъ костей отъ нѣсколькихъ скелетовъ; онѣ почти совсѣмъ обнажены отъ песка; на двухъ бедряныхъ костяхъ, принадлежавшихъ вѣроятно одному скелету, въ нижнихъ частяхъ находятся зеленыя пятна отъ окислившейся мѣди. Здѣсь, можетъ быть, мы имѣемъ дѣло съ мѣстомъ погребенія обитателей стоянокъ Гнѣдина и Вышенокъ, разслѣдованіе котораго принадлежитъ будущему.

Верстъ 20 ниже с. Вышенокъ у д. Жеребятина и с. Койлова встрѣтились только самые незначительные слѣды существованія тамъ стоянокъ первобытнаго человѣка.

Перейдемъ теперь на правую сторону Днѣпра и начнемъ обозрѣніе мѣстности сверху.

Два мѣстонахожденія предметовъ доисторической старины находятся въ окрестностяхъ самаго Кіева. Первое изъ нихъ лежитъ у сѣверо-западной стороны Кіева, возлѣ предмѣстья Пріорки. Песчаные небольшіе бугры расположены вблизи городского лѣса и дали тѣ же находки, что и раньше описанныя стоянки на лѣвомъ берегу; именно: черепки съ аналогичнымъ орнаментомъ, куски кремней, ножички, скребки и подправленныя стрѣлы. Культурный слой замѣчался только въ видѣ тонкаго налета, но за то встрѣтилось много кострищъ, иногда довольно большихъ. Вблизи этого мѣста

Библиотека "Руниверс"

въ Кирилловскихъ оврагахъ находятся пещеры, вырытыя въ лесѣ; по изслѣдованіи ихъ проф. В. Б. Антоновичемъ, оказалось, что онѣ служили жилищемъ первобытному человѣку [1]).

Съ юго-запада, у другаго предмѣстья Кіева—Верхней Соломенки, между двумя оврагами, расположена надъ ручьемъ Лыбедью песчаная возвышенность, называемая Лысою Горою. Она указана намъ проф. В. Б. Антоновичемъ, въ собраніи котораго находится нѣсколько найденныхъ тамъ предметовъ каменнаго вѣка.

Кромѣ кремневыхъ стрѣлъ, ножиковъ и скребковъ намъ встрѣтились здѣсь также черепки съ орнаментомъ болѣе мелкимъ и тонкимъ. Культурнаго слоя почти нѣтъ. Изъ предметовъ не каменнаго вѣка найдены двѣ бронзовыя плоскія стрѣлы; попадаются здѣсь также и желѣзныя стрѣлы. Мы упоминаемъ объ этой мѣстности потому, что хотя она и не лежитъ на берегу Днѣпра, но находится близко отъ той линіи, на которой расположены прочія стоянки.

Ниже Кіева приблизительно верстъ на десять у подошвы возвышеннаго берега расположены рядомъ с. Пирогово и д. Литовская Вита. Между ними находится группа обнаженныхъ песчаныхъ бугровъ, давшихъ тѣ же находки, что и въ другихъ мѣстахъ. Слой песка, окрашеннаго въ темный цвѣтъ проглядывалъ только изрѣдка, но кострища встрѣчались въ большомъ числѣ. Между черепками нашлось нѣсколько, принадлежавшихъ одному сосуду и сплошь покрытыхъ особеннымъ орнаментомъ изъ частыхъ углубленій, сдѣланныхъ острымъ орудіемъ. Тутъ же найдена половинка глинянаго грузила или скорѣе пряслицы. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ повидимому обрабатывался кремень, лежала масса осколковъ кремня; кремень, какъ и во всѣхъ прежде описанныхъ стоянкахъ, разноцвѣтный. Изъ отдѣланныхъ орудій найдено нѣсколько ножиковъ и двѣ стрѣлы—одна съ выемкой, другая съ стержнемъ. Между черепками и осколками попадались сильно вывѣтрившіяся и даже окаменѣвшія мелкія кости; онѣ встрѣчались также кучами. Возлѣ с. Пирогова въ лесѣ возвышеннаго берега по исчисленію проф. В. Б. Антоновича нахо-

[1]) Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. 1, стр. 244.

Библиотека "Руниверс"

дится 6 пещеръ [1]). Можетъ быть послѣдующія изслѣдованія установятъ какую нибудь связь между этими пещерами и стоянкой у с. Пирогова.

Отъ с. Пирогова до м. Триполья, т. е. на протяженіи 35 слишкомъ верстъ, мѣстность по правому берегу Днѣпра обслѣдована нами поверхностно. Но у насъ есть данные, на основаніи которыхъ можно предположить существованіе стоянки первобытнаго человѣка на половинѣ этого разстоянія, у хутора Козина.

Стоянка у м. Триполья. М. Триполье расположено на возвышенномъ берегу Днѣпра. Къ сѣверу отъ мѣстечка между нимъ и с. Злодіевкой впадаютъ въ Днѣпръ, или скорѣе въ заливъ Днѣпра, три рѣчки: сейчасъ за Трипольемъ р. Красная, протекающая и черезъ мѣстечко, затѣмъ р. Манька и наконецъ подъ с. Злодіевкой—р. Стугна, послѣдняя значительнѣе остальныхъ. Рѣчки эти лѣтомъ почти совсѣмъ пересыхаютъ, такъ что ихъ можно перейти въ бродъ въ сапогахъ. Пункты нахожденія древнихъ предметовъ слѣдующіе: на правомъ берегу р. Красной подлѣ огорода послѣдней крестьянской избы, отчасти же и въ самомъ огородѣ—здѣсь попадались только черепки и кости; затѣмъ главное мѣсто стоянки—между устьями р. Маньки и Стугны по берегу залива; эта же стоянка переходитъ и на другую сторону р. Стугны подлѣ с. Злодіевки, тутъ находки также были незначительны. Мѣстность между устьями Маньки и Стугны представляетъ отлогій песчаный бугоръ; весеннія воды не заливаютъ только верхушки этого бугра, кругомъ же образуется громадное водное пространство, такъ какъ всѣ три рѣчки, а также и Днѣпръ выступаютъ изъ береговъ и сливаются вмѣстѣ.

Площадь, на которой сосредоточены различныя культурныя остатки, занимаетъ не болѣе 500 квадрат. саженей. Все это мѣсто можно сказать укрыто черепками, между которыми попадаются кости, кремни и другіе камни въ отдѣланномъ и неотдѣланномъ видѣ; среди нихъ изрѣдка зеленѣютъ кусочки бронзы и вещи изъ нея; эти послѣднія главнымъ образомъ встрѣчаются въ центральномъ пунктѣ стоянки.

[1]) Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣт. кн. I, стр. 244.

Библиотека "Руниверс"

Культурный слой обнаженъ на всемъ пространствѣ стоянки, толщина его достигаетъ до $^1/_2$ арш.

Въ данномъ случаѣ мы, также какъ и при описаніи стоянки у Никольской Слободки, раздѣляемъ найденныя здѣсь предметы на группы, именно: 1) орудія, 2) гончарныя издѣлія, 3) остатки пищи и новая группа—4) украшенія.

I. Орудія. а) Каменныя. Изъ шлифованныхъ орудій встрѣтилось только два обломка діоритовыхъ молотковъ; у обоихъ сохранились части дыръ. По одному обломку можно возстановить поперечный разрѣзъ молотка въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась дыра; оказывается, что молотокъ былъ небольшой, съ закругленными боками. Кромѣ этихъ обломковъ найденъ еще кусокъ шлифованнаго діоритоваго цилиндра въ 4 сант. въ поперечникѣ, что это было за орудіе—теперь трудно сказать. Найдено также и нѣсколько камней для шлифованія; заслуживаютъ вниманія слѣдующіе: 1) кусокъ песчанника почти овальной формы, одна сторона его отшлифована, 2) діоритовый брусокъ 9 сант. длины, одна сторона хорошо отшлифована, другія же только слегка, 3) небольшой кусокъ также діоритоваго бруска съ четырехъ сторонъ отшлифованный. Типы кремневыхъ орудій такіе же какъ и у Никольской Слободки и отличаются такой же миніатюрностью. Больше всего найдено ножиковъ и обломковъ ихъ—до 30; почти всѣ они съ двумя рѣжущими краями. Острія въ настоящемъ смыслѣ не было найдено ни одного, но встрѣчались болѣе или менѣе подходящіе подъ эту форму осколки. Между скребками, кромѣ миніатюрныхъ, найдено нѣсколько штукъ и сравнительно крупныхъ, большей частью продолговатыхъ. Среди подправленныхъ стрѣлъ, попалось нѣсколько штукъ (5) типа неизвѣстнаго Никольской Слободкѣ, именно—со стержнемъ.

б) Костяное: только одинъ обломанный конецъ долота въ $3^1/_2$ сант. длины, лезвіе хорошо отточено, ширина его 1 сант. съ небольшимъ.

в) Бронзовыя: 1) игла съ ушкомъ, посрединѣ немного согнута и надломана, $4^1/_2$ сант. длины. 2) Небольшое долотцо 3-хъ сант. длины, одинъ конецъ отточенный, другой закругленный, приспособленный для всаживанія въ ручку.

Библиотека "Руниверс"

II. Гончарство. Гончарный кругъ не употреблялся. Глина большей частью хорошо выдѣланная, безъ примѣси кварца или съ незначительнымъ процентомъ его. Обжигъ почти всегда полный, хотя и не равномѣрный; послѣ обжига сосуды принимали красный цвѣтъ, но встрѣчались также и темные, даже совсѣмъ черные черепки. Нашелся одинъ черепочекъ, покрытый дендритами. Плотность не уступаетъ современной. Толщина стѣновъ отъ 1½ до ½ сант. и тоньше. Размѣры сосудовъ, судя по оставшимся черепкамъ, различны, начиная отъ самыхъ маленькихъ и кончая довольно большими. Формы также разнообразны. Цѣлымъ найденъ только одинъ миніатюрный горшочекъ съ толстыми (¾ сант.) стѣнками, сдѣланный довольно грубо, посрединѣ онъ расширяется, высота 5½ сант. и въ поперечникѣ 6 сант. Но встрѣтилось нѣсколько кусковъ отъ сосудовъ, вполнѣ достаточныхъ для опредѣленія формы. Такъ, найдена часть сосуда, имѣвшаго видъ плоскаго глинянаго круга съ чуть-чуть загнутыми краями; сюда также примыкаетъ сосудъ гораздо лучшей выдѣлки и повидимому большихъ размѣровъ съ невысокими стѣнками, отогнутыми наружу, затѣмъ найдены: два обломка очень маленькихъ сосудовъ въ видѣ плошекъ; цѣлый бокъ сравнительно большаго сосуда, по формѣ напоминающаго современные обыкновенные горшки, онъ украшенъ орнаментомъ изъ углубленій, вдавленныхъ пальцемъ; также довольно большая часть сосуда въ родѣ миски, чернаго цвѣта; бокъ и дно сосуда формы сходной съ вышеописаннымъ цѣлымъ, но гораздо больше его. Найдено также 7 кусочковъ отъ небольшихъ, повидимому, сосудовъ съ частыми сквозными дырочками. Большинство днищъ сосудовъ—плоскія безъ всякихъ знаковъ, но встрѣтилось нѣсколько особенныхъ—у нихъ внутри сдѣлано углубленіе и такимъ образомъ получилось что то въ родѣ кольцеобразной ножки. Ручки отъ сосудовъ попадались часто, найдено до 40 штукъ. Роль ручекъ сначала могли исполнять небольшія шишки, иногда двойныя, налѣпленныя на сосудъ въ видѣ украшенія, затѣмъ онѣ удлиняются и все болѣе и болѣе принимаютъ видъ настоящей ручки, но прикрѣпленной къ сосуду только однимъ концомъ; послѣ начинаютъ прикрѣплять и другой конецъ, хотя ручки все еще

Библиотека "Руниверс"

остаются круглыми или четыреугольными; наконецъ онѣ принимаютъ видъ обыкновеннаго плоскаго ушка, иногда даже орнаментированнаго. Все это можно было наблюдать на экземплярахъ, найденныхъ у м. Триполья. Орнаментика сосудовъ очень разнообразна и иногда довольно сложна, имѣетъ много общаго съ таковою стоянки Ник. Слободки. Украшался главнымъ образомъ верхъ сосуда. Самый простой видъ—это углубленія, сдѣланныя пальцемъ, такъ что иногда видѣнъ отпечатокъ ногтя. Наиболѣе многочисленную группу составляетъ орнаментъ дырочками—какъ и у Ник. Слободки; ему не уступаетъ по своей многочисленности орнаментъ изъ налѣпленныхъ полосокъ—нѣсколькихъ или одной, иногда довольно толстой; на этихъ полоскахъ въ свою очередь дѣлались углубленія. Затѣмъ слѣдуетъ орнаментъ изъ прямой линіи и изъ одинаковыхъ продолговатыхъ углубленій съ перегородками, непрерывно повторяющихся. Кромѣ того, изъ соединенія предыдущихъ орнаментовъ образуются новые. Изъ особенныхъ, мы отмѣтимъ орнаментъ въ видѣ птичьихъ лапокъ, затѣмъ отпечатокъ, полученный какъ бы отъ вдавливанія чего то плетенаго и наконецъ сложный орнаментъ изъ прямыхъ линій, образующихъ треугольники. Углубленія, сдѣланныя пальцемъ и нарѣзки покрываютъ также и самый ободокъ сосудовъ. Заслуживаетъ вниманія украшеніе изъ небольшихъ шишекъ помѣщенныхъ въ средней части сосуда. Глиняныхъ грузилъ и пряслицъ найдено больше 25 штукъ, но цѣлыхъ встрѣтилось немного, все больше половинки. Пряслицы приготовлялись иногда изъ черепковъ разбитыхъ сосудовъ; у Триполья найденъ черепочекъ кругомъ обточенный и вѣроятно предназначавшійся для пряслицы, найдена также одна цѣлая и двѣ половинки такихъ уже готовыхъ пряслицъ съ дырочками посрединѣ. Попадаются пряслицы и орнаментированныя.

III. Остатки пищи. На пескѣ среди черепковъ попадались зубы и кости разныхъ животныхъ, между ними нашлись двѣ большія трубчатыя кости, разбитыя и давшія продольныя трещины. Всѣ кости принадлежатъ животнымъ, до сихъ поръ живущимъ; онѣ большей частью очень вывѣтрились, иногда покрыты дендритами; есть нѣсколько со слѣдами огня. Но вообще

Библиотека "Руниверс"

костямъ, найденнымъ на поверхности, мы не придаемъ большаго значенія, такъ какъ присутствіе ихъ можетъ быть и случайно. Гораздо важнѣе открытая нами изъ песка куча сильно обугливши хся костей; судя по одному позвонку, кости принадлежали крупному млекопитающемуся, быть можетъ быку.

IV. Украшенія. Къ числу украшеній можно отнесть небольшія и легкія пряслицы; украшеніемъ можетъ быть былъ и найденный тамъ же глиняный цилиндрикъ съ перехватомъ посрединѣ, орнаментированный точками.

Перейдемъ къ бронзовымъ украшеніямъ. Самымъ простымъ видомъ ихъ были тоненькія пластинки, свернутыя въ трубочки разной величины; болѣе сложнымъ является спираль изъ плоской проволоки; далѣе слѣдуетъ пластинка формы трапеціи съ колечкомъ для привѣшиванія, покрытая точками, выбитыми рядами. Наиболѣе представляетъ интереса часть фибулы (видъ броши, употреблявшейся для застегиванія одежи) римскаго типа; игла не сохранилась, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ она прикрѣплялась, замѣтны слѣды желѣзной ржавчины. Совершенно аналогичныя фибулы, сдѣланныя изъ бронзы и желѣза вмѣстѣ, обнаружены на Кавказѣ, въ могилахъ, относимыхъ къ III в. по Р. Х. [1]). Въ центральной части стоянки найдено на одномъ мѣстѣ шесть широкихъ бронзовыхъ полуколецъ, три вывѣтрившіяся бусы изъ композиціи и нѣсколько кусковъ бронзы,—все это вмѣстѣ составляло какое то украшеніе, возстановить форму котораго не удалось. Кромѣ этихъ болѣе крупныхъ и цѣлыхъ вещичекъ встрѣтилось много обломковъ отъ колецъ, пряжекъ, браслетовъ и отъ разныхъ другихъ бронзовыхъ украшеній. Попадались также на этой стоянкѣ куски стекляныхъ браслетовъ и стеклянныя бусы; найдена, между прочимъ, сережка изъ бронзовой проволоки съ двойной золотистой бусинкой. Мы пока не рѣшаемся приписать употребленіе этого рода предметовъ обитателямъ стоянки и оставляемъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, до нахожденія точныхъ данныхъ.

---

[1]) Нѣсколько экземпляровъ такихъ фибулъ хранятся въ музеѣ древностей университета св. Владиміра.

Библиотека "Руниверс"

Заканчивая перечень предметовъ найденныхъ у м. Триполья, нужно добавить, что здѣсь встрѣчалось нѣсколько кусковъ желѣзныхъ ножиковъ, сильно съѣденныхъ ржавчиной и большой желѣзный рыболовный крючекъ.

Бросая общій взглядъ на стоянку у м. Триполья, мы прежде всего находимъ на ней мастерскую каменныхъ орудій. Доказательствомъ приготовленія кремневыхъ отбивныхъ орудій служатъ многочисленные осколки кремня, а также два найденныя ядрища, оставшіяся послѣ отбивки; онѣ очень миніатюрны; особенно замѣчателенъ одинъ изъ нихъ по правильности гранней. Тутъ же дѣлали и шлифованныя орудія, на что указываютъ камни для шлифованія.

Глиняныя издѣлія приготовлялись также на мѣстѣ—между черепками найдены два куска глины, изъ которой дѣлали сосуды; они вѣроятно случайно попали въ огонь и такъ были обожжены, а потому и сохранились до сихъ поръ; въ одномъ изъ нихъ глина хорошо выдѣлана, въ другомъ—съ густой примѣсью кварца; на одномъ кускѣ даже видны какъ бы слѣды руки.

Гончарство стоянки у м. Триполья въ выдѣлкѣ и формѣ сосудовъ достигло предѣловъ, дальше которыхъ безъ помощи гончарнаго круга и нельзя было итти. Орнаментъ на сосудахъ отличается правильнымъ и сложнымъ рисункомъ.

Что касается бронзовыхъ предметовъ, то присутствіе ихъ на стоянкѣ можетъ быть объяснено двоякимъ образомъ: или они получены посредствомъ торговли, или же ихъ принесли новоприбывшіе поселенцы. Но, несмотря на это, есть данныя, указывающія на мѣстную обработку бронзы. Это, прежде всего, дно съ остатками стѣнокъ отъ небольшаго тигля, въ которомъ плавилась бронза; слѣды послѣдней и сохранились какъ извнутри, такъ и снаружи сосуда; затѣмъ на стоянкѣ попалось нѣсколько кусочковъ бронзоваго шлака, оставшагося отъ плавки, да еще небольшой кусочекъ бронзовой проволоки, служившей повидимому матеріаломъ для выдѣлки какихъ то мелкихъ предметовъ. Изъ найденныхъ вещичекъ къ мѣстнымъ произведеніямъ можно отнесть трубочки, свернутыя изъ тонкихъ пластинокъ, и довольно простое украшеніе въ видѣ трапеціи; кромѣ того, мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ быть и орудія (игла и долотцо) были сдѣланы мѣстными мастерами; фибула же несомнѣнно чужеземнаго происхожденія.

Бугоръ у м. Триполья былъ временной стоянкой, такъ какъ онъ весной покрывался водой. Судя по толщинѣ культурнаго слоя, посѣщенія этого мѣста были часты и продолжительны. Обитатели стоянки между прочимъ питались жаренымъ мясомъ, приготовленнымъ на кострѣ. Одѣвались они въ сшитую одежу. На отпечаткахъ пальцевъ въ украшеніяхъ, покрывающихъ сосуды, можно наблюдать, что пальцы у мастера были тонкіе и небольшіе.

Вотъ и все, что мы можемъ сказать навѣрное; остальные же вопросы, касающіеся быта, остаются пока безъ отвѣта.

Въ заключеніе нужно упомянуть, что проф. В. Б. Антоновичемъ у с. Злодіевки также найдена пещера, вырытая въ лесѣ [1]). Мы думаемъ, что такое соотвѣтствіе въ мѣстонахожденіи пещеръ, открытыхъ проф. Антоновичемъ и стоянокъ, нами описанныхъ, не случайно.

Основываясь теперь на добытыхъ данныхъ, мы можемъ отнесть стоянку у м. Триполья и с. Злодіевки къ концу каменнаго вѣка и началу металлическаго, т. е. къ эпохѣ переходной. Были ли въ употребленіи вмѣстѣ съ бронзовыми орудіями и желѣзныя—на это точныхъ указаній нѣтъ.

Сравнивая всѣ вышеописанныя стоянки, мы должны констатировать сходство ихъ. Сходство это выражается прежде всего въ одинаковомъ мѣстоположеніи: на открытыхъ песчаныхъ бугрѣхъ у рѣки, затѣмъ въ характерѣ стоянокъ: культурный слой и мастерская орудій, далѣе въ тожествѣ находимыхъ на стоянкахъ предметовъ какъ изъ камня, такъ и изъ глины. Различіе между стоянкой у Никольской Слободки и стоянкой у м. Триполья, заключающееся въ томъ, что на послѣдней найдены предметы бронзоваго вѣка, можетъ быть объяснено недостаточнымъ обнаженіемъ культурнаго слоя у Никольской Слободки; тоже самое можно сказать и по отношенію къ другимъ незначительнымъ стоянкамъ.

---

[1]) Чтенія въ Ист. об. Нестора Лѣт., кн. 1, стр. 244.

Библиотека "Руниверс"

Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ право приписать стоянки по берегамъ р. Днѣпра одному и тому же племени, съ одинаковымъ культурнымъ развитіемъ.

Если на протяженіи лишь пятидесяти верстъ нашлось столько стоянокъ (а нѣкоторыя, можетъ быть, еще скрываются подъ пескомъ), и если допустить, что не только по Днѣпру и его притокамъ, а также и по другимъ рѣкамъ этого края, будутъ открыты аналогичныя стоянки и въ такомъ же числѣ (на что уже есть нѣкоторыя данныя), то нужно признать, что племя, оставившее намъ эти стоянки, было довольно многочисленно.

Помимо общаго названія „первобытный", нѣтъ данныхъ для хронологическаго опредѣленія эпохи, въ которую жило это племя. Нѣтъ также указаній на то, имѣетъ ли это племя какую нибудь связь съ славянскими племенами, которыя мы видимъ уже существующими на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ раньше обиталъ первобытный человѣкъ.

Ник. Бѣляшевскій.

Библиотека "Руниверс"

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1]

Иванъ Бондаренко.

Четвертымъ выдающимся ватажкомъ движенія 1768 года несомнѣнно былъ *Иванъ Бондаренко.*

О Бондаренкѣ знали пока только по небольшой замѣткѣ въ мемуарѣ Липпомана. Пробовали, правда, восполнить этотъ матеріалъ еще свѣдѣніями изъ одного документа запорожскаго архива, но къ сожалѣнію неудачно, такъ какъ документъ этотъ оказывается вовсе къ ватажку Бондаренку не относящимся. Въ виду такой скудости матеріала существеннымъ оказалось появленіе въ печати народнаго разсказа о Бондаренкѣ, дающаго точныя свѣдѣнія и о родинѣ его, и о его гибели. Не лишенными интереса окажутся, быть можетъ, и свѣдѣнія о Бондаренкѣ, извлекаемые нами изъ Кодненской книги.

Наиболѣе существеннымъ документомъ для характеристики Бондаренка въ названной книгѣ является для насъ дѣло нѣкоего Корнія[2], котораго кодненская коммиссія охарактеризовала эпитетомъ „hultaj z calego swiata rodem". Въ документѣ заключаются показанія этого Корнія, впослѣдствіи назвавшаго себя Москаленкомъ, причемъ показанія его двоякаго рода—одни добровольныя, а другія—корпоральныя, т. е. данныя подъ пыткой. Въ добровольныхъ показаніяхъ сообщилъ онъ суду только о

---

[1]) „Кіевская Старина", 1890 г., № 3.

[2]) Кодн. кн., стр. 533 и слѣд., а также 537.

Библиотека "Руниверс"

своемъ шляніи по селитряннымъ и поташнымъ заводамъ въ предѣлахъ такъ называемой Дѣдовщизны (теперь часть радомысльскаго и кіевскаго уѣздовъ) и даже Полѣсія и о двухъ трехъ кражахъ своихъ у крестьянъ то свитокъ, то полушубковъ ради заклада ихъ у шинкарей за горилку. Въ корпоральныхъ же показаніяхъ есть у него и признаніе въ убійствахъ, и цѣлая повѣсть объ участіи его въ ватагѣ Бондаренка.

Изъ словъ Корнія узнаемъ мы, что въ годъ, когда началась на украинѣ „ризанина“ и swywolia, онъ весной состоялъ работникомъ на будѣ ковалевской въ Полѣсіи. Слухъ о swywoli заставилъ его бросить работу и направиться въ Украину. Пошелъ онъ къ Фастову и по дорогѣ попалъ въ Брусиловъ (м. радомысльскаго у., при р. Здвижѣ къ ЮВ. отъ гор.). Выйдя же оттуда, встрѣтился съ Бондаренкомъ, который самъ-четвертъ ѣхалъ грабить. Конечно, Бондаренку не трудно было склонить Корнія вступить въ его ватагу. Когда тотъ согласился, Бондаренко велѣлъ ему ѣхать за собой въ Брусиловъ, гдѣ снабдилъ его пикой. Въ Брусиловѣ уже Бондаренко показалъ свою удаль, разграбилъ мѣстечко, и Корній при этомъ собственноручно убилъ двухъ жидовъ. Изъ Брусилова поѣхали гайдамаки въ с. Грузькое (кіевскаго у.), мѣсто родины Бондаренка, какъ узнаемъ далѣе. Здѣсь Бондаренко рѣшилъ остаться подольше и заѣхалъ въ домъ попа. Горилка въ эти дни рѣкой текла въ Грузькомъ изъ винницъ панскихъ и жидовскихъ—и веселью народа не было конца. Надо полагать, при этомъ, что ватага Бондаренка состояла тогда уже не изъ пяти человѣкъ, какъ показалъ Корній, а изъ большаго числа. Натѣшившись въ Грузькомъ, Бондаренко направился въ Бышовъ (кіевскаго у., при рч. Лупѣ). Здѣсь онъ ограбилъ и убилъ семерыхъ жидовъ и троихъ шляхтичей, ксендза же велѣлъ повѣсить, но не одного, а рядомъ съ съ псомъ и жидомъ. По собственному признанію Корнія подъ пыткой, это порученіе принялъ онъ на себя. Изъ Бышова пошли въ Андріевку (с. кіевск. у при р. Здвижи) и тутъ между прочимъ ознаменовали свое пребываніе убійствомъ шляхтянки, которую привезъ къ нимъ какой-то крестьянинъ; но прежде чѣмъ ее разстрѣляли, гайдамаки два дня держали ее при себѣ. Далѣе

Библиотека "Руниверс"

ограбили они с. Рожовъ (м. радомысльскаго у., на границѣ кіевскаго при р. Здвижѣ) и наконецъ явились въ Макаровъ (м. кіевскаго уѣзда при р. Здвижѣ къ З. отъ Кіева). При самомъ въѣздѣ въ это село имъ попался на встрѣчу жидъ съ женой и тремя дѣтьми, не успѣвшій убѣжать отъ бѣды своевременно. Гайдамаки тутъ же на греблѣ убили жида и двухъ сыновей его, а третьяго обѣщаніемъ помиловать склонили къ тому, чтобы онъ застрѣлилъ собственную мать; жиденокъ немедленно исполнилъ ихъ требованіе; тогда Бондаренко обѣщалъ окрестить его и взять къ себѣ за хлопца. Въ Макаровѣ Бондаренко перебилъ всѣхъ жидовъ и семь шляхтичей. Оставался онъ тамъ довольно долго, и именно въ Макаровѣ его захватили мѣстные надворные козаки. Во время этой катастрофы Корній успѣлъ благополучно скрыться, и если попалъ на судъ, какъ мы знаемъ, то значительно позже, и то случайно.

Кромѣ дѣла Корнія Москаленка, свѣдѣнія о Бондаренкѣ даетъ намъ еще небольшая судебная отмѣтка кодненскаго суда по дѣлу Грыцька Грущенка [1]) уроженца с. Гулакъ въ той же Дѣдовщизнѣ. Этотъ Грицько Грущенко былъ при Бондаренкѣ въ Макаровѣ, а раньше состоялъ, кажется, надворнымъ козакомъ въ Бышовѣ. По собственному признанію его, онъ участвовалъ въ Макаровѣ и въ грабежѣ, и въ убійствахъ, причемъ въ оправданіе свое ссылался на вынужденность своего положенія. По словамъ его, и онъ, и всѣ бышовскіе козаки поневолѣ пошли за Бондаренкомъ, такъ какъ будто бы гайдамаки за отказъ идти съ ними грозили имъ смертію. Но подобное оправданіе не спасло Грущенка на кодненскомъ судѣ: онъ былъ обезглавленъ.

Въ дѣлѣ этомъ для насъ имѣетъ значеніе еще одно обстоятельство. Грущенко сообщилъ суду между прочимъ, что нѣсколько гайдамакъ изъ ватаги Бондаренка ѣздили куда-то за тремя паннами Струтинскими и за какою-то вдовою; сами они этихъ шляхтянокъ не перебили, а отправили почему то въ Фастовъ, очевидно, къ Швачкѣ, гдѣ одной изъ нихъ дарована была жизнь. Быть можетъ, эта отправка паннъ въ Фастовъ указываетъ на связь, бывшую между Бондаренкомъ и Швачкой.

[1]) Кодн. кн., стр. 540.

Библиотека "Руниверс"

Не безполезнымъ оказывается для нашихъ цѣлей и рядъ документовъ въ той же кодненской книгѣ объ убійствѣ въ с. Дымирѣ нѣкоего шляхтича Вонсовскаго [1]). Село Дымиръ недалеко отъ Макарова (Дымиръ—м. кіевск. у. при рч. Пеховкѣ, къ ССЗ. отъ города), поэтому Бондаренку легко было имѣть сношенія и съ жителями Дымира во все продолжительное пребываніе его въ Макаровѣ. Сношенія такія у него и были дѣйствительно, но при этомъ никакъ нельзя утверждать, что убійство пана Вонсовскаго было внушено имъ: въ дѣлѣ нѣтъ опредѣленныхъ слѣдовъ объ этомъ. Сношенія же съ нимъ велъ дымирскій попъ. Изъ показаній дьяка дымирской церкви видно, что попъ ѣздилъ къ Бондаренку въ Макаровъ, причемъ бралъ съ собою Данила Коваля, заставляя его, дьяка, быть поѣоничемъ. Пріѣзжая къ Бондаренку, попъ долго съ нимъ совѣщался, а о чемъ именно—дьяку не сказывалъ. Но не всѣ дымирскіе жители были такъ смѣлы, какъ ихъ батюшка. Многіе боялись знаться съ Бондаренкомъ, предполагая возможность доносовъ. Первый дьякъ очень неохотно запрягалъ попу коня, когда тотъ бывало сбирался въ Макаровъ, такъ что одинъ разъ, напримѣръ, попу пришлось три раза посылать за нимъ, а въ четвертый онъ самъ прибѣжалъ къ нему z wielką furią и ругая его каналіей. То же и два крестьянина, которыхъ попъ посылалъ зачѣмъ то къ Бондаренку, предпочли доѣхать до гребли посреди дороги, пробыть тамъ до вечера и затѣмъ, вернувшись въ Дымиръ, ложно объявить батюшкѣ, что Бондаренка уже нѣтъ въ Макаровѣ. Наконецъ, когда самъ попъ заѣхалъ изъ Макарова послѣ свиданія съ Бондаренкомъ въ с. Бородянку (мѣст. кіевск. уѣзда къ СЗ. отъ Кіева) къ тамошнему протопопу, то этотъ послѣдній, довѣдавшись, откуда пріѣхалъ къ нему гость, прямо не одобрилъ связи съ Бондаренкомъ и сказалъ: „злесте зробылы, бо лядчина якъ була, такъ и буде“. Ясно—въ Дѣдовщизнѣ не было полной увѣренности, что поляковъ можно легко побороть.

Между тѣмъ, если гдѣ, то въ Дѣдовщизнѣ должны были знать враговъ своихъ во-очію; ужъ одно то, что уніатскіе ми-

[1]) Кодн. кн., стр. 529—533 и 440.

Библиотека "Руниверс"

трополиты и ихъ офиціалы пребывали въ Радомыслѣ—значитъ не мало. Но и кромѣ того, тамошняя шляхта, какъ говорится, давалась въ знаки. Самое дѣло объ убійствѣ Вонсовскаго кой-что говоритъ на этотъ счетъ. Быть можетъ, самое убійство этого мелкаго неважнаго шляхтича, пьянствовавшаго съ пріятелями по корчмамъ, и не носитъ вполнѣ политическаго характера, но во всякомъ случаѣ оно было совершено не изъ-за грабежа, а чуть ли не изъ-за слишкомъ свободнаго отношенія Вонсовскаго къ женскому полу. На это указываетъ по крайней мѣрѣ приведенный въ дѣлѣ разговоръ одной дымирской дѣвушки, шедшей къ Кіеву на жнива, съ однимъ изъ крестьянъ, дававшимъ показаніе по дѣлу. Дивчина говорила ему, что еще задолго до смерти пана Вонсовскаго она просила войта своего села—„абы старого вывезлы“, и на это войтъ ей отвѣчалъ: „отъ его хлопци на улыци кыямы былы“. Наконецъ панъ этотъ былъ убитъ не въ своемъ домѣ, а въ сомнительной хатѣ 50-ти-лѣтней бабы Мотри Малашихи, у которой какъ разъ въ ночь убійства была въ хатѣ еще какая-то другая женщина, ею приглашенная. А такая обстановка невольно наводитъ на мысль, что панъ Вонсовскій былъ человѣкъ распущенный и тѣмъ легко вызвавшій противъ себя ненависть дымирцевъ, которымъ, конечно, отъ легкихъ панскихъ нравовъ не легко жилось на свѣтѣ.

Случай этотъ, повторяемъ, показываетъ, что общее горе не минало дымирцевъ въ разномъ видѣ, и не недостатокъ его могъ удерживать ихъ отъ связей съ Бондаренкомъ, а только опасеніе за успѣхъ начатаго имъ. Возвращаясь же еще разъ къ дѣлу объ убійствѣ Вонсовскаго, замѣтимъ, что предположеніе наше о частномъ характерѣ этого дѣла можетъ встрѣтить нѣкоторое опроверженіе, во-первыхъ, въ томъ обстоятельствѣ, что убійство это, по показаніямъ Малашихи, совершилъ не иной кто, какъ коваль Данило, тотъ самый, что ѣздилъ съ попомъ къ Бондаренку, во-вторыхъ—въ томъ, что ворвался коваль въ хату Малашихи для убійства не одинъ, а вмѣстѣ съ попомъ и еще какимъ-то Опанасомъ Лагоденскимъ, и наконецъ въ третьихъ—въ томъ, что послѣ убійства попъ уѣхалъ за московскую границу, какъ будто избѣгая отвѣтственности. При такихъ же усло-

Библиотека "Руниверс"

віяхъ вполнѣ отрицать, что дѣло это устроилось безъ указаній Бондаренка, нѣтъ основаній.

Но оставимъ подробности кодненскихъ документовъ и соберемъ изъ нихъ все наиболѣе существенное для характеристики Бондаренка. Самымъ важнымъ для насъ въ этомъ отношеніи является опредѣленіе района его дѣятельности. Въ первомъ документѣ нашемъ онъ обозначенъ совершенно точно: дѣйствовалъ онъ въ Дѣдовщизнѣ въ нынѣшнемъ радомысльскомъ уѣздѣ и пребывалъ съ своей ватагой въ Брусиловѣ, Грузькомъ, Быповѣ, Андріевкѣ, Рожовѣ и наконецъ Макаровѣ. Далѣе, изъ того же перваго документа нашего видно, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ Бондаренко былъ весной 1768 года, тогда, когда въ разныхъ мѣстахъ на Украинѣ началась рѣзня. Если же такъ, то онъ, вопреки утвержденію Липпомана, ни въ коемъ случаѣ не могъ быть раньше въ ватагѣ Неживого, ибо Неживый самъ дѣйствовалъ въ Черкащинѣ, Чигиринщинѣ и Смѣлянщинѣ именно въ то же весеннее время. Мы получаемъ, такимъ образомъ, въ добавокъ къ Желѣзняку, Швачкѣ и Неживому четвертаго одновременно съ ними дѣйствующаго ватажка и дѣйствующаго притомъ въ отдѣльномъ районѣ.

Наконецъ, что до особенностей самого Бондаренка, то онъ скорѣе по типу близокъ къ Швачкѣ, нежели къ Неживому. И онъ, какъ Швачка, не разбирая средствъ, неуклонно стремится къ достиженію своихъ цѣлей—искорененію уніи, шляхетства и жидовства. Жалость—не изъ тѣхъ добродѣтелей, которыя въ немъ проявляются часто. И дѣло съ жидовскимъ семействомъ подъ Макаровымъ, и убиваніе шляхтянокъ, какъ непосредственно, такъ и via Фастовъ—все это невольно наводитъ на такое заключеніе. Далѣе, онъ опять таки какъ Швачка, а не какъ Неживый, не обращалъ вниманія на нравственныя качества лицъ, вступавшихъ въ его ватагу. Корній Москаленко, этотъ hultaj z calego swiata rodem, былъ въ его ватагѣ чуть не правой рукой его. А по свидѣтельству Грицька Грущенка, приставать къ ватагѣ своей Бондаренко принуждалъ многихъ подъ угрозой смерти, такъ что участіе въ ней бышовскихъ козаковъ было будто бы не добровольное. И, если только указанія Грущенка не ложны, то

Библиотека "Руниверс"

это опять таки черта, совсѣмъ чуждая Неживому. Въ виду всего этого, какъ и въ Швачкѣ, мы видимъ въ Бондаренкѣ человѣка фанатичнаго, раздраженнаго, не терпящаго противорѣчій и готоваго рѣшительно на все для достиженія своихъ цѣлей.

Иныя нѣсколько заключенія дѣлались о Бондаренкѣ на основаніи давнихъ свѣдѣній о немъ.

Его, напримѣръ, считали какъ бы преемникомъ Неживого послѣ арестованія этого послѣдняго Чорбой. Вслѣдъ за Липпоманомъ [1]) г. Мордовцевъ въ книгѣ своей „гайдамачина“ прямо утверждаетъ [2]), что Бондаренко былъ „предводителемъ шайки, составившейся изъ раздробленныхъ частей шайки Неживого“. Г. Мордовцевъ въ добавокъ считаетъ, что до выступленія въ роли ватажа Бондаренко былъ въ ватагѣ Неживого, разсказываетъ даже, какъ Неживый убѣждалъ Бондаренка пристать къ гайдамачеству въ то время, когда-де этотъ послѣдній жилъ въ с. Чаплинцахъ. И сообщилъ названный авторъ подобныя свѣдѣнія на основаніи показаній гайдамаки Ѳедора Бондаренка, пойманнаго въ предѣлахъ Вольностей Войска запорожскаго и допрошеннаго въ кошѣ 25 іюня 1768 г. [3]). Пользуясь этимъ документомъ, г. Мордовцевъ передалъ кстати и о прошломъ Ѳедора Бондаренка, принятаго имъ за ватажка. Оказывается, что онъ былъ родомъ изъ села Могулевца Лубенскаго полка чигиринъ—дубровской сотни и еще при жизни отца своего Василія Бондаря переселился въ с. Чаплинцы, гдѣ его сманилъ въ гайдамаки пришедшій будто бы туда Неживый. Далѣе изъ документа г. Мордовцева, или вѣрнѣе Скальковскаго, видно, что Ѳедоръ Бондаренко дѣйствительно былъ въ ватагѣ этого послѣдняго; онъ могъ по крайней мѣрѣ довольно обстоятельно пересказать о ней кошу. Послѣ приведенія всѣхъ этихъ свѣдѣній г. Мордовцевъ самъ отмѣтилъ противорѣчіе между показаніями Ѳедора Бондаренка, нигдѣ не говорящаго о своей важной роли ватажка, и утвержденіями Липпомана о томъ, что у Бондаренка была боль-

[1]) Bunt hajdamaków na Ukrainie, стр. 49.

[2]) Мордовцевъ. Гайдамачина, стр. 457.

[3]) О существованіи этого документа знаемъ по книгѣ Скальковскаго „Наѣзды Гайдамакъ“. Стр. 120.

Библиотека "Руниверс"

шая орда, что онъ былъ важнымъ ватажкомъ; кромѣ того, нельзя было согласить г. Мордовцеву поимки Бондаренка въ запорожіи съ сообщеніемъ Липпомана, что ватага Бондаренка и онъ самъ были захвачены въ Макаровѣ сотникомъ z dobr korninskich imenia Proskurow dziedicznych, по фамиліи Щербиной.

И дѣйствительно, всѣ эти противорѣчія несогласимы и вызваны они смѣшеніемъ ватажка Бондаренка съ его однофамильцемъ, тоже бывшимъ въ гайдамакахъ, но не ватажкомъ. Ватажокъ Бондаренко былъ Иванъ, а не Ѳедоръ, какъ это видно изъ документа нашего [1]), гдѣ Иваномъ Бондаренкомъ названо лицо, выступающее ватажкомъ въ предѣлахъ житомирскаго, овручскаго и кіевскаго повѣтовъ и выступающее въ той же роли и въ томъ же районѣ и въ другихъ документахъ нашихъ [2]). Далѣе въ ватагѣ Неживого, какъ мы уже сказали, ватажокъ Бондаренко быть не могъ, ибо уже весной дѣйствовалъ въ Дѣдовщизнѣ, какъ самостоятельный дѣятель, дѣйствовалъ самостоятельно стало быть тогда, когда въ другомъ районѣ дѣйствовалъ Неживый. Знаемъ мы въ добавокъ, что и по особенностямъ своимъ личнымъ Бондаренко не могъ быть продолжателемъ Неживого. Что же до утвержденія польскаго мемуариста о захватѣ Бондаренка козацкимъ сотникомъ Щербиною въ Макаровѣ, то это утвержденіе относится именно къ Ивану Бондаренку, какъ это видно и изъ показаній Корнія Москаленка. Наконецъ мы уже отчасти знаемъ, что и родина ватажка Бондаренка была не въ Могулевцѣ, а въ с. Грузькомъ бышовской волости житомирскаго повѣта; полнымъ же подтвержденіемъ этому служитъ народное преданіе, записанное старожиломъ села Грузькаго [3]). Преданія этого во время составленія Мордовцевымъ его книги литература не знала, конечно.

Преданіе, о которомъ рѣчь, доставляя намъ существенныя свѣдѣнія о Бондаренкѣ, даетъ однако о немъ въ то же время нѣсколько иное представленіе, чѣмъ то, какое мы вывели на основаніи судебныхъ документовъ. Въ преданіи Бондаренко нѣ-

[1]) Кодн. кн. стр. 540.

[2]) Ibidem стр. 529—533.

[3]) „Кіев. Стар." 1882 г., кн. 3-я.

Библиотека "Руниверс"

сколько идеализированъ народомъ, съ него снятъ тамъ его мрачный обликъ, какъ снятъ онъ въ народныхъ пѣсняхъ и со Швачки. Суть народнаго преданія этого въ слѣдующемъ.

Бондаренко былъ родомъ изъ с. Грузького, гдѣ помѣщикомъ былъ Харлинскій. Въ экономіи опредѣлили Бондаренка, еще когда онъ былъ мальчикомъ, сторожемъ при кухнѣ—и онъ терпѣлъ не мало невзгодъ, оставаясь въ этой роли. Наконецъ онъ сказалъ себѣ: „дай, Боже, ноги,—куда очи глядятъ, туда и дорога“—и попалъ къ Желѣзняку и Швачкѣ. У нихъ онъ встрѣтилъ Нечаенка, который сталъ его неразлучнымъ другомъ. Вскорѣ Бондаренко сдѣлался настоящимъ „лыцаремъ и характерникомъ“, умѣющимъ заговаривать оружіе, такъ что самого его пуля не брала. Собравъ черезъ нѣсколько времени свою ватагу людей, Бондаренко уже въ качествѣ ватажка рѣшился побывать между прочимъ и на своей родинѣ, у матери въ Грузькомъ. Объ этомъ и въ пѣснѣ поется:

Не захотивъ Бондаренко на Украини жыты
Да прыихавъ до Бышова жидивъ ляхивъ быты.
Не багато винъ постоявъ на бышевскимъ мости
Да прыихавъ до Грузькои до матери въ гости.

Въ Грузькомъ встрѣтили Бондаренка хорошо, и священникъ благословилъ его „на все доброе“ У священника въ домѣ и поселился Бондаренко. Никому въ селѣ обидъ онъ не чинилъ; только „шапаря“ (ключника) Яроша за „господыню“ (ключницу) Марыську онъ припугнулъ, а перваго даже велѣлъ ограбить, зная, какимъ нечестнымъ путемъ были нажиты имъ деньги и помня собственныя обиды отъ него. Во все время своего пребыванія въ Грузькомъ Бондаренко „бенкетовалъ“ съ крестьянами, добывая для этого горилку изъ панскихъ складовъ. Тѣхъ однако изъ крестьянъ, у которыхъ были работы, онъ не держалъ при себѣ, и послѣ одного дня пированія далъ имъ опохмѣлиться и отпустилъ. Среди пированія Бондаренко однако не забылъ о своей семьѣ и, чтобы дать матери кой-какія средства, онъ послалъ друга своего Нечаенка съ нѣсколькими гайдамаками въ окрестности Грузькаго на грабежъ—и добычей отъ этого грабежа одѣлилъ мать и родичей, посовѣтовавъ имъ перемѣнить

Библиотека "Руниверс"

фамилію и уѣхать за московскую границу. Когда ему привели маленькаго сына помѣщика, то онъ погладилъ его по головѣ и далъ ему пряникъ. Бабѣ, которая его принесла, велѣлъ его беречь, говоря: „вѣдь будетъ же онъ вашимъ паномъ“. Ушелъ Бондаренко изъ Грузького, по словамъ преданія, послѣ того, какъ туда явился отрядъ польскихъ гусаръ, чего, какъ мы знаемъ, на самомъ дѣлѣ не было. Съ этими гусарами Бондаренко будто бы даже вступилъ въ бой, о чемъ и въ пѣснѣ поется:

Напхалы гусары Грузьку палыты,
Бондаренко зъ Нечаенкомъ сталы бороныты
Нечаенко на дзвиныцю михъ пороху тягне,
Бондаренко въ правій руци рушныцю готуе.
Ой, якъ стрелывъ Нечаенко—коныка пидстрелывъ,
Ой, якъ стрелывъ Бондаренко—гусарыка встрелывъ
Ой, рушылы гусары зъ Грузькои втикаты—
Бондаренко зъ Нечаенкомъ сталы доганяты.

Послѣ этого фантастическаго эпизода разсказывается далѣе въ преданіи о приходѣ Бондаренка въ Макаровъ и о захватѣ его тамъ козацкимъ сотникомъ Щербиного изъ Корнина, что, какъ мы уже знаемъ, подтверждается и Липпоманомъ, и нашимъ документомъ. Наконецъ, въ заключеніе передается въ преданіи о казни Бондаренка въ Чернобылѣ, что дѣйствительно состоялось по приговору доминіальнаго суда.

И такъ, въ народномъ преданіи Бондаренко вовсе на фанатичный ненавистникъ своихъ враговъ: онъ щадитъ сына пана своего, хотя и предвидитъ въ немъ будущаго пана; онъ даже не мститъ смертію своимъ злѣйшимъ врагамъ, „шапарю“ и „господынѣ“, а ограничивается тѣмъ, что напугалъ ихъ обоихъ; онъ, наконецъ, хорошій семьянинъ. Такой Бондаренко, конечно, не похожъ на характеризованнаго нами историческаго, допустившаго на своихъ глазахъ матереубійство по принужденію гайдамакъ, избивавшаго также всѣхъ своихъ враговъ направо и налѣво и даже женщинъ. Но разница подобная между Бондаренкомъ кодненскихъ актовъ и народнаго преданія и пѣсенъ не должна насъ поражать. Народу тяжело было вспомнить объ отрицательныхъ чертахъ своихъ защитниковъ, о чертахъ, нарушавшихъ цѣльность рисовавшагося уму чистаго образа борцовъ за вѣру и правду.

Библиотека "Руниверс"

Гайдамацкіе загоны.

Возвращаясь къ указанной нами въ началѣ главы организаціи среди гайдамакъ и къ ихъ плану овладѣть Украиной путемъ размѣщенія главныхъ своихъ силъ въ четырехъ пунктахъ этого края, мы видимъ теперь, что для подтвержденія этого у насъ имѣются, во-первыхъ, показаніе Швачки послѣ его ареста Протасьевымъ и, во-вторыхъ, фактическія данныя о скопленіи гайдамакъ близъ Умани, въ староствахъ чигиринскомъ, черкасскомъ и каневскомъ, близъ Бѣлой Церкви и къ востоку отъ Радомысля на границахъ кіевскаго полѣсья. Нѣкоторое сомнѣніе могло бы развѣ явиться у насъ только относительно участія въ этомъ планѣ Бондаренка. Швачка, поминая въ своихъ показаніяхъ Желѣзняка, Неживого и себя, не поминаетъ Бондаренка, притомъ же послѣдній не имѣлъ ни одной крупной стычки съ врагомъ. Но для разсѣянія подобнаго сомнѣнія о роли Бондаренка слѣдуетъ помнить, что мы имѣемъ только обрывки фактовъ, характеризующихъ его дѣятельность, и что съ другой стороны есть основаніе думать, что онъ имѣлъ большое значеніе въ движеніи 1768 года. На это указываютъ и сообщенія о томъ, что у Бондаренка была цѣлая орда гайдамакъ, и страхи поповъ и крестьянъ, думавшихъ, что „лядчина якъ була, такъ и буде“, быть заподозрѣнными въ сношеніяхъ съ этимъ опаснымъ ватажкомъ, и наконецъ вкривь и вкось шедшіе толки мемуаристовъ о связи Бондаренка съ Неживымъ. Все это, правда, не точныя указанія съ фактической стороны, но все это вѣрныя выраженія впечатлѣнія, оставшагося у современниковъ о дѣятельности Бондаренка.

Что касается теперь до пригодности указаннаго плана, то навѣрное можно утверждать, что, при слабости тогдашнихъ польскихъ силъ, гайдамаки могли бы, пользуясь имъ, долго продержаться въ Украинѣ и пожалуй даже овладѣть всѣмъ кіевскимъ воеводствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, все это воеводство чуть не съ 1712 года было только въ распоряженіи крупныхъ магнатовъ-помѣщиковъ. Никакихъ государственныхъ властей, ни гражданскихъ, ни военныхъ, здѣсь не было. Коммиссары, губернаторы, посес-

Библиотека "Руниверс"

соры того времени—это все или управляющіе имѣніями пановъ (комиссары—управляющіе большихъ земель, губернаторы—меньшихъ), или арендаторы. Имъ отдано было не только завѣдываніе хозяйствомъ въ краѣ, но и часть полицейская и судебная. Экономическій дворъ былъ поэтому своего рода присутствіемъ, имѣвшимъ самыя широкія права надъ крестьянствомъ. Защита края была также всецѣло частной: надворныя милиціи при панскихъ замкахъ должны были замѣнять вѣчно распущенныхъ жолнеровъ украинской партіи, т. е. той части войска Рѣчи Посполитой, которая должна была охранять Украину. При такихъ же условіяхъ да еще при всегдашней готовности народныхъ милицій, состоявшихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, переходить на сторону возставшихъ, достигнуть одолѣнія поляковъ гайдамакамъ было бы вполнѣ возможно. Только невходившее въ ихъ разсчеты появленіе въ краѣ россійскихъ войскъ неминуемо должно было повлечь за собою полное неосуществленіе затѣяннаго плана.

Въ виду этого появленія своего рода deus'a ex machina немного помогло дѣлу и то, что указанный выше планъ одолѣнія Украиной былъ построенъ не только въ разсчетѣ на главныя силы четырехъ выдающихся ватажковъ, но и въ разсчетѣ на сокрушительность партизанской войны, которую должны были вести и вели *гайдамацкіе загоны*. Впрочемъ, благодаря загонамъ, даже и русскія силы не могли долго вполнѣ искоренить возстанія. Въ виду же такого значенія загоновъ—они заслуживаютъ большаго вниманія со стороны знакомящихся съ коліивщиной.

Веденіе войны „загонами“ южно-русское населеніе, конечно, заимствовало отъ татаръ, но надо однако имѣть въ виду, что у татаръ „загонъ“, или небольшой отрядъ, отдѣлившійся отъ главнаго войска орды, представлялъ изъ себя нѣчто не вполнѣ похожее на загоны южно-русскіе временъ Хмельницкаго, а еще больше временъ гайдамачины.

Лучшее представленіе о татарскомъ загонѣ даетъ слѣдующее описаніе Боплана[1]). „Татары, пишетъ онъ, привыкли съ

[1]) Описаніе Украины Боплана. Стр. 50—51.

Библиотека "Руниверс"

дѣтства ко всѣмъ условіямъ степной жизни: были чрезвычайно выносливы, необыкновенно ловки и прекрасно знали степи. За три или четыре мили отъ границы они останавливаются въ какомъ нибудь скрытномъ мѣстѣ и отдыхаютъ тамъ дня два или три. Здѣсь все войско раздѣляется на три части. Двѣ трети образуютъ главный корпусъ, а остальная треть—два крыла, правое и лѣвое. Въ такомъ видѣ оно входитъ въ непріятельскую страну и углубляется въ нее на 60 или 80 миль, не дѣлая въ это время никакихъ опустошеній; только на возвратномъ пути оба крыла удаляются отъ своего корпуса и начинаютъ свою разрушительную дѣятельность. Они раздѣляются на нѣсколько небольшихъ отрядовъ въ 500 или 600 человѣкъ въ каждомъ, которые разсыпаются по деревнямъ, окружаютъ селенія со всѣхъ четырехъ сторонъ и, чтобы не ускользнули жители, раскладываютъ по ночамъ большіе огни, потомъ грабятъ, жгутъ, рѣжутъ сопротивляющихся, уводятъ не только мужчинъ, женщинъ съ грудными младенцами, но и быковъ, коровъ, лошадей, овецъ, козъ и пр., а ненавистныхъ мусульманамъ свиней загоняютъ въ овинъ и поджигаютъ оный съ четырехъ сторонъ. Сіи отряды не смѣютъ удаляться въ сторону далѣе 8 или 12 миль; обремененные добычею, они спѣшатъ соединиться съ главнымъ войскомъ, которое легко находятъ часа черезъ четыре, ибо главный корпусъ, имѣя въ передней шеренгѣ около 500 коней, растягивается на большое пространство. Какъ скоро возвращаются грабители—два свѣжіе крыла отдѣляются направо и налѣво, грабятъ и опустошаютъ точно такъ же, какъ и первые, потомъ возвращаются, а вмѣсто нихъ выходятъ на добычу новые отряды".

Во времена Хмельницкаго въ борьбѣ съ поляками южнорусское населеніе тоже прибѣгало къ загонамъ, но загоны наши менѣе были связаны съ главными козацкими силами, чѣмъ загоны татаръ съ своимъ главнымъ корпусомъ. Н. И. Костомаровъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ загоны, разсыпавшіеся по Украинѣ лѣтомъ 1648 года [1]). „По южно-русской землѣ, читаемъ у него, кружили вооруженные отряды, которые назывались за-

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, стр. 314—315, 321.

Библиотека "Руниверс"

гонами. Въ старину это имя давалось татарскимъ полчищамъ но теперь оно означало русскихъ военныхъ охотниковъ, преимущественно бѣглыхъ и непокорныхъ владѣльческихъ крестьянъ. Изъ нѣсколькихъ мѣстечекъ и селъ сбирались молодые и старые, только годные къ битвѣ мужики, вооружались въ случаѣ недостатка оружія косами и дубьемъ и стекались къ Хмельницкому, который записывалъ ихъ по полкамъ, дѣлилъ по сотнямъ, назначалъ начальниковъ, часто изъ нихъ же, когда они представляли ему отважную расторопную голову. Потомъ такія толпы отправлялись очищать, какъ выражались они, русскую землю. Иные же вовсе не сносились съ своимъ „батькомъ", а просто составлялась шайка, выбирали атамана и пускались на грабежи и убійства. Они назывались козаками, хотя бы, организовавшись въ шайки самовольно, и не были записаны въ козацкій списокъ; число ихъ увеличивалось чрезвычайно быстро, до того, что скоро они могли разорять не только помѣщичьи усадьбы, но укрѣпленные замки и города. Обыкновенно, какъ скоро козацкій загонъ появлялся въ панскомъ мѣстечкѣ и селѣ, подданные принимали гостей, какъ избавителей, соединялись съ ними и устремлялись на палацъ или дворъ своего владѣльца. Тогда не было пощады ни старцамъ, ни грудным младенцамъ: истребляли и домашнихъ слугъ, если они были католики или униты и заранѣе не пристали къ нимъ, сожигали панское жилье, а имущество раздѣляли съ крестьянами, вознаграждая ихъ за долговременные поборы и панщины". „Такихъ загоновъ было *безъ-лич*ь, по выраженію лѣтописи. Держались правила: кто не за нихъ, тотъ противъ нихъ, и оттого многіе должны были противъ собственной воли браться за оружіе. Загоны носили названіе по большей части по имени своихъ предводителей, и нѣкоторые, по своей многолюдности или по образу дѣйствія, остались въ исторіи и народной памяти" (Морозенко).

Не столь грандіозны, конечно, были загоны въ періодъ коліивщины: вмѣсто тысячъ, а подчасъ и десятковъ тысячъ хлоповъ, какъ это было при Хмельницкомъ, теперь въ загонѣ бывало часто нѣсколько десятковъ и рѣдко двѣ-три сотни человѣкъ. Отвага и смѣлость бывали только прежнія. Что же до

Библиотека "Руниверс"

зависимости новыхъ загоновъ отъ организаторовъ главныхъ силъ и до связи ихъ съ этими силами, то въ періодъ коліивщины и то, и другое относительно извѣстныхъ намъ загоновъ еще труднѣе опредѣлить, чѣмъ можно было все это опредѣлить во времена Хмельницкаго. Впрочемъ, обращаясь къ даннымъ о загонахъ, извлеченнымъ нами изъ Кодненской книги, мы легко усмотримъ, что въ районѣ дѣятельности каждаго изъ четырехъ главныхъ гайдамацкихъ ватажковъ періода коліивщины были свои загоны, причемъ только немногіе изъ этихъ загоновъ выступаютъ передъ нами вполнѣ отрѣшившимися отъ политическихъ цѣлей и являются превратившимися въ разбойничьи шайки, вредныя и для крестьянъ. Что явленій подобнаго перерожденія было немного, и что во всякомъ случаѣ между загонами и главными силами сохранялось своего рода молчаливое соглашеніе и преобладало тождество цѣлей,—что все это было, въ этомъ и надо, быть можетъ, усматривать своего рода организацію коліевъ, обусловленную серьезными мотивами одинаковаго настроенія народной толпы, а не внѣшними договорами.

Загоны коліевъ всегда имѣли своихъ ватажковъ. По даннымъ о послѣднихъ всегда можно судить и о дѣятельности загоновъ, носившихъ ихъ имя.

Изъ ватажковъ загоновъ, дѣйствовавшихъ въ юго-западномъ и южномъ углу Кіевщины, слѣдовательно въ районѣ Желѣзняка, въ Кодненской книгѣ названо 8 или даже 9. Не всѣ они дѣйствуютъ, какъ политическіе дѣятели; нѣкоторые выступаютъ, какъ простые разбойники.

Къ послѣднимъ ватажокъ *Носъ* [1]), съ котораго мы начнемъ, очевидно не принадлежалъ, хотя свѣдѣній о немъ очень мало. Изъ Кодненской книги мы знаемъ только, что бывшіе въ его ватагѣ Василій Постоленко, Яцко Работенбутъ, Ѳедоръ Еднокосъ и Савка Малый—всѣ приговорены кодненской военно-судной коммиссіей къ смертной казни, и только Матвій Крывый не былъ порѣшенъ коммиссіей сразу и былъ оставленъ ad resolutionem, но отъ дальнѣйшихъ хлопотъ и онъ избавилъ коммис-

[1]) Кодн. кн, стр. 447.

Библиотека "Руниверс"

сію, такъ какъ умеръ сидя въ ямѣ (тюрьмѣ). Преступленія этихъ пошавшихся гайдамакъ изъ загона Носа въ судебныхъ отмѣткахъ обозначены разно: одинъ былъ де проводникомъ Носа и забиралъ котлы въ Козацкой Долинѣ; о другомъ сказано, что онъ пристalъ къ ватажку Носу и грабилъ; о третьемъ—что онъ имѣлъ щитъ, добытый въ Лисянкѣ, и былъ въ ватагѣ у ватажка Носа. Что до мѣстности, гдѣ дѣйствовалъ Носъ, то это небольшой районъ въ предѣлахъ теперешняго звенигородскаго уѣзда; въ судебныхъ отмѣткахъ о носовскихъ гайдамакахъ поминаются по крайней мѣрѣ слѣдующія селенія и мѣстечка звенигородскаго уѣзда: Бугачевка, Козацкая Долина, Лисянка.

Ватажокъ *Саражинъ* [1]) дѣйствовалъ въ сѣверной части звенигородскаго уѣзда и между прочимъ въ Бояркѣ, гдѣ его загонъ и былъ захваченъ польскимъ подъяздомъ. Судившіеся за участіе въ его загонѣ, Мусій Лебедненченко и Марко Пластуненко, утверждали, что они ни въ грабежѣ, ни въ убійствахъ неповинны, ибо шли по мѣстности, по которой раньше проходилъ Желѣзнякъ, не оставившій послѣ себя для Саражина никакой поживы. О Саражинѣ поминаетъ покойный Максимовичъ [2]), какъ о предводителѣ запорожскаго загона, доходившаго по численности до 131 человѣка. Саражину будто бы подчинялись ватажки небольшихъ запорожскихъ группъ въ 17—20 душъ: Бандурка, Скорина, Петръ Вѣтеръ. Но по Максимовичу захваченъ былъ Саражинъ не польскимъ подъяздомъ, а гусарской командой, въ которой онъ самъ раньше состоялъ квартирмейстеромъ, и притомъ не въ Бояркѣ, а при с. Нерубайкѣ (уман. у. при рч. Нерубайкѣ, къ В. отъ м. Торговицы). Согласить справку Максимовича съ данными Кодненской книги нѣтъ возможности. Быть можетъ даже, что въ обоихъ источникахъ идетъ рѣчь о разныхъ людяхъ, но однофамильцахъ.

Къ загонамъ Желѣзняка, наиболѣе отъ него отдалявшимся, какъ кажется, слѣдуетъ отнести загонъ *Ивана Чернаго*, который

---

[1]) Кодн. кн., стр. 536.

[2]) Максимовичъ. Сочиненія. Т. I, стр. 586.

Библиотека "Руниверс"

названъ въ документахъ „атаманомъ отъ ватаги Желѣзняка“ [1]). Загонъ этотъ появлялся въ Орловцѣ (с. черкаск. у. при рч. Мѣдянкѣ къ ВЮВ отъ м. Городищъ) и вообще въ Смѣлянщинѣ. Въ распоряженіи этого атамана было моментами человѣкъ восемь гайдамакъ, но и съ такимъ ничтожнымъ отрядомъ онъ грабилъ и убивалъ, хотя одинъ изъ его подручниковъ и утверждалъ, что въ самомъ началѣ движенія гайдамаки избѣгали рѣзни.

Съ титуломъ „атамана отъ ватаги Желѣзняка“ встрѣчаемъ и другого *Чернаго Никиту* [2]), дѣйствовавшаго въ Уманщинѣ въ Воронномъ, Бастачкахъ, Зеленомъ Рогѣ (с. уман. у. при впаденіи рч. Конелы въ Горскій Тикичъ), Шабардашѣ. Никита Черный многихъ убивалъ и грабилъ. Удивительна его судьба: онъ самъ былъ убитъ гайдамаками, вѣроятно разбойничьими, наѣхавшими въ Воронное изъ Маньковки; гайдамаки эти захватили себѣ всю добычу, найденную при Черномъ.

Совершенно сторонним Желѣзняку и даже враждебнымъ ему выступаетъ ватажокъ *Паралюшъ* [3]) (sic), который, собравши загонъ, дѣйствовалъ съ нимъ въ с.-з. части Уманщины. Побывалъ онъ въ слѣдующихъ селахъ: въ Монастырищѣ, Охримовѣ, Цыбуловѣ, Попуднѣ, Княжей Крыницѣ. При немъ было два атамана—Панасюкъ и Каранышъ (sic); первый былъ человѣкъ мѣстный, родомъ изъ Охримова. Въ Монастырищѣ Паралюшъ сжегъ костелъ, подъ Цыбуловымъ же захватилъ стадо и, устроивъ въ тамошнемъ лѣсу облаву и выловивъ такимъ образомъ спрятавшихся тамъ шляхтичей, велѣлъ всѣхъ ихъ перебить. Когда ватага эта попала затѣмъ въ Княжу Крыницу и тамъ до Паралюша дошелъ слухъ, что въ с. Зарубинцахъ какіе то гайдамаки ограбили церковь, онъ немедленно послалъ туда на развѣдки одного изъ своихъ—Игната Щербину. Послѣдній пришелъ въ Зарубинцы, но тамъ немедленно былъ схваченъ зарубинской громадой и доставленъ въ с. Житникъ, гдѣ стоялъ какой то за-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 12 и 51, а также 476.

[2]) Ibidem, стр. 593.

[3]) Кодн. кн,, стр. 3 и 56.

Библиотека "Руниверс"

гонъ Желѣзняка. Щербину ватага эта избила и бросила, а сама ушла въ Умань.

Очевидно, Паралюшъ дѣйствовалъ совершенно независимо, хотя и въ общемъ духѣ возставшихъ. Нельзя объяснить сожженія церкви загономъ Желѣзняка и ненависти, обнаруженной этимъ послѣднимъ загономъ къ ватагѣ Паралюша.

Всѣ вышеприведенныя данныя извлечены изъ дѣла Игната Щербины, одного изъ гайдамакъ ватаги Паралюша. Кодненской коммиссіей означенный Щербина обезглавленъ.

Очень распущеннымъ и даже разбойничьимъ выступаетъ предъ нами загонъ *Ивана Романченка.*

Для характеристики этого ватажка и его загона Кодненская книга даетъ намъ дѣло Ивана Мельника [1]).

Иванъ Мельникъ родомъ былъ изъ села Стычекъ нѣжинскаго полка, слѣдовательно по тогдашнему въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой былъ человѣкъ заграничный. Уже женатымъ перешелъ онъ съ мѣста своей родины черезъ Кіевъ въ с. Квитки черкас. у.). Прійдя туда, онъ былъ удержанъ квитковскими людьми для житья среди нихъ (przyszed do Kwiltek gdzie od ludzi gromadskich przytrzymany aby tam mieszkal). Очевидно жители недавней руины все еще чувствовали остатки старой пустыни, и для нормальнаго человѣческаго житія во вновь оживлявшихся селахъ имъ нужны были люди и люди. Въ первое время своего пребыванія въ селѣ Квиткахъ Иванъ занялся мельничнымъ дѣломъ (sedzial w mlynie) по найму; самостоятельнымъ же хозяиномъ сталъ онъ только послѣ того, какъ, промоловъ на мельницѣ цѣлую зиму, купилъ себѣ хату.

Незадолго до обострившагося проявленія возстанія въ 1768 г. пришелъ въ Квитки къ Ивану Мельнику запорожецъ Лапа и сталъ у него жить. И вотъ съ этимъ то Лапой, „gdy zaczęta sie rewolutia“ и „gdy orda do slobod wychodzila“, Мельникъ двинулся къ ватажку Романченку, который собиралъ загонъ для нападенія на орду. Нашли они Романченка въ Ольшаной. Три

---

[1]) Кодн. кн., стр. 1, актъ 3-ій.

Библиотека "Руниверс"

дня оставались они тамъ у него, пока онъ не повелъ ихъ къ московскому войску, вышедшему противъ орды. Далѣе о дѣлѣ съ ордой въ нашемъ документѣ рѣчи нѣтъ; сказано только, что дошелъ Романченко до Тыкича и тамъ распустилъ своихъ людей. Запорожецъ Лапа послѣ этого присталъ къ ватажку Губѣ, который стоялъ въ Лебединѣ, а Мельникъ поторопился въ Квитки, чтобы переселить оттуда жену свою и дѣтей за границу. Когда же самъ онъ, уже переселивши жену и дѣтей, появился затѣмъ на ярмаркѣ въ Красноселицѣ, то былъ тамъ задержанъ квитковскими людьми и отданъ ближайшей военной подъяздовой командѣ въ Корсунѣ. О причинѣ этого задержанія Мельника квитковскими людьми выражено было основательное предположеніе судьями въ Коднѣ. Мельникъ прямо былъ уличенъ въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ ватажкомъ Романченкомъ и запорожцемъ Лапой грабилъ с. Квитки, жегъ его и потому долженъ былъ уйти оттуда самъ и увести свою семью. Попавши за границу, Мельникъ тотчасъ же былъ тамъ принятъ въ счетъ при распредѣленіи на жителей пикинерскихъ тягостей: вмѣстѣ съ двумя другими крестьянами онъ долженъ былъ содержать одного пикинера, и за это его самого на правомъ берегу Днѣпра, когда онъ туда явился на время, стали величать пикинеромъ. Коднянскій судъ приговорилъ его обезглавить.

Интересно, что квитковская громада ничего не имѣла противъ Ивана Мельника ни при появленіи у него запорожца Лапы, ни затѣмъ при ихъ отправленіи къ Романченку въ Ольшану якобы для противодѣйствія вторгшейся въ слободы татарской ордѣ. Такого рода поступки Мельника люди считали совершенно согласными съ общими интересами. Но когда затѣмъ загонъ Романченка, въ которомъ былъ и Мельникъ, превратился въ грабительскую шайку, общественное преслѣдованіе ихъ стало естественнымъ.

Что Романченко былъ только грабителемъ, хотя это и отрицалъ Мельникъ въ своихъ показаніяхъ, видно и изъ другого судебнаго дѣла—нѣкоего Василія Чапенка [1]), также принадлежавшаго къ ватагѣ Романченка.

[1]) Коди. кн., стр. 43.

Библиотека "Руниверс"

Этотъ Чапенко присталъ къ загону Романченка по его личному подговору и притомъ значительно позже Ивана Мельника, когда интенсивность народнаго движенія уже ослабла. Ему было тогда не больше 21 года и жилъ онъ въ мѣстечкѣ Могилевѣ (с. алекс. у. херс. губ. при верховьи Ингула). Родомъ же онъ былъ изъ Могилева на Днѣстрѣ, причемъ оставилъ этотъ городъ вмѣстѣ съ родителями. Романченко встрѣчался съ Василіемъ Чапенкомъ на хуторѣ Щорбы, гдѣ у него, Романченка, была родственница. Романченко былъ не одинъ тамъ, а съ другомъ своимъ—Василіемъ Щербиной. Причемъ оба они были уже пикинерами. Счастливо уйдя отъ отвѣтственности за дѣла 1768 г., Романченко очевидно успѣлъ въ гетманщинѣ обрѣсти положеніе, нѣсколько маскировавшее его прошлое. Сталъ онъ даже не только пикинеромъ, а пикинерскимъ сотникомъ. Встрѣтясь съ Чапенкомъ въ хуторѣ Щорбы, Романченко подговорилъ его принять участіе въ кражѣ воловъ, увѣривъ его, что къ нему, Романченку, прійдетъ еще шесть человѣкъ для той же цѣли. Когда Чапенко согласился, начался цѣлый рядъ самыхъ неблаговидныхъ нападеній на крестьянскій скотъ, нападеній, оканчивавшихся впрочемъ часто неудачей. Сперва удавалось однако всѣмъ уходить отъ ареста; послѣ же одного нападенія на московскихъ фуражировъ, Чапенко, не имѣвшій подъ собой хорошаго коня, былъ схваченъ и отправленъ въ Кодню. На судѣ, кромѣ всего изложеннаго, обнаружилось, что въ 1768 году, когда губернаторъ коднепскій Радошевичъ бѣжалъ изъ Кодни на московскую границу, Василій Чапенко, не смотря на требованіе своихъ товарищей-парубковъ убить ляха, укрывавшагося отъ преслѣдованія своихъ людей, не убилъ его и другимъ не далъ убить. Благодаря этому, человѣкъ, грабившій крестьянъ, оставленъ коднепскимъ судомъ свободнымъ отъ какого бы то ни было наказанія.

Въ нашихъ документахъ имѣется еще небольшая отмѣтка о третьемъ участникѣ ватаги Романченка. Соучастникъ этотъ—Карпо Настыченко [1]), родомъ изъ Юрковки, былъ оговоренъ не только односельчанами, но даже родною матерью. Поступки же

[1]) Кодн. кн., стр. 447.

Библиотека "Руниверс"

его оказались неминуемо требующими смертной казни по законамъ той поры.

Судя по такимъ участникамъ загона Романченка и по его собственнымъ дѣяніямъ, мы должны вывести заключеніе, что загонъ Романченка былъ разбойничій, вслѣдствіе чего онъ и подвергался постояннымъ преслѣдованіямъ крестьянскихъ громадъ.

О загонѣ ватажка *Ремезы* мы имѣемъ свѣдѣнія изъ показаній крестьянина Грыцька Безносенка [1]), который, по собственному признанію его, въ 1768 году былъ самъ въ этомъ загонѣ.

Грыцько Безносенко въ 1768 году жилъ въ с. Вербовцѣ смѣлянскомъ, куда онъ передъ тѣмъ пришелъ на слободы изъ Луки подъ Межиричемъ. Родина же его была подъ Коростышевымъ въ с. Родовкѣ; оставилъ онъ ее еще съ отцемъ и матерью, промѣнявъ на с. Луки. Въ Вербовецъ, гдѣ зажилъ Безносенко, и явился Ремеза еще пока съ небольшимъ загономъ. Тамъ къ нему пристало нѣсколько вербовчанъ. Кромѣ самого Безносенка, это были по его сообщенію, Іовъ Савка, Трохимъ Куличка и Никита Гончаренко. Всѣхъ ихъ Ремеза заманилъ къ себѣ сообщеніемъ, что въ случаѣ неудачи въ Украинѣ имъ можно будетъ уйти въ гетманщину и тамъ поступить въ пикинеры, тѣмъ больше, что какъ разъ въ то время шелъ пикинерскій наборъ. Увеличивъ свой отрядъ, Ремеза долженъ былъ подумать о его вооруженіи, харчахъ и одеждѣ. Чтобы добыть все это, онъ рѣшилъ ограбить Вербовецъ, въ которомъ стоялъ. Когда же все необходимое было тамъ добыто, онъ двинулся на грабежи въ другихъ мѣстахъ. Тянулось это до тѣхъ поръ, пока въ селѣ Папужинцы (ум. у.) не наткнулся на уманскихъ надворныхъ козаковъ. Послѣдніе аттаковали ремезовскій загонъ, самого Ремезу убили и еще 20 его козаковъ также, остальные же гайдамаки поубѣгали, не стрѣлявши даже.

Кромѣ Безносенка, бѣжавшаго изъ-подъ Папужинцевъ заграницу и потомъ случайно пойманнаго уже въ пикинерскомъ званіи на скотокрадствѣ близъ Вербовца, интересенъ и другой

---

[1]) Кодн. кн. стр. 41, 5.

Библиотека "Руниверс"

участникъ загона Ремезы—музыкантъ-бандуристъ Василій Ворченко [1]). Ворченко этотъ, родомъ изъ Виногородки, прійдя въ Козацкую Долину, былъ тамъ забранъ Ремезой для увеселенія ватаги. Пришелъ онъ съ ватагой въ с. Водяница (звенигор. у., при притокѣ Тыкича, къ ЮЗ отъ Лисянки), оттуда въ с. Кобылячку и наконецъ въ с. Папужинцы, гдѣ, какъ уже сказано, ватага была разогнана, а Ремеза убитъ. И Безносенко, и Ворченко оба кодненской коммиссіей обезглавлены.

Ватажокъ загона *Яремія Лупула* [2]), являющійся въ Кодненской книгѣ съ званіемъ сотника, грабилъ со своимъ загономъ въ Уманщинѣ у кого попало, у пановъ и крестьянъ, вещи, скотъ, пасѣки. Громады разныхъ селъ, каждая въ отдѣльности, предъявили къ нему претензіи въ мѣстномъ уманскомъ урядѣ на сумму въ нѣсколько тысячъ рублей. Кодненской военно-судной коммиссіи пришлось имѣть у себя на судѣ, кромѣ самого Лупула, еще двухъ его ватажанъ—Василія Левченка и Михайла Тарана. Послѣднимъ выпали на долю приговоры, сравнительно довольно снисходительные—ихъ наказали 500 ударовъ розогъ у позорнаго столба, самого же Лупула кодненскіе судьи приговорили къ смертной казни; только онъ ея не дождался и умеръ въ тюрьмѣ раньше.

Ватажки разбойничьихъ загоновъ *Богунъ и Джурджа* [3]) выходили на грабежъ въ Украину изъ-за границы. Высылалъ ихъ туда будто бы поручикъ черно-гусарскаго полка Маріановичъ. Были они между прочимъ въ Лисянкѣ.

Переходимъ теперь къ загонамъ и ватажкамъ ихъ, дѣйствовавшимъ въ юго-западной части Кіевщины въ районѣ дѣятельности Неживого.

Начнемъ съ загона *Василія Шелеста*. О ватажкѣ этомъ въ кодненской книгѣ есть только отдѣльныя упоминанія въ су-

---

[1]) Кодн. кн. стр. 449.

[2]) Кодн. кн. стр. 475, 476 и 486.

[3]) Кодн. кн. стр. 8.

Библиотека "Руниверс"

дебныхъ отмѣткахъ [1]), но нѣтъ о немъ ни одного цѣльнаго документа. Мы не знаемъ поэтому даже численности его ватаги и тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ онъ перебывалъ. Въ отмѣткахъ о немъ извѣстный интересъ представляетъ то обстоятельство, что въ его ватагѣ попались люди „заграничные“; по крайней мѣрѣ изъ девяти гайдамакъ, судившихся за участіе въ грабежахъ вмѣстѣ съ нимъ, четыре—заграничныхъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ названы заднѣпрянскими. Затѣмъ, быть можетъ, важно и то, что изъ 9 извѣстныхъ намъ участниковъ въ дѣлахъ Шелеста 7 казнены смертною казнью, а одинъ шляхтичъ, Чоповскій, даже посаженъ на колъ; только двое отдѣлались розгами. Что до личностей этихъ девяти участниковъ, то изъ нихъ выдается, конечно, по своему происхожденію шляхтичъ Чоповскій, тотъ самый, что вмѣстѣ съ Неживымъ громилъ поляковъ въ Каневѣ, человѣкъ, очевидно, идейный и потому бывшій особенно ненавистнымъ польскому суду, который видѣлъ въ немъ опаснаго ренегата. Изъ двухъ избѣжавшихъ смертной казни одинъ Иванъ Хмаренко былъ портной изъ села Пшеничниковъ каневскихъ и былъ взятъ Шелестомъ въ ватагу для шитья одежи. По всей вѣроятности, этотъ Хмаренко работалъ у Шелеста до начала движенія 1768 г., когда Шелестъ вмѣстѣ съ Лускоиогомъ и Гнидой только что прибылъ изъ Запорожья и занимался заготовленіемъ оружія, одежды, обуви и пр. для гайдамакъ, сидя въ лѣсу Мотропинскаго монастыря [2]).

Существовалъ еще въ 1768 году загонъ ватажка *Василія Смьлянскаго* [3]). О ватажкѣ этомъ знаемъ, что двое изъ его загона, попавши на кодненскій судъ, были приговорены къ повѣшенію. Одинъ изъ этихъ двухъ бывшихъ на судѣ, Максимъ Швецъ, былъ запорожецъ. Что до численности ватаги Василія Смѣлянскаго, то она изъ среднихъ: въ судебной отмѣткѣ сказано, что въ ней было 50 человѣкъ. Но никакихъ нѣтъ указаній на то, гдѣ Василій Смѣлянскій дѣйствовалъ съ своей ватагой, если только не считать за указаніе самого прозвища его.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 481.

[2]) Кулишъ. Записки о юж. Руси, стр. 235, т. I.

[3]) Кодн. кн. стр. 485.

Библиотека "Руниверс"

Ватажокъ *Иванъ Таранъ*[1]) дѣйствовалъ съ очень ничтожнымъ загономъ въ предѣлахъ Чигиринщины. Подъ Лебединомъ онъ былъ во главѣ всего шести человѣкъ, судя по показанію одного изъ бывшихъ въ его загонѣ, Ивана Щербины, приговореннаго кодненскимъ судомъ къ смертной казни.

Загонъ ватажка *Шунбры*[2]) дѣйствовалъ въ Смѣлянщинѣ, гдѣ подъ селомъ Мліевымъ и былъ разбитъ корсунскими надворными козаками. Въ ватагѣ этой было человѣкъ сто. Представшій на судъ кодненской коммиссіи одинъ изъ гайдамакъ Шунбры, Мусій Цкурный, былъ запорожецъ. Судъ приговорилъ его къ повѣшенію.

Нѣсколько больше загоновъ, чѣмъ въ районѣ Неживого, встрѣчаемъ мы въ центральныхъ частяхъ Кіевщины, гдѣ главныя силы возставшихъ были руководимы Швачкой и Бондаренкомъ. Большая заселенность этихъ послѣднихъ мѣстностей и, главное, присутствіе въ нихъ большаго числа помѣщичьихъ обиталищъ — замковъ, палацовъ и пр.—все это естественно концентрировало здѣсь и силы загоновъ. Послѣдніе впрочемъ нерѣдко отсюда заходили и въ районъ Неживого, и въ районъ Желѣзняка—помѣхи въ этомъ не было...

Въ разгаръ крестьянскаго движенія, которымъ мы заняты, въ южной части нынѣшняго бердичевскаго уѣзда на самое короткое время проявился ватажокъ *Никита Москаль*[3]), загонъ котораго былъ не изъ людныхъ, но который тѣмъ не менѣе интересенъ по своимъ разговорамъ съ крестьянами, рѣзко подчеркивавшимъ соціальные мотивы всего движенія.

Никита Москаль этотъ, по имѣющимся у насъ даннымъ, затѣялъ напасть на село Малинки, принадлежавшее пану Крыжановскому и арендованное въ то время паномъ Грабовскимъ. По всей вѣроятности до Никиты долетѣлъ слухъ о томъ, что Грабовскій, почуявшій, какъ и другіе паны, бѣду неминучую, всячески старался укрыть свои вещи, что сундуки съ этими ве-

---

[1]) Ibid. 449.

[2]) Кодн. кн. стр. 486. Не ручаемся, что вѣрно передасмъ имя ватажка. Въ рукописи оно написано очень неразборчиво.

[3]) Кодн. кн., стр. 421–437, 589—591.

Библиотека "Руниверс"

щами онъ все желалъ спрятать въ православной церкви своего села, подобно тому, какъ это дѣлали другіе паны, прятавшіе свои вещи въ католическихъ костелахъ. Прослышалъ, вѣроятно, Никита и о томъ, что вся малинковская громада потребовала чтобы попъ ея, принявшій было уже въ церковь панскіе сундуки и чемоданы, на-отрѣзъ отказалъ пану Грабовскому въ подобномъ спрятѣ, на что попъ и долженъ былъ пойти, рѣшившись даже кинуть пану церковные ключи и отказавшись отъ дозора за церковью...

Никита не сразу накинулся на село; предварительно развѣдчикъ его выспросилъ о всемъ необходимомъ нѣкоторыхъ малинковскихъ крестьянъ, находившихся на работѣ за селомъ. Отъ одного косаря развѣдчикъ узналъ между прочимъ, что Грабовскій свезъ свои сундуки изъ церкви въ лѣсъ, далѣе, что въ селѣ есть жидъ—шинкарь Нохомка и что въ панскомъ домѣ осталась молоденькая племянница Грабовскаго.

Имѣя всѣ эти свѣдѣнія, Никита Москаль въѣхалъ съ загономъ своимъ въ Малинки, завладѣлъ тамъ панной и немедленно послалъ экономическія подводы въ лѣсъ за панскими сундуками. Малиновцы охотно привезли ему панское добро, и онъ немедленно сталъ имъ распоряжаться. Велѣлъ сейчасъ же поразбивать сундуки съ платьемъ мужскимъ и женскимъ, самъ одѣлся въ богатый кунтушъ и велѣлъ пышно нарядить панну, объявивъ, что намѣренъ съ нею повѣнчаться. Передъ вѣнчаніемъ однако панну попъ долженъ былъ еще окрестить въ православіе.

Помѣхи во всѣхъ этихъ затѣяхъ Никитѣ никто не оказывалъ. Грабовскаго въ селѣ не было, надворныхъ козаковъ у него не имѣлось. Что же до малинковской громады, то она далеко была отъ мысли видѣть въ Никитѣ врага. Она пришла къ нему въ панскій дворъ съ хлѣбомъ-солью и охотно приняла приглашеніе на торжественное вѣнчаніе Никиты съ панной и на пиръ послѣ вѣнчанія.

Но вѣнчанію предшествовало крещеніе панны, причемъ заодно съ ней Никита велѣлъ попу окрестить и ея старую тетку, которая была при ней. Обѣ пани сопротивлялись крещенію, но ихъ крѣпко держали: тетку держалъ Прокопъ Головко и ста-

Библиотека "Руниверс"

рая попадья, а панну—одинъ изъ гайдамакъ и молодая попадья. Въ совершеніи таинства крещенія при такихъ возмутительныхъ условіяхъ, равно какъ и въ совершеніи брака между Никитой и окрещенной панной не запирался потомъ самъ священникъ села Малинокъ, Григорій Пилиповичъ.

Послѣ вѣнчанія въ Малинкахъ всѣ пировали. Горилки панской и жидовской было добыто въ огромномъ количествѣ. Пили и всякія тонкія вина, оказавшіяся въ подвалахъ Грабовскаго; но изъ этихъ послѣднихъ не всѣ нравились малиновцамъ, и въ такомъ случаѣ бутылки разбивали и вино лили на землю; такая участь, напримѣръ, постигла большую бутыль „Larendogra".

Не обошелся пиръ и безъ рѣчей. Никита Москаль говорилъ малинковцамъ: „панщыны видбуваты бильшъ не будете, жыто и всякій хлибъ збирайте на свою корысть, сино косить тилько соби, кабанивъ панськихъ рижте и йижте". А Гаврило, сынъ Сивого, говорилъ одному изъ прислужниковъ Грабовскаго, козаку Мандзіошкѣ: „годи вамъ съ паномъ Грабовскимъ пановаты; маемо иншыхъ панивъ; панщыны робыть бильшъ не будемо".

Послѣ пира Никита Москаль велѣлъ запречь въ панскую коляску четверку коней и вмѣстѣ съ панной Грабовской, своей женой, уѣхалъ черезъ Погребище въ Саражинцы. Дворъ и здѣсь былъ оставленъ паномъ, и Никита думалъ уже тамъ расположиться на нѣкоторое время, но тутъ его постигла неудача: и его, и его гайдамакъ захватила саражинская громада подъ арестъ. Было дано знать погребищенскому губернатору Эліашу Шишковскому, и тотъ явился въ Саражинцы съ козаками своими и подмогой отъ капитана польскихъ войскъ, находившагося въ Бердичевѣ; кромѣ того, генералъ Фабуловъ (sic), стоявшій въ Лещинѣ, далъ ему совѣтъ гайдамакъ уничтожить. Шишковскій безъ труда овладѣлъ всѣмъ загономъ и его добычей, состоявшей изъ вещей Грабовскаго. Панна Грабовская также была вызволена изъ рукъ своего нахальнаго суженаго.

Арестованнаго Никиту и многихъ изъ малинковцевъ, бывшихъ ближайшими соучастниками его грабежа, отправили сперва въ Бердичевъ, но, не найдя тамъ подходящей власти для производства слѣдствія и суда, отвели его въ Тульчинъ, гдѣ стоялъ

Библиотека "Руниверс"

какой-то русскій генералъ. Предсталъ предъ нимъ Никита и во всемъ повинился. Генералъ выслушалъ все, посмотрѣлъ на ватажка и влѣпилъ ему три пощечины. На этомъ судъ долженъ былъ окончиться, но посланные Шишковскаго оставили Никиту подъ арестомъ. О дальнѣйшей судьбѣ Никиты свѣдѣній въ Кодненской книгѣ нѣтъ.

Женитьба Никиты Москаля на паннѣ Грабовской, ограбленіе помѣщика ради корысти — все это говоритъ за то, что мы имѣемъ дѣло съ проходимцемъ, пользовавшимся смутной порой для личныхъ цѣлей; но интересно, что и при такихъ цѣляхъ этотъ проходимецъ долженъ былъ предъ крестьянами прикрыться желаніемъ снести панщину и польскихъ пановъ. Своею проповѣдью противъ панщины онъ привлекъ малинковцевъ на свою сторону; вѣроятно, не меньшимъ успѣхомъ воспользовался бы онъ и въ Саражинцахъ, но тамъ, очевидно, у поляковъ была оборона сильнѣе, и саражинцы знали, что имъ не сдобровать самимъ, если они станутъ на сторону Москаля, разъ пріѣдетъ въ Саражинцы губернаторъ погребищенскій Шишковскій съ своими надворными козаками.

Ватажокъ *Савка Илыханенко* [1]) дѣйствовалъ съ своей ватагой въ сѣверо-западной части Бѣлоцерковщины. Такъ, онъ побывалъ въ селѣ Романовкѣ, Маломъ Половецкомъ и другихъ. Заходилъ онъ впрочемъ и въ восточную часть Бѣлоцерковщины; былъ, напримѣръ, въ с. Блощинцахъ, откуда даже имѣлъ намѣреніе напасть на Бѣлую Церковь. Имѣлъ онъ при себѣ, надо полагать, значительный загонъ, иначе о нападеніи на Бѣлую Церковь онъ и думать не могъ бы. Повсюду, гдѣ Илыханенко ни былъ, онъ избивалъ и пановъ, и жидовъ, даже собственноручно; добывалъ при этомъ и деньги. Интересно, что въ ватагѣ его попадались запорожцы. Какъ его ватажане на судѣ кодненской коммиссіи фигурировали Ѳедоръ Базарный, Левко Малый, Климъ Билый, Василь Прокопенко, Николай Чоповскій и Стефанъ Піотровскій. Изъ этихъ лицъ первые три — запорожцы.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 482 – 483 – 484.

Библиотека "Руниверс"

Званіе послѣднихъ двухъ—извѣстнаго уже намъ участника въ ватагѣ Неживого и въ загонѣ Шелеста шляхтича Чоповскаго, и товарища его шляхтича Піотровскаго—дѣлаетъ обоихъ ихъ интересными, разъ они входили въ составъ гайдамацкаго загона. Одинъ только Василь Прокопенко изъ Кіева былъ крестьянинъ. Въ такомъ подборѣ людей въ загонѣ Плыханенка военно-судная коммиссія не могла не усмотрѣть явно политическаго и соціальнаго характера и потому къ участникамъ ея отнеслась очень сурово. Наказанія, ею назначенныя въ данномъ случаѣ, были изъ ряду вонъ. Самъ Савка Плыханенко былъ колесованъ, Левко Малый четвертованъ, Климъ Билый тоже, Ѳедоръ Базарный и Василь Прокопенко повѣшены, Піотровскій обезглавленъ, судьба же Чоповскаго намъ уже извѣстна.

Почти одновременно дѣйствовали въ Бѣлоцерковщинѣ и загоны *Грицька Волка и Савечки.*

Грицько Волкъ [1]) ограбилъ село Погибляки и съ большой добычей съ сынами и женами ихъ скрывался въ лѣсу подъ Гутой Богуславской. Но о немъ донесли въ Богуславъ сотнику тамошнихъ надворныхъ козаковъ Шелесту, и этотъ послѣдній захватилъ его со всѣмъ его добромъ. Какъ только объ этомъ узналъ каменно-бродскій губернаторъ и намѣстникъ с. Боярки, немедленно потребовали они у Шелеста выдать имъ и самого Волка, и все имъ пограбленное—на томъ основаніи, что онъ ихъ подданный. Шелестъ изъявилъ готовность исполнить ихъ просьбу, но до поры до времени добыча Волка оставалась въ богуславскомъ замкѣ, такъ какъ увезти ее оттуда безъ конвоя боялись.

О Савечкѣ тоже извѣстно мало. Загонъ его, кажется, состоялъ все больше изъ козаковъ каневскихъ и явился онъ въ Бѣлоцерковщинѣ только случайно, провѣдавъ, что надворные богуславскіе козаки съ сотникомъ Шелестомъ ушли изъ Богуслава по призыву полковника Протасьева, дѣйствовавшаго, какъ извѣстно, противъ Неживого и Швачки. Савечка рѣшилъ, что въ отсутствіе Шелеста не трудно будетъ овладѣть добычей

---

[1]) Кодн. кн. стр. 177, 178.

Библиотека "Руниверс"

Грыцька Волка, оставленной въ богуславскомъ замкѣ, и дѣйствительно—онъ не ошибся въ разсчетахъ. Узнавъ объ ограбленіи Савечкой богуславскаго замка, Шелестъ взялъ у Протасьева нѣсколько десятковъ карабинеровъ и своихъ козаковъ и явился въ Богуславъ. Но въ Богуславѣ Савечки уже не было, и Шелестъ не рѣшился гнаться за нимъ въ виду разсказовъ о численности его загона. Двинулся за нимъ самъ Протасьевъ со всей своей командой и догналъ только у Мошенъ, гдѣ ватага была разбита и разсѣяна; многіе гайдамаки отосланы были при этомъ въ плѣнъ въ Переяславъ.

О ватажкѣ *Максимѣ* [1]) знаемъ изъ небольшой судебной отмѣтки, что онъ въ 1768 г. ходилъ „грабить полѣсье“. Въ его загонѣ былъ между прочимъ тотъ самый Стефанъ Піотровскій, шляхтичъ по званію, который участвовалъ и въ загонѣ Савка Плыханенка. Кромѣ Піотровскаго, изъ загона Максима фигурировалъ на кодненскомъ судѣ еще Василій Письмененко. Кодненская коммиссія и въ данномъ случаѣ, какъ въ дѣлѣ гайдамакъ Савка Плыханенко, не могла быть снисходительной, усматривая въ средѣ Максимовыхъ гайдамакъ польскаго ренегата и замѣчая чисто политическое настроеніе всего загона.

Ватажокъ *Бандурка* [2]) имѣлъ загонъ въ 300 гайдамакъ и дѣйствовалъ съ нимъ и въ Бѣлоцерковщинѣ, и въ с.-з. части теперешняго Черкасскаго уѣзда; дѣйствовалъ почти одновременно со всѣми выдающимися ватажками. Изъ кодненской книги мы узнаемъ о той жестокой расправѣ, которой подвергались гайдамаки этого загона послѣ того, какъ ихъ разбилъ подъ Валявой князь Баратовъ, состоявшій, какъ кажется, офицеромъ какого то сербскаго полка. По свидѣтельству богуславскаго писаря Градовскаго, князь Баратовъ, въ виду численности загона Бандурки, усилилъ свою команду присоединеніемъ къ ней надворныхъ козаковъ бѣлоцерковскихъ, рокитянскихъ и богуславскихъ. Съ такими силами онъ послѣ стычки захватилъ въ плѣнъ всѣхъ до

---

[1]) Кодн. кн. стр. 483.

[2]) Кодн. кн. стр. 180, 448.

Библиотека "Руниверс"

единого гайдамакъ Бандурки. Наказать ихъ онъ рѣшился примѣрно и потому велѣлъ выкопать яму, устроивъ въ ней импровизированную тюрьму. Пока несчастные тамъ сидѣли, съ окрестныхъ селъ велѣно было созвать крестьянъ обоего пола и благочестивыхъ поповъ. Когда явилось народу довольно много, тогда Баратовъ велѣлъ плѣннымъ гайдамакамъ выйти изъ ямы и стать по краямъ ея, а людямъ своей команды приказалъ стрѣлять въ нихъ. Конечно, и убитые, и раненные падали въ яму. Когда сверху никого изъ плѣнныхъ больше не было, князь Баратовъ велѣлъ своей командѣ засыпать яму и сравнять ее съ землей, хотя оттуда и неслись стоны недобитыхъ гайдамакъ. Отнятая у Бандурки добыча была распаевана между всѣми козаками и сербами, что были въ командѣ князя Баратова.

Ватажокъ *Степанъ Гловацкій* [1]) не былъ изъ числа ватажковъ идейныхъ. Загонъ его состоялъ изъ 11 душъ, и съ нимъ онъ рыскалъ взадъ и впередъ на довольно большомъ районѣ, грабя людей по дорогамъ, особенно при возвращеніи ихъ съ ярмарокъ. Такъ, онъ грабилъ крестьянъ у Шполы (звенигор. у.) и у Богуслава во время скотской ярмарки. Ни самъ Гловацкій, ни пять его соучастниковъ, попавшихъ на кодненскій судъ, сознаваясь въ грабежѣ, не сознавались ни въ какихъ убійствахъ. Тѣмъ не менѣе военно-судная коммиссія самого Гловацкаго приговорила четвертовать, а остальныхъ обезглавить. Не смотря на такую строгость приговора, все же надо полагать, что Гловацкій, подобно Романченку, Лупулу, Паралюшу и нѣкоторымъ другимъ, былъ не больше, какъ простой грабитель, пользовавшійся смутами 1768 года.

Ватажокъ *Яковъ Саченко* [2]) названъ въ судебной отмѣткѣ кодненской книги давнимъ гайдамакой. Онъ собралъ загонъ гайдамакъ и сказалъ имъ: „ходимъ у середыну Польщы до Билои церквы“. Достигъ ли онъ своей цѣли—не извѣстно, такъ какъ

[1]) Кодн. кн. стр. 530 и 540.

[2]) Кодн. кн. стр. 541.

Библиотека "Руниверс"

въ судебной отмѣткѣ ведется рѣчь только объ одномъ изъ участниковъ ватаги, заграничномъ крестьянинѣ Иванѣ Яновскомъ, который случайно заблудился въ лѣсу и отсталъ отъ загона въ самомъ началѣ предпріятія. Яновскій этотъ утверждалъ, что ни онъ, да и никто при немъ изъ загона Саченка не грабилъ и не убивалъ. Тѣмъ не менѣе кодненская коммиссія приговорила его обезглавить.

Конечно, въ кодненской книгѣ мы нашли поминаніе только о тѣхъ загонахъ, участники которыхъ были на кодненскомъ судѣ. Но кромѣ помянутыхъ здѣсь, существовало еще много другихъ. Такъ, мемуаристъ Липпоманъ [1]) упоминаетъ о загонахъ, дѣйствовавшихъ близъ Гранова, Теплина, Дашова, Тульчина, Монастырища, Гайсина, Конелы, Божувки, Жидычина, Лодыжина. У Липпомана же есть указаніе и на то, что кромѣ Желѣзняка, до Балты прошелъ съ своимъ загономъ сотникъ Шило.

Нельзя думать однако, что и при этой добавкѣ Липпомана исчерпывается число загоновъ, дѣйствовавшихъ въ Украинѣ въ періодъ коліивщины. Ихъ несомнѣнно было больше, и они проникали далеко на западъ и югъ отъ кіевщины, куда главныя силы гайдамакъ даже вовсе и не стремились.

Я. Шульгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Bunt hajdamaków na Ukrainie, стр. 39.

Библиотека "Руниверс"

Сынъ Гетмана.[1)]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА VIII.

ССОРА.

Въ большомъ роскошно убранномъ залѣ, въ замкѣ коронаго гетмана все было готово къ великолѣпному пиршеству. На огромномъ столѣ, расположенномъ покоемъ и покрытомъ тремя тонкими скатертями, разставленъ былъ дорогой золотой сервизъ персонъ на сто. Кромѣ большаго почетнаго стола, по угламъ были накрыты еще столы для мелкой шляхты и всякихъ приживальцевъ, ютившихся около богатаго пана. Множество бутылокъ иностранныхъ винъ, драгоцѣнные кувшины и кружки съ медомъ и пивомъ, замысловатыя печенья, высокія бабы въ видѣ башенъ,—все это красовалось на столѣ въ перемежку съ букетами цвѣтовъ, нарочно привезенныхъ въ Варшаву изъ панскихъ теплицъ. Въ концѣ зала помѣщался художественной работы массивный буфетъ изъ темнаго дуба съ полками, украшенными рѣзьбою и заставленными дорогою серебряною и золотою посудою и рѣдкимъ хрусталемъ.

Сановитый, почтенный дворецкій хлопоталъ за буфетомъ, вынимая огромныя блюда, едва поднимаемыя двумя служителями; крайчіе въ красивыхъ кунтушахъ, закинувъ длинные рукава за спину, стояли по трое съ каждой стороны стола. Слуги зажгли

[1)] См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 3.

Библиотека "Руниверс"

восковыя свѣчи въ большихъ массивныхъ канделябрахъ и чинно стали за стульями, а четверо изъ молодыхъ шляхтичей стали у дверей съ умываньемъ: двое держали большой золотой тазъ съ рукомойникомъ, а двое другихъ—прекрасныя тонкія полотенца, украшенныя искуснымъ шитьемъ. Окончивъ свою работу, дворецкій тоже вышелъ изъ-за буфета и далъ знакъ музыкантамъ, сидѣвшимъ на хорахъ надъ дверями. Трубачи грянули громкій маршъ, слуги отворили двери, и панъ коронный гетманъ, сопровождаемый своими гостями, вступилъ въ столовый залъ. Въ числѣ почетныхъ гостей было нѣсколько сенаторовъ, иностранныхъ пословъ, и самая отборная польская аристократія: князья Радзивиллы, Вишневецкіе, Корецкіе, Заславскіе, Любомирскіе, Тышкевичи, Замойскій, панъ Сапѣга, Потоцкій, Калиновскій, Жолкевскій, Ландскоронскій и много другихъ знатныхъ польскихъ магнатовъ. Съ каждымъ изъ этихъ гостей пришли ихъ приближенные и слуги, и дворецкому было не мало хлопотъ разсадить всѣхъ по мѣстамъ. Богданъ съ Тимошемъ пріютились за однимъ изъ боковыхъ столовъ въ обществѣ козацкихъ сотниковъ и полковниковъ. Нѣсколько шляхтичей, сѣвшихъ за тотъ же столъ, одинъ за другимъ перешли къ другому столу, не желая быть въ обществѣ козаковъ.

Кушанья смѣнялись одно за другимъ: за мясомъ слѣдовала рыба, за рыбою дичь; всего было много, все было дорогое, съ разными приправами на всякій вкусъ, хотя истому знатоку все это могло показаться и слишкомъ жирнымъ, и не особенно изящнымъ. Наконецъ, двѣ скатерти были сняты; поданы были сласти: пирожныя, сладкое печенье, конфекты. Остатки роскошнаго пира доѣдала многочисленная прислуга, какъ хозяйская, такъ и пріѣзжая. Съ винами паны могли управиться и одни, а челядь тутъ же въ залѣ, въ сторонѣ ѣла кое-какъ руками дарованныя ей лакомыя кушанья, вытирая тарелки рукавами богатыхъ кунтушей, обтирая свои сальныя руки о дорогую одежду.

Шумъ стоялъ невообразимый; прислуга ссорилась, дралась; дворецкій со своими помощниками едва успѣвалъ унимать безпорядки. Имъ не разъ приходилось заглядывать въ карманы

Библиотека "Руниверс"

слугъ въ поискахъ за дорогими чарками, ложками и другими мелкими, но цѣнными вещами.

А паны безпрерывно предлагали тосты; мѣняясь чарками, угощали другъ друга. Токайское лилось рѣкою и развязало языки. У Тимоша кружилась голова отъ всего этого шума. Отецъ угощался съ товарищами и порядкомъ захмелѣлъ; мальчику было не по себѣ: онъ всталъ и прокрался между прислугою къ широкому выходу дворца, широкими каменными ступенями спускавшемуся во дворъ.

На лѣстницѣ было тихо и пусто; слуги толклись или на верху, или въ людскихъ; швейцаръ дремалъ въ своей каморкѣ, помѣщавшейся у верхней площадки.

Тимошъ медленно спускался по ступенямъ, какъ вдругъ услышалъ за собою быстрые шаги. Его догонялъ мальчикъ, года на три старше его, высокій, стройный, съ бѣлокурыми вьющимися волосами и большими голубыми глазами, опушенными длинными рѣсницами; темныя брови и нѣжный матовый цвѣтъ лица придавали ему какое то особенное выраженіе, не то меланхолически капризное, не то недовольное, скучающее. Въ глазахъ мальчика Тимошъ прочелъ что-то непріятное, отталкивающее, а гордая рѣшительная походка и рѣзкія движенія имѣли что-то вызывающее, почти дерзкое. Тимошъ посторонился и пошелъ слѣдомъ за мальчикомъ. Тотъ вышелъ на дворъ и громко крикнулъ:

— Гей, Остапко! Коня!

Тимошъ облокотился о притолоку двери, съ любопытствомъ разсматривая незнакомаго паныча. Богатая одежда пажа дѣлала его станъ еще тоньше; на бархатномъ беретѣ красовалось дорогое страусовое перо, подхваченное брилліантовымъ аграфомъ. Подъ пытливымъ взоромъ Тимоша пажъ почувствовалъ себя съ минуту неловко, но тотчасъ же оправился, презрительно смѣрилъ его съ головы до ногъ и крикнулъ:

— Ну, что ты стоишь? Бѣги на кухню и позови этого плута Остапенка.

Тимошъ презрительно усмѣхнулся и заложилъ руки назадъ.

— Я тебѣ не хлопъ! проговорилъ онъ спокойно: ступай, ищи самъ своего Остапенка.

Библиотека "Руниверс"

Пажъ вспыхнулъ.

— Дерзкій! крикнулъ онъ. Какъ ты смѣешь ослушаться, когда я тебѣ говорю! Дѣду Константину нуженъ сейчасъ его конь; а дѣдъ не любитъ ждать!

— Мнѣ что за дѣло до твоего дѣда! флегматично отвѣчалъ Тимошъ.

— Какъ что за дѣло? горячился пажъ. Какъ ты смѣешь такъ говорить про дѣда? Мой дѣдъ князь Константинъ Вишневецкій! Славный князь Константинъ, онъ сажалъ царей на царство... Такъ говоритъ отецъ, а отецъ никогда не лжетъ.

— Отвяжись ты со своимъ дѣдомъ и отцемъ! сердито проговорилъ Тимошъ. Говорю, что я тебѣ не хлопъ! Поди самъ разыскивай своихъ коней!

Но этотъ отказъ совсѣмъ вывелъ изъ себя благородный отпрыскъ князей Вишневецкихъ:

— Презрѣнный хлопъ! закричалъ онъ: жаль, что здѣсь нѣтъ дяди Іереміи, онъ бы угостилъ тебя желѣзными прутьями; но я и самъ съ тобою справлюсь!

При этихъ словахъ онъ схватилъ Тимоша за воротникъ его суконнаго козакина съ очевиднымъ намѣреніемъ повалить на землю... Но случилось нѣчто совсѣмъ для пажа неожиданное. Маленькій приземистый мальчикъ оказался значительно ловчѣе и сильнѣе стройнаго князя; онъ, какъ ужъ, вывернулся изъ его рукъ; быстрымъ движеніемъ зацѣпилъ его „подъ ножку“ и, поваливъ его лицемъ на землю, сталъ осыпать довольно здоровыми ударами кулака. Пажъ завопилъ на весь дворъ:

— Спасите! спасите! разбой!

Изъ нижняго этажа дворца, гдѣ помѣщались кухни, повысунулись испуганныя лица слугъ, и черезъ нѣсколько минутъ десятки рукъ ужъ разнимали маленькихъ борцевъ.

— Кто такой? откуда? чей?—посыпались вопросы.

Двое конюховъ схватили Тимоша и потащили въ какой-то чуланъ.

— Кто ты? спрашивали его.

Но Тимошъ отъ волненія не могъ произнести ни слова и дико озирался. Молодого князя въ это время тщательно чистили, спрашивая:

Библиотека "Руниверс"

— Какъ это случилось? Кто этотъ дерзкій мальчишка, такъ отдѣлавшій вельможное княжа?

Князь Дмитрій плакалъ и отъ злости, и отъ волненія, и отъ боли, и отъ стыда. Его повели на верхъ и тотчасъ же доложили обо всемъ его отцу, князю Янушу, спускавшемуся въ эту минуту съ лѣстницы подъ руку съ очень старымъ, но еще бодрымъ отцемъ, княземъ Константиномъ.

— Сейчасъ мы разберемъ, въ чемъ дѣло! отвѣчалъ онъ сыну на его жалобу. Я только провожу дѣда.

Между тѣмъ слухъ о томъ, что какой то хлопецъ побилъ молодого князя Дмитрія, облетѣлъ гостей и мигомъ вышибъ хмель изъ головы Богдана.

— Гей, братику! ужъ не твой ли хлопецъ-то? Куда онъ дѣвался? подсмѣивались козаки.

— А вотъ я его тотчасъ поищу! торопливо проговорилъ Богданъ, стараясь протолкаться между вставшими гостями.

Онъ ни на минуту не сомнѣвался, что это былъ Тимошъ, и теперь вся задача заключалась въ томъ, какъ его выручить.

— Экъ бисовъ хлопецъ! ворчалъ онъ, пробираясь по двору: только одна шкода съ нимъ!

Онъ безъ труда узналъ, куда дѣвали Тимоша, и пробираясь по полуосвѣщеннымъ закоулкамъ къ чулану, гдѣ стоялъ на стражѣ одинъ изъ конюховъ, Богданъ торопливо сунулъ руку за пазуху, гдѣ и нащупалъ кошелекъ.

— Пане конюшій! обратился онъ къ рослому дѣтинѣ литвину: нельзя ли выпустить хлопца, то мой сынъ!

— Не можно, панъ сотникъ! никакъ не можно! Было бы сыну пана сотника не тягаться съ князьями.

— Ахъ, добрѣйшій панъ конюшій! Я и самъ знаю, что онъ, лихо его возьми, не добре сдѣлалъ; да може панъ конюшій самъ отецъ; каково было бы пану конюшему, если бъ его сынъ тамъ сидѣлъ!

Конюхъ почесалъ за ухомъ. У него, дѣйствительно, были дѣти, и даже много; онъ живо вспомнилъ, какую встряску задали недавно его младшему сыну за то, что онъ въ дурную минуту подвернулся подъ ноги молодому пану Александру.

Библиотека "Руниверс"

— Такъ ужъ панъ конюшій не будетъ строгъ! съ низкимъ поклономъ проговорилъ Богданъ. А золотые у насъ найдутся.

— Хорошо вамъ говорить, а вотъ придутъ сейчасъ за хлопцемъ, откуда я его возьму.

— Панъ конюшій будетъ стоять у дверей, какъ ни въ чемъ не бывало,—съ заискивающею улыбкою проговорилъ Богданъ,—и скажетъ князьямъ, что хлопца, вѣрно, вѣдьмы съѣли.

Литвинъ съ минуту нерѣшительно смотрѣлъ то на протянутые золотые, то на дверь чулана, наконецъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Ну, добре! У меня, вѣдь, тоже дѣти; а этому князьку такъ и надо,—очень ужъ онъ задоренъ. Сынокъ пана сотника храбрый хлопецъ. Берите его, панъ сотникъ, да утекайте поскорѣе; кони козацкіе стоятъ вонъ тамъ въ углу двора.

— Я знаю! кивнулъ Богданъ, торопливо отворяя дверь чулана.

— Татко! крикнулъ было Тимошъ.

— Я тебѣ дамъ татка! Какихъ бѣдъ опять натворилъ! сердито погрозилъ Богданъ.

Дальними корридорами провелъ его на задній дворъ, быстро осѣдлалъ коня, посадилъ мальчика на сѣдло вмѣстѣ съ собою и поскакалъ изъ замка.

Когда хватились виновника всей тревоги и накинулись на литвина, онъ съ самымъ неподражаемымъ удивленіемъ говорилъ, что не сходилъ съ мѣста и не отворялъ чулана. Паны разводили руками, а козаки посмѣивались между собою, говоря, по секрету, что сотникъ Богданъ прехитрый козакъ.

Богданъ поскакалъ къ корчмѣ, гдѣ остановились помилованные козаки. Не смотря на очень поздній часъ, старый корчмарь нисколько не удивился посѣтителямъ и съ низкими поклонами проводилъ ихъ въ коморку къ спящимъ козакамъ. Сотникъ едва ихъ добудился. Наконецъ Павлюкъ очнулся, лѣниво протеръ глаза и съ удивленіемъ увидѣлъ нежданныхъ гостей.

— Выручайте, товарищи! тревожно проговорилъ Богданъ: мой хлопецъ опять начудилъ.

— Эге! протянулъ Ганжа, поднимаясь и усаживаясь на соломѣ. Такъ я и думалъ!

Библиотека "Руниверс"

— Что же онъ сдѣлалъ? спросилъ Павлюкъ.

— Правду сказать, я и самъ у него не допытался,—отвѣтилъ Богданъ—пусть ужъ самъ покается. Говори, сынку!

Тимошъ взволнованнымъ голосомъ передалъ свое приключеніе съ княземъ Дмитріемъ, по временамъ исподлобья поглядывая то на отца, то на Павлюка, то на Ганжу.

Всѣ трое хмурились и сурово смотрѣли на провинившагося; но онъ своимъ дѣтскимъ чутьемъ ясно понималъ, что старые козаки въ душѣ его одобряютъ. Наконецъ Ганжа не вытерпѣлъ:

— Итакъ таки ты его и побилъ? весело спросилъ онъ. Добре, сынку! ей-ей, добре. Мы не хлопы! То намъ не звычай, щобъ насъ якъ скотыну били! Ей-ей, Богданко, славный у тебя хлопецъ! Лыцарь будетъ, въ обиду себя не дастъ!

— Лыцарь-то, лыцарь! со вздохомъ сказалъ Богданъ; а вотъ что я теперь съ этимъ лыцаремъ дѣлать буду? куда я съ нимъ дѣнусь? Князья Вишневецкіе тоже обиды не спустятъ. Оставить у себя мнѣ хлопца никакъ не можно; надо его хоть на первое время куда-нибудь спрятать.

Павлюкъ въ раздумьѣ гладилъ усы.

— Видишь ли, панъ сотникъ! отвѣчалъ онъ Богдану. Долго я здѣсь не усижу; я ужъ сегодня разузналъ кое-что; говорятъ, что крымскій ханъ проситъ помощи у ляховъ противъ буджаковъ; наши сильно поговариваютъ объ этомъ. Мнѣ это на руку, я готовъ хоть чейчасъ въ походъ двинуться, и охотниковъ идти со мною не мало найдется. Хлопца твоего я съ радостью возьму: пусть привыкаетъ!

Богданъ задумался.

— Боюсь я, что онъ совсѣмъ отъ рукъ отобьется; одичаетъ, пожалуй, да пора бы его и за книгу засадить!

— Ге, братику! вставилъ Ганжа: наука не конь, въ степь не убѣжитъ! Годикъ, другой порыскаетъ съ запорожцами, а тамъ и въ бурсу его засадишь.

— Да, вѣдь, теперь дѣло къ зимѣ идетъ,—возразилъ Богданъ.

— Вотъ въ томъ то и штука; объ этомъ то я и думаю, что походъ только въ будущемъ году состоится,—замѣтилъ Павлюкъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, а пока что, дидъ Ганжа хлопца спрячетъ,—весело проговорилъ старой козакъ, и, хлопнувъ себя по лбу, прибавилъ:—ишь, вѣдь, старая голова, чтобы сразу то вспомнить!... Смольчугъ! Эй Смольчугъ! тормошилъ онъ спящаго козака, мирно храпѣвшаго во все время разговора.—Да проснись же ты, сонный мѣшокъ!

Смольчугъ, наконецъ, открылъ глаза, а Ганжа, схвативъ его за воротъ, силою посадилъ.

— Чего тебѣ? съ неудовольствіемъ спросилъ Смольчугъ. Ганжа совсѣмъ осерчалъ.

— Чего? Я его, бисового сына, цѣлый часъ бужу, а онъ спрашиваетъ „чего“! Кабы не треба тебя было, я бы съ тобою не возился!

Смольчугъ съ изумленіемъ вытаращилъ на него глаза.

— Слушай толкомъ! продолжалъ Ганжа. Вотъ, надо хлопца спрятать! Вези его къ своей теткѣ: она козачка добрая, а живетъ тамъ, что и самъ бѣсъ ее не розыщетъ.

— Кто его тетка? спросилъ Богданъ.

— Тетка его, видишь ли ты, козачка, сестра его матери, значитъ и мать была козачка, а отецъ его былъ родомъ шляхтичъ. Богатые паны все имѣніе его оттягали; онъ и пошелъ на Сѣчь, къ запорожцамъ. Жена то его тогда ужъ померла, а сынишку то онъ съ собою взялъ... Маленькій такой былъ, куда меньше Тимоша. Отецъ его, даромъ что шляхтичъ, а козакъ былъ добрый. Неразъ мы противъ невѣрныхъ съ нимъ вмѣстѣ ходили, да вдругъ какъ то шальная пуля его хватила. Такъ хлопецъ и остался у меня на рукахъ: никого у него на свѣтѣ нѣтъ, кромѣ меня, да тетки, старой козачки.

Смольчугъ, печально поникнувъ головою, слушалъ разсказъ дида и, когда тотъ кончилъ, спросилъ его:

— Такъ ты думаешь отвезти хлопца къ теткѣ Оксанѣ? Скучно ему тамъ будетъ.

— Поскучаетъ, отвѣчалъ Ганжа: все лучше, чѣмъ къ панамъ на зубокъ попасться.

Богданъ вздохнулъ и поднялся съ мѣста.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, прощай, сынку! Слушайся пановъ атамановъ да не дури больше, а то не сносить тебѣ головы: больно ужъ ты боекъ.

Тимошу вдругъ стало грустно. Когда отецъ его обнялъ, у него на глазахъ показались слезы, и онъ долго держалъ отца своими сжатыми руками.

— Ну, полно, полно! уговаривалъ его Богданъ: вѣдь не на вѣкъ разстаемся. Я къ тебѣ навѣдаюсь.

ГЛАВА IX.

НА БУДЖАКОВЪ.

Широкая, необозримая степь колыхалась цѣлымъ моремъ высокой травы, переливавшейся всевозможными цвѣтами: и бѣлымъ, и малиновымъ, и желтымъ, и лазурнымъ, и яркопунцовымъ, и всѣми оттѣнками зеленаго. Все было въ цвѣту, все благоухало, все жило, стрекотало подъ ласкающими лучами яркаго солнца, вступавшаго во всѣ свои права послѣ пасмурной, дождливой весны. Трава выбивалась даже и тамъ, гдѣ тянулся лентою длинный шляхъ, превратившійся уже въ сѣроватую полупесчанную, полуглинистую пыль. И изъ безплодной груди этого могучаго шляха, уже нѣсколько столѣтій выносившаго бремя людскихъ и конскихъ ногъ, пробивалась жизнь, широкою волною разлитая кругомъ.

По этому шляху медленно двигался довольно большой конный отрядъ татаръ и козаковъ. Впереди отряда ѣхали наши старые знакомые, Павлюкъ и Ганжа, а за ними слѣдовали двое татарскихъ начальниковъ съ Тимошемъ.

Больше года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Тимошъ за свою ссору съ княземъ Дмитріемъ долженъ былъ удалиться въ изгнаніе къ старой козачкѣ. Онъ прожилъ у нея нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ ѣздилъ съ Павлюкомъ и Ганжею въ Сѣчь скликать удальцевъ въ помощь крымскому хану противъ Буджаковъ. Теперь они уже съ мѣсяцъ воевали съ ловкимъ изворотливымъ врагомъ, то преслѣдуя его въ степи, то нападая на легкихъ козацкихъ

Библиотека "Руниверс"

чайкахъ и турецкихъ галерахъ на прибрежныя селенія. Наконецъ главная буджакская орда ускользнула отъ нихъ въ степь, гдѣ и пропала въ высокой травѣ, и они уже нѣсколько дней ѣздили взадъ и впередъ, отыскивая хоть какого нибудь слѣда.

Было далеко за полдень. Выносливые татарскіе бакематы съ косматою гривою и толстыми неуклюжими ногами—и тѣ притомились.

— Что, вояка, усталъ? спросилъ одинъ изъ татаръ Тимоша.

Тимошъ, дѣйствительно, клевалъ носомъ на мѣрно покачивавшемся сѣдлѣ, тяжелѣвшія вѣки его не слушались; въ предыдущую ночь почти не пришлось спать, такъ какъ въ путь пустились еще до разсвѣта. Козаки разсчитывали легче найти слѣдъ на неуспѣвшей еще подняться отъ утренней росы травѣ. Имъ достаточно было наткнуться на одинъ отрядъ орды и по направленію, проложенному этимъ отрядомъ, они догадались бы о движеніи всего непріятельскаго войска; мелкіе буджакскіе отряды человѣкъ по двѣнадцати двигались всегда по направленію къ центру, описывая круги и полукруги въ высокой травѣ, стараясь такимъ образомъ спутать слѣдъ. Они двигались ночью передъ разсвѣтомъ, и черезъ нѣсколько часовъ утренняя роса освѣжала притоптанную траву, головки цвѣтовъ снова поднимались, пестрое море ихъ снова волновалось, какъ ни въ чемъ не бывало, скрывая слѣдъ исчезнувшихъ хищниковъ.

Все это грезилось теперь Тимошу, дремавшему въ сѣдлѣ; ему казалось, что онъ видитъ въ пестрой травѣ мелькающія головы враговъ, слышитъ свистъ ихъ ногаекъ и рѣзкіе крики: „алла!“ Вопросъ татарина разбудилъ его; онъ поправился въ сѣдлѣ и отвѣчалъ съ улыбкою:

— Да, Ага Мехметъ, отдохнуть и выспаться хорошо бы!

Татаринъ говорилъ съ нимъ по татарски,—Тимошъ уже все понималъ, но отвѣчалъ еще по-малорусски.

— Пожалуй, пора и на отдыхъ! согласился татаринъ. Что ты на это скажешь, другъ Баюнъ?

— Что-жъ отдыхать, такъ отдыхать! рѣшилъ Павлюкъ. Тутъ должна быть рѣчка вблизи. Видишь, рѣчныя чайки кружатся.

Выслали въ обѣ стороны развѣдчиковъ, и черезъ полчаса

Библиотека "Руниверс"

одинъ изъ нихъ сломя голову скакалъ назадъ. Это былъ молодой статный козакъ съ открытымъ загорѣлымъ лицемъ и съ живымъ проницательнымъ взглядомъ.

— Батько! крикнулъ онъ, подскакавъ къ Павлюку: слѣдъ нашелъ.

— Гдѣ?

— Тамъ у самой рѣчки; они въ бродъ перебирались; подъ водой слѣды видны, да и трава не успѣла еще подняться,—далеко уйти не могли.

Какъ электрическая искра, облетѣло и татаръ, и козаковъ давно желанное извѣстіе. Всѣ забыли усталость, всѣ пріободрились и, разбившись на нѣсколько отрядовъ, поскакали въ направленіи, указанномъ счастливымъ развѣдчикомъ. Подъѣхалъ къ рѣкѣ, они, дѣйствительно, убѣдились, что не задолго здѣсь были татары. Слѣды широкихъ лошадиныхъ копытъ ясно были видны и на берегу, и на мягкомъ пескѣ подъ водою, а на другомъ берегу трава была значительно примята. Начальники съѣхались и устроили военный совѣтъ. Павлюкъ предлагалъ тотчасъ же броситься за непріятелемъ, застигнуть отрядъ врасплохъ, захватить его и заставить показать путь. Болѣе осторожные татары возражали, что пойманные плѣнники могутъ, напротивъ, отвести въ противоположную сторону, да и сами могутъ легко потерять слѣдъ; гораздо благоразумнѣе послать впередъ развѣдчиковъ и застать всю орду врасплохъ, такъ какъ она, навѣрно, гдѣ нибудь въ лощинѣ кормитъ лошадей и отдыхаетъ послѣ продолжительнаго перехода.

— Ну, будь по вашему! согласился Павлюкъ. Только двигаться надо осторожно, чтобы они опять не прыснули куда нибудь въ сторону.

— Если мы побьемъ эту орду, замѣтилъ Ага-Махеметъ, мы можемъ вернуться въ свои улусы.

Все войско осторожно, въ строгомъ порядкѣ и полнѣйшемъ молчаніи двигалось за развѣдчиками. И сзади, и съ боковъ ѣхали сторожевые козаки, чутко прислушивавшіеся къ малѣйшему шуму, зорко присматривавшіеся къ малѣйшей точкѣ, чернѣвшейся на горизонтѣ.

Библиотека "Руниверс"

Степь то стлалась ровной скатертью, то прерывалась рядами невысокихъ холмовъ; съ нихъ сбѣгали степныя рѣчки и образовывали балки, лощины, котловины.

Войско подъѣзжало къ одной изъ такихъ лощинъ. Тимошъ ѣхалъ сбоку и тоже съ напряженіемъ вглядывался въ окрестности. Вдругъ ему показалось, что за однимъ изъ бугорковъ, опускавшихся въ лощину, что то мелькнуло. Могла быть и птица; но для птицы движеніе было недостаточно плавное... Тимошъ шепотомъ передалъ свое впечатлѣніе Ганжѣ. Прикрываясь рукою отъ солнца, старый козакъ взглянулъ въ указанномъ направленіи, и его привычный глазъ ясно увидалъ шагахъ во ста змѣйку, извивавшуюся, исчезавшую и опять появлявшуюся все дальше и дальше по направленію къ лощинѣ.

— Ишь, лихо его возьми, какъ улепетываетъ! со смѣхомъ сказалъ Ганжа, показывая на чернѣвшее пятно Павлюку и Агѣ-Махмету. Молодецъ Тимошъ! теперь мы на слѣду; изъ этой лощины имъ некуда дѣться, теперь они пойманы, какъ звѣрекъ въ клѣткѣ.

— Ну, товарищи! теперь ужъ не дремать! Надо ихъ окружить, зайти и по ту сторону лощины, чтобы они не ускользнули отъ насъ.

— Веди, атаманъ! сказалъ Ага-Махметъ.

Онъ вполнѣ довѣрялъ военному искусству Павлюка, не разъ показавшаго себя опытнымъ вождемъ въ битвахъ.

Тимошу стало немножко страшно; онъ зналъ, что эта битва рѣшительная: обѣ стороны будутъ биться не на животъ, а на смерть, и боялся не столько за себя, сколько за своихъ друзей. Впрочемъ, онъ представлялъ себѣ и то, что его могутъ взять въ плѣнъ, и ему невольно вспоминались несчастныя жены и дѣти буджаковъ; ихъ брали при нападеніи въ плѣнъ, какъ скотъ, сваливали связанныхъ на телѣги или на чайки и галеры и везли въ Крымъ, гдѣ дѣлили ихъ между собою, какъ военную добычу.

— Нѣтъ, живымъ не дамся! думалъ онъ и крѣпко сжималъ рукоять сабли.

— Дидусю! спрашивалъ онъ Ганжу: вѣдь, не гоже татарамъ живымъ въ руки даться?

Библиотека "Руниверс"

— Не гоже, сынку! не гоже!—отвѣчалъ Ганжа серьезно. Да только они, эти буджаки, ляхъ ихъ возьми, съ арканомъ ѣздятъ. Пока ты соберешься саблей себя по горлу полоснуть, а онъ ужъ и скрутилъ тебя и къ сѣдлу приторочилъ.

— Ой, какъ страшно, дидуню!

— Ну, Богъ дастъ, мы ихъ раньше скрутимъ! весело отвѣтилъ дѣдъ, пришпоривая коня.

Теперь имъ скрываться было нечего. Летучіе татарскіе отряды съ дикимъ гикомъ описывали длинную дугу вокругъ лощины. Козаки же мчались прямо къ ея входу.

Буджаки оказались въ самомъ невыгодномъ положеніи: быстрота натиска помѣшала имъ приготовиться къ бою. Кони ихъ метались, какъ бѣшеные; всадники топтали своихъ, спѣша къ выходу изъ лощины; но выходъ съ обѣихъ сторонъ былъ отрѣзанъ, и небольшія кучки храбрецовъ столпились кое-гдѣ вмѣстѣ, рѣшивъ дорого продать свою жизнь и свободу. Козаки нѣсколько разъ старались смять эти безпорядочные отряды; но каждый разъ были принуждаемы къ отступленію подъ тучами буджакскихъ стрѣлъ; имъ мѣшало и солнце, слѣпившее имъ глаза своими лучами, тогда какъ аттакованные могли свободно выбирать цѣль для своихъ стрѣлъ: солнце у нихъ было въ тылу. Орда была человѣкъ въ тысячу, если не больше, и сломить ее было не легко; она состояла изъ записныхъ бойцовъ-богатырей, искусившихся во всякихъ военныхъ хитростяхъ. Передовые наѣздники ея, богатыри, искусно заманивали козаковъ въ лощину, какъ бы убѣгая отъ нихъ, и вдругъ на всемъ скаку прицѣливались въ нихъ черезъ лѣвое плечо, пуская тучи стрѣлъ. Нѣкоторые изъ нихъ вступали въ единоборство съ врагомъ и, схватываясь съ нимъ руками, старались или выбросить его изъ сѣдла, или задушить его. Козаки уже болѣе часу бились съ врагомъ и не могли сломить его. Вдругъ съ противоположнаго конца лощины показался татарскій отрядъ. Крутизна спуска заставила ихъ быстро спѣшиться, и проворно, какъ кошки, спустились они, цѣпляясь за траву и мелкій кустарникъ. Ихъ было только нѣсколько сотенъ; но дружный ихъ натискъ рѣшилъ дѣло. Кривыя сабли заблестѣли въ воздухѣ, свистъ и лязгъ ихъ смѣшался съ

Библиотека "Руниверс"

криками и стонами; задніе ряды буджаковъ дрогнули, бросились въ противоположную сторону и смяли богатырей, дававшихъ отпоръ козакамъ. Козаки воспользовались смятеніемъ: плотной толпой проникши въ лощину, окружили тамъ врага и схватились съ нимъ въ рукопашную. Тимоша увлекло общее теченіе, и онъ вмѣстѣ съ другими рубилъ направо и налѣво, какъ вдругъ почувствовалъ, что зашатался въ сѣдлѣ; въ глазахъ у него потемнѣло: ему показалось, что онъ умираетъ.

— Татко, дидусю! крикнулъ онъ: прощайте! и упалъ съ лошади.

Схватка не длилась и получаса. Буджаковъ болѣе половины перебили, остальныхъ взяли въ плѣнъ и, согнавъ въ кучу, какъ стадо барановъ, перевязали ихъ ремнями и оставили подъ стражею нѣсколькихъ козаковъ.

— Славно поработали, братцы! сказалъ Ганжа козацкимъ старшинамъ. Мой птенчикъ тоже оперяется; я видѣлъ, какъ онъ рубилъ буджаковъ.... Да гдѣ же онъ? Тимошъ! Гей, Тимошъ! откликнись!

Но Тимошу трудно было откликнуться: онъ блѣдный, распростертый лежалъ безъ чувствъ немного въ сторонѣ отъ мѣста главной схватки, гдѣ лежала цѣлая груда убитыхъ и раненыхъ.

— Не видалъ ли кто хлопца? съ безпокойствомъ спрашивалъ Ганжа, внимательно осматривая поле битвы.

Смольчугъ тоже искалъ Тимоша и наконецъ наткнулся на него.

— Вотъ онъ! крикнулъ молодой козакъ: никакъ мертвъ!

Ганжа поспѣшно подошелъ къ лежавшему Тимошу, и слезы потекли по его длиннымъ сѣдымъ усамъ, когда онъ приподнялъ съ земли блѣдное, помертвѣлое лице мальчика.

— Сынку, мой сынку! проговорилъ онъ: неужели я не спасу тебя?

Смольчугъ между тѣмъ внимательно осматривалъ рану: одна стрѣла скользнула по лѣвому боку и задѣла мальчика глубокою царапиною, а другая засѣла въ плечѣ, хотя и не особенно глубоко.

Библиотека "Руниверс"

— Живъ будетъ! проговорилъ радостно Смольчугъ, насыпая на руку немного пороху изъ пороховницы и смѣшивая его съ слюною.

— Давай-ка, дѣдъ, раздѣнемъ его и обвяжемъ его раны!

Намазавъ обѣ раны смоченнымъ порохомъ, они перевязали ихъ лоскутомъ, оторваннымъ отъ рубахи и бережно уложили мальчика на одну изъ повозокъ, прикрывъ его бурками. Оба они остались сидѣть подлѣ него, примачивая ему виски водой и ожидая, когда онъ придетъ въ чувство. Онъ, дѣйствительно, скоро очнулся, попросилъ пить и чувствовалъ себя довольно хорошо; но къ ночи у него сдѣлалась лихорадка и бредъ. Старый Ганжа совсѣмъ растерялся: онъ любилъ мальчика, какъ роднаго сына, и отъ одной мысли потерять его самого старика бросало въ дрожь. Павлюкъ тоже часто навѣщалъ больнаго; онъ привелъ татарина, слывшаго за колдуна и умѣвшаго заговаривать раны. Тотъ пошепталъ что-то, осмотрѣлъ раны и сказалъ:

— Если черезъ четыре дня не умретъ, то выздоровѣетъ.

— Бисовъ сынъ! вспылилъ Ганжа. Я и самъ знаю, что если не умретъ, такъ живъ будетъ! А ты скажи, какъ лѣчить.

Татаринъ показалъ на маленькую красноватую припухлость около раны.

— Вотъ тутъ болѣзнь сидитъ! проговорилъ онъ. Не умѣли стрѣлу вынуть... повернули!

Онъ набралъ какихъ-то травъ, поварилъ ихъ въ котелкѣ и напоилъ больнаго. Ганжа тоже попробовалъ этого зелья и сплюнулъ:

— Ты мнѣ его, пожалуй, еще отравишь?

Питье было горькое-прегорькое.

— Зачѣмъ отравлять! возразилъ татаринъ: не перваго лѣчить, живъ будетъ!

Онъ промылъ ранку, приложилъ къ ней тоже какихъ то травъ и ловко перевязалъ раны тряпкою. На третьи сутки Тимошу стало очень худо. Онъ цѣлый день бредилъ, метался въ жару, звалъ отца, кричалъ, что его рѣжутъ, а къ вечеру впалъ въ забытье и лежалъ неподвижно, какъ мертвый. Лѣкарь-татаринъ утѣшалъ, что это ничего, что бываетъ еще хуже. Ганжа и самъ не разъ ухаживалъ за тяжело ранеными; но никогда

Библиотека "Руниверс"

сердце его такъ болѣзненно не ныло и не сжималось, какъ при видѣ этого мальчика, безпомощно метавшагося на возу.

На слѣдующій день рѣшено было выступить въ обратный путь, хотя Ганжа и умаливалъ начальниковъ подождать хоть еще день.

— Не можно! отвѣчали ему. И то долго тутъ сидимъ. Пора и до дому!

Къ ночи Тимошу стало какъ будто легче, а подъ утро онъ спокойно уснулъ и проспалъ долго: не слышалъ, какъ запрягли повозку, какъ тронулись въ путь и медленно стали подвигаться по дорогѣ къ границамъ Украины.

Небольшой отрядъ былъ посланъ на югъ за чайками, стоявшими у морскаго берега. Чайки эти Павлюкъ приказалъ отвести на Сѣчь, а самъ, распростившись съ татарами, миновалъ Сѣчь и пороги, повернулъ къ западу въ Черкасы. Никто не зналъ намѣреній атамана. На встрѣчу имъ неслись тревожные слухи, что ляхи забрали козацкую армату, что козакамъ совсѣмъ нѣтъ житья отъ пановъ,—даже реестровые бунтуютъ, такъ какъ имъ не платятъ жалованья; жиды все забрали въ свои руки и всячески издѣваются надъ православными. Павлюкъ только грозно сдвигалъ брови и, сжимая кулаки, говорилъ:

— Не бывать тому! не отдадимъ своей родины на поруганіе!

Тимошъ поправлялся медленно, онъ очень ослабъ отъ потери крови и лихорадки, а потому сильно утомлялся большими переходами, совершаемыми въ жаръ по пыльной дорогѣ, гдѣ къ вечеру появлялись миріады мелкихъ мошекъ, всю ночь не дававшихъ покою даже здоровымъ, не только что больному; днемъ кружились въ воздухѣ надоѣдливыя степныя мухи, а подъ одежду забирались всякія насѣкомыя; отъ нихъ ничѣмъ нельзя было спастись. Тѣмъ не менѣе молодость и здоровый степной воздухъ дѣлали свое: мальчикъ крѣпчалъ и, когда они переѣхали границу Украины, онъ могъ уже садиться на коня, хотя скоро уставалъ и не переносилъ еще быстрой ѣзды. Его опять отправили на время къ теткѣ Оксанѣ; козаки же пошли прямо на Черкасы.

Библиотека "Руниверс"

Въ маленькомъ спокойномъ хуторкѣ старушки козачки, Тимошу все было знакомо; онъ вернулся какъ домой. Старый котъ встрѣтилъ его какъ давнишняго знакомаго, терся у его ногъ, выгибая спину и важно помахивая хвостомъ; собака Сирко дружелюбно залаяла на цѣпи и съ веселымъ подвизгиваньемъ скребла землю лапами; а телка, превратившаяся въ молодую коровку, выгибая бока и откинувъ хвостъ, скакала около него въ ожиданіи подачки; мальчику казалось, что и пчелы жужжали привѣтливѣе, когда онъ заглянулъ въ пасѣку. А сама добрая веселая тетка Оксана пустилась притопывать гопака на радостяхъ, что хлопецъ опять къ ней вернулся. Здоровый Тимошъ скучалъ въ этомъ скромномъ уголкѣ, пріютившемся въ ущельи; но теперь, больному, ему пріятно было отдохнуть въ тѣни зеленыхъ черешенъ и тополей, по цѣлымъ часамъ слушая разсказы о былыхъ козацкихъ богатыряхъ и ихъ подвигахъ.

Такъ прошло три мѣсяца. Тимошъ со дня на день ожидалъ пріѣзда отца; но важныя дѣла задерживали Богдана, разъѣзжавшаго то въ Кіевъ, то въ Варшаву и только время отъ времени присылавшаго о себѣ вѣсточку съ какимъ нибудь проѣзжимъ козакомъ. Было начало октября. Деревья ужъ пожелтѣли; въ воздухѣ пахло сыростью, и густые утренніе туманы на нѣсколько часовъ совсѣмъ окутывали хуторъ. Тимошъ совсѣмъ поправился, поздоровѣлъ и сильно выросъ. Онъ сидѣлъ на порогѣ хаты, занимаясь починкою удочки, и располагая этотъ день ловить рыбу въ сосѣднемъ озеркѣ, изобиловавшемъ коропами, плотичками, окунями... Какъ вдругъ на поворотѣ изъ-за сосѣдней горы показался всадникъ. Острое зрѣніе Тимоша тотчасъ различило знакомыя черты; съ крикомъ: „татко, татко пріѣхалъ“, онъ бросилъ удочку и черезъ минуту цѣплялся уже за стремя отца, карабкаясь, какъ кошка, къ нему на лошадь.

— Тише, тише! смѣялся отецъ, поднимая его на сѣдло. Ишь, какой большой выросъ. Тетка Оксана выкормила тебя на славу. Что, попробовалъ татарскихъ гостинцевъ? Ничего братъ! въ жизни и не то доведется видѣть!—Съ гордостью истаго козака, онъ откинулъ назадъ подросшіе у сына волосы, осмотрѣлъ его съ головы до ногъ, поцѣловалъ и, спуская на землю, прибавилъ:

Библиотека "Руниверс"

— Добре! Вижу, что ты обстрѣлянъ, сынку! А теперь пора и въ науку; былъ хорошимъ воякой, будь же и добрымъ бурсакомъ!

Тимошъ немного затуманился; перспектива бурсацкой жизни не особенно ему улыбалась, онъ помнилъ грубыя полуголодныя толпы бурсаковъ, приходившія въ отцовское имѣніе выпрашивать милостыню и подачекъ въ видѣ хлѣба, муки, лепешекъ, галушекъ. Ихъ разсказы о поголовномъ сѣченьи и о трудностяхъ латинской мудрости живо вспомнились теперь мальчику и онъ робко спросилъ отца:

— Тату, а развѣ надо мнѣ непремѣнно учиться въ бурсѣ?

— Надо, сынку! Безъ ученья никакъ не можно! Кто знаетъ, можетъ въ жизни будешь и знатнымъ паномъ; латынь-то и пригодится.

— Я хочу быть козакомъ! запальчиво отвѣчалъ мальчикъ: я всегда буду козакомъ и не хочу быть паномъ.

Богданъ лукаво прищурился.

— Г'е-ге! добрый козакъ! со смѣхомъ проговорилъ онъ. Что тамъ еще будетъ, одному Богу извѣстно. Теперь же веди меня къ теткѣ Оксанѣ; пусть она приготовитъ побольше галушекъ и варениковъ, да и горѣлки не забудетъ; я усталъ съ дороги.

Радушная хозяйка захлопотала. Явились на столѣ и вареники, и галушки, и щерба, и саламата, и горѣлка, и медъ, и даже бутылка стараго токайскаго, выглянувшая на свѣтъ Божій послѣ десятковъ лѣтъ невозмутимаго покоя въ укромномъ уголкѣ погреба.

Тимошъ все время не отставалъ отъ отца съ разспросами о своихъ друзьяхъ; его поддерживала и хозяйка, тоже любопытствовавшая узнать, что дѣлалось на Украинѣ. Богданъ, видимо, уклонялся.

— Да дайте жъ мнѣ поѣсть! говорилъ онъ. Мало добраго творится на Украинѣ. Что тутъ и толковать! одна только обида.

И онъ опять продолжалъ съ напускнымъ равнодушіемъ уписывать галушки и вареники.

Тимошъ, наконецъ, не выдержалъ:

Библиотека "Руниверс"

— Татко, ты хочешь отъ меня утаить что то? Вижу, что ты виляешь.

Богданъ нерѣшительно помолчалъ.

— Ну, слушайте жъ! сказалъ онъ наконецъ. Что только творится на бѣдной Украинѣ, о томъ не слыхивали ни дѣды, ни прадѣды наши. Сами козаки предаютъ другъ друга панамъ съ руками и ногами, и твой другъ Ганжа съ Смольчугомъ тоже попались: сидятъ они теперь у пана коронаго гетмана за крѣпкими затворами.

Тетка Оксана взвыла.

— Ой горе мнѣ, бѣдной! причитала она. Одинъ родной былъ—и того паны съѣли; осталась я одна бѣдная, горемычная!

— Говори, татко, скорѣе все, какъ было! торопилъ отца Тимошъ.

— Вотъ такъ и было! продолжалъ Богданъ. Нагрянулъ Павлюкъ на Черкасы, увезъ армату на Сѣчь и сталъ скликать козаковъ. Повалили къ нему и вольные, и реестровые. Видятъ паны, что дѣло плохо, и стакнулись съ этимъ шельмою писаремъ Онушкевичемъ; тотъ имъ все сдѣлалъ: подобралъ козаковъ, подбилъ ихъ созвать раду, отняли у Василя Томиленка его булаву и камышину, да и сдѣлали старшимъ Савку Чалаго. А Савка Чалый всегда готовъ распинаться передъ панами. Только на этотъ разъ дѣло ихъ не выгорѣло. Василь не будь глупъ и дай знать въ Сѣчь Павлюку. Еще панъ коронный гетманъ не успѣлъ утвердить Чалаго, а Павлюкъ ужъ послалъ своихъ орловъ за Днѣпръ. Спятъ себѣ Савка съ Ѳедькомъ сладко пресладко и не чуютъ бѣды; а бѣда-то надъ ними стоитъ: врываются ночью къ нимъ козаки, хватаютъ ихъ съ ихъ сообщниками и гайда! на раду на майданъ. А тамъ ужъ расправа коротка: кому пулю въ лобъ, кого на шибеницу, а кого, говорятъ, и живьемъ въ землю зарыли.

— И по дѣломъ имъ! съ торжествомъ проговорилъ Тимошъ. А какъ же, тату, Ганжа то съ Смольчугомъ?...

— Вотъ тутъ то и закавыка. Не всѣхъ козаки похватали: жидъ Ильюшка убѣжалъ, да и Ганжу со Смульчугомъ съ собой прихватилъ панамъ въ гостинецъ.

Библиотека "Руниверс"

— Чтобъ ему провалиться, паршивой собакѣ! проворчала тетка Оксана. Да какъ же ему это помогло? И что же эти ротозѣи козаки зѣвали?

— Видишь ли, проговорилъ Богданъ, покосясь въ сторону Тимоша: жидъ жиду всегда поможетъ, и ему помогъ дьяволъ Янкель. У Янкеля смазливая жинка,—она и обошла Смольчуга. Какъ ворвались козаки въ городъ, Ильюшка давай Богъ ноги къ Янкелю, а Смольчугъ-то оказался тамъ, они его и скрутили...

— Ну, а Ганжа? допрашивала тетка Оксана.

— Ганжа пошелъ выручать Смольчуга, да и самъ попалъ въ ловушку.

У Тимоша стояли слезы въ глазахъ.

— И я жъ еще этого жида спасъ! съ грустью проговорилъ онъ.

ГЛАВА X.

У ГАЙДАМАКОВЪ.

Тимошу однако не пришлось провести зиму въ кіевской братской школѣ и засѣсть за книгу. Настали тревожныя времена, какихъ никто и не чаялъ: повсюду вспыхнуло возстаніе, и даже въ тихомъ уголку тетки Оксаны стало не безопасно. Гайдамацкіе загоны и преслѣдовавшіе ихъ польскіе жолнеры рыскали повсюду, обшаривали всякую хату.

Богданъ въ это время находился въ Варшавѣ, откуда прислалъ за Тимошемъ вѣрнаго козака, чтобы отвезти его немедленно въ Кіевъ. Сборы были короткіе: тетка Оксана напекла на дорогу всякихъ лепешекъ и сухарей и отправила хлопца и его провожатаго въ путь, проводивъ до большой дороги. Это было въ концѣ ноября, зима уже вступала въ свои права; перепадалъ первый снѣгъ, начинались морозы, рѣки и озера покрывались ледяною корою, и Тимошъ кутался въ бурку, сидя на своемъ скакунѣ. Путешествіе было и долгое, и опасное: то приходилось пробираться лѣсами, чтобы миновать мѣста, гдѣ кипѣло возстаніе, то вдругъ, только что остановившись въ городѣ, опять са-

Библиотека "Руниверс"

диться на коней и поспѣшно скакать дальше, избѣгая безпорядка и грабежа. Сперва они держались праваго берега Днѣпра, разсчитывая добраться до Черкасъ и Мошенъ; но оказалось совсѣмъ невозможно продолжать этотъ путь: цѣлыя села, деревни были разграблены и сожжены, а отъ панскихъ замковъ остались только однѣ развалины.

— Не можно ѣхать дальше! заявилъ какъ то вечеромъ провожатый Тимоша:—и впереди пожаръ, и сзади горитъ; треба обождать да разузнать, не можно ли перебраться черезъ Днѣпръ; може тамъ спокойнѣе.—У лѣса стояла маленькая невзрачная корчма, и красивая козачка-шинкарка съ поклономъ встрѣтила гостей на порогѣ. На вопросъ козака, нельзя ли какъ перебраться на ту сторону, она отвѣтила, покачавъ головою:

— Ни, козаче, и думать не можно. Вотъ дня черезъ два путь установится.

Пришлось удовольствоваться ожиданіемъ. Тимошъ съ козакомъ помѣстились въ маленькомъ чуланчикѣ; сквозь досчатыя стѣны его дулъ вѣтеръ, несло холодомъ, и Тимошъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ теплую горницу тетки Оксаны; онъ продрогъ и не могъ заснуть, тогда какъ неприхотливый его товарищъ, свернувшись клубкомъ на разостланной соломѣ и завернувшись въ бурку, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія ни на холодъ, ни на вѣтеръ.

Въ глухую полночь послышался стукъ въ ворота.

— Гей, хозяйка! Отворяй!—крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Кто тамъ? недовѣрчиво спросила козачка.

— Свои! козаки! Отворяй добромъ, а то мы и сами съумѣемъ войти!

Тимошъ слышалъ, какъ щелкнулъ запоръ, и отрядъ козаковъ въѣхалъ во дворъ. Мальчику послышалось, что голосъ одного изъ козаковъ ему знакомъ. „Никакъ Иванъ Злой“, подумалъ онъ. Онъ приподнялся и, пріотворивъ дверь чулана, сталъ разсматривать козаковъ. Дѣйствительно, это былъ Иванъ Злой въ одеждѣ козацкаго куреннаго, а съ нимъ десятка два дюжихъ запорожцевъ съ темными лицами, не успѣвшими еще сбросить лѣтній загаръ, съ длинными оселедцами, висѣвшими изъ-подъ

Библиотека "Руниверс"

высокихъ бараньихъ шапокъ. Одного или двухъ изъ нихъ Ти мошъ призналъ и, поспѣшно накинувъ на плеча бурку, онъ радостно выскочилъ на дворъ.

— Гей, хлопецъ! Ты откуда? привѣтствовали его козаки.

— Батько шлетъ меня въ Кіевъ, да пробраться то больно трудно, —отвѣчалъ Тимошъ.

Злой засмѣялся.

— Хитеръ больно твой батько, замѣтилъ онъ. Недаромъ съ панами знается. Писаремъ войсковымъ сдѣлали. Важнымъ паномъ сталъ. Вотъ и надо ему сына въ бурсу посылать, а по мнѣ плюнь ты на эту науку! Будешь добрымъ козакомъ, во сто разъ лучше этихъ длинныхъ спудеевъ, что по дворамъ попрошайничаютъ.

Тимошъ и самъ былъ того же мнѣнія. Онъ съ удивленіемъ разсматривалъ мощную фигуру Злаго, совершенно преобразившагося въ красивомъ богатомъ нарядѣ, и почувствовалъ къ нему уваженіе.

— Какъ же ты попалъ въ атаманы? спросилъ онъ его.

— Отчего же мнѣ и не быть атаманомъ? отвѣчалъ онъ заносчиво: я за нашего батька готовъ голову положить. А какъ вырѣжемъ всѣхъ ляховъ и жидовъ, такъ еще и не то будетъ. Батько тогда будетъ, что король, а мы атаманы—его сенаторами.

Иванъ снова засмѣялся своимъ басистымъ раскатистымъ смѣхомъ.

Козаки вошли въ корчму и расположились ужинать. Изъ разсказовъ Злаго Тимошъ узналъ, что Павлюкъ еще въ Сѣчи, но скоро прибудетъ, что въ Мошнахъ сидитъ его главный помощникъ Скиданъ; онъ то и созываетъ къ себѣ козацкую силу въ ожиданіи самого батька.

— Теперь ужъ не миновать битвы съ ляхами,—добавилъ Злой. Самъ польный гетманъ идетъ на насъ. Только дай Боже батьку не опоздать!

— А чего жъ онъ медлитъ въ Сѣчи? спросилъ Тимошъ.

— Ждетъ помощи отъ крымскаго хана.

— А вы куда ѣдете?

Злой лукаво подмигнулъ.

Библиотека "Руниверс"

— Куда вѣтеръ дунетъ, тамъ и мы будемъ! отвѣчалъ онъ. Двинемся-ка, хлопецъ, съ нами. Отецъ тебя съ кѣмъ посылаетъ?

— Съ Опанасомъ Чернымъ.

— Добре! протянулъ Иванъ.—Вотъ поѣдемте вмѣстѣ. Тебѣ за Днѣпръ и намъ за Днѣпръ.

На слѣдующее утро Тимошъ съ Опанасомъ рѣшили, что, дѣйствительно, лучше двинуться въ путь вмѣстѣ съ козаками.

— А какъ мы переправимся черезъ Днѣпръ?—спрашивалъ Опанасъ. Дороги, говорятъ, нѣтъ еще.

— А зачѣмъ тебѣ дорога? Мы и сами ее проложимъ; я сколько лѣтъ въ чумакахъ ходилъ, мнѣ не диво дорогу прокладывать.

Злой, дѣйствительно, обладалъ хорошимъ чутьемъ вожака, и они благополучно совершили переправу черезъ только что ставшую рѣку.

— Вотъ мы и въ Вишневеччинѣ!—весело сказалъ Злой, когда они доѣхали до первыхъ селъ.

Всюду было пусто: деревни и села точно вымерли; только кое-гдѣ мычала забытая корова, или попадалась лошадь безъ сѣдока.

— Походили тутъ наши гайдамаки,—говорили козаки.

Въ то время, когда они подъѣзжали къ Лубнамъ, къ нимъ присоединилось еще нѣсколько отрядовъ, а у самаго города въ лѣсу ихъ, видимо, поджидало нѣсколько козацкихъ сотенъ.

— Что же будетъ? спрашивалъ Тимошъ.

— А вотъ увидишь, хлопче! отвѣчалъ, улыбаясь, Иванъ: Мы хотимъ пановъ пощипать немножко.

Вѣсть о появленіи козаковъ быстро разнеслась по окрестности. Отовсюду стекались хлопы, крестьяне, горожане,—кто съ оружіемъ, кто съ косой, кто съ ножемъ, а кто и просто съ заостреннымъ коломъ. Въ лѣсу, гдѣ хоронились козаки, образовался цѣлый таборъ. Туда нанесли всякихъ припасовъ изъ сосѣднихъ деревень и селъ, привели скотину, запаслись горѣлкой и пивомъ изъ разграбленныхъ по сосѣдству шинковъ. Мелкія шайки бродили по окрестности, выслѣживая ляховъ и жидовъ.

Разъ какъ то вечеромъ Тимошъ сидѣлъ въ вырытой въ землѣ ямѣ, служившей ему съ Опанасомъ спальнею, какъ вдругъ

Библиотека "Руниверс"

онъ услышалъ необычайный шумъ и движеніе въ таборѣ. Онъ вылѣзъ изъ своего логовища и побѣжалъ смотрѣть, что случилось.

— Кизимъ пришелъ, молодой богатырь Кизимъ! кричали козаки. Съ нимъ много гайдамаковъ; сейчасъ идемъ всѣ на Лубны.

Морозная ночь искрилась миріадами звѣздъ, и блѣдные лучи мѣсяца освѣщали путь нѣсколькимъ тысячамъ козаковъ, двинувшимся къ укрѣпленному городу. Стража на городскихъ валахъ мирно спала; услужливые горожане, перешедшіе на сторону козаковъ, догадались подпоить ихъ съ вечера. Въ городѣ не чуяли бѣды, какъ вдругъ въ открытыя неизвѣстно кѣмъ ворота ворвались козаки, перебили полусонную стражу и разсыпались по улицамъ города. Прежде всего бросились къ княжескому замку; но тамъ не оказалось никого, кромѣ челяди и мелкой шляхты, проживавшей у князя Іереміи. Всѣхъ ихъ перерѣзали и разграбили замокъ.

— Теперь, братове, гайда на монаховъ! крикнулъ атаманъ.

Вся ватага бросилась къ доминиканскому монастырю. Стѣны монастыря были крѣпки, высоки и не боялись натиска.

— Сжечь ихъ! скомандовалъ атаманъ.

Вокругъ монастыря набросали всевозможнаго горючаго матеріала, устроили громадные костры, набросали на нихъ бочки съ дегтемъ и смолою, а подъ воротами сдѣлали подкопы и вкатили въ нихъ пороховыя бочки, захваченныя въ княжескомъ замкѣ. Всю ночь провели козаки въ этихъ приготовленіяхъ и только на разсвѣтѣ зажгли костры, подожгли фитили и отошли подальше отъ монастыря, издали любуясь, какъ съ громомъ и трескомъ взлетѣли взорванныя ворота, а длинные красные языки пламени со всѣхъ сторонъ охватили мрачное зданіе, истребляя сначала деревянныя части, а затѣмъ добираясь и до каменныхъ. Но козакамъ этого было мало: они подбѣжали къ горящему зданію и бросились на монаховъ, спасавшихся отъ пожара.

— Рубить ихъ, проклятыхъ католиковъ! кричали козаки.

Монахи въ ужасѣ метались, прося пощады; но пощады имъ не было; ихъ всѣхъ перебили, побросали въ огонь, и Тимошъ съ ужасомъ смотрѣлъ на эту кровавую расправу съ вы-

Библиотека "Руниверс"

сокой башни княжескаго замка. Вдругъ онъ увидѣлъ, что толпа козаковъ схватила кого то, выбѣжавшаго изъ монастыря, и потащила къ замку.

— Иди сюда, Тимошъ! крикнулъ снизу Опанасъ, заглядывая на винтовую лѣстницу башни.—Смотри, паныча притащили!

Тимошъ сбѣжалъ внизъ и въ большой залѣ наткулся на нѣсколько козаковъ, тащившихъ мальчика лѣтъ двѣнадцати, блѣднаго, испуганнаго, трепещущаго. На мальчикѣ была одежда простаго шляхтича, но на рукахъ его блестѣли дорогіе перстни.

— Признавайся, кто ты! приставали козаки.

Тимошъ заглянулъ въ лицо плѣнника и чуть не вскрикнулъ отъ изумленія. Передъ нимъ былъ князь Дмитрій, тотъ самый, съ которымъ онъ два года тому назадъ посчитался на пиру у пана Конецпольскаго. Первымъ движеніемъ Тимоша было назвать плѣнника, но онъ тотчасъ-же удержался и только молча, пристально смотрѣлъ на паныча, тряшагося, какъ въ лихорадкѣ. Замѣтивъ пристальный взглядъ, князь Дмитрій тоже поднялъ глаза и узналъ Тимоша. Онъ слабо вскрикнулъ и попятился назадъ.

— Знаешь ты этого хлопца? обратились козаки къ Тимошу.

Тимошъ замялся. Одно его слово могло погубить молодаго князя. Стоило только сказать, что это племянникъ князя Еремы, котораго всѣ ненавидѣли, и Дмитрія разорвали бы въ клочки; но онъ былъ такой испуганный, такой жалкій, дрожащій, что у Тимоша сердце не повернулось его выдать. „Спасти его!“—промелькнуло у него въ умѣ, и онъ отвѣчалъ спокойно, твердо, съ разстановкою:

— Да, знаю! это сынъ шляхтича, знакомаго моему отцу.

Князь Дмитрій съ удивленіемъ взглянулъ на него. Онъ никакъ не ожидалъ такого великодушія отъ хлопа.

Козаки посовѣтовались между собою и рѣшили на время оставить молодаго паныча плѣнникомъ. На слѣдующій день вторично обыскали весь городъ, добили оставшихся въ живыхъ жидовъ и шляхтичей, попрятавшихся, гдѣ кто могъ; ихъ вытаскивали изъ погребовъ и подваловъ, гдѣ они притаились за боч-

Библиотека "Руниверс"

ками и пустыми ящиками, вырывали изъ-подъ сѣна на сѣновалахъ, сталкивали съ чердаковъ, выгоняли изъ темныхъ городскихъ закоулковъ и приканчивали ихъ тутъ же на улицахъ, на дворахъ, на лѣстницахъ. По вечерамъ козаки собирались въ замкѣ и пировали до тѣхъ поръ, пока тутъ же не засыпали, свалившись кто на лавку, кто подъ столъ.

Вдругъ на третій день прискакало нѣсколько козаковъ съ правой стороны Днѣпра. Они принесли недобрыя вѣсти: Павлюкъ былъ разбитъ на голову: и онъ, и Томиленко выданы лягамъ; убѣжалъ только одинъ Скиданъ. Польный гетманъ уже переправляется на лѣвый берегъ. Козаки призадумались. Бѣгство было невозможно,—всѣ пути были отрѣзаны. Оставалось одно: укрѣпиться и ждать польское войско. Тимошъ съ Опанасомъ не знали, что имъ дѣлать. „Гдѣ теперь отецъ?“ размышлялъ Тимошъ.

— Онъ теперь, навѣрное, съ паномъ польнымъ гетманомъ,— отвѣчалъ Опанасъ.—Только не можно намъ теперь отъ гайдамаковъ уйти. Они насъ не пустятъ.

— А если убѣжать?

— Трудное дѣло! проговорилъ Опанасъ. Городъ укрѣпили, вездѣ стража. Никакъ бѣжать не можно.

Тимошъ задумался.

— Знаешь что? сказалъ онъ нерѣшительно.—Я поговорю съ плѣннымъ панычемъ. Онъ тутъ жилъ въ городѣ, знаетъ всѣ ходы и выходы. Пусть укажетъ намъ путь, а мы его за то съ собою прихватимъ.

Опанасъ немного оторопѣлъ.

— Негожее дѣло ты затѣваешь! убѣжать да еще и плѣнника съ собой увести. А какъ поймаютъ, тогда намъ смерть неизбѣжная.

Тимошъ промолчалъ; но мысль спасти князя Дмитрія и самимъ убѣжать гвоздемъ засѣла у него въ головѣ, какъ выражался о немъ его отецъ. Князь Дмитрій сидѣлъ въ узкой полутемной каморкѣ подъ надзоромъ козака сторожа, смѣнявшагося два раза въ день. Тимошъ улучилъ минуту, когда на часахъ стоялъ знакомый ему запорожецъ:

Библиотека "Руниверс"

— Диду Остапенко, а диду Остапенко! кликнулъ онъ его. Больно мнѣ ужъ охота поболтать съ панычемъ, что тамъ сидитъ.

Козаку не показалось это удивительнымъ, такъ какъ Тимошъ говорилъ, что это знакомый его отца.

— А що, хлопецъ? ласково проговорилъ Остапенко.—Чи зажурывся одынъ? Ну, иди, посиди съ панычемъ! И онъ отворилъ дверь каморки.

Князь Дмитрій сидѣлъ на кучѣ соломы и со страхомъ поднялъ распухшее отъ слезъ лице, спросивъ:

— Кто тутъ?

— Я, Тимошъ—отвѣчалъ мальчикъ. Мнѣ надо поговорить съ тобою—прибавилъ онъ дѣловымъ тономъ и присѣлъ на солому.

— Чего тебѣ отъ меня нужно? недовѣрчиво спросилъ молодой князь, отодвигаясь.

Тимошъ заговорилъ шепотомъ, посматривая время отъ времени на дверь:

— Видишь ли, я бы не сталъ съ тобою связываться, потому что ты панъ, а я козакъ; паны всегда были нашими врагами. Но теперь мы оба въ бѣдѣ: ты плѣнникъ, да и я не лучше. Городъ укрѣпили; ни мнѣ, ни тебѣ не попасть въ польское войско.

— А оно близко? спросилъ живо князь. О, если бы они разбили этихъ презрѣнныхъ хлоповъ!

Тимошъ нахмурился.

— Ты не бранись!—сказалъ онъ сердито.—А то и сиди себѣ тутъ въ своемъ чуланѣ.

— Говори, говори дальше, торопилъ Дмитрій.

— То-то же! проговорилъ Тимошъ, успокаиваясь. Только не кричи,—тутъ за дверью козакъ ходитъ.

Остапенко просунулъ голову въ дверь.

— Чи наговорились, дѣтки? спросилъ онъ.

— Ни, еще диду! Отвѣчалъ Тимошъ.

— Да я боюсь, чтобы кто изъ козаковъ не заглянулъ; мнѣ за васъ достанется, проговорилъ Остапенко, притворяя дверь.

— Нельзя терять времени, прошепталъ Тимошъ. Есть у васъ въ замкѣ какой-нибудь выходъ за городъ? Мы тебя осво-

Библиотека "Руниверс"

бодимъ; ты покажешь намъ дорогу—проговорилъ онъ, наклоняясь къ уху князя.

Дмитрій быстро взглянулъ на своего собесѣдника.

— А ты не обманываешь? спросилъ онъ тихо.

— Зачѣмъ мнѣ обманывать? Отецъ мой теперь въ польскомъ войскѣ писаремъ, мнѣ надо къ нему пробраться.

Дмитрій молчалъ, какъ будто что-то соображая.

— Отъ южной башни идетъ подземный ходъ,—проговорилъ онъ. Этимъ ходомъ можно выбраться на берегъ рѣки за городскою стѣною.

Тимошъ просіялъ.

— Добре, братику! Ей-ей добре! вскрикнулъ онъ на радости, хлопнувъ князя по плечу.

Князь Дмитрій гордо поднялъ голову и вспыхнулъ. Вся княжеская спесь поднялась въ немъ отъ хлопскаго прикосновенія.

— Я тебѣ не братъ! вскрикнулъ онъ. Слышишь ты? Никогда ты не можешь быть мнѣ ровней. Если я принимаю твои услуги, такъ только потому, что иначе нѣтъ спасенія.

Тимошъ тоже вспылилъ.

— Ишь панская кровь! проговорилъ онъ.—И я бы о тебя не сталъ рукъ марать, еслибъ иначе было можно.

Остапенко опять просунулъ голову:

— Вы не подеритесь, хлопцы! проговорилъ онъ, смѣясь.— Чего вы тутъ кричать зачали. Прысь-ка до дому, Тимошъ! А ты вотъ ѣшь свою похлебку! закончилъ онъ, ставя предъ узникомъ горшокъ съ похлебкой и сунувъ ему въ руки ломоть хлѣба.

Тимошъ вышелъ и всю ночь проворочался на постели, обдумывая, какъ бы высвободить узника и бѣжать вмѣстѣ съ нимъ изъ города.

Въ польскомъ лагерѣ все было тихо, только стража перекликалась въ цѣпи обоза, да въ палаткѣ польнаго гетмана свѣтился огонь. Панъ Потоцкій, плотный краснолицый мужчина, быстро шагалъ изъ угла въ уголъ, подходя время отъ времени къ столику и прихлебывая венгерское изъ большой серебряной

Библиотека "Руниверс"

кружки. Толстая восковая свѣча, горѣвшая въ массивномъ шандалѣ, слабо освѣщала большую палатку, и свѣтъ ея разливался въ фантастическихъ образахъ по роскошной бухарской матеріи, широкими складками одѣвавшей палатку внутри. За столомъ сидѣли Богданъ въ нарядной одеждѣ войсковаго писаря: въ яркомъ аломъ кунтушѣ съ откидными рукавами, въ атласномъ кафтанѣ голубаго цвѣта, подпоясанномъ синимъ кушакомъ съ золотыми кистями. Другой былъ полковникъ Ильяшъ Караимовичъ, исполнявшій теперь должность старшаго надъ реестровыми. Передъ обоими стояли тоже кружки съ виномъ и всѣ трое вели оживленный разговоръ.

— Осмѣлюсь доложить еще разъ ясневельможному пану гетману, что теперь самый удобный моментъ разорить гнѣздо мятежниковъ. Если панъ гетманъ пропуститъ время и не двинется на югъ въ самое Запорожье, всѣ наши усилія кончатся ничѣмъ. Тамъ опять найдется предводитель, соберетъ около себя вольницу, и тогда придется начинать сначала.

Проницательный взоръ Богдана какъ то загадочно скользнулъ по лицу говорившаго и остановился на кружкѣ съ виномъ.

— Да, сказалъ онъ: съ козацкою вольницею не такъ то легко справиться. Панъ Ильяшъ забываетъ, что разгромить цѣлый край безъ особаго соизволенія его величества наияснѣйшаго короля значитъ поступить самовольно.

— И я тоже говорю, подхватилъ польный гетманъ. На что я не имѣю полномочія, того дѣлать я не могу. Да и къ чему? Павлюкъ у насъ въ рукахъ. Кизима старшаго забрали, младшаго заберемъ тоже, Скидана же намъ сами козаки приведутъ изъ боязни нашей опалы.

Въ эту минуту занавѣсъ палатки приподнялся, и на порогѣ появился сторожевой козакъ:

— Ясновельможный панъ гетманъ! проговорилъ онъ.—Изъ Лубенъ перебѣжчики: сынъ пана писаря и еще хлопецъ и съ ними козакъ.

Богданъ вскочилъ съ мѣста.

— Какъ, Тимошъ? Какое же лихо занесло его въ Лубны?

— Веди скорѣе сюда! поспѣшно проговорилъ гетманъ.

Библиотека "Руниверс"

Черезъ пять минутъ всѣ трое были въ палаткѣ.

Увидя Дмитрія Вишневецкаго, и Богданъ, и Потоцкій остолбенѣли отъ удивленія.

— Вотъ такъ штука! проговорилъ Богданъ.

Потоцкій первый пришелъ въ себя.

— Князь Дмитрій! проговорилъ онъ, смѣясь. Кто кого теперь прибилъ? Или ко мнѣ на судъ явились?

Дмитрій Вишневецкій потупился и молчалъ.

— Мы помирились! отвѣчалъ серьезно Тимошъ.

— А помирились, такъ чего же лучше! смѣясь сказалъ Потоцкій. Такимъ двумъ доблестнымъ воинамъ ссориться не приходится. Но какъ вы въ Лубнахъ очутились? и какъ васъ Богъ оттуда унесъ?

— Я поѣхалъ къ дядѣ Іереміи,—объяснилъ Дмитрій,—съ небольшимъ отрядомъ челяди и попалъ въ Лубны, какъ разъ въ то время, когда хлопы возстали, и семья дяди удалилась изъ города. Возвращаться назадъ было невозможно, и мнѣ пришлось искать пріюта въ монастырѣ.

Тимошъ же обстоятельно разсказалъ, какъ онъ составилъ планъ бѣгства и предложилъ князю Дмитрію участвовать въ немъ. Какъ онъ подговорилъ Опанаса подпоить сторожа, и когда тотъ захрапѣлъ, они вывели князя изъ его темницы. Князь провелъ ихъ подземнымъ ходомъ къ рѣкѣ; потомъ они долго бродили по лѣсу, пока не наткнулись на польскихъ развѣдчиковъ, доставившихъ ихъ въ лагерь.

— Молодцы! одобрительно сказалъ польный гетманъ. А теперь панъ писарь позаботится, чтобы ихъ накормили; завтра же мы снимемъ съ нихъ подробный допросъ о городѣ. Ихъ показанія могутъ быть намъ очень полезны.

Оставшись наединѣ съ отцемъ, Тимошъ первымъ дѣломъ освѣдомился о Павлюкѣ и Ганжѣ.

— Ну, сынку! разъ я ихъ отъ петли спасъ—и сидѣть бы имъ дома; а теперь имъ плахи не миновать, и спасти ихъ никто не можетъ. Ты же держи языкъ за зубами и не слишкомъ толкуй, что былъ съ ними въ дружбѣ. Отецъ твой удостоился королевской милости, пожалованъ войсковымъ писаремъ, а какъ

Библиотека "Руниверс"

пронюхаютъ что либо, живо смѣстятъ. Ну, да я тебя здѣсь не оставлю,—довольно ты съ козаками погайдамачилъ; какъ только немного поутихнетъ, самъ свезу тебя въ бурсу; а пока поѣдешь домой, поживешь въ Суботовѣ.

Дѣйствительно, на другой же день, какъ только гетманъ снялъ съ Тимоша допросъ, Богданъ послалъ его въ Суботово, не дозволивъ ему даже повидаться съ Павлюкомъ, находившимся въ качествѣ плѣнника при войскѣ.

О. Рогова.

(Конецъ первой части).

Библиотека "Руниверс"

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

155.

Пѣтухъ царикъ.

Пѣтухъ играетъ нынѣ большую роль въ народныхъ сказкахъ, повѣрьяхъ и обрядахъ и еще бо́льшую роль игралъ въ древности, какъ жертвенное животное и какъ символъ солнца, въ переносномъ значеніи всего свѣтлаго и добраго. Объ обрядовомъ употребленіи пѣтуха на свадьбахъ я уже говорилъ въ соч. „О свад. обр.“. Въ настоящей статьѣ я остановлюсь лишь на повѣрьяхъ о пѣтухѣ царикѣ. Уже въ одномъ названіи этого пѣтуха скрывается большое уваженіе къ нему народа. Въ чигиринскомъ у. существуетъ повѣрье, что пѣтуха царика можно узнать еще въ то время, когда онъ находится въ яйцѣ: онъ пищитъ въ яйцѣ. Когда онъ выростаетъ, то дѣлается сильнымъ и смѣлымъ, такъ что не только всѣ пѣтухи боятся его, но даже дьяволъ боится его. Онъ первый поетъ въ полночь. Дьяволъ не смѣетъ войти во дворъ, гдѣ находится пѣтухъ царикъ, и потому рѣзать его неблагоразумно и грѣшно. Чумаки, отправляясь въ большую дорогу, всегда берутъ съ собою пѣтуха царика (*Podbereski*, въ Zbidr. wiadom., IV, 3).

Повидимому, этотъ чудесный пѣтухъ особенно близко стоитъ къ тому красному пѣтуху, который по народнымъ повѣрьямъ открываетъ клады. Такъ, въ чигиринскомъ уѣздѣ записанъ со словъ пастуха слѣдующій разсказъ: „Пасемъ овецъ въ степу; солнце только что выглянуло; въ золотистой дали показался маленькій паничикъ,

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 2.

Библиотека "Руниверс"

въ красной одеждѣ и съ бѣлымъ, какъ снѣгъ лицомъ. Шелъ онъ по дорогѣ, схиливши головку, а при немъ пѣтушокъ весь красный, какъ огонь, идетъ около него и поетъ такъ звонко и хорошо, что и выразить нельзя". Пастухи хотѣли поймать ихъ; но они исчезли (ib. 5). Подобнаго рода разсказъ записанъ недавно вблизи г. Ахтырки харьк. губ. и обработанъ въ художественной формѣ Я. И. Щоголевымъ въ стихотвореніи „Климентовы хутора" (не издано). Здѣсь только нѣтъ паничика. Женщина шла полемъ и увидѣла краснаго пѣтуха; она побоялась взять его; это и былъ кладъ. Иногда пѣтухъ, хранитель кладовъ, отождествляется съ чортомъ. (*Чубинскій*, I, 71).

Въ параллель къ малорусскимъ повѣрьямъ о пѣтухѣ царикѣ можно поставить весьма сходное чешское народное повѣрье, что бѣлый пѣтухъ приноситъ въ домъ счастье и охраняетъ его отъ злыхъ чаръ (*Grohmann*, Abergl. aus Böhmen, 229).

Что касается до зооморфическихъ и антропоморфическихъ представленій кладовъ, то кромѣ пѣтуха царика часто въ малорусскихъ разсказахъ кладъ является подъ видомъ сопливаго старика или подъ видомъ овцы съ блестящими глазами (*Pober.*, 3, 4). Подобныя олицетворенія кладовъ обычны у многихъ другихъ народовъ, италіанцевъ, нѣмцевъ (*Liebrecht*, Zur Folkskunde, 97). Сарапульскіе вотяки говорятъ, что клады являются въ видѣ зайца, быка, медвѣдя, женщины, и если правой рукой прикоснуться къ привидѣнію, то заяцъ разсыпется серебромъ, медвѣдь деньгами; кладъ въ образѣ женщины сводитъ съ ума, а въ видѣ быка губитъ всю родню (*Богаевскій*, въ Сбор. матер. по этн. III; 16).

156.

Происхожденіе зозули.

Существуютъ различныя сказанія о происхожденіи кукушки, именно:

1) Зозуля—вдова; потому она и гнѣзда не вьетъ (*Драгомановъ*, Малор. нар. пред., 8).

Библиотека "Руниверс"

2) Зозуля—изъ дѣвушки, которая проклята своею матерью за то, что спряталась однажды за коминъ печи и стала кувать (*Лепкій*, въ „Зорѣ“, 1885, № 10).

3) Зозуля—изъ дѣвушки, которая вышла замужъ за ужа, нѣсколько разъ вызывала его возгласомъ „куку!“; когда она не захотѣла идти къ нему на свиданіе, то обращена была въ кукушку (*Драгомановъ*, 9).

4) Зозуля и чайка—изъ дѣвушекъ, которыя вздумали напугать Спасителя и были за то обращены въ птицъ (*Чубинскій*, I, 60; *Gustav.*, въ Zbiór wiadom., V, 143, *Лепкій*, ib.).

5) Зозуля—изъ женщины, убившей своего мужа (*Драгомановъ*, 8; *Gustav.*, V, 143), и

6) Зозуля—оборотень княжны дѣвицы, влюбившейся въ какого то господина и за то проклятой своимъ отцомъ. Говорятъ, что княжна, влюбившись въ молодаго человѣка, скрывала отъ отца любовь свою, такъ какъ любимый ею былъ ненавидимъ ея отцомъ. Однажды любовники сидѣли въ какомъ то мѣстѣ и княжна въ порывѣ нѣжныхъ чувствъ проговорила своему любовнику: „ахъ ты, моя зозулька!“ Отецъ княжны услышалъ это и въ гнѣвѣ на нее проговорилъ: „будь же ты и сама зозуля“. Княжна тотчасъ превратилась въ кукушку. Разсказъ этотъ записанъ въ литинскомъ у. (*Чубинскій*, I, 61). Тождественный разсказъ записанъ въ Галиціи (*Лепкій*, „Зоря“ 1885, № 10). Тамъ же въ Галиціи записанъ варіантъ этого сказанія, сильно передѣланный, по которому въ зозулю обращается княжна по проклятію своей матери за то, что не хотѣла выйти замужъ за богатаго князя (*Gustav.*, 142). Любопытно, что подобнаго рода сказаніе существовало у древнихъ грековъ въ приложеніи къ совѣ, въ которую будто бы обратилась дочь лесбосскаго царя Никтея. Она влюбилась въ своего отца и безъ его вѣдома вошла съ нимъ въ связь. Узнавъ о томъ, отецъ хотѣлъ убить ее; но Аѳина сжалилась надъ нею и обратила ее въ сову, которая потому избѣгаетъ свѣта, что помнитъ о своемъ преступленіи (*De Gubernat*, Die Thiere, 528). Можетъ быть малорусскій разсказъ о кукушкѣ княжнѣ представляетъ въ основѣ литературное заимствованіе, тѣмъ болѣе, что въ южной и восточной Малороссіи такого разсказа не было записано, что разумѣется, не

Библиотека "Руниверс"

исключаетъ возможности существованія его и въ этихъ окраинахъ Малороссіи.

Сказанія о томъ, что кукушка—изъ человѣка, мужчины (у нѣмцевъ der Kuckuk—муж. рода) или изъ женщины, встрѣчается также въ западной Европѣ, напр., во Франціи (*Revue* des trad. popul., 1888, V, 264).

Въ связи съ народными представленіями о превращеніи женщины въ кукушку стоятъ нѣкоторыя малорус. пѣсни, напр., у *Чубинскаго*, V, 748: несчастная въ замужествѣ женщина хочетъ обратиться въ кукушку и полетѣть къ родной матери.

Въ великорусскихъ пѣсняхъ часто выступаютъ вмѣстѣ кукушка и соловей (*Потебня*, Объяс. малор. и сред. пѣс. I, 260—272). Такого рода соединенія встрѣчаются въ поэзіи персидской, старинной нѣмецкой, (*De Gubern.*, 520). Причина, по всей вѣроятности, заключается въ томъ, что птицы эти прилетаютъ и поютъ почти въ одно и то же время.

157.

Вѣщее значеніе кукушки.

У народа всѣ птицы вѣщія, начиная отъ могучаго орла и до мелкаго воробья и тихаго голубя. Въ особенности вѣщими являются воронъ, кукушка и сова. О воронѣ я предполагаю подробно говорить въ другомъ изданіи на основаніи этнографическихъ данныхъ разныхъ народовъ. Здѣсь остановимся лишь на повѣрьяхъ и пѣсняхъ о вѣщей кукушкѣ.

Первое и основное значеніе кукушки—значеніе простой вѣстницы, безъ квалификаціи приносимой ею вѣсти. Вѣсть можетъ быть хорошая или дурная. Въ простѣйшихъ случаяхъ кукушка играетъ роль почтоваго сообщенія или телеграфа, напр., въ галицко-русской пѣснѣ: „ой летила зозуленька зъ гаю до села“, и затѣмъ идетъ разсказъ о событіи безъ указанія на то, что кукушка прокувала. Иногда кукушка передаетъ вѣсть пѣвцу: „ковала ми зозуленька з-за хаты з-за хаты“, или „на моемъ току“, и далѣе содержаніе пѣсни касается автора (*Гол.*, III, 37). Пѣвецъ подчасъ является

Библиотека "Руниверс"

лишь передаточной инстанціей: „ой, летила зозуленька тай стала коваты; зачекайте, добри люде, щось маю казаты“.

Значеніе кукушки, какъ доброй вѣстницы, не чуждо славянской, въ частности малорусской, народной поэзіи, но оно весьма ограничено противоположнымъ значеніемъ кукушки, какъ зловѣщей птицы. Кукушка приноситъ добрую вѣсть въ колядкахъ и щедровкахъ (*Kolberg*, Pokucie, I, 138). Мотивъ: зозуля будитъ хозяина, чтобы предсказать ему урожай, приплодъ скота и т. п., встрѣчается какъ въ галицко-русскихъ, такъ и польскихъ колядкахъ (*Потебня*, Колядки, 80). Въ западно-европейской поэзіи кукушка гораздо болѣе удержала за собою значеніе доброй вѣстницы, чѣмъ въ украинской и южно-славянской. Она часто является здѣсь вѣстникомъ свадьбы. Въ шведскихъ и датскихъ сказкахъ кукушка несетъ молодымъ людямъ добрую вѣсть о бракосочетаніи. Значеніе кукушки, какъ доброй вѣстницы, древнѣе зловѣщаго ея значенія, такъ какъ первое ея значеніе основывается на дѣйствительномъ природномъ фактѣ; предвѣстіи весны и лѣта, теплаго хорошаго времени въ году. Оттого въ древнихъ пѣсняхъ кукушка прославляется, какъ предвѣстница весны. Старинная нѣмецкая майская пѣсня прославляетъ кукушку за то, что „der Kuckuk mit seinem Sange macht Iedermann froh“ (всякаго веселитъ своимъ пѣніемъ). Шотландская народная пѣсня хвалитъ кукушку за то, что „he brings us good tidings“ (приноситъ намъ хорошія вѣсти) „he tells us no lies“ (не обманываетъ) и „and when he sings cuckoo—the summer is near“ (и когда она поетъ куку—близко лѣто). У Шекспира кукушка является также предвѣстницей весны. Въ средневѣковой эклогѣ на латинскомъ языкѣ смерть кукушки оплакивается и при этомъ высказывается надежда, что„ non pereat Cuculus, veniet sub tempore veris et nobis veniens carmina laeta ciet“ (прилетитъ снова весной и запоетъ радостныя пѣсни). Оттого въ западныхъ народныхъ пѣсняхъ кукушка называется красивой птицей, въ шотландской пѣснѣ „fine bird“въ нѣмецкой „hubsch und fein“ (*De Gubernat.*, 518, примѣч.).

Зловѣщее значеніе не чуждо и западно-европейской кукушкѣ; но оно встрѣчается рѣдко. Такъ, когда кукушка сѣла на мечъ

Библиотека "Руниверс"

лонгобардскаго короля Луитпранда—въ этомъ случаѣ увидѣли знаменіе несчастія (ib., 519).

Въ славянскихъ повѣрьяхъ, пѣсняхъ и сказаніяхъ кукушка получила преобладающее значеніе вѣстника печали. „За немногими и позднѣйшими (?) исключеніями, говоритъ А. А. Потебня, кукушка—горюющая женщина, какъ уже въ словѣ о П. Иг.; во множествѣ мѣстъ куковать, малорус. куваты, лит. kukoti—плакать. И безъ явственнаго сравненія съ кукушкою серб. кукати—плакать, причитать, куковац—miser, кукавни—moestus“ (*Потебня,* Колядки, 737). Въ малорусскихъ пѣсняхъ о смерти молодца плачущія его мать, сестра, милая прилетаютъ къ нему на могилу зозуленьками (ib., 724). Кукованіе зозули въ запѣвѣ указываетъ уже на печальное содержаніе пѣсни (напр., у *Чуб.*, V, 228). Въ гайдамацкой пѣснѣ объ убійствѣ Лебедонька гайдамаками:

Прилетила зозуленька къ старій Лебедыси,
Та упала зозуленька на хати, на стриси,
Тай почала зозуленька жалобно куваты
Якъ зачула Лебедыха, тай вышла изъ хаты... (*Чуб.*, V, 962).

Кукушка часто сообщаетъ о наступленіи рекрутскаго набора. Въ одномъ запѣвѣ встрѣчается осложненіе этого образа чертами, перенесенными по традиціи изъ другихъ пѣсенъ: Въ полѣ на высокомъ курганѣ растетъ три дерева: ясень, береза и калина; на первомъ соловей, на второмъ сорока, на третьемъ кукушка, которая и предвѣщаетъ солдатчину. Подобные запѣвы съ тремя птичками, которыя сидятъ и поютъ то-то, встрѣчаются и въ новогреческихъ пѣсняхъ (*Веселовскій,* въ Журн. М. Н. Пр. CCXXX, рец. на сбор. Икономова).

По малорусскимъ и польскимъ народнымъ повѣрьямъ крикъ кукушки въ саду предвѣщаетъ дурную погоду и троекратный надъ домомъ — смерть хозяина; продолжительное кукованіе знаменуетъ плохой годъ, болѣзни людей и скота (*Gustav.*, Zbiór wiadom. V, 144).

Библиотека "Руниверс"

158.

Превращеніе кукушки въ ястреба. Крагулецъ.

Существуетъ пословица: „промѣнять кукушку на ястреба“. Объясненіе этой пословицы я нахожу въ народномъ повѣрьѣ, что кукушка обращается въ ястреба, повѣрьѣ, записанномъ въ нѣсколькихъ варіантахъ среди галицкихъ русскихъ и поляковъ. Превращеніе происходитъ осенью, или черезъ 2, 3 года, или черезъ 7 лѣтъ. Кукушка превращается или въ ястреба, или въ крагульца, иначе называемаго копчикомъ, мисеромъ, или даже въ орла. Говорятъ, между прочимъ, что въ крагульца кукушка обращается черезъ годъ, черезъ 2 въ ястреба, черезъ 3 въ орла, такъ что птицы эти не родятся, а всѣ происходятъ отъ кукушки. По другому разсказу, кукушка на 7 году своей жизни дѣлается врагомъ человѣка, обращается въ крагульца, скрывается подъ стрѣхой хатъ и нападаетъ на домашнюю птицу. Въ видѣ крагульца кукушка проникаетъ въ гнѣзда ласточекъ и воробьевъ, и потому ласточки и воробьи, какъ только замѣтятъ зозулю, собираются въ стаю, летятъ за нею и мстятъ ей (*Лепкій*, въ „Зорѣ“ 1885, № 10; *Gustaw.*, въ Zbiór wiadom., V, 145). Эти сказанія, несмотря на ихъ краткость, представляютъ большой научный интересъ. Дѣло въ томъ, что замѣчательно сходное повѣрье мы находимъ въ классической древности. У Плутарха (Vita Arati) кукушка спрашиваетъ другихъ птицъ, почему онѣ улетаютъ при одномъ ея появленіи, хотя она не хищная птица; птицы отвѣтили, что онѣ боятся въ ея лицѣ будущаго ястреба (*De Gubern.*, 519). Заслуживаетъ вниманія самое названіе крагульца или крегульца. Въ Ригъ-Ведѣ упоминается какое то ночное и зловѣщее существо khargala (Rigv., VII, 104, 17), которое Губернатисъ гадательно сближаетъ съ совой (*De Gubern.*, 526). Эта khargala стоитъ въ связи съ ночью и смертью. Галицко-русскій крагулецъ стоитъ въ очевидномъ фонетическомъ родствѣ съ ведическимъ каргалой, что предполагаетъ родство религіозно миѳическое. Въ малорусскихъ повѣрьяхъ о превращеніи кукушки въ ястреба и въ частности въ крагульцѣ я усматриваю обломки арійской древности.

Слово крагулецъ встрѣчается у южныхъ и западныхъ славянъ въ значеніи сокола или ястреба. Въ церк.-славянск. крагоуй, серб.

Библиотека "Руниверс"

крагуй хорв. крагуй, крагули, крагуецъ, словац. крагулецъ, чеш. krahuj, верх.-луж. krahołc, польск. krogulec. Отъ этого слова происходитъ названіе сербскаго города Крагуевацъ. Миклошичъ производитъ слово крагуй отъ тюркск. karaghu или монг. kirghui; но Маценауеръ сближаетъ его съ лит. krogti—crocitare и греч. κράζω. Къ этому мнѣнію склоняется и г. Будиловичъ (*Будил.*, Первоб. слав., I, 173).

157.

Сычъ и сова.

Сычи и совы—самыя зловѣщія птицы народной поэзіи, согласно съ чѣмъ и у Шевченка въ „Наймичкѣ“—„сычи въ ночи недобре вищують на комори“, въ „Княжнѣ“—„сичъ въ лиси та на стриси недолю вищуе“. Крикъ филина или совы на хатѣ предвѣщаетъ, что кто нибудь изъ живущихъ въ ней умретъ (*Чуб*, I, 63). Если сова ударитъ ночью крыльями въ окно—сгоритъ домъ или умретъ его хозяинъ (*Лепкій*, „Зоря“ 1885, № 11). По ночамъ она показываетъ чертямъ и упырямъ гнѣзда мелкихъ птицъ (ib.). У поляковъ считаютъ сову птицей демоническаго характера и ставятъ ее въ связь съ умершими (*Gustaw.*, Zbiór wiad., V, 165). Подобнаго рода воззрѣніе на сову существуетъ въ Венгріи (*De-Gubern.*, 526). У древнихъ писателей, Эліана, Апулея, сова также зловѣщая птица. По свидѣтельству Силія Италина сова предсказала римлянамъ пораженіе при Каннахъ: „obseditque frequens castrorum limina Bubo“. Въ X кн. Метаморфозъ Овидія „ignavus Bubo dirum mortalibus omen; nam dirae mortis nuntius esse solet“ (*De-Gubern.*, 529). Египтяне считали сову символомъ смерти. Въ Библіи она упоминается какъ нечистая птица. Средневѣковые физіологи, между прочимъ весьма древній (IV или V в.) армянскій физіологъ, упоминаютъ сову, отождествляя иногда ее съ дьяволомъ, который боится солнечнаго свѣта, т. е. Христа (*Мочульскій*, Происх. физіолога, 40). Въ сицилійскихъ народныхъ повѣрьяхъ и сказаніяхъ крикъ совы, карканье ворона и вой собаки

Библиотека "Руниверс"

вблизи дома предвѣщаютъ больному скорую смерть. Подобнаго рода повѣрья о совѣ встрѣчаются также въ Германіи (*De-Gubern.*, 530).

Миѳическое объясненіе зловѣщей совы, какъ символа ночи и мѣсяца (*Gubern.*, 531 и др.), слишкомъ искусственно и произвольно. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, напр. въ приложеніи къ злой совѣ сна о правдѣ и кривдѣ въ Голубиной книгѣ болѣе идетъ литературное толкованіе, напр., указаніе на „физіологи“ и „бестіаріи“, въ которыхъ зловѣщая сова является образомъ дьявола — врага свѣта и отца лжи, на что указываетъ г. *Мочульскій* въ соч. о Голуб. книгѣ, 202.

Зловѣщее значеніе совы обусловлено главнымъ образомъ тѣмъ, что эта птица ночная, хищная, съ непріятнымъ голосомъ и страннымъ отталкивающимъ внѣшнимъ видомъ. Какъ ночная хищная птица съ кошачьимъ крикомъ и кошачьими глазами, сова естественно сдѣлалась символомъ всего темнаго, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслахъ.

Кое какія изъ малорусскихъ повѣрій о совѣ могли сложиться подъ вліяніемъ средневѣковыхъ физіологовъ. Такъ, въ одной пѣснѣ, записанной И. И. Манжурой въ павлоград. у. екатериносл. губ. (не издана).

Ой ты сова, совушка,
Совиная вдовушка,
Руська барыня (?),
Зализна сударыня (?),
Де жъ ты бувала,
Де жъ ты пробувала?
У лиси лисищи
На чорнимъ дубищи.
Шо жъ ты робыла?
Гниздечко мостыла.
Нихто совы не узнае,
Нихто совы не пизнае;
Тилько взнали луги (?)—
Совины подруги.
Налетили совки
Совки маленьки,
Ножки довгеньки,
Носики гостреньки.
Стали сову быты,
Стали убиваты,
На клочья метаты.
Сова сполохнулась,
Назадъ обернулась,
Прилетила ко двору,
Садовыться на полу,
Росплакалася, разсупонылася...

(*Манж.*, Неизд. сб. пѣс. харьк. ист. фил. Общ.).

Лежащій въ основѣ этой испорченной пѣсеньки мотивъ о нападеніи совковъ на сову повторяется въ измѣненномъ видѣ въ физіологахъ въ приложеніи къ птицѣ пеликану: пеликанъ нѣжно

Библиотека "Руниверс"

любитъ своихъ птенцовъ; но эти послѣдніе, прійдя въ возрастъ, бьютъ своего отца и мать. Тогда родители въ гнѣвѣ убиваютъ ихъ; но потомъ оплакиваютъ потерю своихъ дѣтей. На третій день отецъ, разодравъ свой бокъ, источаетъ кровь на своихъ птенцовъ и воскрешаетъ ихъ (*Мочульскій*, Происх. физіол., 39).

160.

Волове очко.

Въ Галиціи записанъ слѣдующій народный разсказъ про птичку „волове очко“: „Маленька тота птичка—кажутъ люде—зробылась зъ дитыны, що дуже любила свого ридного батька. Давно, дуже давно тому, напали на село татаре, спалили хаты, а людей позабивали. Убили батька дитыны, туловище вергли на выгинъ, а голову закопали десь пидъ корчи; тому то волове очко скаче по пидъ корчи, придывляется добре всюды шукаючи головы батька, щобы ей тамка де туловище закопати у землю. Але до сегодня якось не може знайты своеи страты; колысь однакожъ найде воно голову батька, похороне ей и стане чоловикомъ“. Крестьяне относятся потому съ любовью къ этой птичкѣ, не разоряютъ ея гнѣздъ, не ловятъ ее. Они думаютъ, что „волове очко“ понимаетъ рѣчь человѣка и въ случаѣ нанесенной ему обиды жестоко мститъ за то (*Лепкій*, „Зоря“ 1885, № 11). Повидимому, и въ этомъ разсказѣ о воловомъ очкѣ скрывается такой же обломокъ арійской старины, какой приведенъ нами ранѣе въ разсказѣ о крагульцѣ. Дѣло въ томъ, что уже Эліанъ приводитъ весьма сходную индійскую сказку: У одного царя было много сыновей; съ меньшимъ сыномъ родители дурно обращались; между тѣмъ только этотъ сынъ былъ добръ и ласковъ. Онъ одинъ остался при отцѣ, когда послѣдній понесъ пораженіе въ битвѣ и бѣжалъ; затѣмъ, когда родители его умерли отъ усталости, онъ заботливо похоронилъ ихъ. Солнце было тронуто такой сыновней любовью и обратило юношу въ прекрасную птицу съ гребнемъ (*De Gubern.*, 516). Въ древнемъ (V или IV ст.) армянскомъ физіологѣ, составленномъ по греческой рукописи, символомъ дѣтской любви является удодъ.

Библиотека "Руниверс"

Когда птенцы увидятъ своихъ родителей состарѣвшимися и замѣтятъ, что взоръ ихъ притупился, они рвутъ для нихъ свои перья, лижутъ имъ глаза, покрываютъ и согрѣваютъ ихъ своими крыльями. Они сами ихъ кормятъ (*Мочульскій*, Происх. физіол. 43). Подобнаго рода разсказъ встрѣчается у Альберта Великаго (*De Gubern.* 516). Отзвукомъ этихъ сказаній представляются современные французскіе народные разсказы о томъ, что у кукушки былъ отецъ—человѣкъ очень бѣдный; когда онъ отъ нужды рѣшилъ повѣситься, кукушка бросилась искать его, и потомъ, найдя его повѣсившимся, горевала и не поетъ теперь далѣе того времени, когда отецъ ея наложилъ на себя руки (*Revue* des trad. popul. 1888, V, 263—264).

Предположить во всѣхъ этихъ сказаніяхъ вліяніе физіологовъ довольно трудно, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы признать за этими литературными памятниками такое обширное распространеніе и такое проникновеніе въ народъ, какимъ они врядъ ли могли пользоваться. Вѣроятнѣе будетъ предположеніе, что основа этихъ сказаній вынесена арійскими народами изъ древнѣйшаго ихъ отечества, средне-азіатскаго или восточно-европейскаго, и что по готовой канвѣ выводились затѣмъ различные узоры. Народные сказанія и повѣрья о животныхъ проникли и въ письменность, въ частности въ физіологи и бестіаріи, которые въ свою очередь могли оказать обратное вліяніе на народную словесность при посредствѣ средневѣковыхъ ученыхъ, преимущественно проповѣдниковъ, пользовавшихся морализаціями и аналогіями физіологовъ при составленіи своихъ поученій.

161.

Ремезъ.

Ремезъ встрѣчается въ народныхъ повѣрьяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ. Ремезовымъ гнѣздомъ подкуриваютъ больныхъ (*П. И.*, въ Харьк. Сбор. 1888)—въ купянскомъ у. харьк. губ. Обыкновеніе это встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи. Въ юго-западной части томской губерніи ремезовымъ гнѣздомъ подкурива-

Библиотека "Руниверс"

ютъ ловушки, рыболовныя снасти, скотъ, пчелъ (*Потанинъ*, Эти. Об., VI, 124). Гнѣздо ремеза хранится въ малорусскихъ хатахъ, какъ талисманъ, охраняющій хату. Въ малорусскихъ веснянкахъ и щедровкахъ къ ремезу обращаются съ такимъ совѣтомъ: „Ой ты ремезе, ремзоньку, та не вій гнизда на ледоньку, бо ся ледонько буде розбывати; твое гниздонько буде потопаты; вій си гниздонько на яворонькy"... Этотъ поэтическій мотивъ подробно разсмотрѣнъ А. А. Потебней въ 1 т. „Объяс. малор. и срод. пѣсенъ". Ремезъ, родъ синицы (parus pendulinus, beutelmeuse), весьма искусно вьетъ гнѣздо яицемъ или кошелемъ, лишь съ небольшимъ отверстіемъ, въ очеретѣ или на деревѣ надъ водою. Совѣтъ пѣсни предполагаетъ, что ремезъ кладетъ гнѣздо именно на льду. А. А. Потебня предполагаетъ, что въ данномъ случаѣ на ремеза и перенесено повѣрье о другой птицѣ, зимородкѣ, альціонѣ греческихъ и средневѣковыхъ сказаній. Аристотель говоритъ, что гнѣздо альціона похоже формой на колокольчикъ или баночку съ длинной шейкой и будто альціонъ высиживаетъ яйца въ серединѣ зимы. Въ русскихъ азбуковникахъ подобнаго рода сказанія прилагаются къ алконосту. Реальныя основанія этихъ сказаній могутъ состоять въ томъ, что зимородки кладутъ яйца въ норахъ, которыя выдалбливаютъ въ береговыхъ обрывахъ. Живутъ они парами, и зимой ихъ можно видѣть надъ прорубями (*Потебня*, I, 551—555).

162.

Божія коровка—солнышко.

Маленькій жучокъ Coccinella имѣетъ полукруглыя красныя съ бѣлыми или черными пятнышками крылышки, которыя плотно складываетъ на спинкѣ и представляется тогда кругленькимъ и красненькимъ. Весной и лѣтомъ эти жучки во множествѣ ползаютъ на освѣщенныхъ солнцемъ мѣстахъ, преимущественно на старыхъ деревьяхъ и пняхъ. Называютъ ихъ божьими коровками, а въ Галиціи еще куколкой, зазулькой, седьмувкой. Въ харьковской губерніи называютъ ихъ также солнышкомъ. Повидимому, за этимъ названіемъ скрывается какое то повѣрье, можетъ быть религіозно-миѳи-

Библиотека "Руниверс"

ческое. Во Львовѣ и Перемышлѣ дѣти, подбрасывая солнышко, спрашиваютъ: „чи до неба, чи до пекла?“, и если насѣкомое распуститъ крыльца и полетитъ—значитъ играющій попадетъ на небо, если оно упадетъ—пойдетъ играющій въ адъ. Подъ Рогатыномъ къ солнышку обращаются съ просьбой указать дорогу. Въ с. Козельникахъ подъ Львовомъ спрашиваютъ его, въ какой сторонѣ весело. Въ Кутахъ говорятъ: „Патронько, патронько (польск. biedronko), лець до Божего домку, пытайся отца, матки, чи будетъ на завтра погодка?“ Краковскіе поляки говорятъ: „Biedronko, biedronko, pójdź do Pana Jezusa po słonko“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи существуетъ повѣрье, что если кто раздавитъ ногой солнышко, то умретъ кто нибудь изъ родныхъ (*Gustav.*, Zbiór wiad., V, 107).

Coccinella называется солнышкомъ и ходитъ за солнышкомъ къ Господу Богу или узнаетъ о погодѣ у своего отца;—все это даетъ поводъ предполагать, что нѣкогда она имѣла болѣе крупное значеніе въ народныхъ понѣрьяхъ, но связи съ солнцемъ, обусловленной, вѣроятно, наружностью и образомъ жизни насѣкомаго, а быть можетъ стояло въ связи съ страной свѣта и тепла—выріемъ.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что малорусскому названію coccinella солнышко соотвѣтствуютъ чешское slunecko, slunecnice, нѣмец. Sonnenkäfer, Sonnenkalbel, Marienkäfer, Mariénvöglein, Frauenhenne, серб. Мара (т. е. Марія) [1]).

Въ параллель къ малорусскимъ дѣтскимъ обращеніямъ къ Божьей коровкѣ можно указать на словацкій обычай спрашивать у этого насѣкомаго, когда будетъ ясная погода. У чеховъ найти солнышко считается хорошей примѣтой. Посадивъ его на ладонь, спрашиваютъ „Веверунько, куда полетишь, на небо или въ адъ?“ или „Верунко, лети на небо, принеси мнѣ золотую корону или золотое солнышко“. Дѣвицы спрашиваютъ у него о своемъ замужествѣ. Въ Сербіи спрашиваютъ: „Скажи, Маро, откуда прійдутъ сваты?“ (*Потебня*, О мие. знач. нѣкот. обр. 224).

---

[1]) По мнѣнію Я. Гримма, Марія замѣнила солнечную богиню Фрею.

Библиотека "Руниверс"

163.

Вырій.

Въ концѣ XI вѣка уже существовало повѣрье въ существованіе ирья, откуда прилетаютъ птицы. „И сему ся подивуемы, говоритъ Владиміръ Мономахъ, како птица небесныя изъ ирья идутъ, и первѣе наши руци и не ставятся на одиной земли, но и сильныя и худыя по всѣмъ землямъ, Божіимъ повелѣніемъ да наполнятся лѣси и поля". Въ черниг., полт., харьк. губ. и въ юго-западномъ краѣ записано народное повѣрье, что 14 сентября улетаютъ въ вырій птицы и лѣзутъ гадюки; изъ послѣднихъ только укусившія остаются въ наказаніе на лѣтнемъ своемъ мѣстопребываніи. Подъ выріемъ народъ разумѣетъ свѣтлую и теплую страну. Ранѣе всѣхъ птицъ и животныхъ улетаетъ въ вырій кукушка, у которой находятся и ключи отъ него; она же весной послѣдняя оттуда улетаетъ. Соя три раза въ теченіе года начинаетъ летѣть въ вырій и все неудачно; первый разъ она летитъ, когда разцвѣтаетъ греча, второй—когда созрѣваютъ хлѣба и третій—когда упадетъ снѣгъ; въ первые два раза она принимаетъ бѣлѣющій цвѣтъ полей за выпавшій снѣгъ и спѣшитъ, но съ половины пути возвращается, желая узнать много ли она пролетѣла; въ третій разъ она не достигаетъ вырія по недостатку корма. Змѣи лѣзутъ въ вырій по деревьямъ. Вырій помѣщаютъ на западѣ, югѣ или юго-западѣ, называютъ его „теплычиной", вѣрятъ, что тамъ есть теплые колодцы, гдѣ купаются больные и получаютъ выздоровленіе (позднѣйшая черта) (*Сементовскій*, въ Маякѣ, 1843, XI, 29; *Чубинскій*, I, 38; *Nawos.*, Ludukr., II, 127).

Удовлетворительное объясненіе повѣрій объ ирьѣ дано Аѳанасьевымъ въ Поэт. воззр. слав., II, 137—141 и Котляревскимъ въ соч. О погребальныхъ обрядахъ, стр. 198. „Рай, Ирій, Вырій, говоритъ Котляревскій, по преданіямъ чеховъ и хорутанъ, былъ жилищемъ солнца—Хорса; оно лежитъ за моремъ (воздушнымъ) или среди моря на островѣ (рус. Буянъ); сюда отходитъ солнце, окончивъ свое дневное шествіе; здѣсь царствуетъ вѣчное лѣто, цвѣтетъ вѣчная зелень, сюда скрывается зимою вся жизнь природы и уле-

Библиотека "Руниверс"

таютъ птицы; здѣсь хранятся сѣмена, приносимыя на землю; здѣсь же обитаютъ души предковъ и души людей еще не рожденныхъ".

164.

Кодло и кубло.

Въ словарѣ *Закревскаго* слово ко́дло имѣетъ значенія: родъ, фамилія, семейство, племя, поколѣніе (въ презрѣнномъ смыслѣ); слово кубло: гнѣздо, уменьш. кубелечко. Въ пѣснѣ: „навѣдала кубелечко, де утка несется". Въ другой пѣснѣ, свадебной: „Да чого ты, Марыся, безъ кубла". Пѣсню эту поютъ, когда везутъ приданое, и слово кубло — здѣсь означаетъ приданое. Въ польскомъ языкѣ слово godło получило значенія родоваго знака, эмблемы, девиза, залога, знака (словари *Линде*, *Бартошевича*). Слова кодло и кубло въ значеніи гнѣзда и въ переносномъ значеніи семьи весьма древни. Какъ въ санскритѣ кулая—гнѣздо, а кула—семья, такъ и на Руси въ старину, въ Малороссіи изрѣдка и нынѣ, слова гнѣздо, кодло, кубло употребляются въ значеніи семьи. Въ Словѣ о полку Игоревѣ: „Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилцы". Тѣмъ же древнѣйшимъ бытомъ отзывается эпитетъ Всеволода Юрьевича „большое гнѣздо". При такомъ перенесеніи слова взглядъ охотника явствуетъ въ древнемъ выраженіи „гнѣздо стрѣлъ", т. е. пукъ, извѣстное число стрѣлъ (*Буслаевъ*, Истор. очер. I, 90). Связь гнѣзда съ жилищемъ вообще въ эпоху созданія эпическихъ сказаній явствуетъ, напримѣръ, въ преданіи объ основаніи г. Гнѣзно: „Лѣхъ съ своими полками остановился въ лѣсистой мѣстности, усѣянной холмами, при его приближеніи со всѣхъ холмовъ приподнялись цѣлыя стаи бѣлыхъ орловъ, которые гнѣздились въ рощахъ. Въ этомъ случаѣ Лѣхъ увидѣлъ доброе предзнаменованіе и велѣлъ строить здѣсь городъ, который по орлинымъ гнѣздамъ и названъ былъ Гнѣзна или Гнѣздо" (*Буслаевъ*. ib., 369).

На сближеніи гнѣзда и жилища основаны народныя повѣрья въ счастливое значеніе для дома гнѣздъ аиста, ласточки и ремеза.

Библиотека "Руниверс"

165.

Полозъ.

„Habent sua fata libelli“—сказано о книгахъ. Тоже можно сказать о вымершихъ животныхъ. Одни животныя исчезли съ лица земли и вышли изъ памяти народа, напр., тарпаны, или дикіе лошади (о тарпанахъ есть монографія г. Шатилова; были о нихъ замѣтки въ „Кіев. Стар.“), Никто, кромѣ зоологовъ, не обратилъ на нихъ вниманія. Другихъ, напр., туровъ, облюбила народная пѣсня, и туры продолжаютъ жить въ народной словесности съ небольшой фантастической подкраской,—несмотря на то, что они давно, еще въ XVI столѣтіи, вымерли, между тѣмъ, какъ тарпановъ встрѣчали въ южно-русскихъ степяхъ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Также незамѣтно исчезли въ южной Россіи медвѣди, олени, бобры. Лучшая судьба выпала на долю полоза: онъ живетъ и, повидимому, долго еще будетъ жить въ сказаніяхъ народа. Полозомъ называлась нѣкогда большая змѣя изъ породы удавовъ, иначе „желтобрюхъ“.

Говорятъ, изрѣдка, и теперь она попадается въ Новороссіи въ балкахъ. Змѣя эта, какъ всѣ удавы, не ядовита. Въ простомъ народѣ существуетъ много разсказовъ о полозахъ. Мѣстопребываніемъ полозовъ считаютъ недоступныя скалы надъ Днѣстромъ, гдѣ полозы живутъ вмѣстѣ съ черными и бѣлыми орлами. Охотиться за полозомъ нужно въ ясный солнечный день, и если онъ погонится за человѣкомъ, то уходить нужно противъ солнца, которое ослѣпляетъ змѣя своимъ блескомъ. Убить полоза можно только въ томъ случаѣ, если пуля попадетъ въ бѣлое пятнышко подъ горломъ. Въ Кишиневѣ жилъ одинъ калѣка нищій, ноги котораго были поломаны полозомъ. Онъ былъ пастухомъ. Однажды онъ сидѣлъ въ куренѣ около больной овцы, какъ вдругъ на него бросился полозъ, обвилъ его и задушилъ бы, если бы чебану не удалось убить змѣя гирлыгой (палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ). Издыхая, полозъ такъ билъ хвостомъ по землѣ, что на локоть выбилъ яму. Однажды полозъ схватилъ въ полѣ молдаванина, обмоталъ его хвостомъ и тащилъ за собой. По дорогѣ попался другой полозъ, который подавился рукой мертвеца, вылъ и старался освободить свое горло. Молдаванинъ

Библиотека "Руниверс"

извлекъ руку изъ его горла. Полозъ снова затѣмъ потащилъ его, и бѣдный молдаванинъ уже готовился къ смерти. Полозъ притащилъ его въ пещеру, далъ ему мѣшокъ съ хлѣбомъ и мѣшочекъ съ деньгами и отпустилъ его, нужно думать, въ награду за медицинскую помощь, оказанную имъ другому полозу. Одинъ разсказъ—о томъ, какъ пастухъ, обернувшись травой тырсой, убилъ полоза, залегавшаго доступъ къ единственному въ степи озеру (*Rulikowski,* въ Zbiór wiadom., III, 95)—представляетъ любопытный варіантъ сказанія о Кириллѣ Кожемякѣ; о немъ мы подробнѣе скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Къ полозу приложены старинныя фантастическія сказанія о змѣяхъ; въ этомъ отношеніи сказанія о полозѣ представляются любопытными, такъ какъ въ нихъ раскрывается отчасти процессъ и техника народнаго поэтическаго творчества.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

СОЖЖЕНІЕ УПЫРЕЙ ВЪ С. НАГУЕВИЧАХЪ ВЪ 1831 Г.

I.

Разсказы объ упыряхъ, помѣщенные на страницахъ „Кіевской Старины“ освѣжили въ моей памяти множество разсказовъ, слышанныхъ мною еще въ дѣтствѣ, объ ужасномъ событіи, которое случилось въ моемъ родномъ селѣ Нагуевичахъ, дрогобичскаго уѣзда въ Галиціи, въ памятномъ 1831 году. Разсказы эти, которые когда то производили потрясающее дѣйствіе на мое дѣтское воображеніе и заставляли меня при всякомъ малѣйшемъ шорохѣ вскрикивать и даже падать въ обморокъ, живутъ и до сихъ поръ, какъ это читатель увидитъ изъ помѣщаемыхъ ниже записокъ г-жи Ольги Франко, писанныхъ лѣтомъ 1889 г. Дѣло касается сожженія нѣсколькихъ человѣкъ, заподозрѣнныхъ громадою въ томъ, что они упыри и были причиной свирѣпствовавшей въ то время холеры.

Вѣра въ упырей въ нашемъ Подгорьѣ до сихъ поръ очень жива и распространена. По народному повѣрью упыри и упырицы бываютъ двоякаго рода: „родыми“ и „пороблени“. Родимые считаются болѣе опасными; кто и какъ превращаетъ обыкновенныхъ людей въ упырей—мнѣ не удалось узнать. Примѣты, по которымъ узнаютъ упырей, весьма разнообразны. Обыкновенно у нихъ лицо красное и глаза чрезвычайно яркіе и блестящіе—это оттого, что они сосутъ чужую кровь.

Г-жа О. Франко записала отъ Маріи Гаврылыковой слѣдующую любопытную примѣту: „Упырь якъ спыть, то все на лави, пидъ викномъ, але не такъ, якъ други люде. Винъ усе лягае

Библиотека "Руниверс"

головою до дверей, а ногами до образивъ—по тимъ его и пизнаты можно. Якъ бы хто въ сни перевернувъ его такъ, що голову положывъ бы туды, де булы ноги, а ноги—туды, де була голова, то винъ уже не встане зъ лавы, а буде такъ лежаты, хоть бы й мисяць, покы его зновъ не обернуты такъ, якъ у передъ лежавъ. Упыръ може и въ худобыну обернутыся. То разъ у ясеныцького (Ясеныця Сольная—село, сосѣднее съ Нагуевичами) попа була слуга—пекъ бы ій—упырыця и якусь соби злисть піймыла на пастуха, та не мала якъ до него прыступыты. Ажъ разъ той пастухъ жене худобу, ажъ бачыть якась безрога суне на него, крычить та все наганяеся, щобъ укусыты. Винъ на неи крычыть—ба, не помагае. Винъ еи прогонюе—ба, суне безрога тай суне. Тогди винъ якъ ухопывъ бучокъ, якъ почне тоту безрогу быты, такъ бывъ, такъ бывъ, що тота ледво ногы поволокла, тай щезла десь межы плотамы. Прыходыть винъ вечеромъ до дому, дывыться до пекарни, а служныця лежыть на лави, головою до порога, та така збыта, таки сынци по пидъ очыма, по рукахъ, по ногахъ, що не дай Господы.—„Ага!—погадавъ винъ соби.—Отъ яка ты! Чекай же!“—Тай не много мыслячи, взявъ, тай обернувъ еи головою до образивъ, а потимъ пишовъ до попа тай каже: „Егомость, щось наша Марыська слаба, побыта така, тай не встае.“ Пишовъ пипъ до пекарни—правда е. Зачинае винъ термосыты еи, будыты-- де тамъ, ани суды Боже! Отже лежала такъ цилый день не встаючы, покы той слуга не обернувъ еи зновъ такъ, якъ зразу лежала,—тогди вона збудылася“.

Упыри могутъ вредить людямъ и скоту не только по смерти, но и при жизни. Ночью они могутъ улетать въ отдаленныя мѣста, конечно, не тѣломъ, но душей, и дѣлать тамъ пакости, тѣло же ихъ остается на мѣстѣ со всѣми признаками жизни, и потому упырей называютъ тоже „дводушныками“, т. е. людьми, имѣющими двѣ души. Вредятъ они не всегда по своей собственной волѣ, но по указаніямъ или по крайней мѣрѣ съ соизволенія своихъ старшинъ—„старшихъ упырывъ“. Самые старшіе упыри въ нашей окрестности были, по народному преданію, въ с. Бусовищи самборскаго округа. Лѣтъ 15 назадъ я записалъ

Библиотека "Руниверс"

отъ моей покойной матери слѣдующій разсказъ о самомъ старшемъ упырѣ изъ Бусовищъ: „Повидають, що оттутъ на Медвижи (село, смежное съ Нагуевичами) заслабъ бувъ разъ чоловикъ—першый богачъ у сели. Крычыть, тай крычыть, вьеся зъ болю, а що его болыть—не може сказаты. Що воны его до дохторивъ, до ворожбытивъ возылы; що людей перепытувалы, що ему раду давалы, яку хто радывъ—ничого не помагае. Ажъ дали наряявъ хтось: „идить, каже, до Бусовыщъ, до того й того господаря, у него е слипый отець, якъ вамъ той не поможе, то вже нихто не поможе“. А у того богача два сыны булы, парубки вже дорослы. Заразъ запряглы, поихалы. Прыизджають до хаты. „Слава Исусу Хрысту!“ А той слипый изъ-за печи: „Ага, справывъ васъ мій ворогъ тяжкый до мене! Ну, ну, прыгадаю я ему тоту прыслугу“. Ти ажъ одебелилы, дывляться, а винъ сыдыть на печи, слипый, сывый, а на лыци такій червоный, якъ катъ. Зачалы воны до него: „Будьте ласкавы, татусю, змылуйтеся! мы вамъ уже..“ Та де тобы, той имъ и говорыты не дае. „Идить соби видъ мене, я не хочу черезъ васъ у биду впадаты! Вы гадаете, що я все можу, а то е й сылнійши видъ мене, а зъ тымъ, що до вашого таты вчепывся вже разъ мавъ прыгоду, бачыте, и очы черезъ него стратывъ, а теперъ, якъ другый разъ зъ нымъ задеруся, то певно знаю, що смерть моя буде“. Ти бидни хлопци не знають уже, що робыты, а дали гадають: „все одно, нажене то нажене“. Зачалы его ще дужше просыты; пообицялы пару воливъ, котри соби схоче выбраты. Прышовъ и сынъ того слипого, такожъ за нымы слово промовывъ: „Ну, ну, татуню, не перечтеся! Вы, каже, дасте ему раду“. По троха, по троха, якось того слипого упросылы. „Йидьте жъ, каже, теперь соби до дому, а на нови мисяце прыизджайте“. Добре, прыихалы на нови мисяце, прогостылыся тамъ до ночы, а пидъ ничъ слипый зибрався, на фиру тай идуть. „Везить же мене, каже, на граныцю вашого села, до того а того кипця!“ А той конець гетьгеть видъ дорогы, на толоци, пидъ самымъ лисомъ. Прыихалы до кипця—питьма, хоть око выймы—сталы. Мій слипый скочывъ зъ воза, якъ хлопець, тай бухъ пластомъ на землю. „Стійте жъ вы тутъ, каже, а якъ крыкну на васъ, то прыходить до мене.

Библиотека "Руниверс"

А рыскали (заступы) маете зъ собою?"—„Маемо". Прытулывъ винъ лыце до земли, нюхъ-нюхъ, якъ той песъ, тай полизъ дали. Лизъ, лизъ, нюхавъ, нюхавъ, ажъ дали крыкнувъ: „Сюда!" Хлопци прыбиглы зъ лихтарнямы. „Копайте тутъ!" Взялы копаты а той слипый, якъ песъ, обома рукамы землю розграбуе та ажъ зубамы скрегоче. Десь такъ зъ за годыну докопалыся до костей. „Ага, ось винъ!" крыкнувъ слипый, тай якъ почне надъ тымы кистьмы щось шептаты, якъ почне крычаты, нибы сварытыся, то парубкы мало зо страху не повмыралы. Такъ крычавъ ажъ до сходу сонця. „Ну, каже до парубкивъ, теперъ засыпте яму назадъ, уже винъ никому шкодыты не буде, але й я никому бильше не поможу. Везить мене до дому". Завезлы его—до трохъ днивъ винъ и померъ. А тата свого засталы дома здорового. Сынъ того слипого зъ Бусовыщъ прыйшовъ и що найлипшу пару воливъ узявъ".

Всего легче узнать упыря послѣ смерти. Когда его „нарядять на лави", онъ лежитъ точно живой, съ краской на лицѣ, не смыкая глазъ, хотя ихъ у него закрываютъ по нѣсколько разъ и даже прикладываютъ „галаганами" т. е. большими мѣдными монетами. Мнѣ разсказывали, что старый дьякъ нагуевскій Варенычка, читая однажды псалтырь при такомъ покойникѣ, ночью, когда никого не было въ избѣ кромѣ него и трупа, увидѣлъ, какъ покойникъ началъ медленно шевелить рукой, комкать и стягивать полотно, которымъ былъ накрытъ, и, наконецъ, поднимать голову. Но Варенычка не оробѣлъ и, грозно прикрикнувъ на него: „а не будешъ ты тыхо лежать, поганыне!" ударилъ его псалтырью по головѣ, послѣ чего покойникъ улегся и болѣе не вставалъ. Иногда у такого покойника въ самый день похоронъ, черезъ два дня послѣ смерти, начинаетъ изъ носа и устъ идти запекшаяся, черная кровь. Такихъ покойниковъ въ прежнее время не хоронили на освященномъ кладбищѣ, а погребали „на граныцѣ" вмѣстѣ съ самоубійцами. Упырь очень не любитъ лежать въ освященной землѣ, и поэтому, когда его несутъ на кладбище, дѣлаетъ разныя пакости. Обыкновенно въ то время бываетъ буря, вѣтеръ, слякоть или мятель; вѣтеръ ломаетъ древка церковныхъ хоругвей, носильщики, несущіе гробъ

Библиотека "Руниверс"

на „марахъ“, внезапно заболѣваютъ или падаютъ, такъ что гробъ падаетъ въ грязь, и даже случается, что крышка сваливается и покойникъ выпадаетъ тоже въ грязь. О такомъ покойникѣ говорятъ: „Отъ, поганынъ, танцюе по смерти!“ Въ могилѣ упырь лежитъ точно живой, а ночью выходитъ и „потынае людей або худобу“. Что собственно значитъ это „потынанне“, съ точностью опредѣлить не могу. Бойки прилегающихъ къ Нагуевичамъ самборскаго и турчаскаго округовъ различаютъ нѣсколько видовъ „потынання“: „втне лекше, втне тяжше, а втне й смертельно“. Въ Нагуевичахъ объ этихъ различіяхъ я не слыхалъ. Изъ нѣкоторыхъ разсказовъ можно догадываться, что упыри высасываютъ кровь у людей, но самое слово „потынаты“ или „втынаты“, которымъ обозначаютъ зловредное дѣйствіе упырей, равно какъ и то обстоятельство, что ихъ въ 1831 г. да и послѣ могли считать виновниками холеры, заставляетъ догадываться, что народъ, кромѣ высасыванія крови, приписываетъ упырямъ еще какое то дѣйствіе, болѣе внезапное, какое нибудь пораженіе сердца или другое поврежденіе внутреннихъ органовъ.

Въ одной корреспонденціи изъ с. Завадки турчанскаго округа (Червоная Русь, 1890, № 28), гдѣ разсказывалось о дѣйствіяхъ мѣстнаго „ворожбыта“ Левицкаго, приведены были указываемыя этимъ ворожбитомъ слѣдующія лѣчебныя средства противъ „потынання“ упырей: когда „взявъ лекше“, слѣдуетъ взять земли съ могилы упыря, развести ее водой, умыть больного и дать ему напиться этой воды; если „втявъ тяжше“, нужно разрыть могилу, наскубть изъ трупа волосъ и подкурить ими больного; когда же „втявъ смертельно“, необходимо обернуть упыря въ гробу, оскубть у него всѣ волосы и кромѣ того изрубить трупъ въ куски. Въ корреспонденціи далѣе разсказано было о профанаціи мертвеца, произведенной по этому рецепту и о начатомъ по этому поводу судебномъ слѣдствіи. Подобныхъ случаевъ профанаціи мертвецовъ ежегодно случается по нѣскольку въ разныхъ округахъ Галиціи—неоспоримое доказательство того, что вѣра въ упырей сильно распространена и живуча среди галицко-русскаго населенія.

Библиотека "Руниверс"

О ночномъ хожденіи упырей въ Нагуевичахъ существуетъ множество разсказовъ, и рѣдко вы встрѣтите мужика постарше, который бы ни разу не видалъ на своемъ вѣку какого нибудь „ходящаго“ покойника. Чтобы предохранить себя отъ посѣщеній упыря, жильцы той хаты, въ которую онъ „впронадытся“, должны осыпать свое хозяйство „святовечирнымъ хруставцемъ“; т. е. макомъ самосѣйкой, который въ сочельникъ лежалъ на столѣ, гдѣ ужинали. Черезъ кругъ этого „хруставця“ упырь не посмѣетъ переступить и будетъ нѣсколько ночей съ ужаснымъ воемъ и стономъ ходить кругомъ да около, пока совсѣмъ не уйдетъ.

Чтобы сдѣлать упыря совершенно безвреднымъ, нужно разрыть его могилу, открыть гробъ, отрубить мертвецу голову и положить ее у него между ногъ, тѣло же обернуть грудью внизъ и прибить къ землѣ осиновымъ коломъ. Мнѣ разсказывали, что въ Нагуевичахъ когда то разрыли могилу такого упыря и, открывши гробъ, нашли мертвеца, который лежалъ на боку, подперши голову рукой, и курилъ трубку. Обыкновенно вырытый трупъ упыря оказывается неразложившимся, съ отросшими волосами и ногтями.

Что упыри могутъ вредить не только людямъ, но и скоту, въ этомъ, кромѣ нижеслѣдующаго разсказа, убѣждаетъ насъ одно мѣсто изъ пастырскаго посланія буковинскаго православнаго епископа Даніила отъ декабря 1790 г. [1]), направленнаго противъ вѣрованія въ упырей. Вотъ что пишетъ благочестивый епископъ по этому поводу: „Съ великимъ жалѣніемъ уразумѣли (мы), яко обрѣтаются между вами таковіи люде безумніи и слабіи въ вѣрѣ христіанской, а найпаче совсѣмъ отвращенни отъ праваго ума и истины, которіи своимъ невѣжествомъ дерзаютъ разсуждать и говорить, яко тѣлеса нѣкоторыхъ людей мертвыхъ имѣютъ силу умертвлять скоты ваши, которимъ тѣлесамъ и имя выдумали, сі есть нарекли ихъ „видмы“ или „опирѣ“, о чемъ

[1]) Извлечено мною изъ рукописной книги курренд деканата днѣпрянскаго 1786—1796 гг., принадлежащей ректору черновицкаго университета проф. Э. Калужняцкому.

Библиотека "Руниверс"

мы весма трепещемъ, что до таковаго паденія вѣры и познанія истини достигли христіяне нашея (sic вм. наши) и еще во упрамствѣ пребиваютъ и истиннаго наученія священного писанія не послушаютъ, но внимаютъ баснямъ и стезямъ развратительнымъ". Слѣдуетъ поученіе о тѣлѣ человѣческомъ, какъ Божьемъ созданіи, послѣ чего говорится далѣе: „По смерти человѣка душа идетъ во дворы опредѣленнія отъ Бога, и тѣло положше въ землю безъ нечувственно остаетъ такожде до воскресенія мертвыхъ, то потомъ какъ утерпляютъ скоти ваша? Какъ не срамно? Какъ смѣютъ таковіи говорить и оставатися въ своемъ дурачествѣ, сіесть разсуждать, яко мертвіи суть видмы или просто рещи опирѣ и въ нощи исходятъ отъ гробовъ и умертвляютъ скоти вашия".

II.

Ужасная эпидемія—холера, которая постигла всю Европу въ 1831 и 1832 гг., не преминула навѣстить и Галицію. По правительственнымъ исчисленіямъ холера въ это время появилась въ 3608 мѣстностяхъ, съ населеніемъ въ 3,143,235 чел., изъ которыхъ заболѣло 255,774, а умерло 96,081. Мѣстностей, которыхъ не коснулась эпидемія, было 2807 съ 1,307,940 жителями. По этимъ же исчисленіямъ самый большій процентъ заболѣвшихъ холерой былъ въ округахъ стрыйскомъ и самборскомъ, гдѣ заболѣло 12% всѣхъ жителей, между тѣмъ какъ число заболѣвшихъ во всей Галиціи составляло 6% всѣхъ жителей. Процентъ смертности былъ еще болѣе значительный: во всей Галиціи среднимъ числомъ на 100 заболѣвшихъ холерой умирало 38, во Львовѣ 52, въ округѣ тарновскомъ 46, въ стрыйскомъ и самборскомъ, кажется, тоже не менѣе 40 [1]).

---

[1]) См. Gazeta Lwowska, 1848, 18 октября, № 123.

Библиотека "Руниверс"

Неудивительно поэтому, что такое страшное бѣдствіе, постигшее нашъ народъ, должно было глубоко потрясти все его моральное существо и моментально пробудить къ жизни разныя темныя силы, дремлющія, но не исчезнувшія въ глубинѣ души народной. Суевѣрный страхъ передъ упырями безспорно принадлежалъ къ такимъ темнымъ силамъ, и вотъ въ самый разгаръ эпидеміи страхъ этотъ доводитъ народъ до ужасной расправы—сожженія нѣсколькихъ человѣкъ.

Объ этомъ фактѣ мы встрѣтили въ печати только одно упоминаніе, находящееся въ запискахъ іеромонаха Иліи-Эміліана Коссака, василіанина, напечатанныхъ въ „Словѣ“ 1880 г., № 106. И. Э. Коссакъ происходилъ изъ мѣщанской семьи города Дрогобыча, отстоящаго верстъ на 10 отъ Нагуевичъ, и лѣтомъ 1831 г. возвращался изъ Вѣны, гдѣ только что кончилъ курсъ богословія. Вотъ его разсказъ, въ которомъ я позволилъ себѣ только исправить языкъ. „Выѣзжая изъ Нагуевичъ, большаго казеннаго села, я увидѣлъ большое пожарище, покрытое пепломъ. Желая узнать причину этого необыкновеннаго явленія, я спросилъ человѣка, отворявшаго мнѣ ворота вблизи его хаты, что значитъ такое громадное пожарище среди села на выгонѣ. На это онъ совершенно хладнокровно отвѣтилъ мнѣ:

— Туткы упыривъ палылы.

— Якихъ упыривъ? спрашиваю.

— А що людей пидтыналы.

— Колы?

— А въ холеру.

Услышавъ это, я еще разъ взглянулъ на пожарище. Морозъ подралъ у меня по кожѣ, но не показывая вида, говорю ему далѣе:

— Що вы, чоловиче кажете? Чи то може буты?

— А таки було.

— Та якъ вы моглы пизнаты, хто упыръ?

— А бувъ тутъ у сели,—разсказываетъ съ наивнымъ суевѣріемъ человѣкъ,—такый хлопець; той ходывъ видъ хаты до хаты та по волоссю на грудяхъ пизнававъ упырив. Тыхъ заразъ бралы и тутъ на пастивныку терновымъ огнемъ палылы.

Библиотека "Руниверс"

Дальше я разспрашивалъ, не запрещалъ ли имъ кто нибудь этого богомерзкаго дѣла, старшина или священникъ?

— Та ни,—отвѣчалъ мужикъ,—пипъ самъ померъ на холеру (это былъ о. Витошинскій), а війтъ хоть бы був и хотивъ забороныты, то громада була бы не послухала.

— А тымъ, що пидпалювалы,—спрашиваю,—ничого за то не було?

— Та якъ бы не було? Заразъ зъихала зъ Самбора комысія, та килькадесять хлопивъ забрала до криминалу, божъ то не мало людей и то добрыхъ господаривъ, на стосахъ попалылы.

Поблагодаривъ его за пропускъ, я пустился дальше въ путь, размышляя съ неизреченнымъ ужасомъ о томъ, что я узналъ. Въ ближайшемъ селѣ—Ясеницѣ Сольной, я опять разспрашивалъ встрѣчнаго человѣка о томъ, что слышно, не сожигали ли и у нихъ упырей.

— А якъ же,—отвѣтилъ тотъ,—палылы, та тилько не у насъ, а по другыхъ селахъ, отъ въ Нагуевичахъ, Тустановичахъ и иншыхъ.

Между прочимъ узналъ я отъ него, что мужики изъ Нагуевичъ хотѣли еще сжечь и „найстаршого упыря“, о которомъ имъ разсказывалъ мальчикъ, что „винъ дуже червоный и живе въ Дрогобычи въ манастыри“, но никакъ не могли его захватить.

Погруженный въ печальныя мысли о несчастномъ суевѣріи народа, я уже поздно ночью пріѣхалъ въ Дрогобычъ и направился ночевать въ василіанскій монастырь. Монастырская дверь была еще не закрыта и я засталъ о. ректора Качановскаго еще занятымъ вечернею молитвою. Онъ искренно обрадовался мнѣ и принялъ меня очень радушно, какъ своего прежняго ученика изъ „нѣмецкихъ“ школъ. Я немедленно разсказалъ ему про все видѣнное и слышанное по пути, и онъ со слезами на глазахъ подтвердилъ мнѣ, что все это, къ сожалѣнію, дѣйствительная правда, и что этимъ „найстаршимъ упыремъ“ былъ не кто другой, какъ онъ самъ, и что онъ, зная навѣрно на какую смерть осудила его темнота мужиковъ, долгое время не могъ ни на шагъ выйти изъ стѣнъ монастыря“.

Библиотека "Руниверс"

Разсказъ этотъ, несмотря на кажущуюся его обстоятельность и на нѣкоторыя цѣнныя подробности, касательно нагуевичскаго погрома не совсѣмъ вѣренъ. Нужно замѣтить, что покойный Коссакъ писалъ его почти 20 лѣтъ спустя послѣ самаго событія и включилъ его въ составленную имъ „Лѣтопись Креховскаго монастыря“ во время своего игуменства въ этомъ монастырѣ. О самомъ погромѣ уже въ 1831 г. онъ зналъ только по наслышкѣ, а то, что онъ говоритъ о видѣнномъ будто бы имъ пожарищѣ „среди села на выгонѣ“ мы должны считать не болѣе какъ дешевой декораціей. Утверждаю положительно, что если И. Э. Коссакъ въ 1831 г. ѣхалъ черезъ Нагуевичи такъ, какъ онъ разсказываетъ, т. е. „краевой дорогой“ изъ Перемышля въ Дрогобычъ, да такъ, что изъ Нагуевичъ поѣхалъ въ Ясеницу, то *пожарища*, гдѣ жгли упырей, онъ отъ громадскихъ воротъ или вообще *ни откуда не могъ видѣть*. Пожарище это дѣйствительно находилось на выгонѣ, прозываемомъ „Селомъ“, но совершенно пустомъ и расположенномъ не среди села, а за селомъ, между тѣмъ какъ дорога въ Ясеницу поворачиваетъ на югъ, не доѣзжая по крайней мѣрѣ полверсты до конца села. Это бы еще, конечно, ничего не значило, но важнѣе слѣдующее обстоятельство. Упырей жгли въ одномъ углу выгона, прозываемомъ „Базарыще“, лежащемъ на легкой покатости довольно широкаго холма; дорога въ Ясеницу тянется тоже по покатости этого холма, но съ противоположной стороны, такъ что, проѣзжая этой дорогой, „Базарыща“ ни откуда видѣть нельзя. Что И. Э. Коссакъ собственными глазами не видѣлъ „Базарыща“, въ томъ убѣждаетъ меня еще и то, что онъ говоритъ о „кострахъ“, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ только объ одномъ кострѣ и можетъ быть рѣчь. Въ чемъ еще не полонъ его разсказъ читатель увидитъ изъ нижеслѣдующаго разсказа, записаннаго г-жей Ольгой Франко изъ устъ очевидцевъ ужаснаго происшествія, стариковъ Артыма Лялюка и кузнеца Сеня (Семена) Буцяка, разсказа пополненнаго кое-гдѣ моими собственными воспоминаніями и записками.

Вотъ сводный разсказъ Сеня Буцяка:

Библиотека "Руниверс"

„То якъ була, най ся пречъ каже, холера, то першый умеръ пипъ на тоту слабисть. Але люде ще не знали, що то за слабисть, тай поховали его на цвынтари. Гей, такъ десь за тыждень якъ зачнуть мерты люде! То зразу мерло по пятеро, шестеро, а дали по десятеро, по двадцятеро, а доходыло до того, що й по пятьдесятъ умерцивъ на день въ сели було. Страхъ такый на людей упавъ, що не суды Боже! Церковь замкнулы, безъ попа й безъ дяка ховають—обкопалы оттутъ на Базарыщи мисце тай тамъ закопують, и по два, по тры або й по бильше въ одну яму кладуть.

Слухайте жъ що ся за прыгода стала! Десь тамъ въ горишнимъ конци села бавылы ся диты, якъ то звычайно диты, говорять межe собою о тимъ самимъ, що й стари. А еденъ хлопець семилитокъ, Гаврыло назывався, каже до ныхъ:

— А знаете, видъ чого ти люде мруть?

— Ну, видъ чого?—диты пытають.

— Видъ упырывъ. То воны людей потынають.

— Ба, а ты видкы то знаешъ?

— Бо я й самъ упыръ. Я самъ свого тату й маму потявъ. И знаете, ничыя мни кровъ не була така солодка, якъ ихъ.

Розбиглыся диты по хатахъ, повидають одно татови, друге мами, що Гаврыло такъ и такъ говорыть. Заразъ люде до Гаврыла.

— Правду ты, хлопче, кажешъ?

— Правду.

— А мигъ бы ты пизнаты, хто упыръ?

— Можу.

— Ну, добре, памятай же, завтра будешъ пизнаваты.

На другый день була недиля. Въ церкви було набоженство—що другый тыждень правывъ пипъ зъ сусидного села. Зибралася вся громада—и третой части въ церкви не помистылося, пидъ церквою стоялы, поки пипъ не скинчывъ видправы та не поихавъ до дому.

Тямлю якъ нынi, въ тимъ роци дуже жъ то грыбы булы вродылы, то такъ уродылы, що бувало выйдешъ за въ лисъ, тай заразъ наберешъ мишокъ грыбивъ. Отже жъ тои недили я

Библиотека "Руниверс"

пасъ у лиси худобу. Женемо на полудне до дому, кождый пастухъ михъ грыбивъ несе, самыхъ шапочекъ,—ажъ дывымося, иде старый Буряннык, чоловикъ такый бувъ, оттутъ жывъ недалеко церквы, иде зъ лиса, такожъ грыбы несе. Прыходымо въ село, а тамъ присяжни, десятныки бигають по меже хаты, всихъ до церквы клычуть, старе й мале заразъ мае йты. Щось тамъ будуть голосыты—кажуть. Дывымося, а Буряннык якъ нисъ мишокъ зъ грыбамы, такъ и пустывъ его середъ дорогы, а самъ ставъ блидый, якъ стина.

— Що вамъ, диду? пытаю его.

— Ой, сыноньку,—каже,—чую, що смерть моя буде.

— Пекъ, пекъ, оссына! кажу,—що вы за смерть загадуете? Отъ ходимъ до церквы, почуемо, що тамъ будуть голосыты.

Буряннык тилько рукою махнувъ тай пишовъ ни живый, ни вмерлый. Позаганялы мы худобу тай соби побиглы. Дывымось, а коло церквы на цвинтари всихъ людей поставылы рядамы, одинъ узявъ на рукы того хлопца—Гаврыла—тай носыть его попередъ ти ряды.

— Пизнавай, кажуть, котри упыри.

— Оттой упырь, оттой упырь, оттой упырь,—каже Гаврыло. Симохъ чоловикивъ показавъ. И нашого Буряннык такожъ. Заразъ ихъ узялы на бикъ. Обійшлы вси ряды—бильше нема.

— А по чимъ же ихъ пизнаты, що воны упыри? пытають люде Гаврыла.

— По тимъ пизнаты, що кождый мае сырывцёве полотно перевязане по пидъ колино.

Заразъ кинулыся до ныхъ, зревидувалы,—акуратъ такъ е, у кождого сыре полотно по пидъ колино перевязане. Заразъ ихъ звязалы, варту до ныхъ приставылы.

— А нема бильше упыривъ?—пытають ще Гаврыла.

— Е ще, але не до людей, а до коней, до худобы, до овець.

— Ну,—кажуть люде,—до тыхъ намъ байдуже. А отсимъ що маемо робыты?

— Ничого вы имъ не зробыте,—каже Гаврыло,—докы жыви, то все вамъ будуть шкодыты.

Библиотека "Руниверс"

Зачалы люде радыты, що ту зробыты зъ тымы упырямы, и врадылы ихъ спалыты на огни. А Гаврыло каже:

— Ничого имъ вашъ огонь не зашкодыть. Тилько терновый та яливцёвый огонь може имъ допечы, а иншый ни.

А ну заразъ наказалы, хто тамъ бувъ, уси мають иты на Базарыще и кождый мае нести хоть одну тернину. Де яке тернье було въ плотахъ, у корчахъ—все повытягалы та повыломлювалы—купу наклалы таку, якъ хата. Привелы упырывъ.

— Призначайтеся!—кажуть—чы вы людей потынаете?

— Ни,—кажуть ти,—люде добры, майте Бога въ серци, мы ничого не вынни.

Взялы воны насамперед Вольчака,—першый богачъ бувъ, у горишнимъ конци села, скувалы ему рукы й ногы зализнымы путамы, що коней путають, прысылылы до ныхъ ланцюхъ довгый, тай бухъ его въ терновый огонь, а два хлопы тягнуть ланцюхомъ черезъ огныще на другый бикъ. Перебигъ винъ разъ, зновъ ему кажуть:

— Признавайся!

— Люде добры, пустить мене,—каже Вольчакъ—я упырь, але я не сюда належу.

— А куды жъ ты належышъ?—пытають.

— Мени прызначено до Фульштына [1]),—каже винъ.

— А хто жъ тебе тамъ прызначывъ?

— Нашъ старшый. Але его ту нема, винъ далеко.

— Де винъ?

— У Дрогобычи.

Зновъ зачавъ просыться, щобы его пустылы, вже бувъ дуже обпеченый, але воны не слухалы.

— Ты—кажуть—тамъ потынаешъ, а твои кумпаны у насъ потынають, а намъ усе одна бида. Такъ волышъ ты згынуты, колы тамтыхъ не можемо достаты въ свои рукы.

И пхнулы его другый разъ у огонь, и зновъ ланцюхомъ тягнуть. Винъ бигъ, щобы чымъ борше выхопытыся на другый бикъ, але на середыни огню зашпотався тай упавъ у саму грань.

[1]) Фульштынъ или Фельштынъ—небольшой городокъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Самбора, а отъ Нагуевичъ верстахъ въ 40.

Библиотека "Руниверс"

Більше вже не мигъ встаты. Такъ его за ланцюхъ перетяглы черезъ огонь ажъ до краю, а потому ще разъ, и видложылы на бикъ лишъ дрибку жывого. Отже що вы на то скажете? Здавалося, що все тило перегорило, ничого не було выдно, лышъ одну рану, а выходывся, выдужавъ, ще потому більше якъ симъ литъ прожывъ!.

Разковалы Вольчака, взялыся до другого упыря,—Ступакомъ прозывався. Той, якъ тилько его пхнулы въ огонь, такъ и впавъ, и такымъ его перетяглы на другый бикъ огныща,—вже бувъ небожчикъ. Тогды воны до третего, Панька Саляка. Винъ бувъ лишъ у подягачци [1]), безъ гуни, бо була велыка спека. Скынулы зъ него подягачку и верглы на огонь—вона заразъ займылася.

— Прызнавайся,—кажуть,—чы ты упырь, чы ни?

— Ни люде добры, не упырь.

Знялы зъ него чоботы, сорочку и такожъ пометалы въ огонь, и зновъ ему кажуть:

— Прызнайся, бо и ты такъ будешъ гориты, якъ твое шматье.

— Люде добры,—каже винъ,—Богъ мою душу выдыть! я не упырь! А хочете, щобымъ горивъ, то най вамъ и такъ буде!.

Пидыймывъ рукы до неба, тай самъ кынувся въ огонь, лыцемъ у саму грань, такъ що видъ разу тило на немъ збиглося. А потому ще самъ на другый бикъ обернувся. Перетяглы его черезъ огонь и більше вже не тягалы, такъ и положылы коло тамтыхъ двохъ.

Взялыся до четвертого, Ныколы Саляка, бачъ братъ бувъ Панькови. Перевелы его разъ босого черезъ огонь, а винъ тогды каже:

— Бійтеся Бога, громадо, не печить мене! я упырь, але я такъ зроблю, що більше нихто въ сели не буде слабуваты.

А бувъ тамъ Левицькый, шляхтычъ зъ Горы [2]), на его фудаменти потому Гайгель засивъ, а теперъ шляхтычъ Дыдыньскый сыдыть. То той Левицькый каже:

— Добре, у мене теперъ донька хора. Пиды та зробы такъ, щобы була здорова, то ничого тоби не буде.

---

[1]) *Подмачкой* называютъ старую свитку, покрытую сверху бѣлымъ полотномъ.

[2]) Горой называется небольшая (9 хатъ) слобода или приселокъ Нагуевичъ.

Библиотека "Руниверс"

— Добре,—каже Салякъ.

Взялы его пидъ пахы, килька хлопивъ довкола него, тай повелы его пастивныкомъ. А винъ наразъ якъ не вырвався видъ ныхъ, якъ не зачне втикаты, оттуды Тростовачкою до Родычова [1]). Люде за нымъ, оденъ навитъ на коня скочывъ—тамъ десь кони паслыся—але де тому край! А винъ бижыть, а ту зъ опеченыхъ нигъ мясо кусныкамы рвеся, ажъ вышше него ти кусныкы летять, кровю слиды значыть,—а таки добигъ до Родычова и сховався. Якъ винъ тамъ, бидный, ратувався того дня, Богъ его знае. Пообкывавъ соби раны якымысь лопухамы, потому вже й жынка до него навидувалася, и мы, пастухы, ему исты носылы... Але щось за дви недили не смивъ до села показуватыся, все по лиси ходывъ. А потому вернувся до дому, выгоився и жывъ десь до недавна.

Якъ Салякъ утикъ, заразъ люде до Бурянныка взялыся, спеклы его и ще двохъ не тямлю вже, якъ называлыся, бо то, выдыте, не нынi ся дiяло. Кождого по тры разы перетяглы черезъ огонь, а потому поклалы оттутъ на Базарыщу. Вольчака жинка заразъ узяла до дому, давала ему раду. А ти решта лежалы тамъ щось по дви добы, та все лышъ стыналы та пыщалы. Жинкы носылы имъ зъ дому молоко, та залывалы ихъ, такъ якъ дитей, ажъ покы не померлы. Потимъ ихъ на тимъ самимъ мисци й позакопувалы, де котрый умеръ".

Воспоминанія Артыма Лялюка объ этомъ ужасномъ происшествіи менѣе ярки и пластичны, но онъ разсказываетъ, что нѣкоторые изъ обожженныхъ упырей промучились еще болѣе двухъ недѣль, прежде чѣмъ умереть. О Гаврилѣ, который былъ причиною всего случившагося, Артымъ говоритъ, что тотъ послѣ этого происшествія жилъ еще долгое время, женился и имѣлъ дѣтей, изъ которыхъ одна дѣвушка во время холеры 1873 г. на нѣкоторое время опять была героиней дня, о чемъ я и разскажу, какъ очевидецъ, въ концѣ настоящей замѣтки.

О сожиганіи упырей въ другихъ селахъ у меня нѣтъ никакихъ извѣстій, кромѣ Ясеницы Солной, о которой я въ

[1]) Названіе лѣса.

Библиотека "Руниверс"

1880 г. записалъ слѣдующій разсказъ изъ устъ крестьянина Павла Кульчицкаго, который хотя не былъ очевидцемъ происшествія, но слышалъ рзсказы о немъ отъ стариковъ.

„То въ першу холеру, якъ зачалы люде дуже мерты, чують ясенычане, що въ Нагуевичахъ объявывся такый хлопецъ, що упыривъ пизнае. Поихалы, прывезлы его, склыкалы громаду—пизнавай! Щось винъ пять чы шисть пизнавъ: „то, каже, упыри!“ Заразъ ихъ повязалы, розложылы терновый огонь, таку купу наклалы, яхъ хату. Ти люде кленуть духъ-тило, що воны невинни, божаться, плачуть.

— А по щожъ вы, сяки-таки, сырывцеве полотно пидъ колиномъ носыте?—пытають ихъ.

— Та мы, на жадни чари,—говорять ти,—намъ такъ казалы люде, що хто буде носыты сыре полотно пидъ колиномъ, того ся слабисть не чепыть.

А той хлопець говорыть:

— Не вирьте имъ! Воны то носять на знакъ, щобы ихъ чужосильни упыри пизналы.

А тогди, кажуть, велыкій страхъ ударывъ бувъ на людей. Всиляка погань по селахъ волочилася. Небижыкъ тато оповидавъ мени: „Власне, каже, булы жныва. Жинка зъ дитьмы пишла въ поле до роботы, а я самъ бувъ дома, мавъ зварыты обидъ и вынесты имъ, тай ще хлибъ спечы. Ще я хлиба не сажавъ у пичъ, а тилько пидпалку [1]) за грань кынувъ, ажъ чую, щось пидъ викномъ шкробоче. Обертаюся, а то величезный билый песъ у викно зазырае. Я весь застывъ, и хоть день бувъ, пидъ полудне сонце стояло, а чую. що мени волосье на голови въ гору иде. Николы я въ сели такого пса не выдивъ. А винъ стоить, та все въ викно зазырае, дали вступывся и почавъ до дверей шкроботаты. Взявъ я, отворывъ двери, винъ увійшовъ до хаты—ну такый вамъ, якъ лошакъ за велыкій, лышъ очыма блыскае. Оглянувся по хати, а дали сперся переднымы лапамы на прыпичокъ просто огню, нибы гритыся хоче, а все на тоту пидпалку позырае. Вынявъ я пидпалку зъ печы, розломывъ ее

[1]) „Пидпалка“—коржъ изъ кислаго тѣста.

Библиотека "Руниверс"

на четверо, поставывъ на викно, що бы выстыла, а той песъ усе за нею очыма пасе. Выстыла пидпалка, взявъ я одну четвертыну, кынувъ ему, винъ лышъ разъ хавкнувъ—иззивъ; кынувъ я ему другу — ззивъ, кынувъ третю — ззивъ, кынувъ четверту—винъ уже тои не ивъ, а тилько взявъ у нысокъ тай до дверей—пишовъ. И такъ мени тогди якось легко стало на души, якъ колы бымъся на свитъ народывъ. Отже давъ Богъ, въ нашій хати нихто на тоту слабисть не вмеръ, а ни хорувавъ".

Отже не слухалы люде, що ти упыри говорылы, а взялы одного тай кынулы въ огонь—тамъ винъ и душу давъ. Хотилы вже до другого братыся, ажъ ту пипъ надійшовъ. Старый Чайковській у насъ тогди попомъ бувъ—не пипъ, а отець у громади. Дуже вси его любылы. Прыбигъ, та до людей:

— Що вы робыте? Та чы маете вы Бога въ серци?

Заразъ тыхъ порозтручувавъ, що упырывъ стереглы, упырывъ самыхъ порозвязувавъ: „тикайте!"—каже. Люде почалы до него ставытыся, а винъ рукы розхрестывъ:

— Нате мя!—каже.—Хочете палыты, то насампередъ мене спалить!

Мусылы люде розыйтыся, лышъ той оденъ погыбъ".

Но возвратимся опять къ разсказу Сеня Буцяка. На вопросъ, умирали ли еще люди и послѣ сожженія упырей, онъ отвѣчалъ:

„Ще й якъ умыралы. Килька денъ потому було по 45, по 50 мерцивъ у сели. Але потому якось перестали. А за килька днивъ прыихала зъ Самбора комысія, арештувалы війта и всихъ тыхъ, що давалы прывидъ, тай повезлы ихъ до Самбора. Отже щось довго ихъ не було. Казалы, що мають ихъ усихъ тратыты, але прыихавъ бискупъ зъ Перемышля тай такъ имъ выробывъ що ихъ позасужувалы на 12 недиль".

О судѣ надъ виновными въ этомъ дѣлѣ у меня есть еще слѣдующій разсказъ, слышанный мною отъ нѣсколькихъ нагуевицкихъ старшковъ:

„Зъ разу хотилы ихъ судыты на смерть, але хтось имъ порадывъ, щобы сказалы передъ судомъ, що то не воны перши таку кару выгадалы, але що за давнихъ часивъ усе такый судъ

Библиотека "Руниверс"

бувавъ. Зачалы паны шукаты въ давнихъ паперахъ, чы то правда? Шукалы, шукалы—не моглы найты. Ажъ дали дойшлы до такыхъ старыхъ паперивъ, що вже зовсимъ булы збутнилы, такъ що якъ узяты карту въ пальци, то вона й розлиталася, то мусылы карту за картою ножемъ перевертаты. И въ тыхъ паперахъ вычыталы, що справди за давнихъ часивъ такъ судылы. И то имъ помогло".

Артымъ Лялюкъ разсказываетъ о томъ господинѣ, который посовѣтовалъ мужикамъ сослаться на древній обычай сожиганія колдуновъ, слѣдующій сказочный эпизодъ, вѣроятно приплетенный сюда совсѣмъ не кстати изъ какой нибудь бродячей новеллы.

„А якъ позабыралы тыхъ людей до Самбора, то ихъ роды (родня) верглыся туды-сюды за адукатамы, щобы ихъ боронылы. Грошей зложылы щось дуже велыку суму, але жаденъ адукатъ не хотивъ имъ ничого порадыты. Ажъ дали допыталыся до якогось старого чоловичка.

— Що,—каже,—люде добры, я бы вамъ порадывъ, але то дуже небезпечна ричъ. Мусыте мени заплатыты и купыты доброго коня, бо я мушу геть утикаты зъ Самбора.

Зложылы воны ему грошы, купылы коня. Взявъ винъ его и казавъ пидкуваты навыворотъ, такъ щобы пидковы булы грыфамы напередъ, а шпонамы назадъ. Тогди каже тымъ людямъ:

— Идите жъ теперъ до суду и скажить панамъ, най пошукають у старыхъ паперахъ, якъ то давно упыривъ судылы.

Пишлы воны до суду тай сказалы. А тамъ заразъ до ныхъ:

— А хто васъ на тото нарадывъ?

— Той и той,—кажуть.

Та вже ихъ тамъ дальше не слухалы, тилько пислалы за тымъ чоловикомъ, щобы его зловыты. Але той уже бувъ далеко. То воны на вси дорогы повысылалы гинцивъ на копяхъ, щобы его зловыты. А то була осинь, слиды по болоти выдно. Та що, слиды все до миста ведуть, а зъ миста нема. Такъ воны й вернулыся, а тымъ людямъ его рада дуже велыко помогла".

Послѣдній разсказъ ярче всего показываетъ, что фактъ сожженія упырей въ 1831 г. глубоко затронулъ фантазію народную, которая не приминула сгруппировать вокругъ него разныя

Библиотека "Руниверс"

сказочныя подробности. Сколько такихъ подробностей есть и въ вышеприведенныхъ разсказахъ Буцяка и другихъ, это возможно будетъ оцѣнить только тогда, когда будутъ приведены въ извѣстность подлинные акты судебнаго разбирательства по этому дѣлу.

Я окончу эти замѣтки разсказомъ о послѣдней холерѣ 1873 года. Лѣто этого года я провелъ среди мужиковъ въ тѣхъ же самыхъ Нагуевичахъ. Холера свирѣпствовала въ селѣ двѣ или три недѣли; съ разу умирало по нѣскольку человѣкъ, но было два или три дня такихъ, когда умирало по 15—18 человѣкъ. Въ самый разгаръ эпидеміи случилось слѣдующее. Дѣвушка-сирота, по имени Зоська, кажется дочь или какая то ближайшая родственница Гаврила, извѣстнаго изъ предыдущихъ разсказовъ, вдругъ какъ будто сошла съ ума. Она сбросила съ себя все платье и въ одной рубашкѣ пошла бродить по полямъ. Пора была горячая, жнецы работали въ полѣ при уборкѣ жита. Наталкиваясь на людей, Зоська начинала ломать руки надъ головой и отчаяннымъ голосомъ кричать:

— Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!

Особенно вечеромъ крикъ этотъ, какъ будто отъ нестерпимой боли, раздавался далеко и наполнялъ все село ужасомъ. Нѣсколько вечеровъ сряду я слышалъ этотъ крикъ, но Зоськи самой не видалъ. Въ село она заходила только ночью; свѣтъ, падавшій изъ оконъ, манилъ ее къ себѣ и она, подкравшись неслышно, становилась подъ окномъ и, прижавъ къ стеклу свое блѣдное, даже позеленѣвшее лицо, смотрѣла въ избу. Не нужно добавлять, что это ужасное лицо, смотрящее сквозь окно въ такую пору, наводило ужасъ на тѣхъ, кто былъ въ избѣ, и въ нѣсколькихъ случаяхъ въ такихъ избахъ люди заболѣвали холерой или даже умирали. Иногда, бродя по полямъ, Зоська наталкивалась на верхнее платье, юбки и платки, которые оставляли возлѣ сноповъ жницы, работавшія на солнечномъ припекѣ. Она надѣвала на себя эти вещи и начинала съ визгомъ плясать въ нихъ по полю; въ одномъ или двухъ случаяхъ женщины, которымъ принадлежали вещи, тутъ же на мѣстѣ заболѣли холерой, а одна, кажется, умерла прежде чѣмъ ее принесли въ

Библиотека "Руниверс"

село. Неудивительно послѣ этого, что Зоська стала пугаломъ всей деревни. Всѣ увѣряли, что она „упырыця“, что она „потынае“, а нѣкоторые даже начали поговаривать шопотомъ о томъ, что не худо бы ее схватить и проучить такъ же, какъ учили ихъ отцы упырей на „терновимъ огни“. Къ счастью, Зоська черезъ нѣсколько дней пошла бродить по другимъ селамъ, ее видѣли въ Медвежѣ, Бронницѣ, Мокрянахъ, Ступницѣ, и повсюду ея ужасный вой производилъ потрясающее впечатлѣніе. Какъ и чѣмъ она кормилась все это время, я не знаю, потому что въ людскія жилища она совсѣмъ не входила; разсказывали, что она иногда забирала и поѣдала пищу, какую ей удавалось найти въ полѣ у жнецовъ. Когда и какъ она возвратилась домой—я тоже не знаю. Когда эпидемія уже приходила къ концу, я заболѣлъ и пролежалъ нѣсколько недѣль безъ памяти. Послѣ моего выздоровленія, мнѣ сказали, что Зоська уже дома и работаетъ по прежнему, здорова и, что всего интереснѣе, о томъ, что дѣлалось съ нею во время холеры, ничего не помнитъ. Такъ ли это—я не могу утверждать положительно, потому что съ ней самой никогда не говорилъ. Но она жива и до сихъ поръ.

Миронъ.

Библиотека "Руниверс"

ОТГОЛОСОКЪ ЛИРНИЦКАГО ЯЗЫКА.

(*Къ статьѣ Валеріана Боржковскаго: „Лирники“. Кіевская Старина, 1889 года, сентябрь*).

Многіе, вѣроятно, съ интересомъ прочли въ прошлогодней сентябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ статью г. Валеріана Боржковскаго о лирникахъ въ Подоліи: масса бытовыхъ подробностей, взятыхъ непосредственно и не спѣша, представляетъ въ значительной мѣрѣ новый и потому цѣнный матеріалъ, а живое и теплое участіе автора къ жизни описываемой среды оставляетъ въ читателѣ хорошее впечатлѣніе.

Читавшіе статью, безъ сомнѣнія, обратили вниманіе на то мѣсто ея, гдѣ говорится объ особомъ лирницкомъ языкѣ; въ концѣ статьи приложенъ и словарь этого языка, съ большимъ трудомъ собранный авторомъ.

„Къ числу великихъ лирницкихъ секретовъ, говоритъ г. Боржковскій, относится ихъ языкъ. О существованіи его даже изъ крестьянъ рѣдкій знаетъ. Четыре года тому назадъ мнѣ удалось напасть на слѣдъ его. Открылъ мнѣ этотъ языкъ мизяковскій лирникъ Александръ. Большею частію отъ него, а немного отъ „жебрущаго“ дѣда изъ Мизяковской слободы Андрея Полищука, мнѣ удалось составить словарь (не обладающій, кажется, возможной полнотой). Сообщили мнѣ слова подъ величайшимъ секретомъ, съ просьбою не говорить объ открывателѣ дѣдамъ, такъ какъ ему за это здорово придется поплатиться. Составлять словарь пришлось въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Для того же,

Библиотека "Руниверс"

чтобы не впасть въ ошибку, я весь словарь провѣрилъ нѣсколько разъ.

„Относительно лирницкаго языка (называютъ его „лебійскимъ“ [1]), „лобурською мовою“) нужно сказать, что онъ ревниво охраняется дѣдами только по традиціи. Они говорятъ на немъ, когда никого нѣтъ, или такъ тихо, что никто не услышитъ ихъ; слѣдовательно, употребляютъ его при такихъ обстоятельствахъ, когда могутъ говорить обыкновеннымъ нарѣчіемъ.

„О причинѣ и времени возникновенія его отъ дѣдовъ я ничего не зналъ. Между старыми лирниками, можетъ быть, и есть преданіе объ этомъ. Въ галицкомъ журналѣ „Зоря“, въ статьѣ „Дѣдôвска (жебрацка) мова“ г. Викторинъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „походить она, якъ каже Павло (бывшій поводырь, отъ котораго г. Викторинъ записалъ ее), зъ часôвъ панщины. Дѣдами, каже, бували тодѣ не сами старцѣ, калѣки, немочни; дѣдами перебирались и здорови селяне, що втѣкали одъ панôвъ, щобъ бути вôльными“. Эти мнимые дѣды мстили своимъ панамъ. „Отъ же ти дѣды змовляються на що недобре, то звычайно ради бы упевнитися, щобы ихъ хто не пôдслухавъ, або пôдслухавши, бодай не заразъ поразумѣвъ усе. Одъ того певно пôшло, що попридумували богато словъ, зрозумѣлыхъ хиба имъ самимъ, а переплетаючи ними звычайну бесѣду, чипили ей неразумѣлою сумѣшкою“ [2]).

„Справедливы ли эти слова о причинѣ и времени возникновенія дѣдовскаго языка, не знаю. Употребляются слова этого языка по правиламъ малорусской рѣчи“ (стр. 659—660).

Прочитавъ это мѣсто въ статьѣ г. Боржковскаго, и я заинтересовался языкомъ лирниковъ. Приведенное авторомъ объясненіе поводыря Павла о происхожденіи этого языка очевидно неудовлетворительно. Не дочитывая статьи, я открылъ словарчикъ. Каково же было мое удивленіе, когда въ нѣкоторыхъ изъ помѣщенныхъ тамъ словъ я сразу узналъ знакомыя мнѣ съ дѣтства слова шаповаловъ мѣстечка Новаго Ропска новозыбковскаго

[1]) „Лебійскій“—отъ слова „лебій“ дѣдъ.

[2]) „Дѣдôвска (жебрацка) мова“. „Зоря“, Линня, 1886, число 13 и 14, стр. 237.

Библиотека "Руниверс"

уѣзда, черниговской губерніи, мѣста моей родины. У меня въ памяти оставалось десятка два этихъ словъ и я почти всѣ ихъ нашелъ въ лирницкомъ лексиконѣ. Сейчасъ же написалъ я на родину, чтобы сообщили мнѣ по возможности больше шаповальскихъ словъ и навели обстоятельныя справки: не ходятъ ли ропскіе шаповалы на заработки въ подольскую губернію? Зная болѣе или менѣе ихъ бытъ, я не зналъ въ точности района ихъ дѣятельности.

Теперь мнѣ сообщили болѣе 120 шаповальскихъ словъ и отрицательный отвѣтъ на вопросъ о подольской губерніи.

У шаповаловъ въ Новомъ Ропскѣ до сихъ поръ есть свой цехъ „шаповальскій“, какъ у портныхъ—„кравецкій“, у сапожниковъ—„шевскій“, у гребенщиковъ—„гребенницкій“, у торговцовъ и торговокъ хлѣбомъ—„перепечайскій“. Не берусь судить о цеховыхъ порядкахъ шаповаловъ въ настоящее время; они и лѣтъ пятнадцать назадъ доживали свой вѣкъ. Теперь, кажется, мало кто связанъ корпоративной совѣстью и регулой; каждый работаетъ на свой страхъ.

Новоропскіе шаповалы дѣлаютъ войлоки („лямцы“ и „повсти“), войлочныя шляпы [1]) („брыли“ и „магéрки“, т. е. бѣлыя и черныя шапки, имѣющія видъ усѣченнаго конуса), валенки, рукавицы и проч. Издѣлія эти дѣлаются изъ „шерсти“ (собственно съ рогатаго скота) и „вовны“ (съ овецъ). Кромѣ домашняго производства шаповалы ходятъ и въ отхожіе заработки. По словамъ самихъ шаповаловъ они дальше не ходятъ какъ по черниговской, полтавской, отчасти по могилевской и орловской губерніямъ; въ подольскую никогда не заходили. Ходятъ они для единственнаго занятія —„бить вовну“, берутъ съ собою единственный инструментъ —„лукъ“; инструментъ этотъ похожъ на огромный смычекъ, аршина два съ половиной длины, въ которомъ вмѣсто волоса натянута толстая струна. Лукъ привѣшиваютъ къ стѣнѣ въ горизонтальномъ положеніи, подстилаютъ подъ него рѣшетку изъ лучины, которая по минованіи надобности свертывается въ трубку вокругъ лука. На рѣшетку накладывается

[1]) *Шаповалъ* валяльщикъ шляпъ.

Библиотека "Руниверс"

„вовна“, лукъ поддерживается одной рукой такъ, чтобы струна касалась „вовны“; другой рукой струну, при помощи деревянной зацѣпки, оттягиваютъ; отъ сотрясенія спущенной струны шерсть разбивается, а струна издаетъ при сотрясеніи бренчащій звукъ.

Въ мѣстахъ своихъ странствованій и на родинѣ шаповалы пріобрѣли репутацію довольно ловкихъ воришекъ и обманщиковъ. Украсть у „ло́ха“ (мужика) не только вовны, но и любую вещь, по мнѣнію большинства шаповаловъ, нисколько не предосудительно. Бабы по деревнямъ знаютъ ихъ натуру и стерегутъ вовну пуще глаза. По разсказамъ шаповаловъ, баба сидитъ надъ душой все время. Чтобы отдѣлаться отъ нея, прибѣгаютъ къ разнымъ уловкамъ. Въ этихъ случаяхъ изобрѣтательность шаповала неистощима: иногда вдругъ животъ у него заболитъ такъ, что рѣшительно сидѣть невозможно, даже молчать не въ моготу; шаповалъ катается по полу, кричитъ, всполошитъ весь домъ; хозяйка бѣжитъ къ сосѣдямъ за помощью, а шаповалъ тѣмъ временемъ моментально свернетъ „манёкъ“ фунтовъ въ пять [1]) и спрячетъ такъ, что всѣ поиски будутъ напрасны. Падучую болѣзнь они тоже изображаютъ очень удачно. Иногда, чтобы отдѣлаться отъ назойливой хозяйки, шаповалъ прибѣгаетъ къ варварскому средству: онъ незамѣтно надрѣзываетъ струну у лука, которая обыкновенно очень туго натянута; принявъ затѣмъ безопасное для себя и опасное для сидящей тутъ же бабы положеніе, онъ дергаетъ струну сильнѣе обыкновеннаго, и струна лопается такъ, что разсѣкаетъ бабѣ лицо до крови.

Но чаще шаповалы употребляютъ болѣе невинныя хитрости. Сидитъ напр. шаповалъ у лука и подъ акомпаниментъ струны нарочито усердно горланитъ пѣсню. „Котъ“ у него уже свернутъ, припрятано и еще кое-что, надо только убраться по добру по здорову. Въ это время вбѣгаетъ въ хату другой шаповалъ и начинаетъ бранить земляка на чемъ свѣтъ стоитъ, тотъ дѣлаетъ видъ, что опѣшилъ, спрашиваетъ, въ чемъ дѣло, и

---

[1]) „Манекъ“ по шаповальски — котъ. Этимъ терминомъ обозначается у нихъ очень туго свернутый комъ „вовны“.

Библиотека "Руниверс"

тутъ оказывается, что товарищъ принесъ ему печальное извѣстіе о смерти жены, отца, брата. Шаповалъ въ неистовомъ горѣ бросаетъ вовну, отказывается отъ платы, хватаетъ сумку и убѣгаетъ, предоставляя товарищу окончить работу. А то вдругъ шаповалъ, посмотрѣвъ въ окно, начинаетъ креститься.

— И коли ето у васъ церкву такую хорошую поставили?

— Де?

— А вó, подивись!

— Се жъ витрякъ!

А „котъ“ уже въ „кайстрѣ“ (сумкѣ). Сушится бѣлье на дворѣ. Шаповалъ выходитъ изъ хаты нѣсколько чаще обыкновеннаго. До вечера онъ и улучитъ время надѣть штуки три рубахъ одна на другую; только потолстѣетъ едва замѣтно.

Бывали нерѣдко случаи, что шаповалы занимались мелкими кражами по ярмаркамъ, за что бывали и биты нещадно. Въ Ропскѣ даже убѣждены, что ни одинъ шаповалъ не доживаетъ вѣку оттого, что у него непремѣнно печенки отбиты. Дѣйствительно, шаповалы какъ то скоро начинаютъ хирѣть и умираютъ лѣтъ въ сорокъ, рѣдко въ пятьдесятъ, а то и въ тридцать. Но, разумѣется, ранняя смерть ихъ должна быть объяснена той нездоровой обстановкой, въ которой они работаютъ: тутъ къ спертому воздуху хаты присоединяется ѣдкая шерстяная пыль, дѣйствующая весьма разрушительно на легкія.

Въ противоположность подольскимъ лирникамъ, черниговскіе шаповалы не дѣлаютъ особеннаго секрета изъ своего языка. Они употребляютъ его тамъ, гдѣ желаютъ быть не понятыми. Каждый житель нашего мѣстечка знаетъ десятка два-три шаповальскихъ словъ, хотя всѣмъ лексическимъ запасомъ обладаютъ весьма немногіе. Часто случается, что и торговцы ропскіе предъ чужими употребляютъ шаповальскія слова. Но достойно вниманія то обстоятельство, что этимъ же ропскимъ торговцамъ случалось слышать шаповальскія выраженія отъ покупщиковъ, пріѣхавшихъ изъ Бѣлоруссіи. Разсказываютъ, напр., такой случай. Разъ продавали ропчане въ Гомлѣ махорку. Покупщики, пріѣхавшіе „откуда то изъ минской или витебской губерніи“ долго тягались съ ними за цѣну; наконецъ, думая, что ропскіе табачники ихъ

Библиотека "Руниверс"

не поймутъ, говорятъ между собою по-шапольски, что ничего дескать не подѣлаешь, придется дать, сколько требуютъ. Ропчане уже готовы были уступить, но благодаря признанію покупщиковъ, воздержались. При разсчетѣ они и благодарятъ купцовъ за признаніе. Тѣ были, говорятъ, очень удивлены и долго не вѣрили, что гдѣ то въ Ропскѣ употребляютъ такой же, какъ у нихъ, секретный языкъ.

Жаль очень, что этотъ разсказъ, слышанный мною въ дѣтствѣ и сообщенный мнѣ теперь, передается въ Ропскѣ въ видѣ преданія, потерявшаго точность. Во всякомъ случаѣ онъ весьма интересенъ, такъ какъ указываетъ, хотя и глухо, на широкую область распространенія этого загадочнаго языка.

Такъ какъ корреспонденты мои въ Н. Ропскѣ записывали шаповальскія слова самостоятельно, не видѣвъ словарчика г. Боржковскаго, то изъ присланныхъ ими 126 обыденныхъ словъ 26 оказалось такихъ, которыхъ въ этомъ словарчикѣ не находится. Изъ остальныхъ 100 словъ 53 тѣ же самыя, что и у лирниковъ; разница только въ произношеніи: у ново-ропскихъ шаповаловъ фонетика бѣлорусская, а у подольскихъ лирниковъ малорусская. Такимъ образомъ для удобства сопоставленія шаповальскихъ словъ съ лирницкими первыя естественно дѣлятся ниже на три категоріи: 1) слова, тожественныя съ лирницкими, 2) расходящіяся съ ними и 3) не имѣющіяся въ словарчикѣ г. Боржковскаго.

1.

Алы́да—коровья шерсть (авлы́да—корова) [1]).

Ахве́съ—Богъ, церковь, иконы (Хвесь — Богъ; клю́са—церковь, бараи́—иконы).

Вандзы́рить—везти (ванд'о́ры—водить).

Варна́чка—курица (варна́га).

Вислаки́—яблоки (ве́слюка).

Вихро́—сѣно (вихро́).

Во́ксикъ—лѣсъ (о́ксымъ).

Во́лотъ—конь (во́лотъ).

Впу́лить—купить (опу́лыты).

Га́ласть—соль (га́лусть).

Гальмо́—молоко (альмо́).

Гарда, гардыманъ—водка (гертыха).

Гомерля́съ—сахаръ и медъ (оме-

[1]) Въ скобкахъ лирницкія слова.

Библиотека "Руниверс"

ля́сныкъ—сахаръ, ми́лясъ—медъ).
Де́канъ—десять (ди́кона).
Дуля́сникъ — самоваръ (дуля́сныкъ—огонь, дуля́сыты—палить, горѣть, дуля́сный—теплый).
Закаплу́нить—запереть (закаплю́ныты).
Ио́рый—старый (ио́рый).
Кавре́й—панъ (каври́й).
Ка́ня—шинокъ (ка́ня).
Кара́бка—ложка (карабе́лька).
Кгудъ—жидъ (гудзь).
Ке́рить—пить (кы́рыты).
Ки́рха—свинья (кы́рха).
Ковтырь—горшокъ (ко́вторъ).
Кре́со кре́синное—мясо.
Кре́со пле́ное—сало (кри́со—мясо, пли́вый—бѣлый).
Куде́мникъ — колоколъ (кудевныкъ).
Кулы́га — торговая лавка (кутыга—комора).
Кухте́ча—бѣдный, бѣднота (кухти́й).
Матло́ха—табакъ (мутла́ха).
Махи́ль—ножъ (махлы́чъ).
Ме́рхля—овца (ме́хля).
Пле́нить—мыть (пли́нчыты).
Пле́ный—бѣлый (пли́ный).
Поха́зникъ — хозяинъ (поха́зныкъ).
Пса́лка—рыба (пса́лка).
Пухта́лка — подушка (пухта́вка—„памиушка“).
Ра́ха—женщина (ра́ха).
Скицъ—собака (скиць).
Скрипцы́—ворота (скрипота́).
Скума́ть — знать (скуми́ты—умѣть).
Сте́пня—печь (сте́пуръ).
Сто́дный—богатый (сто́тень).
Стыга—задъ (стызъ, стылъ).
Сты́чить—стоять (сты́чыты).
Хазъ—дворъ, домъ (хаза́—хата, дворъ—хвиртъ).
Хира́ни—люди (хера́не).
Ховбы́—деньги (хобни́й).
Хо́рье—село (хо́ры).
Шмурны́й—глупый (шмурны́й).
Шу́сто—базаръ, ярмарка (шу́сто—мѣстечко).
Якро́—окно (зикро́).
Яперить—брать (яперыты).

2.

Акру́ша—хлѣбъ (ку́псо).
Артю́хъ—волъ (явлы́дъ; см. авлы́да—корова).
Ати́ра—земля (терыга).
Ашо́ха—каша (ле́кша).
Баса́ть—рѣзать (махлы́чыты; см. махлы́чъ—ножъ).
Бо́тузъ—солдатъ (бецакъ).
Бурда́сы—штаны (на́сикы).
Е́рчить—ѣхать (гардува́ты).
Канавка—пенька (кадро́).
Катру́ха—шапка (каму́ха).

Библиотека "Руниверс"

Клю́жить — красть (кли́маты; клю́житы—класть).
Ко́четъ—попъ (корхъ).
Ку́ганъ—цыганъ (шандра́къ).
Лапухи́—сапоги (о́бокы).
Лащо́га—дорога (восто́рка).
Лепки́—глаза (зикра́, отъ зикро́—окно; но у лирниковъ *влипа́ты* — смотрѣть, *влипу́шный*—зрячій, *ка́липный*—слѣпой).
Лупи́ха — картофель (терыжныкъ).
Манёкъ—котъ (мо́тень).
Марахо́нька—дождь (рахтій).
Матра́ть—кушать (тро́иты).
Ненашкребень—нѣтъ (не́мить).
Отгу́рить—дать (дя́хныты).
Пару́та—хата (хаза́).
Питерень — мѣшокъ (захарба́ныкъ).
Пле́нный—рубль (ските́лныкъ).
Прота́рить—продать (пропу́лыты; см. опу́лыты).
Сморщъ—борщъ (бо́тень).
Стрелье—дрова (о́брутки).
Стыченый — становый (гальо́мый накачы́тель — дословно: великій начальникъ).
Суга́—вода (де́лька).
Сужни́къ — колодезь (си́ваныця).
Тахти́ть—нести (тага́ныты).
Хи́рка—рука (рута́вка).
Ходы́рка—нога (ходу́ха).
Ху́сый—плохой (некле́вый).
Чекула—капуста (лепу́ха).
Чукать—бить (ку́латы, ко́псаты).
Шпинськiй — хорошій (трепе́лый — добрый, кле́вый—добрый).

Числительныя.

Сковди́нъ—одинъ (ію́нъ).
Ба́крыхъ—два (двеня́).
Стро́мухъ—три (скера́).
Буты́рихъ—четыре (си́сара).
Повде́кана—пять (пе́нтза).
Букше́нъ—шесть (ша́ндра).
Семжа́—семь (ти́мара).
Восемжа́—восемь (вити́мара, висимты́ня).
Девяньжа́—девять (ди́вора).
Де́канъ—десять (ди́кона).
Ба́крыхъ де́кановъ — двадцать (двеня́ ди́конъ) и т. д.

3.

Говырда́ть—говорить.
Калуверный—черный.
Калузька—гумно.
Катрушникъ—шаповалъ.
Ке́пель—„бриль“, шляпа.
Кима́ть—спать.
Клащебка—коробка.
Ку́везно—тяжело.
Лямо́ный—молодой.
Лохъ—мужикъ.
Махлованникъ—писарь.
Махлованье—бумага.

Библиотека "Руниверс"

Немкинья—полушубокъ.
Никóраго—ничего.
Пáруха—„вовна“, овечья шерсть.
Перха—мука.
Питрусъ—камень.
Плеха́—баня.
Саповка—утка.
Свисло—масло и „олѣй“ (конопляное масло).
Скельницы—„комнаты“, хоромы.
Трепезъ—столъ.
Тропа—борода.
Убúрить—взять.
Штакетъ—картузъ.
Шуплей—овесъ.

Итакъ изъ 100 словъ, записанныхъ отъ шаповаловъ и совпадающихъ съ записанными отъ лирниковъ, болѣе половины тожественныхъ. Въ остальной половинѣ можно выдѣлить нѣсколько словъ такихъ, которыя, очевидно, новѣйшаго происхожденія и созданы лирниками и шаповалами отдѣльно, каждой стороной на свой ладъ. Характерный образчикъ такихъ словъ представляютъ термины для обозначенія понятія *становой приставъ*. Къ предмету, обозначаемому этимъ понятіемъ, шаповалы и лирники относятся весьма различно. Для шаповаловъ становой—лицо, мало ихъ занимающее; его можно обозначить, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ иронiи, причастіемъ отъ глагола *стоять, сты́чить—сты́ченый*. Для лирниковъ же, которыхъ и урядникъ, даже простой десятскій, часто отправляетъ въ кутузку, становой—„великій начальникъ“, *гальбóмый накачы́тель*. Къ такого же рода словамъ можно отнести и обозначенія *рубля, картофеля*. Есть, далѣе, слова другого рода, которыя расходятся у шаповаловъ и у лирниковъ, но такъ, что или у первыхъ сохранились въ древнѣйшей формѣ, а у вторыхъ замѣнены переносными, или наоборотъ. Напр. *глаза* по-шаповальски *лепки́*, очевидно древнѣйшая форма; у лирниковъ—*зикра́*, что значитъ *окна*; но у нихъ есть глаголъ *влипа́ты—смотрѣть*, прилагат. *влипу́шный*—зрячій и проч. По-шаповальски *волъ, артюхъ*—можно думать, древнѣйшее слово, чѣмъ лирницкое *явлыдъ*. Наоборотъ, *красть* по-лирницки *кли́маты*, причемъ есть слово *клю́житы*, что значитъ *класть;* у шаповаловъ слово *клю́жить* вытѣснило непріятное для нихъ *кли́маты* и деликатно заняло его мѣсто.

Библиотека "Руниверс"

Несомнѣнно, что если бы шаповаламъ прочесть словарчикъ г. Боржковскаго, то онъ много напомнилъ бы имъ такого, что они стали забывать. Можетъ быть и лирники признали бы за свои нѣкоторыя шаповальскія слова. Я надѣюсь довести до свѣдѣнія ново-ропскихъ шаповаловъ словарчикъ г. Боржковскаго и подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“ тѣмъ, что изъ этого выйдетъ. А теперь, не откладывая, сообщаю то, что есть. Откуда такое сходство? Что это за языкъ? Не имѣетъ ли онъ сходства съ такъ называемымъ офеньскимъ нарѣчіемъ, о которомъ мнѣ ничего неизвѣстно? Гдѣ кроется корень общенія черниговцевъ-сѣверянъ съ подолянами, общенія въ чемъ то секретномъ, доступномъ только для посвященныхъ?

Ѳ. Николайчикъ.

Библиотека "Руниверс"

ОПИСАНІЕ АТЛАСА XVIII СТ., ПОДАРЕННАГО ЧЕРНИГОВСКОЙ ГИМНАЗІЙ КН. Н. П. ГОЛИЦЫНЫМЪ.

Въ библіотекѣ черниговской гимназіи есть атласъ Малороссіи съ картами и планами городовъ, составленный въ 1778 году, по приказанію малороссійскаго генералъ-губернатора, графа П. А. Румянцева, потомъ доставшійся князю Н. П. Голицыну, а послѣднимъ подаренный гимназической библіотекѣ.

На заглавномъ листѣ этого замѣчательнаго географическаго памятника надписано карандашемъ: „Книга собранныхъ картъ и разнымъ Малороссійскимъ городамъ плановъ, сочиненная Генваря дня 1778 года".

Въ атласѣ всѣхъ чертежей 16; изъ нихъ—картъ 3, плановъ 13.

Величина каждаго чертежа вообще: въ длину 1 арш., въ ширину 12 вершк., исключая генеральной карты кіевской губерніи и, такъ называемаго, проспекта Глухова, изъ которыхъ первая имѣетъ 20 вершк. длины и 16 шир., а второй—въ длину 35 вершк., въ шир. 14.

При каждомъ чертежѣ приложенъ масштабъ.

Объясненіе плановъ (въ подлинникѣ—экспликація) находится не при всякомъ чертежѣ. Такъ, оно не составлено къ планамъ Кролевца, Стародуба и Полтавы.

Атласъ, отлично переплетенный предпослѣднимъ его владѣльцемъ, сохраненъ до сихъ поръ въ наилучшемъ видѣ; только первая карта немного повреждена—вырванъ одинъ ея уголъ съ масштабомъ, при этомъ пострадало изображеніе части миргородскаго полка и граничащей съ нимъ новороссійской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

Внѣшняя отдѣлка картъ и плановъ превосходна; но внутреннимъ достоинствомъ атласъ не можетъ похвалиться, особенно относительно названій неглавныхъ мѣстностей и ихъ положенія. Такъ напр., дѣйствительное положеніе села Тарандинецъ лубенскаго полка на СЗ отъ Лубенъ, здѣсь означено на ЮЗ и названо Таврадицами; тамъ же село Хорошки поставлено на р. Оржисѣ (Оржицѣ), между тѣмъ какъ оно дѣйствительно находится на р. Слѣпородѣ; сотенный городъ Лукомье названъ Лукама; Брусиловъ названъ Ерусиловъ; Лохвица—Холвицей и проч. Тѣмъ не менѣе надобно отдать справедливость составителю, что онъ въ иныхъ случаяхъ былъ болѣе точенъ, нежели нынѣшніе составители картъ. Можетъ быть, этого нельзя сказать относительно плановъ.

При описаніи атласа имѣлось въ виду, во первыхъ, указать любителямъ старины на существованіе его и, во вторыхъ, болѣе или менѣе отчетливымъ описаніемъ плановъ представить тѣмъ, которые не будутъ имѣть возможности его видѣть, прежнее состояніе городовъ, для сравненія съ настоящимъ, чтобы судить о степени вліянія на нихъ времени и совершившихся событій. Слова и выраженія, взятыя изъ подлинника въ представляемомъ описаніи, не измѣнены и написаны курсивомъ.

1) *Генеральная карта Киевской губерніи разделенная на 10 полковъ* представляетъ всю великорусскую Малороссію съ раздѣленіемъ ея на 10 полковъ, означеніемъ главныхъ дорогъ и весьма подробнымъ описаніемъ, которое, однакожъ, не отличается особенною вѣрностью. Прилежащая часть могилевской губерніи описана съ такою же подробностью. Правый уголъ карты, представляющій миргородскій полкъ, отчасти вырванъ и подклеенъ чистою бумагой.

2) *Карта Малороссіи, раздѣленная на 15 полковъ, въ числѣ ихъ 5 слободскихъ.* Здѣсь же означены Новая Сербія, екатерининская провинція, образовавшіяся еще при Елисаветѣ и Екатеринѣ II-й; къ югу отъ нихъ—*жилище запорожскихъ козаковъ* и далѣе—устье Днѣпра и часть Азовскаго моря.

3) *Генеральная карта Малороссійской губерніи* съ раздѣленіемъ ея на 5 провинцій, а каждой провинціи на 4 округа, съ

Библиотека "Руниверс"

частью екатерининской провинціи по рѣку Орель, вдоль праваго берега которой проходила украинская линія. Эта карта съ наименьшими подробностями.

4) *Планъ города Глухова споказаніемъ воономъ какъ вогороде такъ ивне города казенному и обывательскому строенію.* Рѣка Есмань входила въ городъ съ СЗ на ЮВ и, при поворотѣ ея на югъ, загораждалась плотиною, отчего, разлившись широко, при самой плотинѣ на 170 саженъ, образовала озеро *Черничья Гребля.* Изгибъ рѣки охватывалъ полуостровъ, въ видѣ мыса, на которомъ, въ самомъ углу, былъ небольшой круглый прудъ съ примыкающимъ къ нему впереди садомъ и дворцомъ *его высокографскаго сиятельства Петра Александровича Румянцова.* Нѣсколько выше упомянутаго полуострова, Есмань, называвшаяся вокругъ него, какъ сказано, Черничьей греблей, соединяла протокомъ свой лѣвый берегъ съ озеромъ Есманью, находившимся на сѣверовосточномъ краю города.—Это озеро отдѣлялось отъ рукава плотиной, при которой были мельницы; а при соединеніи протока съ рѣкою была другая плотина. При входѣ рѣки Есмани въ городъ находилась также плотина съ мельницами.

Выше сей послѣдней плотины, съ запада, вливался въ Есмань ручей, составлявшій недалеко отъ соединенія довольно обширный бассейнъ, кажется, посредствомъ искусственныхъ преградъ.

Къ лѣвому берегу Есмани, у поворота ея на югъ, примыкало укрѣпленіе, состоявшее изъ землянаго вала; наибольшая длина укрѣпленія 360 саж., ширина до 260 саж.

Отъ дворца Румянцева, чрезъ Есмань, вела длинная плотина, упомянутая въ началѣ описанія, къ западнымъ крѣпостнымъ воротамъ, называемымъ Кіевскими, отъ которыхъ шла къ восточнымъ воротамъ, Московскимъ, прямая улица, раздѣлявшая укрѣпленіе почти пополамъ. Въ самомъ концѣ этой улицы, на правой ея сторонѣ, находилось огромное зданіе—Малороссійская Коллегія, въ видѣ буквы П; налѣво, противъ нея купеческія лавки. Въ одной линіи съ нею находились также купеческія лавки, къ которымъ съ юга примыкала церковь Живоначальныя Троицы; за нею въ томъ же направленіи—соборная церковь Ни-

Библиотека "Руниверс"

колая Чудотворца; далѣе, по линіи улицы, обывательскіе каменные погреба и сотенная канцелярія; за нею, на ЮЗ, находился дѣвичій монастырь съ церквами Успенія и Вознесенія, примыкавшій къ крѣпостному валу. Противъ монастыря, на лѣвой сторонѣ упомянутой улицы, находился образцовый домъ, построенный казною для обывателей. — Въ юго-восточномъ углу крѣпости, между Московскими воротами и Путивльскими, западными, находилась церковь св. Анастасіи. Были еще четвертыя ворота — Бѣлополовскія, на сѣверѣ. Въ углу, между этими воротами и Московскими, помѣщался острогъ, обнесенный палисадомъ; къ з. отъ него — каменные обывательскіе погреба, а еще западнѣе, у самаго вала,—церковь Архангела Михаила.

Остальной городъ былъ расположенъ по обоимъ берегамъ Есмани. Незаселена была только широкая низменность, прилегавшая къ юго-западной сторонѣ вала и тянувшаяся вдоль Есмани. Впрочемъ, и здѣсь было нѣсколько построекъ, у самаго вала, въ томъ числѣ—печи для сженія извести и торговыя бани.

Городъ раздѣлялся Есманью и соединявшимъ ее съ оз. Есманью рукавомъ на 3 части.

Главная часть окружала крѣпость. Въ ней находились: купеческія лавки—у Московскихъ воротъ; отъ нихъ вели за городъ двѣ улицы, на Ю. и С. Налѣво отъ сѣверной дороги, за городомъ, была церковь Вознесенія Господня и при ней кладбище; между нею и лавками, почти на равномъ отъ нихъ разстояніи, находились кузницы справа и слѣва упомянутой улицы. Къ кузницамъ, находившимся на правой сторонѣ дороги, примыкало озеро или прудъ въ 80 саж. длиною и 15 шириною. На лѣвой сторонѣ южной улицы находились у самыхъ лавокъ: церковь Преображенія Господня и при ней каменная богадѣльня и артиллерійскій дворъ съ принадлежащими къ нему строеніями, на самомъ краю города.

У Бѣлополовскихъ воротъ помѣщались торговыя бани; къ СЗ. отъ нихъ противъ Румянцевскаго дворца,—церковь Сошествія св. Духа; а у озера Есмани въ концѣ города, противъ кладбищенской церкви—баталіонная школа.

Библиотека "Руниверс"

Вторая часть города находилась за протокомъ, соединявшимъ оз. Есмань съ рѣкою. Въ ней была церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, на берегу р. Есмани, въ самомъ углу, образуемомъ соединеніемъ рѣки съ протокомъ, и два пруда—1-й—противъ устья ручья, вливавшагося справа въ Есмань, и 2-й—ближе къ плотинѣ, находившейся на р. Есмани при входѣ ея въ городъ.

Третья часть города занимала правый берегъ рѣки. Здѣсь, между впаденіемъ въ Есмань ручья и дворцомъ Румянцева, на равномъ отъ нихъ разстояніи, противъ узкаго, но длиннаго залива Есмани, находился довольно пространный водный бассейнъ, до 45 саж. въ ширину и гораздо болѣе въ длину. Естественный онъ или искусственный—этого изъ плана не видно; далѣе, на обширной площади, съ юго-запада примыкавшей къ озеру, находились еще 4 бассейна, вѣроятно, искусственныхъ, что можно предположить по ихъ однообразной квадратной формѣ. Всѣ они отъ 100 до 400 кв. саж. Въ центрѣ этой площади была церковь Захарія и Елисаветы, а за нею, къ югу, зданіе старой Малороссійской Коллегіи и, къ западу, провіантскій магазинъ, а къ СЗ, на краю города—церковь Всѣхъ Святыхъ и при ней кладбище, одною стороною примыкавшее къ городу. У Румянцевскаго дворца справа была церковь Рождества Богородицы.

Всѣхъ церквей было 11, кромѣ 2-хъ при дѣвичьемъ монастырѣ.

5) *Проспектъ городу Глухову*, т. е. перспективный видъ Глухова со стороны оз. Есмани, или съ сѣверовосточноой стороны города. Этотъ планъ, вмѣстѣ съ предъидущимъ, даетъ весьма ясное понятіе о тогдашнемъ Глуховѣ относительно населенности, формы и размѣра построекъ не только общественныхъ, но и частныхъ.

Между зданіями первое мѣсто по громадности и архитектурѣ принадлежитъ новой коллегіи, потомъ дворцу Румянцева.

Коллегія построена была въ 2 этажа; въ срединѣ же, надъ главнымъ входомъ, зданіе имѣло 4 яруса. Въ немъ съ главной улицы было 33 окна; въ боковыхъ частяхъ—по 15; во дворѣ былъ флигель также въ 15 оконъ.

Библиотека "Руниверс"

Дворецъ Румянцева состоялъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ въ 1 и 2 этажа.

Церкви были, большею частію, объ одной главѣ, но были и о трехъ; а дѣвичій монастырь имѣлъ ихъ 4.

Частныя зданія не обширны и почти всѣ одноэтажныя; встрѣчаются, однакожъ, дома съ мезонинами. Болѣе обширныя постройки имѣли форму буквы П.

Видно, что многіе дворы были окружены рѣшетками. Кажется, на такого рода заборы была тогда мода.

Полей подъ огородами и садовъ было много, особенно далѣе отъ крѣпости.

Вообще проспектъ Глухова составленъ весьма подробно и отчетливо: въ каждомъ дворѣ означены даже незначительныя постройки. Жаль, что экспликація этого плана не подробна; она кратче приложенной къ плану Глухова и состоитъ въ указаніи 21 мѣста изъ числа 35, поименованныхъ на планѣ.

6) *Планъ города Королевца споказаніемъ вооном какъ вгороде такъ и вне города казенному и обывательскому строенію.* Экспликація не составлена; но названіе рѣки и впадающихъ въ нее ручьевъ означены на самомъ планѣ. Не показано даже, какъ въ другихъ планахъ, направленіе теченія водъ.

По положенію плотинъ видно, что рѣка Свидня втекала въ городъ съ ЮВ; въ нее, съ ЮЗ, вливалась какая то рѣчка, на которой была плотина. Отъ этого притока начинался городъ. Саженяхъ въ 50, по прямому направленію, отъ сліянія притока съ Свиднею начиналось озеро въ 140 саж. длины и столько же ширины, составленное рѣкою посредствомъ плотины. За озеромъ Свидня течетъ въ томъ же направленіи и, по принятіи рѣки Добрыхъ Водъ, перемѣняетъ его на восточное. Эта послѣдняя рѣка течетъ у самаго города съ Ю., потомъ подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на В. и сливается съ Свиднею. Въ мѣстѣ поворота Добрыя Воды образуютъ небольшое озеро вслѣдствіе запруды плотиною; между этимъ озеромъ и устьемъ, почти посрединѣ, находилось другое озеро, происшедшее отъ той же причины.

Библиотека "Руниверс"

Отъ устья Добрыхъ Водъ Свидня протекала на востокъ саженей 60 и потомъ дугою поворачивала на С. Въ этомъ направленіи она выходила за городъ. Саженяхъ въ 190 отъ поворота внизъ, рѣка, задержанная плотиною, превращалась въ довольно значительное озеро, наибольшая длина котораго около 320 саж., ширина 220. Оно раздѣлялось косою, входившею въ озеро съ ЮВ, на двѣ неравныя части: юго-западную—большую и сѣверо-восточную—меньшую. На разстояніи 150 саж. отъ плотины у этого озера, рѣка отдѣляла протокъ, составлявшій съ нею островъ въ 90 саж. длины и 60 ширины. Саженей 25 ниже острова начиналось снова озеро съ плотиной на нижней его сторонѣ; восточное продолженіе этой плотины составляла дорога на Глуховъ. Длина его 220 саж., ширина не менѣе 60. Вышедши изъ этого озера, рѣка протекала въ городѣ еще около 1 версты и снова составляла озеро въ 170 саж. длиною и 150 шириною. Въ это озеро Свидня вливалась и выходила двумя рукавами. Западный изъ вливавшихся рукавовъ соединялся 2-мя ручьями съ небольшимъ озеромъ, находившимся въ чертѣ города и имѣвшимъ плотину.

Итакъ, рѣка Свидня составляла 4 озера. Въ 35 саженяхъ отъ 2-го изъ нихъ вверхъ (считая озера сверху внизъ, по теченію) въ Свидню вливается съ запада ручей Рутка. Въ 3-е озеро, съ ЮВ., также впадалъ ручей и съ СВ—другой, не выходившій изъ города.

Рѣками и ручьями городъ раздѣлялся на 4 части: первая заключалась между Свиднею и Добрыми Водами; вторая—между Добрыми Водами и Руткою; третья—между Руткою и Свиднею съ одной стороны, дорогою въ Кіевъ и въ село Подолово—съ другой. 4-я часть начиналась у маленькаго ручья, изливавшагося въ 3-е озеро и тянулась вдоль Свидни до 4-го озера. Эта часть была на правой сторонѣ; всѣ прочія—на лѣвой. 5-я часть, самая малая, примыкала къ восточной сторонѣ 2-го озера и ограничивалась на противоположной сторонѣ дорогой въ Мутихъ, которая была продолженіемъ плотины у озера.

Въ 3-й части города была крѣпость, имѣвшая видъ трапеціи. Восточная и западная ея стороны—параллельны; первая—

Библиотека "Руниверс"

190 саж., вторая 140 саж., сѣверная сторона 235 саж., а южная, нѣсколько искривленная, 250 саж. Юго-восточнымъ угломъ крѣпость примыкала къ сѣверному берегу 2-го озера и находилась отъ Свидни въ 180 саженяхъ.

Въ крѣпости находились двѣ церкви; одна почти въ центрѣ, на площади, и при ней что то, въ родѣ лавокъ; другая—при сѣверномъ валѣ, саженяхъ въ 45 отъ точки соединенія его съ восточнымъ.

Внѣ крѣпости было 4 церкви: первая—надъ сѣверо-западнымъ берегомъ 2-го озера; вторая на срединѣ, между 3-мъ озеромъ и сѣверо-восточнымъ угломъ крѣпости; третья—надъ правымъ берегомъ Рутки во 2-й части города и четвертая въ центрѣ 1-й части города.

7) *Планъ Шостенскому артиллерійскому пороховому заводу.* Заводъ расположенъ на р. Шосткѣ, которая сначала имѣетъ сѣверное теченіе, потомъ юго-восточное, наконецъ юго-западное. Въ послѣдній изгибъ впадаетъ рѣка Крупецъ, вытекающая за версту отсюда изъ озера, на сѣверо-восточной сторонѣ котораго расположенъ Крупецкій хуторъ.

Сѣвернѣе перваго изгиба Шостка пересѣкается прямой дорогой, идущей съ СВ. на СЗ. Въ мѣстѣ пересѣченія устроены 2 шлюза и 5 водяныхъ машинъ для выдѣлки пороха. Вдоль сѣверо-западной части дороги устроена большая часть заводскихъ зданій, которыя расположены были въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная отъ рѣки: покои для житья офицеровъ и производства письменныхъ дѣлъ, харчевая лавка, квартира для житья мастеровыхъ. На лѣвомъ берегу сѣвернаго теченія Шостки были: сушильня, къ западу отъ нея, противъ офицерскихъ квартиръ—магазины для сѣры и матеріаловъ, далѣе по рѣкѣ розымка машиною и сухопутная машина для выдѣлки пороха, а къ западу, съ нею рядомъ, еще 3; возлѣ нихъ къ сѣверу—магазины для сѣры и матеріаловъ и на содержаніе мастерскихъ матеріаловъ.

На лѣвой сторонѣ той же сѣверо-западной части улицы были, ближе къ рѣкѣ,—покои для житья офицеровъ и производства письменныхъ дѣлъ; далѣе—конюшенный дворъ и казармы.

Библиотека "Руниверс"

Къ ЮЗ. отъ офицерскихъ покоевъ—кузница и мастерскія, а за ними—лѣкарскій домъ и лазаретъ.

Прочія зданія находились въ углу, образуемомъ сѣвернымъ и юго-восточнымъ теченіемъ Шостки. Направо отъ дороги, у рѣки, крутильня машиною, далѣе, почти противъ сухопутныхъ машинъ для выдѣлки пороха, магазинъ для сѣры и матеріаловъ; къ востоку отъ послѣдняго—пороховой магазинъ и селитряные амбары. Между лѣвою стороною дороги и Шосткою, противъ острова, составленнаго ея протокомъ находились: сараи для поклажи бочекъ, селитроварница, селитрянный амбаръ и селитрянная сушильня.

8) *Планъ поселеннымъ на Беловеяжской степи пяти деревнямъ.* Степь, занимаемая ими ограничивается съ В. рѣкою (названіе не показано), при которой находятся деревни: Большіе и Малые Вердеры, и рѣкою Уткою, въ которую съ Ю. по этой же степи впадаетъ рѣка (названіе не показано). По рѣкѣ Уткѣ и ея притоку простирается широкая луговая полоса, на правой сторонѣ которой расположены въ рядъ 3 деревни: Рундевизе—сѣверная, Калчиновка—средняя и Бѣлыя Вежи—южная. На ЮЗ. отъ сей послѣдней деревни, по дорогѣ изъ Вердеръ и Бѣлыхъ Вежъ въ Дмитровку, за притокомъ Утки, находился старый городокъ Бѣлыя Вежи; а южнѣе Бѣлыхъ Вежъ—домъ и земля пастора.

За рѣкою, при которой Вердеры, находился хуторъ Марковича съ землею.

Съ юга, отъ Вердеровской рѣчки до верхняго теченія притока Утки граничили со степью земли подкоморнаго Василія Кочубея и села Гавронецъ, принадлежавшаго маіору Якову Скуропатскому. На пространствѣ между Уткою и ея притокомъ граничили земли деревни Рубенки графа К. Г. Разумовскаго и села Мартиновки, отъ которой степь отдѣлялась дорогой; за рѣкою Уткою—также земли Мартиновки. Съ сѣвера, между Уткою и Вердеревской рѣчкой, прилегали земли: села Хвастовцовъ, Печерскаго монастыря, на которой находился монастырскій хуторъ, и земли хутора Зарукавнаго, принадлежавшаго графу К. Г. Разумовскому.

Библиотека "Руниверс"

Къ западу отъ Калчиновки, на луговомъ возвышеніи находился хуторъ калчиновскій съ домомъ для коммиссара. Въ этотъ хуторъ шла прямая дорога изъ Большихъ Вердеръ чрезъ Калчиновку. Между Рундевизе и Калчиновкой, ближе къ послѣдней, была отведена земля для коммиссара.

9) *Планъ полковому городу Миргороду съ ближнею ситуаціею.* Рѣка Хороль полуокружностію огибала городъ съ сѣвера, и на западѣ отдѣляла отъ себя протокъ, въ мѣстѣ сообщенія котораго съ рѣкою устроена плотина въ 65 саж. длины, для удержанія къ мельницамъ воды.

Черезъ Хороль шла дорога къ Лубнамъ. Направо, у дороги,—предмѣстье, а нѣсколько далѣе, у озера,—часть села Медвѣдевки; налѣво, между дорогой и протокомъ,—поселеніе, называемое Прилипки; между протокомъ и рѣкою—островъ съ поселеніемъ Харкивкою.

Городъ занималъ полукругъ, образуемый Хоролемъ. Восточная часть его, при рѣкѣ, окружена валомъ съ 4-мя въ немъ воротами: Сорочинскими—на Ю., Мескими (городскими)—на З. Звонишными—на СЗ. и Малыми—на СВ. Были прежде ворота и на востокъ, къ рѣкѣ, и хотя они не существовали во время составленія плана, однакожъ означены на немъ.

На западъ отъ вала, выдѣляя къ рѣкѣ сѣверную часть полукруга, простирался до другаго края рѣчной дуги *ретранжаментъ, которой селитренными заводчиками изрытъ такъ, что по набережной стороны ретранжаманта мало што осталось, а близъ плотины къ мельницамъ великія бугры навожены земли, а въ другихъ мѣстахъ по всему ретранжементу прокопы.*

Изъ ретраншамента шли двѣ дороги: на западъ—хорольская, на югъ—въ Богачку и Густивицы.

Въ крѣпости находилась соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы.

Въ ретраншаментѣ: церковь Воскресенія Христова и торговыя лавки—возлѣ крѣпости. Обывательскія строенія находились внутри укрѣпленій и внѣ ихъ.

Городъ былъ заселенъ весьма неправильно и не густо: между кварталами, крайне неровными, находились обширные

Библиотека "Руниверс"

пустыри, такъ что совершенно вѣрно можно сказать о всей площади, занимаемой Миргородомъ, что половина ея занята строеніями и огородами, другая же лежала впустѣ.

Величина крѣпости: 210 саж. длины, 90 саж. шир., ретраншамента—335 саж. дл. и 160 ширины.

10) *Планъ города Нова Городка споказаніемъ воономъ какъ въ городе, такъ и вне города казенному и обывательскому строенію.* Новгородокъ былъ расположенъ на правомъ берегу Десны, которая вдается въ городъ лукою, въ видѣ буквы П. Къ сѣверу отъ луки идетъ низменность съ двумя вѣтвями на В. и З. По главной низменности текъ въ Десну ручей, съ которымъ сливались другіе два съ вѣтвей низменности. Къ восточному углу луки примыкала также низменность съ ручьемъ. Отъ нея на югъ шла дорога въ Стародубъ. Отъ другаго угла протягивалась возвышенность, по прямой линіи, въ западномъ направленіи, выдѣляя къ Деснѣ довольно широкій лугъ. Эта возвышенность, не выходя изъ города, круто поворачиваетъ на югъ къ самой рѣкѣ. Здѣсь, надъ лугомъ и надъ рѣкой, расположенъ былъ Новоспасскій монастырь, къ которому съ З. примыкало нѣсколько обывательскихъ строеній.

Вдоль этой возвышенности была расположена значительная часть города, который у самаго угла луки былъ обнесенъ земляным валомъ и заселенъ чрезвычайно густо. Въ укрѣпленіи находились: соборная церковь Успенія, Воскресенія Христова—близь западнаго вала, къ внѣшней сторонѣ котораго примыкали кузницы, мимо которыхъ изъ крѣпости выходила дорога въ Глуховъ; церковь Рождества Христова—также недалеко отъ сѣвернаго вала, сотенная канцелярія и торговыя лавки—возлѣ соборной церкви.

Въ этой же части города, внѣ укрѣпленій, находилась церковь Воздвиженія Креста Господня и возлѣ монастыря—церковь Живоначальныя Троицы.

Остальной городъ лежалъ, большею частію, на упомянутыхъ низменностяхъ и только отчасти на возвышеніяхъ, заключающихся между первыми. Здѣсь означены слѣдующія мѣста: между крѣпостнымъ валомъ и сѣвернымъ ручьемъ—церковь св. Николая;

Библиотека "Руниверс"

на возвышенности, противъ восточнаго угла луки—церковь Покрова Богородицы; въ углу, образуемомъ главнымъ ручьемъ и лѣвымъ его притокомъ—церковь Благовѣщенія Богородицы.

Величина крѣпости—280 рутъ длины и 215 рутъ ширины.

11) *Планъ города Нежина споказаніемъ крѣпостнаго казеннаго и обывательскаго строенія.* Городъ расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Остра.

На лѣвомъ находился замокъ длиною до 150 саж., шириною—до 90 саж. съ нѣсколькими обмоинами и обвалами насыпей. Изъ замка, въ разныхъ мѣстахъ, выходили тропы чрезъ крѣпость и ровъ. Половина замка, обращенная къ рѣкѣ была почти не застроена. У вала, обращеннаго къ рѣкѣ, находились: ниже—провіантскій магазинъ, выше—комендантскій домъ, между ними—пороховые погреба; въ центрѣ замка: церковь Богоявленія Господня и пороховые погреба. Комендантскій домъ огибала гауптвахта. Между упомянутыми мѣстами на планѣ не означено никакихъ строеній.

Другая половина замка, юго-западная, доходившая до небольшого озера, была занята обывателями.

Продолженіе въ обѣ стороны прирѣчнаго вала замка составляло земляной валъ крѣпости, огибавшей, въ видѣ параллелограма, замокъ. Ширина ея 235 сажень, длина до 400 саж. Внѣ крѣпости были обывательскія строенія и при сѣверо-западномъ ея углѣ, недалеко отъ рѣки, мясной рядъ.

Между прибрежнымъ валомъ и рѣкою находились городскія постройки.

Изъ крѣпости былъ переѣздъ рѣки чрезъ три моста: къ первому вела дорога изъ крѣпости мимо с.-зап. насыпи замка, къ 3-му изъ с.-зап. края крѣпости; средній находился въ равномъ разстояніи отъ обоихъ и проходилъ чрезъ островъ. На лѣвой сторонѣ этого моста находились мельницы водяныя.

Внутри крѣпости были слѣдующія общественныя зданія: вокругъ замка, начиная съ юго-восточной его стороны,—церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, полковой острогъ—у южнаго берега упомянутаго озера, купеческія лавки, отъ которыхъ шла дорога мимо замка къ мосту. Налѣво отъ дороги—церковь Жи-

Библиотека "Руниверс"

вотворящей Троицы, по сосѣдству, лѣвѣе,—греческій монастырь; рядомъ съ нимъ, за лавками,—церковь св. Николая, еще далѣе, также за лавками, ближе къ нимъ церковь Космы и Даміана, а нѣсколько далѣе—церковь Успенія Богородицы.

Въ незначительномъ разстояніи отъ греческаго монастыря и Николаевской церкви, въ с.-зап. углу крѣпости, находился монастырь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; далѣе, въ этомъ же направленіи,—церковь св. Іоанна Богослова.

Городъ занималъ и другую сторону рѣки; часть его была обнесена ретраншаментомъ, который начинался у рѣки, противъ ю.-вост. края замка и который на планѣ означенъ только отчасти. Планъ имѣетъ въ виду представить укрѣпленія; поэтому показаны на немъ только прилегающія къ нимъ обывательскія строенія.

12) *Планъ города Ирилукъ споказаніемъ вооном казеннаго и обывательскаго строенія.* Весь городъ обнесенъ былъ земляннымъ валомъ. Средина сѣверной стороны его была вмѣстѣ съ тѣмъ насыпью замка, который отсюда простирался внутрь города. На каждой изъ 4 сторонъ крѣпостнаго вала находилось по одной башнѣ. Онѣ назывались: южная—Пирятинскою, сѣверная—Млиновою, восточная—Скутовскою и западная—Кіевскою. Ширина крѣпости, отъ Пирятинской до Млиновой башни, 177 сажень; длина, отъ Скутовской до Кіевской, 255 саж. На западной сторонѣ замковой насыпи находилась Кіевская башня, направо—пороховой погребъ—возлѣ самой башни, нѣсколько далѣе—полковой магистратъ, еще далѣе, при насыпи, общей съ крѣпостью—счетная коммиссія; налѣво отъ башни—острогъ, далѣе, на самомъ югѣ замка,—церковь св. Николая. Противъ нея валъ прерывался. Всѣ эти мѣста находились у самыхъ насыпей. Въ центрѣ помѣщались: погребъ для содержанія денежной казны, южнѣе — кордегардія, восточнѣе—полковая канцелярія. Кромѣ этихъ, на планѣ еще означены 8 мѣстъ, но не поименованы.

Къ южной сторонѣ замка примыкала площадь, занятая лавками, одинъ рядъ которыхъ находился у самого замковаго вала, между перерывомъ его у Николаевской церкви и Кіевскою башней, въ 25-саженномъ разстояніи отъ которой онъ прекра-

Библиотека "Руниверс"

щался. На восточной сторонѣ той же площади, почти противъ перерыва вала, находилась церковь Преображенія Господня. Тамъ же, между лавками и Пирятинскою башней, находились церкви: Рождества Богородицы—ближе къ лавкамъ и далѣе—св. великомуч. Варвары.

13) *Планъ города Стародуба показаніемъ вооном̀ъ какъ вгороде, такъ ивне города казенному и обывательскому строенію.* Описаніе плана не приложено. Городъ расположенъ былъ по обоимъ берегамъ р. Бобынца, который входилъ въ него съ С., потомъ поворачивалъ на В. и далѣе—снова на сѣверъ. Такимъ образомъ Бобынецъ составлялъ два колѣна—восточное и западное. Въ первое изъ нихъ впадала, съ Ю., рѣка Бычокъ съ плотиной въ мѣстѣ соединенія.

Между Бобынцемъ и Бычкомъ заключалась часть города съ церковью посрединѣ. Внѣ этой части города было озеро, недалеко отъ Бычка. Отсюда чрезъ Бобынецъ шла плотина съ мельницей при ней. Въ западное колѣно Бобынца вливалась въ западномъ направленіи р. Ланковка съ южнымъ своимъ притокомъ р. Митяевымъ. Ланковка также пересѣкалась двумя плотинами съ мельницами при нихъ.

Главная часть города лежала на лѣвомъ берегу Бобынца и Ланковки. Чрезъ эту часть протекалъ ручей (названіе не показано) съ З., поворачивалъ на Ю. и вливался въ Ланковку недалеко отъ соединенія ея съ Бобынцемъ. Въ срединѣ города, близко къ рѣкѣ, былъ квадратный замокъ, одна сторона котораго составляла 380 саж. Замокъ раздѣлялся насыпью пополамъ. Въ южной половинѣ находились 4 церкви; въ сѣверной—2 церкви. Внѣ замка, у юго-восточнаго его угла была церковь, у западной стороны—другая. Вокругъ замка, почти на равномъ отъ него разстояніи, именно 225 саж., находились еще 4 церкви. Первая—противъ ю.-вост. угла, вторая—противъ ю.-зап., третья—тамъ же и четвертая—противъ с.-вост. угла замка.

На правомъ берегу Бобынца, противъ замка, расположена была другая часть города, менѣе значительная. Она соединялась съ замкомъ плотиною, при которой были мельницы, и другою плотиною, также съ мельницами, сообщались сѣверныя края

Библиотека "Руниверс"

обѣихъ частей. Въ этой части города были только 2 церкви: первая—противъ плотины, идущей къ замку, вторая—далѣе отъ нея къ С. Такимъ образомъ въ городѣ было 15 церквей и 6 плотинъ.

14) *Планъ города Лубенъ споказаніемъ вооном̀ъ какъ вгороде такъ ивне оного города казенному и обывательскому строенію.* Лубны расположены были на высокомъ правомъ берегу Сулы, изрѣзанномъ ярами внутри и внѣ города.

Внутренняя часть города была обнесена земляным̀ъ валомъ самой неправильной формы. Наибольшая длина этой крѣпости 470 саж., ширина до 200 саж. Здѣсь наиболѣе было зданій, изъ которыхъ на планѣ поименованы: на юго-восточномъ краю—острогъ, отдѣленный валомъ; въ восточной половинѣ крѣпости—въ центрѣ ея—церковь Рожд. Богородицы и при ней торговыя лавки; между нею и восточным̀ъ валомъ, почти посединѣ,—канцеляріи 1-й, 2-й, и 3-й сотенъ, къ С. отъ сихъ послѣднихъ, у самого вала—полковая канцелярія.

Отъ Рождество-богородичной церкви на З. шла улица, на лѣвой сторонѣ которой находилась аптека; къ ней съ Ю. примыкала церковь Живоначальныя Троицы, отъ которой саженяхъ въ 30, къ ЮЗ., была церковь великомученицы Варвары. Къ З. отъ крѣпости—кузницы, еще далѣе, въ 300 саженяхъ отъ крѣпости—кордегардія, мимо которой къ З. шла дорога въ разныя села.

Къ Ю. отъ упомянутаго острога, внѣ крѣпости, въ 30 саж. отъ нея, находилась церковь св. Николая. На ЮВ. отъ нея на берегу—кордегардія, отъ которой—мостъ чрезъ рѣку; а на ЮЗ., почти въ такомъ же разстояніи—старый артиллерійскій дворъ. На рѣкѣ, ниже моста, почти противъ Троицкой церкви, находилась плавучая водяная мельница. У сѣверо-западнаго угла крѣпости была площадь, отъ которой шла большая дорога на Кіевъ.

15) *Планъ города Гадича споказаніемъ вооном̀ъ какъ вгороде такъ ивне города казенному и обывательскому строенію.* Гадячъ занималъ правый берегъ Псла, который течетъ здѣсь съ С. на Ю., и противъ замка, примыкавшаго къ нему, образуетъ довольно значительный островъ, въ 87 саж. длины и 40 саж.

Библиотека "Руниверс"

шир. Ниже, возлѣ него, плотина съ мельницами. Оба берега низки, и къ рѣкѣ примыкали только постройки крѣпости, которая съ этой стороны не имѣла вала. Въ прочихъ мѣстахъ городъ былъ значительно удаленъ отъ рѣки.

Средина его обнесена валомъ, въ видѣ четырехугольника, юго-западная сторона котораго вогнута внутрь, а сѣверо-восточная выдалась угломъ въ городъ. Длиннѣйшая сторона крѣпости—284 саж., шир. 230 саж.

Въ юго-восточномъ углу крѣпости находился замокъ сажень 60 длиною, до 30 шириною. Южная сторона его была общая съ крѣпостью, а между восточною его стороною и юго-восточною крѣпости было 18 саж. разстоянія. Къ сѣверо-западному углу замка примыкала площадь съ торговыми лавками; на западной сторонѣ ея находилась полковая канцелярія, къ которой съ С. примыкалъ острогъ. Въ юго-западномъ углу крѣпости были, смежно одна съ другою, канцеляріи 1-й и 3-й сотенъ. Противъ юго-восточнаго угла площади, въ которомъ церковь Успенія Богородицы, находилась, недалеко отъ рѣки, церковь Архангела Михаила. Сѣверо-западный уголъ площади выходилъ рукавомъ на сѣверъ, внутрь крѣпости; въ концѣ его—церковь Богоявленія Господня. Далѣе отъ нея, къ сѣверу же,—двѣ церкви: Петра и Павла и св. Николая; первая—ближе къ западному валу, а вторая—къ рѣкѣ.

При внѣшней сѣверной сторонѣ крѣпости, гдѣ она выдается угломъ внутрь города, находились: печь для обжиганія кирпича и кирпичный заводъ. При западной внѣшней сторонѣ вала, у входа въ крѣпость, находились кузницы и при нихъ—мясной рядъ, на площади, примыкавшей къ юго-западной сторонѣ вала. Къ югу отъ площади, саженяхъ въ 50, была церковь Преображенія, а далѣе, въ томъ же направленіи, вела за городъ улица, въ концѣ которой, на правой сторонѣ, находился старый артилерійскій дворъ. Мѣстность, занимаемая Гадячемъ, весьма похожа на лубенскую—она также прорѣзывается ярами, также изобилуетъ садами.

16) *Планъ города Полтавы съ показаніемъ вооном какъ вгороде такъ ивне города казенному и обывательскому строенію.*

Библиотека "Руниверс"

Экспликація не приложена. Центръ города обнесенъ валомъ, имѣвшимъ видъ окружности. Длина крѣпости 320 саж., шир. 250. Отъ западнаго вала начинался узкою полосою яръ, который далѣе къ В. постепенно расширялся и, вышедши изъ крѣпости, образовалъ обширную низменную равнину, огибавшую восточную и сѣверную часть крѣпости. Въ этомъ яру, внутри крѣпости, начинался ручей изъ маленькаго озера и текъ сначала съ запада на востокъ, потомъ, по выходѣ изъ крѣпости, дугою поворачивалъ на С. и въ концѣ города—снова на В.

Внутри крѣпости находились: направо отъ ручья, немного ниже его начала, на горѣ, церковь; налѣво, нѣсколько выше начала ручья—другая церковь, а лѣвѣе—третья; къ В. отъ нихъ, на краю лѣваго возвышенія, надъ ручьемъ—четвертая церковь.

Внѣ крѣпости означена на планѣ только одна церковь—на правомъ берегу ручья, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ поворачиваетъ на сѣверъ. Въ западной же части города, довольно густо заселенной и сравнительно съ прочими обширнѣйшей, не означено ни одной церкви. Эта часть города была защищена съ запада валомъ, который обоими концами упирался въ низменности, окружавшія городъ.

Въ городѣ было довольно садовъ и мѣстъ незаселенныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго. На этотъ разъ печатаемъ: три письма гр. П. В. Завадовскаго (род. 1738 † 1812), четыре письма Дм. Пр. Трощинскаго (род. 1749 † 1829) и одно письмо дюка де-Ришелье († 1822 г.). Изъ этихъ писемъ наиболѣе интересно четвертое письмо Трощинскаго, гдѣ онъ говоритъ о малороссійскомъ генералъ-губернаторѣ кн. Лобановѣ-Ростовскомъ (Яковъ Ивановичъ, 1808—1816), который въ «его неукротимой ненависти и злобѣ ко всему краю, не престаетъ угнетать жителей края самовластными своими поступками».... Этотъ рѣшительный отзывъ о генералъ-губернаторствѣ кн. Лобанова человѣка такой осторожности какимъ былъ Трощинскій возбуждаетъ желаніе собрать побольше фактическаго матеріала о дѣятельности генералъ-губернаторовъ первой четверти настоящаго вѣка, кн. Ал. Б. Куракина (1802—1808), кн. Лобанова-Ростовскаго и наконецъ кн. Н. Г. Репнина. Тутъ первымъ шагомъ должно быть разъясненіе вопроса: сохранились ли архивныя бумаги объ административной дѣятельности названныхъ лицъ и если да, то гдѣ таковыя находятся?—*Ред.*

III. Письма графа П. В. Завадовскаго.

1) Милостивый государь мой Михаилъ Павловичъ!

Писмомъ вашимъ изъ Багмута, вы мнѣ препоручаете старатся о дѣлѣ г. Депераловича. Я то здѣлаю, и буду очень радъ, естли успѣю въ моемъ ходатайствѣ.

Милиціоннымъ другомъ (?) правитъ та судебина, что хотящего ведетъ, нехотящего тащитъ. Ратовати не новое дѣло для васъ. Желаю да возгремятъ ваши подвиги, посѣкая и прободая Луну оружіемъ нашихъ предковъ.

Библиотека "Руниверс"

Я не знаю въ которую сторону ваша дорога лежитъ, но на всякомъ мѣстѣ будте здоровы и продолжайте любить пребывающаго съ искреннымъ почтеніемъ вашего пр-ва покор. слуг. Г. Петръ Завадовскій.

С. П.-бургъ. Апреля 22. 1807 г.

2) Августа 10-го. П.-градъ.

Очень признателенъ и весьма вамъ благодарю, любезный братецъ М. П., за бѣлье столовое, которое получилъ отъ Харламова. Не дорого и доволно хорошо: но ежели еще лучше достать ровной случай имѣете, то одолжите меня и болше. Доброта сего товара тѣмъ лутче, чемъ топѣе и гуще. При продажѣ, лоскъ скрадываетъ сіи статья, а мытье первое открываетъ. Вы здраво судите: что завеличину (?) лишнее деньги плотимъ, когда замѣнить оную можно нѣсколькими гарнитурами тойже доброты дешевле покупаемими. И пространство, и сокращеніе предаю въ вашу волю только бы сложность была одинакого разбора. За все плату требуйте отъ брата Ильи Васильевича, которую вамъ доставлять я его просилъ. Мое дѣло расточать, а его платить. Не менше благодаренъ вамъ и за пищу моей страсти къ собакамъ. Хочется погонять .....[1]) въ свою волю стародубовскихъ зайцевъ. Но уже тѣмъ не льщуся, чтобъ купно съ вами объѣздить понуровскія поля; вмѣсто сего удовольствія хотя то будетъ, ежели вашъ подарокъ возметъ первенство надъ моими резвѣйшими. Я не знаю польскихъ собакъ, опричъ гладкихъ хортѣхъ, которые на видъ только хороши, а ногами туницы, но могу по малой въ томъ практикѣ ошибаться. Есть порода старинныхъ хортовъ польскихъ у *г. Курдмановскаго*, брудастая; изъ таковыхъ онъ мнѣ подарилъ кобеля прекрасного и пререзвого. Крѣпость и резвость вмѣстѣ такъ сказать невѣроятныя. Пощитись отъ его псарни и не другой какъ сей породы; ибо у его только одного ведется оная. Я не могу отвести щенковъ, понеже выходятъ по сукамъ, а не въ породу кобеля; суки же единоплеменной не имѣю, и достать опричъ его не у кого. Помѣщикъ сей и славный коноводъ, и въ Аравіи не лутчіе какъ у его аргамаки.

Прощай, будь здоровъ. Прими мою привязанность купно съ усерднымъ почтеніемъ.

Вашъ покор. братъ и слуга Г. П. Завадовскій.

---

[1]) Неразобрано слово.

Библиотека "Руниверс"

3) Октября 20-го.

Я очень радъ, любезный М. П., твоему богатырскому подвигу, съ которымъ и съ наградою за оный тебя поздравляю искренне.

Увѣдомь меня пожалуй какъ себя Степанъ Ширай ведетъ. Всю ли Солову на карты проставилъ, или еще какая нибудь кроха осталася? О его мотовствѣ слухомъ полны мои уши. Воюй всегда щастливо. Сего тебѣ желаетъ отъ всего сердца пребывающій съ почтеніемъ и усердіемъ вашимъ покор. брат. и слугою. П. Завадовскій.

Изъ добытыхъ въ турецкомъ лагерѣ борзыхъ сбереги и для меня сворю (sic) лихихъ.

IV. Письма Дм. Ир. Трощинскаго, 1798—1813 г.

1) Милостивый государь мой Михайла Павловичъ! Вашему превосходительству, конечно, не безъ извѣстно, въ какомъ разстроенномъ состояніи покойный Лука Михайловичъ Лукашевичъ оставилъ имѣніе свое и дѣтей. Теперь, проѣзжая чрезъ Борисполь, тронутъ я былъ безмѣрно жребіемъ бѣдной сироты, дочери его, въ отческомъ домѣ живущей, тогда когда два ея братья, находясь на службѣ, не могутъ подать ей никакого пособія. Они упросили одного знакомаго имъ офицера вступиться въ распоряженіе разореннаго ихъ имѣнія и сего то офицера г. Ремерса, который будетъ имѣть честь вамъ сіе представить, нашолъ я достойно занимающагося всѣмъ тѣмъ, что хотя мало можетъ облегчить тяготу сиротскаго состоянія. Человѣколюбивому сердцу вашего превосходителства препоручаю я защиту бѣдныхъ сиротъ и вспоможеніе имъ въ тѣхъ дѣлахъ, съ коими они къ вамъ черезъ посредство г. Ремерса прибѣгать будутъ. Я просилъ о томъ же и Александра Андреевича (Безбородка) и увѣренъ, что ни онъ, ни вы не откажите жалостному семейству вашего покровителства. Имѣю честь пребыть всегда съ отличнымъ, совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходителства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. Въ Кіевѣ. Сентября 6, 1798.

2) Милостивый государь мой М. П. Вчера только возвратился я сюда изъ польскихъ моихъ деревень, и по встрѣтившимся въ оныхъ обстоятельствамъ, необходимо долженъ буду дождаться здѣсь Александра Андреевича, который изъ объѣзда губерній будетъ сюда 28 нынѣшнаго мѣсяца. Перваго же октября я полагаю, растав-шись съ святыми мѣстами, заѣхать еще разъ въ малороссійскую мою деревню и оттуда, ни мало не мѣшкавъ, отправиться уже въ Петер-

Библиотека "Руниверс"

бургъ, неся съ собою пріятнѣйшее воспоминаніе того дружескаго обращенія и множества знаковъ благосклонности, кои я видѣлъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и между которыми ваши я щитаю для себя наиобязательнѣйшими. Между тѣмъ и еще одного опыта дружбы вашей испрашиваю, позволить г. городничему нѣжинскому Вольховскому, хотя подъ какимъ ни есть видомъ, начальничьяго препорученія увидѣться со мною на кратчайшее время, въ деревнѣ моей Кибинцахъ и поспѣшить снабдить его на то вашимъ предписаніемъ. Впрочемъ будьте увѣрены объ отличномъ моемъ почтеніи и искренней преданности, съ коими навсегда пребыть честь имѣю в. пр-ва покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. Въ Кіевѣ. Сентября 24. 1798.

3) Милостивый государь мой М. П. Я не могу оставить здѣшнихъ мѣстъ, чтобъ не поблагодарить ваше превесходительство еще разъ за тѣ выгоды, какія я по предписаніямъ вашимъ имѣлъ во всѣхъ случаяхъ, проѣзжая губернію вашего начальства, а равномѣрно не могу обойтися, чтобъ не утрудить васъ новыми просьбами, изъ коихъ *первая*, чтобъ къ старинным друзьямъ моимъ г-дамъ Базилевскимъ были вы милостивы и въ дѣлахъ ихъ, какіе до васъ доходить будутъ, не отказали имъ вашего покровительства; *вторая*, о равномѣрномъ покровительствѣ и защитѣ бѣдныхъ сиротъ Левенцевыхъ; *третья* же, и самая прилѣжнѣйшая, чтобъ вы продолжали ко мнѣ вашу дружбу, коей я всегда и вездѣ искренно соотвѣтствовать обязуюсь, за удовольствіе поставляя сохранить къ вамъ то совершенное почтеніе, съ коимъ навсегда пребыть честь имѣю в. пр-ва покорн. слуга Дмитрій Трощинскій. Въ Сорочинцахъ. Октября 14. 1798.

4) Милостивый государь мой М. П. Вы не повѣрите, мой почтеннѣйшій другъ, сколь прискорбно мнѣ было лишиться того удовольствія, которое вы мнѣ обѣщали доставить посѣщеніемъ на возвратномъ вашемъ пути изъ Полтавы; но когда сіе не исполнилось, я не смѣю винить васъ, а сѣтую на судьбу, которая всѣми образами противъ меня ожесточилась. Главнѣйшія же удары ея чувствую въ неукротимой ненависти и злобѣ ко мнѣ и ко всему здѣшнему краю кн. Лабанова, не престающаго угнѣтать насъ самовластными своими поступками. Онъ повидимому, узнавъ о моей на его жалобѣ, а можетъ быть удостовѣрясь, что оная въ комитетѣ министровъ оставлена безъ вниманія, усилилъ къ отягощенію несчастной сей губерніи и ко мщенію мнѣ явно клонящіяся своевольныя и беззаконныя дѣйствія, и я вынужденъ былъ объ оныхъ новыя здѣлать представле-

Библиотека "Руниверс"

нія офиціальнымъ отношеніемъ моимъ къ его высокопревосх-ву Сергѣю Кузмичу (Вязмитинову), яко занимающему мѣсто министра полиціи, отъ коего всѣ дворянскія сословія зависятъ, и партикулярнымъ письмомъ къ его сіятельству графу Николаю Ивановичу (Новосильцеву), какъ предсѣдательствующему въ комитетѣ министровъ. Вы, любезнѣйшій другъ, позволяете мнѣ поручать вамъ коммиссіи свои: можетъ ли же быть важнѣйшая той, чтобъ споспѣшествовать избавленію насъ отъ ига несносно обременительнаго? и для того всеубѣдительнѣйше прошу васъ принять къ сострадательному сердцу общія несчастія наши, и быть за насъ прилѣжнымъ ходатаемъ.— Жалобы мои какъ прежнія, такъ и нынѣшнія, подкрѣплены столь ясными доводами, что разсматривающимъ оные безпристрастно, не дозволятъ ни малѣйшаго сумнѣнія. Такъ неужель и послѣ сего захотятъ еще оставить милiонъ людей, удручаемыхъ единымъ самоволіемъ начальника, поставившаго себя выше всякаго закона и всѣ преграды онаго опровергнуть дерзнувшаго.—Еще разъ прошу и заклинаю васъ всѣмъ что для васъ свято, употребите гдѣ слѣдуетъ дѣятельное ваше настоянiе, и поспѣшите дружески увѣдомить меня о послѣдствіяхъ сего дѣла, не одного меня, но весь край здѣшній чрезвычайно много интересующаго. Чтобъ не обременять васъ болѣе своей іереміадою, заключаю сіе увѣреніемъ непоколебимыхъ чувствъ совершеннѣйшаго къ вамъ почтенія и искреннѣйшей преданности, съ коими по конецъ дней моихъ пребуду. М. г. мой в. пр-ва покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. Кибинцы. Ноября 13. 1813.

V. Письмо дюка де-Ришелье, 1817 г.

Милостивый государь Михаилъ Павловичъ!

Трудно мнѣ выразить съ какимъ удовольствіемъ получилъ я почтеннѣйшее письмо вашего пр-ва, изъ Стародуба, отъ 20-го іюля, и сколько былъ чувствителенъ къ тому, что вы меня помните, и сохраняете прежнее ко мнѣ благорасположеніе. Прошу васъ принять удостовереніе какъ въ искреннѣйшей моей благодарности, такъ и въ нелестной и всегдашней приверженности.

Сохраняя прежнія чувства мои къ Одессѣ и всему Новороссійскому краю, я не могу не радоваться намѣренію вашего пр-ва поселиться на берегахъ Чернаго моря. Учрежденіе въ Одессѣ лицея открываетъ всѣ способы къ воспитанію любезныхъ дѣтей вашихъ, тѣмъ болѣе, что извѣстныя мнѣ достоинства директора, почтеннаго аббата Николя, совершенною служатъ порукою въ будущихъ успѣ-

Библиотека "Руниверс"

хахъ сего учебнаго заведенія, и обѣщаютъ неисчислимыя выгоды состороны наукъ и просвѣщенія не только для новороссійскихъ губерній, но для всей южной Россіи, и даже для окружныхъ чужихъ земель. Ваше пр-во повѣрите сколько я сожалѣю, что, удаленъ будучи обстоятельствами, не могу пріобщить слабыхъ трудовъ моихъ къ образованію сего заведенія, и наслаждаться вблизи постепенными успѣхами оного; но возрастающее ежедневно благоденствіе Одессы, и здѣсь доставляетъ мнѣ пріятнѣйшія минуты. Чтеніе письма вашего, и описаніе того, что вы нашли въ семъ городѣ, послѣ долговременнаго отсудствія, доставило мнѣ одну изъ таковыхъ минутъ. Ничего не можетъ быть лестнѣе для меня, какъ слышать одобреніе трудовъ моихъ изъ устъ того, кто былъ однимъ изъ первыхъ основателей благоденствія и образованности Новороссійскаго края.

Съ чувствами совершеннаго почтенія и истинной преданности имѣю честь пребыть навсегда, м. г., в. пр ва покорнѣйшій слуга Е. дюкъ де-Ришелье [1]).

Въ Парижѣ $^{10}/_{22}$ октября 1817.

Бѣгуны отъ науки. Въ произведеніяхъ писателей-украинцевъ процвѣталъ и пріобрѣлъ право гражданства типъ старинnаго академиста или бурсака, какъ неразборчиво они его называли, великовозрастнаго, лѣниваго, охотника до выпивки и неохотника до науки, къ которому эта наука, да еще схоластическая, шла также, какъ сѣдло къ коровѣ. Неувядаемые по комизму образцы этого типа представилъ Гоголь въ «Віѣ», особенно въ лицѣ Хомы Брута. Герои Нарѣжнаго, domine Галушкинскій-Квитки принадлежатъ къ той же блистательной ученой когортѣ. Комизмъ этихъ лицъ состоитъ въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи ихъ первобытныхъ, жизнерадостныхъ натуръ съ тою суровою, напыщенною и сухою школьною мудростью, которою они должны быть проникнуты. Академическая латынь и простодушный, хуторской складъ ея адептовъ, классическіе клички и термины и козацкіе ухватки и нравы — все вмѣстѣ представляетъ единственный въ своемъ родѣ, забавный контрастъ, на фонѣ котораго свободно разгулялось воображеніе писателей-юмористовъ. Созданныя ими лица безъ сомнѣнья нѣсколько утрированы, но они не выдуманы нашими авторами и сущность ихъ въ основѣ исторически вѣрна. При сужде-

[1]) Въ этомъ письмѣ только подпись собственноручная.

Библиотека "Руниверс"

ніи о вѣрности изображеній тѣхъ или иныхъ явленій былого у нашихъ старыхъ писателей,—вѣрности, которой мы уже не можемъ провѣрить личнымъ наблюденіемъ,—слѣдуетъ принимать въ разсчетъ близость этихъ авторовъ къ изображаемому времени, преемственность преданій и непосредственную связь ихъ съ той эпохой. Нарѣжный и Квитка прямо выросли среди людей прошлаго вѣка и многое изъ той старины видѣли еще своими глазами. Не мало видѣлъ и Гоголь, для великаго дарованія котораго, при его способности историческаго проникновенія, достаточно было и современныхъ ему аналогій съ явленіями прошлаго и типичныхъ особенностей, еще живыхъ въ его время въ малороссійской толпѣ. Пресловутые ученые «богословы» въ началѣ вѣка еще держали въ своихъ десницахъ бразды первоначальнаго образованія, а они были плотью отъ плоти и костью отъ костей извѣстной части питомцевъ и академіи, и коллегіумовъ. Историческое существованіе этого типа встрѣчаетъ и документальныя подтвержденія. Вотъ, вычитанный нами въ «Указной книгѣ» одной захолустной церкви прилукскаго уѣзда полтавской губерніи, указъ Рафаила Заборовскаго, направленный прямо противъ Хомы Брута, Халявы, Галушкинскаго и ихъ достойныхъ сподвижниковъ:

«Рафаилъ Заборовскій, Божіею милостью православный архіепископъ кіевскій, галицкый и малія Россіи.

Вамъ, всечеснымъ протопопамъ, пречеснымъ ігуменамъ и всему причту духовному, Божіе благословеніе и наше архіерейское препославше, предлагаемъ: донеслъ намъ пастыревѣ пречесний префектъ академіи кіевской Іеронимъ Михневичъ, что многіе студенты, цѣлорочному ученію своему окончанія прежде времени, безъ письменихъ свѣдителствъ и патентовъ пречеснаго префекта нашего академіи кіевской, в Малороссіи в мѣста за Днѣпръ отходятъ самоволне. Того ради вамъ, симъ нашимъ архіерейскимъ указомъ, накрѣпко приказуемъ, буде гдѣ являтся студенти безъ пашпортовъ пречеснаго префекта академіи нашой кіевской, таковимъ, не токмо чинить угожденія, но онихъ яко подозрителнихъ, непостоянихъ, словивъ, отсилать подъ арештомъ в Академію нашу Кіевскую для учиненія имъ за такое самоволство надлежащаго наказанія, ибо за такими бездѣлниками, безъ пашпортовъ волочащимися, разныя неблагообразія происходятъ. О семъ вамъ вѣдать и чинить и по обикновенію репортовать пастырски деклярuемъ з катедри нашой кіевской 1734 года іюня 24, вишеіменованій Рафаилъ Архіепископъ».

Библиотека "Руниверс"

Пользуемся случаемъ, чтобъ сказать два слова объ *указныхъ книгахъ*, въ одной изъ коихъ найденъ и приведенный документъ. Книги эти попадаются въ старинныхъ церквахъ, гдѣ счастливая случайность или вниманіе настоятеля не окончательно истребили слѣды прошедшаго. Въ нихъ, помимо указовъ и распоряженій центральной власти, тексты которыхъ сохраняются и въ Собраніи Законовъ и въ архивахъ правительственныхъ учрежденій, встрѣчается множество распоряженій, указовъ и циркуляровъ мѣстнаго духовнаго управленія, драгоцѣнныхъ для будущаго историка южнорусскихъ духовныхъ дѣлъ и интересныхъ вообще по обилію бытовыхъ явленій, ими затрогиваемыхъ. Встрѣчаются здѣсь и гетманскіе универсалы, можетъ быть не сохранившіеся инымъ путемъ. Между тѣмъ не слышно что то, чтобъ было начато даже собираніе такихъ книгъ, число которыхъ годъ отъ году конечно уменьшается. Кое что по этой части видѣли мы въ маленькомъ, только что начатомъ, собраніи церковной рукописной и книжной старины при полтавской семинаріи. Гдѣ хранятся подлинники распоряженій кіевскихъ митрополитовъ и архіепископовъ? Съ какого времени заведены указныя книги при южнорусскихъ церквахъ и можетъ ли быть достигнутъ систематическій и правильный ихъ подборъ? Вотъ вопросы, на которые хотѣлось бы обратить вниманіе заинтересованныхъ и свѣдущихъ людей и услышать необходимыя разъясненія. **Г.**

Замѣтка къ статьѣ «Малорусскіе домашніе лѣчебники 18 в.» (Кіевская Старина, 1890 г., книга I). Пересматривая названную статью и весьма любопытное къ ней приложеніе и зная хорошо, что для выясненія источника нашихъ старинныхъ лѣчебниковъ, какъ и всякихъ другихъ книгъ, служившихъ умственною пищею нашихъ предковъ, весьма нелишне приводить какъ можно болѣе однородныхъ явленій и примѣровъ изъ другихъ литературъ, особенно инославянскихъ, я счелъ нужнымъ сдѣлать къ вышеуказанной статьѣ нѣсколько, на мой взглядъ, довольно любопытныхъ прибавленій и сообщеній, которыя, быть можетъ, позволятъ расширить кругъ нашихъ историко-литературныхъ сближеній и сопоставленій.

Уже заранѣе можно предположить, что извѣстная близость нарѣчій другъ къ другу либо существованіе общаго книжнаго языка у разныхъ народовъ неизбѣжно должны содѣйствовать взаимному обмѣну ихъ литературныхъ произведеній и переносенію тѣхъ или другихъ

Библиотека "Руниверс"

явленій словесности часто на далекія пространства, сообразно, конечно, ихъ большей или меньшей внутренней цѣнности либо просто занимательности для читающаго круга. Латинскій и древне-церковно-славянскій языки были, какъ извѣстно, въ средніе вѣка главными, даже, можно сказать, почти единственными книжными языками, объединявшими народы: первый — романскіе и германскіе, 2 — славянскіе (за исключеніемъ чеховъ и поляковъ). Вотъ почему эти два языка и были главными распространителями по Европѣ всевозможныхъ произведеній словесности, значительная часть которыхъ и доселѣ еще таится на днѣ народной массы, составляя теперь такъ называемую простонародную литературу, если не во всѣмъ ея объемѣ, то во всякомъ случаѣ представляя очень замѣтный процентъ ея. Это и было главною причиною того любопытнаго явленія, что въ средніе вѣка во всей Европѣ отъ Атлантическаго океана, и до Уральскихъ горъ, можно сказать, не боясь впасть въ преувеличеніе, господствовалъ почти одинъ и тотъ же составъ литературныхъ произведеній, обращавшихся среди массы читающаго люда, съ незначительными, конечно, исключеніями и измѣненіями по мѣстностямъ.

И эта бродящая литература состояла не изъ однихъ только, такъ сказать, беллетристическихъ произведеній, питавшихъ присущую человѣку потребность художественнаго чтенія (каковы, напр., сказанія о семи мудрецахъ, всякія Александреиды, Римскія дѣянія, повѣсть о Петрѣ Золотыхъ Ключахъ и Бовѣ королевичѣ): напротивъ значительная часть ея представляла изъ себя отдѣлъ научный (для насъ конечно, псевдонаучный, каковы всѣ эти «Астрологіи», Бестіаріи, Луцидаріи, Зелейники (иначе Травники, Цвѣтники и Лѣчебники), Аристотелевы врата, и пр., удовлетворявшій не менѣе важной и сильной потребности знать. Если первыя произведенія, представлявшія собою область, до извѣстной степени соотвѣтствовавшую теперешней «изящной словесности» служили пищей для воображенія, то вторыя старались давать посильный отвѣтъ на запросы ума либо требованія повседневной дѣйствительности, домашняго обихода тогдашнихъ людей. Нѣтъ нужды разъяснять, что всякіе лѣчебники, гербаріи («былинаріи» чеховъ) и др. должны были имѣть особенно значительное распространеніе въ виду важности ихъ практическаго примѣненія: это и понятно, ибо они давали посильные совѣты въ вопросахъ здоровья, всегда занимающихъ первое мѣсто среди вопросовъ и заботъ человѣчества.

Библиотека "Руниверс"

Занимаясь въ Бѣлградскомъ «Народномъ» книгохранилищѣ, я обратилъ вниманіе между прочимъ на одну любопытную книгу «Славено—сербскій магазинъ, то есть Собраніе разныхъ сочиненій и преводовъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ. Въ Венеціи 1768 г., въ типографіи Димитрія Ѳеодосіева». Книга эта, изданная извѣстнымъ въ свое время Орфелиномъ Захаріею, состоитъ изъ статей довольно разнообразнаго содержанія; такъ, напримѣръ, на ряду со статьею «мнѣніе преосвященнаго Ѳеофана Прокоповича, архіепископа Новгородскаго, каковымъ образомъ и порядкомъ надлежитъ багрянороднаго отрока наставляти въ Христіанскомъ Законѣ» въ ней помѣщена статейка совершенно иного рода, а именно: «Добродѣтели смоквы», гдѣ излагаются разныя почтенныя свойства смоквъ, или винныхъ ягодъ, полезныя при разныхъ болѣзняхъ. Вотъ эта то статейка и любопытна въ данномъ случаѣ, потому что совѣты, предлагаемые въ ней, въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти совершенно тожественны, и не только по существу, но даже часто по словесному выраженію, съ совѣтами, находящимися въ вышеуказанномъ «Врачебникѣ», помѣщенномъ въ «Кіевской Старинѣ». Сходство иногда до того поразительно, что невольно приводитъ къ мысли не только о возможности общаго источника этихъ двухъ книгъ, но даже о томъ, что или русская рукопись могла быть извѣстна въ Сербіи и послужить источникомъ свѣдѣній, заключающихся въ вышеупомянутомъ «Славено-сербскомъ магазинѣ», или же наоборотъ: сербская книга, попавши на Русь, могла доставить составителю южнорусскаго разношерстнаго «Врачебника» свѣдѣнія о лѣчебныхъ свойствахъ смоквы, какъ другія свѣдѣнія были заимствованы изъ другихъ источниковъ, восходящихъ, какъ замѣтилъ г. Потебня, къ XVII и даже (посредственно) къ XVI в. И то, и другое, въ виду существовавшаго тогда у русскихъ и сербовъ, можно сказать, литературнаго единства, одинаково возможно; слѣдуетъ только замѣтить, что русская книга въ то время была болѣе извѣстна въ Сербіи и проникала туда легче, чѣмъ сербская въ Россію...

Приведемъ выдержки изъ сербской статьи «Добродѣтели смоквы» и сопоставимъ ихъ съ соотвѣтствующими мѣстами южнорусскаго «Врачебника», чтобы читатель имѣлъ возможность самъ судить о замѣчательной близости этихъ двухъ источниковъ, даже, повторяю, въ языкѣ и слогѣ, а не только по содержанію. Конечно, о полной тожественности въ языкѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ и тогда, даже при существованіи у русскихъ и сербовъ общей книжной основы — древне-церковно-славянскаго языка — все же приходилось сербу под-

Библиотека "Руниверс"

правлять нѣсколько языкъ русскихъ книгъ и статей, и наоборотъ, и особенно въ словарномъ отношеніи, что и естественно [1]).

Изъ «Врачебника».

1) Паки от каменной болѣзни: По вся утра по три смокви, перцемъ *посипавши*, исти, такожъ и женою солью. *Хто* потолко-жъ смоквей по вся утра употребляетъ, тотъ худого воздуха и каменной болѣзни не боится, то к'то после того два или три ножевихъ *вострей* той же женой соли особливо с'есть.

2) Паки от кашлю:

... нѣсколко смоквей положить въ крепкое *судно* и до них *насипати* сахару и, дополня крепкою *водкою* зажечь и *до тыхъ мѣстъ* горѣла бъ, *пока* самая *стухнеть*, и того оставшогось сока рано и вечер по *ложки* принимать.

3) О грудной болѣзни и одишки:

Взять нѣсколко смоквей и в анисной албо в простой чистой *водѣ* настоять и *по вся ранки* по двѣ смокве исти.

4) От болячокъ и пухлинъ:

Взять сирую или испекти смокву и столко жъ до нея приложити печеноѣ *цибулѣ* и оное истолочь, прикладати на болячки, пухлину и всякіе вреди.

Изъ «Славенсербскаго магазина».

1) *Тко* (=кто) свакогъ (=всякого) утра двѣ или три смокве, *посувше* женомъ солью, будетъ ѣсти, тому не треба боятися каменной болѣзни и худогъ воздуха. Токмо послѣ того надобно два или три ножева *верха* упомените жжене соли особливо изѣсти.

2) Тко великій кашель има, нека (=пусть) метне у едну *чинію* (=чашу) или другій каковъ крѣпкій сосудъ смокве и на нихъ треба *насути* сахара, пакъ дополнити жестокомъ *ракіомъ* (=водка), зажжечи ю (=ее) и оставити, нека *дотѣлѣ* горитъ, докълѣ сама *угаситсе*, а потомъ оставшій сокъ утромъ и вечеромъ по едну *кашику* (=ложка) принимати.

3) Кому перси больны и одышка, или весьма влажанъ, тому надобно нѣколико смокви у анизовой *розоліи* или простой ракіи намочити и *сваковъ утра* по две смокве ѣсти.

4) Печена или сырова смоква съ толико печеным *лукомъ* смѣшана и истучена, кадъ се на сваку болячку, вредъ, отекъ и чирь поставитъ, одмах (=сразу) оное отеченое мѣсто умалява.

---

[1]) Въ печатаемыхъ выдержкахъ нѣкоторыя изъ такихъ словарныхъ различій отмѣчены курсивомъ.

Библиотека "Руниверс"

5) На зубовъ болепьне: к тому жъ половину сирой или печеной смокви на болное мѣсто положить.	5) Отъ зубне болѣзни ...., вземши половину печене или сырове смокве, положити *на болящее* мѣсто .....

Можно было бы еще увеличить количество примѣровъ (напр. «Въ родинахъ женамъ печонне смокви исти» во «Врачебникѣ» и «Печене смокве труждающимся у порожденію женамъ скорую къ освобожденію помощь даютъ» въ «Славеносербскомъ магазинѣ»); но, кажется, и вышеприведенныхъ достаточно для обосновки высказанныхъ нами мыслей. Въ настоящей замѣткѣ мы не беремся рѣшать вопросъ, чѣмъ объяснить вышеуказанное замѣчательное сходство русской и сербской статьи о смоквѣ: общимъ ли источникомъ обѣихъ или непосредственнымъ заимствованіемъ одной изъ другой. Мы только хотѣли, располагая подходящимъ матеріаломъ, привести его во всеобщее свѣдѣніе, авось либо и онъ принесетъ свою долю пользы кому нибудь изъ дальнѣйшихъ изслѣдователей.

А. Степовичъ.

Два документа для исторіи семейства Разумовскихъ. Первый изъ этихъ документовъ заключаетъ въ себѣ поданное императрицѣ Екатеринѣ эксъ-гетманомъ прошеніе объ утвержденіи акта, которымъ «малороссійское имѣніе» гр. Разумовскаго было имъ «записано» старшему его сыну гр. Алексѣю Разумовскому. Мы не знаемъ въ чемъ заключалась эта запись, но изъ отказа императрицы въ ея утвержденіи, полагать можно, что эксъ-гетманъ хотѣлъ малороссійскія свои имѣнія обратить въ майораты... Прошеніе гр. К. Разумовскаго печатаемъ съ подлинника, имѣющагося въ нашей б-кѣ.—Другой документъ составляетъ чью то замѣтку по поводу разсмотрѣнія Государственнымъ Совѣтомъ прошенія старшаго сына эксъ-гетмана, гр. Ал. К. Разумовскаго—о пожалованіи его воспитанникамъ Перовскимъ дворянскаго достоинства [1]). Къ этой любопытной замѣткѣ присоединяемъ и особое мнѣніе, поданное гр. С. П. Румянцевымъ при разсмотрѣніи означеннаго ходатайства въ Государственномъ Совѣтѣ. Приводимую замѣтку и «мнѣніе» мы встрѣтили въ одномъ сборникѣ всякаго рода бумагъ (silva rerum) конца XVШ—нач. XIX в.

А. Л.

---

[1]) О Перовскихъ см. Васильчикова, Семейство Разумовскихъ, II, 112.

Библиотека "Руниверс"

1) Всемилостивѣйшая государыня!

Безпредѣльною благодарностію къ щедротамъ вашего императорскаго величества побужденный на чистѣйшее желаніе оставить на вѣки въ отечествѣ и въ родѣ Разумовскихъ не поколебимый монументъ благодѣяній, изліянныхъ на меня ея императорскимъ величествомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государынею Елисаветъ Петровною и вашимъ императорскимъ величествомъ всемилостивѣйше утвержденныхъ, записалъ я старшему сыну моему графу Алексѣю Разумовскому малороссійское мое имѣніе. Таковое мое распоряженіе дерзаю при семъ представить предъ высокомонаршіе очи ваши, всеподданнѣйше просл вашего императорскаго величества, удостоить запечатлѣнія всевысочайшей конфирмаціи: да видятъ вину предъ собою роды родовъ моихъ великое и славное имя ваше изображенное на семъ памятникѣ матернею вашею милостію и благодѣяніями, да изыдетъ вѣщаніе ихъ въ позднѣйшее потомство мое, и сынове сыновъ моихъ возвѣстятъ щедроты ваши съ таковыми же чувствіями благодарности усердія и ревности, съ каковыми я всегда былъ безпредѣльно, и есмь непреложно до скончанія дней моихъ. Всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій графъ Кирила Разумовскій.

На этомъ прошеніи находится собственноручная гр. Разумовскаго надпись: «сіе писмо и записъ прідставлены были черезъ графа Безбородку ея величеству, но не угодно было конфирмовать».

2) «По вступившей въ Государственный Совѣтъ прозбѣ графа Разумовскаго, просившаго воспытанниковъ и воспытанницъ его Перовскихъ съ матерью ихъ утвердить въ дворянскомъ достоинствѣ и обѣщавшаго въ знакъ благодарности, для пользы общественной, знатныя пожертвованія: сто тысячь рублей, Государственный Совѣтъ судитъ въ минувшемъ году, что прошеніе графа Разумовскаго, достойно всемилостивѣйшаго соизволенія, но чтобъ въ указѣ о дворянствѣ Перовскихъ, не включать мать ихъ.

О таковомъ положеніи Государственнаго Совѣта графъ Разумовскій будучи увѣдомленъ, отъ предложеній своихъ на общую ползу отрекся, и Совѣтъ возвращается къ новому сужденію по сему предмѣту». Къ этому извѣстію присоединено слѣдующее: «мнѣніе графа Сергія Петровича Румянцова»:

Кто пріобыкъ къ человѣческимъ дѣяніямъ испытывать причины и предчувствовать послѣдствія тому не трудно заключить: 1-е), что

Библиотека "Руниверс"

власть законодательная есть не иное что, какъ власть держать подданныхъ въ нравственности и правотѣ; что законы, не что иное суть, какъ объявленные къ тому правила, и можетъ ли законодательная власть, изъ уваженія къ деньгамъ, отойти отъ своего коренного начала? 2-е) Есть ли Совѣтъ, которому теперь стало извѣстно, что во подвигѣ графа Разумовскаго нѣтъ безкорыстной жертвы отечеству, будетъ домогаться у монарха въ ползу женщины, въ порокѣ по гражданскому закону, и въ слабости по общежитію погруженной, какой примѣръ укоренится въ сердца младости, когда силою избытка, пороки въ благовидное достоинство властію правительства облекаемы будутъ? Предположить теперь, что супруга графа Разумовскаго [1]), сама будучи крайне богата, свѣдавъ о сей прозбѣ, въздумаетъ въ помраченіе блистательной судьбы соперницы своей ..... выновницы, продолжительныхъ ея огорченій, пожертвовать на ..... ползу въ-двое противъ того приношенія, какое нынѣ во уваженіе пріемлется, и будетъ просить противнаго тому, чего нынѣ ..... супругъ ея. Въ какое странное положеніе поставила бы ..... и можно ли тогда безъ явной несправедливости ..... прозьбу невинной предъ закономъ и и предпочесть ..... своевольной страсти, ищетъ себѣ отли..... [2]).

Къ «повѣрьямъ о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ». (Культурныя переживанія профес. Н. Ѳ. Сумцова. («Кіевск. Стар.» 90 г., № 2). Повѣрья малоросса объ «ужакѣ», сосущемъ корову, довольно разнообразны. Такъ, одни разсказываютъ, что это обыкновенный большой ужъ, живетъ онъ въ хатѣ, гдѣ-нибудь «пидъ прыцичкомъ». Когда дѣтямъ дадутъ молока, вылѣзаетъ и онъ, добиваясь къ мискѣ. Дѣти его прогоняютъ, бьютъ ложками по головѣ, но ужъ только пищитъ и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока ему не дадутъ напиться молока. Другіе говорятъ, что ужъ этотъ въ руку толщины и куцый, какъ бы обрубленный въ родѣ полѣна, съ большой круглой, какъ бы дѣтской, головой. Живетъ онъ на дворѣ и когда сосетъ корову—то обвивается вокругъ одной изъ ея заднихъ ногъ. Если такую, любимую ужемъ корову продать, за ней уходитъ и ужъ, предварительно свиснувъ оглушительнымъ образомъ. Кто этотъ свистъ услышитъ—то непремѣнно оглохнетъ. Наконецъ,—по словамъ третьихъ,—ужъ этотъ—

---

[1]) Графиня Варвара Петровна Шереметева.

[2]) Точками обозначены мѣста, истлѣвшія въ рукописи.

Библиотека "Руниверс"

нѣчто четвероногое, въ родѣ кошки, покрытое, какъ и всякая гадина, «лустою», притомъ съ длиннымъ, какъ у ящерицы, хвостомъ и опять таки какъ бы съ дѣтскою головою. Живетъ онъ гдѣ нибудь въ гнощѣ вблизи любимой коровы и когда не сосетъ ее, то спитъ. Корова, которую любитъ ужъ—всегда необычайно добротна и даетъ вдвое, а то и болѣе, молока. Если такого ужа убить, то издыхаетъ и корова, такъ какъ она любитъ его и скучаетъ по немъ сильнѣе нежели по теленкѣ.

Профес. Сумцовъ, говоря, что вѣрованія объ ужѣ, сосущемъ корову,—лишено всякаго реальнаго основанія, приводитъ наблюденія естествоиспытателей Линка и Ленца, изъ которыхъ видно, что ужъ не только не терпитъ молока, но не принимаетъ никакого и другаго питья.—А между тѣмъ въ обыденной крестьянской жизни нерѣдко находятъ ужей не только вблизи кувшиновъ съ молокомъ, но даже и въ самыхъ такихъ кувшинахъ. Въ поднѣпровьи екатеринославской губ., да, кажется, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи, въ самомъ темномъ и прохладномъ углу сѣней, гдѣ нибудь за «дымаремъ»—устраивается небольшая въ 1—1½ кв. аршина крытая клѣтушка—молочникъ, такъ называемый здѣсь—*катухъ*. Земляной полъ такого катуха въ 1 или 2 четверти выбранъ и сюда въ лѣтнее жаркое время хозяйка прячетъ молоко, масло и другіе молочные продукты, чтобы имѣть ихъ всегда подъ рукою—«на похвати» и не лазить за ними часто въ погребъ. Въ послѣднее время такіе катухи стали въ крестьянскомъ хозяйствѣ выводиться, какъ говорятъ, оттого, что въ нихъ стали все чаще и чаще находить ужей и жабъ не только вблизи кувшиновъ съ молокомъ но и въ самихъ кувшинахъ.—«Отце—одчинешъ дверчата—дывысь—ажъ зъ глека така гадына на ликоть высыть!—Обипьеться тварюка, та такъ въ глеку и захлынется».—Изъ любви ли къ молоку, или случайно ужи попадаютъ въ кувшины, неизвѣстно, но легко можетъ быть, что подобныя находки и породили въ народѣ вѣрованіе въ «ужаку», не только любящаго готовое уже молоко, но и способнаго самостоятельно добыть его отъ коровы. Представленіе же о немъ, какъ о четвероногомъ—могло возникнуть изъ общаго вѣрованія о змѣяхъ, по которому—всякая гадина имѣетъ скрытыя ноги и выпускаетъ ихъ, только уходя отъ опасности. Ногъ этихъ никому не доставалось видѣть, но если бросить змѣю въ огонь то она ихъ покажетъ. Поэтому то ребятишки, найдя змѣю, стараются обложить ее огнемъ въ надеждѣ, что она, спасаясь, покажетъ имъ свои таинственныя ноги.

Ив. М—ра.

Библиотека "Руниверс"

Свидѣтельство полтавскаго полковаго суда, выданное въ 1683 г. запорожцу, у котораго въ пьяной ссорѣ откушено было ухо, на возстановленіе «чести и доброй славы». «Року 1683, мѣсяця февруарія 28 дня. Я Василь Вовъкъ, житель диканскій, вѣдомо явъно чиню симъ урядовимъ писмомъ: поневажъ я, панове маестрате полтавскій, за допущеніемъ бѣсовскимъ, викрочилъ былъ Яковови Гусакови, товаришови сотънѣ Иванининой козаковъ запорожскихъ, и то зъ подпилости зъ наважденія бѣсовского, а до того зъ запалчивости гнѣву, оному чловекъ ухо зубами откусилъ и зъ суду вашего врядового ведле наказаного декърету по дѣлу статуту права, въ роздѣлу первонадцать написанного, артикулу двадцать семого, повиненъ еднати поволь змогу, а що болша, абы Яковъ отъ товариства войска запорожского безъчестия и наруганія и въ потомние часи не поносивъ, видайте писмо ему Якову отъ уряду полтавскаго. Теди мы врядъ мѣский полтавский, видячи склонность и помѣрковане межи ними сторонами, видаемъ сие писмо врядовое презъ виступокъ Василевъ Вовковъ Гусакови Яковови для умовѣрности, бы оному такъ на самомъ славномъ Запорожу, яко на поляхъ и где колвекъ въ станехъ козацкихъ, нагани на честь и доброй славѣ его ненарѣкано, але і овшемъ при стародавной братерской любвѣ, яко зацного товариша, ховано, нащо для лѣпшой вѣри и певности, видаемъ сие писмо съ подписомъ именъ нашихъ. Дѣялось въ Полтавѣ, въ дому судовомъ, предо мною Тимошемъ Кгаефскимъ, полковникомъ наказнимъ, Филипомъ Остаповичомъ, судею наказнимъ, Ивана Красноперича, атамана городового, Максима Петровича, войта, Максима Павловича, бурмистра и при многомъ значномъ товариству Иванина, сотънина товариства войска запорожского, Миска Бряжахи, Грицка Мовчаненка, Матѣя, писара куреня Щербинина, Ивана Шуги, Петрика Васюрина куреня и многихъ на тотъ часъ вѣри годнихъ персонъ туехмо (?) и на потомние часи велѣли въ книги мѣские полтавские вписать що и есть вписано, року и дня вишмененного дѣялося въ Полтавѣ». (Изъ «Книгъ мѣскихъ полтавскихъ», наход. въ собраніи В. В. Тарновскаго).

Универсалъ Гетмана Разумовскаго относительно порядка избранія сотниковъ [1]). Приводимый нами ниже универсалъ гетмана Разумовскаго касается порядка избранія сотниковъ и данъ имъ черниговскому полковнику Божичу вскорѣ по занятіи Разумовскимъ гетманскаго уряда

[1]) № 3405 южно-русскаго архива, при харьковскомъ университетѣ состоящаго.

Библиотека "Руниверс"

(1751 г.) и возстановленіи Елизаветой Петровной всѣхъ малороссійскихъ правъ и вольностей. Изъ текста этого замѣчательнаго, на нашъ взглядъ, приказа интересующійся читатель увидитъ, что права и вольности малороссійскія, подтвержденныя Елизаветой Петровной на томъ основаніи, какъ то было при Б. Хмельницкомъ, въ сущности весьма измѣнились, а иныя и, при томъ важныя, намѣренно забывались, такъ что о фактическомъ, а не мнимомъ, бумажномъ возстановленіи ихъ приходилось заботиться самому гетману.

Таковъ, напримѣръ, сообщаемый нами случай, когда гетманъ, вслѣдствіе непорядковъ и злоупотребленій, обнаружившихся при избраніи сотника въ бѣлоусскую сотню, принужденъ былъ указать черниговскому полковнику истинный порядокъ избранія старшинъ и разъяснить ему, гдѣ кончаются его и начинаются козацкія права и дѣйствіе ихъ народныхъ обычаевъ.

Разъясненіе, сдѣланное Божичу, слѣдуетъ считать далеко не лишнимъ: изъ имѣющихся въ приказѣ Разумовскаго данныхъ о злоупотребленіяхъ при выборѣ сотника въ бѣлоусскую сотню видно, что въ порядкахъ избранія старшинъ замѣчались большіе, сравнительно съ старинной, недостатки. Вмѣсто избранія начальниковъ «вольными голосами» на открытой козацкой радѣ въ жизнь успѣлъ проникнуть совершенно другой бюрократическій принципъ—назначенія на вакантныя должности по представленіямъ и протекціи начальства, при чемъ, такъ какъ полковникъ въ своемъ полку занималъ наиболѣе вліятельное положеніе, то и роль его при распредѣленіи урядовъ была самая выдающаяся.

Изъ сообщаемаго примѣра полковника Божича усматривается, что къ половинѣ 18 вѣка власть полковника настолько расширилась, а козацкія права, оберегающія народныя гарантіи, настолько съузились, что вмѣсто избранія сотника вольными голосами всей сотни п. Божичъ представлялъ къ этой должности, по личному своему усмотрѣнію, нѣкоего Ярошевича, а дѣйствительные выборы совершенно игнорировалъ и даже о существованіи ихъ не доносилъ гетману, хотя на нихъ и были избраны, согласно обычаю, три кандидата.

Противъ этого злоупотребленія и направленъ былъ приказъ гетмана нижеслѣдующаго содержанія:

Графъ Кириллъ Разумовскій, Гетманъ и Кавалеръ.

Полковнику Черниговскому Господину Божичу.

Изшедшаго августа 28-го дня присланнымъ къ намъ доношеніемъ рекомендовали вы для произвожденія въ вакансовую бѣлоускую

Библиотека "Руниверс"

сотню настоящимъ сотникомъ Ивана Ярошевича у правленія той сотни имѣючагося, при чем и прошеніе за руками нѣсколькихъ человѣкъ козаковъ тамошней сотни, желающихъ его, Ярошевича, приложили: А той бѣлоуской сотни сотенная старшина съ многимъ числом козаковъ, поданнимъ намъ прошеніемъ представляли, что оны на мѣсто лишеннаго вовсе сотничего чина Малѣйскаго, по указу полковой черниговской канцеляріи, при харунжомъ полковомъ черниговскомъ Комаровскомъ, избрали обще въ тую сотню бѣлоускую на вакансовое мѣсто въ сотники зъ достойныхъ людей кандидатовъ, 3-хъ человѣкъ, значковыхъ товарищей Красовскаго, абшитованнаго хорунжого полкового сына Григорія Товстолѣса и одного зъ сотенной тамошней старшины, на которыхъ и выборы зъ подписомъ всѣхъ ихъ въ полковую черниговскую канцелярію подали; токмо де по оному въ оной полковой канцеляріи ничего не воспослѣдовало, о чемъ особливо и помянутый значковой товарищъ Красовскій представляя, просилъ себѣ опредѣленія въ тотъ сотничій чинъ: и понеже по таковымъ представленіямъ несогласнымъ, опредѣленія крайнего учинить невозможно о томъ, а по прежнему войсковому обыкновенію въ чины сотничіе выбираемы были вольными голосы люди заслуженіе и въ вѣрности неподозрительніе и за аттестатомъ полковника, полковой старшины и сотниковъ представляны къ гетману для опредѣленія: того ради повелѣваемъ вамъ по прежнему войсковому обыкновенію велѣть въ сотнѣ той бѣлоуской выбрать вольными голосы изъ людей заслуженныхъ и неподозрительныхъ въ вѣрности кандидатовъ 2-хъ или 3-хъ человѣкъ представить вамъ, а вы, собравъ полковую старшину и сотниковъ, обще всѣхъ оныхъ кандидатовъ при своемъ засвидѣтельствованіи о всякаго кандидата службѣ и достоинствѣ для крайнего опредѣленія имѣете къ намъ прислать, да и впредь на вакансовыя мѣста в старшину полковую и сотенную поступать по вышеписанному.

А что вы въ донесеніи своемъ отъ 28 августа писанномъ, представляя о непорядочномъ якобы безъ вѣдома вашего и старшины учиненія выборовъ оной бѣлоуской сотни и сотенной старшины и козаки на помянутаго значковаго товарища Красовскаго и что они безъ дозволенія сюда уѣхали просите объ уничтоженіи тѣхъ выборовъ и о присылкѣ ихъ съ товарищи обратно къ вамъ и за обиду вам нанесенную учинено бъ по надлежащему? То понеже оной бѣлоуской сотни сотняне въ челобитьи и прошеніи, намъ поданныхъ, представили яко съ сего паче резону принуждены тѣ старшина сотенная и козаки уѣхать сюда, что за подачею еще въ 1750 г. въ полковую

Библиотека "Руниверс"

черниговскую канцелярію тѣхъ учиненныхъ по указу оной же полковой канцеляріи выборовъ тамо ничего къ пользе ихъ и чрезъ долгое время не послѣдовало, для того за сіе имъ непорядки приписывать и въ вину того ставить, слѣдовательно жъ и штрафовать ихъ, не доводится.

Изъ Глухова сентября 6-го 1751 году.

Гетман графъ Кириллъ Разумовскій.

Вышеприведенный приказъ (универсалъ) гетмана былъ сообщенъ черниговской п. канцеляріи, а затѣмъ бѣлоусской сотнѣ и сотняне выбрали себѣ «вольными голосы» 3-хъ кандидатовъ. Выборы произошли, какъ видно изъ имѣющейся переписки, слѣдующимъ образомъ: сотенная бѣлоусская старшина съ атаманами и знатными козаками собралась въ черниговскую полковую канцелярію, гдѣ имъ былъ снова прочитанъ универсалъ гетмана, а затѣмъ изъ «заслуженныхъ и въ вѣрности неподозрительныхъ и свою осѣдлость имѣющихъ значковыхъ товарищей» были избраны трое: Яковъ Красовскій, Григорій Товстолѣсъ и войсковой канцеляристъ Г. Дубовикъ. Имена избранныхъ кандидатовъ вмѣстѣ съ прошеніемъ избирателей были представлены въ полковую канцелярію для передачи гетману и утвержденія одного изъ кандидатовъ. На прошеніи подписалось до 30 человѣкъ старшинъ и козаковъ; незначительное число подписей объясняется тѣмъ, что около половины этого числа подписей дано было въ пользу упоминавшагося Ярошевича, исправлявшаго уже временно въ теченіи 2-хъ лѣтъ обязанности сотника. Объ утвержденіи себя на сотничьемъ урядѣ просилъ черн. полк. канцелярію и самъ Ярошевичъ, ссылаясь на свою 2-хъ лѣтнюю усердную службу. Съ именами кандидатовъ гетману были представлены и формулярные списки о службѣ каждаго изъ нихъ; кто-же былъ утвержденъ гетманомъ, намъ осталось неизвѣстнымъ.

Сообщилъ **Ив. В. Теличенко.**

Библиотека "Руниверс"

Полковникъ прилуцкій Иванъ и бунчуковый товарищъ Григорій Стороженки.

(КЪ ПОРТРЕТАМЪ).

Прилагая къ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины“ фототипическій снимокъ съ портрета Ивана Стороженка, полковника прилуцкаго конца XVII вѣка, редакція предполагаетъ помѣстить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ снимокъ съ портрета его внука, бунчуковаго товарища Григорія Андреевича Стороженка.

Подлинники этихъ портретовъ сохранялись до недавняго времени у одного изъ потомковъ прилуцкаго полковника, землевладѣльца Михаила Павловича Стороженка, въ с. Ржавцѣ прилуцкаго уѣзда, и погибли во время пожара. Копіи имѣются у профессора Николая Ильича Стороженка въ д. Мармизовкѣ лохвицкаго уѣзда и у Владиміра Андреевича Стороженка въ с. Великой Кручѣ пирятинскаго уѣзда; теперь же сдѣланы еще копіи съ мармизовскихъ портретовъ для коллекціи Василія Васильевича Тарновскаго.

Прилуцкій полковникъ Иванъ Стороженко изображенъ въ преклонномъ возрастѣ. На столѣ стоятъ Распятіе и Евангеліе въ зеленомъ переплетѣ. Одѣтъ онъ въ красный кафтанъ и опоясанъ чернымъ, повидимому, бархатнымъ поясомъ, съ золотыми мушками; на плечи накинутъ плащъ розоваго цвѣта съ голубой подкладкой, застегнутый подъ бородой золотымъ аграфомъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ полковничью булаву. Внизу надпись: „року Божого ѧ҃ѯ҃чг (1693) [1]) февруарія і҃е (15) преставился рабъ

[1]) ѯ҃ (60) поставлено по ошибкѣ вмѣсто ѱ (600).

Библиотека "Руниверс"

Божій Іоанъ Стороженко, полковникъ в. и. ц. п. в. з. прилуцкій".

Портретъ бунчуковаго товарища Григорія Стороженка представляетъ его молодымъ представительнымъ брюнетомъ. Одѣтъ онъ въ зеленый парчевый кафтанъ; на плечи накинутъ синій плащъ, подбитый мѣхомъ; возлѣ, на креслѣ, лежитъ высокая мѣховая шапка съ султаномъ. Въ верхнемъ лѣвомъ углу портрета изображенъ гербъ Стороженковъ: золотой крестъ на красномъ полѣ, съ полумѣсяцемъ внизу, короной на верху, двумя лавровыми вѣточками по бокамъ; стоящія по сторонамъ буквы означаютъ „Григорій Стороженко, сотникъ иченскій". Подъ изображеніемъ герба подписаны слѣдующіе стихи:

„Луна въ нощи свѣтитъ, волкъ туне блудитъ зрящъ,
Креста Христова вѣрнымъ свѣтъ есть въ нощи и во дни свѣтящъ;
Григорій Стороженко, мужъ сей знаменитый,
Имѣлъ тѣ въ гербѣ своемъ знаки родовиты:
Безвредно убо ему за сими свѣтилы
Шествовать въ небеснаго отчества предѣлы".

Первыя отрывочныя извѣстія о родѣ дворянъ Стороженковъ относятся къ XVII вѣку.

Въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ Познани сохранилось письмо Андрея Стороженка, старшаго полковника войска запорожскаго, къ извѣстному литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ, отъ 30 мая 1610 г., изъ обоза подъ Почепомъ, которымъ онъ увѣдомляетъ Сапѣгу о движеніи съ почти пятнадцати-тысячнымъ отрядомъ козаковъ къ Смоленску и проситъ выяснить вопросъ о жалованьи. Запорожцы двигались на помощь польскому королю Сигизмунду, осаждавшему съ осени 1609 г. Смоленскъ.

Въ 1647—49 гг. тульчинскимъ сотникомъ въ брацлавскомъ полку былъ Михайло Стороженко. Къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ, чтобы опредѣлить, какъ онъ приходился Андрею Стороженку. Въ числѣ реестровыхъ козаковъ въ томъ же брацлавскомъ полку, въ сотнѣ яланцской, стоитъ имя Яцька (Якова) Стороженка.

Въ эпоху „руины" мы не встрѣчаемъ уже Стороженковъ среди козачьей старшины правобережной Украины, вмѣсто этого въ 70-хъ годахъ XVII вѣка является сотникомъ иченскимъ въ

Библиотека "Руниверс"

прилуцкомъ полку Иванъ Стороженко, переселившійся на лѣвый берегъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Будучи „паномъ“ сотникомъ, онъ обзавелся хуторомъ подъ с. Ржавцемъ въ нынѣшнемъ прилуцкомъ уѣздѣ, а когда въ 1686 г. онъ сдѣлался прилуцкимъ полковникомъ, то еще съ большимъ успѣхомъ сталъ округлять свое состояніе: отъ 1688—89 гг. сохранился рядъ купчихъ, совершенныхъ имъ на земли и угодья около мѣстечка Ични и с. Ржавца и на грунты въ г. Прилукѣ. О дѣятельности Ивана Стороженка, въ бытность его прилуцкимъ полковникомъ, сохранилось лишь слѣдующее свѣдѣніе: въ срединѣ февраля 1690 г. Мазепа приказалъ извѣстному охочекомонному полковнику Ильѣ Ѳедоровичу Новицкому идти къ Днѣпру противъ татаръ, направлявшихся къ Ингульцу, въ помощь ему онъ послалъ лубенскаго полковника Леонтія Свѣчку и прилуцкаго Ивана Стороженка и предписывалъ имъ всѣмъ вмѣстѣ немедленно гнать татаръ, а въ случаѣ невозможности настигнуть ихъ, сдѣлать набѣгъ до Кизикерменя (Берислава). Въ награду за военные подвиги Мазепа далъ прилуцкому полковнику, по универсалу отъ 22 іюня 1690 г., с. Ржавецъ и мельницу подъ мѣст. Иваницею. Черезъ три года, 15 февраля 1693 г., Иванъ Стороженко умеръ въ полковничьемъ званіи.

Имя жены его — Марія, но кто она была по отцу неизвѣстно. Оставшись вдовою, она выхлопотала у Мазепы подтвержденія на владѣніе с. Ржавцемъ и другими, подаренными ея покойному мужу, земельными имуществами.

У нихъ былъ сынъ Андрей, оставшійся послѣ отца „маючимъ способность до службы войсковой“. Въ 1703 г. мы видимъ Андрея Ивановича сотникомъ иченскимъ. Онъ значительно увеличилъ свое состояніе. Достигъ онъ этого, отчасти скупая мелкіе земельные участки и угодья у козаковъ иченской сотни, отчасти получая награды за службу. Путемъ купли Андрей Ивановичъ пріобрѣлъ 24 іюня 1703 г. отъ ржавскихъ козаковъ Полуяненокъ ставокъ у с. Ржавца за 20 злотыхъ, въ 1706 г. отъ ржавскаго козака Тимоша Павленка лѣсъ за 20 таляровъ, въ 1710 г. отъ козачки Костихи лѣсъ подъ м. Ичней за 200 злотыхъ. Судя по универсалу гетмана Ивана Скоропадскаго, отъ 5 февраля

Библиотека "Руниверс"

1709 г., кромѣ с. Ржавца, Андрей Ивановичъ владѣлъ еще с. Томашовкой и с. Ступаковкой. Женатъ онъ былъ на Матронѣ Гнилозубъ, отецъ которой, будучи полковымъ асауломъ въ охочекомонномъ полку Пашковскаго, былъ убитъ во время осады Чигирина турками лѣтомъ 1678 г., и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей—Григорія и Ивана.

Старшій внукъ прилуцкаго полковника, Григорій Андреевичъ, былъ, видно, способнымъ, дѣльнымъ и образованнымъ человѣкомъ, а потому жизненная дѣятельность его была въ высшей степени разнообразна. Съ молодыхъ лѣтъ онъ отправлялъ войсковую службу, а въ 1715 г., когда умеръ отецъ, онъ былъ выбранъ иченскимъ сотникомъ. Лѣтомъ 1722 г. Григорій Андреевичъ участвовалъ въ походѣ великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ къ Дербенту (въ нынѣшней дагестанской области), съ самимъ императоромъ Петромъ Великимъ во главѣ, и присутствовалъ при закладкѣ крѣпости св. Креста на р. Сулакѣ. По возвращеніи изъ похода подъ Дербентъ, онъ былъ посланъ отъ всего малороссійскаго корпуса (10,000 козаковъ подъ начальствомъ миргородскаго полковника Апостола), стоявшаго по р. Сулаку, къ императору въ Астрахань съ прошеніемъ о „нуждахъ войсковыхъ походныхъ малороссійскихъ“. Изъ Астрахани, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ отправленъ въ Москву въ правительствующій сенатъ и оттуда привезъ въ войсковую генеральную канцелярію „милостивѣйшую грамоту“, которая, видно, не улучшила положенія козаковъ, такъ какъ Апостолъ привелъ своихъ козаковъ отъ границъ Персіи „изсохшими и близкими къ египетскимъ муміямъ“. Вернувшись въ Украину, Григорій Андреевичъ состоялъ въ разныхъ коммиссіяхъ при генеральной канцеляріи.

1 октября 1727 г., одновременно съ избраніемъ въ гетманы Даніила Апостола, состоялось избраніе генеральной старшины и Григорій Андреевичъ былъ выбранъ генеральнымъ бунчучнымъ. 9 октября онъ вмѣстѣ съ другими былъ посланъ въ Петербургъ къ императору Петру II съ извѣщеніемъ объ избраніи новаго гетмана. Посланники прибыли въ Петербургъ 22 ноября, получили высочайшую аудіенцію и были отпущены съ богатыми по-

Библиотека "Руниверс"

дарками—21 января 1728 г. Яковъ Марковичъ видѣлъ ихъ уже въ Москвѣ на обѣдѣ у гетманича Петра Апостола. Возвратившись на родину, Григорій Андреевичъ исполнялъ должность генеральнаго бунчучнаго, состоялъ членомъ генеральнаго суда и и принималъ „челобитческія прошенія“ на высочайшее имя.

Въ февралѣ 1728 г. происходила коронація Петра II въ Москвѣ. Гетманъ Даніилъ Апостолъ присутствовалъ на ней и предложилъ на высочайшее разсмотрѣніе проектъ управленія Малороссіи. Гетманскія статьи были утверждены. Получивши жалованную императорскую грамоту, гетманъ приказалъ прочитать ее въ Глуховѣ послѣ соборнаго молебствія о государевомъ здравіи, а затѣмъ разослать копіи съ нея во всѣ полки. Грамота произвела самое отрадное впечатлѣніе во всей Гетманщинѣ, такъ что вскорѣ поступили ото всѣхъ полковъ благодарственныя челобитныя за многочисленными подписями. Чтобы представить императору эти челобитныя и, сверхъ того, выразить устно благодарность малороссійскаго народа за оказанныя милости, гетманъ снарядилъ вновь посольство къ царю въ декабрѣ 1728 г.: во главѣ посольства былъ поставленъ уже хорошо знакомый съ Москвой и Петербургомъ Григорій Андреевичъ, въ товарищи ему были назначены бунчуковые товарищи Степанъ Миклашевскій и Григорій Гамалѣя, да еще глуховскій атаманъ Ѳедоръ Емельяновъ. 22-го декабря посланники были милостиво приняты императоромъ и задержаны для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ по управленію Малороссіей; только 18 марта получили они царскую грамоту къ гетману, съ выраженіемъ благодарности за высказанныя въ челобитныхъ чувства, и, щедро одаренные, отпущены на родину. 14 апрѣля посланники прибыли въ Глуховъ и вручили гетману грамоту, копіи съ которой и были разосланы во всѣ полки 20 апрѣля.

Въ виду постоянныхъ командировокъ Стороженка ко двору и продолжительныхъ пребываній въ столицѣ, верховный тайный совѣтъ, перемѣняя 3-го января 1729 г. всю генеральную старшину, назначилъ генеральнымъ бунчучнымъ Ивана Бороздну.

Вернувшись изъ Глухова въ Ичню, Григорій Андреевичъ занялся разрѣшеніемъ земельныхъ споровъ между козаками м.

Библиотека "Руниверс"

Ични и с. Рожновки. По его просьбѣ гетманъ выслалъ бунчукового товарища Кирилла Троцкаго и войсковаго канцеляриста Павла Лабинскаго для проведенія грани между землями ичен-скихъ и рожновскихъ жителей, а 2-го сентября 1729 г. подтвердилъ сдѣланное разграниченіе универсаломъ. Слѣдующіе два года Стороженко проживалъ преимущественно въ Ичнѣ, а въ 1732 г. былъ опредѣленъ вновь кандидатомъ къ генеральному бунчучному.

Когда, по смерти гетмана Даніила Апостола, до избранія новаго гетмана, по указу императрицы Анны Іоанновны, отъ 31 января 1734 г., было устроено правленіе изъ шести членовъ, съ княземъ Алексѣемъ Ивановичемъ Шаховскимъ во главѣ, то, по опредѣленію послѣдняго, Стороженку было поручено заняться новымъ распредѣленіемъ „окладовъ и порціоновъ“ коммиссарамъ, а также разными слѣдствіями. Едва онъ успѣлъ справиться съ возложенными на него порученіями, какъ былъ назначенъ высочайшимъ указомъ въ учрежденную въ Москвѣ коммиссію для составленія свода малороссійскихъ законовъ („книгъ правныхъ“) и въ первыхъ числахъ января 1735 г. отправился въ Москву для присутствованія въ коммиссіи, гдѣ и пробылъ полтора года. Результатомъ дѣятельности этой коммиссіи и были „права по которымъ судился малороссійскій народъ“, разработанныя при самыхъ неблагопріятныхъ зачастую условіяхъ. Освободившись отъ кодификаціонной коммиссіи, Стороженко былъ неоднократно посылаемъ отъ генеральной канцеляріи для предсѣдательствованія въ различныхъ коммиссіяхъ при полкахъ, такъ что приходилось по долгу отсутствовать изъ дому—одно размежеваніе земель между „ландмилицкими“ орельскими (р. Орель между нынѣшними полтавской и екатеринославской губерніями) полками и городскими заняло два мѣсяца. Возвратившись къ себѣ въ Ичню, онъ не долго отдыхалъ дома: вскорѣ былъ полученъ изъ генеральной канцеляріи указъ, которымъ онъ призывался въ Глуховъ для занятій снова въ коммиссіи для свода „книгъ правныхъ“. Въ перерывѣ кодификаціонныхъ трудовъ, по случаю смерти императрицы Анны Іоанновны, онъ былъ посланъ въ Лубны для привода лубенскаго

Библиотека "Руниверс"

полка къ присягѣ на вѣрность императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Съ 1737 г. по 1742 г. Стороженко, получивъ званіе бунчуковаго товарища, исполнялъ должность сначала генеральнаго судьи, а потомъ генеральнаго подскарбія.

Григорій Андреевичъ былъ очевидно нестяжателенъ, такъ какъ, несмотря на свое высокое служебное положеніе, продолжая владѣть унаслѣдованными с. Ржавцомъ, д. Томашовкой, д. Ступаковкой и д. Лучковкой, онъ представилъ въ прилуцкую полковую канцелярію 9-го мая 1744 г. реестръ купчихъ лишь на 39 грунтовъ въ м. Ичнѣ. По ревизіи 1730 г. въ принадлежавшихъ Стороженку деревняхъ было 264 двора посполитыхъ.

Григорій Андреевичъ былъ женатъ на вдовѣ бунчуковаго товарища Кулябки, Евдокіи, урожденной Лизогубъ, и имѣлъ отъ нея четырехъ сыновей: Андрея, Петра, Степана и Даніила.

Въ виду разнообразной дѣятельности Григорія Андреевича, можно надѣяться, что, при дальнѣйшей разработкѣ археографическаго матеріала для исторіи Малороссіи, его личность можетъ быть болѣе выяснена.

Н. Стороженко.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

A. Szarłowski. Stanisławów i powiat stanisławowski pod względem historicznym i geograficzno-statystycznym (Станиславовъ и станиславовскій повѣтъ въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніи). Stanisławów, 1887. (Стр. 355. Съ планомъ города и картой повѣта).

Перу г. Шарловскаго, учителя станиславовской н.-к. гимназіи, принадлежитъ монографія о Станиславовѣ въ извѣстномъ варшавскомъ изданіи «*Słownik geograficzny*», составленная въ 1881 году. Настоящая книга явилась плодомъ дальнѣйшихъ весьма добросовѣстныхъ изысканій автора въ той же области. Несомнѣнныя достоинства книги заставляютъ насъ подѣлиться съ читателями ея богатымъ и разностороннимъ содержаніемъ хоть въ краткомъ и нѣсколько запоздавшемъ очеркѣ.

Галицкій повѣтовый городъ Станиславовъ по населенію занимаетъ восьмое мѣсто въ ряду другихъ городовъ края и не игралъ выдающейся роли въ исторіи сперва польскаго, затѣмъ австрійскаго отечествъ. Тѣмъ не менѣе, въ его немногосложной исторіи, какъ въ зеркалѣ, отразились всѣ тѣ теченія, которыми характеризуется бытъ Галичины, съ ея преобладающимъ русскимъ населеніемъ, со второй половины XVII вѣка. Нельзя не привѣтствовать появленіе время отъ времени монографій, подобныхъ новому труду г. Шарловскаго. Авторъ съ великимъ тщаніемъ и любовью къ предмету собралъ все, что могъ найти въ изданныхъ матеріалахъ и мѣстныхъ архивахъ для своего очерка, изложилъ вопросъ въ живой и привлекательной формѣ; не ограничиваясь сухими историческими справками, онъ внесъ въ свое изложеніе статистическій и частью этнографическій матеріалъ и далъ книгу, которая принесетъ пользу всякому интересующемуся жизнью русскаго люда въ предѣлахъ австрійской монархіи

Библиотека "Руниверс"

Первая часть монографіи (стр. 13—260) посвящена исторіи и современному быту Станиславова, вторая—очерку станиславовскаго повѣта (стр. 261—355); здѣсь указаны, между прочимъ, мѣстности, заслуживающія вниманія въ историческомъ или археологическомъ отношеніи, каковы напр. Галичъ, Крылосъ, Медуха, Угорники и др. Какъ на личную заслугу автора должно указать на его изысканія въ городскомъ архивѣ, обнаружившія нѣсколько весьма любопытныхъ данныхъ для статистики населенія и финансовой исторіи Станиславова.

Станиславовскій повѣтъ Галичины занимаетъ западный уголъ т. наз. Покутья, входившаго нѣкогда въ предѣлы монархіи Данінла Галицкаго. Древнѣйшія поселенія этого пограничья группировались вдоль теченія Днѣстра и тянули къ Галичу, какъ къ своему политическому, религіозному и промышленному центру. Должно думать, что эпоха присоединенія Галичины къ Польшѣ, безпрерывныя столкновенія съ молдаванами, набѣги татаръ, наконецъ, извѣстное хозяйничанье польской шляхты въ XV и XVI вѣкѣ явились факторами крайне неблагопріятными для спокойнаго развитія края, который оставался въ ту эпоху малозаселеннымъ. Экономическій переворотъ, произведенный въ Галичинѣ благодаря измѣненію торговыхъ путей въ XV в., ослабилъ мѣстную торговлю, и стольный городъ Галичъ уже не въ силахъ былъ подняться изъ своего упадка.

Съ ослабленіемъ опустошительныхъ татарскихъ набѣговъ колонизація края постепенно возрастаетъ, и для владѣльцевъ большей части Покутья Потоцкихъ было не безвыгоднымъ дѣломъ создать въ своихъ поистинѣ царскихъ владѣніяхъ городской центръ, который, съ одной стороны, служилъ-бы для защиты края, съ другой—стягивалъ бы въ одинъ фокусъ экономическія силы населенія и поднялъ бы платежныя средства послѣдняго. Такимъ именно фокусомъ былъ городъ Станиславовъ, возникшій *e cruda radice* по мысли одного изъ Потоцкихъ около половины XVII в., на мѣстѣ незначительнаго сельца Заболотья,—кстати же невдалекѣ тянулась торговая дорога изъ Молдавіи ко Львову, на соединеніе съ чернымъ и кучманскимъ шляхомъ. Если припомнить, что въ началѣ XVII вѣка каменецкій каштелянъ, впослѣдствіи воевода брацлавскій Яковъ Потоцкій получилъ отъ Сигизмунда I всего два галицкихъ села, а въ послѣдней четверти столѣтія кіевскій воевода Юрій Потоцкій владѣетъ уже почти цѣлымъ Покутьемъ, Галичемъ, Бучачемъ, Подгайцами, то возникновеніе новаго центра городской жизни дѣлается понятнымъ. До

Библиотека "Руниверс"

начала XIX в. городъ остается въ частномъ владѣніи Потоцкихъ. Что же сдѣлали они для благосостоянія своего города?

Потоцкими были примѣнены средства обычныя въ ту пору. Уже въ 1662 г. Станиславовъ получаетъ магдебургское право, представлявшее мѣщанамъ извѣстныя вольности въ экономическомъ и правовомъ обиходѣ, подъ надзоромъ помѣщика. Послѣ взятія турками Каменца въ Станиславовъ являются трудолюбивые промышленники и искусные торговцы-армяне съ своихъ духовенствомъ, получаютъ свою особую магдебургію и устраиваютъ, на ряду съ русско-польскимъ, свой городовой урядъ. Это переселеніе много содѣйствуетъ развитію промышленности и торговли въ городѣ. Помѣщикъ объявляетъ поселенцамъ т. н. «свободу» на 20 лѣтъ,—обычный способъ привлеченія колонистовъ. Возникаютъ армянскіе и русско-польскіе ремесленные цехи. Армяне привлекаются также изъ Венгріи и Молдавіи, евреи также находятъ радушный пріемъ у Юрія Потоцкаго. Уже въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII в. городскіе доходы обыкновенно поступаютъ въ откупъ евреямъ,—нужно думать, что финансовое хозяйство общины было не въ блестящемъ положеніи. Русскіе, поляки, армяне, евреи имѣютъ возможность устраивать свои отдѣльные храмы свободно. Воздвигается ратуша, крѣпость, въ 1685 г. въ городѣ уже имѣется госпиталь. При католической церкви учреждается училище-академія, но уже въ началѣ 18 в. учебное дѣло переходитъ въ руки іезуитовъ, принятыхъ Іосифомъ Потоцкимъ и его женою съ распростертыми объятіями: вмѣсто академической школы учреждается іезуитскій коллегіумъ съ преподаваніемъ теологіи, философіи и грамматики въ разныхъ формахъ и видахъ. При коллегіумѣ учреждается религіозное братство учениковъ, число которыхъ доходитъ во второй половинѣ 18 в. до 400.

Промышленнымъ ростомъ своимъ городъ обязанъ былъ конечно труду самихъ мѣщанъ, но 18 в. былъ тяжкимъ временемъ для спокойнаго развитія общины. Уже въ началѣ 18 столѣтія Сѣнинскій, принадлежавшій къ т. наз. русской партіи, опустошаетъ Станиславовъ, сюда является русскій гарнизонъ, городской урядъ дезорганизуется, жители разбѣгаются во всѣ стороны. Въ 1739 году новая осада, въ 1764 году въ городѣ снова чужой гарнизонъ. Эпоха барской конфедераціи, безпрестанныя военныя тревоги, движенія опрышковъ, энергическій притокъ еврейскаго населенія тяжело отражаются на благосостояніи города, прежніе жители котораго бредутъ врозь, не

Библиотека "Руниверс"

исключая армянъ. Торговля переходитъ въ руки евреевъ,—армяне переходятъ въ села и занимаются скотоводствомъ.

Австрійское занятіе съ 1772 г. сказывается умаленіемъ городскихъ вольностей, но любопытно, что городской урядъ, именовавшійся прежде польскимъ, теперь уже именуется руско-польскимъ. У города окончательно отнята прежняя юрисдикція съ правомъ жизни и смерти, и не безъ пользы, если припомнить, что станиславовскій судъ еще въ 1719 г. осудилъ чародѣйку на сожженіе, а въ 1754 г. трижды поднималъ на дыбу опрышка Васыля Баюрака и затѣмъ трижды припекалъ его свѣчами, по шесть свѣчъ съ обоихъ боковъ, требуя дальнѣйшихъ признаній, которыхъ Баюракъ очевидно не могъ дать, добровольно разсказавши до пытки все извѣстное ему объ Олексѣ Довбощукѣ. Права помѣщика Потоцкаго также подверглись умаленію—за нимъ оставлено полученіе доходовъ. Монастыри іезуитовъ и тринитаріевъ уничтожены, хотя преподаваніе въ коллегіумѣ и оставалось еще нѣкоторое время въ рукахъ ex-іезуитовъ. Іезуитскій костелъ превращенъ въ гимназію. Новый порядокъ сопровождался насажденіемъ множества властей, согласно правиламъ государственной мудрости того времени, но не лишено интереса, что при гражданскомъ судѣ въ 1786 г. установлены особые ассесоры для защиты интересовъ сельскихъ общинъ. Въ 1784 г. учреждена нормальная трехклассная школа, преподаваніе въ гимназіи отошло отъ ex-іезуитовъ въ свѣтскія руки, а въ 1797 г. учреждена женская школа.

Послѣднимъ представителемъ вельможнаго рода, владѣвшаго Станиславовымъ, былъ Протасій Потоцкій, разорившійся основатель банка въ Варшавѣ. Станиславовскій ключъ проданъ съ молотка за 2 мил. зол., долговъ оказалось около $4^1/_2$ мил. и въ 1802 г. городъ перешелъ въ руки правительства. Замокъ Потоцкихъ былъ превращенъ въ военный госпиталь.

Г. Шарловскій весьма подробно и съ любовью описываетъ политическія дѣянія владѣльцевъ Станиславова и видимо стремится доказать, что городъ многимъ обязанъ роду Потоцкихъ. Въ этомъ отношеніи намъ кажется не лишеннымъ интереса сопоставленіе слѣдующихъ данныхъ изъ книги г. Шарловскаго. Въ 1793 г. въ Станиславовѣ, по исчисленію автора, было 5448 жителей или 908 семействъ. Общій доходъ съ города въ пользу помѣщика достигалъ 76,800 зл., а со всего станиславовскаго ключа—80,000 зл. п., или, по современному счету, около 80,000 гульденовъ. Доходъ же собственно города въ 1775 г. равнялся 1173 зл. п., расходъ—1295 зл. п. Въ 1884 г.

Библиотека "Руниверс"

число жителей въ Станиславовѣ доходило уже до 20,000, и между тѣмъ городъ платилъ въ казну около 65 тыс. гульденовъ. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, Потоцкіе должны были сильно пещись о своемъ городѣ Станиславовѣ. Недурной иллюстраціей къ этимъ цифрамъ служитъ слѣдующее описаніе похоронъ владѣльца города Станислава Потоцкаго, отъ 1760 г. (стр. 133 сл.): «Похоронныя торжества продолжались нѣсколько недѣль съ необычайнымъ великолѣпіемъ, многочисленными номинальными рѣчами и панегириками оо. іезуитовъ, при великомъ стеченіи свѣтскихъ и духовныхъ пановъ со всей Польши. Собственно погребеніе тянулось четыре дня... По словамъ «Курьера Польскаго», на похоронахъ было 10 епископовъ и суфрагановъ, 60 канониковъ, 1275 катол., 430 правосл. священниковъ; каноникамъ въ теченіи четырехдневныхъ похоронъ платили по 5 дукатовъ, нѣкоторымъ по 3 дуката, черезъ три дня еще по дукату; монастыри получили особые дары, а священники, кромѣ платы, также яства, вина, меды, пиво, водку, пряности и прочіе припасы, подъ особыми навѣсами. Обѣденные столы находились въ монастырскихъ столовыхъ, а въ замкѣ 12 столовъ; на одинъ обѣдъ расходовалось 20 бочекъ венгерскаго, 11 бургонскаго, шампанскаго и рейнскаго,— такъ тянулось 5 дней. Черезъ шесть дней началась пальба изъ 120 мѣдныхъ пушекъ, на что издержано 3760 пудовъ пороху», и т. д.

Въ изложеніи дальнѣйшей судьбы Станиславова г. Шарловскій отмѣчаетъ интересные факты общественной жизни эпохи 1809, 1830, 1831 и 1848, 1855 и 1860 г., когда, со введеніемъ конституціоннаго порядка, городъ могъ уже вздохнуть свободнѣе и принять нѣкоторое участіе въ общей жизни пріемнаго отечества. Не останавливаясь на этихъ очеркахъ, укажемъ лишь, что въ 1883 г. въ Станиславовъ прибыли вновь, послѣ долгаго отсутствія, оо. іезуиты и устроили здѣсь свою миссію. Должно думать, что роль ихъ въ краѣ и въ городѣ еще не уяснилась для автора, такъ какъ объ этомъ онъ не сообщаетъ ничего.

Статистика населенія обработана г. Шарловскимъ съ достаточной для его цѣли полнотой. Въ станиславовскомъ повѣтѣ преобладаетъ русское населеніе (66°), для котораго съ 1884 г. учреждено въ Станиславовѣ греко-уніатское епископство; въ діецезію послѣдняго входитъ около 750,000 прихожанъ. Состояніе грамотности въ народѣ до крайности печальное: въ 1886 г. въ станисл. повѣтѣ было всего

Библиотека "Руниверс"

14% грамотныхъ [1]); не лучше оно и въ городѣ, особенно если выключить изъ счета обширную нѣмецкую колонію. Евреевъ въ повѣтѣ въ томъ же году числилось около 17%, католиковъ—15%. Главные добывающіе промыслы находятся въ упадкѣ, и если населеніе города ростетъ, то благодаря значенію его какъ административнаго центра: городъ живетъ не столько полезными промыслами, сколько кормитъ чиновниковъ. Съ 1876 по 1885 г. 11,3% всѣхъ поземельныхъ имуществъ повѣта были объявлены въ продажу за долги. Въ самомъ городѣ католики составляли 29,9%, уніаты и православные 14,8%, евреи—53,8% въ 1880 году. Несмотря на всѣ эти явленія, общественная жизнь въ Станиславовѣ отличается оживленіемъ поразительнымъ, по сравненію хотя бы съ нашими захолустными уѣздными городами: множество ученыхъ, промышленныхъ, художественныхъ и др. учрежденій, кружковъ, обществъ, клубовъ, школъ разнаго рода указываютъ на духъ живой общительности и сравнительно высокій культурный уровень городской интеллигенціи, какъ польской, такъ и русской; какъ видно, и русскія женщины играютъ не послѣднюю роль въ этой интеллектуальной жизни.

Разставаясь съ книгой г. Шарловскаго, богатаго содержанія которой мы не передали даже въ десятой части, не можемъ не указать на нѣкоторыя странности автора: упомянувъ о старой заблотовской церкви (стр. 225), онъ становится вступикъ, что за церковь такая «Wowedenia». Не менѣе странно также производитъ названіе села Кнегининъ отъ польскаго knieja (заповѣдный лѣсъ): «osada, zwana od licznych kniei «Knieininem» albo Kniehininem» (стр. 20). Никто и никогда не называлъ Княгинина «Knieininem». Въ старыхъ галицкихъ актахъ, начиная съ XV в. село это въ латинской транскрипціи встрѣчается въ такихъ формахъ: Knehinino, Knyhynyno, Knyhenin, Knehynino, тутъ же и рѣчка Knehinin (см. напр. изд. Лиске Akta Grod. i Ziem., т. XII, стр. 109, 204, 259, 440). При чемъ здѣсь knieja? Намъ кажется также, что назвать извѣстное явленіе «стихійнымъ» еще не значитъ объяснить его: и, дѣйствительно, г. Шарловскій, напр., не выясняетъ, отчего это «хлопы» Станиславова показывали сочувствіе «стихійнымъ» опрышкамъ (стр. 137), и т. п.

Н. М.

---

[1]) По оффиц. даннымъ, въ 1880 г. въ Галичинѣ числилось вполнѣ неграмотныхъ около 4835 тыс. при общемъ населеніи въ 5958 тыс. Кромѣ того, достаточное число умѣло только читать. См. Kolb, Statistik der Neuzeit, 8 изд., стр. 67 и 80.

Библиотека "Руниверс"

Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ П. О. Бобровскаго. С.-Петербургъ. 1890.

Вопросъ объ отношеніи двухъ національностей, польской и русской, между собою составляетъ больное мѣсто нашей исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и служитъ причиною безпощадныхъ и голословныхъ обвиненій одной стороны другою. Такое положеніе дѣла стоитъ до сихъ поръ, и единственный способъ разрѣшить обоюдные споры и обвиненія—это съ помощью документальныхъ архивныхъ извѣстій доказать, какую роль играла та или другая національность. При подобной разработкѣ историческихъ вопросовъ, при возможности удостовѣриться въ подлинности того или другаго оффиціальнаго или частнаго документа невозможно, съ одной стороны, появленіе бездоказательныхъ памфлетовъ (въ родѣ Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. p. M. Mochnackiego или Pologne et Russie, légende de Kosciusko p. I. Michelet), а съ другой стороны, составленіе брошюръ наивными русскими патріотами.

Изслѣдованіе г. Бобровскаго посвящено выясненію отношеній греко-уніатской церкви къ римско-католической, стремленій первой высвободиться изъ-подъ вліянія второй. Изслѣдованіе основано преимущественно на документахъ архивовъ: 1) св. Синода по 2-му департаменту (греко-уніатскому) римско-католической коллегіи съ 1830 по 1828 г. 2) Мин. Народн. Просвѣщ. по виленскому учебному округу, а также на неизданныхъ письмахъ М. К. Бобровскаго (съ 1803 по 1847) и Сосновскаго, члена брестскаго капитула (съ 1822—1826 г.). Благодаря такому обилію матеріаловъ первой руки, изслѣдованіе г. Бобровскаго представляетъ большой интересъ и значеніе. Притомъ авторъ отнесся со вниманіемъ ко всѣмъ печатнымъ трудамъ, близко касающимся разбираемыхъ имъ вопросовъ, а потому трудъ его важенъ и въ томъ отношеніи, о которомъ мы говорили выше.

Исторія греко-уніатской церкви въ первой четверти XIX вѣка является въ слѣдующемъ положеніи. Высшіе представители греко-уніатской церкви уже въ концѣ XVIII в. раздѣлились на двѣ партіи,—монашествующее духовенство базиліанскаго ордена, тянувшее къ соединенію съ римско-католическою церковью, и бѣлое духовенство (оріенталисты, какъ ихъ называетъ несовсѣмъ удачно г. Бобровскій), склонявшееся болѣе къ объединенію съ православною церковью. Первая партія, захватившая въ свои руки воспитаніе юношества и

Библиотека "Руниверс"

клириковъ, и также громадныя имѣнія и капиталы, принадлежавшіе прежде бѣлому духовенству и занявшая своими представителями почти всю высшую іерархію, возбудила конечно противъ себя протесты бѣлаго духовенства. Первый такой протестъ (4 ноября 1776 г.) представленъ былъ уполномоченными отъ бѣлаго духовенства виленской митрополичьей епархіи. Борьба однако продолжалась около полувѣка, пока наконецъ въ 1827 г. базиліанскій орденъ не былъ приведенъ къ полнѣйшему упадку. Несмотря на всю правоту требованій бѣлаго духовенства, дѣло его, приводимое въ движеніе сначала Лисовскимъ, Красовскимъ и другими уніатскими іерархами, долго не имѣло успѣха, благодаря усиліямъ базиліанъ, іерарховъ латинизаторовъ и ложнымъ взглядамъ лицъ, стоявшихъ у власти (кн. Голицынъ, Новосильцевъ). Къ числу противниковъ бѣлаго духовенства принадлежалъ и попечитель виленскаго округа кн. А. Чарторыйскій, съ успѣхомъ доказавшій въ Петербургѣ, что въ Бѣлоруссіи и Литвѣ природный языкъ польскій (стр. 194, 195). Только съ 1820 г. начинаетъ измѣняться взглядъ правительства на дѣла греко-уніатской церкви. Вся книга г. Бобровскаго (раздѣленная на 8 главъ) представляетъ изложеніе борьбы названныхъ партій въ греко-уніатской церкви, начиная съ протеста 1776 г. и кончая закономъ 22 апрѣля 1828 г. о преобразованіи іерархіи греко-уніатской церкви, о закрытіи базиліанскихъ монастырей и объ учрежденіи семинарій и духовныхъ училищъ.

Въ краткой рецензіи мы не можемъ подробно изложить содержаніе разсматриваемой книги, укажемъ только на взглядъ автора на свой трудъ и остановимся на двухъ-трехъ частностяхъ.

«Въ настоящемъ своемъ трудѣ, основанномъ большею частью на новыхъ еще не тронутыхъ источникахъ, *мы поставили себѣ задачею показать, какъ въ бѣломъ духовенствѣ, по мѣрѣ развитія просвѣщенія съ конца XVIII в., пробивалось сознаніе необходимости существенныхъ преобразованій въ русской уніатской церкви,* и какимъ образомъ базиліанскій орденъ препятствовалъ осуществленію этихъ преобразованій...» —вотъ что говоритъ самъ авторъ о своемъ трудѣ. Этотъ взглядъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ правиленъ, такъ какъ безъ развитія, съ помощью просвѣщенія, самосознанія и истиннаго пониманія своего прошлаго невозможна была бы и борьба съ сильнымъ и богатствами и вліяніемъ базиліанскимъ орденомъ. Вслѣдствіе этого взгляда г. Бобровскій немало мѣста удѣлилъ исторіи просвѣщенія въ западномъ краѣ въ первой четверти XIX в. (Такова напр.

Библиотека "Руниверс"

вся VI глава, посвященная изображенію дѣятельности Библейскаго общества въ с.-западномъ краѣ, положенію учебнаго дѣла въ виленскомъ учебномъ округѣ и краткой исторіи масонскихъ ложъ на западѣ Россіи).

Къ своей работѣ г. Бобровскій, насколько можно судить, отнесся очень внимательно, но большое количество сыраго матеріала, никѣмъ еще необработаннаго, вызвало главный недостатокъ его труда: частыя повторенія одного и того же (въ чемъ сознается и самъ авторъ, стр. XIII). Въ упрекъ автору можно поставить его слишкомъ сильную идеализацію быта сельскихъ уніатовъ священниковъ; на стр. 210, онъ рисуетъ цѣлую идиллію изъ жизни сельскаго духовенства; но въ нарисованной имъ картинѣ нельзя не видѣть нѣкотораго внутренняго противорѣчія. «Домикъ уніатскаго священника, говоритъ г. Бобровскій, отличался отъ крестьянскихъ домовъ только дымовою трубою; священническій участокъ земли выдѣлялся отъ сосѣднихъ тщательно обработанными и *хорошо удобренными* полями; былъ у священника *выгороженный садикъ съ нѣсколькими десятками яблонь*, посаженными его отцомъ и дѣдомъ, и при всемъ томъ (!) *греко-уніатское бѣлое духовенство жило въ большой бѣдности*». Приводимое далѣе свидѣтельство Янковскаго, что «по всѣмъ почти училищамъ и классамъ перворазрядными учениками являлись бѣдные поповичи; со временемъ же по крайней мѣрѣ половину каѳедръ не только въ гимназіяхъ и училищахъ, но даже въ виленскомъ университетѣ, занимали сыновья уніатскихъ священниковъ» (стр. 213, 214) противорѣчитъ словамъ автора, что «сыновья священниковъ, изъ которыхъ многіе происходили изъ древнихъ русскихъ дворянъ, должны были или искать службы экономовъ, оффиціалистовъ у ополяченныхъ или польскихъ помѣщиковъ, или же, при отсутствіи всякаго образованія, обращаться въ крѣпостныхъ батраковъ» (стр. 11).

Но такихъ противорѣчій у г. Бобровскаго вообще мало; авторъ, очевидно, старается быть выше тенденцій и смотрѣть на событія объективно,—и въ этомъ его большая заслуга. **Арх. Л—нко.**

В. Гошкевичъ. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ. К. 1890.

Эта небольшая (27 стр.) брошюра составляетъ докладъ, читанный въ кіевскомъ церковно-археологическомъ обществѣ. Докладъ распадается на двѣ части: въ первой, на основаніи документальныхъ

Библиотека "Руниверс"

данныхъ и наблюденій на мѣстѣ, опредѣляется положеніе «двора» князя Симеона Олельковича (Александровича, внука Ольгерда), во второй, приводится рядъ лѣтописныхъ извѣстій, которыя даютъ поводъ пріурочить древній Городецъ къ тому самому мѣсту, гдѣ впослѣдствіи былъ дворъ князя Симеона. Авторъ, прежде всего, дѣлаетъ выписки изъ документовъ кіевскихъ монастырей на владѣнія угодьями (документы эти хранятся теперь въ библіотекѣ кіевской дух. академіи и г. Гошкевичъ занимается разборомъ ихъ). Выписки заключаютъ въ себѣ очень подробныя топографическія указанія, касающіяся той мѣстности, гдѣ былъ замокъ кн. Симеона, т. е. мѣстности, лежащей на лѣвомъ берегу Днѣпра, почти противъ Кіева. Затѣмъ авторъ разбираетъ встрѣчающіяся въ этихъ выпискахъ географическія названія мѣстъ, прилежащихъ замку и старается согласить ихъ съ нынѣшнимъ состояніемъ мѣстности. Благодаря подробнымъ указаніямъ документовъ путемъ осмотра мѣстности авторомъ было точно опредѣлено мѣстоположеніе городища (мы говоримъ *точно*, потому что Максимовичъ и Закревскій упоминаютъ о замкѣ Симеона, какъ находившемся за Черторыею на лѣвой сторонѣ Днѣпра, не указывая, гдѣ именно).

При осмотрѣ городища въ обвалѣ вала на глубинѣ 2½ арш. обнаруженъ слой угля; авторъ говоритъ (стр. 19): «Слой угля, лежащій подъ верхнею насыпью городища, приводитъ къ мысли, что на томъ же мѣстѣ, гдѣ во второй половинѣ XV вѣка стоялъ дворъ и замокъ кн. Симеона Олельковича, существовало болѣе древнее поселеніе, истребленное огнемъ,—а кн. Симеонъ засыпалъ пожарище толстымъ слоемъ глины и самъ поселился на старомъ пепелищѣ». Не соглашаясь съ авторомъ относительно засыпки глиной пожарища, произведенной будто бы княземъ Симеономъ, т. к. глина и сыпучій песокъ, покрывающіе въ настоящее время городище скорѣе образовались вслѣдствіе геологическаго измѣненія почвы, мы должны признать, что пріурочиваніе Олелькову городищу имени древняго Городця имѣетъ за собой большую долю вѣроятности (предположеніе въ этомъ смыслѣ также было высказано раньше Максимовичемъ). Въ пользу этого мнѣнія говоритъ наша первоначальная лѣтопись, мѣста изъ которой, числомъ 8 и приводитъ г. Гошкевичъ. Въ шести изъ нихъ упоминается имя Городца, въ двухъ же остальныхъ говорится лишь о мѣстности, гдѣ онъ былъ, т. к. пожаръ 1135 г. уничтожилъ его.

При сопоставленіи всѣхъ этихъ указаній оказывается, что лѣтописная топографія Городца согласуется съ мѣстоположеніемъ

Библиотека "Руниверс"

Олелькова городища. Но все таки, по нашему мнѣнію, для окончательнаго рѣшенія вопроса, необходимо произвесть изслѣдованіе самаго городища путемъ раскопки его. Кромѣ того, помощью для опредѣленія времени можетъ также служить форма городища. Въ послѣднее время въ русской археологіи установлено нѣсколько типичныхъ формъ городищъ, такъ напр. городища съ валами, расположенными въ видѣ концентрическихъ круговъ, признаны типичными для великокняжеской эпохи. Вотъ описаніе городища, сдѣланное г. Гошкевичемъ: «Валъ, окружающій городище, сохранился прекрасно: онъ имѣетъ подковообразную форму, отверстіемъ къ р. Гнилушѣ, т. е. по направленію къ Кіеву. Длина вала 130 саженей; поперечникъ отъ одного конца подковы до другаго— 67 саж., перпендикулярный къ нему—43 саж. Высота вала отъ уровня воды въ Гнилушѣ—3 сажени. Явственно сохранились старинные въѣзды въ городище: одинъ съ сѣверо-запада, а другой съ юго-востока. Кажется, что городище обведено было еще и другимъ валомъ, меньшей высоты» (стр. 19). Если слѣды втораго вала дѣйствительно существуютъ, то и форма городища говоритъ въ пользу мнѣнія, высказаннаго авторомъ.

Къ брошюрѣ приложена карта окрестностей городища, хотя само городище, при трехверстномъ масштабѣ карты, обозначено лишь точкой; желательно было бы имѣть и планъ городища.

Наша историческая топографія еще очень мало разработана и поэтому докладъ г. Гошкевича, посвященный опредѣленію мѣста одного изъ довольно важныхъ историческихъ пунктовъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. **Н. Б.**

Д. И. Эварницкій. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. С.-Петербургъ. 1890 г.

Книга г. Эварницкаго имѣетъ, повидимому, цѣлью въ легкой формѣ познакомить обыкновеннаго читателя (не спеціалиста) съ значеніемъ археологіи и съ результатами, достигнутыми этой наукой въ южной Россіи (О раскопкахъ на сѣверѣ Россіи авторъ не говоритъ ничего).

Въ началѣ своихъ «Публичныхъ лекцій» г. Эварницкій говоритъ о развитіи археологіи въ З. Европѣ и Россіи. Въ Россіи уже Петръ Великій обратилъ, какъ извѣстно, вниманіе на различные памятники древностей и приказывалъ покупать интересные предметы

Библиотека "Руниверс"

для присылки въ Петербургъ; знаменитый Татищевъ издаетъ уже подробную инструкцію для собиранія древностей. Въ концѣ XVIII в. замѣчательныя путешествія русскихъ ученыхъ во всѣ края Россіи немало способствовали развитію у насъ археологіи, въ тоже время основывается Императорскій Эрмитажъ, «пріобрѣвшій потомъ громадное значеніе, какъ центральное помѣщеніе древнихъ рѣдкостей, находимыхъ въ разныхъ концахъ Россіи». Въ 1804 г. основывается въ Москвѣ первое «Общество исторіи и древностей россійскихъ», а въ 1839 г. такое же общество въ Одессѣ; въ 1846 г. является въ Петербургѣ «Археологическо-нумизматическое общество», преобразованное впослѣдствіи въ «Императорское русское археологическое общество», а въ 1850 г. «Императорская археологическая коммиссія». Вслѣдъ затѣмъ описаніе архивовъ и библіотекъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, основаніе археологическихъ и историческихъ обществъ, открытіе архивныхъ коммиссій и провинціальныхъ музеевъ, работы и изслѣдованія отдѣльныхъ лицъ, археологическіе съѣзды, экспедиціи, ежегодно снаряжаемыя во всѣ концы Россіи — двигаютъ русскую археологію, можно сказать, гигантскими шагами.

Далѣе (на стр. 11—21) авторъ даетъ понятіе о періодахъ развитія человѣческой культуры, затѣмъ сообщаетъ пріемы раскопокъ, весьма близко подходя здѣсь къ извѣстной программѣ проф. Самоквасова (см. Д. Самоквасовъ. Исторія русскаго права, т. 1, вып. 1. Варшава 1878, стр. 208—214). Затѣмъ приводятся результаты раскопокъ, произведенныхъ въ Новороссійскомъ краѣ. Тутъ мы находимъ свѣдѣнія о всѣхъ извѣстныхъ курганахъ (напр. Куль-Обскомъ, Чортомлыцкомъ, Луговой могилѣ); наряду съ ними также о раскопкахъ другихъ кургановъ (нѣкоторыя раскопки произведены самимъ авторомъ).

Вотъ, что даетъ книга г. Эварницкаго. Изложеніе у автора довольно живое, почему его трудъ съ интересомъ можетъ быть прочитанъ всякимъ читателемъ. **Арк. Л—нко.**

A. de Gubernatis. Dictionnaire international des écrivains du jour. Livraisons XI et XII. Gui-Lel. (Florence, Paris, Leipzig, 1889—90). Стр. 1121—1344.

Въ декабрьской книгѣ «Кіев. Стар.» 1889 года (т. XXVII, стр. 655—661) мы дали обзоръ первыхъ десяти выпусковъ «Словаря» проф. де-Губернатиса, извлекая свѣдѣнія, имѣющія отношеніе къ на-

Библиотека "Руниверс"

шему краю. Въ двухъ послѣднихъ выпускахъ «Словаря» (XII вып. вышелъ 10 марта 1890 г.) помѣщены краткіе очерки литературной дѣятельности 29 русскихъ и 34 польскихъ современныхъ писателей. Продолжаемъ нашъ обзоръ по принятому ранѣе плану, опуская свѣдѣнія общеизвѣстныя.

Ганкевичъ (Клементій), философъ и филологъ, профессоръ русскаго языка въ черновицкомъ ун—тѣ съ 1875 г., род. 2 сент. 1842 г. въ Настасовѣ въ Галичинѣ. Издалъ: «Grundzüge der slavischen Philosophie» 1869 г., 2-е изд. 1873 г.; учебникъ психологіи для среднихъ школъ, 1874 г.; «Ueber das Accentuationssystem in der Sanskrit, griechischen und ruthenischen Sprache». Состоитъ сотрудникомъ Archiv'a für slavische Philologie.

Иконниковъ (Влад. Степ.), проф. рус. исторіи въ кіевскомъ ун—тѣ, род. 9 дек. 1841 г. въ Кіевѣ (Указаны многочисл. труды съ 1865—1888 г., не исключая и 2 т. «Русской исторіографіи», которая отпечатана въ 1888 г., но до настоящаго времени, къ сожалѣнію, не поступила въ продажу. Не отмѣчены послѣднія статьи о русскихъ рукоп. сборникахъ въ «Кіев. Унив. Изв.» и о генер.-губ. Беклешовѣ въ «Кіев. Стар.»).

Ильницкій (Вас.), галицкій малорусскій писатель, каноникъ, директоръ львовской гимназіи, род. 12 апр. 1823 г. въ Подпечерахъ въ Галичинѣ, изучалъ богословіе и философію въ Вѣнѣ. Въ 1845 г. путешествовалъ по Италіи. Съ 1860 г. издалъ, между прочимъ, историч. разсказъ «Рогнѣда Гориславна», истор. очерки «Старинные русскіе замки Звинигородъ, Перемышль, Теребовль», истор. драму «Настасія», рядъ художественныхъ и театральныхъ очерковъ и рецензій, «Исторію русиновъ», 2 т., разсказы «Горбатый» и «Романъ Дуля», «Романъ Даниловичъ», популярныя произведенія «Геологическій человѣкъ», «Море и его чудеса», различные опыты, переводы и т. п.

Ястребовъ (Митр.), проф. кіев. дух. акад., род. въ Тамбовѣ. (Указаны два историко-богосл. изслѣдованія объ аугсбургскомъ исповѣданіи и главенствѣ папъ).

Ежъ (псевдонимъ Сигизмунда Милковскаго), извѣстный польскій романистъ, род. въ 1842 г. въ подольской губ., издалъ рядъ романовъ, изъ которыхъ указано лишь пять важнѣйшихъ, и кромѣ того исторію Сербіи,—въ этой странѣ онъ долго жилъ; нынѣ поселился въ Женевѣ.

Езерскій (Михаилъ), польскій писатель, род. въ 1811 г. въ д. Гайворонѣ сквир. у. Обучался въ Виннницѣ и Варшавѣ. Послѣдова-

Библиотека "Руниверс"

тель романтизма, онъ издалъ въ стихахъ: «Поэтич. опыты», «Каштеляпъ», «Покровительница нашей земли», комедіи: «Удача старой дѣвы», «Капризъ и глупость», драмы: «Жертвы принциповъ», «Мщеніе кастеляпши»; прозаич. нѣсколько повѣстей и романовъ, въ томъ числѣ историческіе романы: «Жена канцлера», «Клементій Яницкій» и «Послѣдняя любовь послѣдняго короля». Кромѣ того, «Очерки по исторіи Польши» и «Нѣсколько мыслей о ложныхъ стремленіяхъ вѣка».

Качковскій (Сигизмундъ), польскій романистъ, публицистъ и политич. дѣятель, жив. въ Парижѣ, род. 2 мая 1826 г. въ саноцкомъ старостве Галичины (Обширная біографія съ подробнымъ перечисленіемъ трудовъ, въ числѣ которыхъ отмѣчено соч. «Женщина въ Польшѣ», отпечатанное въ 4 т. въ Житомирѣ въ 1862 г., но конфискованное до выхода въ свѣтъ, и памфлетъ «Изъ портфеля Нечуи» 1883 г., направленный противъ аристократическо-клерикальной партіи въ Галичинѣ).

Каминскій (Е. Гальперинъ), род. въ Васильковѣ кіев. губ. 28 марта 1858 г. Обучался въ Одессѣ, Севастополѣ, Вѣнѣ (1878), Парижѣ (1880), гдѣ и поселился. Съ 1884—86 г. сотрудничалъ въ *Revue Scientifique*, *Nature*, *Guide Scientifique*, *Archives Slaves de biologie*, состоялъ секретаремъ редакціи *Science populaire*, *Médecine populaire* и *Science pour tous*. Въ мартѣ 1885 г. помѣстилъ въ *Revue Socialiste* опытъ о трудахъ и дѣятельности Карла Маркса. Изъ статей по естествознанію были замѣчены помѣщ. въ *Guide Scientifique* (сент. 1885 г.) «De l'origine des mammifères» и въ *Nature* (Іюль 1885 г.) «Plantes piscivores». Съ 1886—89 г. издалъ болѣе тридцати томовъ переводовъ русскихъ писателей на франц. языкъ, въ томъ числѣ гр. Льва Толстого, Достоевскаго, Тургенева, Гоголя, Гончарова, Щедрина, Гаршина, Некрасова и др. Постоянный сотрудникъ *Nouvelle Revue*, *Grande Revue de Paris et de Saint-Pétersbourg*, *Revue Bleue*, *Revue illustrée*, *Paris illustré*, *Illustration*, *Figaro*, *Justice*, *Новостей* и др. журналовъ и газетъ.

Кирпичниковъ (Александръ), проф. всеобщей литер. при одесскомъ ун—тѣ, род. 1845 г. въ орловской губ. (Весьма подробное перечисленіе трудовъ).

Коноваловъ (Дмитрій), проф. химіи въ петерб. ун—тѣ, горный инженеръ, докторъ философіи страсб. унив—та, род. въ 1856 г. въ Екатеринославѣ, обучался въ инженерномъ институтѣ и петерб. ун—тѣ; въ 1880 г. отправленъ съ ученою цѣлью въ Германію, въ

Библиотека "Руниверс"

1882 г.—во Францію. (Указано 9 работъ по химіи за время 1880—1888 г.).

Коперницкій (Исидоръ), польскій врачъ и антропологъ, род. 17 апр. 1825 г. въ Чижовкѣ въ Украинѣ. Изучалъ медицину въ кіев. ун—тѣ и получилъ въ 1849 г. степень д—ра. Въ 1857 г. назначенъ здѣсь исправляющ. должность прозектора[1]) анатоміи, въ 1863 г. оставилъ службу, а въ слѣдующемъ году основался въ Парижѣ, гдѣ слушалъ Клодъ-Бернара и Катрфажа. Тогда же румынское правительство поручило ему устройство анатомическаго музея въ Букурештѣ. За анатомическіе препараты получилъ въ Краковѣ въ 1869 г. главную премію; въ 1876 г. удостоенъ тамъ же званія доктора медицины. Въ 1778 г. читалъ въ Краковѣ курсъ антропологіи, а въ 1886 г. назначенъ профессоромъ краковскаго ун—та. Состоитъ членомъ многочисленныхъ ученыхъ обществъ въ Россіи и Зап. Европы. Перечисленіе его антропологическихъ и др. трудовъ занимаетъ два слишкомъ столбца мелкой печати въ словарѣ де-Губернатиса. Отмѣтимъ здѣсь лишь имѣющіе ближайшее отношеніе къ Россіи и Галичинѣ: Нѣсколько замѣчаній о строеніи славянскихъ череповъ (чит. на кіев. съѣздѣ естествоисп. 1861 г.). «On the strange peculiarities observed by a religions sect of the Moscovities, called Scoptsi» *(Journal of Anthrop.*, 1870, іюль, въ сотр. съ Д. Б. Дэвисомъ); «The Kalmuks» *(Journal of the Anthrop. Ins*, 1872, т. I); отчетъ о человѣческихъ костякахъ и черепахъ изъ могильниковъ на Покутьи *(Отчеты крак. акад. наукъ по матем. и естественноистор. отд.* 1875, т. II); «The prehistoric antiquities of the Caucasus» (Journ. of the Anthr. Inst., 1875); черепа покутскихъ могильниковъ, какъ матеріалъ для доисторич. антропологіи Польши (Отчеты Крак. акад., 1876, т. II); объ особенностяхъ языка бешкидскихъ горцевъ, съ глоссаріемъ (ib., 1875, т. III); о человѣческихъ костяхъ и черепахъ изъ радыминскихъ могильниковъ на Волыни); тоже—изъ галицкой Подоліи (ib. 1877, т. I, ч. I); о физическихъ особенностяхъ населенія Галичины, на основаніи наблюденій, собранныхъ антропол. коммиссіей (ib., ч. 2-я, въ сотрудн. съ проф. Маеромъ); загадки бешкидскихъ горцевъ, собранныя въ окрестностяхъ Рабки (ib., ч. 3-я); археол. разысканія въ Городницѣ на Днѣпрѣ въ 1877 г. (ib. 1878, т. II, ч. 1-я); черепа острожскаго уѣзда на Волыни (ib.); замѣтки о доисторическихъ костяхъ и черепахъ галицкой Подоліи (ib.); дальнѣйшія археол. розысканія въ Городницѣ на Днѣстрѣ въ 1878—1882 г. (ib., 1884, т. VIII, ч. 3-я); физическія особенности населенія Галичины, 2-я серія (ib. 1885,

[1]) См. Біогр. Словарь преподав. ун. св. Владиміра.

Библиотека "Руниверс"

т. IX, въ сотр. съ проф. Маеромъ); о значеніи находокъ г. Осовскаго въ мниховскихъ пещерахъ (прил. къ IX т. Матер. для мѣстн. антроп., изд. въ Краковѣ); къ этнографіи Волыни, по даннымъ, собраннымъ Софьей Рокосовской (ib., т. IX, ч. 3-я).

Кулишъ (Пант. Александровичъ), историкъ, поэтъ и публицистъ, род. въ 1819 г. въ м. Воронежѣ черниг. губ, окончилъ гимназію въ Новгородъ-Сѣверскѣ, былъ учителемъ уѣзднаго училища въ Луцкѣ и Ровно, когда и написалъ свой первый романъ: «Михайло Чернышенко», изд. въ 1843 г. въ Кіевѣ. Въ 1845 г. арестованъ въ Варшавѣ и высланъ въ Тулу, гдѣ состоялъ на службѣ три года. Въ 1855 г. переѣхалъ въ Петербургъ, сотрудничалъ въ *Современникѣ*, издалъ нѣсколько романовъ и множество статей о Гоголѣ (Объ историческихъ трудахъ г. Кулиша, законченныхъ исторіей «Отпаденія Малороссіи отъ Польши», ни слова).

Крестовскій (Всеволодъ), романистъ, род. въ 1840 г. въ кіевской губ. (Перечислены труды этого «бойкаго» писателя - écrivain facile, который, будто-бы, «склоняется въ сторону натурализма»).

Кручкевичъ (Брониславъ-Игнатій), польскій филологъ, съ 1888 г. проф. классич. филологіи. львов. уни—та и директоръ львов. филолог. семинаріи, род. въ 1849 г. въ Пустковѣ въ Галичинѣ, обучался въ Тарновѣ, Краковѣ, Вѣнѣ, Лейпцигѣ, писалъ на польскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. (Перечислены работы въ области классич. филологіи и литературы).

Кульчицкій (гр. Владиславъ - Цезарій), польскій поэтъ и переводчикъ живущій въ Римѣ, род. 2 дек. 1834 г. въ подольской губ. (Весьма подробная біографія и характеристика трудовъ).

Ландау (Маркъ), австрійскій писатель, род. 21 ноября 1837 г. въ Бродахъ въ Галичинѣ (Перечислены труды, главнымъ образомъ, по исторіи итальянской литературы; въ 1888 г. вышелъ 1-й т. его исторіи имп. Карла VI). **Н. М.**

Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи. Составилъ гр. Александръ Бобринскій. 2 ч. Спб. 1890 г.

Съ 1798 г. по 1836 годъ было издано десять томовъ Высочайше утвержденнаго гербовника, въ которомъ помѣщены гербы, съ описаніемъ происхожденія каждой фамиліи. Кромѣ того, составлены томы XI, XII, XIII и XIV, еще неоконченный, которые не изданы.

Библиотека "Руниверс"

Гр. Бобринскій въ своихъ двухъ книгахъ перепечаталъ происхожденіе каждой фамиліи изъ четырнадцати томовъ гербовника, и помѣстилъ описаніе болѣе двухъ тысячъ фамилій, причемъ помѣстилъ эти роды въ хронологическомъ порядкѣ, то есть по мѣрѣ того какъ они появлялись въ исторіи.

Къ сожалѣнію, графъ Бобринскій, помѣстивъ исторію происхожденія фамилій, не описалъ ни одного герба, и не приложилъ ни одного рисунка, что въ настоящее время очень легко и не дорого было сдѣлать, благодаря цинкографіи и фототипіи. Въ Англіи напр. книга Peerage Debrett, и другія наполнены рисунками всѣхъ гербовъ, о фамиліяхъ которыхъ упоминается въ нихъ.

Въ книгѣ графа Бобринскаго помѣщены свѣдѣнія и о малороссійскихъ фамиліяхъ, изъ которыхъ только три рода восходятъ ранѣе XVI ст., именно: 1124 г. Дунины-Борковскіе (польскаго происхожденія), 1303 Милорадовичи (дворяне и графы), 1430 Александровичи (изъ Польши), остальныя всѣ XVI, и болѣе древнія всѣ польскаго происхожденія 1563 Лашкевичи, 1569 Марковичи, 1572 Гандовскіе, Потаповичи, XVI в. Кочубеи, (крымскіе татары), XVII Скоропадскіе, Паскевичи, 1609 Бакуринскіе, 1620 Рубцы, 1621 Комовскіе, 1625 Бороздны, 1628 Скоржинскіе, 1636 Вронскіе, 1645 — 1676 Подольскіе, 1648 Безбородко, 1654 Завадовскіе, Лагоды, Долинскіе, Шафонскіе, Лишины 1661 Валкевичи, 1663 Булашевичи, 1666 Горленки, 1667 Лобода, 1669 Мищенко, 1672 Судіенко, Домонтовичи, Тарновскіе, Фененко, 1673 Полетики, Политковскіе, 1675 Лазаревичи, 1676 Базилевскіе, 1678 Исаевичи, 1679 Корицкіе, Томары, 1680 Гудовичи, 1682 Ковалевскіе, 1685 Остроградскіе, Дублянскіе, Котлубицкіе, Туманскіе, Чарнолускіе, Новицкіе, Жуковскіе-Жученки, Гудимъ-Левковичи, Яжборовскіе-Юрьевы, Галѣнковскіе, Чесноки, Башуцкіе, Троцкіе, Якимовичи, Малама, 1686 Галаганъ, 1687 Кондратьевъ, 1688 Миклашевскіе, 1690 Коробки, Савичи, Малявки, 1696 Худорбіи, Искрицкіе, 1699 Марченко, Лихопои, Лубяновскіе, 1702 Яворскіе, Капнисты, 1704 Божичи, Родзянко, 1708 Калинскіе, Ширяи, Селецкіе, Мазараки, Иваненки, 1709 Сахновскіе, 1716 Богаевскіе, Савицкіе, 1719 Куликовскіе, 1725 Тимченко-Островерховы, 1744 Разумовскіе, 1745 Оболонскіе, 1762 Виридарскіе, 1799 Богаевскіе. **М.**

Библиотека "Руниверс"

Обозрѣніе журналовъ.

1) „Вѣстникъ Европы". 1890. № 1—3; 2) „Журналъ М-ва Нар. Просвѣщ.". 1890. № 1—3; 3) „Историч. Вѣстникъ". 1890. № 1—3; 4) „Русскій Архивъ". 1890. № 1—3; 5) „Русскій Вѣстникъ". 1890. № 1—2; 6) „Русская Мысль. 1890. № 1—3; 7) „Русская Старина". 1890. № 1—3; 8) „Сѣверный Вѣстникъ". 1890. № 1—3; 9) „Юридич. Вѣстникъ". 1890. № 1—3; 10) Экономич. Журналъ". 1890. № 1—3.

Вѣстникъ Европы 1890 г. № 1—3. *Н. В. Гоголь и А. С. Данилевскій.* Статья *В. И. Шенрока* (№ 1, стр. 71—118; № 2, стр. 563—619). Авторъ слѣдитъ въ этой статьѣ за всѣми послѣдовательными моментами отношеній Гоголя къ его школьному товарищу Данилевскому, при чемъ отношенія эти устанавливаются по воспоминаніямъ самаго Данилевскаго, разсказаннымъ автору, а также по перепискѣ ихъ, изъ которой извѣстная доля печатается въ статьѣ впервые.

«Поэтъ пошлости» (отрывокъ). Александра Градовскаго. (№ 1, стр. 352—359). Это—начало неоконченной статьи, оставшейся въ бумагахъ покойнаго А. Градовскаго. Писана была эта статья по поводу возникшей въ 1880 г. мысли поставить памятникъ Гоголю, при чемъ авторъ статьи, желая опредѣлить основную черту въ поэзіи Гоголя, тѣмъ самымъ какъ бы желаетъ найти достойную памяти великаго поэта надпись на будущемъ памятникѣ ему.

Въ *«Литературномъ обозрѣніи»* помѣщена рецензія о книгѣ «Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца» кн. 2-я (№ 2, стр. 878—881).

Журн. Мин. Нар. Просв. 1890 г. № 1—3. *Патріархъ Іоаннъ VII Грамматикъ и Русь-Дромиты у Симеона Магистра. Ѳ. И. Успенскаго* (№ 1, стр. 1—34). Въ этой статьѣ затрогивается все тотъ же старый вопросъ о Руси до-Рюриковской. Вопросъ этотъ поставленъ въ связи съ двумя извѣстіями у Симеона Магистра и Іоанна Грамматика, изъ которыхъ первый, какъ извѣстно, прямо говоритъ о Росѣ, а съ именемъ втораго связано сказаніе о томъ, какъ приходило на Ромейскую землю какое то языческое племя съ тремя предводителями во главѣ. Оба эти извѣстія сводятся авторомъ къ одному, при чемъ сопоставляются они и съ словами лѣтописца Нестора о началѣ прозванія «Руси».

Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе. И. П. Филевича (№ 1, стр. 95—135; № 2, стр. 253—302; № 3, стр. 119—168). Начало этой статьи, помѣщенное въ № 11 и 12 прошлаго года, указываетъ раньше всего тѣ стороны внутренней жизни Польши и Литвы, отъ которыхъ зависѣло ихъ дальнѣйшее столкновеніе, а затѣмъ излагаетъ ходъ военныхъ дѣйствій, обозрѣвъ только событія 1340 г. Въ разсматриваемыхъ

Библиотека "Руниверс"

трехъ книжкахъ находимъ окончаніе 2 й главы, гдѣ изложенъ ходъ военныхъ дѣйствій 1341—1349 г., далѣе 1349—1366 г., затѣмъ 1366—1370 года, наконецъ 1370—1377 г., а также послѣднихъ двухъ годовъ 1377—78 (№ 1). Въ главѣ 3-ей встрѣчаемъ обзоръ дѣлъ церковныхъ до 1412 года, когда утверждена была галицкая архіепископская резиденція во Львовѣ, чѣмъ и было закончено іерархическое устройство Галичины (№ 2). Въ главѣ 4-ой, составляющей окончаніе всей статьи, авторомъ разсматриваются самыя любопытныя страницы въ исторіи этой борьбы—ходъ развитія дѣлъ гражданскихъ въ странѣ (№ 3).

Въ отдѣлѣ «Современная лѣтопись» помѣщена небольшая замѣтка «Пятидесятилѣтіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей». (№ 1, стр. 1—4).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано *П. Н. Батюшковымъ*. *Статья П. В.* (№ 3, стр. 257—260); 2) *П. О. Бобровскій* «Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I» (№ 3, стр. 261—226); 3) *Айналовъ и Рѣдинъ* «Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи» (№ 3, стр. 262); 4) *В. Гошкевичъ* «Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ» (№ 3, стр. 264).

Историческій Вѣстникъ 1890 г. № 1—3. *За чьи грѣхи. Историческая повѣсть Д. Мордовцева*, гдѣ встрѣчаемъ сцену пріема пословъ гетмана Брюховецкаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (№ 1).

Замѣтка по поводу смерти А. С. Лашкевича, редактора-издателя «Кіевской Старины» (№ 1).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Е. Дверницкій* «Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ (№ 1); 2) *М. Захарченко* «Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ» (№ 1); 3) Императорское одесское общество исторіи и древностей и юбилейный XV томъ его записокъ (№ 2, стр. 457—460); 4) *Эварницкій* «Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ и новороссійскаго края (№ 2, стр. 463—466); 5) *Н. Бѣляшевскій* «Монетные клады въ кіевской губерніи» (№ 2), стр. 468—469); 6) *Геннадій Карповъ* «Въ защиту Богдана Хмельницкаго» стат. *Н. Лихачева* (№ 3), стр. 674—678); 7) *Серпій Гамченко* «Житомирскій могильникъ», археологическое изслѣдованіе житомирской группы кургановъ (№ 3, стр. 692—694); 8) Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты вы-

Библиотека "Руниверс"

борныхъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія «Уложенія». Изданіе «Кіевской Старины» (№ 3, стр. 705—706).

Русскій Архивъ 1890 г. № 1—3. *Некрологъ И. В. Росковшенка*, бывшаго директоромъ гимназіи въ Каменецъ-Подольскѣ съ 1848 г. и въ Ровно съ 1853 года. Кромѣ административной дѣятельности, Росковшенко находилъ время предаваться литературнымъ занятіямъ, и его собраніе книгъ по исторіи Малороссіи оставляетъ мало чего желать по своей полнотѣ (№ 2, стр. 310—315).

«Кладище моего сердца». Кн. И. М. Долгорукова. Здѣсь встрѣчаемъ разсказы о министерской дѣятельности графа В. П. Кочубея (№ 3, стр 154—156), а также о протоіереѣ Кіево-Софійскаго собора, проповѣдникѣ Левандѣ (№ 3, стр. 177—178).

Русскій Вѣстникъ 1890 г. № 1—2. *Въ отдѣлѣ критики* помѣщены «Историческія отмѣтки» *Д. Иловайскаго*, гдѣ говорится о статьѣ И. Малышевскаго «Происхожденіе великой княгини Ольги» (Кіевская Старина 1889 г. № 7 и 8) и его полемикѣ по этому вопросу съ архимандритомъ Леонидомъ (стр. 192—196); тутъ же встрѣчаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу полемики г. Васильевскаго съ г. Успенскимъ по вопросу о построеніи крѣпости Саркела (стр. 196—198), а также замѣтки о началѣ Руси по поводу статьи г. Васильевскаго о житіи св. Стефана Сурожскаго (стр. 198—204) и по поводу находки архим. Леонида (Владимірскій Лѣтописецъ), а именно—объ испорченности текста начальной лѣтописи (стр. 204—208).

Въ отдѣлѣ «Политическое обозрѣніе» посвящено нѣсколько строкъ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ въ Галиціи (стр. 282—283).

№ 2. *Нѣмецкія колоніи на югѣ. Стат. А. Велицына* (стр. 256—299). Въ этой статьѣ, составляющей продолженіе, очевидно, обширнаго изслѣдованія, находимъ данныя объ экономическихъ условіяхъ жизни и о правахъ колонистовъ; причемъ данныя эти пока касаются колоній юга Россіи, т. е. губерній бессарабской, херсонской, таврической и екатеринославской, а затѣмъ авторъ обѣщаетъ сообщить свѣдѣнія и о колоніяхъ юго-западнаго края.

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Геннадій Карповъ.* Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Историко-критическія объясненія по поводу сочиненія П. А. Кулиша «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». Москва 1890 г. (стр. 300—305); 2) Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Спб. 1890 г. (стр. 305—308).

Русская Мысль 1890 г. № 1—3. *Въ отдѣлѣ библіографическомъ* помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Опи-

Библиотека "Руниверс"

саніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ, въ Малой Россіи и въ слободской украинской губерніи, такожъ и въ Великороссійскихъ слободахъ, населенныхъ малороссіянами, употребляемыхъ, сочиненное *Григоріемъ Калиновскимъ*, армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, состоящихъ въ украинской дивизіи, прапорщикомъ. Харьковъ 1889 г. Эта книжечка представляетъ переизданіе перваго этнографическаго сборника, вышедшаго еще въ 1776 г. въ Петербургѣ (№ 1); 2) *Чугуевецъ*. О русской народной культурѣ. Этнографическіе разсказы и замѣтки. Малорусскія бытовыя пѣсни. Очерки изъ жизни провинціальнаго захолустья. Харьковъ 1889 г. (№ 2).

Русская Старина 1890 № 1—3. *Дневникъ А. В. Никитенка*, гдѣ находимъ извѣстія: 1) о жалобѣ генералъ-губернатора Бибикова на цензуру и «Библіотеку для Чтенія» за статьи объ Исторіи Малороссіи Марковича (№ 1); 2) о напечатаніи въ журналѣ Ишимовой «Звѣздочка» краткой исторіи Малороссіи Кулиша, и тревогѣ по этому поводу въ цензурѣ, объ арестѣ Кулиша въ Варшавѣ и объ открытіи въ Кіевѣ общества, къ которому принадлежали Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко, Гулакъ и др. (№ 2, стр. 376—377).

А. Гирсъ. Переводъ 122-ой главы книги «Sultan Jahja dell' Imperial casa ottomana ad altrimenti Alessandro Conte di Montenegro edi suoi discendenti in Italia. Trieste 1889. Здѣсь о пребываніи сына Трапезундскаго правителя, впослѣдствіи султана Магомета, и его жены Елены Комненъ въ Кіевѣ у митрополита Іова Борѣскаго (sic) въ Михайловскомъ монастырѣ, потомъ у козаковъ въ Каневѣ, Черкасахъ, Харьковѣ и, наконецъ, у запорожцевъ, съ которыми онъ и громилъ Турцію въ 1624—25 г. (№ 3).

Воззваніе А. К. Анастасьева о пожертвованіяхъ на благоустройство черниговскаго каѳедральнаго собора, церквей Спасова Преображенія и Борисоглѣбской (№ 3, 881—884).

Сѣверный Вѣстникъ 1890г. № 1—3. *Въ областномъ отдѣлѣ* помѣщенъ разговоръ въ вагонѣ между великороссомъ и малороссомъ (№ 1, стр. 48—52).

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *И. П. Котляревскій*. Полное собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе «Русскаго книжнаго магазина» 1890 г. (№ 2, стр. 115—117).

Юридическій Вѣстникъ 1890 г. № 1—3. *20 ноября 1889 года въ Кіевѣ.* (№ 1, стр. 130—148). Подробный отчетъ о засѣданіи кіевскаго юридическаго общества и рѣчахъ г. Тальберга, Гольденвейзера и Куперника по поводу 25-лѣтія Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II.

И. В. Лучицкій. Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи (№ 3, стр. 391—424). На основѣ большею частью рукописныхъ

Библиотека "Руниверс"

матеріаловъ авторъ подробно описываетъ порядки, практиковавшіеся при общинной заимкѣ пустующихъ земель нын. полтавской губерніи на протяженіи XVI—XVIII в., и затрогиваетъ вопросъ о значеніи «дворищъ» въ связи съ организаціей «сябровъ». Настоящая статья дополняетъ прежнія работы автора по вопросу объ общинномъ владѣніи землею въ Малороссіи.

Экономическій Журналъ 1890 г. № 1—3. А. С. *Въ чертѣ еврейской осѣдлости* (экономическія изслѣдованія). IX (№ 1, стр. 18—38). Авторъ даетъ внѣшній очеркъ г. Одессы. Отношеніе большей части сообщаемыхъ фактовъ къ основной идеѣ статьи неясно. Мимоѣздомъ (изъ Кіева въ Одессу) авторъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о печальномъ положеніи евреевъ въ подольской губ.

Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи.

Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ). Кіевъ 1889 г. 8 д., 12 стр. и 1 портретъ.

Антоновъ В., свящ. Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, поборникъ православія въ борьбѣ съ уніею. 8 д., 48 стр.

Базилевскій И. А. Терновая дорога до кращей доли. Повість въ стыхахъ. Вятка. 1889. Тип. Маншеева, 16 д., 130 стр. 3000 экз.

Барсовъ Е. В. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. Изслѣдованіе. Томъ III. Лексикологія «Слова». А. М. Москва. 1890 г. 8 д., VIII+537 стр.

Бѣлорусскія древности, изданныя А. М. Сементовскимъ. Вып. I. Съ 106 изображ. разныхъ предметовъ древностей въ текстѣ и литографическимъ приложеніемъ. Спб. 1890. 8 д., XI+136 стр., 600 экз., п. 2 р. 50 к.

Гоголь Н. Тарасъ Бульба. Повѣсть. Народное изданіе. Москва. 1890 г. 8 д., 162 стр.

Библиотека "Руниверс"

Житіе св. преподобномученика Макарія, архимандрита овручскаго, переяславскаго чудотворца, нетлѣнно почивающаго въ переяславской Свято-Вознесенской обители, полтавской епархіи. Изд. 7-ое; 8 д., 44 стр.

Zródła dziejowe. Tom XIX. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Tom VIII. Ziemie ruskie. Wołyń i Podole. Opisane przez A. Jabłonowskiego. Варшава. 1889. 8 д. II+307+XLVI стран.

Иваненко Д. А. Адресъ-календарь и справочная книга полтавской губерніи на 1890 г. Полтава. 1890 г. 8 д., III+39+135+109+72 стр.

Ивановъ А. Протоіерей. Исторія уніи въ юго-западной Россіи. Въ память пятидесятилѣтія по возсоединеніи бѣлорусскихъ уніатовъ (1839—1889). Тула. 1889 г. 8 д, 20 стр.

Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь. Историческій очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени. Кіевъ. 1889 г. 8 д., 138+1 нен. стр.

Кіевъ—Азбука православія. 8 д., 44 стр.

Котляревскій И. П., Наталка-Полтавка. Украинская опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Москва. 1889 г. 16 д., 106 стр.

— Полное собраніе сочиненій на малоросс. языкѣ. Съ портретомъ, біографіей автора и словаремъ къ Энеидѣ, составленнымъ Катрановымъ. Изд. 3-е. Корейво, подъ ред. И. Левицкаго. Кіевъ. 1890 г. 8 д., XXIX + 495 стр. 2400 экз.

Кулишъ П. А. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654). Въ 3 томахъ. Томъ 1-ый. Москва. 1890 г. 8 д., 283 стр. Томъ 2-ой. Москва. 1890 г. 8 д., 399 стр. Томъ 3-ій. Москва. 1890 г. 8 д., 415 стр.

Лисенко М. Збирникъ народнихъ украинскихъ писень. Третій десятокъ 4 д., 21 стр.

Макаровскій М. Наталя або дви доли разомъ. Поэма. Выданнѣ друге. Харкивъ. 1890 г. 16 д., 39 стр.

Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губерніи. Т. IV. Тираспольскій уѣздъ (статистико-экономическое описаніе уѣзда) составлено статистическ.

Библиотека "Руниверс"

отдѣленіемъ при херсонской губернской земской управѣ. (Съ картою и 8 приложеніями). Херсонъ. 1889 г. 8 д., II+2+272+116 стр.

Памятная книжка виленской губерніи на 1890 г. Изданіе Виленскаго губернскаго статистическаго комитета подъ редакціей А. Шверубовича. Вильно. 1889 г. 8 д., XII+55+384+236 стр.

Памятная книжка дирекціи народныхъ училищъ за $18^{89}/_{90}$ учебн. г. Изданіе виленск. дирекціи народныхъ училищъ. Вильна. 1889 г. 8 д.

Путеводитель по святымъ мѣстамъ Кіево-Печерской Лавры. Изд. 6-ое 16 д., VIII+192 стр.

Сводъ свѣдѣній о начальномъ образованіи въ херсонской губерніи за 1885—6 г. Херсонъ 1889 г. 8 д., IV+162+207+22+II стр., 4 таблицы и 1 карта.

Słovnik geograficzny Królestva Polskiego i innych krajóv słowiańskich. Vydany pod redakcyą B. Chlebovskiego i V. Valevskiego, według planu F. Sulimierskiego i z pomocą zgromadzonych przez niego materyałóv. Zeszyt 119, Tom X. Nakładem V. Valevskiego. Варшава. 1889 г. 4 д., стр. съ 801 по 880 столб.

Соболевскій А. Академикъ И. В. Ягичъ какъ историкъ русскаго языка «критическія замѣтки по исторіи русскаго языка» И. Ягича. (Отд. оттискъ изъ «Русскаго Филологич. Вѣстника»). Варшава. 1889 г. 8 д., 13 стр.

Указатель святыни и священныхъ достопамятностей Кіева какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, для поклонниковъ посѣщающихъ святыя мѣста кіевскія. Изд. 9-ое. 8 д., 4 нен.+228 стр.

Чайченко В. Безъ хлѣба. Оповидання. Кывъ. 1890 г.

Четыркинъ И. Д. Какое значеніе имѣютъ слова Нестора: «Собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творятъ Вятичи и нынѣ». (Отд. оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ»). Воронежъ. 1889 г. 8 д., 19 стр.

Царивна—жаба. Казка. Кывъ. 1890 г. 16 д. 24 стр.

Цупкій М. Байкы. Одесса. 1889 г. 16 д., 40 стр.

Библиотека "Руниверс"

Дозволены къ представленію на сценѣ:

I. Гирька сыритска доля. Драма. (Оперетта) въ 4 діяхъ. Скомпанувавъ И. Райковскій.

II. Мудровали, докі у неволю попали. Народная драма—быль. Соч. Ѳ. М. Стрілець-Карпенко.

III. Тырасъ Бульба подъ Дубномъ. Драма у 4 діяхъ (по Н. В. Гоголю). Напысавъ. К. Ши—нецкій.

Библиотека "Руниверс"

1788. Ноября съ первыхъ чиселъ началася великая зима и продолжалася чрезвычайными стужами, бурями и снѣгомъ до 1789 года марта по окончаніе.

1789. Марта первыхъ чиселъ въ казенныхъ селеніяхъ новыя учрежденія вышли, печатныя книги установленія сельскаго—розданны, и старшины, старосты, выборные и сборщики опредѣлены.

Апрѣля—, преосвященный епископъ православный переяславскій Викторъ въ Слуцкѣ поляками взятъ и въ Варшаву подъ арестомъ представленъ. Того жъ года, въ области польской православнымъ священникамъ поляки запретили на литургіяхъ и другихъ служеніяхъ поминать россійскую императрицу, а вмѣсто того поминать короля, рѣчь посполиту и прочіихъ ихъ властей, и для повиновенія ихъ повелѣніямъ, къ присягѣ привели.

Сего жъ 1789 года, на присягу не согласившагося игумена Николаевскаго Виссаріона поляки взяли.

1789 г. Всеобщее возмущеніе, случившееся во Франціи, и гоненіе на всѣхъ дворянъ и владѣльцовъ, противныхъ нынѣшнему правленію.

1791 года, октября, свѣтлѣйшій князь и великій гетманъ Григорій Александровичъ Потемкинъ померъ въ Молдавіи.

Ноября 1 числа, чрезъ городъ Елисаветъ графъ Безбородкинъ для заключенія съ турками мира, проѣхалъ въ Молдавію, тожъ и ради ревидаціи дѣлъ князя Потемкина покойнаго.

1792 г., февраля противъ 21 числа, ночью чрезъ селеніе Федварское графъ Безбородковъ, по заключеніи мира съ турками, ѣхалъ въ Россію.

Сентября 13 дня, преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій, въ Полтавѣ померъ. Тогожъ года и въ Крыму епископъ Моисей зарѣзался или зарѣзанъ.

1793 г., февраля 28 и марта 1 и 2 чиселъ, великой снѣгъ выпалъ въ елисаветградскомъ уѣздѣ, и лежалъ чрезъ цѣлый мартъ.—Виктора, епископа слуцкого, поляки взяли въ Варшаву и держали тамъ три года въ неволѣ. Сего года въ началѣ, немалая часть Полщи присоединена къ Россіи.—Марта 13 дня, феодосійскій и

Библиотека "Руниверс"

маріупольскій епископъ Іовъ Потемкинъ пріѣхалъ въ Полтаву.—Маія въ 10 день, въ указѣ ея императорскаго величества, данному св. синоду, написанно такъ: на праздное архіерейское мѣсто въ епархіи екатеринославской и Херсониса таврическаго, всемилостивѣйше опредѣляемъ молдо-влахійскаго митрополита Гавріила. Маія... дня, екатеринославскій митрополитъ Гавріилъ выѣхалъ изъ Елисавета въ Полтаву, на свой престолъ.—Іюня 7 или 8 дня, митрополитъ Гавріилъ въѣхалъ въ Полтаву.—Августа 25 числа, о полдня солнце мѣнилося.—Ноября 27, ввечеру позно земля тряслася.

1794 г. За присоединеніе Полщи къ Россіи отъ полляковъ великіе и кровопролитные бунты были противу Россіи.—Того жъ года, декабря 31 дня, и 1795 года генваря 1 числа, превеликая стужа была съ вѣтромъ и снѣгъ великой ишолъ нѣсколько дней и продолжался сильной холодъ съ частыми вѣтрами и снѣгами, чрезъ весь мѣсяцъ генваръ; и 30 жъ генваря сдѣлалося тепло, наступилъ туманъ и снѣгъ началъ растават; а февраля 5 дня опять снѣгъ съ вѣтромъ великой ишолъ, тожъ и 7, а отъ первего на десятъ пустило.

1794 года, по окончаніи, и 1795 года, въ присоединенномъ краю отъ рѣчи посполитой полской былъ великой наборъ въ рекруты: велѣно набрать сто шестдесятъ тысящъ.

1795 г., маія 10 д. Вознесенское намѣстничество въ городѣ Новомъ Миргородѣ открыто; открывалъ екатеринославскаго намѣстничества губернаторъ Іосифъ Ивановичъ Хорвотъ. При семъ былъ и митрополитъ екатеринославскій Гавріилъ.—Въ іюнѣ, чигринскій уѣздъ въ городѣ Чигринѣ открылся. Того жъ года, и черкаской уѣздъ въ городѣ Черкасахъ открылся.—Декабря 17 ч., архимандритъ Іринархъ Балановскій въ Мотренинскомъ монастырѣ померъ.

Иванъ Петровичъ (?) къ преосвященному Варлааму Шишацкому, епископу острожскому, протодіакономъ произведенъ, при коемъ епископѣ и проживалъ въ городѣ Острогѣ.

1796 года, декабря 22 дня, кіевской академіи ректоръ Самоилъ Мѣславскій во епископа бѣлоградскаго посвященъ; 1771 года архіепископомъ и членомъ святѣйшаго синода пожалованъ и въ

Библиотека "Руниверс"

крутицкую епархію переведенъ, потомъ въ ростовскую епархію переведенъ, а изъ Ростова кіевскимъ митрополитомъ и Кіевопечерской лавры архимандритомъ пожалованъ, а сего 1796 года, генваря 5 дня, въ Кіевѣ, преставился.

Февраля 9 числа, первой снѣгъ выпалъ, отъ тогда и зима началася, а прежде снѣгу не было чрезъ цѣлую зиму. Сего жъ февраля 24 числа, великая стужа съ снѣгомъ и вихремъ была и крѣпкіе морози продолжалися и зима марта по 15-е.

Ноября 8 числа, началаса зима съ снѣгомъ, а 9, 10, 11 и 12 и далѣе морозы крѣпкіе съ восточнымъ вѣтромъ. Того жъ ноября 23 числа, въ селѣ Федварскомъ императору россійскому Павлу Петровичу присягали на вѣрность.

Декабря 2 числа, великой снѣгъ выпалъ.

1797 года, іюня, губернаторъ кіевской объѣздилъ чигринской уѣздъ и назначилъ въ Александровцѣ быть мѣсту (городу) и правленію. Ноября. Уѣзда чигринского и черкаского духовныя правленія отошли къ кіевской епархіи. Того жъ года, декабря первыхъ чиселъ, въ екатеринославской епархіи у священно и церковнослужителей забрали дѣтей въ рекруты.

1798 года, въ генварѣ, изъ Екатеринослава дѣтей священно и церковнослужительскихъ, забранныхъ въ рекруты, отпущенно въ домы. Генваря 3 числа, по утру, въ екатеринославской губерніи въ разныхъ селеніяхъ, скоть бѣгалъ изъ домовъ въ поле.

Генваря 30 числа, въ полтавской семинаріи получено повелѣніе, чтобы до 1-го марта вся семинарія перебралась въ Миргородъ (Новый).

Февраля 6, въ елисаветградскомъ духовномъ правленіи полученъ указъ, что екатеринославская епархія переименована новороссійскою, и архіерей долженъ именоваться новороссійскимъ и днѣпровскимъ и жить въ Ново-Миргородѣ.

Марта 15 дня, въ Новомиргородѣ, въ новороссійской семинаріи классы начали править по переводѣ семинаріи изъ Полтавы первой разъ.

Іюля 10, городъ Елисаветъ съ церквами и духовнымъ правленіемъ и со всѣми купеческими лавками сгорѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

Сентября 28 дня, богословія открывалася въ новороссійской семинаріи.

Сего года, императора Павла I-го установленіе воспослѣдовало, подъ всякую церковь отдѣлить земли пахатной по тридцать десятинъ, а сѣнокосной по три десятины, и оную землю обработать всякой годъ прихожане должны отдать хлѣбъ чистой, а при томъ сѣно, солому и гуменной кормъ, все священно и церковнослужителямъ.

Въ октябрѣ, въ новороссійской семинаріи въ Новомиргородѣ, открылися классы сверхъ латинскаго, греческаго и нѣмецкаго—ариѳметика, географія и исторія. Ариѳметику преподавалъ Куницкой, географію и исторію преподавалъ Сулима.

Въ февралѣ, кирасирскіе полки изъ Елисаветграда и изъ Миргорода выступили въ походъ черезъ Цесарію, подъ французовъ. 1799 г., 7-й годъ французской республики отъ начала.

Іюля 30 дня, сарана ишла чрезъ селеніе Федварь.

Декабря первыхъ чиселъ, въ новороссійской епархіи всѣ священно и церковнослужительскіе дѣти, отъ 12 лѣтъ и выше, помѣщены на церковнослужительскія мѣста. Тогда же епископомъ Афанасіемъ и отрѣшены.

1799 и 1800 годовъ, зимою сильной холодъ, а лѣтомъ чрезвычайные жары были, отчего въ сихъ годахъ много садовъ и разнаго дерева повысыхало вездѣ.

1800. Мая 14, въ селеніи Федварскомъ общество согласилося для содержанія священно и церковнослужителей, всякой годъ давать по 250 рублей денегъ и сто копицъ сѣна и двадцать подводъ для привезенія дровъ.

1800 года, бугскіе козаки въ казенные поселяне обращены.

1801 г., маія, начался въ Федварѣ торги, а первый ярмарокъ былъ іюня 12 дня. Іюня 28 д., въ селѣ Федварѣ сильной дощъ ишолъ. Сентября 15, преосвященный Афанасій, епископъ новороссійскій, въ архіепископы произведенъ.

Сего года, императоръ россійскій Александръ установленіе отца своего императора Павла I-го, отмѣнилъ, а установилъ свое, то есть, взимать за требы такъ: за молитву родилици—4 копейки. За

Библиотека "Руниверс"

крещеніе младенца—6 коп. За вѣнчанія браковъ—20 коп. За погребеніе великое—20 коп. За погребеніе малое—6 коп.

1802 г., генваря съ первыхъ чиселъ, снѣгъ выпалъ и зима отъ тогда началася, а прежде до Рождества снѣгу не было, и отъ тогда продолжалася постоянно до марта и отъ тогда начала распускать и послѣднихъ числъ марта совсѣмъ сойшла. Ноября 1 дня, выпалъ снѣгъ. Ноября 17, громъ сильно гремѣлъ. Октября 14 ч., трясеніе земли было.

1803 г., маія 21 д., въ городѣ Николаевѣ открылася николаевская губернія при преосвященному архіепископу Афанасію, а оттудова того жъ года переведена въ Херсонъ.

1804 г., генваря 17 д., полученъ указъ о переименованіи новороссійскаго архіепископа Афанасія екатеринославскимъ, херсонскимъ и таврическимъ.

Екатеринославская консисторія и семинарія, тожъ и преосвященный Афанасій, изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ перебралися.

Въ іюлѣ, екатеринославской семинаріи ректоръ протоіерей Іоаннъ Башинскій выѣхалъ въ Екатеринославъ.

Ноября 21 числа, снѣгъ выпалъ и продолжался съ морозами до 28 числа.

1805. Сентября 28 д., снѣгъ выпалъ и зима началася отъ тогда.

Октября 23 д., преосвященный Платонъ пріѣхалъ изъ Астраханя въ Екатеринославъ.

1806 г., маія 16 дня, морозъ сильной былъ, вездѣ бѣлой.

Библиотека "Руниверс"

ЧЕРНИГОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ ПО НОВОМУ СПИСКУ.

(1587—1725).

Малороссійская „кроничка“, изданная въ 1856 г. Н. М. Бѣлозерскимъ подъ названіемъ Черниговской лѣтописи, несмотря на свою краткость, заключаетъ въ себѣ не мало свѣдѣній, бывшихъ неизвѣстными до ея изданія [1]). При изданіи этой лѣтописи, Н. М. Бѣлозерскій пользовался двумя ея списками: однимъ, болѣе старымъ, но неполнымъ (оконч. 1652-мъ годомъ) и другимъ позднѣйшимъ, доведеннымъ до 1750 г. (съ пропускомъ 1704—728 гг.), и напечаталъ лѣтопись до 1652 г.—по первому списку, а далѣе—по второму. Къ сожалѣнію, старый списокъ Черниговской лѣтописи былъ сдѣланъ переписчикомъ малограмотнымъ и потому пересыпанъ такими ошибками, которыхъ незачѣмъ было и вносить въ текстъ. Вскорѣ послѣ напечатанія Черниговской лѣтописи, мы имѣли въ рукахъ третій ея списокъ, совсѣмъ отличный отъ тѣхъ, которые описаны въ изданіи 1856 г. Списокъ этотъ мы получили въ Петербургѣ, отъ г. Персидскаго, и тогда же, описавъ рукопись, списали Черниговскую лѣтопись, а подлинникъ возвратили хозяину. Рукопись, въ которой находился списокъ Черниговской лѣтописи г. Персидскаго (такъ будемъ называть этотъ списокъ), писана въ листъ, на 45-ти лл., почеркомъ XVII в. и заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи:

---

[1]) О новыхъ подробностяхъ, сообщаемыхъ Черниговскою лѣтописью, см. у Максимовича. Соч., I, 233 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

1) Отъ лѣтописца собрание краткое о началѣ родословія отъ Адама перваго дне и отъ коего колѣна поидоша царие, судіи и властелины, и кто колко лѣтъ жилъ. 1—9 лл.

2) Начатокъ въ Руси великому княжению всѣхъ князей. 9—21 лл.

3) О многочюдесной побѣдѣ надъ Ливонскими нѣмцы и о взятіи Ругодова и Юрева, Рыкобора и Вылкада и иныхъ многихъ градовъ. 21—26 лл.

4) Сказаніе нѣкіихъ чудесъ, бывшихъ на Москвѣ различныхъ временъ. 26—29 лл.

5) Лѣтописецъ, що ся въ русскихъ и полскихъ сторонахъ дѣяло, и якого року, лѣта отъ Рождества Христова 1587. 29—45 лл.—Это и есть Черниговская лѣтопись, писанная здѣсь красивою южнорусскою скорописью к. XVII—нач. XVIII в.—Несомнѣнно, что описанная рукопись была писана монахомъ одного изъ черниговскихъ монастырей; это видно изъ нѣкоторыхъ клочковъ бумагъ, которые намъ удалось отдѣлить изъ картона, въ который переплетена рукопись. Такъ, въ числѣ этихъ клочковъ мы нашли: 1) отрѣзки выходнаго листа, нѣсколько разъ изданной въ Черниговѣ (1683—1712 г.) книги „Руно Орошенное“; 2) подлинное письмо лѣтописца Боболинскаго къ Мазепѣ [1]) и 3) подлинное письмо черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича къ какому то монаху Іоасафу, отъ 16 іюля 1698 г., съ

[1]) Приводимъ это письмо здѣсь полностью: „Знаючи я быти, ясневелможность вашу, моего бл(агодѣтеля?) пана, всѣмъ притекающимъ патрова и велце милостивого добродѣя, упадаю съ тоею моею супликою до ногъ вашихъ панскихъ, просячи о ялмужну на откупъ (крев)ного моего, который въ рукахъ бисурманскихъ колко (годъ?) сѣдитъ скремпованный и любо мѣлъ маетность ..... тый безъ него зъ віонзекъ полскихъ чужоземско... спустошили, не машъ где що взяти ..... на той окупъ просячи, да будетъ ясневелможности вашей, пана и добродѣя моего, ласка, ради (Іисуса Христа) Бога нашего, насъ дѣля страдавшаго на крестѣ, ради апостола его Андрея Святого, обрати, ваша рейментарская милость, око свое панское на супліку, а мене тще отъ л..... не отпустишъ. А я зъ тымъ же неволнимомъ (до конца?) живота моего, за щасливое рейментарство, (непобѣдимое) мужество, которое въ кавалеріи св. апостола Первозваннаго велможность ваша носишъ, о томъ Бога моего до кончины живота благати не престану. Ясневелможности вашой, моего велце милостивого пана и добродѣя, богомолецъ и іеромонахъ Леонтій Боболинскій“.

Библиотека "Руниверс"

благодарностію за присланную рыбу.—По этимъ бумагамъ можно съ увѣренностью сказать, что рукопись Персидскаго была написана въ одномъ изъ черниговскихъ монастырей и очень вѣроятно, что въ Троицкомъ, гдѣ монашествовалъ Боболинскій. Послѣдній едва ли не былъ и хозяиномъ рукописи, о чемъ догадываться можно изъ другихъ отрывковъ разныхъ бумагъ, найденныхъ нами въ томъ же картонѣ переплета рукописи Персидскаго. Такъ, въ этихъ бумажныхъ клочкахъ найдено нами нѣсколько черновыхъ листовъ „Собранія краткаго о началѣ родословія отъ Адама“, изъ которыхъ между прочимъ видно—какъ составлялись эти лѣтописныя статейки: составитель ея списывалъ на листѣ бумаги разные историческіе факты, которые вычитывалъ въ подобныхъ историческихъ сочиненіяхъ и которые почему либо обращали на себя его вниманіе... Собравъ достаточное количество такихъ фактовъ, составитель распредѣлялъ ихъ по хронологическому порядку, переписывалъ набѣло и оставлялъ потомству какую нибудь хронику въ родѣ „Собранія краткаго о началѣ родословія отъ Адама“. Черновые же листы употреблялись на приготовленіе того картона, изъ котораго тутъ же дѣлался переплетъ набѣло переписанной хроники. Очень можетъ быть, что эти упражненія въ писаніи „хроникъ“ производилъ тотъ самый Боболинскій, который впослѣдствіи составилъ свою „лѣтопись“... Попавшій въ картонъ переплета автографъ этого лѣтописца даетъ поводъ къ такой догадкѣ... Списокъ Черниговской лѣтописи Персидскаго отличается отъ описанныхъ двухъ списковъ въ изданіи 1856 г., тѣмъ, что въ немъ лѣтопись продолжается непрерывно и послѣ 1703 г., оканчиваясь 1725-мъ годомъ.

Уже первымъ издателемъ Черниговской лѣтописи были указаны въ ней двѣ части: первая, оканчивающаяся 1692 г. и другая, заключающая въ себѣ 1693—1703 гг., при чемъ первая часть писана была на правой сторонѣ Днѣпра, а вторая—по многимъ вѣроятіямъ, въ Черниговѣ. Въ спискѣ Персидскаго является третья часть лѣтописи,—очень подробное описаніе 22-хъ лѣтъ, съ 1703 по 1725 годъ включительно. Несомнѣнно, что эта часть Черниговской лѣтописи, нынѣ впервые издаваемая,

Библиотека "Руниверс"

написана лицомъ, близко стоявшимъ у событій, происходившихъ въ Малороссіи въ первой четверти XVIII в. Составителемъ ея могъ быть одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ гетманской канцеляріи, которые обязаны были вести діаріуши (журналы) этой канцеляріи [1]). По нѣкоторымъ подробностямъ относительно прихода шведовъ подъ Новгородсѣверскъ, можно думать, что лѣтопись писалъ тамошній уроженецъ, а по описанію ареста Полуботка съ товарищами, слѣдуетъ думать, что этотъ разсказъ записанъ очевидцемъ.

Печатая Черниговскую лѣтопись по списку Персидскаго, мы не отмѣчаемъ его разночтеній съ прежде изданнымъ текстомъ, не видя въ томъ особой потребности. Скажемъ только, что текстъ лѣтописи по списку Персидскаго исправнѣе текста изданнаго Н. М. Бѣлозерскимъ; признакъ бо́льшей исправности нашего текста видится и въ отмѣткѣ подъ 1669 годомъ, что поставленный гетманомъ Многогрѣшный избралъ себѣ для жительства Батуринъ, „а по немъ и иншие гетманы тамъ *живутъ*“. Въ напечатанномъ въ 1856 г. текстѣ это мѣсто читается: „а по немъ иншіе тамъ гетманы *жили*“. Изъ этого сопоставленія можно заключить, что въ напечатанномъ Н. М. Бѣлозерскимъ спискѣ текстъ оригинала не былъ сохраненъ вполнѣ...

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Въ числѣ этихъ канцеляристовъ были нерѣдко люди весьма образованные, особенно изъ числа „латинщиковъ“, т. е. учившихся въ кіевской академіи. Такимъ канцеляристомъ былъ напр. Николай Ханенко, котораго „Діаріушъ“ за 1722 годъ изданъ въ 1858 г., Бодянскимъ. Такимъ же канцеляристомъ былъ Павелъ Ладинскій, который писалъ „діаріушъ“ генер. канцеляріи съ марта 1723 г., начавъ его стихами:

Планетъ княжичъ небесныхъ мѣсяцъ мартъ начася,
Когда сей діаріушъ мнѣ писать казася,
А именно о всякихъ дѣлехъ общихъ, знатныхъ,
Монаршихъ и войсковыхъ, тайныхъ и приватныхъ,
Во время правленія помежду гетманствомъ и т. д.

Такихъ образованныхъ канцеляристовъ въ перв. четверти XVIII в. было не мало. Одинъ изъ нихъ и могъ записать событія, составляющія третью часть Черниговской лѣтописи...

Библиотека "Руниверс"

Лѣтописецъ, що ся въ рускихъ и полскихъ сторонахъ дѣяло и якого року.

Лѣта отъ Рождества Христова, року 1587. По смерти Стефана Баторого, короля полского, обранъ есть на кролевство полское Жигмунтъ третий, кроль шведскій, и коронованъ въ Краковѣ. Видло велми здихало и невидимо по окнахъ слова были писани.

1591. Михаилъ Рагоза на митрополию киевскую посвященъ въ Вилню. Той же Михаилъ Рагоза, приѣхавши съ Кіева до Бреста Литовского, учинилъ соборъ на духовенство, на которомъ соборѣ при немъ были епископы: Ипатий Поцѣй, прототроній митрополии киевской, епископъ володимерский, Кирилъ Терлецкій, экзархъ константинополскій, епископъ луцкий, Ермогенъ, архіепископъ полоцкий и туровский, Дионисий Збаразский епископъ хелмский и белзский, будучи православными, на томъ соборѣ приняли унѣю, и послушенство Мыхаилъ Рагоза отдалъ папежови, посълавши до Рыму епископовъ Іпатія Поцѣя и Кирилла Терлецкого, але тои унѣи духовенство иншое русское, и монастыри всѣ, и шляхта не приняли. Того жъ року Косинский воевалъ съ поляками и зосталъ отъ нихъ подъ Пяткою поражонымъ.

Того жъ року, Наливайко спалилъ Слуцкъ и Могилевъ великий, а потымъ подъ Лубнами, на Солоницѣ, ляхи збили его войско, а самого Наливайка и двохъ его полковниковъ, Мазепу и Лободу, живцемъ побрали.

1600. Михаилъ, воевода мултапский, воевалъ на Полщу.

1605. На Жигмонта, короля полского, отъ пановъ былъ рокошъ.

Того жъ року, татаре пречиские людей брали.

Того жъ року, Димитрия царя на Москву провадили поляки, але тамъ немного царствовалъ, бо его забили москалѣ.

1609. Гайдукъ еденъ благочестивый въ Вилнѣ тялъ шаблею стылу на Іпатія Поцѣя, митрополиту унѣацкого, и надтялъ ему корку, але вылечилъся, а гайдука благочестивые сховали межи собою.

1611. Татаре выбрали Острожокъ.

Библиотека "Руниверс"

Того жъ року царъ Ѳеодоръ чернцемъ сталъ.

1615. Саранча была всюды великая, въ Полщи, Литвѣ и на Вкраинѣ и война Сагайдачного на Москву.

1616. Татаре стрыбинскіе взяла Шулжинецъ, и людей много набрали.

1619. Снѣгъ на Вознесение Господне выпалъ, зъ морозомъ, же въ полю отъ великости снѣгу и зимна великого, овечки померзли.

1620. Турки гетмана великого коронного Жолковского на Цецорѣ зъ войскомъ его збили, а самому Жолковскому гетманови мужикъ сокѣрою голову утялъ надъ Днѣстромъ, противъ Могилева Подолского.

Того жъ року, у Варшавѣ на сеймѣ, шляхтичъ Пекарский, на Жигмонта, короля полского, gды выходилъ съ костела, ударилъ чеканомъ, але Богъ его самъ боронилъ отъ смерти, бо плазмомъ ударилъ и кровъ его облила, и палъ кроль на землю, а потомъ, пришедши до себе, даровалъ его здоровемъ, але Владиславъ кролевичъ, казалъ его на конѣ мѣдяномъ спалити, и заразъ выволано, абы чекановъ нихто не смѣлъ носить.

1621. Турки подъ Хотѣномъ ляховъ осадили, въ которомъ войску былъ Владиславъ, кролевичъ полский, а гетманомъ козацкимъ тогды былъ Бородавка, до котораго кролевичъ не разъ посылалъ, абы до него съ козаками прибывалъ на помочь, але онъ, за пянствомъ, не поспѣшалъ; видячи теды козаки городовые отзяблость его, безъ вѣдома его, послали на Запороже, даючи знати о гетманской на королевские писма недбалости; почувши тое запорожцѣ, выйшли заразъ всѣ, (зоставивши двѣ тисячи козаковъ на Запорожьѣ), маючи собѣ вожемъ Сагайдачного, а пришедши до Межибожя, обачили непорадки его войсковой справѣ, казалъ Сагайдачный Бородавцѣ пяному шию втяти; тамъ же козаки Сагайдачного учинили гетманомъ и заразъ яко на рихлѣй Сагайдачный пошолъ зъ войскомъ козацкимъ до кролевича подъ Хотѣнъ, а пришедши въ ночи подъ войско турецкое, поймалъ полную всю сторожу ихъ, а справивши войско свое на двѣ части, ударилъ на войско турецкое о

Библиотека "Руниверс"

полночи, а положивши турковъ трупами тисечей пятдесятъ три, пробилъся до кролевича, палъ предъ нимъ на землю, витаючи его. Владиславъ, миле принявши, дяковалъ ему за таковую отвагу и, ударовавши его самого и все его войско, казалъ отпочинути дни два. А турки заразъ будучи престрашоны не помалу, оставивши поляковъ, станули въ едной купѣ обозомъ своимъ, але Сагайдачный съ козаками промысломъ своимъ рвалъ въ ночи турковъ, забиваючи ихъ, и живцемъ беручи. А потимъ цесаръ, мало що войска своего турецкого маючи при собѣ, оттягнулъ зъ ганбою пречъ, бо почулъ, же король Жигмонтъ споды Львова, зъ войскомъ чужоземнимъ и посполитымъ рушенемъ, мѣлъ тягнути до сына своего, подъ Хотѣнъ.

1626. Переяславщина была, то есть война за Конецполского, гетмана великого коронного полского, а за Тараса, гетмана козацкого.

1630. Іовъ Борецкий, митрополитъ киевский благочестивый, преставилъся.

1631. Исаия Копинский обранъ на митрополию киевскую, а на той часъ Петръ Могила былъ архимандритомъ печерскимъ киевскимъ и ѣхалъ въ справахъ пилнихъ до кроля, до Варшавы, и просилъ его Копинскій, абы ему привилей привезъ одъ кроля, на митрополію киевскую; але Могила помылився, не ему да ссбѣ выправилъ привилей на митрополию тую жъ, и правилъ церковъ Божию зъ великимъ прилежаниемъ, боронячи еѣ отъ ляховъ и унѣятовъ, маючи по собѣ кроля Владислава.

1632. Владиславъ, кролевичъ полскій, взялъ отъ Москвы Смоленскъ, Москву збилъ, а гетмана ихъ Шеина волно до Москвы пустилъ.

Того жъ року, въ Лубнахъ, мужикъ одинъ назвался царикомъ и зобралося до него много голоты, а gды ляхи того цара поймали, гултайство его, еднихъ постинали, а иншие поутѣкали, а самого того цара, набивши гармату великую, вложили его въ неи и выстрелили на воду, и тамъ утонулъ.

Того часу, Копинскій зъѣхалъ зъ Кіева зовсѣмъ, мешкалъ въ монастыру лубенскомъ, строячи его, который зовется Мгаръ.

Того жъ року, Моцарский добувалъ Нѣжина, але его не взялъ.

Библиотека "Руниверс"

1634. Жигмонтъ, кроль полский, померъ, а Владислава, сына его, по погребѣ, въ Краковѣ короновано на кролевство полское.

Того жъ року, зимою по Рожествѣ Христовомъ, громъ великий гримѣлъ и перуны били.

1637. Кумейщина была за Павлюка, гетмана козацкого, которого ляхи збили, а Павлюка въ Боровици поймали. Тогды жъ Кизиму сотника и сына его въ Киевѣ на палъ збили, а Павлюка у Варшавѣ стято; и одъ того часу великая неприязнь козаковъ зъ ляхами всщалася.

1638. Остранинъ нѣякий подъ Лубнами войско зобралъ, а ляхи, учувши тое, заразъ ишли на него, а онъ предъ ними пошолъ въ степы, а ляхи гонилися за нимъ; онъ обернувшися, далъ имъ битву, на рѣчцѣ названной Старецъ, и много тамъ ляховъ пало трупомъ, мало ихъ що утекло, а повернувши ляхи до дому, въ городахъ, якихъ хотѣли, козаковъ брали и на паль збивали, изъ своихъ маетностей козаковъ выгонячи, великое надъ ними посмѣвиско чинили.

1645. Владиславъ, кроль полский, померъ.

Того жъ року Могила митрополитъ померъ, а по немъ зосталъ митрополитомъ Силвестръ Косовъ.

1648. Богданъ Хмелницкій на Запорожю повсталъ, и тамъ що было въ Сѣчи ляховъ, нѣмцовъ, всѣхъ выкололи козаки, а съ татарами Хмелницкій взялъ примире. Учувши тое, ляхи послали Потоцкого молодого, сына гетманского, зъ войскомъ, на Запороже, а Хмелницкий съ козаками и ордою стрѣтилъ ихъ на Жовтыхъ Водахъ, о родопостю великомъ, и осадилъ ихъ, и знеслъ войско лядское все, а комисара и каштеляна живцемъ узяли и татарамъ отдано. А потымъ пошолъ Хмелницкий въ городы, и пришолъ подъ Корсунь, а тамъ ляхи зъ Потоцкимъ, гетманомъ великимъ короннымъ, и съ полнимъ гетманомъ Калиновскимъ, учинили битву съ Хмелницкимъ и збилъ ляховъ, мая 24 дня, о святахъ зеленыхъ, а гетмановъ обудвухъ лядскихъ отдалъ живцемъ солтанови татарскому Тугай-беови.

1649. Поляки, зобравшися знову, пли на городы козацкие и пришли подъ Пиляву; Хмелницкий съ козаками и ордою стрѣтилъ

Библиотека "Руниверс"

ихъ, и тамъ обои войска станули, козацкие и лядские; тамже день и другий пылно герцы межи собою одправовали; а въ тымъ орда вся пришла до Хмелницкого и заразъ ляхи зъ великою гордостю звели битву съ Хмелницкимъ, але ихъ Хмелницкий зломалъ и розбилъ войско ихъ, а ляхи, утѣкаючи, заперлися въ Збаражю; тамъ ихъ Хмелницкий стиснулъ облеженемъ, где великий голодъ ляхи терпѣли, ѣли коняѣ и псы свои коханыи; а кроль Казимиръ самъ съ посполитымъ рушенемъ ишолъ ляхомъ на отсѣчъ; почувши тое, Хмелницкий взялъ половину войска козацкого, мѣлъ повтораста тисячий [1]), а орды осмдесять тисячий, также и орды половину, стрѣтилъ короля подъ Зборовомъ, до которого заразъ ляхи зъ великимъ пудомъ скочили, але онъ ихъ тамъ много побилъ и облеглъ. Потимъ кроль Казимиръ просилъ Хмелницкого до себе, давши козакомъ семи сенаторовъ въ заставу за Хмелницкого; а Хмелницкий приѣхалъ у сту коней до обозу полского, нарадно, бучно, збройно; а пришедши предъ кроля, палъ предъ нимъ на землю, а потомъ, gды за росказанемъ кролевскимъ подведено его, мовилъ ему кроль: если то годится такъ сынови коронному, тобѣ, пане Хмелницкий, на пана своего руку подносити и воевати на него?—А Хмелницкий отказалъ, плачучи: я на кроля, пана моего милостивого, руки не подношу, только на его сенаторовъ, которые и на святой памяти кроля Владислава, рожоного вашой королевской милости, пана моего милостивого, недбаючи напомнене, такъ мнѣ самому, яко и всему народови малоросийскому несносные и невымовные чинили кривды, а теперь, чого не дай Боже, gды бы насъ зламали, не зоставили бы и наслѣдку русского! А такъ, найяснѣйший, милостивый пане, будемъ боронитися, поки насъ станетъ, абы въ наши козацкие города а ни заглянули. Я й теперъ, найяснѣйший пане мой милостивый, учинити готовъ все, що ти кажешъ, а зъ ляхами буду битися! И плакалъ кроль самъ, сенаторове и Хмелницкий велми часъ не малый; потомъ Хмелницкий палъ знову предъ кролемъ плачучи, просилъ прощения и лежалъ, облапивши ноги кролевские, а кроль казалъ

[1]) Приписка сбоку: всего войска 230000.

Библиотека "Руниверс"

его подвести и, давши ему руку свою поцѣловати, просилъ, абы зъ облеженя выпустилъ войско полское зъ Збаража. И такъ пріѣхавши Хмелницкий до обозу своего, и заставныхъ сенаторовъ казалъ до кроля одпровадити, а самъ зъ войскомъ своимъ пріѣхавши подъ Збаражъ до другого войска съвоего, просилъ до обозу своего гетмановъ полскихъ и иншихъ пановъ на учту, а участовавши оныхъ, далъ сорокъ возовъ лидоминъ вшелякихъ войску лядскому; и одступилъ отъ Зборова отъ ляховъ, пошолъ въ городы свои, а кроль Казимиръ отишолъ зо всѣмъ войскомъ до Полщи.

1650. Адамъ Кисель воеводою зосталъ киевскимъ. панъ благочестивый; того козаки любили велми.

1651. Ляхи подъ Берестечкомъ малымъ, Хмельницкого войско збили [1]); а такъ, покинувши козаковъ и таборъ весь, мусѣлъ утѣкати; также и орда утѣкала, а козаки также, где хто моглъ утѣкати, тамъ утѣкали; и велми ихъ тамъ погинуло много на болотахъ, и на переправахъ отъ ляховъ побито, бо ляхи за Хмельницкимъ ишли въ тропы ажъ до Бѣлой Церкви, города козацкого. А Хмельницкій знову, зобравши войско и зъ ордою, ишолъ противко ляховъ; а ляхи, впавши въ Бѣлую Церковъ, замкнулися въ нёй; а Хмельницкій тамъ ихъ облеглъ. А Янушъ Радивилъ, гетманъ литовский, и Еремиашъ Вишневецкий, зъ другими войсками, ишли на Вкраину; а гды до Паволочи пришли, тамъ Вишневецкий померъ и вернулися всѣ коронные жолнѣре до Полщи, взявши зъ собою тѣло Вишневецкого. А Радивилъ зъ Литвою пришолъ до Киева, и где моглъ чути въ кого скарбы, то побралъ ихъ. А въ Киевѣ на той часъ былъ митрополитомъ Силвестеръ Косовъ, и много подавалъ Радивилу скарбу, и въ монастыру Печерскомъ бралъ, що самъ хотѣлъ; а потомъ вернулся до Литвы. А тые що были ляхи въ Бѣлой Церкви въ облеженю, просили Хмелницкого о милосердие; и пустилъ ихъ въ цѣлости до дому; а gды выходили

[1]) Приписка сбоку: по той причины, что помогавшіе ему бездѣльники татаре изменили и, войска Хмельницкого оставивъ, убѣжали. Верно отъ полковъ были подкуплены.

Библиотека "Руниверс"

зъ мѣста, казалъ Хмелницкий на ихъ ганбу трубити въ тые трубы, що мисливци собакъ скликаютъ, а было тыхъ трубокъ триста.

1652. Великий былъ моръ по всей Украинѣ, и велми много померло людей свѣцкихъ и духовныхъ.

1653. Богданъ Хмелницкий поддался зо всею Украиною и воискомъ запорозскимъ, и присягалъ въ Переяславлю Алексею Михаиловичу, цару московскому.

1654. Ляхи зимою доставали Уманя, а Хмелницкий съ козаками и зъ москалями, надъ которыми гетманомъ былъ Борисъ Васильевичъ Шереметъ, ишли на одсѣчъ Уманю. Довѣдавшися того ляхи, же Хмелницкій зъ Москвою и козаками идетъ до Уманя, оставивши Умань, стрѣтили Хмелницкого въ степу, такомъ мѣстцу, где не было ни воды, ни дровъ, ни сѣна, и тамъ его, маючи при собѣ татаръ, осадили, а морозы велми были великие, (тое чинилося по Крещении), и такъ три дни будучи въ облеженю, где ни козаки, ни москалѣ, ни кони ихъ ничого ни ѣли, ни пили, а дня четвертого обозъ свой Хмелницкий оточивши вкругъ гарматами, бо вже не моглъ болшъ вытрвати голоду и зимна, пошолъ на проломъ, стрѣляючи зъ дѣлъ и ручнои стрелбы безъ престанку; а пробившися на волю, бо не могли ему що ляхи учинити, обернулъся на ляховъ и на орду и много ихъ побилъ и ажъ до Букувъ мѣста и за Буки гонилъ ихъ. А тую войну козаки прозвали Дрижиполемъ, бо ни одинъ козакъ и москаль дрижачи сконалъ.

Того жъ року, августа дня 4, въ среду, солнце все затмилося на годинъ двѣ была ночь о полудню, и звѣзды было видати на небѣ.

1655. Алексѣй Михайловичъ, царъ московский, воевалъ Литву и взялъ мѣсто столечное литовское, Вилно.

Того жъ году ходилъ Хмелницкий подъ Каменецъ Подолский, а постоявши подъ нимъ, одступилъ и пошолъ подъ Львовъ; а зъ нимъ Василий Василиевичъ Бутурлинъ, зъ Москвою; пришедши подъ Львовъ, хотѣлъ его добывати, але львовяне окупилися ему; онъ, взявши окупъ, хотѣлъ ити въ Полщу далей, але же зима наступила, вернулся до

Библиотека "Руниверс"

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Грынцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографія» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Стешовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. В., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лищенка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Типинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. п. 60 к.

— Анна-Алоиза. княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Ист. Общ. Н. Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За пер. прилагается 25 к. Кн. 3 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины".

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго, рода украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель К. М. Гамалѣй. За редактора Е. Кивлицкій.

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАЙ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXIX. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Посольство Шанковитаго къ Мазепѣ въ 1688 г. А. А. Востокова. (1—226)

II. Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. Часть вторая. Степной женихъ. I—III. О. П. Роговой. (227-254)

III. Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ. В. З. Завитневичъ. (255—262).

IV. Очеркъ коліевщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ гг. П. Л. Н. Шульгина. (255—306).

V. Милліонеръ. Картинка изъ галицкой жизни. Мирона. (307—326).

VI Культурныя переживанія. Проф. П. О. Сумцова. (327—341).

VII. Отъ Случи до Буга. Путевыя замѣтки Эд. Хлопицкаго. (Съ польскаго). П. М. (342—363).

VIII. Документы, извѣстія и замѣтки. Два письма А. И. Чепы. собирателя к. XVIII в, письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи. А. Л. Политическая сатира XVIII в. П. К—а. Рѣчь произнесенная малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ княземъ Н. Г. Рѣпнинымъ при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Черниговѣ. 25 сентября 1823 года. Пасхальныя вирши въ спискѣ XVIII ст. Сообщилъ О. Л. Евреи-козаки въ нач. XVII в. Къ вопросу о южно-русской колонизаціи. В. П. Сторожева. По поводу библіографической замѣтки г. С. А.—ва о соч. Фр. Ленормана: „Руководство къ древней исторіи Востока" П. М. Клаванина (364—383).

IX. Библіографія. 1) Архивъ Юго-западной Россіи. 2) Стороженко Н. В. Западно-русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. Вл. Новицкаго. Józef Tretiak, Historya wojny Chocimskiej 1621 r. П. М. Полное собраніе русскихъ лѣтописей. т. XVI. П. Г. Tadeusz Sternal, Oblężenie Kamieńca w powieści i historyi. Studyum historyczno-literackie. П. М. И. Палимпсестовъ Степи юга Россіи были-ли искони вѣковъ степями и возможно-ли облѣсить ихъ. (384—397).

ПРИЛОЖЕНІЯ: Черниг. лѣтоп. по новому списку.

КІЕВЪ.

Типографія Р. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Библиотека "Руниверс"

Світопечать С. В. Кульженко.

Григорій Андреевичъ Стороженко

Сотникъ Ичанскій 1715—1737 г.

Библиотека "Руниверс"

ПОСОЛЬСТВО ШАКЛОВИТАГО КЪ МАЗЕПѢ ВЪ 1688 Г.

Наши лучшіе историки, какъ Устряловъ [1]), Соловьевъ [2]), Костомаровъ [3]), разсказывая о приготовленіяхъ ко второму крымскому походу, вскользь упоминаютъ о посольствѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1688 г. думнаго дворянина Шакловитаго къ гетману Малороссіи, при чемъ, основываясь на записи дневника П. Гордона подъ 8-мъ числомъ ноября 1688 г., единогласно утверждаютъ, что, подъ предлогомъ совѣщанія о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ, Шакловитый долженъ былъ развѣдать тайно, до какой степени можно было положиться на козаковъ и на самого Мазепу.

Трудно согласиться съ такимъ положеніемъ. Думный дворянинъ Ѳ. Шакловитый, облеченный полнымъ довѣріемъ правительницы Софіи и ея преданнаго друга, князя В. В. Голицына, представлялъ собою слишкомъ крупную величину, чтобы хоть одинъ шагъ его могъ укрыться отъ взоровъ хитраго и умнаго Мазепы; гдѣ же было ему заниматься шпіонствомъ? Другое лицо, сопровождавшее Шакловитаго, розрядный дьякъ Любимъ Домнинъ, вскорѣ пожалованный въ думные дьяки, тоже былъ слишкомъ замѣтенъ, чтобы Мазепа не приказалъ слѣдить за каждымъ его движеніемъ. Остальная свита Шакловитаго, какъ это будетъ видно впослѣдствіи, тоже не представляла элементовъ для шпіонства. Да и зачѣмъ было московскому правитель-

[1]) Устряловъ. Ист. царств. Петра В., т. I, стр. 216.

[2]) Соловьевъ. Ист. Рос. т. XIV.

[3]) Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы.

Библиотека "Руниверс"

ству посылать такихъ видныхъ лицъ для развѣдыванія, когда оно чрезъ своихъ воеводъ, а еще болѣе чрезъ недовольныхъ новымъ гетманомъ малороссіянъ, имѣло постоянныя и самыя точныя свѣдѣнія о всѣхъ сношеніяхъ Мазепы. Достаточно вспомнить о той массѣ доносовъ на гетмана, какая появилась тотчасъ послѣ выбора его, чтобы судить, какъ много было у него враговъ, во всякій моментъ готовыхъ въ чемъ нибудь поймать его. Статейный списокъ посольства Шакловитаго, открытый мною въ столбцахъ Сибирскаго приказа[1]), даетъ нѣсколько иное понятіе объ этомъ посольствѣ. Несомнѣнно, цѣлью посольства было уговориться какъ о приготовленіяхъ къ походу, такъ и объ участіи малороссіянъ въ походѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о нѣкоторыхъ иныхъ вопросахъ текущей политики. Къ сожалѣнію, статейный списокъ не совсѣмъ полонъ, но и тѣ свѣдѣнія, которыя въ немъ имѣются, представляютъ значительный историческій интересъ, особенно въ виду отсутствія всякихъ свѣдѣній въ исторической литературѣ объ этомъ посольствѣ; при томъ списокъ этотъ подлинный, доказательствомъ чего служитъ съ одной стороны скрѣпа по склейкамъ дьяка Любима Домнина, а съ другой — записанный на немъ приговоръ боярской думы по поводу этого доклада.

1688 г. сентября въ 25 д. великіе государи указали думному дворянину и намѣстнику болховскому Ѳедору Леонтьевичу Шакловитому да розрядному дьяку Любиму Домнину ѣхать для своихъ государевыхъ дѣлъ и съ милостивымъ словомъ къ гетману Ивану Степановичу Мазепѣ; а съ нимъ во дворянахъ—стряпчіе: Никита Епифановъ да Иванъ Евсевьевъ Бехтѣевы, да изъ дворянъ Михаилъ Селиверстовъ Гульскій, жилецъ Иванъ Климовъ Судейкинъ, капитанъ Василій Сапоговъ, да для письма подъячіе: государственнаго посольскаго приказа Василій Айтемиревъ, розряднаго—Ѳедоръ Остафьевъ и стрѣлецкаго—Агапъ Петровъ и Ѳедотъ Семеновъ. Посолъ съ дворянами былъ у руки у Іоанна Алексѣевича и царевны Софіи 30-го сентября, а у Петра Алексѣевича въ Преображенскомъ октября въ 1-й д.,

[1]) Московскій архивъ М-ва Юстиціи. Столбецъ Сибирскаго пр. № 7214.

Библиотека "Руниверс"

выѣхалъ изъ Москвы 2-го октября и ѣхалъ на Калугу, Лихвинъ, Бѣлевъ, Болховъ, Карачевъ, Сѣвскъ, куда прибылъ 10 числа, а 11-го поѣхалъ къ Глухову. Не доѣзжая двадцати пяти верстъ до Глухова, его встрѣтилъ по гетманской присылкѣ глуховской сотникъ Кондратій Гридякинъ съ двумя стами козаковъ и ѣхалъ за нимъ до Глухова; въ пяти верстахъ отъ Глухова встрѣтили глуховская старшина: бывшій нѣжинскій полковникъ Яковъ Жураховскій да бывшій глуховскій сотникъ Василій Елоцкой и городовые атаманъ, войтъ и другіе знатные люди; за три версты отъ Глухова встрѣтилъ посла генеральный ясаулъ Андрей Гамалѣй съ письмомъ отъ гетмана, что онъ ожидаетъ посла съ великой радостью. Изъ Глухова въ тотъ же день поѣхали къ Королевцу, гдѣ встрѣтилъ его и провожалъ кролевецкій сотникъ Иванъ Маковскій съ сотнею; изъ Кролевца къ Батурину посолъ поѣхалъ 13 октября. За пятнадцать верстъ отъ Батурина посла встрѣтили стольники и полковники Борисъ Дементьевъ да Аѳанасій Чубаровъ, да полуполковникъ Борисъ Батуринъ; за десять верстъ, въ селѣ Ксендзовкѣ, встрѣтилъ его сердюцкой полковникъ Ерема съ батуринской сотнею и провожалъ до Батурина, а кролевецкій сотникъ вернулся домой; черезъ три версты явились: генеральный ясаулъ Войца Сербинъ, бунчужный Яковъ Лизогубъ и знатные войсковые товарищи: Ломиковской, Лысенко, Чеченъ, Лисица и другіе; за три версты отъ Батурина привѣтствовали посла: племянникъ гетмана Янъ Обидовскій, генеральный хорунжій Михаилъ Миклашевскій и войсковые товарищи; у рѣки Семи встрѣтили ихъ генеральный судья Савва Прокоповичъ, генеральный писарь Василій Кочубей и знатные войсковые товарищи. На другомъ берегу Семи, у самаго перевоза, дожидался посла гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа [1]). Гетманъ, поздоровавшись съ посломъ, просилъ его и дьяка Домнина сѣсть въ его карету, въ которой и доѣхали до постоялаго двора; гетманъ сидѣлъ по лѣвую сторону посла. По обѣ

[1]) Здѣсь въ документахъ пропускъ; изъ отрывковъ видно, что гетманъ говорилъ рѣчь о счастьи видѣть царскаго посла, въ чемъ онъ видитъ превеликую милость.

Библиотека "Руниверс"

стороны улицы, гдѣ двигалась гетманская карета, до постоялаго двора стояли стрѣльцы съ ружьемъ, съ знаменами и барабанами ратнымъ строемъ.

На другой день посолъ являлся къ гетману. За нимъ была прислана гетманская карета съ ясауломъ Гамалѣемъ; въ каретѣ помѣстились Шакловитый, дьякъ Домнинъ, передъ ними Гамалѣй и подъячій Айтемиревъ съ грамотою государственнаго посольскаго приказа. Обыкновенно такую грамоту подъячій везъ верхомъ на лошади передъ каретой посла, но на сей разъ былъ дождь очень сильный, грамота могла размокнуть. Передъ каретою ѣхали подъячіе и дворяне, по бокамъ шли московскіе стрѣльцы съ завѣсными пищалями, а сзади посольская прислуга. По прибытіи на гетманскій дворъ, посла встрѣтилъ у кареты гетманъ со старшиною и всѣ пошли въ хоромы. Войдя въ хоромы, посолъ отъ имени государей спросилъ гетмана „о здоровьѣ“ и сказалъ ему великихъ государей „милостивое слово“ по опредѣленной формѣ; въ отвѣтъ гетманъ билъ челомъ и кланялся до земли. Послѣ того гетманъ спрашивалъ посла „о здоровьѣ“ великихъ государей, „како всемогущій Творецъ Господь-Богъ ихъ царское пресвѣтлое величество во здравіи сохраняетъ“, на что посолъ отвѣчалъ, что „ихъ царское величество на своихъ великихъ и преславныхъ престолѣхъ россійскаго царствія, милостію всемогущаго Бога, въ добромъ здоровьѣ“. Дьякъ Любимъ Домнинъ объявилъ гетману „милостивое слово“ великихъ государей за его службу, а посолъ передалъ ему грамоту; принявши грамоту, гетманъ „поцѣловалъ въ печать“ и отдалъ ее писарю Василію Кочубею. Посолъ спросилъ „о здоровьѣ“ генеральную старшину „и генеральная старшина били челомъ за государскую милость и благодарствовали такъ же, какъ и гетманъ“. Посолъ объявилъ гетману „жалованье, съ дворцовъ посылку: арбузы, виноградъ, рыбу; и гетманъ за ихъ государскую милость билъ челомъ со благодарствіемъ“. Когда Кочубеемъ была прочитана государева грамота, гетманъ билъ челомъ за государскую милость, чѣмъ и закончилась церемонія: гетманъ сталъ здороваться съ посломъ и его свитой, затѣмъ всѣ усѣлись на скамьи и началась обыкновенная бесѣда. Немного спустя гетманъ съ посломъ

Библиотека "Руниверс"

поѣхали къ обѣднѣ въ церковь Николая Чудотворца, а оттуда вернулись къ гетману на обѣдъ; когда гетманъ пилъ „про здоровье великихъ государей“, на дворѣ палили изъ двадцати шести пушекъ. Послѣ обѣда всѣ разъѣхались по домамъ.

На другой день посолъ съ дьякомъ Домнинымъ безъ всякихъ церемоній бесѣдовали съ гетманомъ „объ ихъ великихъ государей дѣлѣхъ по наказу и *сверхъ наказу, по именному ихъ великихъ государей указу*“. Переговоры велись по пунктамъ, коихъ и мы будемъ придерживаться.

I) Въ нынѣшнемъ 197 г. сентября въ 13 д. (1688 г.) къ великимъ государямъ писали [1]) цареградскій прежде бывшій патріархъ Діонисій да архіепископъ сербскій Энектій, нареченный патріархъ, и мултянскій господарь Шербанъ Аѳонской горы съ архимандритомъ Павловскаго монастыря Исаіемъ, и самъ Исаія объявилъ, что послали его въ Москву настоящій цареградскій патріархъ Іаковъ да преждебывшій патріархъ Діонисій, и все духовенство и весь православно-христіанскій народъ, находящійся подъ игомъ басурманскимъ, и архіепископъ сербскій Энектій, нареченный патріархъ, и мултянскій господарь Шербанъ, и всѣ сербы, и болгары, и волохи и мултяне бить челомъ великимъ государямъ о своемъ избавленіи отъ ига басурманскаго, такъ какъ теперь пришло самое время къ ихъ освобожденію. Турское государство приходитъ къ самой конечной погибели какъ отъ войскъ христіанскихъ, такъ и отъ междоусобія и удобнѣйшаго времени противъ турокъ стоять и ихъ до конца изгубить, а православныхъ христіанъ изъ-подъ ихъ неволи высвободить, за тысячу лѣтъ не бывало. А они, православные христіане, „въ той ихъ погибели“ всѣ разорены, разграблены, побиты и въ плѣнъ взяты. Случилось это такимъ образомъ: въ прошлые годы и въ нынѣшнемъ, не имѣя возможности выдержать наступленія цесарскихъ и венецкихъ силъ, турки, отступая, христіанъ греческой, ромельской, морейской, сербской и болгарской земель, больше трехъ сотъ тысячъ, предали огню и мечу, а малолѣт-

[1]) Хотя эта грамота и напечатана въ „Собраніи Грамотъ и Договоровъ“, тѣмъ не менѣе изложеніе ея здѣсь представляется необходимымъ, для яснаго пониманія отвѣта на эту рѣчь гетмана Мазепы.

Библиотека "Руниверс"

нихъ и женщинъ несчетное множество, взявъ въ неволю, сняли за море: въ Анатолію, въ Азію и въ Египетъ; города же, монастыри и церкви, а равно и всѣ жилища разорили и пожгли. Такая ужасная расправа съ христіанскими народами учинена турками во первыхъ потому, чтобы всѣ подвластные имъ христіане не соединились съ непріятельскими войсками и не возстали противъ ихъ, а во вторыхъ—чтобы непріятельскимъ войскамъ нечѣмъ было покорыстоваться. Тоже самое они намѣрены сдѣлать съ христіанами, проживающими въ Цареградѣ, на Аѳонской горѣ и въ другихъ мѣстахъ, какъ только будутъ приближаться непріятельскія войска, а сами затѣмъ уйдутъ за море, откуда пришли.

Къ просьбѣ объ избавленіи отъ бусурманскаго ига, всѣ христіане просятъ избавить и отъ другой бѣды: если ихъ освободятъ отъ турецкаго ига цесарскія и венеціанскія войска, то они, православные христіане, изъ неволи басурманской попадутъ „въ пущую и горшую неволю“, во власть *папежниковъ*, которые, какъ только были завоеваны въ венгерскомъ королевствѣ и въ Мореѣ нѣсколько городовъ, тотчасъ церкви Божіи греческаго закона обратили въ костелы, а народъ—въ унію. Несомнѣнно, что если папежники завоюютъ ихъ земли, то вѣра православная греческая вся погибнетъ и искоренится, и „горшая имъ будетъ бѣда послѣдняя, нежели первая“, потому что подъ игомъ турецкимъ хотя и тяжело жить, однако относительно вѣры никакихъ притѣсненій и принужденій нѣтъ. Вслѣдствіе того они и обращаются съ просьбой объ избавленіи ихъ отъ турецкаго ига именно къ православнымъ государямъ, что они всѣ искони были подчинены православнымъ государямъ и языкъ и вѣра у нихъ одна. Да и турки, которые живутъ между ними, имъ, великимъ государямъ, легче поддадутся, нежели нѣмцамъ, такъ всѣ они рождены отъ сербовъ, болгаръ и иныхъ греческихъ народовъ.

Архимандритъ же Исаія доносилъ: приказалъ мултянской господарь Шербанъ черезъ ближнихъ людей бить челомъ великимъ государемъ объ избавленіи христіанъ, подъ игомъ бусурманскимъ стенящихъ, а для того послать войско Дунаемъ на

Библиотека "Руниверс"

судахъ въ бѣлогородскую орду на Буджаки, а онъ, Шербанъ встрѣтитъ царскія войска съ 70,000 своего войска; для задержанія же крымскихъ татаръ оставитъ часть войска на Запорогахъ. Въ тѣхъ странахъ воды много и въ запасахъ скудости не будетъ. Мултянская земля вся лежитъ по Дунаю, близко отъ Буджаковъ, и запасовъ въ ней имѣется достаточно. Когда царскія войска приближутся къ Бѣлогородчинѣ и онъ, господарь, пойдетъ съ своими ратями на соединеніе съ ними, тогда всѣ сербы, болгары и волохи пристанутъ къ нимъ, „и будетъ путь до Царяграда безъ помѣшки“, такъ какъ жилищъ бусурманскихъ въ этихъ странахъ нѣтъ, живутъ все христіане, и крѣпостей до самаго Царьграда нѣтъ же. Словомъ, путь этотъ будетъ для царскихъ войскъ самый удобный, вездѣ ихъ ожидаютъ христіане, готовые немедленно возстать противъ турокъ, и на помощь царскимъ войскамъ сразу же явится 300,000 сербовъ и болгаръ. Въ настоящее время мултянской господарь находится въ своемъ городѣ Букурештѣ и войско его все въ сборѣ, а никому не помогаетъ, ни туркамъ, ни цесарю, а остерегаетъ свое владѣніе. Волохи почти всѣ находятся при мултянскомъ господарѣ.

Великіе государи продолжалъ докладывать Шакловитый, вняли просьбѣ христіанъ, стенящихъ подъ бусурманскимъ игомъ, и указали своихъ великороссійскихъ и малороссійскихъ многихъ войскъ генеральный походъ, о чемъ онъ, гетманъ, былъ извѣщенъ ротмистромъ Лызловымъ. Но при выборѣ пункта похода является сомнѣніе: можно ли вѣрить всему тому, что мултянскій господарь писалъ въ своей челобитной и словесно доносилъ архимандритъ Исаія? И если можно вѣрить, то „какъ съ ними въ томъ поступать, и гдѣ въ тѣ вышепомянутыя призываемыя мѣста дорога належитъ? И всѣмъ ли та дорога какъ водою, такъ и кормомъ изобильна?“ Объ этомъ великіе государи указали ему, гетману, „помыслить и ознаймить“, такъ какъ въ малороссійскихъ городахъ есть такіе люди, которые тѣ мѣста знаютъ и могутъ дать подробныя свѣдѣнія. Затѣмъ гетманъ, посовѣтовавшись съ старшиною, долженъ высказать свое мнѣніе: быть ли тому великому походу на Буджаки, согласно просьбѣ мултянскаго господаря, или всѣми силами бро-

Библиотека "Руниверс"

ситься на Крымъ прямо, и прежнею ли дорогою, или иною, и что съ гетманомъ его регименту полковъ будетъ? Или, пришедъ къ Крыму и оставивши немалую часть рати въ Запорогахъ, остальныя рати послать къ мултянскому господарю? Или о томъ переслаться съ королемъ польскимъ и идти на Буджаки вмѣстѣ съ поляками? А если не такъ поступить, то невозможно ли соединиться съ мултянскимъ господаремъ, минуя бѣлогородскую орду, и уже по соединеніи вмѣстѣ напасть на Буджаки, или идти на Крымъ, *покорить его*, и тогда уже чинить промыслъ на Буджаки?

Гетманъ, поблагодаривши за обращеніе къ нему за совѣтомъ и посовѣтовавшись со старшиною, отвѣчалъ: „вышепомянутое обѣщаніе и обнадеживаніе мултянскаго господаря, какъ писано въ листу его и словесно въ посольскомъ приказѣ доносилъ архимандритъ Исаія, статься не можетъ. Во первыхъ, святѣйшій Іаковъ патріархъ, который подписался настоящимъ константинопольскимъ патріархомъ, нынѣ уже отставленъ, а на его мѣстѣ иной въ Константинополѣ патріаршествуетъ. Потомъ, удобнаго и свободнаго пути къ тѣмъ мѣстамъ отъ малороссійскаго краю нѣтъ; если государевымъ ратямъ идти Днѣпромъ въ море, а оттуда Дунаемъ, тому воспрепятствуютъ турецкіе городки, которые устроены на Днѣпрѣ; если и тѣ городки обойти, и идти съ моря Дунаемъ вверхъ, то путь этотъ труденъ, медленъ и небезопасенъ; а если идти на рѣку Бугъ, то до Буга ратнымъ людямъ сухимъ путемъ идти свободно, потому что вода и конскіе корма есть, а отъ Буга, если идти водянымъ путемъ, то привезти туда струги нѣтъ возможности, а если на самой рѣкѣ дѣлать струги, и это невозможно, потому что воинскимъ людямъ тягость: или имъ къ войнѣ готовиться и идти, или около струговъ возиться и, утомившись этой работой, идти на непріятеля, который тѣмъ временемъ найдетъ случай разстроить весь походъ; а если идти отъ р. Буга сухимъ путемъ, та дорога весьма трудна, длинна, безлѣсна, безводна, о чемъ онъ, гетманъ, самъ хорошо знаетъ, такъ какъ не разъ бывалъ въ тѣхъ краяхъ. Но если такъ или иначе трудность пути будетъ преодолѣна, надо вспомнить и о томъ, что такое этотъ врагъ—

Библиотека "Руниверс"

бѣлогородская орда. Орда эта отличается многолюдствомъ, въ чемъ превосходитъ даже и Крымъ, къ войнѣ весьма звычайна, а хлѣбомъ, скотомъ и инымъ богатствомъ далеко выше Крыма, такъ что многіе крымцы переселились туда; такъ что если на Буджаки будетъ послано ратей не особенно большое число, то такая посылка не только не учинитъ помощи Шербану и всему христіанству, но и самимъ какъ вернуться домой, Богъ вѣсть! Недавно туда ходилъ польскій король, такъ едва, съ великою нуждою и съ большимъ урономъ, вернулся домой. Если же послать рати многія, то слѣдуетъ опасаться хана крымскаго: какъ только онъ услышитъ о походѣ царскихъ войскъ на Буджаки, тотчасъ же со всѣми своими бусурманскими силами бросится на Украйну, и не имѣя никакого опасенія отъ царскихъ войскъ и помѣшки, какъ Украйну всю, такъ и царство польское разоритъ.

Въ частности, что касается мултянскаго владѣтеля Шербана, гетманъ имѣетъ о немъ извѣстіе, что онъ, или по желанію, или по принужденію, уже поддался цесарскому величеству, въ доказательство чего онъ въ Букарештѣ и въ другихъ городахъ турокъ вырубилъ; а потому помогать ему, оборонять цесарскаго величества подданнаго отъ турецкаго султана, уже неприлично. А если, несмотря на его подданство цесарю, царскія рати помогутъ ему освободиться отъ турокъ, чтобы вступить подъ самодержавную руку великихъ государей, и то будетъ явное нарушеніе договора съ цесаремъ, за чтобъ, вмѣсто турка, „не уросла бъ война“ съ его цесарскимъ величествомъ. Да и то думаетъ онъ, что тотъ Шербанъ, происходя отъ греческихъ цесарей Кантакузеновъ, проситъ помощи у великихъ государей не только для избавленія своего отъ турецкаго ига, но желаетъ тою помощію достать себѣ по наслѣдію греческое цесарство. А чтобъ Шербанъ былъ на милость великихъ государей надеженъ, я писалъ къ нему два листа: въ первомъ съ Самары,—что окольничій и намѣстникъ карачевской Леонтій Романовичъ Неплюевъ и я обрѣтаемся въ трудахъ воинскихъ и построили для страха непріятельскаго и для лучшаго надъ Крымомъ промыслу крѣпкую фортецію; во второмъ—о генеральномъ походѣ на

Библиотека "Руниверс"

Крымъ многочисленныхъ войскъ ихъ царскаго величества, при которыхъ и я буду находиться съ многочисленнымъ уборомъ, отчего, при помощи Божіей, силы бусурманскія упадутъ, а ему, Шербану, будетъ оттого помочь и свобода, и чтобы онъ на милость ихъ царскаго величества надѣялся и былъ постоянъ и не отмѣненъ.

А для подлинныхъ и вѣрныхъ вѣдомостей послалъ онъ, гетманъ, какъ къ Шербану, такъ и въ самый Царьгородъ надежныхъ людей. Въ настоящее же время изъ разныхъ мѣстъ и отъ взятыхъ языковъ онъ имѣетъ слѣдующія свѣдѣнія: турецкій султанъ разослалъ листы по всему своему государству и въ Крымъ, будто онъ получилъ отъ Магометова гроба пророчество, что ему опять будетъ счастье на христіанъ. Да недавно взятъ былъ крымцами въ плѣнъ донской козакъ, и въ Крыму всѣмъ разсказывалъ, что городъ на Самарѣ построенъ для того, что ихъ царское величество въ будущую весну изволятъ идти на Крымъ „своими государскими особами“; вслѣдствіе этого слуха въ Крыму учинилось великое страхованіе, а самъ ханъ крымской возымѣлъ намѣреніе нынѣшнимъ первымъ зимнимъ путемъ, какъ только станутъ рѣки, идти со всѣми своими поганскими ордами на украинные города, отчего будетъ помѣшка генеральному походу, такъ какъ онъ пожжетъ сѣно и истребитъ всякіе припасы.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, гетманъ проситъ, чтобы ихъ царское величество указали быть походу на Крымъ по первому зимнему пути, чтобы предупредить нападеніе крымскаго хана на украинные города, а также подать помощь Шербану и дать отраду всѣмъ христіанамъ, находящимся въ Царьгородѣ и въ другихъ мѣстахъ такими способами: если Крымъ будетъ развоеванъ, отъ того на бусурманъ нападетъ страхъ, а христіанамъ польза, потому что тѣмъ всѣ турки будутъ стѣснены и въ самомъ ихъ гнѣздѣ, въ Царьградѣ, будетъ страхъ, такъ какъ отъ Крыма до Царяграда разстояніе малое, ѣздятъ въ трое сутокъ, а моремъ, при хорошей погодѣ, и въ одни сутки; а узнавши о паденіи Крыма и близости христіанскихъ войскъ, побоятся дѣлать христіанамъ притѣсненія. И

Библиотека "Руниверс"

Шербану будетъ великая помочь, и если онъ захочетъ въ то время быть въ подданствѣ у великихъ государей, тогда ему учинить это будетъ свободно [1]). Однако необходимо, „чтобы бояре и воеводы понудились, потому что по всѣмъ хроникамъ и по видимымъ постороннихъ государствъ поведеніямъ явно есть, марсово поле держащимъ и такія великія дѣла исправляющимъ, безъ нужды не бываетъ. А онъ, гетманъ, со всѣми, находящимися подъ его регементомъ, ихъ царскаго величества малороссійскаго края ратьми кровь свою точити и до самой смерти въ томъ дѣлѣ за имя Божіе и за ихъ великихъ государей повелѣніе подвизатися долженъ и съ радостію желаетъ". Тогда онъ надѣется, что крымчане оружіемъ царскихъ ратей будутъ побѣждены и отъ христіанскихъ странъ будутъ прогнаны далеко, такъ что христіанству больше докучать и насилія и разоренія учинять не будутъ; а можетъ и то случиться, что, увидѣвъ надъ собою побѣду, поддадутся подъ державу ихъ царскаго величества и будутъ въ такомъ же состояніи, какъ и орды казанскія и астраханскія. Въ томъ и другомъ случаѣ и турецкіе городки, которые построены на Днѣпрѣ, сами собою поддадутся великимъ государямъ, такъ какъ имъ уже не откуда ждать помочи. А какъ благословитъ Господь Богъ войскамъ царскаго величества Крымомъ овладѣть и крымчанъ изгнать въ дальныя страны, тогда въ Крыму надобно оставить на годъ бояръ и воеводъ съ полками, кого великіе государи укажутъ, или его, гетмана, чтобъ крымчане не возвратились и снова не поселились на прежнихъ мѣстахъ; а въ теченіе года построить крѣпкія фортеціи и наполнить ихъ людьми и запасами, чтобъ впередъ государевымъ войскамъ туда не ходить. А людей въ Крыму какъ плѣнныхъ польскаго и русскаго происхожденія, такъ грековъ и иныхъ народовъ, которые своими домами живутъ и при русскомъ владычествѣ останутся жить, множество.

---

[1]) Здѣсь Мазепа самъ себѣ противорѣчитъ: выше онъ говорилъ, что Шербанъ уже отдался подъ покровительство цесаря, а потому переходъ его въ подданство Россіи можетъ послужить поводомъ къ войнѣ съ цесаремъ; теперь этотъ поводъ къ войнѣ почему то отсутствуетъ, хотя фактъ принятія покровительства цесаря не исключается.

Библиотека "Руниверс"

Что же касается до предложенныхъ ему вопросовъ, сколько съ нимъ въ томъ походѣ будетъ войска и какимъ путемъ идти въ Крымъ, то онъ, гетманъ, объявляетъ, что съ нимъ въ походѣ будетъ войска реестроваго сорокъ тысячъ человѣкъ, да на днѣпровомъ побережьѣ и въ другихъ пристойныхъ мѣстахъ будетъ оставлено тысячъ съ десять и больше; сбираться своими полками онъ будетъ въ Плотавѣ. Путь до Крыма наиболѣе удобенъ тотъ, которымъ государевы войска возвращались отъ Карачакрака, а о дальнѣйшемъ пути будетъ разсужденіе, когда онъ случится съ боярами и воеводами.

Послѣ того Шакловитый спросилъ: „о которомъ времени онъ, гетманъ, думаетъ быть тому на Крымъ походу, и какіе способы къ тому раннему зимнему походу имѣетъ, и въ томъ многолюдномъ походѣ конскими кормами какъ прокормиться?“

Гетманъ отвѣчалъ: „пусть великіе государи укажутъ боярамъ и воеводамъ въ тотъ крымской походъ идти съ Москвы по первому зимнему пути, неотмѣнно; придя въ указныя мѣста, они должны осмотрѣть войска и дать имъ и лошадямъ отъ дороги отдохнуть, какъ слѣдуетъ. Въ походъ слѣдуетъ выступить перваго февраля, чтобы въ теченіе этого мѣсяца изъ указныхъ мѣстъ дойти до Крыма, мартъ мѣсяцъ быть въ Крыму въ войнѣ, а въ апрѣлѣ возвратиться домой, потому что въ эти мѣсяцы въ Крыму бываетъ весна. Ранніе зимніе и осенніе походы на Крымъ бывали въ прежнія времена небольшими партіями и всегда оканчивались успѣшно. Кромѣ того зимній походъ удобенъ и въ томъ отношеніи, что онъ гораздо легче для войска: воздухъ здоровый, пыли и жару нѣтъ, цынги и другихъ болѣзней не будетъ, путь легче, люди бодрѣе, воды вездѣ, какъ напереди обоза, такъ и по сторонамъ, чистой и свѣжей будетъ довольно; въ лѣтнее, напротивъ, время такой чистой и свѣжей воды добыть трудно, потому чистой водой можетъ пользоваться только чело обоза, а средина и задъ обоза получатъ воду мутную и нечистую, отчего можно ожидать тяжкихъ болѣзней. Еще и то надо принять въ соображеніе, что крымчане въ зимнее время предоставлены собственнымъ своимъ силамъ, помочи имъ не можетъ быть ни съ какой стороны, да и лошади у нихъ

Библиотека "Руниверс"

безкормны, да, наконецъ, и оттого растеряются, что одни будутъ спасать свое имущество и семьи, а другіе пойдутъ на отпоръ, всякій не будетъ знать, куда ему кинуться. Наконецъ въ зимній походъ нѣтъ надобности брать крѣпость Перекопъ, безъ чего нельзя обойтись лѣтомъ, чтобы проникнуть въ Крымъ, такъ какъ зимою ее легко обойдти отъ Днѣпра моремъ по льду и попасть въ Крымъ безъ особой трудности.

Относительно конскихъ кормовъ, необходимыхъ для зимняго похода, гетманъ разсуждаетъ такъ: выступая въ походъ, взять на подводахъ сѣна китнаго, овса и сухарей; сѣно запасено какъ окольничимъ Леонтьемъ Романовичемъ Неплюевымъ, такъ и имъ, гетманомъ, на Самарѣ въ большомъ количествѣ, да въ полтавскомъ и гадяцкомъ полкахъ заготовлено тысячи двѣ возовъ, и это сѣно онъ велитъ перевезть въ ахтырской полкъ, гдѣ указано сбираться боярамъ и воеводамъ съ ратными людьми, безъ всякаго замедленія по первому зимнему пути, на Самару же это сѣно везти слишкомъ далеко и трудно. А когда войска войдутъ въ Крымъ по льду, минуя Перекопъ, то въ Крыму конскихъ кормовъ можно достать въ надлежащемъ количествѣ, потому что въ нынѣшнемъ году въ Крыму большой урожай, какого не бывало много лѣтъ, а въ апрѣлѣ будетъ трава.

Выслушавши отвѣтъ гетмана, Шакловитый въ свою очередь возразилъ, что такому великому генеральному походу на Крымъ въ столь короткое время стать невозможно, потому что съ боярами и воеводами будутъ рати изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ, откуда имъ можно поспѣть въ указныя для сбора мѣста развѣ къ марту мѣсяцу.

Гетманъ отвѣчалъ: „въ томъ во всемъ воля великихъ государей! Только я по своей вѣрности доношу, что весьма потребенъ тотъ ранній зимній походъ паче всего, чтобы упредить бусурманское намѣреніе—приходъ ихъ на Украйну, такъ какъ отъ прихода крымчанъ на Украйну, генеральному крымскому походу будетъ большая помѣшка. Дѣло въ томъ, что если ханъ со всѣми ордами нападетъ на Украйны, то для отпора ему надо имѣть въ украинныхъ городахъ немалыя войска, которыя должны оставаться тамъ, пока ханъ не вернется домой; но

Библиотека "Руниверс"

войско за это время настолько устанетъ, что будетъ непригодно къ продолжительному походу. Да и по всему тому походу быть раннему зимнему: сейчасъ бусурманы отъ войскъ христіанскихъ въ безсиліи, а если, сохрани Боже, какъ нибудь придутъ въ силу, если получатъ себѣ помощь отъ турецкаго султана или отъ Бѣлогородчины, въ то время на нихъ идти будетъ трудно, довольно будетъ оберегать свои границы.

Въ заключеніе гетманъ заявилъ послу, чтобы великіе государи указали быть въ походѣ конницѣ доброй, а также калмыкамъ и *низовымъ ратямъ*, потому что во всѣхъ государствахъ въ обычаѣ при наступательной войнѣ имѣть какъ можно больше конницы, чтобъ было кѣмъ непріятеля съ поля сбить, а гдѣ надобно догнать и добить; пѣхотные же полки большею частію бываютъ годны въ оборонительной войнѣ, въ обозахъ и въ фортеціяхъ. Да слѣдовало бы колмыкамъ и *нижнимъ ратямъ* дать жалованье. А рейтары были бы добры и оружны, и лошади у нихъ были бы добрыя, не такія, какъ были на Самарѣ, которыя и десяти верстъ не отъѣхавъ стали.

Покончивши съ главнымъ вопросомъ, Шакловитый предложилъ гетману другія статьи; изъ нихъ по II-й статьѣ посолъ сообщилъ гетману, что на его челобитье—„быть къ Москвѣ и видѣти пресвѣтлыя государскія очи“, великіе государи велѣли ему объявить, что они немедленно позволили бы ему пріѣхать, если бы не предстояло множество хлопотъ по приготовленію къ походу. А такъ какъ онъ самъ, гетманъ, говорилъ, чтобы войскамъ выступить съ Самары въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, то ему къ тому самому надобно быть въ готовности со всѣми малороссійскими ратьми, а также позаботиться о хлѣбныхъ и конскихъ запасахъ. И онъ бы, гетманъ, того отказа въ оскорбленіе себѣ не ставилъ, потому что государи будутъ ждать его къ себѣ тотчасъ по возвращеніи изъ похода.

Гетманъ отвѣтилъ, что онъ довольствуется и обѣщаніемъ.

По III-й статьѣ Шакловитый „сказывалъ великихъ государей указъ“ гетману, что, по его челобитью, бывшій переяславской полковникъ Дмитрашка Райча изъ Сѣвска къ нему для розыска отосланъ, о чемъ послана государева грамота въ Сѣвскъ

Библиотека "Руниверс"

къ окольничему и воеводѣ и намѣстнику карачевскому Леонтью Романовичу Неплюеву, и чинъ полковничій у него отнятъ. А какъ Дмитрашка прибудетъ въ Батуринъ, гетманъ безвременно до разоренья его не допускалъ бы, а въ измѣнномъ дѣлѣ про него розыскивать, какъ и про Грибовича, который уже сидитъ въ тюрьмѣ, и кто будутъ на нихъ челобитчики, о томъ о всемъ писать къ государемъ. Въ отвѣтъ гетманъ благодарилъ за доставку Дмитрашки и обѣщалъ, что безъ розыску до разоренья не допуститъ и ничего ему чинить не будетъ; но съ другой стороны онъ обязательно долженъ посадить его въ тюрьму, „потому что онъ, Дмитрашко, человѣкъ непостоянный и превратный и на немъ много злыхъ дѣлъ, о которыхъ многіе люди свидѣтельствуютъ“. Да и всему малороссійскому краю вѣдомо его многое воровство, измѣна и непостоянство, что онъ много разъ присягалъ при прежнихъ гетманахъ въ вѣрности, и никогда не устоялъ, потомъ бѣгалъ въ Польшу, откуда отпущенъ тоже за присягою, потомъ присягалъ бывшему гетману Самойлову, и той присяги не додержалъ; а теперь и его, гетмана, своего региментаря, не почитаетъ, злословитъ и, не спрося его, послалъ своего племянника въ Москву, а здѣсь распустилъ слухъ, что племянникъ у ихъ царскихъ величествъ въ спальникахъ и вообще лицо очень приближенное, и что онъ, Дмитрашко, задержанъ въ Сѣвску не въ Полуботковѣ дѣлѣ, но въ его гетманскихъ интересахъ, и будетъ вскорѣ на свободѣ. Грибовичъ сидитъ за карауломъ по извѣту на него разныхъ лицъ; человѣкъ онъ тоже „причинный“: былъ въ Сибири и оттуда ушелъ на Донъ, гдѣ пробылъ долгое время, а въ здѣшній край пришелъ съ Дону. Если по свидѣтельству и по розыску онъ оправданъ будетъ, то гетманъ освободитъ его съ присягою, что ему великимъ государямъ служить вѣрно, а у него, гетмана, быть въ послушаніи безъ всякихъ коварствъ и вымысловъ.

По IV статьѣ посолъ говорилъ гетману, чтобъ онъ, выбравъ вѣрныхъ и въ Крыму бывавшихъ двухъ-трехъ козаковъ, послалъ ихъ въ Крымъ и въ турецкіе городки, которые построены на Днѣпрѣ, лазутчиками для провѣдыванія: „какое въ Крыму и въ городкахъ поведеніе, и впредь съ какимъ намѣре-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ и съ какою оборономъ противъ войскъ ихъ царскаго величества они, крымцы, поступить хотятъ, и отъ султана турскаго въ Крымъ къ хану есть ли какой указъ, и помочи ханъ отъ султана себѣ при наступленіи царскихъ ратей чаетъ ли, и будетъ чаетъ—многими ль войсками и въ которыхъ мѣстахъ, и перекопскія и иныя крѣпости починивали ль?" А какъ посыльщики возвратятся и что въ распросѣ скажутъ, о томъ гетманъ писалъ бы къ государямъ.

Гетманъ отвѣчалъ, что лазутчиковъ немедленно пошлетъ.

По V ст. посолъ напомнилъ гетману объ указѣ великихъ государей, чтобы онъ приказалъ въ степяхъ до Перекопи всѣ травы выжечь и о томъ порадѣлъ неотмѣнно.

Гетманъ отвѣчалъ, что онъ уже писалъ къ полтавскому полковнику съ подкрѣпленіемъ, чтобъ онъ послалъ человѣкъ тридцать козаковъ своего полка, людей добрыхъ и вѣрныхъ, и велѣлъ имъ всѣ степи отъ Мерла и до Самары и отъ Самары—до какихъ мѣстъ возможно выжечь; а къ думному дворянину и воеводѣ Григорію Ивановичу Косагову писалъ онъ съ просьбою, чтобы для вѣрности исполненія приказанія послалъ онъ отъ себя изъ Богородицкаго, кого пристойно, досмотрѣть, дѣйствительно ли степи выжжены. Для пожега степей за Самарою послалъ войсковаго товарища Антоица, вѣрнаго и заслуженнаго, и велѣлъ жечь степи до самой Перекопи; а для досмотра того пожега тотчасъ же посылаетъ глуховскаго атамана, человѣка вѣрнаго и правдиваго.

По VI статьѣ Шакловитый объявилъ гетману указъ великихъ государей, чтобъ въ крымскомъ походѣ съ нимъ были полки малороссійскіе городовые, домовые, старые полные, люди письменные, а не гультяи, и онъ о томъ приказалъ универсалами всѣмъ полковникамъ.

Гетманъ отвѣчалъ: чтобъ козаковъ гультяевъ не было, о томъ онъ давно заботится и думаетъ устроить это такимъ образомъ, чтобъ при полкахъ великороссійскихъ войска козацкаго было бы не больше двадцати тысячъ и во всякомъ случаѣ меньше числа великороссійскихъ войскъ, а достальныхъ, сыскавъ бы имъ дѣло, держать по берегу. А впередъ, какъ онъ

Библиотека "Руниверс"

думаетъ, осмотрясь, можно бы устроить въ городахъ небольшое число городовыхъ козацкихъ полковъ, чтобъ въ нихъ козаки были самые добрые, заслуженные, оружные и конные, да держать еще охотныхъ жалованныхъ конныхъ полковъ и сердюковъ тысячъ съ шесть, и тѣхъ сердюковъ, для большей твердости переименовать, какъ государи укажутъ.

Этими шестью статьями, очевидно, ограничивалось порученіе Шакловитаго къ гетману, потому что въ слѣдующихъ статьяхъ, находящихся при статейномъ спискѣ (7 и 8), рѣчь идетъ прямо отъ гетмана, записаны его предложенія. Именно въ VII ст. „гетманъ удивляется не помалу о запорожцахъ, что они такъ недавно отмѣнились и учали поступать противно, и къ нему пишутъ жестоко, чего отъ нихъ прежъ сего не бывало. И мнитъ онъ себѣ, что они то чинятъ по присылкѣ съ польской стороны, потому что они нынѣшнимъ лѣтомъ посылали туда, не желая дать строить городъ на Самарѣ, или научены отъ здѣшнихъ злоумышленниковъ". Во всякомъ случаѣ для провѣдыванія причины, почему запорожцы такъ отмѣнились, онъ послалъ на Запорожье добрыхъ и вѣрныхъ людей, и какія вѣдомости отъ нихъ будутъ, о томъ онъ будетъ писать великимъ государемъ. Въ VIII ст. гетманъ говорилъ: „полковникъ де Апостоленко, который въ прошлую зиму запорожцевъ кормилъ и дарилъ, и обѣщалъ имъ дать зимовыя становища въ своемъ полку, также челядника своего, безъ его вѣдома, въ Польшу посылалъ и по возвращеніи челядника о немъ не писалъ же и въ томъ не оправдался,—теперь еще учинилъ такіе поступки: „былъ онъ поставленъ съ полкомъ своимъ на побережьѣ для опасенія отъ непріятельскихъ людей, и писалъ къ нему, гетману, чтобъ ему для лучшаго поиска надъ непріятелемъ перейти за Днѣпръ, и онъ де ему перейти повелилъ; а онъ, вмѣсто промыслу, учалъ имѣть съѣзды, и банкеты и разговоры съ воромъ и бѣглецомъ съ Апостольцомъ, который въ здѣшнемъ краю..." На этихъ словахъ статейный списокъ посольства Ѳ. Л. Шакловитаго обрывается, но изъ боярскаго приговора, который написанъ по задней сторонѣ склеекъ начальныхъ листовъ, приводимаго ниже, ясно видно, что гетманомъ было сдѣлано послу

Библиотека "Руниверс"

еще нѣсколько предложеній, отвѣты на которыя и заключаются въ помянутомъ боярскомъ приговорѣ.

Изъ „листовъ“ гетмана, которые онъ послалъ къ великимъ государемъ, видно, что Шакловитый выѣхалъ изъ Батурина 19 октября, а 2-го ноября былъ уже въ Москвѣ. Составленный имъ статейный списокъ былъ слушанъ въ боярской думѣ, въ присутствіи государей, 7 ноября, и по нему состоялся слѣдующій приговоръ:

„197 г. (1688) ноября въ 7 д. великимъ государемъ и великой государынѣ, благовѣрной царевнѣ извѣстно (*отступя*) и бояромъ чтено.

И великіе государи указали: къ гетману послать противъ сихъ разговоровъ съ думнымъ дворяниномъ, съ Ѳедоромъ Леонтьевичемъ Шакловитымъ объ ихъ государскихъ дѣлѣхъ свою великихъ государей грамоту съ милостивымъ словомъ и съ похвалою, и чтобъ онъ, гетманъ, съ малороссійскими полки сбирался къ крымскому походу немедленно, а бояре и воеводы кончае въ тотъ походъ пойдутъ съ указныхъ мѣстъ *въ февралѣ* мѣсяцѣ; а въ листахъ бы своихъ онъ, гетманъ, о готовности на ту службу малороссійскимъ къ полковникомъ и ратнымъ людемъ написалъ съ подкрѣпленіемъ, чтобы они имали себѣ въ тотъ походъ полные запасы на четыре мѣсяца.

А что онъ, гетманъ, билъ челомъ великимъ государемъ, чтобъ быть къ нему изъ Польщи зятю его для повиданія съ нимъ, также бы за службу его гетманскую племянника его, который при немъ, гетманѣ, живетъ написать въ стольники, и великіе государи и великая государыня, благовѣрная царевна, пожаловали его, гетмана, зятю его видѣться съ нимъ указали и о томъ послана ихъ великихъ государей грамота въ Кіевъ къ боярину и воеводамъ, какъ тотъ его зять пріѣдетъ изъ Польши въ Кіевъ, и его велѣно изъ Кіева отпустить къ нему, гетману. А племянника его пожаловали великіе государи, велѣли написать въ стольники и о томъ въ грамотѣ къ нему, гетману, написать, а въ розрядъ о племянникѣ, о чину его, послать память.— А о Заруцкомъ указали великіе государи положить на его гетманское разсмотрѣніе и жалованную грамоту на село Черторыю

Библиотека "Руниверс"

повелѣли ему, гетману, у него взять и прислать къ Москвѣ въ приказъ Малыя Россіи; а дана была ему та жалованная грамота по его жъ гетманскому прошенію, какъ онъ писалъ о томъ къ ближнему ихъ царскаго величества боярину и оберегателю, ко князю Василью Васильевичу Голицыну.

А сѣна, которыя по его гетманскому приказу изготовлены для крымскаго походу, и тѣ бъ сѣна по первому зимнему пути приказалъ онъ, гетманъ, перевезть въ Кобылякъ и въ Бѣликъ, а какъ перевезутъ и сколько его возовъ будетъ, и о томъ бы онъ къ нимъ великимъ государемъ писалъ.

А что въ розыску о Дмитрашкѣ и о Грибовичѣ явится, и о томъ бы онъ, гетманъ, къ нимъ великимъ государемъ писалъ же. А о миргородскомъ полковникѣ отложилъ до тѣхъ мѣстъ, какъ придутъ съ полки бояринъ и оберегатель, князь Василій Васильевичъ съ товарищи, и въ то время о немъ учинено будетъ по общему совѣту.

А какъ посыльщики его гетманскіе изъ Крыму и изъ иныхъ мѣстъ къ нему возвратятся и что какихъ къ нему принесутъ вѣдомостей, и о томъ бы онъ къ великимъ государемъ писалъ же. А травы бъ въ степяхъ конечно всѣ вызжены были въ тѣхъ мѣстѣхъ, которымъ путемъ войскамъ будетъ идти къ Крыму.—А о поселеніи около новаго города на Самари, сколькимъ семьямъ велѣно тамъ селиться, указъ къ нему, гетману, посланъ; также и о Максимовѣ дѣлѣ *орендаря*, по его гетманскому прошенью, третью грамоту къ польскому королю они, великіе государи, указали написать ту грамоту и, запечатавъ, послать къ нему, гетману, а онъ бы, гетманъ, отдалъ ту грамоту тому арендарю.

Стрѣльцовъ московскихъ, которые сидѣли въ Сѣвску за карауломъ въ кражѣ скарбу войсковаго, велѣно свободить и отпустить къ Москвѣ; а о тѣхъ стрѣльцахъ же, которые явились въ кражѣ въ полкѣхъ, впредь ихъ, великихъ государей, указъ учиненъ будетъ.

А по челобитью генеральной старшины и иныхъ заслуженныхъ особъ о чинахъ, учиненъ имъ ихъ, великихъ государей,

Библиотека "Руниверс"

указъ будетъ въ то время, какъ онъ, гетманъ, будетъ на Москвѣ и увидитъ ихъ государскія очи.

А которые два человѣка козаковъ, Мишка да Лукашка, сидятъ у него, гетмана, за карауломъ, и онъ бы, гетманъ, учинилъ объ нихъ по своему разсмотрѣнію, а оскорбленія имъ совершеннаго никакого не чинилъ и мнѣнія бъ въ томъ дѣлѣ о себѣ никакого не имѣлъ, а былъ при вѣрности своей надеженъ на ихъ царскую милость, потому что имъ въ рѣчахъ ихъ не повѣрено и для того они къ нему, гетману, и посланы.

А что онъ, гетманъ, своимъ вѣрнымъ радѣніемъ и службою приказалъ въ войсковой канцеляріи, также и во всѣхъ малороссійскихъ городѣхъ писати о всякихъ дѣлѣхъ челобитныя на ихъ государское имя, также жъ и листы во всѣ города о всякихъ же дѣлѣхъ учнетъ онъ, гетманъ, писать ихъ же государскимъ указомъ и повелѣніемъ, и за то указали великіе государи его, гетмана, похвалить и чтобъ онъ, гетманъ, радѣніемъ своимъ и въ совершенство то дѣло привелъ и учинилъ.

А по вѣдомостямъ взятыхъ крымскихъ языковъ о приходѣ ханскомъ войною на украинные города по нынѣшнему зимнему пути, приказалъ бы онъ, гетманъ, въ малороссійскихъ городѣхъ имѣть великую осторожность и къ отпору того непріятеля готовность, именно въ полтавскомъ и въ миргородскомъ и въ иныхъ полкахъ, а съ другую сторону отъ крымской же и отъ бѣлогородской орды въ переяславскомъ полку и въ иныхъ поднѣпровскихъ мѣстахъ, чтобъ тѣ непріятели безвѣстно не пришли и разоренья какого въ людяхъ не учинили. А на самарскія вершины послалъ бы онъ, гетманъ, для осторожности отъ того жъ ханскаго прихода тысячу человѣкъ козаковъ, тѣхъ, которымъ нынѣ въ томъ крымскомъ походѣ не быть, и приказать имъ въ тѣхъ мѣстѣхъ стоять съ перемѣною въ крѣпкихъ и надежныхъ мѣстѣхъ и ссылаться съ козаками жъ, которые изъ слободскихъ городовъ поставлены между рѣкъ Быка и Самари; а ссылаясь, чинить надъ тѣми непріятели, буде гдѣ явятся, воинской промыселъ, сколько всемилосердый Господь Богъ помочи подастъ, а для вѣдома писали бы о тѣхъ непріятеляхъ на

Библиотека "Руниверс"

Самарь въ новой Богородицкой городъ и въ иные города съ нарочными гонцы".

Изъ приведеннаго приговора несомнѣнно слѣдуетъ, что, кромѣ тѣхъ VIII статей, которыя имѣются въ статейномъ спискѣ Шакловитаго, между нимъ и гетманомъ происходили и другіе переговоры по вопросамъ внутренней политики. Таковы заявленія гетмана о дозволеніи повидаться съ зятемъ, о производствѣ племянника его въ чинъ стольника, по дѣлу Заруцкаго, какого то арендаря, о стрѣльцахъ, виновныхъ въ кражѣ, о заселеніи кругомъ города Новобогородицка и о козакахъ Мишкѣ и Лукашкѣ, вопросы настолько незначительные, что они могли бы быть рѣшены простою перепискою.

Безспорно, главной цѣлью посольства Шакловитаго были переговоры о походѣ, и никто другой не могъ бы выполнить этого посольства лучше, какъ онъ, если принять во вниманіе положеніе дѣлъ въ то время. Первое лицо въ правительствѣ былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, только что совершившій чрезвычайно неудачный походъ на Крымъ, но свалившій всю тяжесть отвѣтственности на неповинную спину Самойловича, будто бы своими интригами испортившаго походъ. Удайся походъ, и Самойловичъ, несмотря на всѣ челобитныя старшины, еще крѣпче усѣлся бы на своемъ урядѣ. Теперь Голицыну предстояло доказать всему крещеному міру, что онъ геніальный полководецъ и что только совершенно постороннія обстоятельства, имъ непредвидѣнныя, какъ интриги гетмана, могли помѣшать его удачѣ. Да еще какъ доказать! Вотъ его манятъ въ таинственную даль патріархи и подвластные туркамъ христіане, предлагая, какъ на парадъ, довести до Константинополя, да по дорогѣ онъ еще встрѣтитъ мощнаго союзника, молдавскаго князя Шербана съ семьюдесятью тысячами войска. Искушеніе большое. Турки разбиты на всѣхъ пунктахъ, западныя государства снова предпринимаютъ противъ нихъ походъ, какъ не воспользоваться удачнымъ случаемъ схватить лакомый кусокъ? Но.... неудача перваго похода тяжелымъ бременемъ лежитъ на немъ. А что, какъ опять?... Нѣтъ! Побольше осторожности... И вотъ въ совѣтѣ царевны, Голицына и Шакловитаго составляется планъ: зачѣмъ

Библиотека "Руниверс"

брать на себя отвѣтственность въ случаѣ неудачи? Можно подыскать другое лицо, на которое и свалить неудачу, а при благополучномъ исходѣ дѣла, всю честь приписать себѣ. Этотъ человѣкъ — новый гетманъ; онъ человѣкъ бывалый, опытный, ловкій... что то онъ посовѣтуетъ? Послѣдуемъ его совѣту и, въ случаѣ удачи, намъ слава, въ случаѣ неудачи — можно пожертвовать и другимъ гетманомъ. Кто же могъ быть посломъ въ такомъ дѣлѣ, какъ не посвященный въ тайну Шакловитый?

Мазепа дѣйствительно былъ человѣкъ опытный, бывалый, ловкій... Однимъ ударомъ онъ разбилъ мысль о походѣ на турокъ и предложилъ самый скромный планъ нападенія на Крымъ, и кто знаетъ? Если бы его планъ былъ точно выполненъ, если бы походъ начался „по самому раннему зимнему пути“, такъ чтобы можно было успѣть *по льду* проникнуть въ Крымъ, то успѣхъ предпріятія могъ быть несомнѣненъ. Недаромъ Мазепа просилъ „понудить“ бояръ, чтобы они пораньше выбрались въ походъ. Предложенный имъ планъ похода былъ вполнѣ принятъ государями и боярской думой, приказано было жечь степи, готовить сѣно и запасы и выступить войскамъ съ указныхъ мѣстъ *въ началѣ февраля*, но въ неисполненіи этого плана на дѣлѣ Мазепу обвинить было невозможно.

Только что Шакловитый прибылъ въ Москву, какъ гетманъ прислалъ уже „вѣдомости“ о кошѣ запорожскомъ и о Польшѣ. Такъ какъ эти документы непосредственно касаются цѣли посольства Шакловитаго, то считаю нелишнимъ привести ихъ здѣсь. Къ сожалѣнію, письмо къ гетману кошеваго атамана, Филона Лихопоя, переведено на такой варварскій языкъ, что смыслъ совершенно теряется, а потому, чтобы не впасть въ неправильное пониманіе атаманскихъ мыслей, привожу его подлинникомъ.

„Какъ всегда мы сердечною нашею чистою и вѣрностію пребывая къ ихъ царскому пресвѣтлому величеству и къ вельможности вашей и желательство и по вольности нашей услуги будучи постоятельно и совершенной къ нимъ, великимъ государемъ, обрѣтающіеся въ вѣрности, чинимъ надъ непріятелями

Библиотека "Руниверс"

промыслъ не утая, сколько намъ Богъ помощи подаетъ; а уже и въ нынѣшнемъ времени Господь всемилостивый своею Божественною надъ нами милостію, за предстательствомъ Пр. Дѣвы, посылати намъ изволилъ языковъ ихъ непріятельскихъ, понеже товарищъ нашъ Яковъ Гусакъ съ товариществомъ нѣсколько десять человѣковъ, а пребывая на низу мало не все лѣто по обычаю своему рыцарскому и по охотѣ своей ко услугѣ ко превысокому и превеликому ихъ престолу монаршескому заслуги чиня на предбудущую милость ихъ и похвалу совершенную, приложили радѣніе для вѣдомости и языковъ ихъ непріятельскихъ, гдѣ пребывая на низу въ Стрѣлицѣ вышедъ ханъ изъ Крыму и со всею ордою откочевалъ было ихъ и облегъ тамъ гдѣ понудилися розно разбѣжати гдѣ тамъ же въ Стрѣлицѣ добыли языка ихъ непріятельскаго подлиннаго и привезли къ кошу ноября 4-го числа, съ которымъ языкомъ не задержавъ у себя, того Гусака и съ товарыщствомъ двадцати человѣкъ спѣшно посылаемъ вельможности вашей, запобѣгая ихъ непріятельскому намѣренію и для цѣлости народной, понеже иной языкъ въ роспросѣ сказалъ, что ханъ крымской со всѣми ордами своими вышелъ изъ Крыму, того подлинно не знаемъ если пошелъ на венгеровъ или на иную какую страну. А какъ се нынѣ приведенный языкъ, такъ и выходцы сказываютъ, что подлинно осталися въ Крыму только всей орды тысячи съ двѣ, и та есть не военная; котораго всего времени желаемъ и часу отколько надесять лѣтъ нажидали мы, дабы ханъ съ ордами не былъ въ Крыму, яко и вельможность ваша писалъ къ намъ, что когда бы ханъ изъ Крыму куда на сторону отдалился, для чего полки всѣ охотническіе и пѣхотные оставляйте на побережію. И какъ въ нѣсколько кратныхъ почтенныхъ письмахъ своихъ обѣщали есте чинити радѣніе вмѣстѣ съ ближнимъ окольничимъ и воеводою и намѣстникомъ карачевскимъ, его милостію Леонтьемъ Романовичемъ Неплюевымъ за которыми причинами не лучилося пойдти подъ Перекопъ, тогда подлинно имѣли есте прислати къ намъ часть такую войска, съ которымъ бы войскомъ не токмо подъ городки, но и на самый Крымъ ударити можемъ, что изволите учинити противъ слова и обѣщанія своего господскаго, а къ намъ какъ

Библиотека "Руниверс"

наименьше сего времени войска охотнаго тысячъ съ пять безъ всякой отмолвки и отпису вскорѣ прислати. А какъ наша до того есть великая охота, что когда бы вельможность ваша на прошеніе наше учинили съ которымъ бы посилкомъ видѣлъ бы вельможность ваша, что много имъ повредили бы, что видя они, непріятели, понудились бы усомнѣватися, понеже много такой поры и часу пристойнаго такого ожидати, а опять по старому никому бы иному, токмо бы вельможности вашей была слава и отъ пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ похвала, и намъ предковская слава помножилась бы. А сохрани Боже того, чтобы имѣли если на что иное замыслить, когда бъ вельможность ваша войска къ намъ прислалъ, тогда то бы войско пришло бы на дорогѣ того же часу могли назадъ возвратитись. А ежели вельможность ваша противъ прошенія нашего не можете чинити, тогда можетъ причитати вашу государскую къ намъ нелюбовь, чѣмъ и они, непріятели, если не учинимъ надъ ними промыслъ сего часа пристойно будучимъ съ того утѣшаться. О чемъ и паки и десятую покорно и препокорне до ногъ вашихъ господскихъ припадая упадшихъ упрошаемъ и мысль свою вельможности вашей объявляемъ. Сего товарища нашего Якова съ товариствомъ двадцать человѣкъ изволь вельможность ваша, яко милостивый нашъ региментарь и благодѣтель, милостію своею господскою удовольствовати ихъ за ихъ вѣрную службу и труды и къ пресвѣтлѣйшему ихъ престолу монаршескому съ нимъ языкомъ съ почтеніемъ своимъ господскимъ заступительнымъ листомъ отпустити ихъ, дабы сподобились получити милость ихъ монаршескую; а еже бы зачѣмъ не могутъ быти на Москвѣ, тогда изволь вельможность ваша пожаловати своею господскою милостію и дати имъ становище зимнее доброе для оживленія самихъ и коней. А о запасахъ также обыкновенныхъ годовыхъ и денегъ нѣсколько тысячъ, о чемъ нѣсколько кратъ воспоминали вельможности вашей, такъ и нынѣ покорно просимъ: изволь по давнимъ письмамъ намъ то все въ кошу посылать".

Это письмо кошеваго атамана служитъ подтвержденіемъ словъ гетмана о запорожцахъ, что „они пишутъ къ нему жестоко, чего отъ нихъ прежъ сего не бывало". Въ самомъ дѣлѣ, тре-

Библиотека "Руниверс"

бовать присылки пятитысячнаго отряда для очень неопредѣленнаго похода, требовать присылки денегъ и запасовъ, требовать награды Гусаку „съ товариствомъ“ за то, что они, промышляя своимъ дѣломъ, случайно поймали языка, который навретъ невѣдомо что, требовать для „товарыства“ удобныхъ и пріятныхъ зимовокъ,—все это не было въ правилахъ запорожцевъ, которые обыкновенно „усердно и умилительно“ выпрашивали себѣ разныя подачки отъ московскаго правительства, отлично понимая, что разъ ими будутъ недовольны, тотчасъ же послѣдуетъ приказъ о прекращеніи къ нимъ по Днѣпру отпуска хлѣба, безъ чего они не могли существовать. „Мнитъ онъ, гетманъ, что они то чинятъ по присылкѣ съ польской стороны, потому что они нынѣшнимъ лѣтомъ посылали туда, не желая дать строить городъ на Самари“. Это предположеніе гетмана какъ нельзя лучше оправдалось, когда вернулся посланный имъ въ Польшу „для вѣдомости о тамошнемъ поведеніи“ барышполецъ Савелій Андрюшенко. Прибывъ въ Батуринъ 5 ноября, Андрюшенко въ распросѣ сказалъ: вышелъ онъ изъ Барышполя съ подорожнымъ листомъ переяславскаго полковника будто для свиданія съ своимъ братомъ, находящимся въ Барѣ при Булы-башѣ, полковникѣ охотницкомъ, и шелъ на Кіевъ, Чудинъ, Коростышевъ, Трояновъ, Мирополье, Полонное, Лабунь, Константиновъ старый и Межибожъ; въ каждомъ городѣ его водили къ уряднику, старостѣ и къ жолнернымъ начальникамъ и спрашивали, дѣйствительно ли построенъ городъ на Самари, и пойдутъ на будущее лѣто въ походъ на Крымъ царскія и козацкія войска? и когда онъ отвѣчалъ, что городъ дѣйствительно выстроенъ и походъ непремѣнно будетъ, всѣ были отвѣтомъ очень довольны. Въ городѣ Полонномъ его дважды приводили къ самому Любомирскому, который его спрашивалъ: „есть ли войска на сей сторонѣ Днѣпра надъ берегомъ въ готовности московскія и козацкія стоятъ, и для чего людей на ту сторону Днѣпра съ сей стороны къ нимъ въ Польшу на житье не пускаютъ? а городъ на Самарѣ совсѣмъ ли построенъ, какъ належитъ? и силы государскія тотчасъ ли послѣ Рождества Христова подымутся на Крымъ?“ На что Савка ему отвѣчалъ, что на побережьи войско козацкое

Библиотека "Руниверс"

стоитъ въ готовности и что войска государскія несчетныя поднимутся въ походъ на Крымъ какъ только начнется весна, для чего въ Самарской городъ всю зиму будутъ возить всякіе запасы и пушки. Любомирскій такимъ отвѣтомъ былъ очень обрадованъ и благодарилъ Бога, а потомъ прибавилъ: „если бы де не исполнился тотъ походъ на Крымъ войскъ государскихъ на будущее лѣто, тогда бъ понудился миръ и перемирье королевскаго величества съ царскимъ величествомъ учиненное нарушити и польскія бъ войска пошли на Заднѣпріе войною, и хотя Заднѣпрью и ничего не учинили бъ, однако и то намъ стало бъ за прибыль, чтобъ всѣхъ людей, которые въ прошлые годы изъ польскихъ городовъ ушли для турской войны на Заднѣпріе и которыхъ теперь гетманъ запорожскій не пускаетъ, опять перевести въ Польшу. Да и Самарской городъ разорили бы, потому что запорожцы черезъ пословъ своихъ неоднократно докучаютъ королевскаго величества гетманамъ коронным и всей Рѣчи Посполитой, что за построеніемъ города на Самари, рѣка эта отъ нихъ отходитъ. Теперь же и королевское величество и всѣ господа польскіе никакого слова потѣшнаго не даютъ, вглядываясь въ будущее и дожидаясь, будетъ ли походъ царскихъ войскъ на Крымъ и что тѣмъ походомъ надъ Крымомъ доброе сдѣлается“. Тѣжъ рѣчи слышалъ Савка и въ Барѣ у Булыбаша. Не найдя своего брата при Булыбашѣ, Савка поѣхалъ въ Заславль, гдѣ встрѣтился съ братомъ Палѣя Василіемъ и съ нимъ ѣхалъ вмѣстѣ до Хвастова. Дорогою онъ слышалъ отъ Василья, что Могила и Палѣй съ козацкимъ войскомъ стоятъ подъ городомъ Язловцомъ и что войско ихъ получило отъ короля жалованье, на каждаго рядоваго козака по кафтану и по пяти левковъ денегъ.

Да тотъ же Палѣевъ братъ Василій сказывалъ ему, что молдавской господарь со всею землею перешелъ въ подданство цесарскаго величества; и цесарь писалъ къ королю, чтобы онъ послалъ на зимовье въ молдавскую землю козацкое охотницкое войско, которому, по прибытіи въ Молдавію, обѣщаетъ тотчасъ же дать жалованье, по парѣ суконъ и по десяти левковъ на каждаго человѣка. Король, желая сдѣлать удовольствіе цесарю, велѣлъ всѣмъ козакамъ изъ Немирова и иныхъ мѣстъ сходиться

Библиотека "Руниверс"

въ Могилѣ и Палѣю, а когда сойдутся, отправить ихъ въ молдавскую землю, а на ихъ мѣсто въ Немировъ, Вилинцы, Паволочь и въ иные городки, крайніе отъ Украйны по Полѣсью, поставлены лучшія польскія знамена, такъ называемыя *волосскія козацкія*. Не желая допустить волоховъ въ свой Хвастовъ, Палѣй послалъ туда своего брата съ приказаніемъ, отнюдь не допускать въ Хвастовъ никакого польскаго знамени, хотя бы для этого пришлось вступить въ бой; самъ же Палѣй, не имѣя никакой охоты идти съ своею конницей на зимовье въ молдавскую землю, поѣхалъ къ королю просить объ освобожденіи его отъ того похода. А король и коронный гетманъ на будущее лѣто намѣрены Палѣя посадить въ Чигиринѣ, чтобы городъ населилъ людьми; однако Палѣй въ Чигиринѣ поселиться вовсе не желаетъ, и если его „выпрутъ“ ихъ Хвастова, то перейдетъ на житье въ Триполье.

Войска польскія коронныя расположены на Волыни и въ Полѣсьи, въ городахъ и селахъ, и получаютъ съ жителей на каждаго коня по сту золотыхъ шелегами; а литовскія войска пошли на зимовье въ Литву. Все польское войско и люди всякихъ чиновъ польскихъ городовъ весьма недовольны королемъ за лѣтній походъ, когда войска понесли большой уронъ, такъ какъ у нихъ не было пушекъ и не позволено было идти подъ Каменецъ.

Въ польскихъ же городахъ слышалъ онъ, Савка, что какіе то два мурзы изъ Бѣлогородчины съ своими улусами поддались цесарскому величеству и перешли въ молдавскую землю.

Возвращаясь домой, онъ слышалъ отъ Палѣева брата Василья, что ханъ прислалъ въ Хвастовъ нѣсколько тысячъ денегъ и въ городъ Сороку пятьдесятъ человѣкъ плѣнныхъ козаковъ для окупа своего зятя Батыря-мурзы, самого пята, но Палѣй требуетъ еще какой то черницы, находящейся въ плѣну у бусурманъ. Запорожцы послали еще посольство въ Польшу, а кого именно и къ кому, того онъ совершенно не знаетъ и не слыхалъ.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ оказывается, что Мазепа былъ, такъ сказать, въ курсѣ тогдашняго политическаго положенія сосѣднихъ государствъ, былъ освѣдомленъ о состояніи этихъ государствъ гораздо лучше, чѣмъ московское правительство, а потому въ международныхъ вопросахъ всегда былъ дорогимъ и полезнымъ совѣтникомъ Москвы.

А. Востоковъ.

Библиотека "Руниверс"

Сынъ Гетмана.[1)]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СТЕПНОЙ ЖЕНИХЪ.

ГЛАВА I.

ВЪ ЗАМКѢ ГОСПОДАРЯ.

Было ясное морозное утро. Въ Яссахъ, столицѣ Молдавіи, все уже было на ногахъ. Въ городскія ворота то и дѣло въѣзжали изъ сосѣднихъ деревень и мѣстечекъ обозы съ мясомъ, дичью, медомъ и воскомъ, пшеномъ, ячменемъ и кукурузою. Обозы эти тянулись къ княжескому замку, гдѣ ихъ переправляли по подъемнымъ мостамъ на широкій дворъ къ житничарамъ, медельничарамъ, сулджарамъ, и ключарямъ. На широкомъ дворѣ кипѣла жизнь во всѣхъ углахъ, въ безчисленныхъ княжескихъ кладовыхъ, подвалахъ, погребахъ, конюшняхъ и сараяхъ. Возы съ мясомъ, свиными тушами, бараниной, тетеревами, голубями, гусями, утками и другою живностью направлялись къ камарасулу, развѣшивавшему и распредѣлявшему мясо подъ надзоромъ великаго сулджара. Другой камарасулъ, стоя у амбара, принималъ возы съ хлѣбомъ, ожидая прибытія великаго житничара съ его

[1)] См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 4.

Библиотека "Руниверс"

помощниками и заранѣе разсчитывая прибыль, какую ему придется получить, такъ какъ съ каждаго воза ему полагалось по тридцати аспръ въ прибавку къ его жалованью.

Въ княжескихъ конюшняхъ тоже шла оживленная работа, и великій комисъ, противъ своего обыкновенія, самъ тщательно осматривалъ сбрую, экипажи, одежды конюховъ и каретной прислуги. О сѣнѣ ему нечего было заботиться: въ истекшемъ году Брописса, огромный лугъ на Прутѣ, далъ невѣроятный урожай, княжескіе сѣновалы и сараи ломились отъ сѣна; но онъ очень тщательно провѣрялъ надзирателя за конскими приборами, камарасула-де-рафтури, и заставилъ его вытащить на свѣтъ Божій всѣ золотые и серебряные уборы, всѣ богато украшенныя сѣдла съ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями, и съ видомъ знатока указывалъ ему, гдѣ что надо поправить, починить, возобновить. Камарасулъ-де-лумине, или смотритель за освѣщеніемъ, хлопоталъ съ привезенными возами воску; слѣдуя княжескимъ приказаніямъ, онъ долженъ былъ приготовить множество ароматическихъ зеленыхъ свѣчей, а пчелы княжескихъ пасѣкъ на этотъ разъ, какъ нарочно, мало дали матеріала. Онъ уже докладывалъ объ этомъ и великому ключарю, и великому вистернику, или казначею, дѣло доходило до князя, но тамъ, въ высшей инстанціи, его рѣшили просто, приказавъ наложить дань на принадлежавшія князю деревни и мѣстечки. Рѣшить то было легко, но каково приводить въ исполненіе это рѣшеніе! Вотъ и теперь бѣдный камарасулъ изъ себя выходилъ, топалъ ногами и кричалъ на пріѣхавшихъ съ возами крестьянъ, не привезшихъ и половины условленнаго количества; а тѣ лѣниво переминались въ своихъ неуклюжихъ сандаліяхъ съ ноги на ногу, снимали высокіе бараньи колпаки и, почтительно кланяясь, говорили:

— Пчела нынче не зародилась; много должно быть въ прошломъ году ее избили!

— Врете вы, врете! мошенники! кричалъ камарасулъ. Вотъ я нашлю на васъ приставовъ, они обшарятъ ваши ульи. А если вы пчелъ своихъ избили, сами виноваты; за глупость свою и заплатите.

Библиотека "Руниверс"

— Погоди, господинъ, потерпи до весны, мы тогда тебѣ вдвое воску привеземъ.

— А зачѣмъ мнѣ тогда вашъ воскъ? кипятился камарасулъ. Нашъ великій князь не два раза будетъ выдавать свою дочь замужъ. Воскъ мнѣ нуженъ теперь, и если вы не доставите мнѣ его во время, я донесу на васъ великому губернатору.

Крестьяне покорно опустили головы, и камарасулъ хорошо зналъ, что угрозы его на нихъ не подѣйствовали: воску они не достанутъ, и надо или обойтись безъ лишнихъ свѣчей, или купить на княжескій счетъ.

Пока на дворѣ хлопотали и суетились, въ харемѣ, т. е. на женской половинѣ, тоже толклись, приводя все въ порядокъ и нѣсколько десятковъ дюжинъ крестьянокъ, нарочно взятыхъ изъ сосѣднихъ деревень, помогали княжеской прислугѣ мыть покои, чистить утварь, выколачивать ковры и мебель.

Княгиня еще спала, но невѣста и сестра ея встали и занимались своимъ туалетомъ, окруженныя многочисленною прислугою и боярышнями. Высокая, статная старшая сестра была немного полна, но большіе каріе глаза съ поволокой и роскошные черные волосы, спускавшіеся двумя толстыми косами чуть не до пятъ, высокоподнятая голова, горделивый взглядъ и поступь, немного презрительная улыбка — придавали ей величественный видъ; она смотрѣла и выступала королевой. Сестра ея, еще почти ребенокъ, была уже замѣчательно красива. Гибкій стройный станъ ея, огненныя очи, правильныя тонкія черты ея лица, красиво очерченныя губы; тонкіе брови дугою и нѣжно матовый цвѣтъ лица съ нѣжнымъ оттѣнкомъ румянца, все напоминало въ ней древнихъ красавицъ римлянокъ, служившихъ оригиналомъ для древнихъ статуй, поражавшихъ правильностью линій, граціозностью и гибкостью движеній. Ея черные волосы сильно вились, и ей стоило большаго труда гладко причесать ихъ и заплести въ косы, какъ этого требовала тогдашняя мода.

Старшая сестра въ угоду жениху, ожидаемому со дня на день, была одѣта въ польскій костюмъ, и ея дорогой атласный саянъ съ большими разводами, унизанный жемчугомъ, очень шелъ къ ея высокому росту и горделивой осанкѣ. Только на голову

Библиотека "Руниверс"

она не рѣшилась ничего надѣть, такъ какъ это было бы противъ обычая страны. Домна же Локсандра была въ національномъ костюмѣ. Ея стройный станъ обхватывала тонкая бѣлая рубашка, богато вышитая шелками и бисеромъ, съ широкими рукавами, оканчивавшимися у кисти руки широкимъ вышитымъ же обшлагомъ, и перехваченная у таліи двумя полосатыми шелковыми передниками съ широкою бахромою. Рубашка спускалась немного ниже колѣнъ на ярко-алую шелковую юбку, едва прикрывавшую верхній край сафьянныхъ полусапожекъ съ дорогимъ шитьемъ. На шеѣ у Локсандры было надѣто монисто изъ золотыхъ монетъ, скрѣпленныхъ бирюзой и жемчугомъ. Весь нарядъ довершалъ широкій шелковый поясъ въ видѣ шарфа, затканный золотомъ и серебромъ и окаймленный на обоихъ концахъ густою золотою бахромою.

Обѣ сестры, окончивъ свой туалетъ, принялись съ живостью разсматривать подарки, присланные наканунѣ женихомъ. Прекрасный браслетъ съ огромнымъ изумрудомъ и брилліантами, брилліантовыя серьги въ видѣ виноградныхъ гроздьевъ и нѣсколько алмазныхъ аграфовъ подъ стать серьгамъ.

— Что, дѣвочка? покровительственно спросила старшая сестра, обращаясь къ Локсандрѣ: хорошо быть невѣстой?

Локсандра вздохнула и задумчиво посмотрѣла на сестру.

— Не знаю, отвѣчала она. Все бы ничего, только худо, что ты отъ насъ уѣдешь!

— Дурочка! засмѣялась невѣста. Что же тутъ худаго? Княгиня Радзивиллъ не можетъ оставить свои помѣстья и вотчины. Ей надо жить при своемъ дворѣ.

— И тебѣ не будетъ скучно? Ты не будешь вспоминать объ отцѣ, обо мнѣ, о братѣ?

Будущая княгиня ничего не отвѣтила и только гордо сжала губы, перебирая пальцами дорогіе подарки. Она видѣла своего жениха только на портретѣ и не имѣла еще о немъ никакого понятія, хотя черезъ нѣсколько дней была уже назначена свадьба. Ея холодная натура не особенно безпокоилась объ этомъ; но вопросъ сестры нарушилъ до нѣкоторой степени ея спокойствіе, мысль о разлукѣ съ близкими, объ отъѣздѣ на чу-

Библиотека "Руниверс"

жую сторону отозвалась болью въ сердцѣ, и чтобы скрыть свое волненіе, невѣста поспѣшно встала и повелительнымъ жестомъ пригласила свою свиту слѣдовать за нею въ сосѣднюю комнату, гдѣ стояли пяльцы съ начатыми коврами и вышивками. Обѣ сестры были большія рукодѣльницы, и въ ихъ вѣдѣніи находились плантаціи тутовыхъ деревьевъ для выкармливанія шелковичныхъ червей, дававшихъ необходимый матеріалъ для ихъ изящныхъ работъ.

Всѣ прилежно принялись за дѣло въ ожиданіи выхода княгини изъ ея опочивальни.

На другой половинѣ князь Василій Албанецъ или Лупулъ, какъ его про себя называли придворные за его крутой нравъ, уже часа два занимался совѣщаніемъ съ великимъ логофетомъ Стефаномъ Георгицею. Они сидѣли во внутреннемъ покоѣ на низкомъ удобномъ диванѣ и разговаривали вполголоса. Великій логофетъ передавалъ своему повелителю различныя просьбы, бояръ, и князь Василій внимательно выслушивалъ его, прихлебывая кофе изъ плоской фарфоровой чашечки. Князь былъ высокій, плотный мужчина, съ черною бородою съ просѣдью, и съ густыми нависшими бровями. Большой прямой носъ и высокій открытый лобъ изобличали въ немъ его греческое происхожденіе такъ же, какъ и вьющіеся барашкомъ черные съ просѣдью волосы. Не смотря на свои пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, онъ сохранилъ бодрость и гибкость стана, а проницательные глаза его блестѣли совсѣмъ не старческимъ огнемъ. Собесѣдникъ его представлялъ рѣзкую противоположность: тучный, обвислый, одутловатый, съ подслѣповатыми маленькими глазами и огромными жирными руками, онъ вполнѣ заслужилъ прозвище Бурдуца, т. е. брюха. Золотая цѣпь съ большимъ шаромъ, висѣвшая у него на шеѣ, знакъ его достоинства, неуклюже болталась на большомъ животѣ, а множество перстней на рукахъ и позолоченный жезлъ дѣлали его фигуру еще комичнѣе; тѣмъ не менѣе въ этомъ некрасивомъ тѣлѣ былъ недюжинный умъ, соединенный съ практичностью и знаніемъ людей и свѣта.

— Стефанъ! обратился къ нему князь, когда тотъ кончилъ свой докладъ: я знаю, что ты преданъ моей семьѣ, и тебѣ

Библиотека "Руниверс"

одному довѣряю; всѣ другіе бояре не задумаются продать меня моимъ врагамъ, и давно бы сдѣлали это, если бы я ихъ не держалъ въ рукахъ; но ты мой вѣрный слуга, больше того—ты другъ мой, лучшій мой совѣтникъ....

— Господинъ мой имѣетъ полное право не сомнѣваться въ моей преданности, прервалъ его Георгица съ низкимъ поклономъ.

— Слушай же, что я скажу тебѣ, и по совѣсти отвѣть мнѣ, каково твое мнѣніе...

Георгица почтительно прижалъ руку къ груди.

— Осмѣлюсь ли я, презрѣнный рабъ такого высокаго князя, умнѣйшаго и храбрѣйшаго, кривить душой и высказывать не то, что у меня на сердцѣ?

— Хорошо! благосклонно замѣтилъ Василій. Слушай же! Ты знаешь, что я уже десять лѣтъ сижу на молдавскомъ престолѣ, и, если Богъ дастъ, просижу и еще много лѣтъ. Удержаться въ Молдавіи не мудрость; но мнѣ этого мало. Я не могу спать спокойно, зная, что тутъ, подлѣ, живетъ мой непримиримый врагъ, человѣкъ, предвосхитившій всѣ мои нововведенія, умѣющій всегда оправдаться передъ султаномъ и повредить мнѣ, человѣкъ, которому я не могу простить его побѣды, не могу простить такъ дешево купленнаго мира.

— Ваша свѣтлость изволитъ говорить о Матвѣѣ Бассарбѣ? —съ тонкою улыбкою спросилъ логофетъ. Но вѣдь вы съ нимъ помирились?

Василій вздохнулъ.

— Да, я принужденъ былъ показать видъ, что простилъ ему всѣ его оскорбленія. Но ты понимаешь, Георгица, чего это мнѣ стоило. Я утѣшаю себя тѣмъ, что недолго ждать минуты мщенія; не даромъ отдаю я дочь за одного изъ самыхъ знатныхъ польскихъ магнатовъ.

— Я осмѣливаюсь предугадывать намѣренія вашей свѣтлости,—вкрадчиво проговорилъ логофетъ все съ тою же улыбкою придворнаго, желающаго льстить, но такъ, чтобы лесть его не была замѣтна. Ваша свѣтлость изволитъ разсчитывать на помощь вашего будущаго зятя?

Библиотека "Руниверс"

— Да! отвѣчалъ Василій: и вотъ тутъ-то мнѣ нужно твое содѣйствіе.

— Ваша свѣтлость знаете, что я принадлежу вамъ и тѣломъ, и душею. Прикажете вы мнѣ подготовить князя Януша къ предстоящей задачѣ?—полувопросительно прибавилъ онъ.

— Да, но это надо сдѣлать умѣючи, надо польстить его самолюбію; можно даже пообѣщать ему этотъ завоеванный престолъ, хотя ты знаешь, что у меня другіе виды.

— Если ваша свѣтлость позволитъ мнѣ высказать свое мнѣніе—осторожно началъ логофетъ: я осмѣлюсь указать вамъ на то, что князья Радзивиллы врядъ-ли польстятся на наше господарство. У нихъ иные виды; они слишкомъ близко стоятъ къ польскому престолу, и врядъ-ли князь Янушъ захочетъ уклониться отъ возможности стать когда-либо королемъ польскимъ.

— Одна возможность не исключаетъ другой—замѣтилъ Василій; хотя, впрочемъ, я этого и не имѣю въ виду: онъ можетъ изъ родственнаго чувства помочь намъ—прибавилъ онъ, смѣясь; а мы тоже изъ родственной пріязни можемъ пригодиться ему, когда онъ захочетъ польской короны. Вообще, я на тебя надѣюсь, Георгица! прибавилъ князь Василій, съ величественнымъ жестомъ отпуская своего совѣтника: ты сдѣлаешь все, что можно, и расположишь къ намъ польскихъ магнатовъ; кто знаетъ, можетъ быть, въ средѣ ихъ найдется женихъ и для Локсандры. Опираясь на Польшу, мы не побоимся тогда и Порты.

— Въ числѣ гостей вашей свѣтлости будетъ много польской знати, замѣтилъ логофетъ уже на порогѣ. Я же совѣтовалъ бы вашей свѣтлости обратить вниманіе на молодыхъ пановъ Потоцкаго и Калиновскаго; отцы ихъ пользуются королевскою милостью и хороши съ великимъ канцлеромъ, а это все, что намъ пока нужно.

Василій одобрительно кивнулъ головою. Георгица съ низкимъ поклономъ удалился. Въ дверяхъ онъ столкнулся съ человѣкомъ, съ которымъ менѣе всего желалъ встрѣчи.

Это былъ высокій сѣдой старикъ съ жидкою бородою и большою плѣшью; его сухіе, костлявые пальцы крѣпко сжимали

Библиотека "Руниверс"

толстый свертокъ, а губы поминутно шевелились, точно онъ что-то шепталъ про себя. Георгица терпѣть не могъ этого сухопараго ученаго, какъ онъ его называлъ, да и логофетъ Евстафій не особенно долюбливалъ Стефана. Оба они оспаривали княжескую милость, и Стефанъ при случаѣ никогда не пропускалъ удобнаго момента въ присутствіи князя посмѣяться надъ странностями ученаго старика и выставить его въ смѣшномъ свѣтѣ. Евстафій никогда не платилъ ему тою же монетою: онъ былъ слишкомъ не отъ міра сего, слишкомъ занятъ своими учеными изслѣдованіями и даже, по всей вѣроятности, въ большей части случаевъ вовсе не замѣчалъ ѣдкихъ насмѣшекъ своего противника. Смѣривъ другъ друга далеко не дружелюбнымъ взоромъ, придворные молча разошлись, и князь Василій встрѣтилъ Евстафія съ веселою улыбкою.

— Что, какъ наши дѣла, дорогой мой законовѣдъ? Скоро ли ты избавишь меня отъ необходимости измышлять рѣшенія каждаго дѣла и на свой личный страхъ подписывать приговоры? Каждый разъ, когда я засѣдаю въ диванѣ и выслушиваю разнообразные доводы тяжущихся, я думаю о тебѣ и молю Бога, чтобы Онъ помогъ тебѣ поскорѣе окончить твою работу.

— Ваша свѣтлость возложили на меня слишкомъ тяжелый трудъ,—отвѣчалъ Евстафій. Если бы я могъ еще придерживаться какого нибудь свода, существовавшаго раньше, чего-нибудь болѣе научнаго, чѣмъ обычай, болѣе опредѣленнаго, чѣмъ естественное право, моя работа пошла бы быстрѣе. Но обычай нашей страны суровъ и подчасъ жестокъ; а естественное право далеко не всегда можетъ обнять тѣ отступленія, которыя создаетъ жизнь. По совѣсти я не могъ бы утвердить наказаніе, налагаемое на убѣжавшаго раба, — заклеймить его и вырвать ноздри, или смертью казнить голоднаго цыгана, укравшаго курицу. Съ другой стороны, какъ опредѣлить степень наказанія во всѣхъ вопросахъ чести, не исключая и чести семейной?

— Что касается семейной чести,—замѣтилъ Василій,—ты никогда не будешь достаточно строгъ. Мы должны оберегать семью,—нравы становятся слишкомъ легкими. Наши женщины слишкомъ часто бросаютъ мужей, а мужчины мало отличаютъ

Библиотека "Руниверс"

замужнихъ отъ незамужнихъ... Что же ты принесъ мнѣ сегодня? спросилъ князь, посматривая на свертокъ Евстафія.

— Это черновая работа, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ тотъ нерѣшительно.

— Все равно, прочти! Да, кажется, это стихи? прибавилъ онъ, заглянувъ черезъ руку логофета. Я и не зналъ, что мой секретарь занимается поэзіей.

— Это предисловіе, ваша свѣтлость! смущенно отвѣчалъ ученый: объясненіе молдавскаго герба.

— Посмотримъ! снисходительно проговорилъ князь, усаживаясь на диванъ и рукою приглашая своего секретаря занять мѣсто рядомъ.

Логофетъ, занявъ мѣсто, прочелъ свои стихи.

Василій задумался.

— Ты говоришь, что нашъ гербъ, голова быка, есть эмблема сильной крѣпости... Значитъ—ты вѣришь въ существованіе этой крѣпости, этой Caput bovis... Отчего же до сихъ поръ нигдѣ не найдено ея развалинъ?

— Оттого что ихъ плохо искали, ваша свѣтлость. Но гдѣ нибудь при устьѣ Серета они должны существовать,—на это указываютъ римскіе источники.

— Можетъ быть, ты и правъ,—отвѣчалъ князь. Во всякомъ случаѣ я долженъ тебя поздравить съ звучнымъ стихомъ. Долженъ только замѣтить одно: ты мнѣ слишкомъ льстишь въ окончательной строфѣ,—прибавилъ съ снисходительною улыбкою князь. Боюсь, чтобы не досталось тебѣ за эти похвалы отъ нашихъ бояръ; они не слишкомъ то цѣнятъ мои заслуги отечеству.

— Я не могъ иначе говорить, государь! съ достоинствомъ отвѣчалъ логофетъ. Ты, князь, первый внесъ свѣтъ науки въ эту невѣжественную страну. Кто, какъ не ты основалъ высшее училище? Кто, какъ не ты учредилъ въ этомъ училищѣ каѳедры богословія, правовѣдѣнія, классическихъ языковъ, языковъ турецкаго и арабскаго? Ты завелъ типографіи, ты ввелъ родной языкъ въ богослуженіе, и наконецъ теперь ты готовишься дать Молдавіи письменный сводъ законовъ... Развѣ я не въ правѣ былъ сказать, что имя твое не умретъ въ исторіи?

Библиотека "Руниверс"

Василій съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ своего секретаря, наконецъ вздохнулъ и сказалъ:

— И все таки мой сосѣдъ все у меня предвосхитилъ. Все таки бояре правы, когда шепчутся между собою, что я его подражатель.

— Однако, ваша свѣтлость,—съ нѣкоторою гордостью возразилъ Евстафій,—про сводъ законовъ этого нельзя будетъ сказать; это уже наше дѣло и наша заслуга; никто ее у насъ не отниметъ.

— Вотъ потому-то я и тороплю тебя, мой дорогой Евстафій. Я боюсь, что мой непримиримый врагъ лишитъ меня и этой славы: письменные законы такъ же необходимыя въ Валахіи, какъ и въ Молдавіи; если Матвѣй предупредитъ насъ, то всѣ скажутъ, что мы ему подражали.

— Вчернѣ моя работа уже готова,—сказалъ Евстафій, вставая: остается только просмотрѣть всѣ сорокъ главъ и приступить къ печатанію. Черезъ годъ трудъ будетъ напечатанъ.

— Черезъ годъ! вздохнулъ Василій. Это слишкомъ много времени. Ты жестокъ, Евстафій! Подумай, мнѣ придется еще слишкомъ триста разъ засѣдать, какъ сегодня, опираясь на сомнительный обычай и на неопредѣленное естественное право, какъ ты выражаешься.

При этомъ онъ всталъ и, вынимая изъ кармана большіе часы въ видѣ луковицы, прибавилъ:

— Вотъ ужъ и пора! Мои совѣтники ждутъ меня въ диванъ для рѣшенія безчисленныхъ тяжебъ, споровъ, проступковъ и преступленій. Сколько-то недовольныхъ прибавится еще сегодня къ длинному списку моихъ враговъ?

— Ваша свѣтлость не должны обращать на нихъ вниманія; у всѣхъ великихъ людей всегда были и завистники, и враги.

— О, я и не забочусь о нихъ! гордо поднявъ голову, съ живостью отвѣтилъ Василій, и лице его приняло жестокое выраженіе. Я ихъ давлю, какъ мухъ, и они мнѣ надоѣдаютъ по столько, поскольку могутъ надоѣдать назойливыя мухи.

Онъ отпустилъ логофета и отправился въ диванъ рѣшать текущія дѣла.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА II.

ПРОДАВЕЦЪ ОЖЕРЕЛЬЯ.

Въ одномъ изъ предмѣстій обширнаго города, на краю большой площади, представлявшей въ это время пустынную снѣжную равнину, ютилась жидовская корчма, какъ разъ на перепутьи между двумя дорогами, въ Турцію и Польшу.

Вечеромъ въ описываемый нами день небольшая кучка польскихъ шлахтичей медленно подъѣзжала къ корчмѣ. Они весело разговаривали и смѣялись, поглядывая на встрѣчавшихся красивыхъ горожанокъ въ ихъ кокетливыхъ тулупахъ, вышитыхъ зеленымъ шелкомъ. Небольшія мѣховыя шапочки, надѣтыя поверхъ шитыхъ тюрбановъ, на подобіе чалмы, придавали особенно вызывающее выраженіе ихъ смуглымъ овальнымъ лицамъ съ большими блестящими черными выразительными глазами.

— А женщины здѣсь, клянусь честью, не дурны! проговорилъ высокій молодой человѣкъ съ черными усами и блѣднымъ матовымъ лицемъ.

— Панъ Александръ—знатокъ по этой части,—замѣтилъ другой, плотный, невысокаго роста, съ довольно поношенною, не смотря на молодость, физіономіею.

— Еще бы! смѣясь прибавилъ третій, въ которомъ не трудно было узнать князя Дмитрія, хотя за шесть послѣднихъ лѣтъ онъ сильно возмужалъ и развился въ высокаго красиваго бѣлокураго юношу.

— Панъ Александръ видѣлъ и испанокъ, и италіанокъ, и француженокъ, я ужъ не говорю о нѣмкахъ... Еслибы отецъ его не потребовалъ къ себѣ, онъ, навѣрно, и теперь не разстался бы съ прекрасными иностранками. Неправда ли, панъ Александръ?

— Я нисколько не сожалѣю объ этомъ,—отвѣчалъ съ напускною серьезностью панъ Конецпольскій. Это даетъ мнѣ случай побывать въ благословенной Молдавіи, гдѣ текутъ медовыя рѣки, а женщины такъ-же дешевы, какъ вино. И какія женщины? Посмотрите, какія у нихъ правильныя лица, какой стройный, гибкій станъ, какія развитыя формы... И замѣтьте, онѣ еще не знаютъ корсета, какъ наши варшавянки...

Библиотека "Руниверс"

— Ну, положимъ, что красота никогда не бываетъ безъ подлога,—замѣтилъ некрасивый шляхтичъ, плутовски подмигивая своими маленькими глазками. Ужъ если римлянки умѣли такъ подтягивать пояса, что казались стройнѣе, то неужели опытныя молдаванки откажутъ себѣ въ этомъ удовольствіи? Онѣ и румянятся, и бѣлятся, и сурмятся такъ-же, какъ и всѣ прочія женщины. Да кромѣ того, говорятъ, онѣ и колдуньи и умѣютъ къ себѣ привораживать.

— Это весело! со смѣхомъ замѣтилъ панъ Александръ. Значитъ мы подвергаемся опасности превратиться въ оборотней, или очутиться въ заколдованномъ кругу; это будетъ нѣчто неиспытанное. Что это князь Дмитрій повѣсилъ носъ? прибавилъ онъ оборачиваясь назадъ и внимательно посматривая на молодаго человѣка, задумчиво опустившаго повода.

— Онъ мечтаетъ о феѣ, посѣтившей его во снѣ—смѣясь замѣтилъ шляхтичъ. И увы! онъ этой феи долго не увидитъ, по крайней мѣрѣ, три дня, пока не пріѣдетъ самъ князь женихъ.

Князь Дмитрій вспыхнулъ.

— Сто дьябловъ! Прошу пана Кутнарскаго обратить свои шутки въ какую нибудь другую сторону. Князья Вишневецкіе не привыкли ждать. Даю честное слово благороднаго рыцаря, что увижу панну Локсандру не позже завтрашняго вечера. Кто хочетъ держать со мною пари?

— Я—весело отозвался панъ Александръ.

— И я—мрачно отозвался четвертый шляхтичъ, молча ѣхавшій рядомъ съ паномъ Кутнарскимъ.

— Панъ Доброшевскій заговорилъ! съ напускною радостью провогласилъ Кутнарскій. Вотъ что значитъ женщина! Она расшевелила моего добрѣйшаго и молчаливѣйшаго друга. Панъ Доброшевскій серьезно желаетъ держать пари? обратился онъ къ нему.

— Серьезно! лаконически отвѣчалъ тотъ все съ тѣмъ же мрачнымъ видомъ.

Панъ Кутнарскій и панъ Доброшевскій давно уже неразлучно переходили отъ одного пана къ другому. Если одинъ былъ по натурѣ комикъ, то другаго можно было назвать тра-

Библиотека "Руниверс"

гикомъ. Его высоко поднятыя брови, опущенные углы рта, неподвижный взглядъ и вѣчная молчаливость придавали ему видъ глубоко огорченнаго человѣка. Такимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ судьба его обдѣлила не только наружностью, но и остальными мірскими благами.

— Въ такомъ случаѣ,—серьезно сказалъ Кутнарскій,—я считаю себя болѣе чѣмъ обязаннымъ присоединиться тоже къ пари.

Онъ принялъ величественную осанку, поднялъ голову, надулъ щеки и продолжалъ:

— Пану Александру первому назначать условія.

— Идетъ!—весело отозвался Конецпольскій.—Въ случаѣ проигрыша, я ставлю коня со всею сбруею, а князь Дмитрій уступаетъ мнѣ права на домну Локсандру.

— Идетъ! подтвердилъ Вишневецкій

— А вотъ и наши условія! проговорилъ Кутнарскій. Если князь Дмитрій проиграетъ, онъ отсчитаетъ каждому изъ насъ по сту волотыхъ; если же выиграетъ, то восторжествуетъ свою побѣду надъ нами тѣмъ, что угоститъ насъ хорошимъ токайскимъ, причемъ мы обязуемся пить до положенія ризъ. Согласенъ панъ Доброшевскій?

Всѣ засмѣялись, только одинъ трагикъ сохранилъ свой мрачный видъ.

— Идетъ! также мрачно отвѣчалъ онъ.

Въ это время они подъѣхали къ корчмѣ, и панъ Кутнарскій концемъ нагайки постучалъ въ окно. Дверь пріотворилась, въ щели показалась голова еврея корчмаря.

— Голову даю на отсѣченіе, если это не Янкель! въ удивленіи воскликнулъ Конецпольскій.—Гей, Янкель! Какъ ты сюда попалъ?

Худощавая фигура Янкеля показалась на порогѣ; съ заискивающею улыбкою онъ отвѣсилъ низкій поклонъ пану.

— Бѣдному, честному еврею гдѣ-гдѣ не придется побывать за всю его долгую жизнь, ясновельможный пане! Іегова прогнѣвался на раба своего. Вотъ ужъ сколько лѣтъ подрядъ бѣдный Янкель не можетъ найти пристанища.

— Кто же велѣлъ тебѣ уѣхать изъ Переяславля? спросилъ

Библиотека "Руниверс"

панъ Александръ, сойдя съ лошади и входя въ сопровожденіи своихъ путниковъ въ корчму.

— Козаки, ясновельможный пане! все—они; бѣдному Янкелю на роду написано отъ нихъ терпѣть.

— За что-же они тебя выжили изъ Переяславля?

— У меня въ коршмѣ нашли Смольчуга и Ганжу; вѣдь эта исторія извѣстна ясновельможному пану?

— А—а! протянулъ Конецпольскій. Да, да! припоминаю. Ты ихъ доставилъ моему отцу. Отецъ ихъ, кажется, выпустилъ на волю, когда кончилось возстаніе.

— Что говоритъ ясновельможный панъ? съ испугомъ вскрикнулъ Янкель. Неужели этимъ разбойникамъ не отрубили головъ?

— Ну, смотри, какъ бы они тебя не отыскали; не сносить тебѣ тогда головы!

— Здѣсь все таки спокойнѣе, чѣмъ на Украйнѣ. Здѣшній господарь, ой-ой, какой строгій! Онъ безчинствовать не позволятъ даже козанамъ. Мы съ Хайкою здѣсь отдохнули. Гей, Хайка! Гдѣ же ты? кликнулъ онъ, заглядывая за перегородку.

Хайка вышла изъ-за перегородки и привѣтливо поклонилась гостямъ. Она немного обрюзгла и пополнѣла, но живое, подвижное лице ея было все еще довольно красиво; а молдаванскій нарядъ очень шелъ къ ея смуглому лицу и вертлявой фигурѣ. Панъ Кутнарскій не замедлилъ къ ней присосѣдиться, увѣряя подтрунивавшихъ надъ нимъ пановъ, что онъ помогаетъ ей хозяйничать. Янкель вышелъ посмотрѣть лошадей и засыпать имъ ячменя. Князь Дмитрій послѣдовалъ за нимъ.

— Послушай ты, жидъ! обратился онъ къ нему. Ты деньги любишь?

— Ясновельможный панъ шутить изволитъ? проговорилъ Янкель, искоса посматривая на кошелекъ съ золотыми.

— Нисколько не шучу и за услуги платить съумѣю.

— Что угодно ясновельможному пану? проговорилъ Янкель, оставивъ лошадей и настороживъ уши.

— У вашего господаря есть дочь, не та, что выходитъ замужъ, а другая...

Библиотека "Руниверс"

— Домна Локсандра,—поспѣшно проговорилъ Янкель. Уу! какая это панна! она свѣтится, какъ звѣздочка на небѣ; нѣтъ другой такой красавицы въ Яссахъ.

— Глупецъ! промолвилъ князь. Никто не спрашиваетъ твоего мнѣнія; много ты понимаешь!.

Янкель съежился. „Что за чудной панъ?“ подумалъ онъ: „никакъ на него не угодишь?„.

— Что же привлажетъ ясновельможный панъ бѣдному еврею? проговорилъ онъ, стараясь принять самый скромный и подобострастный видъ.

— Я хочу видѣть эту домну Локсандру,—проговорилъ князь. Понимаешь ли, видѣть ее такъ близко, какъ вижу теперь тебя, и не позже завтрашняго вечера. Если ты мнѣ это устроишь, все это золото твое.

Князь развязалъ шнурокъ у кошелька, доверху наполненнаго золотыми монетами.

Услышавъ такое категорическое заявленіе, Янкель въ первую минуту растерялся; ему даже показалось, что панъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Но блескъ золота заставилъ его тотчасъ иначе отнестись къ тревожащему его вопросу. „Что ему за дѣло, въ своемъ ли умѣ панъ или помѣшанъ? Если бы это была простая боярышня, то тутъ даже и думать было нечего; но молодая княжна—статья совсѣмъ иная; кто знаетъ, какія намѣренія у этого сумашедшаго пана; случись что нибудь, и Янкелю не уйти отъ гнѣва князя Василія“. Янкель рѣшился отказаться отъ предложеннаго золота.

— Я бѣдный еврей, ясновельможный пане! Какъ мнѣ взяться за такое важное дѣло!

Князь Дмитрій насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Вотъ потому то, что ты бѣдный еврей, я къ тебѣ и обращаюсь; а какъ это дѣло устроить, я тебя самъ научу. Смотри, вотъ у меня какая бездѣлка.

Князь Дмитрій вынулъ изъ-за пазухи своего кунтуша довольно большой футляръ изъ краснаго сафьяна. Когда онъ его открылъ, у Янкеля разбѣжались глаза. Такихъ чудныхъ брилліантовъ онъ въ жизнь свою не видывалъ: ожерелье, серьги,

Библиотека "Руниверс"

діадема переливали всѣми цвѣтами радуги, при тускломъ свѣтѣ мерцавшаго факела.

— Великъ Богъ Авраама, Исаака и Іакова! воскликнулъ Янкель. Чудны творенія его! Такихъ брилліантовъ нѣтъ у самой домны невѣсты.

— Еще бы!—съ высокомѣрною гордостью отвѣчалъ князь Дмитрій: это брилліанты моей бабушки, княгини Мнишекъ. Подобныхъ имъ нѣтъ ни у Радзивилловъ, ни у Сапѣгъ, ни у Любомирскихъ. У тебя, навѣрно, есть знакомства въ княжескомъ замкѣ. Ты сходишь туда и скажешь, что пріѣзжій шляхтичъ желаетъ продать драгоцѣнный уборъ, а между тѣмъ похлопочешь, чтобы меня приняли завтра и чтобы панна Локсандра тоже посмотрѣла мои брилліанты. Впрочемъ, объ этомъ ты можешь, пожалуй, и не заботиться. Если меня примутъ, то, конечно, я ее увижу.

— А ясновельможный панъ вправду продаетъ свои брилліанты? нерѣшительно спросилъ Янкель. Зачѣмъ тогда далеко ходить: у Янкеля тоже найдется золото для такой чудной вещи.

Князь Дмитрій побагровѣлъ отъ ярости и схватился за эфесъ сабли.

— Презрѣнный жидъ! крикнулъ онъ: если ты еще разъ осмѣлишься предложить мнѣ подобную сдѣлку, я тебя искрошу, какъ послѣднюю собаку. Дѣлай, что тебѣ приказано, и не суйся съ своими разспросами?

„Этотъ панъ, навѣрно, полуумный“, подумалъ Янкель, пятясь къ стѣнѣ; онъ не смѣлъ больше открыть рта и молча выслушалъ остальныя приказанія князя.

— Ты ни словомъ не заикнешься обо всемъ этомъ другимъ панамъ, да и въ замкѣ болтай поменьше. Когда все устроишь, скажешь мнѣ объ этомъ одинъ на одинъ, а теперь ступай,— времени терять нечего!

Янкель крикнулъ своего старшаго сына и, оставивъ коней на его попеченіе, поплелся къ городскимъ воротамъ.

— Князь Дмитрій, вѣрно, колдовалъ при лунномъ свѣтѣ,— подтрунивалъ Кутнарскій, посматривая на взволнованное лицо юноши. Я бы подумалъ, что ему опять пригрезилась его фея;

Библиотека "Руниверс"

но объ этомъ велѣно молчать до завтрашняго вечера, а завтра мы опорожнимъ кошелекъ великодушнаго князя.

Но на этотъ разъ остроуміе Кутнарскаго не достигло цѣли. Князь Дмитрій оставался равнодушнымъ къ его насмѣшкамъ. Онъ смотрѣлъ куда-то вдаль, и на красивомъ свѣжемъ лицѣ его быстро смѣнялись какія-то неуловимыя ощущенія; онъ переживалъ что то невыразимое, необъятное—предчувствіе чего то мучительно сладкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелаго, гнетущаго. Его давила тоска, а сердце между тѣмъ прыгало отъ радости.

Поужинавъ, всѣ легли спать на прекрасномъ душистомъ сѣнѣ, разостланномъ досужею рукою Хайки.

Янкель вернулся, когда уже всѣ спали крѣпкимъ сномъ, и, тихо пробравшись за перегородку, тихонько шепнулъ Хайкѣ:

— Слышь, Хайка, дитя мое! завтра у насъ будетъ цѣлый кошель золотыхъ.

Хайка удивленно посмотрѣла на него.

— Это откуда еще? Ограбить, чтоли, собираешься кого? презрительно сказала она.

Вообще въ Молдавіи она стала слишкомъ самостоятельна, вслѣдствіе легкости молдавскихъ нравовъ, и Янкель не разъ грозилъ похлестать ее ногайкою.

— Зачѣмъ грабить? Мы и честнымъ трудомъ съумѣемъ нажить.

— Тамъ когда еще честнымъ трудомъ наживешь! презрительно вздернувъ губу, отрѣзала Хайка. А вотъ у меня и теперь есть золотой! похвастала она, вертя передъ глазами мужа золотою монетою.—Только тебѣ его, какъ своихъ ушей, не видать!—прибавила она съ вызывающимъ видомъ, пряча монету въ карманъ.

— Тфу! сплюнулъ Янкель, отворачиваясь отъ нея. Если бы только не ясновельможные паны, попробовать бы тебѣ ногайки.

Онъ недовольно отодвинулъ свой соломенный тюфякъ въ уголъ каморки и улегся, ворча что-то про себя.

На другой день едва только господарша изволила выйти изъ своей опочивальни, какъ къ ней подошелъ ея великій ключарь и съ таинственнымъ видомъ доложилъ ей, что какой-то

Библиотека "Руниверс"

бѣдный пріѣзжій шляхтичъ проситъ аудіенціи, такъ какъ онъ желаетъ продать дорогой уборъ.

Господарша, высокая статная женщина уже не первой молодости, еще не потеряла своей обаятельной красоты, немного слишкомъ южной, слишкомъ типичной, но зато горячей и страстной, какъ то полуденное небо, подъ которымъ родилась. Она, какъ всѣ дочери юга, до страсти любила наряды и особенно драгоцѣнныя украшенія. Не смотря на свои несмѣтныя богатства, Лупулъ былъ скупъ на всякую лишнюю роскошь, особенно въ томъ, что касалось домашняго быта. Красивой женѣ его приходилось выпрашивать у него и дорогія одежды, и драгоцѣнные уборы. Вотъ почему и теперь она колебалась дать свое согласіе. Ключарь, тонкій дипломатъ, тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Ваша свѣтлость не обязаны купить у шляхтича его драгоцѣнности; можно посмотрѣть и прицѣниться.

— Это правда! согласилась господарша. Пусть придетъ.

Ключарь удалился съ низкимъ поклономъ, а господарша позвала падчериць. Все таки это было нѣкоторое развлеченіе для скучавшихъ женщинъ, сидѣвшихъ цѣлыми днями на своей половинѣ и только изрѣдка являвшихся на общественныхъ пирахъ или косвенно ухитрявшихся вліять на государственныя дѣла.

Скоро пріемный залъ господарши, куда она приказала привести шляхтича, наполнился толпою любопытныхъ боярынь и боярышень. Имъ пришлось ждать недолго. Растворилась дверь и въ залъ вошелъ немного сгорбленный пожилой человѣкъ въ одеждѣ простаго шляхтича, съ длинными полусѣдыми усами и густыми сѣдыми бровями, какъ то неестественно нависшими подъ гладкимъ бѣлымъ лбомъ. Ключарь, пропустивъ его въ дверь, остановился у порога и ожидалъ приказаній господарши. Ему самому хотѣлось взглянуть на драгоцѣнный приборъ, но этикетъ требовалъ ждать приглашенія.

Замѣтивъ его вопросительную позу, господарша сдѣлала знакъ рукой, и онъ тогда почтительно приблизился къ столу, заглядывая изъ-за боярынь на руки шляхтича, державшаго свой футляръ.

Шляхтичъ не спѣша окинулъ всѣхъ своимъ быстрымъ взоромъ, и глаза его съ удивленіемъ и восторгомъ остановились

Библиотека "Руниверс"

на младшей изъ княженъ, дышавшей всею прелестью молодости, обаятельной красоты и невинной шаловливой игривости ребенка. Высокій ростъ сестры мѣшалъ ей видѣть интереснаго шляхтича съ его драгоцѣнностями; она приподнялась было на цыпочки, но, найдя это неудобнымъ, просунула голову подъ рукою важной домны невѣсты, причемъ ея длинныя тяжелыя косы скользнули на бѣлую едва развившуюся грудь, а улыбающійся коралловый ротикъ открылъ цѣлый рядъ прелестныхъ жемчужныхъ зубовъ.

— Какой старый! шепнула она, смѣясь своей сестрѣ.

Князь Дмитрій понималъ немного по-молдавански и невольно усмѣхнулся про себя. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ этой прелестной дѣвушки полуребенка, и ему невольно пришли въ голову слова Кутнарскаго, обвинявшаго молдаванскихъ женщинъ въ колдовствѣ. Эта маленькая колдунья, дѣйствительно, приковала его къ себѣ и лукавыми взглядами, и извивавшимися, какъ змѣйки, косами, и своими легкими, граціозными движеніями. Онъ готовъ былъ стоять такъ цѣлую вѣчность, но голосъ старшей сестры привелъ его въ себя.

— Панъ, быть можетъ, покажетъ намъ свои бездѣлки? сказала она чисто по-польски.

Обѣ сестры двѣ уже зимы учились по польски, исполняя приказаніе отца, и учились охотно, такъ какъ уроки стараго полька учителя были развлеченіемъ въ ихъ однообразной жизни.

— Панъ застылъ отъ холода—смѣясь прибавила Локсандра. Видишь, онъ не можетъ вымолвить ни слова.

Князь Дмитрій опомнился и поспѣшно открылъ футляръ.

— Да простятъ свѣтлѣйшія панны старику! тихо проговорилъ онъ: онѣ, какъ солнце, ослѣпили старческія очи его, невидавшія ничего подобнаго во всю долгую жизнь.

Дѣвушки смущенно улыбнулись и наклонились вмѣстѣ съ мачихой къ брилліантамъ.

— Ахъ какъ это хорошо! протоворила домна Локсандра. Это гораздо лучше того, что прислалъ тебѣ твой женихъ.

— Спросите его, что это стоитъ? сказала мачиха.

Библиотека "Руниверс"

Она подумала, что на этотъ разъ можетъ быть Лупулъ смягчится и купитъ ей драгоцѣнное украшеніе; въ немъ она на свадьбѣ падчерицы затмитъ невѣсту.

— Съ позволенія вашей свѣтлости, я говорю немного по молдавански. Уборъ этотъ стоитъ очень дорого, онъ рѣдкой воды. Я не могу за него взять менѣе ста тысячъ червонцевъ.

Господарша вздохнула. Конечно, мужу ея ничего не значитъ заплатить сто тысячъ червонцевъ, но онъ на это никогда не согласится. Домна невѣста въ это время что-то обдумывала.

— Панъ, можетъ быть, подождетъ продавать свой уборъ? сказала она. Какъ только я выйду замужъ, я куплю у него эти чудные брилліанты.

— Прекрасная княжна! скромно отвѣчалъ шляхтичъ, приложивъ руку къ сердцу: я бы все сдѣлалъ для ясныхъ глазъ вашей свѣтлости, но мнѣ невозможно ждать.

Между тѣмъ боярыни и боярышни по очереди смотрѣли въ футляръ, восторгались уборомъ, расточали похвалы брилліантамъ, а шляхтичъ все не спускалъ взоровъ съ домны Локсандры. Онъ воспользовался минутой, когда она къ нему приблизилась, любуясь игрою блестѣвшихъ камней, и тихо сказалъ ей по польски:

— Панна чародѣйка! удѣли нѣсколько минутъ бѣдному старику. Можетъ, онъ тебѣ разскажетъ такія чудныя сказки, какихъ ты никогда не слыхала.

Домна Локсандра весело засмѣялась и довѣрчиво посмотрѣла ему въ глаза.

— А развѣ панъ дѣдъ? Я слышала о польскихъ дѣдахъ, что поютъ чудныя думки.

— То не поляки, а хлопы! съ презрѣніемъ отвѣчалъ онъ. Я спою паннѣ лучшія пѣсни.

— Меня не пустятъ ни мать, ни сестра—отвѣчала она. Въ эту минуту господарша важно подошла къ шляхтичу и съ достоинствомъ проговорила:

— Если панъ не можетъ понизить свою цѣну до половины, то я не рѣшусь и сказать объ этомъ своему мужу.

Затѣмъ она его отпустила. Князю Дмитрію ничего не оставалось дѣлать, какъ спрятать свой футляръ и откланяться.

Библиотека "Руниверс"

Вернувшись въ корчму, князь со смѣхомъ разсказалъ свою продѣлку товарищамъ и отправилъ жида на поиски самаго лучшаго стараго токайскаго.

— Да только смотри, приноси цѣлый боченокъ! командовалъ онъ. А это тебѣ за услугу! прибавилъ онъ, бросая ему кошелекъ съ золотомъ.

— Молодецъ у насъ князь Дмитрій! смѣялся Кутнарскій. Хоть мы и проиграли по сту золотыхъ, а все таки скажу, что молодецъ, и по этому случаю запьемъ мы сегодня мертвецки.

— Да что же вы проиграли? замѣтилъ панъ Александръ: у васъ и за душей нѣтъ десяти золотыхъ вы, напротивъ, выиграли токайское.

— Проигралъ, клянусь мечемъ моихъ предковъ, проигралъ! настаивалъ шляхтичъ, еслибъ этотъ проныра Янкель не устроилъ свиданія князю съ домной Локсандрой, сто золотыхъ лежали бы теперь у меня въ кошелькѣ,—ergo я ихъ проигралъ.

Всѣ засмѣялись и принялись за попойку. Услужливый Янкель добылъ откуда то карты. За картами поднялся споръ, и все это длилось до поздняго вечера, пока наконецъ подгулявшіе паны не улеглись спать.

ГЛАВА III.

ПЕРВОЕ ПРИЗНАНІЕ.

На другое утро, только что князь Дмитрій проснулся, онъ пошелъ разыскивать Янкеля. Корчмарь стоялъ на дворѣ и перебранивался съ Хайкою.

— Гдѣ ты была ночью, низкая душа? кричалъ онъ ей. Ребенка бросила; нянька я тебѣ, что ли, дался? Вотъ возьму тотчасъ палку и обломаю о твои бока, не будешь другой разъ бѣгать!

— Скажи, пожалуйста, какой страшный! огрызалась Хайка, стараясь впрочемъ держаться подальше отъ мужа. Эка важность. что понянчилъ ребенка!

Библиотека "Руниверс"

— Это еще что? крикнулъ Янкель, увидѣлъ у Хайки на шеѣ пестрый шелковый платочекъ

— Тебѣ что за дѣло? не ты покупалъ! Отъ тебя я немного видѣла подарковъ.

Янкель хотѣлъ было схватить ненавистный платокъ и сдѣлалъ уже движеніе къ Хайкѣ, но, замѣтивъ подходившаго князя Дмитрія, послалъ Хайкѣ въ догонку угрожающій жестъ и съ низкими поклонами обратился къ своему постояльцу.

— Что угодно ясновельможному пану?

— Ты, Янкель, я вижу, расторопный малый. Устрой мнѣ еще одно дѣло.

— Что прикажетъ панъ?

— Скажи мнѣ прежде всего, пускаютъ ли молодую княжну одну гулять?

Янкель лукаво подмигнулъ. „Вотъ онъ куда гнетъ“, подумалъ онъ.

Въ устройствѣ любовныхъ дѣлъ ему не въ первый разъ приходилось дѣйствовать; онъ считался въ Яссахъ однимъ изъ самыхъ ловкихъ и за деньги могъ свести кого угодно. Вся ясская золотая молодежь, лакомая до тайныхъ похожденій, прекрасно знала его корчму; а при разбирательствѣ скандальныхъ дѣлъ онъ всегда умѣлъ увильнуть въ сторону и спастись отъ гнѣва князя Василія.

— Что же ты молчишь? нетерпѣливо спросилъ князь. Кажется, я толкомъ тебя спрашиваю: ходитъ ли домна Локсандра одна гулять?

— Ни, ни, Боже мой! какъ это можно, чтобы ея свѣтлость пускали одну; она и пѣшкомъ то не ходитъ.

— Дурацкій обычай! проворчалъ Вишневецкій. Это скверно, Янкель! прибавилъ онъ, обращаясь къ корчмарю.

Янкель опять лукаво подмигнулъ.

— Ясновельможный панъ желаетъ имѣть свиданіе съ домной?

— Свиданіе! нетерпѣливо крикнулъ князь. Какое тутъ свиданіе? Я бы хотѣлъ ее видѣть, говорить съ нею наединѣ.

— Ну, такъ это же и есть свиданіе—съ недоумѣніемъ проговорилъ Янкель. Когда молодой панъ желаетъ наединѣ видѣть молодую боярышню, что же это, какъ не свиданіе?

Библиотека "Руниверс"

— Если бы и она меня тоже хотѣла видѣть, но она меня даже и не знаетъ и считаетъ за старика. Ну, да что съ тобою толковать! Устрой хоть свиданіе! Я вдвое заплачу противъ прежняго. Только скорѣе, сейчасъ; я сгораю нетерпѣніемъ ее видѣть.

Янкель самодовольно поглаживалъ свою жиденькую бородку: влюбленный князь, очевидно, былъ въ его рукахъ и передъ нимъ уже носилась мысль, сколько золотыхъ онъ можетъ изъ него высосать. Трудность и опасность предпріятія не особенно его смущали, такъ какъ у него были лазейки въ княжескомъ замкѣ; онъ тамъ не разъ устраивалъ дѣлишки княжеской прислуги и могъ разсчитывать на взаимную помощь съ ихъ стороны.

— Янкель готовъ служить ясновельможному пану —отвѣчалъ онъ съ низкимъ поклономъ: только панъ слишкомъ нетерпѣливъ. Первое—въ княжскомъ дворцѣ всѣ еще спятъ; второе—такія дѣла дѣлаются тайно, а третье—ясновельможный панъ пожалуетъ задатокъ.

Князь Дмитрій нетерпѣливо сунулъ руку за пазуху, вытащилъ изъ кошелька пригоршню золотыхъ монетъ и далъ ихъ еврею.

Янкель опустилъ монеты въ карманъ и, весело побрякивая ими, проговорилъ:

— Вотъ теперь мы подмажемъ, кого нужно. Только какъ панъ прикажетъ; желаетъ ли онъ оставаться старикомъ, или ему угодно помолодѣть для прекрасной княжны?

Князь Дмитрій на минуту задумался.

— Я ей говорилъ, что умѣю разсказывать сказки, пусть же она и видитъ во мнѣ пока старика сказочника.

— Хорошо! подтвердилъ Янкель. Клянусь прахомъ Авраама, хорошо! Онъ хлопнулъ себя по лбу и прибавилъ:

— Вотъ отличная мысль! Ясновельможный панъ прекрасно придумалъ. И поклонившись въ поясъ, онъ быстро зашагалъ въ городъ.

Вишневецкій вернулся въ корчму, гдѣ его товарищи уже сидѣли за холоднымъ завтракомъ, послѣ вчерашняго похмелья поправляя голову прекраснымъ котнарскимъ зеленымъ виномъ, гордостью и славою Молдавіи.

Библиотека "Руниверс"

Въ княжескомъ замкѣ давно уже отобѣдали, и легкія зимнія сумерки наполнили таинственнымъ полумракомъ большіе залы съ высокими сводами и красивыми колоннами. Господарша прилегла отдохнуть, княжна невѣста разбирала свое приданное при помощи ближнихъ боярынь и боярышень, а молодая княжна тихо присѣла къ окошку въ сумрачномъ одинокомъ залѣ и смотрѣла вдаль на снѣжные холмы на однообразную снѣжную пелену, покрывавшую землю, на силуэты деревьевъ, казавшихся теперь въ полутьмѣ огромными великанами.

Вдругъ къ ней подкралась одна изъ ея прислужницъ, молоденькая цыганка и, тихо наклонившись къ ней, шепнула что-то на ухо.

Домна Локсандра, испуганная, быстро встала.

— Что, что ты говоришь? въ волненіи прошептала она. Кто меня хочетъ видѣть?

— Не кричите, ваша свѣтлость! проговорила цыганка, прикладывая палецъ къ губамъ. Еще неравно господарша услышитъ, такъ намъ обѣимъ достанется.

Она со страхомъ покосилась на дверь господаршиной опочивальни.

— Старый шляхтичъ,—продолжала она,—что былъ тутъ съ брилліантами, подослалъ сегодня сказать вашей свѣтлости, что онъ хочетъ разсказать вамъ сказки своей страны. Если вы пожелаете послушать, то споетъ вамъ и пѣсни.

Домна Локсандра оправилась и улыбнулась.

— Какой смѣшной старикъ! проговорила она. А гдѣ онъ?

— Онъ тутъ въ замкѣ,—проговорила цыганка, боязливо оглядываясь. Я сведу къ нему вашу свѣтлость.

Локсандра любила все таинственное. Прокрасться теперь въ полумракѣ, тайкомъ отъ взрослыхъ, и послушать чудныхъ разсказовъ стараго поляка, да это было такое удовольствіе, какого она и не чаяла. Она даже подпрыгнула, тихонько засмѣялась и, какъ быстроногая лань, едва касаясь пола, пустилась за цыганкою.

— Маріанка! а куда ты меня ведешь? прошептала она на пути, минуя длинные корридоры замка.

Библиотека "Руниверс"

— Внизъ, въ подземелье! отвѣчала та, не оборачиваясь.

— Ой, страшно, Маріанка! Тамъ теперь, я думаю, стѣны обледенѣли.

— Зачѣмъ имъ леденѣть? оскаливъ свои бѣлые зубы, засмѣялась Маріанка.—Тамъ дѣдъ Иванко живетъ, у него тепло.

— Какой Иванко? спросила княжна.

Она никогда еще не спускалась въ подземелье, гдѣ, по ея представленію, жили души умершихъ узниковъ.

— А дѣдъ мой, что дрова колетъ—проговорила Маріанка. Мы его сегодня выгнали, а старый шляхтичъ тамъ и сидитъ.

— Кто же это вы?

— Ну, да мы—я и мамка. Отецъ въ лѣсъ уѣхалъ за дровами, тамъ и заночуетъ въ землянкѣ.

Обѣ дѣвушки замолчали. Княжна боязливо схватилась за руку цыганки, когда ощупью пришлось спускаться въ подземелье замка. Онѣ прошли нѣсколько шаговъ по обледенѣлому полу корридора. Маріанка ощупью нашла дверь и отворила ее.

— Ну вотъ тебѣ, дѣдушка, и княжна! весело сказала она, пропуская впередъ себя смущенную Локсандру. Разсказывай тутъ ей свои сказки, а я побѣгу къ мамкѣ.

Домна Локсандра съ любопытствомъ смотрѣла на низкія закоптѣлыя стѣны подвала, тускло освѣщенныя факеломъ, и не двигалась съ мѣста. Князь Дмитрій тоже чувствовалъ себя неловко передъ смущенною княжной; онъ не зналъ, какъ и съ чего начать, какъ выйти изъ нелѣпаго положенія, въ которое самъ себя поставилъ. Не играть же передъ нею роль старика и не для того онъ добивался этого свиданія.

— Княжна! проговорилъ онъ, и голосъ его немного дрогнулъ. Простите мнѣ мою дерзость!

Локсандра подняла на него глаза, улыбнулась и весело проговорила:

— Ничего! я очень люблю слушать сказки и рада, что панъ меня вспомнилъ. Наверху меня не скоро хватятся да и Маріанка тотчасъ прибѣжитъ, еслибъ хватились.

— Простите, княжна! проговорилъ Дмитрій: если вмѣсто сказокъ я вамъ разскажу свою собственную исторію.

Библиотека "Руниверс"

Онъ быстро сорвалъ съ головы накладной парикъ, снялъ усы и приклеенныя брови и опустился на колѣни передъ княжной.

Локсандра съ удивленіемъ и испугомъ посмотрѣла на молодаго человѣка и быстро отступила назадъ. Она сразу тонкимъ женскимъ чутьемъ поняла, въ чемъ дѣло, въ ней сразу проснулась женщина, въ душѣ заговорила княжеская гордость, чувство стыда, сознаніе, что ее обманули.

— Какъ вы смѣли? сказала она, гордо поднявъ голову, и слезы выступили у нея на глазахъ.

Князь Дмитрій растерялся. Онъ ожидалъ, что княжна смутится, онъ воспользуется ея смущеніемъ и выскажется ей въ любви, и вдругъ—оказалось совершенно иное: онъ очутился въ положеніи школьника, просящаго прощенія за сдѣланную шалость.

— Бога ради, княжна! проговорилъ онъ: выслушайте меня!

— Зачѣмъ мнѣ васъ слушать? холодно проговорила она. Вы воспользовались моею довѣрчивостью, назвались чужимъ именемъ, прикинулись старикомъ... Это гадко, гадко! Я не знала, что есть такіе злые люди на свѣтѣ!

Княжна сердито топнула своею маленькою ножкою, и глаза ея заблестѣли.

— Княжна! молилъ Дмитрій: я не могу выносить вашего гнѣва, не смотрите на меня такъ, лучше наложите, какое угодно, наказаніе; я и самъ знаю, что поступилъ гадко.... Но мнѣ такъ хотѣлось видѣть васъ и сказать вамъ, что прекраснѣе васъ нѣтъ женщины въ мірѣ, что я готовъ умереть у ногъ вашихъ, если вы только этого потребуете...

Домна Локсандра вспыхнула. Она въ первый разъ услышала признаніе въ любви, и женскому самолюбію ея сильно польстила горячая рѣчь князя.

— Хорошо! сказала она: пожалуй, я васъ прощу; только сейчасъ вставайте и никогда не смѣйте говорить того, что сейчасъ сказали.

Князь Дмитрій повиновался.

Локсандра повернулась къ двери и хотѣла уйти.

Библиотека "Руниверс"

— Подождите, княжна! удержалъ онъ ее. Зачѣмъ вамъ спѣшить? Удѣлите мнѣ еще хоть нѣсколько минутъ; позвольте хоть сколько нибудь оправдаться передъ вами!

Локсандра нерѣшительно остановилась.

— Повѣрьте мнѣ, сказалъ онъ, что искренно раскаиваюсь въ своемъ поступкѣ. Я поступилъ по—дѣтски, и вы вправѣ на меня сердиться; но обѣщайте мнѣ, что вы забудете этотъ необдуманный поступокъ и, когда мы встрѣтимся на свадьбѣ князя Радзивилла, мы встрѣтимся не врагами.

Локсандра съ удивленіемъ взглянула на него.

— Почему вы думаете встрѣтить меня на свадьбѣ моей сестры? спросила она.

— Я принадлежу къ свитѣ князя, скромно отвѣтилъ онъ съ почтительнымъ поклономъ.

Локсандра улыбнулась, протянула ему руку и со словами:

— Хорошо, хотя вы этого не стоите! выпорхнула изъ комнаты.

Князь Дмитрій успѣлъ только коснуться этой маленькой руки. Затѣмъ поспѣшно надѣлъ свои накладные волосы и поторопился убраться изъ замка, недоумѣвая, радоваться ему или печалиться.

Торжественный въѣздъ Януша Радзивилла состоялся на другой день; а черезъ три дня назначена была и свадьба.

Невѣста совершенно освоилась со своимъ положеніемъ; она нашла все лучше, чѣмъ ожидала. Женихъ былъ красивъ, молодъ, статенъ, утонченно вѣжливъ, хотя немного холоденъ. Онъ привезъ ей множество драгоцѣнныхъ подарковъ, и весь дворъ былъ ослѣпленъ брилліантами, жемчугами и драгоцѣнными каменьями невѣсты. Молодыхъ повѣнчали днемъ до обѣда, и изъ церкви всѣ гости были приглашены на богатое пиршество.

Князь Янушъ, въ качествѣ родственника дома, подъ руку съ женою встрѣчалъ всѣхъ гостей. Князь Дмитрій еще въ церкви видѣлъ домну Локсандру, но только издали. Теперь ему предстояло быть ей представленнымъ, и онъ съ волненіемъ ожидалъ, когда до него дойдетъ очередь. Домна Локсандра тоже узнала его и лукаво посматривала на смущеннаго юношу. Наконецъ его

Библиотека "Руниверс"

представили. Локсандра улыбнулась, слегка наклонивъ голову на почтительный поклонъ князя. Дмитрій земли подъ собою не слышалъ. За обѣдомъ его посадили далеко отъ Локсандры, подлѣ высокой жеманной боярышни, уже не первой молодости, и обѣдъ этотъ тянулся для него нескончаемо долго. Счастливецъ панъ Александръ сидѣлъ подлѣ молодой княжны, и князь Дмитрій отъ всей души завидовалъ ему. Наконецъ всѣ встали изъ за стола и прошли въ другую большую залу, предназначенную для танцевъ. Въ честь жениха танцы начались польскимъ, причемъ князю опять пришлось чинно выступать подлѣ своей скуку наводящей дамы, жеманно вертѣвшей глазами и коверкавшей польскую рѣчь. Но насталъ конецъ испытаніямъ влюбленнаго юноши: звуки скрипокъ и гудковъ, немилосердно рѣзавшіе уши, замолкли. Князь Дмитрій стремительно поклонился своей дамѣ и, повертѣвшись немного между молодежью, подошелъ къ домнѣ Локсандрѣ.

— Княжна! проговорилъ онъ: какъ я счастливъ, что вижу васъ. Не правда ли, вѣдь мы друзья?

Локсандра кокетливо улыбнулась.

— Чтобы быть друзьями, надо другъ друга знать—проговорила она. А я васъ почти не знаю и притомъ...—замялась она.

— Вы хотите сказать, что знаете меня только съ дурной стороны. Княжна, какъ вы злопамятны!

— Вамъ остается только заставить меня забыть дурное, проговорила она смѣясь.

— Скажите мнѣ, что я для этого долженъ сдѣлать? Я на все готовъ.

— Не знаю! отвѣчала она: вы должны сами видѣть, что должно сдѣлать.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ сегодня быть вашимъ кавалеромъ—любезно расшаркался Дмитрій: можетъ быть, мнѣ и удастся какимъ нибудь добрымъ дѣломъ изгладить первое дурное впечатлѣніе.

Домна Локсандра ничего не отвѣтила, а только лукаво улыбнулась, а князь Дмитрій принялъ молчаніе за знакъ согласія, и весь вечеръ не отходилъ отъ княжны.

(Продолженіе слѣдуетъ). **О. Рогова.**

Библиотека "Руниверс"

Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ.

Распредѣленіе кургановъ, находящихся въ предѣлахъ территоріи русской государственной области, по видамъ и разновидностямъ составляетъ одну изъ первыхъ и существеннѣйшихъ задачъ нашей современной археологіи. Пока эта задача не будетъ выполнена, мы не въ состояніи будемъ оріентироваться въ массѣ накопившагося курганнаго матеріала, а слѣдовательно и не въ состояніи будемъ серьезно взяться за его дальнѣйшую научную разработку. Истина эта, взятая сама по себѣ, непосредственно очевидна и поэтому не нуждается въ доказательствахъ. Но вопросъ въ томъ, можетъ ли наша археологія, при современномъ ея состояніи, взяться за разрѣшеніе указанной задачи съ полной надеждой на ея успѣшное окончаніе? Вѣдь постановка въ наукѣ той или другой задачи и сознаніе необходимости ея разрѣшенія еще не значатъ, что эта наука располагаетъ и необходимыми для этого средствами Итакъ, имѣемъ ли мы право требовать отъ современной археологіи, чтобы она представила нашему вниманію схему строгонаучной классификаціи кургановъ по видамъ и разновидностямъ?

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, необходимо навести нѣкоторыя справки.

Классификація научнаго матеріала составляетъ настолько существенную принадлежность каждой науки, что послѣдняя не можетъ обойтись безъ нея на самой первой ступени своего развитія. Вотъ почему и наша наука о курганахъ, несмотря на свое зачаточное состояніе, не могла обойтись безъ попытокъ клас-

Библиотека "Руниверс"

сификаціи. У насъ прежде всего можно встрѣтиться съ дѣленіемъ кургановъ: 1) по характеру могильныхъ насыпей, 2) по географическому положенію могильниковъ и 3) на основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ лѣтописей и вообще изъ историческихъ источниковъ.

Первые два способа дѣленія, какъ это для каждаго очевидно, имѣютъ совершенно случайный характеръ и въ будущемъ серьезнаго научнаго значенія они не будутъ имѣть: къ нимъ придется обращаться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ заходить рѣчь о второстепенныхъ разновидностяхъ.

Гораздо большее значеніе придается у насъ третьему способу дѣленія, въ основаніе котораго кладутся лѣтописныя указанія на географическое положеніе областей, заселенныхъ въ старину тѣми или другими народами. У насъ сплошь и рядомъ можно встрѣтиться съ такого рода фактами. Прежде чѣмъ приступать къ изслѣдованію того или другаго могильника, археологъ, сообразуясь съ лѣтописными указаніями, которыя часто истолковываются по личному усмотрѣнію, спѣшитъ приписать данный могильникъ той или другой народности и, установивши такимъ образомъ точку зрѣнія, освѣщаетъ подъ даннымъ угломъ весь археологическій матеріалъ, который потомъ ему удается добыть при изслѣдованіи могильника. Здѣсь лежитъ причина той развязности, съ какою нѣкоторые изъ нашихъ археологовъ открываютъ могильники, принадлежащіе, напр., половцамъ, чернымъ клобукамъ и т. д. Насколько такой методъ изслѣдованія несостоятеленъ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Слѣдуя лѣтописнымъ указаніямъ, каждый въ правѣ былъ ожидать, что могильные курганы, разбросанные, напримѣръ, въ системѣ р. Роси, обнаружатъ признаки погребенія извѣстныхъ кочевниковъ торковъ. Что же показала дѣйствительность? Раскопки, произведенныя недавно въ системѣ этой рѣки профессоромъ В. Б. Антоновичемъ, обнаружили здѣсь тотъ же типъ погребенія, который встрѣчается и въ болѣе сѣверныхъ широтахъ и который по всей справедливости можетъ быть названъ древлянскимъ. До чего можетъ доводить злоупотребленіе историческими указаніями при рѣшеніи археологическихъ вопросовъ, можно видѣть

Библиотека "Руниверс"

изъ факта, имѣвшаго мѣсто на ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ. Лица, присутствовавшія на этомъ съѣздѣ, надѣюсь, помнятъ, какъ одинъ почтенный археологъ, вооруженный богатой эрудиціей, на основаніи историческихъ соображеній, пытался въ извѣстномъ ананьинскомъ могильникѣ отыскать слѣды погребенія норманновъ и славяно-руссовъ. Этому почтенному ученому и въ голову не пришло, что, слѣдуя такому методу, славяно-русскіе курганы можно находить и на границахъ Китая, на томъ-де основаніи, что, по показанію нѣкоторыхъ арабскихъ писателей, наши древніе купцы доходили до границъ Сина. Фальшь этого метода заключается въ томъ, что центръ тяжести при обоснованіи положеній здѣсь изъ археологіи переносится въ область исторіи, вслѣдствіе чего археологія какъ бы лишается права на самостоятельное существованіе. Надѣюсь, для всякаго очевидно, что если археологія не въ состояніи выработать собственнаго критерія для классификаціи своего матеріала, то она не наука.

Изъ сказаннаго однакожъ нисколько не слѣдуетъ, что археологія въ разсматриваемомъ случаѣ должна совершенно игнорировать указанія исторіи. Всѣмъ извѣстно, какъ успѣшно наша археологія воспользовалась указаніями Геродота при рѣшеніи вопроса о погребальныхъ обычаяхъ у скиѳовъ, или какъ сопоставленіе показанія нашего лѣтописца съ данными, добытыми путемъ археологическихъ раскопокъ въ системѣ р. Десны, позволили установить типъ погребенія, практиковавшійся у нашихъ сѣверянъ. Сущность указанной ошибки заключается, значитъ, не въ пользованіи данными исторіи вообще, а въ злоупотребленіи ими.

Гораздо большею научностью отличается способъ классификаціи кургановъ, основанный на принципѣ дѣленія первобытной культуры на три вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный, съ ихъ подраздѣленіями. Но и этотъ способъ классификаціи могъ бы имѣть серьезное примѣненіе въ нашей археологіи лишь въ томъ случаѣ, если бы въ предѣлахъ русской государственной области искони жилъ только одинъ народъ, правильно переходившій въ своемъ культурномъ развитіи изъ одного состоянія въ другое. Въ дѣйствительности же было совершенно противное. Съ тѣхъ поръ какъ помнитъ исторія, въ предѣлахъ на-

Библиотека "Руниверс"

шего отечества появлялось множество отдѣльныхъ народовъ, изъ которыхъ одни оставались здѣсь долго, другіе скоро исчезали, одни вели одинъ образъ жизни, другіе—другой, одни извѣстное культурное состояніе переживали за нѣсколько вѣковъ до Р. Христова, другіе—послѣ Р. Хр. Представьте же теперь, что наша археологія оставленные этими народами курганы задумала бы классифицировать на основаніи вышеуказаннаго критерія: тогда подъ одну и ту же категорію пришлось бы подвести и древняго скиѳа, и позднѣйшаго славянина, воинственнаго половца и мирнаго финна, способнаго къ высшему культурному развитію арійца и дикаго монгола и т. д. Словомъ, такая классификація была бы случайной группировкой предметовъ и явленій, отъ которой наука нисколько не подвинулась бы впередъ, такъ какъ тутъ многое сходное по существу на основаніи случайнаго признака было бы раздѣлено, и наоборотъ—многое существенно различное было бы соединено.

Изъ сказаннаго, надѣюсь, ясно, что современная археологія еще не знаетъ такого критерія, который можно было бы положить въ основаніе строго-научной классификаціи кургановъ, разсѣянныхъ на пространствѣ нашего отечества. Скажу больше: выработка такого критерія, при теперешнемъ состояніи нашей археологіи, еще долго будетъ невозможна, и вотъ почему. Классифицировать разнообразный научный матеріалъ—это значитъ путемъ всесторонняго изученія этого матеріала, выработать рядъ строго логическихъ понятій, опредѣляющихъ по существу тѣ группы предметовъ и явленій, которые должны быть подведены подъ эти понятія. Выработка же такихъ понятій возможна лишь подъ условіемъ широкаго примѣненія сравнительнаго метода, который въ свою очередь требуетъ громадной эрудиціи; но этой то эрудиціи прежде всего и не достаетъ нашимъ археологамъ. Наши археологи знаютъ или то, что они сами открыли, или то, что они вычитали изъ книгъ. А между тѣмъ большая часть нашего археологическаго матеріала состоитъ изъ частныхъ коллекцій, которыя не описывались, а каталоги и дневники которыхъ никогда не печатались. Немудрено поэтому, что наши археологи обречены на печальную необходимость оставаться узкими

Библиотека "Руниверс"

спеціалистами, что такъ рельефно выступаетъ въ читаемыхъ на археологическихъ съѣздахъ рефератахъ и происходящихъ по поводу ихъ преніяхъ. Отсутствіемъ въ нашихъ археологическихъ работахъ сравнительнаго метода слѣдуетъ объяснять то обстоятельство, что на дневникахъ даже нашихъ заправскихъ археологовъ лежитъ печать случайности и отсутствія руководящей идеи. Читая такіе дневники, ясно видишь, что авторы ихъ записывали не то, что нужно для науки, а то, что попадалось на глаза. Здѣсь же лежитъ причина и того, почему ученыя работы нашихъ археологовъ часто, при узкости посылокъ, отличаются широкими обобщеніями: будучи не въ состояніи взяться за серьезную разработку попавшагося подъ руки матеріала, мы скорѣе переходимъ къ выводамъ, подкрѣпляя ихъ всевозможными гаданіями и предположеніями, и такимъ образомъ изобрѣтенія своей фантазіи выдаемъ за добытую путемъ научнаго изслѣдованія истину. Отсюда же, конечно, ведетъ свое происхожденіе распространившееся у насъ фальшивое убѣжденіе, что для того, чтобы сдѣлаться археологомъ не нужно серьезной научной подготовки: археологомъ можетъ-де быть всякій, кто располагаетъ средствами для производства раскопокъ и для пріобрѣтенія коллекцій...

Но если отсутствіе возможности широко воспользоваться сравнительнымъ методомъ не позволяетъ нашимъ археологамъ выработать такую строго-научную систему классификаціи, которая могла бы обнять весь накопившійся у насъ курганный матеріалъ, то что же должны дѣлать мы, чтобы хоть сколько нибудь подвинуть это дѣло впередъ? Отвѣтъ ясенъ: мы должны создать условія, при которыхъ выработка подобной системы сдѣлалась бы возможною въ будущемъ; а чтобы создать эти условія, мы должны предварительно произвесть рядъ частныхъ попытокъ строго-научнаго примѣненія сравнительнаго метода къ разработкѣ отдѣльныхъ группъ доступнаго намъ матеріала. Предоставляя людямъ нетерпѣливымъ преждевременно создавать широкія и всеобъемлющія гипотезы и теоріи, которыя впрочемъ въ свое время могутъ оказать свою услугу, пусть каждый истинный археологъ возьметъ на себя скромную задачу распредѣлить по типамъ ту часть курганнаго матеріала, которая ему болѣе всего

Библиотека "Руниверс"

доступна. Чтобы не оказаться голословнымъ, чтобы показать, какъ именно должна производиться подобная работа и какихъ отъ нея можно ожидать результатовъ, я попрошу позволенія представить вниманію спеціалистовъ посильный опытъ такой работы, причемъ рядъ добытыхъ мною положеній я представлю въ той послѣдовательности, въ какой они появлялись въ моемъ сознаніи. Курганный матеріалъ, на основаніи котораго я хочу говорить, добытъ частію мною лично, частію Д. Я. Самоквасовымъ и В. Б. Антоновичемъ,—изъ кургановъ, расположенныхъ въ системѣ средняго Днѣпра.

При изслѣдованіи Черниковскаго могильника, расположеннаго на притокѣ Нѣмана—р. Усѣ, минской губерніи и уѣзда, встрѣтился слѣдующій фактъ. Каждый изъ раскопанныхъ первыхъ кургановъ представилъ особенность, которою онъ отличался отъ другихъ кургановъ того же могильника. Такъ, въ первомъ курганѣ, въ *насыпи* кургана, т. е. значительно выше уровня земли, найденъ былъ человѣческій костякъ, во второмъ, на той же приблизительно высотѣ, оказалось *кострище* отъ трупосожженія, въ третьемъ тоже оказался костякъ, но онъ лежалъ на почвенномъ слоѣ, наконецъ, въ четвертомъ костякъ найденъ былъ въ *ямѣ*, глубиною около аршина ниже почвеннаго слоя. Встрѣтившись съ такимъ явленіемъ, естественно было поставить вопросъ о породившей его причинѣ. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ сначала удалось констатировать лишь слѣдующій фактъ. Черниковскій могильникъ состоитъ изъ центральнаго ядра, въ которомъ сгруппирована плотная масса кургановъ и нѣсколькихъ отдѣльныхъ кургановъ, разбросанныхъ по одному, по два, по три, по полю, въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ съ основнымъ ядромъ могильника. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что въ курганахъ, принадлежащихъ къ основному ядру, всѣ костяки лежатъ на почвенномъ слоѣ; отступленіе же отъ этой нормы замѣчается лишь въ тѣхъ курганахъ, которые разбросаны на периферіи могильника. Отмѣтивъ этотъ фактъ, я изслѣдовалъ еще два могильника, расположенные приблизительно на той же параллели: одинъ въ уроч. Кленики верхменьской волости игуменскаго уѣзда, другой возлѣ г. Борисова. Оба находятся въ об-

Библиотека "Руниверс"

ласти системы р. Березины. Въ обоихъ этихъ могильникахъ костяки оказались лежащими на почвенномъ слоѣ. Послѣ этого сдѣлалось яснымъ, что по линіи, проходящей въ направленіи отъ верхняго Нѣмана къ Березинѣ приблизительно чрезъ Минскъ губернскій, господствовалъ обрядъ погребенія на почвенномъ слоѣ; отступленіе же отъ этой нормы составляло исключеніе, для объясненія котораго пока удалось добыть лишь тотъ фактъ, что лица, не хотѣвшія смѣшиваться съ остальными въ обрядѣ погребенія, не хотѣли смѣшиваться съ ними и въ мѣстѣ погребенія; а отъ чего это происходило, этотъ вопросъ на первыхъ порахъ остался не разрѣшеннымъ, хотя мысль не могла освободиться отъ нѣкоторыхъ догадокъ, одна изъ которыхъ потомъ оправдалась. Серьезныя данныя для рѣшенія этого вопроса мнѣ удалось добыть лишь въ послѣднюю археологическую экскурсію.

Минувшимъ лѣтомъ мнѣ удалось произвести изслѣдованіе въ 15 могильникахъ, расположенныхъ въ области средняго теченія р. Припети, въ мозырскомъ уѣздѣ минской губерніи; 7 изъ нихъ расположены на правомъ (южномъ) берегу Припети, 8— на лѣвомъ (сѣверномъ) берегу. По типу погребенія первые 7 распредѣляются такимъ образомъ: въ одномъ могильникѣ оказались *кострища*, безъ посуды, въ *насыпяхъ* кургановъ; остальные 6 по ровну дѣлятся на двѣ категоріи: въ трехъ могильникахъ костяки лежали въ *ямахъ* на подпочвенномъ слоѣ изъ красной глины; въ другихъ трехъ костяки оказались *лежащими* на *поверхности* земли. Но и здѣсь въ одномъ изъ могильниковъ, расположенномъ въ урочищѣ Перехрестье, вблизи мѣстечка Скриголова, повторился фактъ, съ которымъ мы раньше встрѣтились въ Черниковскомъ могильникѣ. Изъ 11 кургановъ этого могильника 9 расположены вмѣстѣ, а 2 удалены отъ центральнаго ядра на 270 арш. Въ первыхъ 9 костяки оказались лежащими въ *ямахъ*, въ остальныхъ двухъ они лежали на *почвенномъ* слоѣ.

При переходѣ на лѣвый берегъ Припети здѣсь пришлось встрѣтиться съ слѣдующимъ явленіемъ. Въ каждомъ изъ 8 изслѣдованныхъ могильниковъ основная масса кургановъ представляетъ типъ погребенія на *почвенномъ* слоѣ; курганы же съ погребеніемъ въ *ямахъ* встрѣчаются какъ примѣсь къ первымъ.

Библиотека "Руниверс"

Но и здѣсь опять таки курганы этого втораго типа въ нѣкоторыхъ могильникахъ нѣсколько изолированы отъ кургановъ перваго типа и сгруппированы вмѣстѣ. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ могильникъ, лежащій при дер. Ватожицахъ коморовичской волости. Всѣхъ кургановъ въ этомъ могильникѣ насчитывается свыше 80. Главная масса ихъ представляетъ типъ погребенія на *почвенномъ* слоѣ; но въ одномъ углу могильника сгруппировано вмѣстѣ около 10 кургановъ, въ которыхъ покойники погребены были въ *ямахъ*. Мало того. Почти во всѣхъ курганахъ этого втораго типа найдены были горшки; между тѣмъ въ курганахъ перваго типа посуда совершенно отсутствовала.

Считаю нужнымъ отмѣтить еще слѣдующій фактъ. Многіе изъ могильниковъ припетскаго полѣсья расположены въ мѣстахъ не только низменныхъ, но даже болотистыхъ, весною совершенно заливаемыхъ водою. При такихъ топографическихъ условіяхъ здѣсь во многихъ мѣстахъ достаточно взять нѣсколько штиховъ въ глубь, какъ изъ почвы начинаетъ показываться вода. При такихъ обстоятельствахъ слѣдовало бы ожидать, что та часть населенія этого края, которая хоронила своихъ покойниковъ въ ямахъ, обязательно будетъ избирать для своихъ кладбищъ возвышенныя мѣста, напротивъ, часть населенія, хоронившая своихъ покойниковъ на почвенномъ слоѣ, будетъ относиться къ этому вопросу безразлично. И дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оба эти типа выступаютъ въ своемъ чистомъ видѣ, безъ примѣси другаго типа, тамъ такъ и бываетъ. При смѣшеніи же этихъ типовъ въ могильникѣ встрѣчается слѣдующая несообразность. Часто жители извѣстнаго поселка, практикующіе обрядъ погребенія на почвенномъ слоѣ, по какимъ нибудь соображеніямъ, мѣстомъ для кладбища избираютъ низменный пунктъ. Но вотъ въ этомъ поселкѣ появляется нѣсколько семей, придерживающихся обычая погребенія въ ямахъ. Казалось бы, что, оказавшись въ новыхъ условіяхъ, они откажутся отъ прежняго своего обычая и станутъ хоронить своихъ покойниковъ на почвенномъ слоѣ. Изслѣдованіе показало противное: они упорно продолжаютъ держаться прежняго своего обычая и хоронятъ

Библиотека "Руниверс"

своихъ покойниковъ въ глубокихъ ямахъ, несмотря на то, что имъ приходится опускать ихъ въ настоящую грязь. Ясно, что такое или иное положеніе покойника относительно поверхности земли въ данномъ случаѣ не является дѣломъ простой случайности; вопросъ этотъ, очевидно, былъ существеннымъ при выполненіи погребальнаго обряда и пренебрегать имъ въ старину считалось невозможнымъ. А если такъ, то и современный археологъ имѣетъ полное право эту особенность погребальнаго обряда положить основаніемъ для дѣленія кургановъ разсматриваемой мѣстности на два типа: 1) съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ и 2) съ погребеніемъ въ ямахъ. А что этотъ выводъ вѣренъ, это видно изъ того, что каждый изъ этихъ двухъ типовъ имѣетъ свою географическую область, гдѣ онъ является не только господствующимъ, но и исключительнымъ. Раскопки В. Б. Антоновича показали, что обычай погребенія въ ямахъ, начинаясь съ праваго берега Припети, распространялся далеко на югъ, вплоть до самой Роси. Мои же раскопки въ свою очередь показали, что обычай погребенія на почвенномъ слоѣ былъ господствующимъ на лѣвомъ берегу Припети и простирался на сѣверъ до системы Березины включительно. Припеть, очевидно, была пунктомъ, гдѣ оба эти типа сталкивались. Здѣсь они выступаютъ или въ чистомъ, или въ смѣшанномъ видѣ. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ свою обособленность они обнаруживаютъ между прочимъ въ томъ, что, при погребеніи на общихъ кладбищахъ, своихъ покойниковъ они стараются не смѣшивать. Фактъ совершенно аналогичный съ тѣмъ, съ которымъ мы теперь встрѣчаемся въ юго-западной Руси на смѣшанныхъ православно-католическихъ кладбищахъ.

Изъ сказаннаго ясно, что тѣ изъ кургановъ Черниковскаго могильника, въ которыхъ покойники погребены были въ ямахъ, принадлежали пришельцамъ съ юга, которые могли попасть сюда или плѣнниками, или купцами, или путемъ искусственной колонизаціи, или, наконецъ, путемъ смѣшанныхъ браковъ. А если такъ, то естественно возникаетъ вопросъ: нельзя ли этотъ способъ объясненія примѣнить къ курганамъ и другихъ типовъ, встрѣтившихся въ томъ же Черниковскомъ могильникѣ? Нельзя

Библиотека "Руниверс"

ли доказать, что и *трупосожженіе* и погребеніе въ *насыпи* кургановъ точно также представляютъ отдѣльные типы погребальнаго обряда, которымъ въ другихъ мѣстностяхъ принадлежитъ господствующее значеніе?

Имѣющіяся данныя позволяютъ и на этотъ вопросъ отвѣтить утвердительно. Рядомъ археологическихъ раскопокъ въ системѣ р. Десны Д. Я. Самоквасовъ доказалъ, что господствующимъ обрядомъ погребенія въ этой области было *трупосожженіе*; причемъ онъ отмѣтилъ даже разновидности этого обряда; именно, онъ отдѣлилъ курганы съ урнами отъ кургановъ съ кострищами. А В. Б. Антоновичу въ области поселенія древнихъ древлянъ удалось отыскать и обрядъ погребенія въ *насыпи* кургановъ, хотя область распространенія этого типа еще недостаточно изслѣдована. Словомъ, сопоставленіе данныхъ, добытыхъ при раскопкѣ Черниковскаго могильника, съ результатами археологическихъ розысканій въ другихъ областяхъ дало возможность констатировать фактъ существованія въ системѣ средняго Днѣпра четырехъ отдѣльныхъ типовъ погребальнаго обряда, районъ распространенія которыхъ, при дальнѣйшихъ розысканіяхъ, можно будетъ опредѣлить съ математическою точностью. И что всего важнѣе въ данномъ случаѣ, результатъ этотъ достигнутъ на почвѣ чисто археологической, безъ всякихъ справокъ съ указаніями лѣтописей, хотя совпаденіе его съ лѣтописными показаніями для всякаго непосредственно очевидно. Извѣстно, напр., что, по показанію начальной лѣтописи, къ сѣверу отъ Припети жили дреговичи, а къ югу—древляне; извѣстно также, что въ системѣ Десны жили сѣверяне, практиковавшійся у которыхъ обрядъ трупосожженія констатированъ лѣтописью.

Но тутъ мнѣ можетъ быть сдѣлано слѣдующее возраженіе. Допустимъ, что обрядъ погребенія въ ямахъ, сравнительно съ другими только что разсмотрѣнными формами погребенія, можетъ быть разсматриваемъ какъ отдѣльный курганный типъ. Но вѣдь извѣстно, что въ предѣлахъ русской территоріи встрѣчается цѣлая масса кургановъ съ формой погребенія въ ямахъ; относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ хорошо извѣстно, что они оставлены народами, составлявшими совершенно отдѣльный этно-

Библиотека "Руниверс"

графическій типъ. Научно ли будетъ всѣхъ ихъ сводить въ одну группу потому только, что они, слѣдуя совершенно естественнымъ практическимъ соображеніямъ, зарывали своихъ покойниковъ въ землю? Конечно нѣтъ. Но дѣло въ томъ, что всѣ только что указанныя формы погребенія представляютъ лишь разновидности одного общаго типа или вида. При опредѣленіи этихъ разновидностей и такой признакъ, какъ положеніе костяка относительно поверхности земли, окажется имѣющимъ свое значеніе. Другое дѣло, когда потребуется опредѣлить отношеніе этого общаго типа къ другому такому же самостоятельному типу; тогда, по общеизвѣстнымъ правиламъ научной классификаціи, признаки, которыми характеризуются разновидности, должны быть отодвинуты на второй планъ, а на мѣсто ихъ должны быть выдвинуты такіе признаки, которыми характеризуются специфическія особенности даннаго родоваго типа и которыми послѣдній отличается отъ другихъ самостоятельныхъ типовъ. Положимъ, напр., что требуется отыскать признаки, которыми такъ называемые скиѳскіе курганы отличаются отъ славянскихъ кургановъ. Если бы при выполненіи этой задачи можно было ограничиться лишь царскими скиѳскими могилами, которыя и въ устройствѣ погребальныхъ камеръ, и въ характерѣ находимыхъ въ нихъ предметовъ имѣютъ много характерныхъ особенностей, тогда выполнить эту задачу было бы легко. Но извѣстно, что между скиѳскими курганами встрѣчается масса такихъ, въ которыхъ часто, кромѣ костяка въ могилѣ, ничего нельзя встрѣтить. Какимъ же образомъ такого рода скиѳскіе курганы отличить отъ славянскихъ? Извѣстно, что въ тѣхъ изъ славянскихъ кургановъ, въ которыхъ практиковался обрядъ зарыванія въ землю покойниковъ, послѣдніе всегда лежатъ въ направленіи съ востока на западъ; напротивъ, въ курганахъ скиѳскаго типа покойники клались въ направленіи съ сѣвера на югъ. Особенность, повидимому, неважная; а между тѣмъ при классификаціи кургановъ она имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ ею характеризуется погребальный обрядъ, съ которымъ всегда соединялось извѣстное религіозное представленіе и который, поэтому не легко поддавался измѣненіямъ. Такой ничтожный на первый взглядъ признакъ,

Библиотека "Руниверс"

взятый изъ погребальнаго обряда, въ дѣлѣ классификаціи можетъ иногда имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ цѣлая коллекція роскошныхъ предметовъ, найденныхъ въ курганѣ. Находимые въ курганахъ предметы, будучи продуктомъ извѣстной культуры, принадлежатъ обыкновенно историческимъ эпохамъ и географическимъ районамъ и поэтому при характеристикѣ этнографическихъ типовъ ими необходимо пользоваться съ большою осторожностью. Положимъ, на основаніи предметовъ, сопровождающихъ погребальный обрядъ, курганъ воинственнаго степнаго кочевника не трудно отличить отъ кургана мирнаго пахаря; но можно ли такимъ же путемъ отличить курганъ славянина отъ кургана финна? Конечно нѣтъ; произведенные въ этомъ родѣ опыты, какъ извѣстно, окончились неудачею. И это совершенно естественно. Интересы торговли очень рано сблизили эти два народа; а торговое сближеніе неизбѣжно сопровождалось обмѣномъ произведеній мѣстныхъ культуръ. Немудрено поэтому, что предметы одного и того же типа встрѣчаются и въ финскихъ и въ славянскихъ курганахъ. Но изъ этого однакожъ нисколько не слѣдуетъ, что наукѣ никогда не удастся установить различія между этими двумя видами кургановъ. Профессоръ Самоквасовъ, напр., сравнивая сѣверянскіе курганы съ трупосожженіемъ съ такими же курганами, раскопанными покойнымъ графомъ А. С. Уваровымъ въ землѣ мерянъ, констатировалъ слѣдующее между ними различіе въ погребальномъ обрядѣ: и въ сѣверянскихъ, и въ мерянскихъ могильникахъ встрѣчаются курганы съ сосудами, наполненными жженными костями; но въ то время какъ въ первыхъ эти сосуды находятся въ насыпи кургановъ, во вторыхъ они помѣщаются въ могилахъ; въ первыхъ, слѣдовательно, они находятся выше почвеннаго слоя, во вторыхъ—ниже.

Но въ мою задачу не входитъ указаніе всѣхъ признаковъ, которыми различные виды нашихъ кургановъ отличаются другъ отъ друга. Я хочу указать лишь тотъ путь, которымъ можетъ быть достигнуто раздѣленіе кургановъ по видамъ и разновидностямъ. Путь этотъ состоитъ въ строго-научномъ и всестороннемъ примѣненіи къ изученію курганнаго матеріала сравнительнаго ме-

Библиотека "Руниверс"

тода. Прежде чѣмъ произносить сужденіе о данномъ могильникѣ, археологъ все характерное въ немъ долженъ сопоставить и сравнить съ аналогичными ему явленіями въ другихъ могильникахъ; причемъ сравненіе должно касаться не только находимыхъ въ курганахъ предметовъ, но и самыхъ ничтожныхъ, на первый взглядъ, мелочей погребальнаго обряда. Примѣненіе сравнительнаго метода дастъ возможность распредѣлить курганный матеріалъ по типамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ получится возможность установить критерій для классификаціи самыхъ кургановъ по видамъ и разновидностямъ. Само собою разумѣется, что сравнительнымъ методомъ можетъ воспользоваться только тотъ, кто располагаетъ необходимыми для этого знаніями: нельзя сравнивать того, чего не знаешь. Мало того. При сравненіи необходимо знакомство съ такими науками, какъ исторія искусства, этнографія, краніологія и др. Изъ сравненія, напр., двухъ орнаментовъ серьезно-научнаго вывода не можетъ сдѣлать тотъ, кто совершенно незнакомъ съ исторіей искусства и т. д. Самый процессъ сравненія требуетъ тонкой наблюдательности, умѣнья подмѣтить существенное и не смѣшать его съ случайнымъ, вообще требуетъ той дрессировки мысли, которая вырабатывается только серьезными научными занятіями. Безъ такой научной подготовки археологъ будетъ тщательно пересчитывать количество снятыхъ штиховъ земли, будетъ аккуратно, съ математическою точностью, измѣрять разстояніе между найденными въ насыпи угольками или черепками отъ сосуда и въ то же время можетъ легко выпустить изъ виду многое такое, что дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Словомъ, сравнительный методъ труденъ и для многихъ лицъ, записавшихъ себя въ археологи, совершенно недоступенъ. Но безъ серьезнаго примѣненія его къ нашей наукѣ послѣдняя никогда не освободится отъ того произвола, который въ ней въ настоящее время господствуетъ.

В. З. Завитневичъ.

Библиотека "Руниверс"

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1)]

ГЛАВА II.

Крестьяне Кіевщины и Брацлавщины, какъ главные дѣятели коліевщины.

Движеніе 1768 года, представляя собою послѣднюю яркую вспышку такъ называемыхъ гайдамацкихъ волненій, заполняющихъ собою въ исторіи правобережной Украины весь XVIII в., отмѣчено польскими мемуаристами, какъ движеніе крайняго ожесточенія южно-русскаго поспольства и какъ рѣзкое проявленіе его необыкновенной дикости и грубости. Такая характеристика коліивщины представляется на первый взглядъ тѣмъ болѣе основательной, что вообще ужасны бываютъ народныя возстанія, вызванныя рядомъ тяжелыхъ утѣсненій со стороны тѣхъ, у кого власть и сила. Думается, не могла бы быть поэтому неужасной и коліивщина, разъ польскій гнетъ во вновь обрѣтенной правобережной Украинѣ, и въ религіозномъ, и въ экономическомъ отношеніи, былъ съ откровеннымъ нахальствомъ и неукоснительною послѣдовательностью возстановляемъ въ теченіе всего XVIII вѣка. При иныхъ ожиданіяхъ хлынувшаго въ этотъ край населенія и, главное, при иныхъ обѣщаніяхъ заманившаго его сюда шляхетства—времена Хмельницкаго со всею

[1)] „Кіевская Старина", 1890 г., № 4.

Библиотека "Руниверс"

своею безпощадною суровостью должны были вернуться для народныхъ ненавистниковъ, для польской шляхты и жидовъ, ничему не научившихся изъ опыта прошлаго и ничего не забывшихъ, и времена эти дѣйствительно какъ будто бы вернулись во многихъ мѣстахъ и случаяхъ. Уманская рѣзня, убійства шляхты Швачкой въ Фастовѣ—все это страшныя проявленія разнузданныхъ страстей у мстителей за свою вѣру и свободу. Но если частями коліивщина и является повтореніемъ хмельнищины, если въ тѣхъ или другихъ случаяхъ народное ожесточеніе въ 1768 году бывало крайнимъ, то все же это движеніе не можетъ сравниться, по проявленіямъ народной ненависти къ угнетателямъ, съ хмельнищиной и съ другими народными крестьянскими движеніями въ Европѣ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ вся совокупность данныхъ относительно коліивщины. Особенно же хорошо можетъ быть выяснено сказанное на характеристикѣ самыхъ участниковъ движенія 1768 г. Поэтому, если мы теперь, въ добавокъ къ охарактеризованнымъ уже нами ватажкамъ этого движенія, выведемъ, пользуясь все тѣми-же данными Кодненской книги, еще и простыхъ гайдамакъ въ большихъ ватагахъ и загонахъ и крестьянъ—пособниковъ тѣхъ и другихъ,—то мы не сомнѣваемся, что люди эти ни въ чьихъ глазахъ не явятся фанатическими борцами за одушевляющее ихъ дѣло, и что большинство ихъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ борцами хмельнищины.

Ясна причина—отчего могла произойти такая разница въ настроеніи боровшихся народныхъ массъ въ двѣ взятыя нами эпохи. Во времена хмельнищины боровшимся не было иного удовлетворительнаго выхода изъ тяжелаго положенія, созданнаго для нихъ Рѣчью Посполитой, какъ побѣда надъ поляками. Избавляться отъ гнета удаленіемъ за Днѣпръ въ дикія мѣста будущей слободской Украины было нелегко; немыслимо было семейнымъ людямъ уходить и въ Запорожье. Въ XVIII же вѣкѣ отъ тяжелаго польскаго гнета можно было переселяться если не въ гетманщину, гдѣ становилось людно, то въ значительно уже устроившуюся слободскую Украину; да наконецъ и вольности войска запорожскаго стали привлекательны даже семей-

Библиотека "Руниверс"

нымъ людямъ, такъ какъ, чѣмъ дальше, запорожское государство переставало быть военной общиной, и въ немъ все больше и больше обрѣтали силу земледѣльческія и семейныя начала. Не въ одной побѣдѣ надъ поляками могъ, поэтому, теперь заключаться выходъ изъ тяжелаго положенія, созданнаго послѣ недавней руины Рѣчью Посполитой для южно-русскаго правобережнаго православнаго населенія, успѣвшаго за какіе нибудь полвѣка вновь культивировать недавнюю пустыню. А разъ, кромѣ исхода, опредѣляемаго побѣдой надъ врагомъ, существуютъ и другіе,—ожесточеніе, фанатизмъ борцовъ—явленія не необходимыя и скорѣй даже исключительныя.

Не малое вліяніе на настроеніе боровшихся должно было имѣть и другое обстоятельство — это участіе въ возстаніи не всего южно-русскаго населенія, какъ при Хмельницкомъ, а только населенія недавней руины, т. е. почти всей Кіевщины и Брацлавщины, составлявшей двѣ трети нынѣшней подольской губерніи. Что возстаніе вспыхнуло именно въ этой части, а не въ болѣе западныхъ и заселенныхъ частяхъ южной Руси—можетъ казаться какъ будто необъяснимымъ. И въ самомъ дѣлѣ, если опредѣлить силу гнета, который испытывали тогда русскіе крестьяне отъ поляковъ [1]), то окажется, что наиболѣе ужасна была жизнь крестьянства на Волыни, затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ бывшей руинѣ, въ Полѣсіи и сѣверной части Кіевщины, тягости крѣпостническихъ отношеній становились легче, и наконецъ—въ предѣлахъ остальной Кіевщины и Брацлавщины, гдѣ собственно и была руина, объявленныя помѣщиками льготы въ началѣ заселенія дѣлали до поры до времени жизнь явившихся сюда вновь крестьянъ вовсе сносною. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, нерѣдко случалось, что волынскіе крестьяне, уходя отъ своихъ грозныхъ помѣщиковъ, селились въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ, какъ въ мѣстностяхъ съ удобными условіями жизни. Конечно, подобная разность въ условіяхъ крестьянскаго быта въ одномъ государствѣ обусловливалась тѣмъ, что въ

[1]) Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. II. Изслѣдованіе о крестьянахъ (предисловіе къ актамъ), стр. 44—55.

Библиотека "Руниверс"

мѣстностяхъ густо заселенныхъ, далекихъ отъ степныхъ границъ, польскіе помѣщики пользовались своими крѣпостническими правами въ самой широкой степени, въ мѣстностяхъ же, гдѣ въ рабочихъ былъ большой недочетъ, гдѣ крестьянствомъ надо было дорожить и куда его надо было еще зазывать, сами помѣщики сознавали необходимость представленія ему всевозможныхъ льготъ, по крайней мѣрѣ до поры до времени. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, впрочемъ, въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ въ большинствѣ случаевъ льготные годы уже прошли, но все же опасеніе, чтобы вновь земля не опустѣла, заставляло помѣщиковъ не особенно рѣзко проявлять свои права. И вотъ, при такихъ то условіяхъ вспыхиваетъ возстаніе не на Волыни, не въ Полѣсіи, не въ Подоліи, а именно въ менѣе стѣсненной Кіевщинѣ. Необъяснимое съ перваго взгляда явленіе это однако имѣетъ свой вполнѣ опредѣленный смыслъ. Прежде всего, конечно, важно то, что южно-русское населеніе Волыни, западной Подоліи и Полѣсья несло ярмо давнее, нѣкоторымъ образомъ привычное, и потому до поры до времени оно его опротестовывало только пассивнымъ образомъ—побѣгами. Не то—сравнительно недавніе слобожане Кіевщины: они явились въ край въ надеждѣ на лучшее и, отвыкнувъ за долгіе годы слободъ (слободы давались на 15—30 лѣтъ) отъ мысли о крѣпостной зависимости, выражали прямой активный протестъ злымъ замысламъ шляхетства нарушить ихъ льготное житье. А такъ какъ къ шестидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія всѣмъ почти слободамъ сроки истекли, то и число крестьянъ, готовыхъ силою отбиваться отъ насовывавшагося на нихъ ярма крѣпостничества, становилось все больше и больше. Когда же одновременно съ тѣмъ въ Кіевщинѣ, въ предѣлахъ переяславской епархіи, поднялось, какъ это было уже нами отмѣчено, сильное гоненіе на православіе, которое должно было быть замѣнено широко пропагандируемой уніей, то для начала возстанія нуженъ былъ только небольшой толчекъ. Толчкомъ такимъ, какъ извѣстно, была барская конфедерація.

Конечно, если бы возстаніе въ Кіевщинѣ, никѣмъ не защищенной, не встрѣтило на своемъ пути силъ чужого государства, то расширилось бы оно и по всему Подолію, и по Волыни, и

Библиотека "Руниверс"

по Полѣсью, хотя тамъ и была кой-какая оборона,—и быть можетъ исторія знала бы вторую хмельнищину. Но этого не случилось. Районъ возстанія остался ограниченнымъ, [и данное обстоятельство, какъ мы уже сказали, было второй причиной, отъ которой зависѣло настроеніе боровшихся съ поляками въ 1768 году. Сила, интензивность движенія непремѣнно обусловливается обиліемъ участниковъ, одинаковостью въ воззрѣніяхъ большой массы людей: вѣра въ успѣхъ своего дѣла тогда растетъ, и притомъ не отъ одного сознанія своей матеріальной силы, но и вслѣдствіе сокровенныхъ мотивовъ. Тогда намѣченная цѣль освящается въ глазахъ участниковъ дѣла въ такой мѣрѣ, что ею начинаютъ они легко оправдывать всякія средства къ ея осуществленію, включая и самыя возмутительныя. Такъ было въ хмельнищину, когда вся южная Русь была въ возстаніи, но не такъ было въ коліивщину, когда только часть южно-русскаго народа поднялась за свои права и вѣру. Фанатическое настроеніе отдѣльныхъ коліевъ не слѣдуетъ принимать за настроеніе цѣлаго народа.

Изъ 440 гайдамакъ, свѣдѣнія о которыхъ мы извлекли изъ Кодненской книги, о трехстахъ мы знаемъ, откуда они родомъ и гдѣ жили въ періодъ коліивщины. Изъ этихъ трехсотъ двѣсти шестьдесятъ четыре человѣка оказываются принадлежащими правому берегу Днѣпра. Обращаясь теперь къ обѣщанной выше характеристикѣ отдѣльныхъ гайдамакъ, мы именно прежде всего примемъ въ разсчетъ правобережцевъ района недавней руины. При этомъ мы увидимъ, что въ этой, даже наиболѣе существенной, группѣ возставшихъ не было завзятости борцовъ хмельнищины: передъ нами все больше будутъ проходить люди, какъ будто не твердо вѣрящіе въ успѣхъ возстанія и потому не считающіе его дѣломъ всей своей жизни; исключенія, конечно, окажутся, но ихъ не будетъ много. Нельзя будетъ намъ пройти молчаніемъ и вполнѣ отрицательные элементы среди борцовъ за правое дѣло: эти элементы были—и ихъ не скроешь.

Однимъ изъ заслуживающихъ вниманія гайдамакъ означенной выше мѣстности былъ встрѣчавшійся намъ уже при харак-

Библиотека "Руниверс"

теристикѣ Швачки Олекса Якименко [1]). Это былъ молодой человѣкъ 25 лѣтъ, родомъ изъ села Яцокъ бѣлоцерковскихъ. Въ Яцкахъ же онъ и жилъ и былъ, значитъ, человѣкомъ вполнѣ осѣдлымъ. При появленіи въ Бѣлоцерковщинѣ Швачки и его ватаги, Якименко тотчасъ же присталъ къ нему и участвовалъ во многихъ его дѣяніяхъ. Такъ, въ с. Гребеникахъ онъ убилъ пятерыхъ шляхтичей, изъ которыхъ по имени зналъ только двухъ—пана Симашка и пана Кондрацкаго, а потомъ, когда пришелъ съ Швачкой въ Фастовъ, онъ и счетъ потерялъ убитымъ имъ панамъ. Былъ онъ, наконецъ, и въ дѣлѣ подъ Блощинцами, гдѣ, какъ извѣстно, Швачка понесъ пораженіе отъ русскаго полковника Протасьева. Якименко при этомъ оказался въ числѣ 500 другихъ гайдамакъ, взятыхъ въ плѣнъ и отведенныхъ въ Кіевъ, гдѣ и его, какъ другихъ, продержали съ годъ, прежде чѣмъ рѣшили—кого изъ нихъ сослать, кого отпустить. Якименко былъ въ числѣ отпущенныхъ во свояси. Онъ пришелъ къ отцу въ Яцки, но былъ тутъ арестованъ паномъ Кондрацкимъ, сына котораго онъ убилъ. Попавши затѣмъ въ руки военно-судной кодненской коммиссіи, Якименко не подъ пыткой, а добровольно показалъ все вышеприведенное, очевидно, считая себя нравственно правымъ. Ожидавшая его смертная казнь не смутила его, какъ человѣка, не сомнѣвавшагося въ необходимости того дѣла, въ которомъ онъ принималъ участіе и за которое теперь карали его.

Другой гайдамака правобережной Украины, *Михайло Казанъ* [2]) тоже присталъ къ гайдамачеству не изъ-за личной наживы. Изъ показаній его на судѣ узнаемъ, что родомъ онъ былъ изъ с. Дацокъ смѣлянскихъ, взросъ же въ с. Орловцѣ при отцѣ, рано потерявъ мать. Вскорѣ его женили на дивчинѣ изъ с. Будокъ смѣлянскихъ. Матеріальные недостатки заставили Михайла поступить въ число надворныхъ козаковъ въ Корсунѣ. Изъ Корсуня онъ однако часто навѣдывался къ своимъ въ с. Орловецъ. Здѣсь, въ Орловцѣ, онъ засталъ однажды Ивана Чернаго, „атамана отъ ватаги Желѣзняка“. Этотъ Иванъ Черный,

[1]) Кодн. кн., стр. 49, 5.

[2]) Кодн. кн., стр. 12, 51.

Библиотека "Руниверс"

очевидно, основательно уяснилъ и Михайлу Казану, и многимъ другимъ изъ орловецкой громады всю тягость, испытываемую ими отъ пановъ и уніатовъ, и всю серьезность цѣлей Желѣзняка. И вотъ Михайло Казанъ и другіе жители Орловца охотно вступили въ ватагу Ивана Чернаго и двинулись съ нимъ къ Корсуню, не производя однако нигдѣ рѣзни: тогда еще только начиналось возстаніе, и сами гайдамаки не пріучены были къ рѣзнѣ. Въ ватагѣ Желѣзняка однако Михайло Казанъ оставался недолго, тѣмъ не менѣе послѣ разгрома, постигшаго всю ватагу Желѣзняка и Гонты, его арестовали, не имѣя противъ него никакихъ уликъ. Отъ бѣды его избавилъ заступившійся за него панъ Дунинъ, товарищъ хоругви панцырной. Дунинъ взялъ его къ себѣ на службу, но Михайло Казанъ бѣжалъ отъ него. Его словили и засадили въ корсунскую кордегардію. Оттуда онъ съ нѣсколькими другими бѣжалъ и на этотъ разъ—къ донцамъ, у которыхъ былъ въ теченіе двухъ недѣль. Его вновь схватили, когда онъ однажды ѣхалъ въ Орловецъ къ роднымъ. Отданный вновь суду кодненской коммиссіи, онъ былъ обезглавленъ. Ни грабежей, ни грубаго личнаго разсчета за Казаномъ не было. Онъ, какъ видимъ, человѣкъ семьи,—ея онъ не забываетъ среди всѣхъ треволненій тяжелой политической поры. Сознаніе общественныхъ обязанностей ведетъ его сперва къ Желѣзняку, а потомъ къ донцамъ, которыхъ онъ, конечно, считалъ присланными на защиту интересовъ, близкихъ и ему. Юность—Казану было не больше 21 года—оправдываетъ его въ послѣдней ошибкѣ.

Пониманіе текущихъ политическихъ условій встрѣчаемъ мы, между прочимъ, еще и въ лицѣ нѣсколькихъ сегединскихъ крестьянъ—братьевъ Ризниченковъ, Михайла и Тимоша, Ивана Поповича и Ивана Ботвиненка [1]). Послѣдній былъ, правда, въ краѣ сравнительно недавній житель: пришелъ онъ въ село Сегединцы только въ 1765 г., но сдѣлался здѣсь вполнѣ осѣдлымъ человѣкомъ и, очевидно, не намѣренъ былъ вновь уходить на свою родину—въ село Христиновцы, на лѣвомъ берегу Днѣпра въ лубенскомъ полку. Чувствуя всю моральную тягость

[1]) Кодн. кн. стр. 11, 49.

Библиотека "Руниверс"

условій своего житья, названные сегединскіе крестьяне и Ботвиненко сами на свой страхъ и рискъ однако ничего не затѣвали враждебнаго шляхетству; только когда пришелъ въ ихъ село Неживый и истолковалъ имъ положеніе дѣлъ да въ добавокъ прочелъ мнимую на самомъ дѣлѣ, но дѣйствительную для него самого золотую грамоту русской императрицы, они послѣ серьезнаго раздумыванія рѣшились пристать къ ватагѣ Неживого и порвать съ своимъ легальнымъ положеніемъ. Что такъ поступили они именно послѣ того, какъ взвѣсили и все ими претерпѣваемое, и всякія надежды на успѣхъ, о которомъ могъ говорить Неживый—это мы заключаемъ изъ интересныхъ показаній Ботвиненка на судѣ. По словамъ его, Неживый сразу не обрѣлъ адептовъ между сегединцами; это только послѣ ухода его крестьяне Ризниченки и Поповичъ, сойдясь, рѣшили догнать ушедшаго ватажка и пристать къ нему, причемъ убѣдили въ необходимости такъ поступить и Ботвиненка. Впослѣдствіи Ризниченки и Поповичъ перешли, съ согласія Неживого, въ ватагу Желѣзняка, а Ботвиненко остался съ Неживымъ и, очевидно, былъ съ нимъ до послѣдней возможности, потомъ же бѣжалъ къ сербамъ въ черный гусарскій полкъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ только онъ снова вернулся въ Сегединцы, разсчитывая за давностью избѣгнуть кары за гайдамачество, но его схватили, и кодненская коммиссія приговорила его къ обезглавленію. О судьбѣ же Ризниченокъ и Поповича свѣдѣній нѣтъ.

Вникая въ сущность приведенныхъ гайдамацкихъ біографій, не трудно видѣть по нѣкоторымъ изъ нихъ, что въ ватаги шли больше люди молодые, и что они, являясь убѣжденными, идейными, были такими, между прочимъ, благодаря окружающей ихъ средѣ и въ частности, быть можетъ, благодаря ихъ собственнымъ семьямъ. И Михайло Казанъ, и Олекса Якименко—люди хорошихъ семей, съ которыми связь у нихъ не обрывается до конца ихъ жизни. Тоже заключеніе, надо думать, невольно должно явиться у всякаго и при пересмотрѣ массы другихъ гайдамацкихъ біографій. Наиболѣе однако яркой иллюстраціей связи ватажной молодежи съ убѣжденными стариками своихъ селъ можетъ служить дѣло двухъ Дубенныхъ—отца и сына, относитель-

Библиотека "Руниверс"

но котораго мы имѣемъ въ Кодненской книгѣ interrogatoria et responsoria gromady litwinowskiey [1]).

Дубенный—сынъ, а не отецъ, только и былъ собственно гайдамакой въ одномъ изъ загоновъ. О немъ однако мы знаемъ только, что онъ пристадъ къ коліямъ, поѣхавшимъ на Литвиновку, и затѣмъ участвовалъ въ убійствѣ четырехъ шляхтичей, подвернувшихся этому загону. Что до грабежа, то ватага, о которой рѣчь, позволяла себѣ грабить только панское добро, какъ это, напримѣръ, случилось во время пребыванія ея въ Литвиновкѣ.

Гораздо интереснѣе Дубеннаго—сына Дубенный—отецъ, такъ какъ, очевидно, благодаря ему и сынъ сталъ гайдамакой. При самомъ началѣ движенія, этотъ человѣкъ полагалъ, что только гайдамаки вызволятъ угнетенное поспольство изъ бѣды. Поэтому онъ необычайно обрадовался приходу гайдамацкой ватаги въ Литвиновку, зазвалъ всю ватагу въ свой дворъ—и она долго тамъ прохлаждалась, добывая себѣ медъ, пиво и горилку изъ панскихъ погребовъ. А раньше еще, когда тѣ-же гайдамаки подошли къ селу Житники, онъ далъ имъ подробныя указанія относительно того, какъ удобнѣе захватить нужный имъ скотъ во владѣніяхъ пана, и тогда же пересказалъ имъ о той несправедливости, какую онъ самъ понесъ отъ пана. Панъ, по его словамъ, несправедливо отнялъ у него „десятину“ (?). Ободряемый надеждой на успѣхъ поднявшагося возстанія, старикъ Дубенный, не стѣсняясь, нападалъ на польскіе порядки и усердно вооружалъ противъ нихъ своихъ односельчанъ и сосѣдей въ с. Житники. Прійдя въ это послѣднее, онъ сталъ настаивать, чтобы житниковцы отказались отъ панщины, говоря: „якъ далеко земли до неба—такъ ляхамъ до насъ, бо вже ихъ чорты забралы; а якъ що робытымете на ихъ панщыну, якъ робылы, то знову впреться у село яка-небудь чортяка“. Когда же прошелъ слухъ, что въ пятигорскомъ лѣсу появился польскій отрядъ для преслѣдованія гайдамакъ, съ которыми житниковцы и литвиновцы братались, то Дубенный сталъ настаивать

[1]) Кодн. кн. 575—580.

Библиотека "Руниверс"

на необходимости для нихъ заранѣе вооружиться для встрѣчи отряда. „Стійте на варти коло села, говорилъ онъ, бо чувъ я видъ козакивъ, що йе въ пьятыгоровскому лиси поляки. Щобъ воны не почалы напротывно васъ помсты, визьмить косы, спысы, ципы, хто що мае. Та дывиться, не давайтесь имъ!“ Дубенный открыто сталъ выражать также свое нерасположеніе къ католичеству и уніи. Многимъ полякамъ онъ говорилъ „żeby się odrzekali wiary swiętey y abżędkow“. А по показаніямъ нѣкоей Терезы Ольшевской онъ даже „blaznił przeciwko wierze swiętey“. Прійдя къ ней однажды, онъ повелъ такую рѣчь; „прыставайте до виры православной, тилько же не до такои, якъ теперъ завелась у насъ. Ни,—такои намъ не треба. Прыставайте, кажу, до такои, яка була въ насъ до цього часу. И колы вже прыстаете до насъ, то треба буде видректыся одъ виры польськои и наплювать на неи, та отця святого, що жыве у Рыми—бо то антихристъ, що людей обманюе. Треба буде вамъ тоди залышать и тихъ писень, що доси по косціолахъ та церквахъ „выкъвинтовувалы“. Уніатамъ, говорятъ, также доставалось отъ Дубенного. Однажды онъ вышелъ на встрѣчу шедшимъ изъ церкви съ уніатскаго богослуженія и прямо сказалъ имъ: „проклятый той, хто одправлявъ службу, и той, що слуха уніативъ“.

Такъ держалъ себя Василій Дубенный, пока движеніе гайдамацкое все ширилось и надежды возставшихъ на одолѣніе врага были основательны хоть сколько-нибудь. Послѣ же ряда пораженій, понесенныхъ гайдамаками, Василій Дубенный сталъ склоняться къ мысли, что все спасеніе въ русскихъ. Характерно выражено все это въ показаніяхъ его брата, Михаила Дубенного, которыя мы тутъ и приводимъ.

„Прыйшовшы до мене,—говорилъ онъ,—братъ мій Васыль почавъ мене лякать Кодней, почавъ вговорювать мене, щобъ я йихавъ за граныцю шукать протекціи въ москаливъ. Я зрикався та казавъ ёму: „схаменысь ты, Васылю, и зробы такъ, якъ я тоби молодшый наражу“. А винъ мени на те: „схаменысь ты самъ! Ты не хочешъ иты зо мною—то хыба хочешъ встрянуть у Кодню?“ А я ёму: „не попаду я у Кодню, бо ни въ чому я не выноватый“. Тоди винъ зновъ: „И чого тоби жалко?—Одного

Библиотека "Руниверс"

вола? Мени жъ бильшъ ничого не жалко: доволи вже буть въ пидданстви панамъ польськимъ". И писля цёго я все жъ сказавъ: „не пойду", тилько жъ винъ почавъ пидбуджувать мене то прыйшлось пойихать. Оце уже мы йидемо и прыйизжаемо до Торговыци, до титки нашои, дали и за Торговыцю зайихалы, прямуючы до граныци. Саме передъ граныцей зустричайемо якогось чоловика, Васыль и пыта его: „видкиля ты, чоловиче? Той одвича: „зъ загранычи". „Що жъ тамъ чувать"? „Чувать— чуму!" Почувшы таке, я й кажу братови, „вернемось, брате, до Литвиновкы". Завернулы. Йидемо до Гранова, де тоди стоявъ сербьскый майоръ. Васыль и пишовъ до того майора прохать протекціи. Прыходыть назадъ, каже: „цей ничого не вдіе". Йидемо тоди шукать другого и знаходымо въ Псяровци. Псяровськый майоръ пыта насъ: „чого вамъ треба?" Васыль и каже, що не хочемо буть пидъ польськымы панами, а тилько пидъ москалямы. „Я, додавъ винъ, заразъ сына мого альбо племенька запышу до войска чы панщыну сгожусь робыть—треба мени тилько, щобъ було въ мене степу доволи, лису и воды. Якъ що цього буде досыть, то й слободы осажу". Майоръ одповивъ Васылеви: „идите до старшого майора, а я тоби напышу лыстъ— то винъ дасть тоби протекцію и знайде мисце, заразомъ и запыше васъ въ канцеляріи". Я, змирковавши дило, выйшовъ заразъ зъ хаты, а Васыль забавывся ще зъ майоромъ. Майоръ заразъ послявъ по порученію. Поручникъ прыйшовъ и заразъ пойихавъ зъ намы на ничъ на квартыру. Въ вечери пытаю Васыля: „брате, щось зле буде зъ того, що роспочавъ; до решты самъ себе знищышъ и мене переведешъ ни на вищо, бо однымешъ въ мене остатню сорочку". Одповивъ мени Васыль: „мовчы, бо розибью тоби кіемъ голову. Робы, що до тебе надлежыть—гляды тилько коней та санкы". Тоди я, доставшы зъ санокъ горилкы, напывся разивъ два и лигъ въ санкахъ спаты. Колы зновъ прыходыть Васыль и каже; „брате, ты ни у вищо не втручайся, дывысь тилько за киньмы; майоръ казавъ, що зъ намы у Лытвиновку пошле поручныка и гусаривъ на залогу (гарнизонъ), и щобъ мы соби вильно жылы въ Лытвиновци черезъ зыму до весны и хлибъ вымолочувалы, бо хочъ бы заразъ

Библиотека "Руниверс"

перетяглысь заграныцю, то все одно не було-бъ чымъ худобу до кинця зимы додержать".

Неизвѣстно, осуществилась ли обѣщанная протекція и могла ли даже она осуществиться, но для Литвиновки пребываніе тамъ сербского поручика съ небольшимъ отрядомъ во всякомъ случаѣ осталось памятнымъ: одни изъ сербовъ кинулись захватывать подводы, нагруженныя панскимъ хлѣбомъ для отправки на Волынь, другіе начали бить войта и только тогда отпустили его, когда онъ отказался отъ войтовства и проч. Въ виду такого результата отъ сербской протекціи, разсчеты на нихъ, сербовъ, Васыля Дубенного, были по меньшей мѣрѣ несвоевременны. Въ этомъ отношеніи съ нимъ не сходились, очевидно, другіе селяне, которымъ не чужды были общественные интересы. Характеренъ въ этомъ отношеніи разговоръ Васыля Дубенного по дорогѣ въ Литвиновку, когда онъ уже велъ сербовъ. Заночевали они тогда на пути въ Бузовкѣ у Васылёваго кума—мельника бузовецкаго. Мельникъ и мельничиха приняли Васыля съ его мнимыми защитниками радушно, но когда на другой день утромъ они вырядили уже своихъ гостей, то мельничиха возлѣ воротъ отозвала Васыля въ сторону и сказала: „схаменысь, куме,—що ты робышъ?" На это однако Васыль только отвѣтилъ: „побачышъ, кумо, що я тамъ зроблю".

Для передачи съ полной обстоятельностью всего склада понятій старика Дубенного, мы не ограничились пересказомъ содержанія нашего документа въ той его части, которая относится къ 1768 году, но приняли въ разсчетъ и другую, относящуюся къ 1770 и 1771 годамъ. Благодаря этому, мы видимъ, что Дубенный въ разное время искалъ разныхъ средствъ для достиженія своей цѣли; сперва онъ ждалъ облегченія отъ гайдамакъ, потомъ отъ русскихъ. Принявъ же во вниманіе все это, невольно приходишь къ заключенію, что въ лицѣ Васыля Дубенного мы имѣемъ одного изъ тѣхъ изстрадавшихся стариковъ, по внушенію которыхъ шли въ гайдамацкія ватаги и ихъ дѣти, и многіе, находившіеся подъ ихъ вліяніемъ.

Интересны въ ватагахъ и такіе люди, какъ Кондратъ Микишенко, человѣкъ среднихъ лѣтъ, состоявшій эсауломъ богу-

Библиотека "Руниверс"

славскихъ козаковъ. Несмотря на свое личное сравнительно выгодное положеніе, онъ его мѣняетъ на опасное, невѣрное положеніе гайдамаки, пристаетъ къ страшному Швачкѣ и остается съ нимъ до самого его пораженія. Сознаніе общественной неправды, очевидно, завело его такъ далеко. Схваченный впослѣдствіи поляками, онъ былъ присужденъ къ смерти (родъ казни въ документѣ не обозначенъ) [1]).

Кромѣ открыто шедшихъ въ гайдамачество и приставшихъ къ тѣмъ или другимъ ватагамъ, очень многіе изъ кіевскаго и брацлавскаго крестьянства дѣйствовали противъ поляковъ порознь, не соединяясь въ ватаги. Убить въ это время поляка или жида считалось доблестью—и мы наталкиваемся поэтому въ Кодненской книгѣ на массу дѣлъ объ убійствѣ шляхтичей и жидовъ. Не позорно было также несбереженіе панскаго добра и даже полное его присвоеніе отдѣльными лицами—и объ этомъ опять таки читаемъ мы въ документахъ Кодненской книги.

Пересмотримъ сперва рядъ дѣлъ объ убійствахъ, совершенныхъ людьми, стоявшими внѣ ватагъ.

Тутъ передъ нами выступаетъ рѣзко опять должностное лицо—отъ села Шпичаницъ паволоцкихъ (село сквир. у. близъ границы бердичевскаго, къ з. отъ м. Паволочи), Мартынъ Лобода [2]). И онъ, подобно многимъ другимъ, не дорожилъ своимъ сравнительно виднымъ положеніемъ въ селѣ и только воспользовался имъ для того, чтобы хоть въ теченіе короткаго времени съ большимъ успѣхомъ гнать ненавистныхъ ему поляковъ и уніатовъ. Онъ то и дѣло разыскивалъ прятавшихся пановъ и жидовъ и отдавалъ ихъ на убійство; не щадилъ при этомъ и женщинъ, причемъ съ особенною яростью преслѣдовалъ жену гуменного, который былъ мазуръ родомъ. Дѣйствовалъ, впрочемъ, Мартынъ Лобода не совсѣмъ въ одиночку; у него были между крестьянами сознательные пособники. Однимъ изъ такихъ пособниковъ состоялъ между прочимъ нѣкій Яковъ

---

[1]) Кодн. кн. 448.

[2]) Кодн. кн. стр. 62, 63.

Библиотека "Руниверс"

Руденко, человѣкъ лѣтъ 35, родомъ изъ села Жалобного, что за Звягелемъ, пришедшій всего года за четыре до возстанія въ Шпичаницы паволоцкія на слободы. Здѣсь ему не жилось хорошо, такъ какъ подстароста чинилъ ему всякія несправедливости—отнималъ у него скотъ и проч. Вслѣдствіе этого, руководимый Мартыномъ Лободой, Яковъ Руденко сталъ безжалостно убивать попадавшихся ему шляхтичей и жидовъ, а потомъ даже присталъ къ донцамъ въ надеждѣ, что, принадлежа къ нимъ, онъ будетъ имѣть возможность съ большей безопасностью совершить свои преслѣдованія. Не удивительно поэтому, что когда онъ былъ схваченъ поляками и отданъ на судъ кодненской коммиссіи, то эта послѣдняя присудила его къ обезглавленію. Та-же кара еще раньше постигла его руководителя—Мартына Лободу.

Слѣдя за убійствами порознь, обратимъ вниманіе на то, что сильнымъ негодованіемъ противъ поляковъ проникались нерѣдко тѣ изъ надворныхъ козаковъ, которымъ паны, приставшіе къ барской конфедераціи, велѣли идти за ними отстаивать дѣло конфедератовъ. Многіе изъ такихъ невольныхъ конфедератовъ при первой возможности дезертировали, не желая сражаться за дѣло неправое, и послѣ дезертирства становились людьми, годными на многое. Въ Кодненской книгѣ мы имѣемъ, между прочимъ, дѣло нѣкоего Тимка. Этотъ Тимко, вмѣстѣ съ другими 13-ю козаками, бѣжалъ, изъ конфедерацкихъ рядовъ, попалъ затѣмъ въ тюрьму, потомъ же очутился въ Цыбуновѣ и здѣсь косой зарѣзалъ шляхтянку. Въ это время онъ уже былъ въ связи съ гайдамаками. Кодненская коммиссія присудила его къ смерти.

Общераспространеннымъ въ это время нерасположеніемъ къ полякамъ объясняется, очевидно, и другой случай подобнаго убійства: въ селѣ Черепинѣ косой убилъ шляхтянку крестьянинъ Игнатъ Гудимъ [1]).

Убивали при этомъ не только шляхтичей, такъ или иначе насолившихъ убивавшимъ, но и незнакомыхъ. Такъ, крестьянинъ Лихогруденко [2]) изъ Рокитной, вмѣстѣ съ какимъ-то Ро-

[1]) Кодн. кн., стр. 445.

[2]) Кодн. кн., стр. 493.

Библиотека "Руниверс"

ковскимъ, убилъ шляхтича, встрѣченнаго на дорогѣ. Кодненская коммиссія Лихогруденка приговорила къ обезглавленію, а Роговскаго къ четвертованію. Судя по наказанію, надо думать, что Роговскій былъ польскій ренегатъ. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить проявленной по отношенію къ нему жесткости со стороны кодненской коммиссіи.

Къ смертной казни по дѣлу такого рода, какъ только что пересказанное, присуждены были также Хведько Киресса, Петро Микитенко и Андрушка, Гайдаевъ сынъ [1]). Они убили кіями какого-то шляхтича. На судѣ первые два отказывались сознаться въ убійствѣ, третій же Андрушко, Гайдаевъ сынъ, сознался и донесъ на сотоварищей. Грабежа при убійствѣ не было.

Крайняя жестокость иногда только проявлялась при совершеніи этихъ убійствъ. Такъ, уроженецъ села Кочериницъ уманскихъ Васыль Паламаренко [2]), былъ однажды въ селѣ Ромахъ и въ присутствіи многихъ прислужницъ пани Чаплинской сталъ ее, Чаплинскую, бить, и, когда она уже упала въ безсознательномъ состояніи, Паламаренко разбилъ ей голову, вынулъ мозгъ и отдалъ его собакамъ. Чаплинская была тещей регименгаря Стемпковскаго, предсѣдателя кодненской коммиссіи. Къ сожалѣнію, въ судебной отмѣткѣ нѣтъ указанія на время совершенія означеннаго преступленія. Если оно совершено уже во время существованія кодненскаго суда, то легко могло быть вызвано ненавистью къ Стемпковскому, которою, быть можетъ, объясняется и самая лютость Паламаренка.

Грозой былъ для поляковъ и Васыль Бабачекъ, крестьянинъ родомъ изъ Соколовки уманской [3]). Много убійствъ совершилъ онъ среди шляхты въ селѣ Волощиновкѣ уманской. Застрѣлилъ, между прочимъ, паню Пшемійскую и прикончилъ ударомъ копья уже пораненнаго другими пана Пшемійскаго. При этомъ Бабачекъ сказалъ сыну убитаго, Антонію Пшемійскому: „a wiesz ty o tym, przeklęty lachu, że was wszystkich lachow suka na morzu w kę-

---

[1]) Кодн. кн. стр. 461.
[2]) Кодн. кн. стр. 475.
[3]) Кодн. кн. стр. 475.

Библиотека "Руниверс"

pie rodzi y wy stąd pochodzicie wszyscy y początek swoy od tego rodzaju maice". Конечно, Бабачекъ казненъ.

Ужасна также была расправа крестьянъ съ панами въ селѣ Волнянкѣ. Въ ближайшемъ къ Волнянкѣ лѣсу спряталось 18 человѣкъ шляхты [1]). Крестьяне Волнянки, узнавъ объ этомъ, тотчасъ пустились на поиски ихъ и, отыскавъ, цѣлою громадою участвовали въ ихъ убійствѣ. Не были пощажены при этомъ и дѣти. Большинство участниковъ этого избіенія были потомъ согнаны поляками въ Бѣлую Церковь и здѣсь безъ суда и расправы казнены. На долю кодненской коммиссіи изъ числа волнянцевъ только немногіе остались для рѣшенія ихъ участи. Однимъ изъ такихъ былъ Мыкола Лавренчукъ. Кодненская коммиссія приговорила его къ смертной казни, хотя о немъ только извѣстно было, что онъ находился въ Волнянкѣ въ моментъ избіенія шляхты, но никакихъ не было указаній на то, чтобы онъ самъ принималъ участіе въ этомъ кровавомъ дѣлѣ.

Въ селѣ Конельскомъ полякамъ также довелось жизнью заплатить за тотъ гнетъ, какой отъ нихъ терпѣло поспольство [2]). Войтомъ въ этомъ селѣ былъ Хведоръ Дворакъ, родомъ изъ Чорнополя. Онъ во всемъ готовъ былъ слѣдовать указаніямъ людей, враждебныхъ панамъ, и нисколько не заботился о соблюденіи установленнаго въ селѣ порядка. Благодаря этому, бывшій въ с. Конельскомъ Якимъ Зарудный, числившійся козацкимъ сотникомъ, былъ организаторомъ поимки 22 шляхтичей, и затѣмъ по его же распоряженію всѣ они были убиты, убитъ былъ и губернаторъ конельскій вмѣстѣ съ писаремъ. Въ судебной отмѣткѣ по этому дѣлу сказано, что Зарудный тогда же убилъ отца своего, зятя и дѣтей послѣдняго. Чѣмъ объяснить эти послѣднія убійства? Не то ли было ихъ причиной, что отецъ и зять Заруднаго не были на сторонѣ возставшихъ и не мѣшали ли они Якиму совершать его расправу съ панами?

Видную роль въ это время съигралъ въ Конельскомъ и есаулъ козацкій Иванъ Гучала изъ Чорнополя [3]). Онъ передъ

[1]) Кодн. кн. стр. 491.

[2]) Кодн. кн. стр. 495.

[3]) Ibidem.

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ, какъ раздраженіе въ с. Конельскомъ противъ поляковъ дошло до крайнихъ предѣловъ, согласился спрятать у себя въ хлѣву ксендза францисканскаго ордена. Ксендзъ и пришелъ къ нему, не подозрѣвая, конечно, что самъ Гучала—одинъ изъ наиболѣе ярыхъ ненавистниковъ поляковъ и уніи. Узнать это однако ему довелось, какъ только Зарудный приступилъ къ расправѣ съ шляхтой. Гучала тогда выдалъ ксендза Зарудному и другому земляку своему Романюку — и францисканецъ былъ убитъ на глазахъ конельскихъ крестьянъ.

Интересенъ еще небольшой эпизодъ, которымъ сопровождалась вся эта конельская исторія. Когда были добыты шляхтичи, предназначенные къ убійству, и между ними оказались люди, собиравшіеся идти въ конфедерацію, то тотчасъ Зарудный и др. предположили, что при нихъ должны быть деньги на покупку лошадей. Предположеніе оказалось основательнымъ. Деньги были добыты и распаеваны между добывшими. Завѣдывалъ этимъ Грыцько Швець, получившій также свою долю. Смущеннымъ панамъ онъ при этомъ заявилъ: „досыть вамъ вже тутъ пануваты“.

Накопившаяся у крестьянъ противъ поляковъ ненависть, какъ извѣстно, не уступала въ силѣ ненависти ихъ къ жидамъ. Убійства жидовъ людьми внѣ ватагъ были поэтому въ періодъ движенія 1768 года чуть ли не чаще убійствъ шляхты. Фактовъ въ этомъ родѣ въ книгѣ нашей масса. Мы приведемъ только нѣкоторые изъ нихъ.

Такъ, мы знаемъ, что невдалекѣ отъ Животова[1]) крестьяне Илько Хабло, Степанъ, сынъ Марка Дышлового, Максимъ Тихоходовъ, Климъ Маковонюкъ и Андрей Конопельчукъ, имѣя въ виду убить нѣсколькихъ жидовъ, призвали къ себѣ изъ Животова для этой цѣли гайдамакъ. Тѣ явились, убили двухъ жидовъ и одну жидовку, а нѣсколькихъ жидовокъ, оставленныхъ въ живыхъ, вмѣстѣ съ дѣтьми забрали съ собой въ Животовъ и тамъ окрестили ихъ. Названные выше крестьяне за столь явное содѣйствіе убійству жидовъ всѣ были приговорены кодненскою коммиссіею къ смертной казни.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 464.

Библиотека "Руниверс"

Другой случай проявленія ненависти къ жидамъ встрѣчаемъ въ слободѣ Антоновкѣ [1]). Тамъ служилъ у пана Подгурского дьякъ Кондратъ Горбенко. И вотъ этотъ то Горбенко, какъ только гайдамачина стала заявлять себя, измѣнилъ своему пану и убилъ жида. Наказанъ онъ повѣшеніемъ.

Особенно легко рѣшались люди на убійство жидовъ подвыпивши. Такъ, въ хуторѣ Москвитиновкѣ [2]) тамошняго арендаря-жида зарѣзалъ крестьянинъ Уласъ Даничисилъ, родомъ изъ с. Саяновки. Даничисилъ вмѣстѣ съ четырьмя паробками сталъ гулять и пить въ своемъ селѣ, такъ что въ Москвитиновку всѣ они пришли уже пьяные, и тутъ то въ шинкѣ Даничисилъ напалъ съ ножемъ на арендаря-жида и убилъ его. Кодненская коммиссія приговорила Даничисила къ смертной казни.

Жиды не знали, куда и укрываться. Изъ крестьянъ никто не желалъ ограждать ихъ отъ грозившихъ имъ бѣдъ. Такъ, въ Умани во время рѣзни плотникомъ у какой то жидовки, строившей себѣ домъ, былъ крестьянинъ с. Бузовки, Никита Москаленко [3]). Въ рѣзнѣ онъ не принималъ участія, но когда гайдамаки напали на жидовку, у которой онъ работалъ, и когда она, убѣгая отъ нихъ, въ ужасѣ кинулась къ нему на шею, прося защитить ее, то онъ тотчасъ сбросилъ ее съ себя и хладнокровно смотрѣлъ затѣмъ, какъ ее убивали. На другой день этотъ самый плотникъ, встрѣтивъ фельдшера—выкреста и принявъ его за жида, съ силой ударилъ его въ грудь, намѣреваясь убить его, если же не совершилъ этого убійства, то только потому, что на выручку фельдшеру подоспѣли другіе гайдамаки, знавшіе, что фельдшеръ выкрестился. Конечно, кодненская коммиссія приговорила Москаленка къ смертной казни.

Арендарямъ-жидамъ особенно трудно было разсчитывать въ это время на спасеніе. Выше мы уже привели одинъ случай убійства арендаря крестьяниномъ, а вотъ и другой изъ массы подобныхъ. Въ селѣ Ризановкѣ лисянской [4]) убилъ арендаря

---

[1]) Кодн. кн. стр. 486.

[2]) Кодн. кн. стр. 490.

[3]) Кодн. кн. стр. 487.

[4]) Кодн. кн. стр. 493.

Библиотека "Руниверс"

жида крестьянинъ Иванъ Панасенко. Приговоренъ и онъ за это къ смертной казни.

Убивать жидовъ было какъ бы обязательно. Такъ, когда Илько Семеновичъ, крестьянинъ с. Снятовки [1]), пріѣхалъ однажды во время ярмарки въ Сквиру и, встрѣтясь тамъ съ знакомымъ, разговорился о томъ, что онъ дѣлалъ въ Умани, то на вопросъ—сколькихъ онъ убилъ тамъ жидовъ, онъ отвѣчалъ: „а столько, сколько Богъ далъ“. Разговоръ этотъ былъ подслушанъ сквирскимъ писаремъ, и по его доносу Илько былъ схваченъ и отданъ на судъ кодненской коммиссіи, которая приговорила его къ смертной казни.

Жидамъ не помогало часто и желаніе выкреститься ради сохраненія жизни. Такъ, пожелалъ принять крещеніе жидъ въ с. Насташки [2]), но тамошній попъ, Петръ Куцековичъ, вѣроятно признавая неискреннимъ обращеніе жида къ православію въ опасную минуту, отказался окрестить его. Жидъ былъ убитъ, попъ же Петръ Куцековичъ за свой отказъ окрестить его былъ отданъ въ Кодню, и если не былъ тамъ казненъ, то только потому, что до суда умеръ въ кодненской ямѣ.

Отнимая легко у шляхты и жидовъ жизнь, крестьяне бывшей руины еще легче относились къ панскому и жидовскому имуществу. Особенно часто добро ненавистныхъ людей захватывали крестьяне послѣ того, какъ имъ доводилось столкнуться съ гайдамацкими отрядами. Такъ, послѣ того, какъ въ Каменномъ Бродѣ [3]) побывалъ Желѣзнякъ и разграбилъ все, что хотѣлъ, изъ имущества пана Пясецкаго, спасшагося изъ Каменнаго Брода бѣгствомъ въ Бѣлую Церковь, крестьяне каменно-бродскіе, какъ это уже было нами разсказано, тотчасъ же стали захватывать въ свою пользу и всякія панскія „заушнички“, и бекеши зеленыя съ бѣлымъ мѣхомъ, и хлѣбъ изъ панскихъ амбаровъ, причемъ одни брали по мѣшку по мѣрѣ надобности, другіе же и для продажи. Оставленный же Пясецкимъ для охраны добра

---

[1]) Кодн. кн. стр. 490.

[2]) Кодн. кн. стр. 525, 535 и раньше.

[3]) Кодн. кн. стр. 95.

Библиотека "Руниверс"

крестьянинъ Процько Замковый, не имѣя возможности противодѣйствовать громадянамъ своимъ, а быть можеть и лично увлекшись легкостью наживы, поневолѣ послѣ ослабленія движенія долженъ былъ бѣжать изъ Каменнаго Брода. Бѣжалъ онъ въ Бердичевъ и тамъ года четыре спустя, какъ уже поминали мы, былъ на ярмаркѣ узнанъ Пясецкимъ и отданъ подъ судъ. Кара его не постигла, потому что до рѣшенія дѣла онъ умеръ въ кодненской ямѣ.

Многіе изъ крестьянъ, нанявшихся въ рабочіе къ панамъ, прослышавъ о надвигающихся въ ихъ село гайдамакахъ, начинали считать себя свободными отъ всякихъ данныхъ обязательствъ и въ добавокъ завладѣвали изъ панскаго добра—чѣмъ могли. Такъ, въ с. Жаботинѣ рабочимъ на селитрянномъ заводѣ нанялся крестьянинъ Иванъ Вереміенко [1]). Прежде всего онъ долженъ былъ отслужить пару воловъ, что получилъ отъ мѣстнаго жида-арендаря, а далѣе могъ разсчитывать на извѣстную плату деньгами по мѣрѣ отслуживанія. Между тѣмъ другіе крестьяне вырѣзали въ селѣ жидовъ и грозили смертію самому пану, такъ что послѣдній не выходилъ со двора; вмѣстѣ съ нимъ въ домѣ, оставивъ свой шинокъ, сидѣли въ страхѣ мѣстные арендарь съ арендаркой. Вереміенко въ это время какъ разъ пасъ своихъ двухъ воловъ, полученныхъ въ счетъ отработка, и 9 панскихъ. Получивъ вѣсть отъ козацкаго атамана о томъ, что дѣлается въ селѣ, онъ, не долго думая, погналъ весь скотъ за границу—и тамъ остался, обзаведясь полнымъ хозяйствомъ. Кодненская коммиссія получила въ свои руки данное дѣло только потому, что ужъ долго спустя Иванъ Вереміенко пришелъ на польскую сторону къ родичамъ и тутъ-то попался въ руки властямъ. Дѣло кончилось безъ смертнаго приговора удовлетвореніемъ истца-пана гражданскимъ порядкомъ.

Жидовское добро присваивали себѣ не только тогда, когда жиды были въ селахъ, но и на дорогахъ во время ихъ бѣгства изъ опасныхъ мѣстъ. Бѣжало жидовъ довольно много между прочимъ изъ-подъ Фастова и даже изъ-подъ Бѣлой Церкви. Одинъ

[1]) Кодн. кн. стр. 36.

Библиотека "Руниверс"

изъ такихъ укрывавшихся отъ грозящей бѣды жидъ Лейба Пергель, арендарь бѣлоцерковскій [1]) раньше, чѣмъ самъ бѣжалъ, выпроводилъ изъ Бѣлой Церкви свою жену, усадивъ ее на возъ, наполненный перинами и всякимъ добромъ. На бѣду жидовки вблизи села Червоного у воза ея загорѣлась ось, и она, не зная что дѣлать, бросила среди поля возъ съ конемъ и все имущество, а сама поспѣшила спрятаться въ высокомъ хлѣбѣ въ сторонѣ отъ дороги. Черезъ нѣсколько времени къ возу подъѣхали какіе то крестьяне, опорожнили его, часть пуху изъ перинъ пустили по вѣтру, забрали буланого коня и уѣхали. Мужъ потерпѣвшей послѣ прекращенія возстанія предъявилъ искъ въ 487 червоныхъ злотыхъ къ крестьянину села Червоного Хведору Осадчему, состоявшему въ этомъ селѣ на слободѣ послѣ переселенія съ мѣста родины въ Полѣсіи. Основаніемъ для обвиненія былъ буланый конь, которымъ одно время Осадчій владѣлъ и который былъ будто бы именно конь Пергеля. Основаніе нѣсколько шаткое, но во всякомъ случаѣ могло быть, что Осадчій и овладѣлъ Пергелевыми вещами, ибо вообще грабежи жидовъ, спасавшихся бѣгствомъ, были въ большомъ ходу: это видно и изъ показаній Осадчаго, отрицавшаго свое личное участіе въ грабежѣ Пергелева воза и коня.

Какъ видимъ, всякія средства пускались въ ходъ людьми бывшей руины противъ поляковъ и жидовъ. Изъ числа считавшихъ возстаніе дѣломъ необходимости, какъ знаемъ, наиболѣе безстрашные и полные силъ шли сами въ ватаги, менѣе же рѣшительные, не желавшіе вполнѣ разстаться съ осѣдлою жизнью въ устроенныхъ мѣстахъ, дѣйствовали въ одиночку, каждый отдѣльно, истребляя шляхту и жидовъ и присваивая себѣ ихъ неправдой нажитое добро. Надежда не сдѣлаться жертвами польскаго и жидовскаго мщенія, при невступленіи въ ватаги и при соблюденіи тайны, также могла быть однимъ изъ мотивовъ, руководившихъ этой второй группой людей. Но, кромѣ ихъ, были между мѣстными людьми и такіе, которые, вполнѣ сочувствуя

---

[1]) Кодн. кн. стр. 413.

Библиотека "Руниверс"

затѣянному вызволенію края изъ польскихъ рукъ, стремились рисковать собой еще меньше, оказывая только посильное пособничество, гайдамакамъ. И много же бывало случаевъ, когда для успѣха движенія существованіе въ селахъ людей, готовыхъ только на пособничество, являлось рѣшающимъ въ дѣлѣ.

Возьмемъ въ разсчетъ прежде всего готовность крестьянъ къ пристанодержательству. Укрыть въ то время кого нибудь враждебнаго полякамъ не считалось особенно опаснымъ; большинство неосновательно думало, что смертная казнь не можетъ грозить за это. Предположеніе же это сослужило дѣлу возстанія не малую службу. Во-время спрятанная кучка гайдамакъ не могла не быть цѣнной въ общемъ счетѣ силъ, и кто знаетъ, какое количество поляковъ бывало ею истреблено при благопріятныхъ обстоятельствахъ послѣ того, какъ укрыватель спасъ ихъ отъ какого нибудь численнаго польскаго отряда. Такими укрывателями, или пристанодержателями въ интересующее насъ время очень часто бывали пасѣчники. Заниматься этимъ дѣломъ имъ было удобнѣе, чѣмъ кому бы то ни было изъ селянъ, такъ какъ пасѣки обыкновенно бывали при садкахъ и чаще на окраинахъ селъ. При томъ же для пасѣчниковъ, людей обыкновенно уже старыхъ, но нерѣдко привыкшихъ къ жизни политической въ прежніе годы, единственнымъ способомъ содѣйствовать дорогому для нихъ дѣлу—было укрывать нуждающихся въ убѣжищѣ собратій, непосредственно участвовавшихъ въ возстаніи.

Въ Кодненской книгѣ мы встрѣтили нѣсколько случаевъ пристанодержательства пасѣчниками. Такъ, въ селѣ Волосовѣ близъ Хмѣльника [1]) былъ пасѣчникъ Хведоръ. И вотъ у него въ пасѣкѣ нашли пріютъ двое гайдамакъ, которые во-время успѣли уйти изъ пасѣки отъ преслѣдованій, причемъ не успѣли только захватить съ собой оружія. Въ Цыбуловѣ же пасѣчникъ пани Павловской Зинько [2]) передержалъ у себя довольно много гайдамакъ, испуганныхъ польскимъ подъяздомъ, остановившимся въ

[1]) Кодн. кн. стр. 445.
[2]) Кодн. кн. стр. 461.

Библиотека "Руниверс"

Монастырищѣ. Укрывательство это не могло не сдѣлаться извѣстнымъ, поэтому Зинько, по уходѣ гайдамакъ, заявилъ о томъ, что они у него были, „двору“ своему, но уже тогда, когда гайдамаки были въ Цыбуловѣ и потому находились внѣ опасности. Свой поступокъ Зинько объяснялъ на судѣ тѣмъ, что онъ, Зинько, будто былъ связанъ гайдамаками и будто связаннымъ они его держали до самаго своего ухода. Нѣсколько сложнѣй услугу оказалъ гайдамакамъ пасѣчникъ попа въ Ризаной Крыницѣ Самуилъ Шиманскій [1]). Онъ не только далъ у себя пріютъ гайдамакамъ, случайно наткнувшимся на польскій „подъяздъ“, но и отправился въ сторону, гдѣ подъяздъ остановился, чтобы узнать, изъ какого числа людей состоялъ онъ. Этимъ свѣдѣніемъ должно опредѣлиться—какъ быть спрятавшимся: уходить ли, или оставаться въ спряту.

Попадались пристанодержатели и помимо пасѣчниковъ. Такъ, въ селѣ Майдановкѣ принялъ къ себѣ въ гости 12 гайдамакъ крестьянинъ Василій Мовончукъ [2]). У него они пили и гуляли.

Интересно, что всѣ эти пристанодержатели, призванные на кодненскій судъ, отдѣлались сравнительно дешево. Три пасѣчника поплатились только долгимъ сидѣніемъ въ кодненской ямѣ до суда, потомъ же были выпущены, и одинъ только Мовончукъ почему-то былъ наказанъ 50 ударами розогъ.

Пособничество гайдамакамъ со стороны крестьянъ выражалось и въ другихъ формахъ. Такъ, очень часто крестьяне, можетъ быть изъ страха большой отвѣтственности, не убивали сами пановъ, которые были въ ихъ рукахъ, а доставляли ихъ гайдамакамъ. Изъ приведенной выше характеристики Швачки мы знаемъ уже, что крестьяне села Скреловки Олекса Кочубай, Василій Юценко и Кузьма Ткаченко [3]) приложили не мало стараній на изловленіе супруговъ Ольшевскихъ и зятя ихъ Русецкаго съ женой и дѣтьми и затѣмъ на доставку ихъ въ Фастовъ. Олекса Кочубай при этомъ былъ поставленъ громадой своего

[1]) Кодн кн. стр. 462.

[2]) Кодн. кн. стр. 484.

[3]) Кодн. кн. стр. 538, 539.

Библиотека "Руниверс"

села сторожемъ на дорогѣ, по которой должны бѣжать паны. Скреловская громада сочла все это своимъ дѣломъ и за трудъ доставки пановъ уплатила обоимъ подводчикамъ по 7 коп. Если крестьяне при этомъ пособничествѣ разсчитывали избѣгнуть большой отвѣтственности, то въ этомъ они глубоко ошиблись: на судѣ кодненской коммиссіи всѣ три названные крестьянина были приговорены къ обезглавленію.

Отдавалъ гайдамакамъ на убійство шляхтичей и крестьянинъ Петръ Петрицкій изъ Григоровки родомъ [1]). Онъ ревностно розыскивалъ спрятавшихся шляхтичей по лѣсамъ и затѣмъ тоже отправлялъ ихъ на убійство въ Фастовъ. Въ помощь для отысканія шляхты въ лѣсахъ бралъ онъ себѣ дѣтей. Такимъ путемъ онъ сбылъ Швачкѣ 8 шляхтичей. Кодненская коммиссія приговорила Петрицкаго къ обезглавленію.

Въ селѣ Черепанѣ [2]) крестьянинъ Климъ также отдалъ на убійство какимъ то гайдомакамъ шляхтича Лаховскаго. И Климъ этотъ, конечно, былъ приговоренъ въ Коднѣ къ обезглавленію.

Затѣмъ въ поминавшейся выше Скреловкѣ крестьянинъ Васыль Сарана [3]) долго розыскивалъ скрывавшагося пана Гутовскаго. Найдя же его, онъ привелъ его въ село на цѣпи, обхвативъ его панское горло. Изъ Скреловки Сарана отвезъ пана Гутовскаго въ Фастовъ къ Швачкѣ. За преступленіе это въ Коднѣ былъ обезглавленъ не только Сарана, но и его односельчанинъ Иванъ Крытыча, бывшій только при отправкѣ пана Гутовскаго.

Далѣе, близъ Зотова, въ слободкѣ Ставокъ крестьянинъ Герасимъ Гладенко [4]), завлекши къ себѣ пановъ обѣщаніемъ за извѣстную плату скрыть ихъ и получивши уже эту плату, неожиданно поотвозилъ ихъ гайдамакамъ на убійство. Къ Гладенку въ Коднѣ отнеслись поэтому особенно сурово: его четвертовали живымъ.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 446.
[2]) Кодн. кн. стр. 445.
[3]) Кодн. кн. стр. 481—482.
[4]) Кодн. кн. стр. 482.

Библиотека "Руниверс"

Всякое пособничество къ убійству шляхты, очевидно, приравнивали въ Коднѣ къ убійству. Въ одномъ случаѣ въ селѣ Баранье Поле богуславскаго ключа крестьянинъ Якимъ Сыкуненко [1]) выказалъ свою готовность служить гайдамакамъ только тѣмъ, что впустилъ къ себѣ двухъ изъ нихъ—брата своего Паиаса Сыкуненка и еще какого-то, и не помѣшалъ имъ у себя въ хатѣ убить шляхтича, котораго они привезли съ собой. И вотъ и въ данномъ случаѣ кодненская коммиссія приговорила пособника гайдамакъ къ смертной казни.

Въ Шпичаницахъ, наконецъ, крестьянинъ Пилипъ Радникъ [2]), при содѣйствіи извѣстнаго уже намъ войта Мартына Лободы, повезъ было на убійство къ гайдамакамъ шляхтянку Маріану Бальневичъ, но на дорогѣ былъ встрѣченъ попомъ, который отобралъ у него обезумѣвшую отъ страха шляхтянку и спасъ ее. Пойманный впослѣдствіи Пилипъ Радникъ, конечно, былъ обезглавленъ.

Не такъ строго относилась кодненская коммиссія къ крестьянамъ, оказывавшимся виновными въ третьяго рода пособничествѣ гайдамакамъ—въ сообщеніи имъ, гдѣ спрятаны панскія вещи. Между тѣмъ этого рода пособничество повторялось въ 1768 г. постоянно и приносило, конечно, гайдамакамъ существенную выгоду, доставляя имъ необходимыя на поддержаніе движенія средства. Особенно интересный примѣръ готовности крестьянъ доставить гайдамакамъ панское добро мы уже встрѣчали въ селѣ Малинкахъ [3]). Мы знаемъ уже, что малинковская громада прежде всего не дозволила пану Грабовскому спрятать вещи въ православной церкви, несмотря на то, что попъ Пилиповичъ даже уже принялъ вещи въ церковь. Затѣмъ, когда Грабовскій закопалъ вещи въ лѣсу, малинковскіе крестьяне, зная, гдѣ именно онѣ были закопаны, при приходѣ въ село загона Никиты Москаля, по первому требованію послѣдняго, не только указали мѣсто спрята, но и поѣхали сами за вещами. Такъ поступили сторожъ въ Малинкахъ Антонъ Скработунъ и

[1]) Кодн. кн. стр. 484.
[2]) Кодн. кн. стр. 485.
[3]) Кодн. кн. стр. 428—429.

Библиотека "Руниверс"

еще три другіе крестьянина—Гаврило Повхимчукъ, Петро Тимченко и Левко Черный.

Вполнѣ обязательнымъ считалось также указывать гайдамакамъ, гдѣ спрятаны и вещи жидовскія. Такъ, въ селѣ Ситнянкѣ смѣлянской крестьянинъ Васыль Лобуренко [1]), родомъ изъ Шарогрода, содѣйствовалъ тому, чтобы войтъ ситнянскій, державшій шинкъ вмѣсто спасшагося бѣгствомъ жида, указалъ гайдамакамъ — гдѣ спрятаны вещи бывшаго арендаря. Кодненская коммиссія приговорила Лобуренка къ наказанію розгами.

Пособничество гайдамакамъ выражалось далѣе доставленіемъ имъ то оружія, то пороху, то лошадей, то водки. Такъ, крестьянинъ Иванъ Коваль, родомъ изъ села Антоновки подъ Володаркой [2]), живя въ с. Пруссахъ смѣлянскихъ и занимаясь вмѣстѣ съ дядей своимъ слѣсарствомъ, доставлялъ гайдамакамъ „списы“ (копья). На судѣ онъ отрицалъ это, опровергая сдѣланный на него доносъ и всячески стараясь избѣгнуть кары; дѣло дѣйствительно затянулось, но фактъ доставки ковалемъ копій гайдамакамъ все же остается фактомъ. Иначе держалъ себя на судѣ другой крестьянинъ Хведоръ Семеры (въ какомъ селѣ— не сказано [3]), приготовлявшій порохъ и доставлявшій его тоже гайдамакамъ. Онъ открыто признался въ своемъ пособничествѣ. Смертная казнь была за то его удѣломъ. Въ данномъ случаѣ суровость наказанія вызвана, конечно, тѣмъ, что пособничество выразилось въ доставленіи пороха.

Легче относилась кодненская коммиссія къ поставщикамъ лошадей для гайдамацкихъ ватагъ. Такъ, Яцко Панасенко [4]), посодѣйствовавшій гайдамакамъ, якобы по ихъ настоянію, овладѣть въ Цыбуловѣ парой коней панскихъ, отдѣлался только предварительнымъ сидѣніемъ въ кодненской ямѣ. Впрочемъ, еще до ареста онъ былъ вынужденъ вознаградить свою экономію отдачей ей пары своихъ воловъ и шести рублей. Не слишкомъ рисковалъ собою и кравецъ (портной) Иванъ Хмаренко изъ села

[1]) Кодн. кн. стр. 246.
[2]) Кодн. кн. стр. 10,78.
[3]) Кодн. кн. стр. 447.
[4]) Кодн. кн. стр. 78.

Библиотека "Руниверс"

Пшеничниковъ[1]), по приглашенію ватажка Шелеста, еще въ самомъ началѣ возстанія шившій для его „заграничной“ ватаги необходимую одежу. Хмаренко былъ признанъ въ Коднѣ заслуживающимъ не смертной казни, а только розогъ. Остался не казненнымъ вовсе винникъ Каленникъ Вдовиченко[2]), выказавшій свою готовность быть пригоднымъ для гайдамакъ доставленіемъ имъ „спуста“ (spust) горилки. Гайдамаки отблагодарили его за водку какимъ-то кафтаномъ, захваченнымъ на грабежѣ.

Пособничество гайдамакамъ со стороны крестьянъ выражалось часто и готовностью ихъ быть провожатыми. Въ указаніи дорогъ часто нуждались тѣ гайдамацкія ватаги, которыя составлялись изъ людей „заграничныхъ“ или же хотя и правобережныхъ, но все-же незнакомыхъ съ тѣми или другими мѣстами Кіевщины. Иногда цѣлая громада заботилась о томъ, чтобы та или другая ватага получила вѣрныя указанія относительно пути. Въ такихъ случаяхъ давался провожатый отъ цѣлой громады. Подобный примѣръ мы имѣемъ въ Новоселицѣ[3]), гдѣ громада вырядила въ провожатые гайдамакамъ своего односельчанина Грыцька Литвина. Впослѣдствіи новоселецкая громада не отказалась даже отъ своего распоряженія, когда о немъ дознавалась кодненская коммиссія; громада только не брала на себя отвѣтственности въ томъ, что ея провожатый отдалъ на убійство гайдамакамъ какого-то мазура. Какъ кажется, Грыцько Литвинъ былъ приговоренъ къ смертной казни собственно за эту выдачу мазура. Не за провожаніе, надо думать, постигла смертная казнь и другаго провожатаго, Яцка Роботенбута[4]) родомъ изъ Бугачевки. Проводивъ гайдамакъ въ Козацкую долину, онъ самъ поживился тамъ котлами, которые захвачены были гайдамаками. За эти то котлы его и осудили на смерть. Обвиненный же въ простомъ проводничествѣ Максимъ Дрыжаковъ[5]), кажется мельникъ по профессіи, наказанъ всего только 300 ударами розогъ.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 481.
[2]) Кодн. кн. стр. 448.
[3]) Кодн. кн. стр. 440.
[4]) Кодн. кн. стр. 447.
[5]) Кодн. кн. стр. 476.

Библиотека "Руниверс"

Привелъ онъ гайдамакъ на хуторъ Задеренка, который и былъ ограбленъ. Всѣхъ гайдамакъ было при этомъ 8 душъ, и ватажкомъ ихъ былъ Черный. Наконецъ проводникъ гайдамацкій Степанъ Илицкій [1]) родомъ изъ с. Острiекъ, въ Блощинцахъ, взявшійся проводить гайдамакъ въ слободы окрестныхъ пановъ, наказанъ смертію, но это, очевидно, въ виду того, что, благодаря его указаніямъ, паны лишились очень многаго.

Къ удивленію, сильно виноватыми въ глазахъ кодненской коммиссіи являлись пособники—музыканты, хотя вся ихъ вина состояла въ услажденіи гайдамакъ игрой на бандурѣ или скрипкѣ въ дни ихъ стоянокъ и кутежей. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ въ Кодненской книгѣ только указанія относительно четырехъ такихъ музыкантовъ, да и то указанія, слишкомъ краткія. Такъ, о бандуристѣ Васылѣ Ворченкѣ [2]), родомъ изъ с. Винногородки, мы знаемъ только, что, явясь въ с. Козацкую долину, засталъ онъ тамъ ватажка Ремезу съ его небольшимъ загономъ, что затѣмъ онъ присталъ къ этому загону и вмѣстѣ съ нимъ побывалъ въ селахъ Водзянкѣ, Кобылячкѣ, Папужинцахъ. О другомъ музыкантѣ, скрипачѣ Мусіи Шенчекѣ [3]), мы знаемъ еще меньше. Въ судебной отмѣткѣ о немъ значится, что гайдамаки гдѣ-то въ корчмѣ договорили его играть имъ на скрипкѣ, и что тотъ на это согласился, но что въ качествѣ такого нанятаго гайдамацкаго музыканта онъ оставался одни только сутки, такъ какъ былъ арестованъ польскими властями. Бандуристъ же Михайло [4]), зять Сокового, родомъ изъ Чорного Поля (ключа конельскаго) былъ обвиненъ не только въ томъ, что игралъ гайдамакамъ, къ которымъ присталъ, но и въ томъ, что вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ грабежахъ и даже въ убійствѣ двухъ жидовъ. Михайло бандуристъ по поводу обвиненій этихъ могъ только утверждать, что онъ занимался во время самыхъ грабежей своимъ дѣломъ—игрой на бандурѣ. Какъ доказательство его участія въ грабежѣ, обвинители считали найденную у него панскую жилетку (kami-

[1]) Кодн. кн. стр. 490.
[2]) Кодн. кн. стр. 449.
[3]) Кодн. кн. стр. 483.
[4]) Кодн. кн. стр. 491.

Библиотека "Руниверс"

zelku) и шляхетскую юбку, но вещи эти Михайло обрѣлъ не самъ, а ему ихъ дали гайдамаки за игру. Наконецъ о четвертомъ музыкантѣ, бандуристѣ Прокопѣ Скрягѣ [1]) судебная отмѣтка не говоритъ даже, что онъ былъ при гайдамакахъ въ качествѣ музыканта; его вина состояла яко-бы въ томъ, что онъ навелъ донцовъ на пана Спендовскаго и при этомъ грабилъ и билъ.

Изъ всѣхъ четырехъ музыкантовъ только Шенчекъ былъ оставленъ кодненской коммиссіей ad resolutionem, остальные же три казнены смертію.

Прослѣдивъ, въ какія формы отливался протестъ взбунтовавшагося противъ порядковъ Рѣчи Посполитой населенія недавней руины, мы до сихъ поръ изъ числа участвовавшихъ въ движеніи имѣли въ виду людей, на себѣ испытавшихъ неудобство опротестовываемаго порядка и притомъ людей идейныхъ, убѣжденныхъ въ правотѣ своего образа дѣйствій. Но не они одни вели дѣло возстанія. Формы тогдашняго протеста были привлекательны и для людей, хотя бы и мѣстныхъ, но руководившихся не любовью къ родинѣ, а только стремленіемъ къ личной наживѣ. Поэтому то мы и встрѣчаемъ среди коліевъ массу людей нравственно потерянныхъ, которымъ какая-либо идейность была недоступна. Отъ ихъ содѣйствія отказываться идейнымъ руководителямъ движенія было невозможно, въ виду численной ничтожности собравшихся ватагъ, но все же ихъ участіе въ гайдамацкихъ рядахъ не могло во многихъ случаяхъ не накладывать на движеніе разбойничьей окраски. А такая окраска движенія охотно была подчеркнута врагами возставшихъ, умышленно умалчивавшими о его другой сторонѣ—высокой, идейной. Крайняя фальшь подобныхъ взглядовъ очевидна. Но даже и при такой фальшивой постановкѣ дѣла всякими усмирителями движенія и польскими мемуаристами, повѣдавшими о коліивщинѣ потомству, правыми все же не оказались поляки, противъ которыхъ гайдамаки шли. Слишкомъ ясно, что самая возможность существованія

[1]) Кодн. кн. стр. 497.

Библиотека "Руниверс"

въ краѣ обильнаго числа людей потерянныхъ, готовыхъ на разбой, есть серьезный показатель крайней непригодности порядковъ въ краѣ, гдѣ люди такіе появляются.

Переходя къ непосредственной характеристикѣ отмѣченной несимпатичной группы гайдамакъ, мы наталкиваемся въ Коднен-ской книгѣ на цѣлые загоны, преслѣдующіе чисто разбойничьи цѣли, не говоря уже объ отдѣльныхъ грабителяхъ.

Обратимъ сперва вниманіе на нѣсколько грабительныхъ загоновъ, вродѣ отмѣченныхъ нами въ концѣ первой главы.

Изъ дѣла, въ которомъ упоминается объ одномъ изъ такихъ загоновъ, мы узнаемъ, что бѣлоцерковской магдебургіи былъ доставленъ, по прекращеніи усиленнаго движенія, крестьянинъ Олекса Бугаенко, родомъ изъ с. Соловинки [1]). Магдебургія сняла съ него немедленно допросъ и затѣмъ для суда препроводила въ Коднюю, гдѣ подсудимый повторилъ только свои начальныя показанія. Изъ показаній же этихъ оказалось, что онъ, Олекса Бугаенко, вмѣстѣ съ одиннадцатью другими—то односельчанами, то ближайшими сосѣдями—принадлежалъ къ гайдамацкому загону, который занимался исключительно грабежами. Въ селѣ Пинчукахъ ограбили люди эти жида, добывъ отъ него 55 рублей, потомъ въ селѣ Саламанкахъ у другого жида—арендаря отняли они коней и сколько-то денегъ. Прослышавъ затѣмъ какъ-то, что въ Пинчукахъ ночуетъ панъ Милецкій, намѣстникъ села Грабинокъ, они забрали у него коней и платье. Наконецъ, еще у какого-то жида отняли деньги и полотно. Послѣ грабежа начался между участниками ватаги дѣлежъ добычи. На брата вышло по 15 рублей деньгами да еще рубля на четыре вещей на каждаго. И на этомъ похожденія кончаются: почти всѣ люди ватаги уходятъ въ Кіевъ или Васильковъ. Только одинъ какой-то скоро умеръ, а Бугаенко попался въ руки поляковъ. Въ Коднѣ его приговорили къ обезглавленію.

Во всемъ этомъ дѣлѣ, очевидно, единственною цѣлью гайдамакъ является грабежъ, и въ показаніяхъ Бугаенка это отмѣчено очень ясно. Онъ пересчитываетъ, и что было взято, и

[1]) Кодн. кн. стр. 64.

Библиотека "Руниверс"

какъ подѣлено, и посколько пришлось на брата. Послѣ же того, какъ пожива была добыта, соединившіеся въ ватагу люди не придумали для себя ничего лучшаго, какъ бѣжать заграницу и проживать тамъ мирно и тихо.

Не лучше, судя по нѣкоторымъ участникамъ, и ватага уманскихъ крестьянскихъ паробковъ и ремесленниковъ, о которой мы имѣемъ свѣдѣнія, благодаря показаніямъ Ивана Макосійчука, сперва обвиненнаго только въ намѣреніи ограбить православную церковь, а потомъ и въ гайдамачествѣ [1]). Родомъ Макосійчукъ былъ изъ Умани. До 19 лѣтъ онъ жилъ при отцѣ и матери; когда же они умерли незадолго до начавшейся „ризанины", онъ, Иванъ, пошелъ будто бы въ Немировъ къ брату своему, но дорогой въ с. Пятигорахъ пристадъ къ нищимъ, „до тыхъ, що возкамы по селахъ йиздять", и съ ними попалъ въ Животовъ. Пришли де они туда въ субботу, а на другой день въ воскресеніе Макосійчукъ спозаранку выпилъ изрядно и затѣмъ отправился въ церковь къ обѣднѣ. Во время службы онъ замѣтилъ, что титоръ, обходя молящихся съ ящикомъ для пожертвованій на церковь, высыпалъ оттуда при размѣнѣ денегъ на цѣлый рубль мелочи. Макосійчукомъ при видѣ рубля, по его собственнымъ словамъ, овладѣло непреодолимое желаніе воспользоваться и этимъ рублемъ, и остальными деньгами. Онъ осмотрѣлся кругомъ и, хотя былъ пьянъ, однако замѣтилъ, что южная входная дверь не заперта на замокъ, а только заложена засовомъ. Макосійчукъ подошелъ къ двери, тихонько отсунулъ засовъ и сталъ ждать конца службы. Дождавшись его, онъ вмѣстѣ съ другими, бывшими въ церкви, вышелъ западными дверьми въ церковный дворъ и дальше на улицу. Титоръ между тѣмъ, когда церковь опустѣла, успѣлъ запереть западныя двери на замокъ и уйти домой. Макосійчукъ же, котораго все не покидало зародившееся въ немъ желаніе овладѣть церковными деньгами, пройдя немного по улицѣ, снова вернулся въ церковный дворъ и никѣмъ незамѣченный проникъ южными дверями въ церковь. Дверь онъ тотчасъ же приперъ засовомъ и прежде, чѣмъ приняться за деньги, палъ

[1]) Кодн. кн. стр. 69.

Библиотека "Руниверс"

на колѣни предъ иконой Божьей Матери и помолился ей. Чтобы завладѣть ящикомъ съ деньгами, ему надо было обломать желѣзный ободокъ, и онъ началъ это производить случившимся тутъ въ церкви какимъ то старымъ ножемъ. Но ножъ сломался, съ шумомъ упалъ на земь, равно какъ и выломанный ящикъ съ деньгами. Шумъ этотъ услышали дѣти титора, игравшіе на дворѣ близъ церкви. Побѣжали они къ отцу и сказали, что „въ церкви щось стука". Пришелъ титоръ, отперъ западныя двери и сразу замѣтилъ, что нѣтъ ящика съ деньгами, но грабителя нигдѣ въ церкви уже не было. Какъ только онъ услышалъ, что отпираютъ западныя двери, такъ тотчасъ же полудневыми дверьми вышелъ во дворъ и спрятался тамъ въ высокомъ бурьянѣ. Титоръ замѣтилъ отпертую дверь, тоже вышелъ во дворъ, со всѣхъ сторонъ огороженный. Такъ какъ все это было имъ продѣлано очень быстро, то онъ могъ видѣть, что въ единственныя ворота изъ двора никто не выходилъ, и потому началъ искать грабителя въ бурьянѣ. Найдя, отвелъ его къ попу. Черезъ два дня отправили его въ Трояновъ, недалеко отъ Кодни.

Военно-судной коммиссіи личность Макосійчука показалась подозрительной. Стали его допрашивать—не былъ ли онъ въ Умани во время рѣзни и не участвовалъ ли въ ней. Макосійчукъ отвѣтилъ, что въ Умани во время рѣзни былъ, но самъ никого не рѣзалъ и не грабилъ. Это вызвало въ слѣдователяхъ сомнѣніе, и одинъ изъ нихъ сказалъ: „какъ это ты никого не рѣзалъ и не убивалъ, когда тамъ всѣ убивали—копьями, ножами цѣпами, заступами; развѣ у кого рукъ не было, то тотъ только и не убивалъ. Убито вѣдь 18000 (?). Убійцы подговаривали даже дѣтей убивать". Но Макосійчукъ стоялъ на своемъ. Послѣ этого къ прежнимъ своимъ показаніямъ онъ прибавилъ, что послѣ уманской рѣзни, когда и о немъ, и о его братѣ Савкѣ люди стали утверждать, будто оба они гайдамаки, они оба ушли оттуда, и онъ, Иванъ Макосійчукъ, попалъ въ Животовъ, гдѣ вознамѣрился и впрямь пристать къ гайдамакамъ; около 20 другихъ уманскихъ парубковъ оказалось тутъ же. Гайдамаки, которые ихъ приняли, прельщая добычей, напустили ихъ на животовскихъ жидовъ. И тутъ то пошла страшная

Библиотека "Руниверс"

рѣзня. Въ одномъ домѣ убили 12 жидовъ разнаго пола и возраста, а въ погребѣ нашли еще четырехъ, которые также легли трупомъ, потомъ и въ другихъ домахъ всюду искали жидовъ по погребамъ, даже въ печахъ, и одни изъ нападавшихъ убивали ихъ, другіе бросали трупы убитыхъ въ колодцы, въ пруды. Повсюду въ домахъ при этомъ убійцы не забывали захватывать всякія пожитки убитыхъ и деньги. Однако все награбленное пришедшими изъ Умани молодцами они должны были отдавать принявшимъ ихъ гайдамакамъ, вѣроятно, для равнаго дѣлежа. Макосійчукъ же умудрился, впрочемъ, тайкомъ уберечь рублей 40, что однако не помѣшало ему въ томъ же Животовѣ польститься на церковный ящикъ. Само собой, прежній разсказъ его о приходѣ въ Животовъ съ „старцями“, несмотря на всю свою правдоподобность, былъ вымышленъ. Товарищи его послѣ дѣлежа добычи старались укрыться, гдѣ кто могъ, и въ этомъ успѣли; Макосійчукъ же, не укрывшійся, былъ военно-судною коммиссіей приговоренъ къ обезглавленію. Слишкомъ очевидно, что и въ данномъ случаѣ не любовь къ родинѣ руководила всякими Макосійчуками, а простая жадность къ деньгамъ и наживѣ. Иначе не ставили бы они себѣ цѣлью грабежъ нѣсколькихъ жидовъ, и страхъ не принудилъ бы ихъ разойтись изъ ватаги безъ намѣренія такъ или иначе дѣйствовать противъ враговъ края.

Грабежъ ставили себѣ цѣлью и тѣ гайдамаки, о которыхъ мы узнаемъ изъ дѣла крестьянина Матвія Горбачука, ихъ соучастника [1]). Матвій Горбачукъ родился въ селѣ Солодковцахъ на Подолѣ каменецкомъ, выросъ же въ с. Сильницѣ за р. Богомъ въ одной милѣ отъ Тульчина. Въ Сильницѣ Горбачукъ жилъ при отцѣ Данилѣ и матери Катеринѣ Горбатыхъ, помогая имъ въ ихъ крестьянской работѣ. Въ 1768 г. семья Горбатыхъ попала въ тяжелое положеніе· случившійся тогда набѣгъ татаръ стоилъ имъ много, такъ какъ Сильница, какъ многія другія села, подверглась ихъ разграбленію. Старикъ Данило Горбатый отправился на заработки въ Баръ, а сынъ его, Мат-

[1]) К. кн. стр. 118 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

вій Горбачукъ, пока остался вмѣстѣ съ братомъ при семьѣ тетки своей, потомъ же ушелъ отъ нея искать заработка на сторонѣ. Прошелъ онъ будто бы Тульчинъ, с. Крыщиницы, г. Лодыжинъ, с. Грановъ, с. Липовецъ, с. Казанки, с. Дзюнково и наконецъ попалъ въ с. Балабановку, гдѣ нашелъ себѣ мѣсто будтобы у попа годовымъ парубкомъ, нанявшись за пять рублей въ годъ, за двѣ рубахи, одни штаны и двѣ пары чобитъ. Прослужилъ онъ уже будто бы тамъ съ недѣлю, какъ къ хозяину его пришелъ родной братъ его, чернецъ изъ монастыря Волошскаго за Днѣстромъ. Объ этомъ гостѣ узналъ-де балабановскій коммиссаръ, позвалъ его къ себѣ, распросилъ и, признавши въ немъ бродягу, арестовалъ. Балабановскому попу не мало труда стоило вызволить брата. Въ это же будто время обратилъ коммиссаръ свое вниманіе и на Горбачука и тоже сталъ его распрашивать—и кто онъ, и откуда онъ, и хотя Горбачукъ пересказалъ ему все только что изложенное, однако коммиссаръ ни въ чемъ ему не повѣрилъ въ виду его безпаспортности. Чтобы вынудить у Горбачука признаніе во всемъ, онъ велѣлъ его высѣчь, но, не добившись никакого сознанія и послѣ сѣченія, отправилъ его въ Кодню. Тамъ новое сѣченіе дало иные результаты: Горбачукъ отказался отъ первыхъ показаній и разсказалъ, что послѣ татарскаго набѣга, какъ только и въ ихъ далекомъ селѣ пронеслась вѣсть про гайдамаковъ, онъ, Горбачукъ, вмѣстѣ съ Степаномъ Перебейносенкомъ и Иваномъ Ѳеодоровичемъ отправился въ Умань. Прійдя туда, они всѣ трое поступили въ ватагу Гонты и оставались съ ней до тѣхъ поръ, пока Кречетниковъ не захватилъ всѣхъ. Но тутъ ему, Горбачуку, и его товарищамъ посчастливилось: имъ удалось бѣжать изъ-подъ ареста. Въ время же своего пребыванія въ рядахъ Гонты они всѣ три дѣлали то же, что и другіе гайдамаки: убивали жидовъ, студентовъ коллегіума, и только будто бы шляхтичи не попадались имъ подъ руку. Грабили при этомъ исправно, и Горбачукъ съ точностію показалъ, сколько добылъ онъ рублей и всякаго добра. Тутъ были и „сукни небеснія“ отъ студентовъ, и „пасы червоные“, и „кунтуши гранатовые“, и наконецъ—кони. Довольные добытымъ, названные три молодца

Библиотека "Руниверс"

вернулись въ Сильницу, и двое изъ нихъ разсчитывали не уходить оттуда, а Горбачукъ двинулся къ чужимъ людямъ на заработки. Работникомъ однако ему быть не довелось: его опять завлекли къ себѣ гайдамаки. Шелъ онъ однажды утромъ рано по направленію къ Животову черезъ лѣсъ или вѣрнѣе „чагарнык“ и вдругъ видитъ вышедшаго оттуда гайдамака, манящаго его къ себѣ. Какъ было не подойти!—и Горбачукъ подошелъ. Гайдамака провелъ его къ своимъ, которыхъ было всего четверо. Тутъ его почастовали горилкой и накормили рыбой, добытой при грабежѣ, показали и деньги свои, пообѣщавъ дать ихъ и ему, если онъ къ нимъ пристанетъ. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ—и Горбачукъ остался въ ватагѣ, являясь въ ней шестымъ; трое гайдамакъ были заграничные, а двое правобережные. Чтобы испытать новаго товарища, гайдамаки вырядили его на шпіонство въ Балабановку, давъ ему на дорогу шесть копѣекъ, хлѣба и рыбы. Въ Балабановкѣ Горбачукъ зашелъ къ попу, считая это безопаснымъ, но тамъ его тотчасъ признали за гайдамаку и отдали въ руки коммиссара. Затѣмъ послѣдовала отправка въ Кодню, гдѣ приговорили его къ обезглавленію.

Какъ видимъ, не въ убѣжденіяхъ была причина гайдамачества Горбачука и его товарищей: жажда наживы, корысть только и руководили этими людьми.

Еще больше, чѣмъ мелкихъ грабительскихъ шаекъ изъ среди мѣстныхъ людей, было въ интересующее насъ время отдѣльныхъ лицъ съ грабительскими инстинктами, размѣщавшихся по ватагамъ, и идейнымъ, и безъидейнымъ, или дѣйствовавшихъ въ одиночку. Нельзя, напримѣръ, причислить къ идейнымъ людямъ одного изъ упоминавшихся у насъ гайдамакъ изъ загона Ремезы Грыцка Безносенка [1]). Привлеченный въ гайдамачество увѣреніями Ремезы, что отъ польскаго суда легко будетъ укрыться переходомъ въ гетманщину и зачисленіемъ тамъ себя въ пикинеры, онъ не счелъ неблаговиднымъ принять участіе въ разграбленіи села Вербовца, въ которомъ самъ жилъ долго на

[1]) Кодн. кн. стр. 41.

Библиотека "Руниверс"

слободахъ. Затѣмъ, уже послѣ того, какъ ватага Ремезы была разбита, и онъ, Безносенко, въ числѣ многихъ своихъ сотоварищей, спасся уходомъ въ гетманщину, уже послѣ всего этого онъ занимался, по заявленію вербовчанъ скотокрадствомъ и вообще всякимъ воровствомъ, и между прочимъ опять же въ Вербовцѣ. Конечно, кодненская коммиссія и такихъ присуждала къ обезглавленію.

Очень тяжелое впечатлѣніе производитъ и личность Васыля Кучерины [1]), родомъ изъ с. Гунчи, что неподалеку Гранова. Кучерына этотъ, вмѣстѣ съ другими гайдамаками, въ с. Рашговкѣ грабилъ крестьянъ, забирая у нихъ полотна, намитки, ружья, деньги; деньгами старался онъ брать хоть по рублю съ человѣка. Не постѣснялся онъ и изъ церкви взять 15 рублей. Въ Коднѣ его тоже приговорили къ смертной казни.

Ужасенъ и извѣстный уже намъ гайдамака ватаги Бондаренка—Корній [2]), этотъ „hultaj z calego swiata rodem“, какъ его назвали въ кодненской коммиссіи. Человѣкъ вполнѣ безпріютный, онъ, какъ мы знаемъ, работалъ на поташныхъ заводахъ въ Полѣсіи, шатаясь изъ одного въ другой и воруя при случаѣ крестьянскія свитки, полушубки и проч. Завлеченный Бондаренкомъ въ ватагу, онъ былъ ему полезенъ, какъ грубая физическая сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря ему и подобнымъ ему удальцамъ, на бондаренковой ватагѣ лежитъ упрекъ въ крайней жестокости: тутъ, какъ мы видѣли, было и изнасилованіе женщинъ, и убиваніе жидовъ безъ разбора пола и возраста, и подговариваніе жиденка за пощаду отъ смерти убить собственную мать и т. д. и т. д. И на всемъ этомъ, судя по документу, лежитъ печать безсердечной злобы потерянаго человѣка, какимъ и былъ Корній, которому въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ всѣ только что перечисленныя дѣянія.

И такихъ, какъ Корній, было, разумѣется, не мало среди рабочихъ на поташныхъ заводахъ; быть можетъ, конечно, не всѣ были такъ ожесточены своею бездомностью, какъ Корній,

[1]) К. кн. стр. 455.

[2]) К. кн. стр. 533.

Библиотека "Руниверс"

но во всякомъ случаѣ большинству изъ нихъ терять было нечего, и они становились гайдамаками просто изъ-за желанія хоть временно пожить лучше, чѣмъ жилось на заводахъ. Не краше была жизнь и такъ называемыхъ винниковъ, т. е. рабочихъ на винокурняхъ—и мы ихъ также цѣлыми массами встрѣчаемъ въ рядахъ гайдамакъ. Нуждаясь въ численной силѣ, идейные гайдамаки часто являлись на винницы для вербовки этихъ людей. Такъ, мы знаемъ, что крестьянинъ изъ с. Балановки, Нечиталенко [1]), пріѣхавъ на Пасху на ярмарку въ Марковню, присоглашалъ между прочимъ въ гайдамачество винника Луцка Количенка и др. бывшихъ на ярмаркѣ. Кодненская же коммиссія, когда однажды довелось ей за случайное присвоеніе панскихъ коней судить одного винника, кинувъ ему подозрѣніе въ гайдамачествѣ, такъ опредѣлила роль винниковъ во время коліивщины [2]): „pod czas rzizaniny nic nie robili winniky, tylko lachow y żydow rzneli y rabowali“; далѣе выводилось наѣздническое заключеніе „to y ty musiales to czynic“.

Приставали подчасъ къ движенію и просто какіе-то потѣшники, къ которымъ вполнѣ пристала кличка гультаевъ, почему-то слишкомъ усердно раздаваемая тогда поляками направо и налѣво. Изъ такихъ потѣшниковъ особенно трудно объяснимы охотники вступать въ законный бракъ съ паннами, причемъ панны этихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ перекрещивали въ православіе, какъ это устроилъ, напримѣръ, ватажокъ Никита Москаль, самъ женившійся на паннѣ Грабовской [3]), а въ нѣкоторыхъ оставляли ихъ католичками. Кромѣ поминанія о женитьбѣ Никиты Москаля, встрѣчаемъ мы въ Кодненской книгѣ еще поминаніе о женитьбѣ Луцка Полищенка [4]) изъ села Обозовки уманской; его женили гайдамаки на паннѣ Лажовской, и бракъ совершалъ православный попъ. Затѣмъ есть еще помѣтка о томъ, что крестьянинъ Васыль Котляренко упросилъ гайдамакъ помочь ему

---

[1]) К. кн. стр. 346.
[2]) К. кн. стр. 58.
[3]) К. кн. стр. 482, 429 и др.
[4]) К. кн. стр. 493.

Библиотека "Руниверс"

жениться на паннѣ Студзинской [1]). Гайдамаки, чтобы исполнить его просьбу, должны были прибѣгнуть къ насилію. Такимъ только образомъ бракъ этотъ состоялся. За то и Васыль Котляренко потомъ усердствовалъ: онъ и дворъ панскій въ Юровкѣ грабилъ вмѣстѣ съ гайдамаками, и даже совершилъ святотатство, похитивъ 54 рубля изъ церковныхъ денегъ. Кодненская коммиссія обоихъ названныхъ гультаевъ приговорила къ обезглавленію.

Оглядываясь назадъ и мысленно переживая весь рядъ убійствъ, грабежей, насилій, тутъ перечисленныхъ, нельзя, конечно, не содрогаться и считать людьми мягкими даже лучшихъ изъ коліевъ, а затѣмъ нельзя также не видѣть, что коліивщина дала таки не мало жертвъ.

При такомъ признаніи однако жестокости коліевъ, стоитъ затѣмъ только припомнить Кодню со всѣми пересказанными ужасами ея—и приведенное у насъ въ началѣ главы заключеніе польскихъ мемуаристовъ о крайней лютости народнаго малорусскаго характера перестаетъ идти въ счетъ, какъ заключеніе, продиктованное національной ненавистью, заставляющей забывать, что во всякой борьбѣ, а особенно въ борьбѣ народныхъ недисциплинированныхъ силъ, звѣрство неизбѣжно гораздо болѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если борцами или карателями являются государства. Въ виду этого послѣдняго этическаго факта смѣлыя рѣшенія вопросовъ народной этики польскими мемуаристами обратились бы прямо во вредъ имъ и ихъ народа, если бы столь сложныя заключенія, какъ заключенія о присущей народамъ лютости и мягкости, могли быть дѣлаемы послѣ наблюденій, сравнительно незначительныхъ.

Далѣе, что до другой половины нашего признанія—о громадности жертвъ, закланныхъ въ 1768 году, то оно никоимъ образомъ не должно устранять отъ вниманія того обстоятельства, что коліивщина не хмельнищина, и что, какъ ни краснорѣчивы описанія уманской рѣзни у польскихъ мемуаристовъ, и какъ ни ужасны многія сцены, нами приведенныя, все же исторія хмель-

---

[1]) К. кн. стр. 538.

Библиотека "Руниверс"

нищины всегда дастъ рядъ болѣе ужасныхъ картинъ, и притомъ завзятые козаки Хмельницкаго всегда будутъ затмевать, и качественно, и количественно, сравнительно вялыхъ и неувѣренныхъ въ своемъ дѣлѣ коліевъ. Быть можетъ, повтореніе этой несомнѣнной истины излишне именно въ виду ходячихъ представленій, будто коліивщина—одно изъ самыхъ ужасныхъ и значительныхъ возстаній южно-русскаго народа.

Я. Шульгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

МИЛЛІОНЕРЪ.

КАРТИНКА ИЗЪ ГАЛИЦКОЙ ЖИЗНИ.

Яць (Яковъ) Зелепуга былъ мужикъ изъ рукъ вонъ плохой. Кому приходилось лѣтъ 30 тому назадъ проходить черезъ Бориславль, тотъ навѣрно могъ услышать въ кабакѣ или возлѣ кабака пьяный, охрипшій голосъ, выводящій одну и ту же меланхолическую пѣсню:

Ой не жалуй, моя мыла,
Що я пью,
Тогды будешъ жалуваты,
Якъ я вмру.

Любопытный могъ всегда увидѣть и самого пѣвца, или сидящимъ съ опущенною головою въ кабакѣ за столомъ и ударяющимъ кулакомъ по столу въ тактъ своей пѣсни, или идущимъ невѣрными шагами по улицѣ, нерѣдко прерывая свою пѣсню короткими монологами, въ родѣ слѣдующаго:

— Проклятые пархи, жиды! знаю я, знаю, чего вамъ хочется! Але го, го! Не дождетесь! Яць Зелепуга — не мягкій хлѣбъ, чтобы лѣпить изъ него коников!.

Остановится на минуту, и широко разставивши ноги, чтобы удержать равновѣсіе, снова затянетъ охрипшимъ голосомъ: „Ой не жалуй моя мыла“... но тутъ же оборветъ.

— Эге, не жалуй! То то и есть, что некому уже и жаловать. Пошла моя милая къ пану Богу, а мнѣ теперь все одно. Немного тамъ осталось достатку, такъ на бѣса онъ мнѣ. Кому оставлю свои заработки? Своего роду нѣтъ, а женинъ

Библиотека "Руниверс"

родъ—ге, ге! не дождетесь, богачи, попользоваться моимъ скарбомъ. Лучше пропущу черезъ горло все—и скотъ, и хозяйство, и землю! Пускай пропадаетъ, пускай не будетъ вашимъ! *Ой, бо то вы намъ залылы сала за шкуру, богачи—клапачи!*

Снова оборветъ и затянетъ пѣсенку, размахивая кулаками:

Еденъ богачъ у другого
Тай пытаеся,
За що тая голотонька
Напиваеся?
Ой най тоби, богачыку,
Въ очахъ не стае,
Що голота гирько робыть,
Та солодко пье!.

Плохой былъ мужикъ Яць Зелепуга! Правда, пока жива была его жена, онъ велъ себя примѣрно. Хоть у него было всего шесть морговъ (ок. 2½ десятинъ), но хлѣба онъ ни у кого не занималъ. Было ихъ двое,—что заработаютъ, то и есть. Жили они бережливо, спокойно, работали на своей землѣ и сосѣди ихъ уважали. Дѣтей у нихъ было много, но всѣ умерли; послѣдняя дочь умерла восемнадцати лѣтъ. Смерть этой дочери была первымъ ударомъ, обрушившимся на счастливую до сихъ поръ жизнь Зелепуги. Жена его была изъ богатаго дома въ Бориславлѣ; у нея было три брата—богатые хозяева. Своему мужу она принесла въ приданое другіе шесть морговъ, граничившихъ съ его землей. Но по смерти послѣдней дочери Зелепуги, шурины—богачи начали требовать назадъ свою „родовую“ землю.

— Зачѣмъ вамъ? — говорили они ласково,—вы оба уже стары, дѣтей у васъ нѣтъ, доживете свой вѣкъ и на тѣхъ шести моргахъ, что вамъ останутся, а у насъ у каждаго много дѣтей.

Послушалась Евка, подписала несчастную дарственную запись. Братья, получивши „батьковщину“, немедленно продали ее евреямъ для разработки нефти. Такой поступокъ глубоко оскорбилъ обоихъ Зелепугъ.

— Какъ же, панове-швагрове,—говорилъ имъ Яць, встрѣтивши ихъ въ кабакѣ.—Развѣ по божески и по людски можно

Библиотека "Руниверс"

дѣлать такъ, какъ вы сдѣлали съ нами? Развѣ мы на то отдали вамъ часть своей батьковщины, чтобы на ней жиды ямы копали, а вамъ чтобы было на что пьянствовать?

— Иди, старый дурню!—огрызнулся одинъ изъ нихъ.— Вы намъ уступили при людяхъ, а для чего уступили—о томъ не было и рѣчи. А разъ вы уступили—поле наше, а разъ оно наше—мы вольны дѣлать съ нимъ, что хотимъ.

— Неправда!—отрѣзалъ Яць.—Мы только для того вамъ уступили, чтобы вашимъ дѣтямъ было гдѣ поселиться. Продать жидамъ—не велика штука, это каждый съумѣетъ.

— Видно, что не каждый,—сказалъ, смѣясь, другой шуринъ,— если вы не съумѣли, а только мы.

— Смѣйтесь себѣ, смѣйтесь, а я даромъ этого не пропущу.

— А что же ты сдѣлаешь?

— Я уже знаю, что сдѣлать; только не знаю, сладко ли вамъ это будетъ?

— Иди, старый, иди *не робы зъ себе дурня*,—сказалъ третій шуринъ, фамильярно ударивъ его по плечу.—Лучше сядь съ нами да выпей *по пивкватырци*, а *що зъ воза упало, то пропало*.

— Сѣсть то я сяду,—гнѣвно отвѣтилъ Яць,—и выпить—выпью, а отъ правды не отступлю. Созову людей, *свидковъ*, пускай они разсудятъ, справедливо ли ваше дѣло.

— Ну что жъ, зови, пускай судятъ!—сказалъ старшій.— Только заранѣе тебѣ говоримъ, что намъ наплевать на этотъ судъ. Ну что намъ сдѣлаютъ? Или, можетъ быть, они сами сложатся и выкупятъ у жидовъ землю?

Правду сказать, Яць Зелепуга о землѣ и не думалъ. Его оскорбляла только „неправда“ и хитрость шуриновъ. Онъ хотѣлъ только показать неправду передъ людьми и свидѣтелями, но выйдетъ ли изъ того какой прокъ—онъ не заботился. Поэтому слова шурина поразили его, какъ ударъ грома. Онъ пошатнулся и окинулъ всѣхъ трехъ подозрительнымъ взглядомъ.

— А, вотъ оно какъ! плюете на людей, на громаду! *А Юды якись! А плювавъ бы на васъ свитъ увесь!* Батьковскую землю жидамъ продали и смѣются! *А щобъ васъ та земленька свята по смерти зъ гробивъ повыкидала!*

Библиотека "Руниверс"

Слово за слово, и между Яцемъ и шуринами дѣло дошло до драки, въ которой тѣ такъ избили стараго Зелепугу, что дѣйствительно пришлось звать свидѣтелей и бабъ-шептухъ. Съ плачемъ и проклятьями жена Яця бросилась къ золовкамъ, чтобы взбунтовать ихъ противъ мужей. Тѣ приняли ея сторону, такъ какъ несчастная земля была причиной, почему ихъ мужья не выходили изъ кабака. Началась настоящая семейная война со всѣми извѣстными послѣдствіями: бранью, проклятіями и постоянными драками. Нечего и говорить, что женамъ въ этомъ случаѣ доставалось больше. Досталось и мужьямъ. Одна изъ женъ въ припадкѣ злости ошпарила своему мужу ноги кипяткомъ и онъ два мѣсяца не могъ встать съ постели. Это было къ лучшему, потому что ей удалось спасти хоть часть денегъ за проданную евреямъ землю. Другой посчастливилось на половину: когда мужъ былъ трезвъ, то билъ жену, если же онъ былъ пьянъ, то жена властвовала надъ нимъ, и на потѣху жидамъ таскала его за волосы изъ кабака домой, приговаривая при этомъ назидательныя рѣчи, сопровождаемыя для большей убѣдительности ударами кулака въ спину и въ голову. У третьяго шурина дѣло было хуже всѣхъ; тамъ былъ чистый адъ: жена съ мужемъ такъ разодрались, что она бѣжала отъ него на службу, а дѣтей раздала сосѣдямъ. Мужъ же въ два года пропилъ все хозяйство, скотъ, землю и нанялся копать ямы у того самаго жида, которому продалъ землю Яця. Что происходило между братомъ и сестрой страшно вспомнить. Выйдетъ бывало братъ рано на работу, уже подпившій, въ грязной *полотнянкѣ*, съ лицемъ чернымъ, какъ земля, сгорбленный и приниженный, а сестра выглянетъ изъ окна, выбѣжитъ на дворъ, да какъ начнетъ плакать и проклинать — Господи Боже! И брата ей жаль, хоть и дурно обошелся онъ съ нею, и батьковщины жаль,—сама не знаетъ на кого плакаться, на кого призывать Божье проклятіе.

— А волила бъ я, братчику мій, бачыты, щобъ тебе самого въ сю землю закопувалы, нижъ маешъ ты ей ту рыты, та копаты для нехристивъ! Ну копли, враже, копли, може тамъ докоплешься кисточокъ небижчыкивъ тата да дида. Прыдывысь

Библиотека "Руниверс"

имъ добре, бо певно, обидва на другій бикъ въ гроби попереверталисъ, чуючы якъ вы ихъ памъять, ихъ землю кривавую шануете. А не забудь тамъ сказаты небижчыкамъ, въ якихъ ты теперъ гонорахъ у пана жыда пробуваешъ, якъ спышъ пидъ жыдивскою лавою, исы разомъ зъ жыдивськимы собакамы, и якъ жыдивськи бахури коло коршми на тоби, якъ на кони, издять для забавы! Скажы имъ се, скажы!

А потомъ заломитъ руки надъ головой, да какъ заплачетъ, будто по покойникѣ.

— Братику мій, соколыку сызый! Чы я тебе не любыла, чы я жъ коло тебе непрыладала, ще якъ ты маленькый бувъ, якъ мы, мовъ овесъ дрибны, безъ мамы осталыся? Чы жъ я мало ночей не спала, тебе доглядаючы, якъ ты занедужавъ? Чы думала жъ я, нещаслыва, що намы така лыха доля кыне, що буду на тебе кары Божои просыты? Не дай Боже легко сконаты тымъ, що тебе на таку дорогу навелы, що тебе оттакъ на дывовыще, на публику людську пустылы!

Проклятія братъ слушалъ молча, согнувшись, будто волъ, покорно принимающій удары, сыплющіеся на его спину. Но воспоминанія о дѣтскихъ годахъ терзали его душу, сжимали его сердце, жгли его хуже огня. Однажды, выпивши болѣе обыкновеннаго, онъ не выдержалъ и съ крикомъ „а не будешъ ты тыхо, видьмо?“ кинулъ въ сестру *каминцемъ*. Самъ онъ потомъ доказывалъ, что этотъ камень былъ не больше кулака, но видно онъ былъ побольше, такъ какъ сестра не только замолчала, но съ глухимъ стономъ упала на землю. На этотъ стонъ выбѣжалъ изъ дома Яць и поднялъ жену. Одинъ глазъ былъ выбитъ, а на лбу зіяла рана, отъ лѣвой брови до самыхъ волосъ. Евка больше не кричала, не стонала, а только постоянно теряла сознаніе. Полумертвой повезли ее въ Дрогобичъ. Оказалось, что не только лѣвый глазъ выбитъ, но и лобная кость проломлена. Промучившись нѣсколько дней, Евка умерла, а брата взяли подъ судъ. Тамъ онъ и умеръ, не дождавшись окончанія слѣдствія.

Съ тѣхъ поръ Яць Зеленуга началъ пить до самозабвенія. Опротивѣла ему изба, хозяйство, опротивѣли люди. На совѣтъ

Библиотека "Руниверс"

женщинъ жениться еще разъ онъ только махалъ рукой, какъ бы желая навсегда отогнать отъ себя эту мысль. Мало по малу дошло до того, что осьмушка стала единственнымъ на свѣтѣ предметомъ, имѣющимъ для него интересъ.

Два года минуло послѣ смерти жены Яця. Зелепуга сталъ неузнаваемъ. Хозяйство было заброшено, скотъ забралъ жидъ за водку, хлѣбъ давно былъ проданъ, плетни обломаны, и большая часть посуды перешла также въ кабакъ. Только на ночь Яць приходилъ домой, а цѣлый день просиживалъ въ кабакѣ. Хотя онъ пилъ мало, но для его ослабленнаго организма достаточно было двухъ-трехъ рюмокъ, чтобы свалить его съ ногъ. Ѣлъ онъ очень мало. И только ненависть къ богачамъ постоянно росла въ его душѣ; хоть, правду сказать, эти богачи съ каждымъ днемъ теряли землю, уступая ее евреямъ, которые толпами нахлынули въ Бориславль, прельщенные быстрымъ обогащеніемъ на нефтяныхъ копяхъ.

Иногда, въ минуту трезвости, Яць Зелепуга ясно видѣлъ, къ чему все это ведетъ. Набросивши гуню, въ барашковой шапкѣ на головѣ, съ засунутой за пазуху рукой, шелъ онъ медленнымъ шагомъ по бориславской улицѣ, бросая кругомъ неспокойные взгляды и сплевывая отъ времени до времени, какъ бы отъ мучившей его жажды.

— Боже мой, что тутъ дѣлается!—шепталъ онъ.—Праведная кара Божія на наше село! Ну глядите, глядите, сколько тутъ той погани налѣзло, какъ мурашекъ! У Пилипа Буняка пять ямъ копаютъ, у Матія—четыре, у моего премудраго шурина уже полъ-грунта купили, передъ самыми его окнами цѣлую гору глины накидали! И тамъ, и тамъ, и тамъ! Всюду копаютъ, роютъ, черпаютъ ту проклятую *кипячку, щобъ имъ ще горломъ лылася.*

На землѣ, которую его жена уступила братьямъ и которую тѣ перепродали жидамъ, было уже десять нефтяныхъ ямъ: нѣкоторыя 5—6 саженей глубины, другія по 20 и 25. Еврей, купившій эту землю за безцѣнокъ, былъ уже богачемъ—пайщикомъ первой бориславской дистиллярни и обладателемъ еще двадцати новыхъ ямъ. Это вѣрно, что на землѣ покойной жены Яця ему

Библиотека "Руниверс"

наиболѣе посчастливилось. Въ другихъ мѣстахъ, также купленныхъ за безцѣнокъ, ямы были глубиной 15—20 саженъ, а *роны* еще не показывалось. Двѣ ямы въ 25 саженъ надо было совсѣмъ забросить, такъ какъ наверхъ вышла масса воды. Земля Яця была золотымъ руномъ для Мендля Шехтера, а потому неудивительно, что Мендель давно острилъ зубы и на прилежащій грунтъ Яця. Не разъ уже зондировалъ онъ Яця, не продастъ ли тотъ своей земли, но Яць и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Да и некогда было. Яць цѣлый день пилъ и опохмѣлялся, а пока было на что пить, не имѣлъ надобности продавать землю.

Но теперь дѣла измѣнились. Яць все пропилъ и бралъ у жида въ долгъ. По соображеніямъ Мендля какъ разъ было время начать *гешефтъ*, тѣмъ болѣе, что Яць рѣже сталъ появляться въ кабакѣ, больше ѣлъ и ходилъ по селу задумчивый и печальный.

— Добрый день вамъ, пане Яцентій!—сказалъ однажды Мендель, приближаясь къ Яцю, стоявшему посреди двора въ раздумьи, съ палкой въ рукѣ.

— А, добрый день!—отвѣчалъ Яць, не глядя на еврея.

— Ну, что дѣлаете?—спрашивалъ жидъ.

— А что-жъ? Дышу.

— Ну всѣ мы, слава Богу, дышемъ; это еще не работа,— возразилъ, усмѣхаясь, жидъ.—Я спрашиваю, что вы думаете съ грунтомъ дѣлать?

— Съ грунтомъ? А чтоже мнѣ съ нимъ дѣлать? Пускай лежитъ. Грунтъ ѣсть не проситъ.

— Правда то правда, что грунтъ ѣсть не проситъ, но вамъ, пане Яцентій, ѣсть и пить нужно.

Яць вытаращилъ глаза на жида и нехотя сказалъ.

— Это уже мое дѣло! Къ вамъ просить не пойду.

— Ну, пане Яцентій,—кротко отвѣтилъ жидъ.—Развѣ я про то говорю. Я говорю, что зачѣмъ грунту лежать, чего вы съ нимъ дождетесь? Дѣла по горло, а хлѣба такъ и не будетъ. Я вамъ заплачу по людски, станетъ на вашъ старый вѣкъ.

— Гм... А сколько же вы дадите?

— А сколько у васъ всей земли?

Библиотека "Руниверс"

— Безъ того, что подъ хатою и подворьемъ шесть морговъ.

— Ну, то я вамъ дамъ за все триста римскихъ [1]).

— А это почемъ же за моргъ?

— По пятидесяти. Развѣ это мало? Людская цѣна, *бигме*, людская цѣна.

— А сколько бы вы, Мендлю, хотѣли за тѣ два морга, что купили у моихъ шуриновъ, здѣсь вотъ сейчасъ, о межу съ моею?

— Гм...—усмѣхнулся Мендель,—я того поля не продаю.

— А, конечно, потому что вы на немъ кладъ выкопали. Хоть и смердитъ, а все таки золото. Ну, а кто же мнѣ поручится, что и у меня его нѣтъ?

— Ну, Яцю, что вы за человѣкъ!—сказалъ Мендель.—Вы думаете, что я покупалъ бы вашъ грунтъ, если бы зналъ, что въ немъ ничего нѣтъ? Или вы думаете, что мнѣ ничего лучшаго не остается дѣлать, какъ сѣять овесъ на вашихъ пустыряхъ?

— Богъ заплатитъ вамъ за *щыристь*, пане Мендель,— отвѣтилъ на это Яць. А коли Богъ и вправду и въ мою землю вложилъ, то какой же я былъ бы дурень, если бы его такъ даромъ изъ рукъ выпустилъ?

— Какъ это даромъ? А пятьдесятъ римскихъ развѣ не гроши?

— Нѣтъ, Мендлю, то собачіе гроши.

— Го, го, kück ihm un, *якій мени панъ*!—вскрикнулъ обиженный Мендель.—Идите и найдите ихъ на дорогѣ, коли это собачіе гроши!

— Ну, на дорогѣ не буду искать, сами ко мнѣ придутъ,— сказалъ Яць и направился къ своей хатѣ.

— Пане Яцентій! — звалъ его Мендель, — пане Яцентій, подождите!

— А что тамъ такое?—спросилъ Яць, останавливаясь.

— Знаете, что я вамъ скажу?—говорилъ Мендель, снова приближаясь къ нему.—Я вамъ дамъ по 80 римскихъ за моргъ.

— Э, *пусте ваше балаканне*,—отвѣтилъ Яць и махнулъ рукой. — Зачѣмъ я буду отдавать вамъ за 80, коли другіе и по 100 даютъ?

---

[1]) Рейнскій, гульденъ.

Библиотека "Руниверс"

— По сто римскихъ за моргъ!—вскрикнулъ Мендель.— Бойтесь Бога, Яцю, кто вамъ дастъ по сто римскихъ?

— То уже мое дѣло, кто дастъ. Только вы себѣ не думайте, что старый Яць потерялъ разумъ, и не знаетъ, что дѣлать. Дурень то, я дурень, признаюсь, да кое что знаю и *зъ кашею зъисты ся не дамъ*!

— Ну, пане Яцентій, что вы обо мнѣ думаете, чтобъ я васъ хотѣлъ *зъ кашею исты*! Я только спрашиваю, кто вамъ дастъ по сту римскихъ за моргъ грунту?

Яць долго смотрѣлъ Мендлю въ глаза, потомъ отвернулся, плюнулъ и, не говоря ни слова, пошелъ домой.

— A dummer Goj!—бурчалъ Мендель послѣ его ухода.— Думаетъ, что меня *на полову злóвыть*! Сто римскихъ! Подождешь ты еще, пока я дамъ тебѣ сто римскихъ за моргъ.

Но долго ждать Яцю не пришлось. Нѣсколько дней спустя послѣ этого разговора одна изъ ямъ Мендля была залита водой, а другую засыпало землей вмѣстѣ съ тремя рабочими. Мендель понесъ большіе убытки, а къ тому же еще долженъ былъ заплатить коммиссіи, чтобы она признала, что смерть рабочихъ была слѣдствіемъ ихъ собственной неосторожности. Потери были значительныя; менѣе богатый потерпѣлъ бы полное разореніе. Единственною надеждою Мендля были нефтяные источники въ усадьбѣ Яця. Пріобрѣтеніе земли у Яця было еще желательнѣе Мендлю потому, что большой наплывъ купцовъ поднялъ цѣну на землю и 100 римскихъ за моргъ не было рѣдкостью. Не прошло и недѣли, какъ Мендель, захвативши бутылку крѣпкой водки, направился къ жилищу Яця Зелепуги. Хозяинъ былъ дома и починялъ деревянный ушатъ.

— Дай Боже добрый день!—сказалъ Мендель, приподнимая шляпу.

— Дай Господи!—отвѣтилъ Яць.

— Щасты Бигъ при роботи!—добавилъ Мендель.

— Дай Боже! Дякую за слово добре.

Мендель сѣлъ на скамью и осмотрѣлся.

Въ хатѣ было пусто и мрачно. Голыя стѣны, пустыя полки, печь давно не топлена, а въ ней валяются черепки. Страшная пустота.

Библиотека "Руниверс"

— Не хорошо у васъ тутъ, пане Яцентій,—сказалъ жидъ, съ минуту помолчавши,—погано такъ на старости жить.

— Можетъ, Богъ дастъ, что когда нибудь и у насъ лучше будетъ,—отвѣтилъ Яць, сердито стуча обухомъ по обручамъ ушата.

— Дай Боже! Дай Боже! А что это вы дѣлаете?

— А вотъ цебречишко испортился, такъ поправляю.

— Зачѣмъ вамъ тотъ цеберъ? Вы же свиней не держите?

— А можетъ и буду держать. Все лучше, коли цеберъ будетъ исправный. Денегъ стоитъ.

Жидъ снова замолчалъ, пряча бутылку подъ полой халата и не имѣя какъ то храбрости прямо приступить къ дѣлу.

— Что это значитъ, пане Яцентій,—сказалъ онъ, минуту спустя,—Мошко изъ корчмы жаловался мнѣ, что вы уже съ недѣлю не бываете у него.

— А зачѣмъ мнѣ бывать? Пить не хочется, а денегъ, что я ему долженъ, еще нѣтъ.

— А борони Боже—вскрикнулъ съ притворнымъ удивленіемъ Мендель.—Развѣ онъ у васъ домогается денегъ! Не деньги хочетъ онъ видѣть, а васъ.

— Богъ заплатитъ ему за его доброту,—сказалъ Яць,—а я далъ зарокъ, что безъ денегъ больше къ нему не пойду. Хоть онъ и не вспоминаетъ, да, сами знаете, *довгъ довгій, а виддай короткій.*

— Фи, пане Яцентій, что то за долгъ? Пятнадцать римскихъ! Стоитъ о томъ говорить! Ну, а знаете что? Что мы будемъ такъ на сухо болтать? На то Богъ человѣку горло далъ, чтобъ его почаще промачивать. Поищите тамъ какой стклянки или рюмки! И съ послѣдними словами Мендель вынулъ бутылку и поставилъ на столѣ. Глаза Яця засвѣтились огонькомъ при видѣ водки, и даже топоръ выпалъ у него изъ рукъ. Онъ уже приготовился встать и искать стаканчикъ, но какая то сила остановила его. Тяжело ему было побороть страсть къ драгоцѣнному напитку; голова у него кружилась и руки начали дрожать. Но все таки онъ не всталъ съ мѣста.

— Богъ заплатитъ вамъ, пане Мендлю, за вашу добрую волю,—благодарилъ Яць надтреснутымъ голосомъ,—но я не знаю,

Библиотека "Руниверс"

зачѣмъ мы будемъ могорычъ пить. А такъ, *на кота въ мишку* не годится пить.

— У, у, что вы за человѣкъ, что и не приступай къ вамъ!—вскричалъ Мендель.—Ну, а коли безъ всякаго интереса, а такъ только къ доброму сосѣду съ *почеснымъ* прихожу?

— Ну это вы кому другому разсказывайте, а не мнѣ,—сказалъ Яць.—Жидъ безъ интересу ни шагу не сдѣлаетъ.

— Что за интересъ,—сказалъ Мендель.—У меня одинъ интересъ, знаете какой? Сторгуемся за землю?

— Трудно будетъ! коротко отрѣзалъ Яць.

— А сохрани Боже! Зачѣмъ же трудно? При Божьей помощи все можетъ быть легко.

— Почемъ даете за моргъ?

— Ну? Что вы спрашиваете? Вы знаете мое слово: 80 папирковъ [1]).

— Э, коли такъ, то нечего и разговаривать. И за сто не отдамъ!

— Охъ, какъ вы скоро въ гору ростете? Кто бы подумалъ, что у васъ въ скрынѣ Богъ знаетъ какіе *маетки-статки*, что такъ дорожитесь.

— Въ скрынѣ, не въ скрынѣ,—отвѣтилъ Яць,—а въ той самой землѣ навѣрно *статки-маетки*. Что жъ мнѣ ихъ вамъ за даромъ отдать?

— А конечно,—съ насмѣшкой процѣдилъ жидъ,—на что отдавать такія богатства? Лучше пойти и самому забрать.

— А вы думали какъ? Копаете же вы, отчего бы и мнѣ не копать?

Жида взорвало при этихъ словахъ и онъ съ удивленіемъ вытаращилъ глаза на изнуреннаго, несчастнаго мужика.

— Что? Что вы говорите?

Яць спокойно посмотрѣлъ на жида и добавилъ, усмѣхаясь:

— Васъ вѣрно что то укололо, пане Мендель, что вы такъ вскочили? А то, что я говорю—глупая болтовня, правда?

— Конечно, что глупая болтовня,— убѣжденно сказалъ Мендель.— Вы думаете, что это такъ легко: пить и брать изъ

[1]) *Папирокъ*—гульденъ.

Библиотека "Руниверс"

земли даръ Божій? Ага! Не знаете вы, чего это стоитъ! За копанье плати, а еще найдется ли въ землѣ что нибудь или нѣтъ? Вотъ у меня уже три закопа вода залила, а знаете, что каждый закопъ стоилъ мнѣ не меньше ста римскихъ? Ну, а откуда вы столько денегъ добудете? А хоть и добудете, не по вашей головѣ такое дѣло, *бигме*, не по вашей головѣ!

— А то уже какъ Богъ дастъ, увидимъ,—сказалъ Яць.— И вы не всѣ же разумы съѣли, можетъ тамъ что нибудь и для насъ осталось. Попробуемъ.

Мендель все съ большимъ безпокойствомъ посматривалъ на Яця.

— Что, неужели вы это вправду, пане Яцентій, не шутите?

— Развѣ я знаю?—отвѣтилъ печально мужикъ.— Можетъ и шучу.

— Ну, а какъ же будетъ съ грунтомъ? Продаете?

— Коли сойдемся въ цѣнѣ, то и продамъ.

— А какая ваша цѣна?

— А, видите ли, [illegible]ъ. У меня шесть морговъ. Два здѣсь, возлѣ хаты, а четыре тамъ дальше, *на Волянци*. Эти четыре я готовъ вамъ продать по 150 римскихъ за моргъ.

— Тѣ четыре! А на какого бѣса мнѣ тѣ четыре? Вѣдь *на Волянци* никто не копаетъ?

— А кто знаетъ, можетъ и тамъ кладъ лежитъ?

— Э, я на „кто знаетъ“ не покупаю. Ну, а тѣ два почемъ?

— Тѣхъ двухъ не продаю. Тѣ два для себя удержу.

— Какъ? Для себя? А вамъ они на что?

— Это уже мое дѣло.

— Да ну, пане Яцентій, не шутите. Что хотите за эти два морга?

— Нѣтъ, сторгуемся за тѣ четыре.

— Зачѣмъ мнѣ тѣ четыре? *Пустопашь, бодячье*, что я съ ними сдѣлаю? За тѣ два дамъ по сто римскихъ.

— За тѣ четыре возьму, только съ васъ, по 140,—сказалъ Яць съ истинно мужицкимъ упорствомъ,—а о тѣхъ двухъ и говорить *шкода*.

— Ну, жди же, дурню, чорта лысаго, что тебѣ за тѣ дастъ по 140!—крикнулъ, остервенясь, Мендель, схватилъ свою

Библиотека "Руниверс"

водку и выбѣжалъ на дворъ. Мужикъ спокойно продолжалъ набивать обручи. Но черезъ минуту Мендель, успокоившись, снова вернулся.

— Ну, пане Яцентій, съ вами говорить, то нужно сперва гороху наѣсться. Говорите правду: почемъ хотите за тѣ два морга?

— За тѣ четыре по 140, а тѣхъ двухъ теперь еще и не продамъ.

— А когда же продадите?

— Этого я еще и самъ не знаю. Когда дойдутъ до свой цѣны.

— А когда же они дойдутъ до своей цѣны?

— Развѣ я знаю? Увидимъ.

— Это послѣднее ваше слово?

— Послѣднее.

Мендель удалился, проклиная въ душѣ несговорчиваго мужика. А Зелепуга не на шутку задумалъ помѣряться съ жидами. Въ его старой, непривычной къ мышленію головѣ зародился неясный планъ. Какъ сдѣлать эт[illegible]—онъ не зналъ, но рѣшеніе было принято. „Ну чтожь, буду копать одинъ, и конецъ“—думалъ онъ сначала, но скоро убѣдился, что одному копать невозможно. При одной шахтѣ необходимо не менѣе трехъ человѣкъ. Довольно нанять двухъ. Да гдѣ взять денегъ? У него нѣтъ ни денегъ, ни хлѣба, ни скота, нечего было и продать, кромѣ земли. А внутренній голосъ постоянно шепталъ ему: „Берись за работу! Богъ вложилъ тебѣ кладъ въ землю, грѣхъ имъ пренебречь!“ А зачѣмъ ему, старому, дряхлому, такое богатство—онъ не думалъ. По временамъ въ его воображеніи рисовались заманчивыя картины, въ родѣ: „церковь выстрою, хорошую, каменную, каплицу поставлю надъ жинкою, дамъ *на Боже*, пускай Богъ будетъ милостивъ къ моей душѣ“—дальше этихъ набожныхъ мечтаній мысль его не шла.

Визитъ Менделя показалъ ему, что дѣло съ этимъ богатствомъ вѣрное и натолкнулъ его мысли на практическій путь. Нѣсколько часовъ просидѣлъ онъ дома за починкой ведра, все размышляя, съ чего начать? Потомъ всталъ и пошелъ въ село. Пока что будетъ, а онъ рѣшилъ примириться съ оставшимися двумя шуринами. Когда онъ вошелъ въ хату одного изъ нихъ, гдѣ онъ не былъ уже пять лѣтъ, его поразила мысль:

Библиотека "Руниверс"

— Что, я одурѣлъ или совсѣмъ ослѣпъ, что могъ считать его богачемъ?

Правда, хата была просторна и хорошо построена, но совсѣмъ запущена. Подъ навѣсомъ нѣтъ хозяйственныхъ принадлежностей, въ обширныхъ сѣняхъ нѣтъ закромовъ съ хлѣбомъ, комора отворена настежь, въ ней нѣтъ ни сундуковъ, наполненныхъ всякимъ добромъ, ни кожуховъ на жерди, ни подушекъ на постели, ничего нѣтъ. Вдобавокъ Зелепуга засталъ въ избѣ цѣлый содомъ: жена шурина плакала, дѣти пищали.

— Что у васъ такое, кумо?—спросилъ онъ послѣ перваго привѣтствія, садясь на грязной скамьѣ. Невѣстка взглянула на него заплаканными глазами и, отворачиваясь, отвѣтила:

— А вамъ что до этого? Какое васъ лихо принесло?

— Богъ съ вами, кумо — швагрова, — сказалъ Яць. — Не лихо меня сюда принесло. Вѣдь мы же свои. Грѣхъ намъ *цуратысь* однимъ другихъ. Я пришелъ васъ провѣдать, посовѣтоваться...

— Ага, можетъ опять хотите моему какой кусокъ земли уступить. Пускай васъ Господь тяжко покараетъ за это благодѣяніе, что вы ему сдѣлали.

И бѣдная женщина заломила руки и залилась горькими слезами. Дѣти тоже заплакали.

— Бойтесь Бога, кумо! развѣ я виноватъ въ томъ, что вашъ мужъ обманулъ мою покойницу, выманилъ у нея батьковщину, а потомъ продалъ жидамъ?

— Пускай васъ всѣхъ, всѣхъ Богъ тяжко покараетъ за мои слезы, за мою нужду, за мое горькое житье! Въ чемъ виновата передъ вами я, въ чемъ виноваты бѣдные дѣти, что должны погибать изъ-за того проклятаго пьяницы?

— Что же такое случилось? Что онъ сдѣлалъ?—допрашивалъ Яць, мало обиженный ея проклятіями, въ которыхъ видѣлъ только слѣдствіе раздраженія.

— Продалъ, чортъ, продалъ уже и остатокъ грунту жидамъ. Продалъ и не знаю за сколько. Уже другую недѣлю пьянствуетъ гдѣ то въ Дрогобычи, чтобъ ему тамъ и голову сложить! Ой, доля жъ моя несчастная! Сама, бѣдная, не знаю,

Библиотека "Руниверс"

что съ собою дѣлать. Уже жидъ съ войтомъ и присяжнымъ забрали грунтъ, начали копать ямы, а его нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Вотъ такъ!—подумалъ Яць,—вотъ такъ на богача наскочилъ! Тутъ, видно, еще большая бѣда, чѣмъ у меня.

И, обращаясь къ плачущей женщинѣ, онъ сталъ утѣшать ее, какъ могъ.

— Не плачьте, кумо, успокойтесь, какъ нибудь обойдется. *Може Богъ ще къ добру оберне.*

— Скорше васъ усихъ до горы ногами оберне, що дай Боже, аминь!—снова вскрикнула несчастная мать и, обращаясь къ плачущимъ дѣтямъ, стала причитывать по нимъ, какъ по умершимъ:

— Сиротки мои, дѣточки малые! Далъ вамъ Богъ отца поганина, что о васъ не думаетъ, запродалъ чорту душу, а жидамъ землицу. Гдѣ же вы теперь дѣнетесь? Кто васъ выкормитъ и въ люди выведетъ?

— Ну, тутъ я ничего не подѣлаю: ни совѣты мои, ни утѣшенья тутъ не у мѣста, подумалъ Яць и незамѣтно вышелъ.

— Что имъ изъ моихъ утѣшеній,—думалъ онъ дорогой,—тутъ нужна помощь, а не утѣшенія. Вотъ если бы мнѣ докопаться *кипячки* на моемъ полѣ, ну тогда бы всѣхъ ихъ можно было бы пріютить. Правда, шуринъ съ нами худо обошелся, но его жена и дѣти нисколько не виноваты. Нѣтъ, надо думать, надо искать помощи, можетъ быть Господь милосердый смилуется надъ нами.

Въ грязной, запущенной хатѣ невѣстки Яць неожиданно для себя нашелъ цѣль своихъ надеждъ и стремленій. Природное богатство, скрытое въ его землѣ, увеличилось въ нѣсколько разъ съ тѣхъ поръ, какъ Яць сознался, что оно не столько необходимо для постройки церквей и покупки церковныхъ принадлежностей, какъ для спасенія бѣдной погибающей семьи.

Все это крѣпкимъ узломъ связалось въ его доброй душѣ. Съ тѣхъ поръ какъ выяснилась для него цѣль жизни, онъ окрѣпъ духомъ, и какъ будто помолодѣвши на десять лѣтъ, направился къ жилищу другого шурина, котораго въ селѣ прозвали Недовареннымъ послѣ исторіи съ женой. Жилъ онъ на другомъ концѣ

Библиотека "Руниверс"

Бориславля у подошвы Карпатъ, гдѣ нефтяной почвы не было, и считался зажиточнымъ хозяиномъ. Но съ тѣхъ поръ какъ жена его ошпарила, онъ ходилъ на костыляхъ и чувствовалъ иногда ужасную боль отъ незажившихъ еще ранъ. Въ дурную погоду боль чувствовалась еще сильнѣе и въ такія минуты онъ былъ золъ, точно раненый волкъ. Яць попалъ какъ разъ въ такую пору.

— А шуринокъ милый, ссс... — зашипѣлъ Недоваренный, замѣтивъ издалека Зелепугу. — А какое лихо занесло тебя ко мнѣ? А? Нищій!

Яць только головой покачалъ. Такое привѣтствіе сразу напомнило ему дѣйствительность.

— Э, шуринъ,—сказалъ онъ, приближаясь и приподнимая шапку.—Много ли я у тебя пороговъ обилъ за нищенскимъ хлѣбомъ, что такъ меня встрѣчаешь? Фе, стыдись, что такъ загордился своимъ богатствомъ!

— Смотрите, какой учитель, ссс...! А я голову свою даю на закладъ, что ты пришелъ таки за какою то подачкою. Чѣмъ больше у нищаго нужда, тѣмъ больше *фумы* на языкѣ. А ну, скажи, зачѣмъ ты приплелся?

— Привели меня сюда два дѣла, — сказалъ спокойно Яць, садясь на бревнѣ.—Одно дѣло не мое, а шурина Чапли.

— Того жидовскаго захребетника и пьяницы? Знаю, знаю, пропилъ послѣднюю каплю разума, продалъ жидамъ остатокъ грунту, а теперь пропиваетъ деньги въ Дрогобичѣ. Такъ ему, дураку, и надо!

— Чтожь, я про него ничего и не говорю! пусть его Богъ судитъ! А вотъ его жена, ваша и моей покойницы сестра, и дѣти малые въ чемъ они виноваты? Всѣ они остались безъ хлѣба, безъ батьковщины. Что съ ними будетъ?

— А мнѣ что за дѣло? Развѣ я имъ отецъ? Или я обязанъ о нихъ заботиться, ссс...?

— Да бойтесь Бога, пане швагре! — вскрикнулъ Яць.—Не дадимъ же мы нашимъ кровнымъ напрасно погибнуть? Вотъ только что я былъ тамъ: Содомъ, говорю вамъ. Старая плачетъ, дѣти плачутъ.

Библиотека "Руниверс"

— А пускай себѣ плачутъ,—злобно замѣтилъ тотъ,—поплачетъ и перестанетъ. Моя хата съ краю, я ничего не знаю, не мое просо,—не мои воробьи ссс...!

Говоря это, онъ постоянно шипѣлъ, такъ что можно было подумать, что чужая бѣда доставляла ему особенное удовольствіе.

— Ну, это одно дѣло, а какое другое? — спросилъ Недоваренный.

— Богъ съ вами, — отвѣтилъ Яць, — вижу, что со своими дѣлами не на ту улицу попалъ: лучше оставимъ нашъ разговоръ.

— Видишь, уже разсердился, ссс...! Чисто нищенская натура. Откажи ему—сейчасъ постный видъ сдѣлаетъ и мямлитъ: Богъ заплатитъ и за это! А въ душѣ думаетъ: чтобъ тебя черти взяли! Ну, ну, говори, какое другое дѣло. Мнѣ хочется знать, ссс....

— Чтобы вы не думали, что я разсердился, то и скажу вамъ: купите мой грунтъ *на Волянци*, четыре морга въ одномъ кускѣ. Дешево вамъ продамъ.

— А мнѣ зачѣмъ твой грунтъ *на Волянци?*

— Какъ зачѣмъ? Грунтъ къ грунту всегда пригодится, хоть бы и впустѣ лежалъ, то все или коней будете пасти, или наймете кому подъ овесъ, все таки доходъ будетъ.

— А чтожь ты самъ этой штуки не продѣлаешь?

— Продѣлать то я продѣлалъ бы, да только мнѣ теперь деньги нужны.

— Зачѣмъ тебѣ деньги? Вѣрно не на что пьянствовать, такъ и грунтъ продаешь? Эхъ вы, *жеброта не полатана!* Тутъ мнѣ твердитъ, чтобы тому помочь, а самъ не лучше его, ссс...! Ну скажи, зачѣмъ тебѣ деньги?

— Э, что я вамъ буду говорить! Это уже мое дѣло.

— Не хочешь со мною говорить, такъ и я не буду.

И Недоваренный зашипѣлъ и отвернулся.

— А если не хотите грунту,—сказалъ не терявшій надежды Яць,—то знаете что: вступите со мною въ компанію.

— Въ какую компанію?

— Ну, вижу, что вамъ нужно все сказать. Такъ слушайте! Въ томъ грунтѣ, что вамъ уступила моя покойница, жиды вы-

Библиотека "Руниверс"

копали родники кипячки, вотъ уже годъ черпаютъ и наживаютъ деньгу. Точатъ зубы и на мой кусокъ, что граничитъ съ тѣмъ: навѣрно и въ немъ лежитъ такой же кладъ.

— Ну, и чтоже изъ этого? И продай имъ.

— Вы такъ думаете? — медленно спросилъ Зелепуга. А я думаю, что это былъ бы грѣхъ. Далъ Богъ кладъ въ наши руки, только немного потрудись—и бери, и черпай, нѣтъ, мы даромъ отдадимъ его жидамъ, а сами пойдемъ къ нимъ на службу!

— Ха, ха, ха! кладъ! Ссс...! — засмѣялся и зашипѣлъ отъ боли Недоваренный,—что это за кладъ: проклятая ропа вонючая! Христіанину грѣхъ съ нею и возиться. Это жидовское ремесло.

— А не грѣхъ христіанину копать и черпать ее въ наймахъ у жида?

На это Недоваренный не нашелся отвѣтить, но зацѣпка нашлась съ другой стороны.

— Ну, ну, не очень то горячись! Откуда ты знаешь, что именно въ твоей землѣ кипячка? Я думаю, что если жидъ изрылъ сосѣднюю землю, то и изъ твоей давно уже все стекло въ его ямы.

— А я думаю, что жидъ чуетъ, гдѣ есть барышъ, и не даромъ обиваетъ у меня пороги, чтобы я продалъ ему эту землю.

— Э, и жидъ также на угадъ спекулируетъ, какъ и ты. Ну, а чего ты собственно отъ меня хочешь? Въ какую компанію меня приглашаешь?

— Хочу самъ копать на своей землѣ и увѣренъ, что докопаюсь кипячки. На копанье надо будетъ около ста римскихъ, а у меня теперь въ карманѣ пусто. Вотъ я и думалъ...

— И не думай! Ссс... — перебилъ его тотъ. — Глупая твоя спекуляція, а у меня ни денегъ нѣтъ, ни охоты путаться въ такія исторіи. Еще жиды на меня взъѣдятся, такъ что имъ значитъ поджечь меня или убить? Кто имъ что сдѣлаетъ?

Яць Зелепуга печально поникъ головой: въ послѣднихъ словахъ шурина была правда. Въ нѣсколько лѣтъ жиды стали силой въ Бориславлѣ. Порядка въ громадѣ не было. Подкупы, пьянство деморализовали громадское начальство и оно сдѣлалось послушнымъ орудіемъ въ рукахъ жидовъ. Полиціи не было никакой. Жиды дѣлали, что хотѣли, а дрогобицкое окружное на-

Библиотека "Руниверс"

чальство махнуло на все рукой, видя свое безсиліе установить какой нибудь порядокъ. Потому то каждый и боялся не только за свое имущество, но и за жизнь. Постоянныя „несчастья въ ямахъ“ проходили безнаказанно для хозяевъ, а подъ эту рубрику „несчастья въ ямахъ“ подводилась масса такихъ злодѣйствъ, о которыхъ испуганные жители боялись даже и вспоминать.

— Такъ вы думаете, что изъ этого ничего не будетъ?— спросилъ Яць шурина.

— Разумѣется не будетъ,—сказалъ тотъ гораздо мягче, чѣмъ сначала. — Ну, скажи, твоей ли или нашей хлопской головы это дѣло? А хуже всего, что нужно будетъ начать войну съ жидами. Нѣтъ, нѣтъ, ничего изъ этого не будетъ.

Зелепуга еще минуту посидѣлъ на бревнѣ, обдумывая, потомъ всталъ съ прояснившимся лицомъ и, стуча палкой о землю, сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— А я вамъ скажу, что таки будетъ! хоть бы мнѣ пришлось голову положить, а я своего добьюсь. Вступаете въ компанію?

— Иди, иди, старый дурень! И до сихъ поръ я думалъ, что ты дуракъ, а теперь вижу, что ты пропилъ и ту крошку ума, что мать дала,—насмѣхался шуринъ.

— Такъ не идете въ компанію?

— И не снилось.

— Воля ваша. И безъ васъ обойдемся. А я вамъ скажу, что пожалѣете.

И не простившись, Яць быстро направился къ своей хатѣ. А шуринъ долго сидѣлъ на приспѣ и думалъ.

— Гм... дурень этотъ Яць, ей Богу дурень! Самъ хочетъ копать да еще и меня въ компанію тянетъ. Знаю я, что значатъ эти компаніи. Займи ему денегъ—часть пропьетъ; другую закопаетъ, вотъ тебѣ и компанія. Нѣтъ, на такую *полову* ты меня, братецъ, не изловишь. А тѣмъ нищимъ въ самомъ дѣлѣ помочь надо,—думалъ онъ дальше.—Вѣрно Яць сказалъ: чѣмъ виновата жена, чѣмъ виноваты дѣти, что у нихъ такой отецъ? Надо будетъ навѣстить ихъ сегодня. Надо будетъ со старою посовѣтоваться, баба такія вещи лучше знаетъ, чѣмъ

Библиотека "Руниверс"

мужикъ. Вотъ несчастье! Распился, бестія, и память у него отшибло, забылъ, что у него семья, ссс...

И онъ зашипѣлъ, припомнивъ, что и съ нимъ могло бы случиться тоже самое, если бы жена не ошпарила его кипяткомъ.

— А все же изъ этой компаніи,—возвратился онъ снова къ прежней мысли,—ничего не будетъ. Что же можетъ быть? Знаю я этого Зелепугу. Не сегодня—завтра продастъ землю жидамъ. Только даромъ связался бы съ нимъ. Зачѣмъ мнѣ эти хлопоты?

И онъ пошелъ въ хату, чтобы условиться съ женой, какъ помочь невѣсткѣ и дѣтямъ. Но мысль о богатствѣ, которое Богъ скрылъ въ землѣ Зелепуги, не давала ему покоя. Послѣ обѣда онъ еще разъ взвѣсилъ все съ точностью.

— А что,—додумался онъ подъ конецъ,—если Яць не такой дурень, какъ кажется? Война съ жидами? Ну и чтоже? Война, такъ война. Надо трудиться и надѣяться на Бога. Можетъ, человѣкъ какъ нибудь и выдержалъ бы, а то вовка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить. А чтобы Яць денегъ не пропилъ, можно бы и самому позаботиться, самому расплачиваться, не давать ему денегъ на руки. Только есть ли тамъ что нибудь въ этой землѣ? А если есть, а должно быть есть, то станетъ ли нашихъ денегъ на то, чтобы докопаться до клада? Гм... а вѣдь дѣло вовсе не такое глупое, какъ мнѣ показалось съ перваго раза. Надо будетъ когда нибудь пойти осмотрѣть тотъ грунтъ, можетъ и удастся что нибудь сдѣлать? Если бъ только Яць не одурѣлъ да не продалъ его жидамъ. Ну, да взялся мужикъ, такъ скоро отъ своего не отстанетъ, видно по немъ. А коли такъ, то безъ меня не обойдется, какъ же иначе онъ устроится?

И успокоенный этимъ Недоваренный велѣлъ запречь лошадь, и набравши хлѣба, муки, крупъ, масла, бѣлья, сѣлъ съ женой на возъ и поѣхалъ къ невѣсткѣ.

Миронъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

166.

Повѣрья объ орлѣ.

Въ настоящее время орлы рѣдко встрѣчаются въ Малороссіи. Въ старину они водились въ большемъ количествѣ и повсемѣстно, оттого и въ поэзіи малорусской они часто упоминаются, какъ величественная, гордая птица, вѣстникъ радости и печали. Одно уже появленіе орла въ пѣснѣ служитъ указаніемъ на извѣстіе; напр., „летай, летай, сивый орле, по глубокой долинѣ“ (*Гол.*, I, 16). Содержаніе пѣсни состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что ляхи перевѣшали много козаковъ. Что орелъ здѣсь является вѣстникомъ, это подтверждается слѣдующимъ стихомъ: „засылаютъ ляхи листы по всей Украинѣ“.

Орлы и орлицы являются иногда вѣстниками печали, напр., въ пѣснѣ: „прилетаютъ дви орлици; ранетъ ему дви дѣвици: идна косоока, друга сизоока. Ой я васъ, орлицы, за ти висти скажу соколеви живцемъ васъ поисты“ (*Чубинскій*, V, 35). Болѣе основательное противоположеніе сокола, не орлицѣ, а ворону—находимъ въ сербской пѣснѣ. Марія проситъ брата Ивана: „Іоване, брате роheки! пошли ми сивоч сокола, да heрам врана гаврана“ (*В. Кар*, I, 213).

Намекомъ на враждебное къ человѣку отношеніе орла можетъ служить слѣдующій мотивъ въ малорусской сказкѣ про двухъ братьевъ: „бѣдный человѣкъ слышитъ, что говорятъ три орла на то-

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 4.

Библиотека "Руниверс"

полѣ. Одинъ орелъ говоритъ: „я такъ сдѣлалъ, что братъ брату глаза выкололъ“; другой: „я положилъ подъ постель дочери короля жабу, и королевна 7 лѣтъ болѣетъ“; третій: „я завалилъ камнемъ море, и оттого люди умираютъ“. (*Чубинскій*, II, 50).

Заслуживаетъ вниманія, что и въ заговорахъ орелъ и жаба сопоставляются, напр., въ великорусскомъ заговорѣ: „Въ городѣ Іерусалимѣ на рѣкѣ Ярданѣ стоитъ древо кипарисъ, на томъ древѣ сидитъ птица орелъ, щиплетъ и тереблетъ когтями и ногтями у раба б. (имя рекъ) жабу“... (*Потебня*, Объясн. пѣс. II, 217).

Сопоставленіе орла и жабы въ заговорахъ и пѣсняхъ основано на непосредственномъ наблюденіи надъ природой и характеромъ этой птицы. Въ Малороссіи чаще всего встрѣчаются орлы крикуны (Aquilae naviae) и малорослые орлы, или орлы карлики (Aquilae minutae); и тѣ, и другіе питаются преимущественно мышами, жабами и змѣями, но охотно пожираютъ и мелкихъ птицъ (*Бремъ*, Иллюстрир. жизнь животныхъ, III, 477).

Орелъ приноситъ иногда радостную вѣсть, напр., въ малорусской пѣснѣ: „Ой у полі билый камень лежитъ, а на тому камени сивый орелъ сидитъ (эпическій запѣвъ), думку думае“. Козакъ спрашиваетъ его о родномъ краѣ, о своей милой. Орелъ говоритъ, что милая тоскуетъ по немъ. Затѣмъ, онъ летитъ къ дому милой:

Полетивъ сивый орелъ, та сивъ на тыну—
Выйды, выйды, дивчинонько, щось тоби скажу,
Выйды, выйды, дивчинонько, скажу тоби висть,
Иде милый зъ Украины—буде въ тебе гисть. (*Чубинскій*, V, 60).

Въ одной великорусской пѣснѣ такую роль играютъ голуби: „они ударили крыльями о теремъ Марьюшки, хотѣли сообщить ей добрую вѣсть, что къ ней собирается женихъ“.

Въ благопріятное отношеніе къ человѣку ставитъ орловъ одна колядочная пѣсня:

Ой якъ будешъ ты, молодъ женытыця
Та выорешъ нывочку чорными орлами,
Та засіешъ нивочку дрибными жемчугами...
Ой якъ будешъ ты короливну везты,
Закричатъ орлы въ чистымъ поли,
Та засяютъ жемчуги на раздоли... (*Потебня*, Объяс. II, 383).

Библиотека "Руниверс"

Въ одной веснянкѣ также обнаруживается счастливое и пріятное значеніе орла: „орелъ поле изоравъ и пшеныци насіявъ—дивочкамъ на коровай“, далѣе „ячменю насіявъ — парубочкамъ на коровай“ (ib. 384). Въ другой веснянкѣ орелъ обѣщаетъ прилетѣть и принести зеленое лѣто, хрещатый барвинокъ, „чоловикамъ оранье и старымъ дидамъ сіянье“. Н. И. Костомаровъ говоритъ, что „орелъ, приносящій лѣто и устанавливающій занятія людей, есть тотъ же греческій орелъ, спутникъ Зевса (см. у Потебни, ib. 384). А. А. Потебня высказалъ по этому поводу замѣчаніе, „что связь орла и оранья можетъ и не имѣть другихъ соотношеній, кромѣ созвучія“ (ib.).

У древнихъ грековъ орелъ слылъ вѣстникомъ побѣды, плодородія и счастья. Это былъ спеціальный посолъ Зевса. Гомеръ называетъ его „самой совершенной птицей“; Ѳеокритъ—вѣщей птицей по преимуществу (*Буше-Леклеркъ*, 109). Въ греческомъ миѳѣ Гермесъ влюбился въ Афродиту въ то время, когда она купалась въ рѣкѣ, и въ видѣ орла похитилъ ея одежду, которую возвратилъ лишь послѣ тѣхъ ласкъ, которыми наградила его богиня. У Страбона орелъ играетъ роль свата: красавица Родона купалась въ рѣкѣ. Орелъ схватилъ ея туфлю и отнесъ ее мемфискому царю, который, взглянувъ на туфлю, воспылалъ любовью къ Родонѣ, долго искалъ ее и, когда нашелъ, женился. Эліанъ поясняетъ, что это былъ царь Псаметихъ (*De-Gubern.*, 492). Въ роли свата является и воронъ (см. мою ст. о „Воронѣ“ въ 1 кн Этн. Обозр. 1890).

Въ новомосковскомъ у. записано народное повѣрье, что „орла не можна быты, а якъ его стрилляты, то треба спытать тричи: „чи нажывся на свити?“ Якъ нажывся—то винъ буде прямо дывыться на тебе, а якъ не нажывся—то отвернеться. Его ни червы не идятъ; винъ и не завоняется николы, хочь держи, поки на сухарь засхне. У гнизди орлячимъ завсегда есть гроши; винъ безъ грошей николы гнизда не робыть“ (*Чубинскій*, I, 64). Въ этомъ сказаніи слиты два мотива—литературный мотивъ объ отношеніи орла къ болѣзни и смерти и народное повѣрье, что птицы, преимущественно сороки и вороны, похищаютъ золотыя и серебряныя вещи. Первый мотивъ основывается на сказаніяхъ Палеи и Азбуковниковъ о птицѣ Харадрѣ: „аще хто въ болѣзнь впадетъ, то отъ Харадра есть разу-

Библиотека "Руниверс"

мѣти, живъ ли будетъ или умретъ. Аще будетъ ему умрѣти, отвратитъ отъ него очи свои Харадръ; аще быти ему живу, ино веселяся возлетитъ на аеръ противу солнца". Это сказаніе о Харадрѣ извѣстно и по западнымъ бестіаріямъ. Общій источникъ и нашихъ и западныхъ извѣстій—Физіологъ св. Епифанія (*Жданов*, Къ литерат. ист. былев. поэзіи, 217). Въ малорусскомъ сказаніи объ орлѣ этотъ литературный мотивъ передѣланъ въ приложеніи къ самому орлу. Повѣрье о томъ, что въ гнѣздѣ орла бываютъ деньги, основано на томъ зоологическомъ фактѣ, что нѣкоторыя хищныя птицы изъ вороньяго рода, въ особенности сороки, дѣйствительно крадутъ и кладутъ въ своихъ гнѣздахъ блестящія металлическія вещи. Въ Галиціи существуетъ повѣрье, что воронъ, собравъ много золота и серебра, золотитъ себѣ голову и хвостъ. (*Gustavicz*, въ Zbior wiadom. do antrop. krajow. V. 141).

Въ малорусской сказкѣ про Покотигорошка находится между прочимъ слѣдующій мотивъ: во время грозы и бури Покотигорошекъ влѣзъ на дубъ, нашелъ здѣсь орлятъ и накрылъ ихъ своею свитою. Когда прилетѣлъ орелъ, онъ хотѣлъ убить П.; но орлята заступились за него: „не бийте его, тату; якъ бы не винъ, то мы повмирали бы зъ холоду". Орелъ въ знакъ благодарности отнесъ П. на родину (*Чубинскій*, II, 235). Этотъ мотивъ встрѣчается въ сказкахъ разныхъ народовъ. Припоминаю, что я читалъ такой же разсказъ про орла въ одной монгольской сказкѣ въ 4 т. Очерковъ сѣв.-зап. Монголіи *Потанина*. Въ грузинской сказкѣ „про судьбу" Ломъ-Каци сѣлъ отдохнуть подъ липой, на которой было орлиное гнѣздо. Къ дереву подошла лисица и хотѣла схватить орленятъ; но Ломъ-Каци убилъ ее. Вотъ прилетаетъ орлица и хочетъ напасть на Л.-К. Орлята объяснили матери, что этотъ человѣкъ спасъ ихъ отъ лисы. Орлица благодарила Л.-К. за оказанное имъ благодѣяніе и перенесла его туда, гдѣ была скрыта его невѣста (*Сборникъ* матер. для опис. Кавказа, X, отд. 3, стр. 60). Въ малоазіатской сказкѣ „о трехъ чудесныхъ одеждахъ" богатырь, спящій подъ деревомъ, просыпается отъ шуршанія змѣи, которая приближалась къ орлятамъ. Богатырь убилъ змѣю. Это было гнѣздо царя орловъ. Когда прилетѣлъ орелъ и хотѣлъ броситься на богатыря, орлята сказали: „Отецъ, отецъ, не бой его; онъ спасъ насъ отъ змѣи".

Библиотека "Руниверс"

Благодарный орелъ выноситъ богатыря, послѣ разныхъ приключеній, на поверхность земли на его родину, гдѣ жили коварные братья богатыря и его возлюбленная (*Carnoz et Nicolaides,* Traditions de l'Asie Mineure, 82 и сл.).

Въ сказаніяхъ на мотивъ оборотничества орлы и орлицы встрѣчаются часто. Такъ, въ малорусской сказкѣ про Юрзу-Мурзу и стрѣльца-молодца, три сестры орлицы просятъ молодца, чтобы онъ не убивалъ ихъ и обѣщаютъ стать ему „въ пригоди"; одна изъ нихъ принимаетъ образъ красивой дѣвушки и дѣлается его женой (*Чубинскій*, II, 281). Въ одномъ варіантѣ сказки про Оха ученики Оха обращаются въ орловъ, (*Драгом.*, Малор. нар. пред , 327) въ другихъ варіантахъ (у *Чубинскаго*) въ барановъ, коней, ястребовъ и пр. Въ одной гуцульской сказкѣ сынъ бѣдной вдовы продаетъ послѣднюю корову. Въ полѣ, подъ лѣсомъ, къ нему подошелъ человѣкъ, предложилъ продать ему корову и, получивъ согласіе, обратился въ орла и унесъ корову, сказавъ паробку, что деньги онъ получитъ въ концѣ лѣса. По совѣту пастуха, парубокъ вмѣсто денегъ беретъ у пана (=орла) камешекъ, который затѣмъ превращается въ разные предметы и оказывается весьма полезнымъ для парубка (*Kolberg*, Pokucie, IV, 20). Эти орлы миѳическаго происхожденія. Послѣдній орелъ-панъ, уносящій корову, напоминаетъ Тіасси германской миѳологіи. Великанъ Тіасси также иногда наряжается въ орлиную одежду и преслѣдуетъ въ видѣ орла Локи.

Въ колядкахъ встрѣчается такой мотивъ: надъ моремъ стоитъ высокій яворъ; на немъ сидитъ орелъ или соколъ, въ воду глядитъ и съ рыбой говоритъ (*Потебня*, Объяс. малор. пѣсенъ, II, 246). Основное значеніе этого мотива миѳическое, что подтверждается древнимъ иранскимъ сказаніемъ о безпечальномъ орлиномъ деревѣ среди моря. Всѣ деревья получаютъ сѣмена отъ этого міроваго дерева. На этомъ деревѣ сидитъ птица сина-мру (орелъ или соколъ), символирующая, вѣроятно, солнце. Когда она взлетаетъ, выростаетъ 1000 вѣтвей; когда вновь садится, то ломаетъ 1000 вѣтвей и стряхиваетъ съ нихъ сѣмена (*Потебня*, ib, 224).

Древняя христіанская письменность воспользовалась этимъ миѳическимъ мотивомъ для своихъ цѣлей—для изображенія воскресенія и вознесенія Господня на небо. Въ „Бесѣдѣ трехъ святителей"

Библиотека "Руниверс"

соколъ и орелъ имѣютъ значеніе христіанскихъ символическихъ образовъ (*Мочульскій*, Голуб. кн., 201).

Въ общемъ выводѣ можно сказать, что малороссіяне знаютъ орла непосредственно; но въ сказаніяхъ и повѣрьяхъ, съ нимъ связанныхъ, наблюденія надъ природой птицы остаются на второмъ планѣ, и главную роль играютъ частью древнія пріуроченныя къ орлу миѳическія представленія силъ и явленій природы, частью старинныя фантастическія сказанія физіологовъ о птицахъ, проникшія въ южную Русь съ азбуковниками и палеями или, вѣроятнѣе, съ тѣми прилогами, которыми изобиловали южно-русскія схоластическія проповѣди XVII вѣка.

167.

Повѣрья о дятлѣ.

Въ Галиціи записано слѣдующее народное повѣрье. Дятелъ знаетъ такую траву, съ помощью которой можно отомкнуть всякій замокъ. Чтобы достать эту траву, нужно поступить такимъ образомъ: найти гнѣздо дятла и закрыть входъ въ него деревяннымъ колышкомъ. Дятелъ попробуетъ сначала силу своего клюва, чтобы проникнуть въ гнѣздо, а затѣмъ принесетъ разрывъ траву. Чтобы получить эту траву, нужно положить передъ деревомъ, гдѣ гнѣздо, красный платокъ. Дятелъ приметъ его за огонь, разведенный подъ деревомъ, и упуститъ траву (*Gustavicz* въ Zbiór wiadom. V, 127).

Это повѣрье распространено во многихъ мѣстахъ Великороссіи и Бѣлоруссіи (*Аѳанас.*, Поэт. воззр., II, 398, съ ссылкой на сборники Терещ., Сахар., Валявца, VI т. Этн. Сб.). Тоже утверждаютъ чехи и нѣмцы (ib. 398). Галицкій разсказъ о разрывъ-травѣ и дятлѣ ближе къ нѣмецкому, чѣмъ къ великорусскимъ повѣрьямъ этого рода. Въ нѣмецкомъ сказаніи также оказываются деревянный колышекъ и красный платокъ.

Всѣ эти повѣрья и разсказы о дятлѣ и разрывъ травѣ основываются на литературныхъ источникахъ, на древнихъ физіологахъ (*Мочульскій*, Происх. физіолога, 43) и на апокрифическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ (*Веселов.*, Сол. и Китовр.); но и эти источники

Библиотека "Руниверс"

не могутъ быть признаны первоначальными. Разсказъ о дятлѣ и разрывъ-травѣ существовалъ уже въ классической древности и вошелъ въ классическую литературу. Плиній говоритъ, что дятелъ можетъ проникнуть во всякое закрытое помѣщеніе, отворивъ замки посредствомъ травы (*De-Gubern.*, 543).

Можетъ быть и вѣрно мнѣніе ученыхъ миѳологической школы, что „дятелъ—птица священная, птица-приносительница небеснаго огня молній, и гнѣздо ея, окованное зимними холодами, отвор[illegible] въ весеннюю пору вѣткой-молніей“ (*Аѳан.*, II, 398), или: „дятелъ, picus Feronius древнихъ, incendiaria avis, былъ образомъ тучи, зимы, темноты, а клювъ его былъ образомъ молній“ (*De-Gubern.*, 542), это мнѣніе въ приложеніи къ современнымъ славянскимъ народнымъ повѣрьямъ о дятлѣ и разрывъ-травѣ не можетъ быть признано убѣдительнымъ, въ виду наличности несомнѣнныхъ литературныхъ вліяній... Основа сказанія, отдаленнѣйшая и древнѣйшая, можетъ быть, миѳическая; но исторія появленія и распространенія его у европейскихъ народовъ, помимо миѳологіи, достаточно объясняется глубокимъ вліяніемъ письменности.

Весьма распространено повѣрье, что дятелъ своимъ стукомъ предвѣщаетъ несчастье. Галицкіе русскіе вѣрятъ, что стукъ дятла въ переднемъ углу хаты предвѣщаетъ смерть (*Gustav.* V, 127, *Драгом.*, Малор. пред. 7). Буряты дурнымъ знакомъ считаютъ, если подъ кровлей дома поселится удодъ (*Потанинъ*, Оч. сѣв.-зап. Монг. IV, 133). И въ древности дятелъ слылъ зловѣщей птицей. Св. Епифаній сравниваетъ съ дятломъ дьявола. По словамъ Плинія, дятелъ сѣлъ однажды на голову претора Люція Тубера, въ то время когда онъ исполнялъ свою судейскую обязанность, и повѣдалъ, что отечество его погибнетъ, если онъ, дятелъ, не будетъ убитъ, а если Л. Т. убьетъ его, то скоро самъ умретъ, и Л. Т., любя отечество, поспѣшилъ убить дятла и вскорѣ самъ умеръ. Плиній считалъ потому дятла вѣщей птицей, „in auspiciis magni“ (*De-Gubern.*, 544).

Библиотека "Руниверс"

168.

Кукушка и удодъ.

Въ ушицкомъ у. записано любопытное народное повѣрье, что кукушку въ теплыя страны переноситъ удодъ на себѣ (*Чубинскій*, I, 61). По повѣрью болгаръ, аистъ переноситъ ласточекъ черезъ море. Въ монгольской сказкѣ о перелетѣ птицъ журавль избилъ маленькую птичку богоргоно и вывихнулъ ему ноги. Когда птицы собрались для полета на сѣверъ, то богоргоно обратился къ нимъ съ такой рѣчью: „Вы теперь улетаете, а куда я дѣнусь больной и притомъ съ семьей? Безъ общества я здѣсь останусь на вѣрную погибель. Посмотрите на меня теплымъ глазомъ, отцы — господа, и рѣшите мою участь, пока не улетѣли". „Да, онъ правду говоритъ, сказали всѣ птицы... Такъ какъ въ его безпомощности виноватъ журавль, то онъ и долженъ нести наказаніе: пусть онъ отнынѣ и до вѣка таскаетъ къ сѣверу и обратно на себѣ птицу богоргоно".—И съ тѣхъ поръ при полетѣ на сѣверъ и обратно богоргоно садится на спину журавля; послѣдній поэтому рѣдко долетаетъ до дальняго сѣвера, ибо ранѣе другихъ птицъ устаетъ, такъ какъ летитъ съ тяжестью на спинѣ (*Потанинъ*, Очерки сѣв. — зап. Монг. IV, 629, 763).

Сходство малорусской сказки о кукушкѣ и удодѣ съ болгарской объ аистѣ и ласточкѣ и монгольской о журавлѣ и богоргоно обусловлено, вѣроятно, заимствованіемъ, причемъ монгольская сказка имѣетъ наибольшія права на званіе первоисточника. Малорусская сказка слишкомъ коротка, записана въ одномъ только варіантѣ и по существу противорѣчитъ природѣ птицъ: маленькій и слабосильный удодъ поставленъ въ необходимость нести большую сравнительно съ нимъ кукушку, и въ самомъ разсказѣ не дано ни малѣйшаго объясненія, почему выпалъ на его долю такой трудъ. Другое дѣло— монгольская сказка: здѣсь все объяснено и мотивировано: маленькая птичка богоргоно помѣщается на спинѣ сильнаго журавля. Монгольское сказаніе о журавлѣ и богоргоно могло проникнуть въ Малороссію и въ Болгарію,—предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что и самое монгольское названіе журавля леглегъ проникло въ южную Россію и на Балканскій полуостровъ: малорус. лелека — журавль,

Библиотека "Руниверс"

великор. лелекъ, южно—слав. и румынское лилякъ—летучая мышь, ново—греч. и албан. лелекъ—журавль; на Кавказѣ въ кюринско-ахтинск. нарѣчіи леглегъ — журавль; якутское лыглыкъ — лѣсная утка (*Потан.*, 707).

169.

О происхожденіи и значеніи слова харцызъ.

Въ XVIII ст., съ упадкомъ козачества, развилось въ Малороссіи гайдамачество. Нельзя отрицать присутствія въ гайдамачествѣ политическаго элемента, въ смыслѣ религіозно-національнаго протеста украинскаго народа противъ гнета панства; но элементъ этотъ въ значительной степени былъ затушованъ отрицательными въ нравственномъ отношеніи свойствами гайдамачества. „Нельзя не видѣть въ гайдамачествѣ, говоритъ г. Скальковскій, иныхъ инстинктовъ низкаго свойства, обыкновеннаго хищничества, свирѣпаго мщенія, дикаго своеволія, бродяжничества и склонности пожить на распашку путемъ грабежа и разбоя, причемъ жизнь чужая и собственная ставилась ни во что“. (*Скальк.* въ Кіев. Стар. 1885, X, 278).

Г. Скальковскій говоритъ, что гайдамаки въ Молдавіи и на Азовскомъ побережьѣ назывались харцызами. Но этотъ терминъ въ значеніи разбойника и грабителя распространенъ былъ въ Малороссіи довольно широко и въ частности встрѣчался въ б. Слободской Украинѣ. Въ статьѣ Г. Ѳ. Квитки о Головатомъ: „Мать моя еще въ дѣтствѣ напугана была разсказами о проказахъ отличавшагося тогда знаменитаго Гаркуши и другихъ гайдамакъ и „харцызовъ — запорожцевъ“. Няни... пересказывали со всей подробностью, какой разбойникъ и когда, при мятели или въ ненастье, всегда подъ-вечеръ, являлся къ помѣщику въ видѣ господина или бѣднаго странника, просилъ убѣжища на ночь и потомъ убивалъ всѣхъ домашнихъ и забиралъ все, найденное имъ“ (*Квитка*, Пов. и разск., III, 4). Слово харцызъ оставило слѣды въ мѣстныхъ названіяхъ южной Россіи (напр. с. Харцызское екатериносл. губ.) и въ фамильныхъ прозвищахъ крестьянъ.

Слово харцызъ — монгольское. Въ словарѣ Миклошича (D. Fremdwörter) оно не отмѣчено. Любопытно основное монгольское зна-

Библиотека "Руниверс"

ченіе его—соколъ. Въ монгольской сказкѣ про Шытыкуръ—бурхана китайскій знахарь обращается въ сокола (харцигу) и преслѣдуетъ монгольскаго богатыря, который уходитъ отъ него въ видѣ маленькой птички (*Потанинъ*, Очерки сѣв.—зап. Монголіи, 533).

Харцызомъ названъ у татаръ наѣздникъ быстрый и храбрый, какъ соколъ, названіе весьма характерное для монгольскаго хищника, и, можетъ быть, въ такомъ же значеніи оно усвоено было отъ татаръ малороссами и примѣнялось первоначально, вѣроятно, къ отдѣльнымъ хищникамъ и грабителямъ, а затѣмъ стало общимъ названіемъ для разбойниковъ и разбойничьихъ шаекъ вообще.

170—171.

Изъ остатковъ жертвоприношенія животныхъ.

Въ Малороссіи сохранилось немного обрядовыхъ остатковъ бывшихъ нѣкогда у русскихъ славянъ жертвоприношеній животныхъ. Болѣе всего такихъ остатковъ сохранилось въ свадебныхъ обрядахъ (обрядовое употребленіе пѣтуха или курицы, сажаніе молодыхъ на шубу, положенную мѣхомъ вверхъ) и кое-что въ рождественскихъ обрядахъ (обрядовое употребленіе свинины). Изъ этихъ остатковъ можно вывести то заключеніе, что въ лѣтніе праздники, когда совершались и бракосочетанія, жертвенными животными были преимущественно бараны и пѣтухи, а въ зимній празникъ солнцеворота—преимущественно, если не исключительно, кабанъ или свинья. Эти обрядные остатки жертвоприношеній животныхъ еще въ большемъ количествѣ сохранились въ Великороссіи, Сербіи и Чехіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что при закланіи жертвенныхъ животныхъ въ древности соблюдались разныя манипуляціи, тѣлодвиженія, заклинанія и молитвословія, съ цѣлью привлечь вниманіе божества. Несомнѣнно также, что употребленіе въ пищу жертвеннаго животнаго обставлено было торжественной обрядностью, и остатки жертвеннаго животнаго получали мистическое значеніе священныхъ предметовъ, содѣйствующихъ личному и семейному благосостоянію. Обрывками жертвеннаго ритуала и связанныхъ съ жертвенными животными повѣрій можно считать два слѣдующихъ мотива, одинъ пѣсенный, другой—сказочный.

Библиотека "Руниверс"

1) Бросаніе золы въ лице солнца. Въ прекрасной по мысли и изложенію галицко-русской пѣснѣ „Війте, дѣвойки“ находится, между прочимъ, слѣдующій куплетъ:

Ей скаржилось свитле сонейко,
Свитле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свитъ освичати,
Бо зли газдыни понаставали:
Въ пятойку рано хусты зваряли,
А ми на лице золу выливали».
«Свиты, сонейко, якъ есь свитыло;
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтимъ свити, на страшномъ суди». (*Головац.*, II, 243).

Въ пѣснѣ „Війте, дѣвойки“ слиты черты древняго языческаго религіознаго міросозерцанія и жертвенной обрядности съ поэтическимъ мотивомъ апокрифическаго сказанія „Видѣніе ап. Павла“ о жалобѣ земли на грѣхи человѣческіе. Объ апокрифической части этой пѣсни я говорилъ уже въ соч. „Очеркъ ист. южнорус. апокр. сказ. и пѣс.“ стр. 12—17.

Въ пѣснѣ „Війте, дѣвойки“ сохранилась глубоко-древняя религіозно-миѳическая черта, именно, въ выраженіяхъ пѣсни, что люди, работая въ воскресенье, бросаютъ въ лице солнца дрова, золу, волоса. Такое бросаніе въ лице солнца разныхъ предметовъ въ языческой древности было весьма обычно, какъ внѣшняя форма жертвоприношенія солнцу. И въ настоящее время монгольскіе шаманы, призывая въ молитвахъ солнце, плескаютъ вверхъ молокомъ, что служитъ жертвоприношеніемъ молока солнцу. Съ этимъ обыкновеніемъ по значенію тождественъ славянскій обычай плескать виномъ вверхъ на свадьбахъ и обычай поднимать ребенка вверхъ на крестинахъ, причемъ въ послѣднемъ обычаѣ обнаруживается символическое посвященіе человѣка Богу и призывъ на него высшей благодати.

Любопытное сходство съ галицко-русской пѣсенной жалобой на домохозяекъ, выливающихъ въ лицо солнца золу, представляетъ повѣрье американскихъ индѣйцевъ хазіевъ, что теща бросила мѣсяцу въ лицо золу, и оттого произошли на лунѣ пятна (G. de Rialle, La mythol. comp., cit. у *Потанина* въ Очерк. сѣв.-зап. Монг., IV, 708).

Библиотека "Руниверс"

2) *Сохраненіе костей быка.* Въ сказкѣ про Ивана Царевича, его сестру и змѣя дѣти уходятъ отъ змѣя съ помощью бычка. Доставивъ ихъ въ безопасное мѣсто, бычокъ сказалъ: „Я вже не хочу жить на свити, зарижьте мене, мясо поижте, а кистки въ стриху заткнить; то выросте изъ моихъ кистокъ чуйко и буйко (собаки). Воны вамъ стануть въ великій пригоди“ (*Чубинскій*, II, § 48). Этотъ сказочный мотивъ не устойчивъ, и въ варіантахъ сказки (*Чубинскій*, іb. № 24, 38, 142) изъ остатковъ быка выростаетъ чудесное дерево. Въ той подробности, что „кости быка затыкаютъ въ стриху“ (т. е. подъ крышу въ солому), можетъ быть, скрывается обломокъ сохраненія костей жертвеннаго животнаго. Монголы (дюрбуты) вѣшаютъ кость на двери юрты и привязываютъ къ кости деревяшку; этотъ снарядъ долженъ отгонять отъ юрты злаго духа (*Потанинъ*, 132,708). Возможно, что и въ южной Россіи въ древности кости жертвеннаго животнаго разносили по домамъ, гдѣ онѣ имѣли значеніе домашняго талисмана, охранявшаго жилище отъ козней злыхъ духовъ и злыхъ людей, на подобіе тѣхъ домашнихъ талисмановъ, о которыхъ мы упоминали въ 36 и 37 №№ „Культ. переживаній“.

172—175.

Украинскій народный массажъ. Чесаніе пятокъ. „Ськаніе“ въ головѣ. Медвѣжій массажъ. Сѣченіе крапивой.

Въ народной медицинѣ массажъ занимаетъ важное мѣсто; въ особенности часто и охотно прибѣгаютъ къ нему знахарки. Техника народнаго массажа разнообразна; большею частью прибѣгаютъ къ растиранію или поглаживанію, иногда къ постукиванію и поколачиванію, преимущественно при болѣзняхъ зубовъ, горла и желудка. При зубной боли слегка придавливаютъ пальцами щеки и челюсти. При опухоли шеи растираютъ опухоль пальцами, причемъ наибольшій успѣхъ приписывается тѣмъ женщинамъ, которыя задавили крота, схвативъ его за горло пальцами (см. 154 № Культ. преж.) При болѣхъ желудка животъ растираютъ ладонями, причемъ иногда смазываютъ ихъ деревяннымъ масломъ. Облегчающее дѣйствіе большею

Библиотека "Руниверс"

частью приписывается заговору или молитвѣ, которыми почти всегда сопровождается простонародный массажъ.

Легкое поглаживаніе кожи дѣйствуетъ и на здороваго человѣка успокаивающимъ образомъ, навѣваетъ дремоту и клонитъ ко сну. Въ Малороссіи существовало два пріема массированія для удовольствія: чесаніе пятокъ и „ськаніе“ въ головѣ. Первый пріемъ, кажется, вполнѣ прекратился, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, и въ послѣднее время о немъ не слышно. Въ „Мертвыхъ Душахъ“ Коробочка спрашиваетъ Чичикова: „Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки. Покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ“. Любопытно, что чесаніе господскихъ пятокъ рабами нынѣ встрѣчается у дикихъ племенъ Африки.

Гораздо устойчивѣе оказалось „ськаніе“ въ головѣ, и теперь этотъ усыпительный массажъ весьма обыченъ въ Малороссіи. Въ свободное время дѣвушки „ськаютъ у своихъ матерей, матери у любимыхъ сыновей, жены у мужей, большею частью младшіе члены семьи у старшихъ. „Ськаніе“ состоитъ въ томъ, что понемногу переставляютъ конецъ гребня съ одного мѣста головы на другое, повременамъ придавливая имъ кожу, хотя бы подъ гребнемъ ничего не было. Въ народныхъ пѣсняхъ „ськаніе“ встрѣчается въ смыслѣ выраженія ласки и любви. „Ськаніе“ встрѣчается и въ миѳическихъ сказкахъ, какъ бытовая черта. Такъ, въ малорусской сказкѣ о „Царь-змѣй“ (у *Чубинскаго*, II, 135) похищенная змѣемъ красавица говоритъ змѣю, что ей приснился чудный сонъ: „А ну, ну, роскажы, каже змій; тилько пидожды трохи, я ляжу, а ты мени поськай да и роскажешъ. Сила вона ему ськаты та и каже“... Сходный мотивъ встрѣчается въ одной грузинской сказкѣ: отецъ говоритъ дочерямъ: „У меня тѣло чешется, приходите почесать меня“. Старшая дочь, почесавъ у отца затылокъ, достала яблоко, спрятанное ея отцомъ подъ воротникомъ, средняя и младшая достали по яблоку изъ-за пазухи своего отца“ (*Сборн.* матер. о Кавк. X, отд. III, 62). Очевидно, однако, что это не малорусское „ськаніе“, которое ограничивается исключительно головными волосами.

Замѣтимъ здѣсь еще, что въ старинное время, когда по южной Руси водили медвѣдей, существовалъ очень странный способъ медвѣжьяго массажа: лица, страдавшія болью спины или поясницы, ло-

Библиотека "Руниверс"

жились на землю и черезъ нихъ переводили медвѣдя. Произошелъ ли этотъ способъ лѣченія отъ древняго миѳическаго возвеличенія медвѣдя или здѣсь на медвѣдя перенесено понятіе о томъ, что растираніе облегчаетъ иногда боли спины и поясницы—трудно рѣшить вполнѣ точно.

Возбужденіе дѣятельности кожи и мускуловъ посредствомъ бани и вѣника, что такъ обычно въ сѣверной Россіи, въ южной Россіи народу неизвѣстно, точнѣе, не усвоено имъ. Изрѣдка встрѣчается въ Малороссіи лѣченіе болѣзней посредствомъ сѣченія крапивой; но при этомъ нѣтъ фактовъ для рѣшенія, народный ли это обычай искони, или онъ проникъ въ средній классъ общества и народъ изъ старинныхъ лѣчебниковъ. Въ Западной Европѣ еще въ 1705 г. вышло сочиненіе Мейбома „О пользѣ сѣченія въ медицинѣ, брачныхъ удовольствіяхъ и въ отправленіяхъ поясницы и почекъ“ (*Dujardin-Beaumetz*, Примѣн. массажа, 66).

Нѣкоторые пріемы малорусскаго массажа отвѣчаютъ тому, что извѣстно о массажѣ древнихъ народовъ Востока, древнихъ грековъ и современныхъ народовъ Африки и Океаніи. Въ Таити, въ Новой Зеландіи и въ другихъ мѣстахъ Океаніи дикари примѣняютъ массажъ при лѣченіи болѣзней. Такъ, на о. Тонгѣ въ Океаніи продѣлывается манипуляція, состоящая въ постоянномъ, но нѣжномъ постукиваніи кулаками (на языкѣ медиковъ перкуссія). Другая манипуляція представляетъ легкое разминаніе и растираніе. Въ Новой Голландіи—то же самое; и тамъ массажемъ занимаются преимущественно знахари. Слѣды массажа попадаются въ медицинѣ многихъ народовъ; причемъ способы массированія видоизмѣняются сообразно съ климатомъ и темпераментомъ. На востокѣ, гдѣ кровообращеніе кожи очень дѣятельно и гдѣ кожу нужно освобождать отъ всѣхъ нечистотъ, являющихся (отчасти) результатомъ повышенія ея функціи, преобладаютъ слабыя растиранія; у народовъ сѣвера приходится возбуждать кожное кровообращеніе... Въ Китаѣ и въ Индіи издревле существовали разные пріемы массажа. Особенно важное значеніе гимнастика и массажъ имѣли у грековъ. Одинъ случай древне-греческаго массажа, описанный Гиппократомъ, весьма напоминаетъ современное примѣненіе массажа малоруссами при болѣзняхъ желудка, когда выливаютъ переполохъ или заговариваютъ сояшницы. Въ Эллисѣ, гово-

Библиотека "Руниверс"

воритъ Гиппократъ, жена садовника страдала febris continua. Слабительныя, которыя она принимала, не принесли ей ни малѣйшаго облегченія. На животѣ подъ пупкомъ находилось затверденіе, подымавшееся надъ уровнемъ живота и причинявшее сильнѣйшія боли. Это затверденіе было сильно разминаемо руками врача, смазанными масломъ. Вслѣдствіе этого разминанія кровь пошла низомъ. Женщина эта поправилась и выздоровѣла“ (*Dujard.-Beaumetz,* 66).

Практическое примѣненіе массажа на западѣ и въ Россіи долгое время оставалось исключительно въ рукахъ народа и предоставлялось деревенскимъ знахарямъ. Только съ шестидесятыхъ и особенно съ послѣднихъ восьмидесятыхъ годовъ массажъ пріобрѣлъ права гражданства въ наукѣ и перешелъ въ медицинскую практику.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Отъ Случи до Буга.

Путевыя замѣтки Эд. Хлопицкаго.

(Съ польскаго).

I.

Если, вооружившись перомъ или кистью, задумаешь, читатель, посѣтить степи подольской украины или дѣвственныя черноморскія равнины, вниманіе твое невольно остановится сперва на очаровательномъ преддверіи этой мѣстности—стародавней Волыни. Историкъ, художникъ и простой туристъ встрѣтятъ здѣсь неизсякаемый матеріалъ для наблюденія и изученія. Обширный край, охватывающій пространство между юж. Бугомъ и Тетеревомъ, представляетъ поразительное разнообразіе въ характерѣ ландшафта. Ѣхать ли старымъ почтовымъ трактомъ поближе къ галицкой границѣ, нестись ли на крыльяхъ пара серединою страны, въ направленіи полѣсскихъ мочаровъ—всюду встрѣтишь и живописные виды, и многолюдныя села, и шумныя мѣстечка, и неизгладимые слѣды великаго историческаго прошлаго. Предъ умственнымъ взоромъ путешественника, сколько-нибудь знакомаго съ исторіей края, возстаютъ изъ полусказочнаго тумана лѣтописные дулебы, дикіе обры, вырвавшіе въ возы дулебскихъ женъ, бурливые варяги, Игорь, Ольга, Владиміръ... Кровавыя дѣянія варяжскаго времени, удѣльно-вѣчевая

Библиотека "Руниверс"

напряженная борьба, татарское лихолѣтье смѣняются военными подвигами гедиминовичей, осѣвшихъ на Дорогобужѣ, Пересопницѣ, Клевани, Черторыѣ, Степани, Овручѣ. Ожесточенная борьба Литвы съ Польшей изъ-за Волыни, пріутихшая нѣсколько послѣ Ягайла, паденіе желѣзнаго режима рюриковичей и гедиминовичей расчищаетъ почву для позднѣйшаго польскаго можновладства, соединившаго въ себѣ самые разнообразные элементы: потомковъ старинныхъ бояръ и древнихъ княжескихъ родовъ, и прибывшихъ изъ Польши магнатскихъ семей, всѣхъ этихъ Острожскихъ, Заславскихъ, Вишневецкихъ, Чарторыйскихъ, Збаражскихъ, Рожинскихъ, Гольшанскихъ, Дубровецкихъ, Сангушковъ, Четвертинскихъ, Воронецкихъ, Порицкихъ, Курцевичей, Капустъ, Корецкихъ, Сокольскихъ, Дзялынскихъ, Остророговъ, Мацѣевскихъ, Нечуевъ и т. д. Результатомъ этого роста можновладства и скопленія огромныхъ богатствъ въ рукахъ немногихъ фамилій было возникновеніе обширныхъ магнатскихъ дворовъ и замковъ среди богато-одаренной, прекрасной природы Волыни. Города съ роскошными церквями и монастырями, неприступныя крѣпости, роскошнѣйшіе замки и дворцы съ давнихъ поръ составляли предметъ удивленія путешественниковъ по Волыни. Но времена измѣнились. Исчезли большею частью безслѣдно старинные магнатскіе роды, колоссальныя состоянія, католическіе монастыри и церкви, пали въ прахъ стародавніе замки и палацы. И однако эти руины башенъ, раскопанные валы, поврежденныя временемъ и людьми могилы, раскопанные курганы, полуистлѣвшія хроники, грамоты, привилегіи, печати княжескія, королевскія, гетманскія, разсѣянныя въ мѣстныхъ архивахъ, невольно влекутъ къ себѣ пытливое чувство потомка, заставляютъ тяжко призадуматься надъ прошлымъ...

Поѣздъ желѣзной дороги высадилъ меня и моего спутника, молодого художника изъ школы Матейки, на ст. Мирополѣ, откуда намъ предстоялъ дальнѣйшій путь на лошадяхъ. Въ десяти верстахъ къ югу отъ Мирополя лежитъ село Ульха, составляющее какъ бы границу между коренною Волынью и волынскимъ полѣсьемъ. Особенности не только почвы, флоры и ландшафта, но и характера сельскихъ построекъ и типа мѣст-

Библиотека "Руниверс"

наго населенія заставили насъ начать наше путешествіе именно съ этой полѣсской деревни.

Въ качествѣ завзятыхъ охотниковъ, мы задумали поразвлечься дорогою въ знаменитыхъ славутскихъ пущахъ кн. Сангушка, богатыхъ разнаго рода дичью. На вокзалѣ договорили возницу изъ мѣстныхъ крестьянъ. Какъ человѣкъ знакомый съ мѣстностью, онъ доставилъ насъ кратчайшимъ путемъ до мѣстечка, а затѣмъ вдоль серебристой ленты усѣянной скалами Случи, за шумнымъ, наполненнымъ евреями рынкомъ мѣстечка, выѣхалъ на длинную сельскую улицу съ бѣлыми домиками и цвѣтущими садами по сторонамъ. Тутъ ожидалъ насъ самый непріятный сюрпризъ.

Еще при нашемъ выходѣ изъ вагона на ст. Миропольѣ, на небосклонѣ показались зловѣщія тучки лилово-бураго цвѣта; духота стояла въ воздухѣ, рѣчныя чайки жалобно стонали надъ сонной поверхностью рѣки. При выѣздѣ на миропольскую околицу, грозно потемнѣвшее небо освѣтилось тысячью огней, загремѣлъ громъ и пошелъ настоящій ливень.

Услужливый возница Дмитро поспѣшно укрылъ намъ ноги свитою, пустилъ въ ходъ кнутъ и у воротъ своей хаты, стоявшей особнякомъ у дороги, пригласилъ насъ къ себѣ:

— До мене, панычи, въ гости!

На дворѣ стояла настоящая тьма, когда мы среди ливня переступили порогъ дмитровой хаты. Ѣхать далѣе оказывалось невозможнымъ. Лошадей и повозку поставили въ сарай, а мы съ дорожнымъ богажемъ, промокшіе до костей, должны были расположиться подъ кровомъ нашего хозяина.

Въ чистенькой, свѣже вымазанной бѣлою глиною избѣ мы застали хозяйку, взрослую дочь и двухъ малолѣтнихъ сыновей. Видная собою и моложавая Дмитриха поджидала съ ужиномъ мужа, который отвезъ кого то на станцію и случайно подрядился доставить насъ въ Ульху.

Неожиданное увеличеніе числа гостей нимало не затруднило нашей хозяйки: содержимымъ кипѣвшаго въ печи почтенныхъ размѣровъ горшка можно было насытить хоть полдюжины голодныхъ желудковъ, а шипѣвшіе рядомъ традиціонные греч-

Библиотека "Руниверс"

невые вареники съ сыромъ могли съ избыткомъ удовлетворить самый изысканный вкусъ какъ домашнихъ, такъ и гостей.

Въ то время, какъ на дворѣ злобствовала буря, а освѣщаемыя молніей оконца избы дрожали отъ громовыхъ раскатовъ, мы, голодные, измученные и иззябшіе, поспѣшно усѣлись вокругъ стола, накрытаго бѣлоснѣжною скатертью. Я сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ подъ образами, съ правой стороны мой спутникъ, за нимъ осьмнадцатилѣтняя Настя, а слѣва хозяинъ съ господыней и дѣтьми.

Горячее и вкусно приготовленное кушанье, радушныя лица гостепріимныхъ хозяевъ, оживленный разговоръ о мѣстныхъ дѣлахъ вскорѣ заставили насъ забыть о постигшемъ приключеніи. Утоливъ голодъ и заинтересованные бесѣдою, мы какъ то сблизились съ хозяевами. Словоохотливый Дмитро сообщилъ мнѣ объ урожаяхъ, о скотскомъ падежѣ, о богатствѣ мѣстнаго священника; Дмитриха—о чудесныхъ лѣкарствахъ знахарки Макрыны и о претендентѣ на руку Насти Лаврѣ Семенюкѣ; мы въ свою очередь—о далекихъ краяхъ за Бугомъ, о моемъ давнемъ знакомствѣ съ ульшанскимъ помѣщикомъ, и т. д.

Послѣ ужина нашъ кружокъ еще увеличился съ прибытіемъ двухъ новыхъ гостей. Первымъ явился бравый Лавро, поклонникъ Насти; вслѣдъ за нимъ нѣсколько тяжело и медлительно переступилъ высокій порогъ хаты восьмидесятилѣтній старикъ Петръ Рыхлинскій, квартировавшій у грабовскаго побережника изъ сосѣдняго лѣса, также пригнанный бурей подъ кровлю Дмитра. Онъ возвращался, какъ объяснилъ тотчасъ-же, изъ миропольскаго палаца, куда ходилъ просить у графа дубка для своего гроба. „Съ великимъ трудомъ, *пане мылостывый*—разсказывалъ съ трудомъ на польско-русскомъ нарѣчіи этотъ крестьянинъ-шляхтичъ—добрался я *до графивъ*, но не засталъ ихъ дома. *Дворня сподиваеться*, что они скоро будутъ, а тѣмъ временемъ смерть можетъ захватить *старого дида*, и старыхъ костей некуда будетъ спрятать“.

Высокая фигура старика, длинная борода, выразительныя черты лица, „постолы“ на ногахъ и оборванная коричневая свитка—производили такое характерное впечатлѣніе, что я не-

Библиотека "Руниверс"

вольно заинтересовался новымъ гостемъ, а мой коллега, въ то время, какъ старикъ, опираясь на высокую палку, сушилъ у догоравшей печки свои промокшія плечи, наносилъ на бумагу его оригинальную фигуру, при скупомъ освѣщеніи хаты.

— Гарненько панычъ пыше старого — замѣтилъ стоявшій по близу нареченный Насти, поглаживая выступавшіе надъ коралловыми губами усики и меланхолически разсматривая своими небесно-голубыми глазами рисунокъ художника.—Може панычъ часу не пошкодуе и мою гарную дивчыну напыше.

— Теперь, мой хлопче — отвѣчалъ я—этотъ господинъ усталъ съ дороги; черезъ нѣсколько дней мы вернемся изъ Ульхи въ Мирополь и тогда срисуемъ васъ обоихъ.

Лавро низко поклонился, благодаря за обѣщаніе, сѣлъ на лавкѣ подлѣ невѣсты и началъ что то напѣвать тихимъ, задумчивымъ голосомъ. Въ этомъ юношѣ, какъ у всѣхъ вообще молодыхъ крестьянъ въ степной Руси, соединялось два противоположныхъ качества страстной души: отвага, доходящая до безумія, и грусть, граничащая съ какой то нѣжной меланхоліей. И хотя онъ сидѣлъ рядомъ съ невѣстой, съ которой долженъ былъ вѣнчаться черезъ нѣсколько недѣль, но его видимо влекло куда то вдаль, какая то сила какъ будто толкала его отсюда въ неизвѣданные края, на встрѣчу невѣдомымъ опасностямъ. Быть можетъ, въ этомъ настроеніи невольно отражается историческое прошлое народа...

Я невольно обратилъ вниманіе на тихіе напѣвы влюбленнаго юноши и рѣшился просить его спѣть что-нибудь погромче. Онъ отказывался долго, но наконецъ уступилъ просьбѣ своей дивчыны и звонкимъ голосомъ, переходящимъ въ баритонъ, началъ пѣсню, но не на чисто-волынскомъ, а скорѣе на полѣсскомъ нарѣчіи. По окончаніи пѣсни, Рыхлинскій, терпѣливо служившій до тѣхъ поръ моделью для художника, сѣлъ на лавкѣ для отдыха и началъ подробно объяснять, почему Лавро пѣлъ не мѣстную пѣсню. Тутъ мы узнали между прочимъ, что покойные родители Лавра вышли изъ глубины Полѣсья и поэтому дѣти одинаково хорошо владѣли обоими нарѣчіями.

Библиотека "Руниверс"

— Колы вже такъ—сказалъ старикъ Лавру—то заспивайте панычамъ и тутешнюю мыропильскую письню.

Юноша подумалъ, кашлянулъ раза два и, улыбаясь Настѣ, снова началъ пѣть, но этотъ разъ на чистѣйшемъ волынскомъ нарѣчіи.

По окончаніи пѣнія Настя слегка ударила Лавра по плечу, какъ бы упрекая его за выборъ грустной думки. Рыхлинскій, подмѣтивъ, съ какимъ интересомъ я слѣжу за этой нѣмой сценой, шепнулъ мнѣ на ухо, что Дмитро долго не соглашался отдать дочь за Лавра, бѣднаго сироту, но когда умеръ у него старшій сынъ и оставилъ отца безъ поддержки, Дмитро смягчился, расчувствовался слезами Насти и согласился на все, а послѣ свадьбы молодой зять долженъ былъ поселиться въ домѣ тестя.

Непогода по прежнему бушевала на дворѣ, а козацкія думки Лавра хватали за сердце. Хотя часы наши показывали уже девять, и старый Дмитро съ женой и дѣтьми уже дремали на „прыпичку“, я съ своимъ коллегою, молодой парочкой и жильцомъ побережника, уже мало нуждавшимся въ снѣ, забыли и думать объ отдыхѣ, увлеклись оживленной бесѣдой.

Когда Настя, обрадованная неожиданной вечеринкой, начала поддразнивать своего жениха и не безъ лукавства улыбаться красивому панычу, который обѣщалъ вскорѣ нарисовать ея портретъ,—разсудительный и строгій Рыхлинскій заявилъ поучительнымъ тономъ, что не всѣ Насти были такъ счастливы и веселы, какъ она: въ старинномъ селѣ Черторыѣ, что въ нѣсколькихъ верстахъ за Мирополемъ, жила нѣкогда княгиня Настя, о печальной судьбѣ которой и донынѣ ходятъ страшные разсказы. Дмитрова дочка знала уже отчасти эту исторію, но чтобы запомнить ее лучше, или же съ цѣлью развлечь гостей, она стала упрашивать старика разсказать все подробно.

Рыхлинскій только того и ждалъ—онъ былъ извѣстенъ кругомъ какъ балагуръ—потеръ морщинистыя руки, взялъ добрую дозу табаку изъ березовой табакерки и, осушивши рюмку нашей дорожной анисовки, разсказалъ намъ ломанымъ польскимъ языкомъ такую легенду:

Библиотека "Руниверс"

— За нашихъ прапрадидивъ, надъ той быстрой рѣчкой Случью стояло городище княгини Насти, по имени Горбовыця. Изъ далекой земли пришелъ подъ валы того замку съ дружиною грозный для всей здѣшней стороны ворогъ Бонякъ и почалъ садыбу биднои княгыни штурмомъ браты. Святая женщина храбро отбивалась отъ ворога, но дивчына такъ му ся подобала, что завзятый не хотѣлъ отступить. Долго ся тягнула та даремна осада городыща. Обезумѣвшій отъ любви ворогъ послалъ сватовъ до княгини, предлагая вѣчный миръ, но въ тоже время прося руки. Для щастья своёго люду приняла предложеніе княгыня Настя и вскорѣ отдала руку поганому и злому якъ дидько Боняку. Но доброта и кротость Насти ни къ чему не послужили. Когда новый панъ почалъ людей околичныхъ мордовать и губить, а жинка его мылосердна за своихъ подданныхъ завзято вступаться—схватилъ ее изъ роднаго гнѣзда, увезъ куда то въ далекую сторону и тамъ на дорогѣ велѣлъ своимъ гайдамакамъ замордовать ее. Но Настѣ на тотъ разъ удалось таки убѣжать отъ рукъ поганыхъ и скрыться ночью въ чудновскихъ лѣсахъ. Бонякъ догналъ ее въ ярахъ надъ Тетеревомъ, повеливъ привязать до дерева и позорно заморить голодомъ. Умирая бѣдняга пролывала слезы и зъ тыхъ то слизъ зробывся ручей, чыстій якъ душа княгыни води; и досі ручей той зоветься „крыныця Насти“. Тотчасъ послѣ ея смерты вся околыця сложилась и на память выбудовала ей богатый храмъ. Но тутъ еще не конецъ, паны мылостывыи, той дивной исторіи. Ото завистный дидько, вмѣшавшись въ ту справу, въ одну прекрасную ночь почалъ будовать на Случи каменную греблю, чтобы прекратить тѣмъ способомъ теченіе воды, залить всѣ окрестности и разруйнувать святый храмъ и Настыну крыныцю. Не удала ся лыху чорна робота: пѣтухъ запѣлъ, дидько мусивъ утикать и только куча камня осталась на память его злыхъ замысловъ. Чтобы увѣковѣчить память всего этого, околичные люде прозвали городыще Горбовыцю Чорторыей, и только самая крыныця да недалеко отъ нея стоящія на трактѣ чудновскомъ Настыни корчмы навсегда носятъ имя уморенной голодомъ княгыни...

Библиотека "Руниверс"

Старикъ окончилъ легенду уже полусоннымъ голосомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ немедленно занялъ назначенное для него мѣсто на „прыпичку“, Лавро ушелъ въ братнюю хату, а мы удобно расположились на дубовыхъ лавахъ, настланныхъ пахучимъ сѣномъ.

II.

Вся семья Дитира поднялась спозаранку. Послѣ ночной бури настало ясное, великолѣпное утро. Когда домашняя сутолока пробудила меня съ товарищемъ отъ сладкаго сна на пахучемъ сѣнѣ, неутомимая хозяйка уже кипятила для насъ свѣжее молоко, Настя подметала хату, а отецъ готовилъ повозку и тройку лошадей въ дорогу.

Солнце ярко свѣтило, когда мы усѣлись въ вымощенной на славу повозкѣ и, распрощавшись со всѣми, оставили гостепріимный кровъ. Дорога отъ Ульхи до Романова была залита лужами воды и грязи, но съ окрестныхъ полей и дубовыхъ рощъ повѣяло на насъ ароматомъ обновленной природы. Теплый вѣтеръ слегка колыхалъ верхушки степныхъ колокольчиковъ и огромныя головки пахучихъ одуванчиковъ у опушки обширнаго миропольскаго лѣса. Эта пуща, тянущаяся на пространствѣ полуторы мили, была первымъ признакомъ близости Полѣсья. Изрѣдка лишь на прогалинахъ показывалась засѣянная нивка или небольшая лужайка, поросшая огромной травой и „будяками“, а затѣмъ лѣсъ и лѣсъ безъ конца, вплоть до границы ульшанскаго имѣнія.

Лишь только изъ-за вѣковыхъ дубовъ показались поля и разсыпанные подъ лѣсомъ надворныя постройки, тотчасъ же на фонѣ садовыхъ деревьевъ забѣлѣли столбы воротъ палаца съ бронзовыми урнами наверху, а за ними высокія башенки въ готическомъ стилѣ.

Давно еще, когда потомки богатаго владѣльца Котельни подѣлились отцовскимъ добромъ, одинъ изъ нихъ, Премыславъ II., получилъ село Ульху на Полѣсьи, въ ту пору еще неустроенное. Вскорѣ все приняло здѣсь другой видъ. Молодой владѣ-

Библиотека "Руниверс"

лецъ Ульхи и Черторыи съ энергіей принялся за работу, выстроилъ съ теченіемъ времени палацъ и хозяйственныя постройки, развелъ сады, построилъ бесѣдки, оранжереи. Дворецъ устраивался въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ. Самые разнородные стили: барокко, готическій, старо-французскій и др. создали чрезвычайно оригинальное цѣлое, чарующее взоры и придающее этой деревенской усадьбѣ видъ средневѣковаго замка. Для дополненія картины слѣдуетъ еще прибавить ряды обстриженныхъ и старательно поддерживаемыхъ аллей, высоко бьющіе фонтаны, прекрасныя лужайки, цвѣтники и обсаженныя виноградомъ бесѣдки,—все это давало надлежащій фонъ для оригинальнаго архитектурнаго сооруженія—палаца.

Любезно принятые хозяевами, моими давними знакомыми, мы не преминули во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣть внутренность палаца, паркъ и берега Случи. Обширныя комнаты, напоминавшія убранствомъ внутренность всѣхъ вообще старинныхъ волынскихъ замковъ, были наполнены огромными картинами въ широкихъ золоченныхъ рамахъ, зеркалами во всю стѣну, канделябрами, люстрами, круглыми столиками съ инкрустаціей, диванами и часами самыхъ разнообразныхъ формъ. Картины—большею частью копіи работъ извѣстныхъ художниковъ или гравюръ—заслуживали тѣмъ большаго вниманія, что почти всѣ онѣ принадлежали мѣстнымъ художникамъ, которые могли бы имѣть иную будущность, получи они правильное образованіе.

Въ массѣ осмотрѣнныхъ рѣдкостей Ульхи особенно остались у меня въ памяти: boiserie въ столовой съ гербами почти всѣхъ волынскихъ знатныхъ фамилій; огромный канделябръ мѣстной работы, составленный изъ разнаго рода древняго оружія, весьма удачная копія съ романовской модели, представляющей полное вооруженіе польскаго рыцаря; огромныя, вывезенныя изъ Романова послѣ раздѣла зеркала и бронзовые канделябры надъ каминами; картина Страшинскаго, нѣсколько идиллическаго содержанія; великолѣпная спальня хозяина съ шелковымъ балдахиномъ и занавѣсками и наконецъ эффектныя разноцвѣтныя окна и двери въ бальномъ залѣ.

Библиотека "Руниверс"

Но главную прелесть даетъ ульшанской усадьбѣ самое ея положеніе. Хотя мѣстность нѣсколько низменна и сыровата, а вербы и камыши надъ рѣкой сообщаютъ всему ландшафту характерную полѣсскую сонливость, но, несмотря на это, серебристая змѣйка рѣки, вьющейся среди живописныхъ зарослей парка, а на переднемъ планѣ блистающіе тысячью красокъ роскошные цвѣтники, вьющіяся растенія вдоль бесѣдокъ и господскихъ строеній—создаютъ видъ поистинѣ прекрасный, неотразимо привлекающій взоры.

На четвертый день мы возвратились въ Мирополь. Безъ сомнѣнія, посѣщеніе это составляло пріятнѣйшее время нашего путешествія. Благодаря неисчерпаемой любезности нашихъ хозяевъ, мы имѣли возможность осмотрѣть окрестности и познакомиться съ характерными особенностями края и населенія. Мирольское помѣстье мы нашли въ образцовомъ порядкѣ. Бумажная фабрика, винокурня и мельница новой системы, устроенныя на Случи, дѣйствуютъ какъ нельзя лучше и представляютъ немалую подмогу въ земледѣльческомъ и лѣсномъ хозяйствѣ этого обширнаго имѣнія. О поѣздкахъ нашихъ въ окрестности Мирополя можемъ сказать лишь то, что нѣтъ рѣчки съ болѣе живописными берегами, усѣянными скалами и поросшими лѣсомъ, нежели Случь.

При поѣздкахъ въ окрестности остановили на себѣ особое наше вниманіе Печановка и упомянутая уже выше Черторыя. Въ первой—образцовое хозяйство подъ руководствомъ высокообразованнаго владѣльца; въ Черторыи—измѣнчивыя судьбы этого поселенія, внушившія мнѣ мысль набросать краткій экономическо-историческій очеркъ. Вотъ вкратцѣ содержаніе послѣдняго.

Широко разросшійся надъ скалистымъ берегомъ Случи поселокъ разбился на два особыя имѣнія—новую и старую Черторыю. Король Александръ, будучи еще вел. княземъ литовскимъ, въ 1499 г. отдалъ это помѣстье нѣкоему Ивашку Дениску Мукосѣевичу. Столѣтіе спустя, въ 1593 г., помѣстье пріобрѣтено у наслѣдниковъ Мукосѣевича для острожскаго майората. Съ упадкомъ послѣдняго, имѣніе вошло въ составъ обширныхъ владѣній рода Прушинскихъ. Нынѣ половина имѣнія, новая

Библиотека "Руниверс"

Черторыя, куплена генер. Оржевскимъ; старая—осталась въ рукахъ давнихъ владѣльцевъ. Въ обоихъ имѣніяхъ почва считается одной изъ благодатнѣйшихъ на Волыни. Въ новой Черторыѣ, кромѣ обширныхъ пространствъ плодородной земли, имѣется еще доходное мѣстечко и дворъ помѣщика съ огромнымъ садомъ, громадная американская мельница и значительные удѣльные лѣса,—въ этомъ ея отличіе отъ Черторыи старой.

По отъѣздѣ изъ Мирополя, мы отправились по желѣзной дорогѣ въ Бердичевъ, а оттуда почтовымъ трактомъ въ глубь Подолья.

III.

За Бердичевомъ, минуя лѣсистые и безлѣсные волнистые холмы, мы въѣхали еще на волынской территоріи въ настоящія украинскія степи. Мой спутникъ, видя вокругъ безбрежныя равнины, воскликнулъ съ восторгомъ: „Наконецъ то мы на Украинѣ!“ — „Ошибаешься — возразилъ я — Украина осталась далеко за Бердичевомъ, мы же ѣдемъ на югъ. Это вовсе не Украина, а степная полоса южной Волыни, которая съ такой же полосой сѣвернаго Подолья тянется непрерывно отъ галицкой границы до предѣловъ горной Украины и представляетъ какъ бы повтореніе наддиѣпровской степной полосы“.

Тотъ же обширный горизонтъ, такія же широкія обсаженныя деревьями почтовыя дороги, тотъ же темно-коричневый цвѣтъ плодороднаго чернозема на нивахъ,—недостаетъ лишь историческихъ могилъ, разсѣянныхъ среди степей, нѣтъ овраговъ, рвовъ и частоколовъ, окружающихъ на Украинѣ почти каждую деревню, не встрѣчается и того виднаго, рослаго люда береговъ Роси, Днѣпра, Раставицы и Тыкича, подобнаго которому не найти нигдѣ въ славянскихъ земляхъ. Словомъ, край вдоль бердичевско-литинской дороги напоминаетъ нѣсколько Кіевщину, но только съ отрицательной, а не положительной стороны. Это что то промежуточное, недоконченное, и, какъ всякое переходное явленіе, мало привлекаетъ вниманіе и интересъ.

Уже исчезла изъ глазъ живописная Волынь съ лентами скалистыхъ рѣкъ, замковыми башнями и валами доисторическихъ

Библиотека "Руниверс"

городищъ, но еще не показалось роскошное срединное Подолье съ своими величественными дубровами, обширными хрустальными прудами, горными поселками среди безчисленныхъ садовъ. Пока лошади везли насъ по пустой и безлюдной степи, не было матеріала для интересныхъ наблюденій. Нѣсколько повеселѣло на душѣ, когда монотонный почтовый трактъ изрѣдка сталъ оживляться дальними и близкими мѣстечками и поселками.

Первымъ изъ такихъ поселеній былъ довольно многолюдный Райгородокъ. Онъ находится на самомъ трактѣ и состоитъ изъ обширнаго села и собственно ничтожнаго мѣстечка въ серединѣ. Здѣсь намъ пришлось перемѣнить лошадей и совершить вечернее чаепитіе у какого-то еврея-трактирщика. Услужливый мишуресъ во мгновеніе ока подалъ намъ кипящій самоваръ съ приготовленнымъ уже чаемъ. Подкрѣпивъ силы спасительнымъ въ дорогѣ напиткомъ, мы рѣшили осмотрѣть мѣстечко. Къ несчастію, осмотръ былъ непродолжительный, такъ какъ, кромѣ нѣсколькихъ постоялыхъ дворовъ и зданія почтовой станціи, ничего нельзя было увидѣть болѣе интереснаго на грязной и пустынной площади, а отъ помѣщичьей усадьбы отдѣляло насъ далекое пространство и грязная дорога.

Наступали уже сумерки, когда мы оставили Райгородокъ. Переѣхали мостикъ черезъ рѣченку, миновавши послѣднюю хату мѣстечка, затѣмъ встрѣтили по дорогѣ четыре села: Лемиши, Подорожна, Слободка и Петрыковци.

Межъ Петрыковцами и мѣстечкомъ Улановымъ, гдѣ пришлось отдохнуть нѣсколько часовъ на почтовой станціи, насъ застигъ полный мракъ. Луна изрѣдка лишь выглядывала изъ-за тучъ, плачущія березы и широкіе вязы тихо шевелили вѣтвями по обѣимъ сторонамъ дороги, стукъ лошадиныхъ копытъ эхомъ разливался по твердой, какъ асфальтовая улица, дорогѣ и уплывалъ куда то далеко на степи, оголенныя поля, скирды пшеницы, заснувшія села и поросшіе „будяками“ долины....

Мой спутникъ, непривычный къ ѣздѣ на перекладной, волновался, жаловался на боль въ боку и погахъ. Я утѣшалъ его какъ могъ, указывалъ на пользу поѣздки балагулою въ гигіеническомъ отношеніи. Роскошные степные горизонты, изрѣдка

Библиотека "Руниверс"

освѣщаемые луною, нѣсколько развлекали моего коллегу, у котораго невольно вырывались слова удивленія и восторга.

Около полуночи блеснули передъ нами огни изъ оконъ и огромное зеркало пруда. То былъ старинный Улановъ. Мѣстечко съ селомъ и сахарнымъ заводомъ принадлежитъ Августу Мазараки, стоитъ оно надъ р. Сниводомъ. Нѣкогда королевское имѣніе, снабженное замкомъ, въ 1552 г. отдано Сигизмундомъ-Августомъ во вѣчное владѣніе выходцамъ изъ Македоніи Дукатиновичамъ. Къ 1570 году эти пришельцы исчезли безъ вѣсти, какъ видно изъ лѣтописныхъ замѣтокъ, по всей вѣроятности истреблены татарами. Сигизмундъ III вновь отдаетъ это укрѣпленное мѣстечко каменецкому каштеляну Претвичу изъ Гавронъ, подъ условіемъ возстановленія разореннаго замка. Дальнѣйшія судьбы Уланова въ краткихъ чертахъ таковы: въ 1631 г. нападаетъ на крѣпость Кантемиръ-Ага, царь перекопскій, но замка добыть не можетъ, разоряетъ лишь все окрестъ и возвращается восвояси; Хмельницкій разоряетъ до основанія какъ самый замокъ, такъ и ближній костелъ; въ люстраціи 1765 г. Улановъ названъ главнымъ старостинскимъ городомъ; въ 1775 г. региментарь великопольской партіи Крашевскій получаетъ улановское старостство пожизненно, а въ 1787 г. имѣніе переходитъ къ его малолѣтнему сыну Людвику на эмфитевтическомъ правѣ.

Нынѣ мѣстечко имѣетъ самый печальный видъ. Отъ замка ни слѣда; лишь обширное село вокругъ, сахарный заводъ и живописные прибрежные виды остановили на себѣ среди ночи на минуту наше вниманіе.

Тогда какъ духъ новаго времени все обновляетъ и преобразуетъ, только почтовыя станціи въ юго-западномъ краѣ сохранили свой исконный патріархальный характеръ, благодаря конечно проведенію желѣзныхъ дорогъ. Все осталось здѣсь по старому: тѣ же убогія постройки, тѣ же разоренные, съ дырявыми крышами сарайчики для лошадей, тѣ же глиняныя мазанки, настоящія лисьи норы, играющія роль квартиръ для оборванныхъ почтовыхъ ямщиковъ. Къ тѣмъ же оригинальнымъ переживаніямъ былого времени слѣдуетъ также отнести и достойное удивленія мирное сожительство христіанской оффиціальности съ еврейскимъ

Библиотека "Руниверс"

партикуляризмомъ. Наряду съ почтовыми книгами, таксами и объявленіями можно видѣть приколоченный надъ дверью гвоздиками жестяной ящичекъ съ десятью заповѣдями, мѣдную посуду съ водой для религіозныхъ омовеній, голыхъ дѣтей съ головками чесноку въ зубахъ и пуховики, разбросанные по диванамъ почтовой канцеляріи.

Ночлегъ на улановской почтовой станціи оживилъ въ моей памяти во всей неприкосновенности стародавнія времена, съ той впрочемъ разницей, что исчезли подорожныя, чреватыя такими хлопотами для пассажировъ. Для дополненія нашего археологическаго очерка необходимо прибавить, что въ Улановѣ намъ подали самоваръ съ традиціоннымъ испорченнымъ краномъ и булки традиціонно черствыя, а послѣ чаю указано мѣсто для отдыха на не менѣе традиціонно жесткихъ диванахъ.

Еще до восхода солнца насъ разбудилъ шумомъ своей дѣятельности почтовый *староста*, мы вскочили на перекладную и понеслись по дорогѣ въ Хмельникъ. По пути намъ встрѣтилось лишь два села: съ лѣвой стороны удѣльный Мытникъ, съ правой—нѣкогда шляхетская, нынѣ крестьянская собственность Зозулынци.

IV.

Хмельникъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ родовое гнѣздо Богдана Хмельницкаго, принадлежитъ къ древнѣйшимъ укрѣпленіямъ Подолья. Въ 1796 г. имѣніе подарено имп. Екатериною II кн. Безбородко, затѣмъ перешло во владѣніе генералъ-лейтенанта Левашева, нынѣ же составляетъ удѣльную собственность.

Въ настоящее время сохранилось еще замковое городище надъ Бугомъ и костелъ, основанный въ 1603 г., а въ 1728 г. передѣланный изъ деревяннаго въ каменный. На крутой горѣ городища, покрытой роскошной ростительностью, можно видѣть остатки старинныхъ, нынѣ совершенно забытыхъ фортификаціон-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ работъ, наружную башню, принадлежавшую къ крѣпости, гдѣ при турецкомъ владычествѣ построена была мечеть, а теперь возведена православная церковь. Поблизу горы стоящій костелъ, окруженный стѣною оригинальной структуры, извѣстенъ въ окрестности нѣсколькими образами итальянскаго письма,— даръ мѣстныхъ помѣщицъ. Кромѣ костела, въ Хмельникѣ двѣ православныя церкви, синагога, немало еврейскихъ каменныхъ домовъ, много погребовъ, заѣзжихъ дворовъ, мельницы и цѣлыхъ три моста на извилинахъ Буга.

Посѣщеніе Хмельника вообще не лишено интереса. Недостатки еврейской кухни въ „заѣздахъ“ вознаграждаются матеріалами на литературномъ и художественномъ полѣ. Мой товарищъ не преминулъ воспользоваться случаемъ. Наша комната находилась въ сосѣдствѣ съ просторной залой, гдѣ расположился какой-то проѣзжій—типическій израильтянинъ. Это былъ очевидно раввинъ или по крайней мѣрѣ *шемешъ* какой то синагоги, ибо по цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ надъ кучей старыхъ книгъ, откуда почерпалъ свои молитвы или какую-либо иную духовную пищу. Дверь изъ нашего корридора въ импровизированную молельную была открыта настежъ, и мой коллега имѣлъ полную возможность схватить черты молящагося семита.

По окончаніи наброска карандашемъ, остальное свободное время мы посвятили обозрѣнію обширнаго и шумнаго мѣстечка. Вниманіе наше было посвящено преимущественно замковому городищу, старинной башнѣ мечети, костелу, содержимому въ великомъ порядкѣ старикомъ—ксендзомъ, рынку съ его удивительнѣйшимъ старомоднымъ крамомъ и еврейскими домиками, и живописнымъ берегамъ пока еще неширокаго Буга. Случилось намъ тоже посѣтить и крестьянскую хату, стоявшую среди села за мѣстечкомъ.

Хозяинъ хаты, Петро Климчукъ, былъ женатъ на второй женѣ. Какъ разъ при нашемъ появленіи онъ держалъ на колѣняхъ блѣднаго шестилѣтняго мальчика, сына отъ первой жены, и кормилъ его „пампушками“ съ чеснокомъ изъ стоявшаго подлѣ горшка. Хозяйка сидѣла въ сторонкѣ на дубовомъ обрубкѣ, убаюкивала собственнаго малолѣтняго ребенка и ссорилась съ

Библиотека "Руниверс"

мужемъ. Споръ шелъ изъ-за того, что мачиха заботилась о своемъ дѣтищѣ, а на двухъ дѣтей мужа отъ первой жены не обращала должнаго вниманія.

— Ото, пане мылостывый—жаловался мнѣ бѣдняга, указавъ кресало и губку на столѣ—якъ бы самъ не годувавъ дытыны, то та гадюка цилый тыждень не дала бъ ему и куска хлиба.

— Винъ бы хотивъ, щобъ я свого забула, та тилько коло его щенятъ ходыла. Нехай ему мам' мордуе, каждому свое въ голови.

— Богъ тебе, проклята, покарае. Якъ я умру, а хлопець пидросте, выжене тебе зъ хаты и сконаешъ пидъ плотомъ... Старикъ замолчалъ, поцѣловалъ въ голову накормленнаго сынка, снялъ съ колѣнъ и велѣлъ идти „до садочку, до свои бидной сестры".

Въ отсутствіи обоихъ дѣтей ссора между супругами приняла угрожающей характеръ. Простые люди съ какой то особенной охотой начинаютъ домашнія распри при чужихъ. Посторонніе слушатели какъ будто придаютъ имъ бодрости для свары. Петро высчиталъ всѣ гадости своей злой и дрянной жены; Параска съ неменьшимъ азартомъ упрекала мужа въ лѣности и склонности къ пьянству.

Мы колебались, на чью сторону стать въ этомъ междуусобіи, но по выходѣ изъ хаты наткнулись во дворѣ на сцену трагическаго свойства, доказывавшую какъ нельзя лучше всю преступность Параски.

Въ садикѣ, между лѣсомъ подсолнечниковъ, сидѣла дѣвочка лѣтъ пятнадцати, худенькая и блѣдная какъ смерть, съ синяками на лицѣ; въ золотистые ея локоны вплетены были сухія вѣточки божьяго дерева въ перемежку съ алымъ макомъ. Дѣвчонка съ перепуганнымъ видомъ грызла сѣмечки недозрѣлаго подсолнечника и гнѣвно бросала шелуху въ открытое окно хаты, подъ которымъ сидѣла мачиха. Но особенно поразила насъ дикая пѣсня, которую выводило это странное существо.

Проходившая по улицѣ старая еврейка, заглянувъ въ нашу сторону, замѣтила:

— Поганая мачиха, такъ ту мужнюю дочку била и морила голодомъ, что довела несчастную до сумашествія.

Библиотека "Руниверс"

По дорогѣ въ „заѣздъ“, я обратилъ вниманіе коллеги на особенности характера южно-руссовъ. Всѣ страсти выражаются у нихъ порывисто. Если здѣсь народъ *щось* или *когось* ненавидитъ, то такъ какъ Параска—ненавидитъ до безумія; если *щось* или *когось* любитъ, то такъ какъ Петро своихъ дѣтей-сиротъ—любитъ всей душей. Другое мы видимъ надъ Вислой. Хотя гнѣвъ и злоба имѣютъ здѣсь болѣе мимолетный характеръ и не переходятъ въ ненависть постоянную, неискоренимую, но, съ другой стороны, и высокіе порывы сердца отличаются у надвислянскаго люда меньшей энергіей и постоянствомъ. Въ Мазовіи, напримѣръ, мужъ прекрасно уживается съ произволомъ мачихи относительно пасынка или падчерицы и даже, къ несчастью, очень часто и самъ еще приходитъ ей на помощь.

Дневной жаръ смѣнился пріятной вечерней прохладой, когда у воротъ заѣзда явилась еврейская подвода, запряженная тройкой клячъ, чтобы доставить насъ на станцію одесской желѣзной дороги Калиновку. Четверть часа спустя мы оставили уже за собою голубоватыя воды Буга.

И снова насъ окружаетъ прекрасная, необозримая степь, кой-гдѣ прерываемая селомъ, прудомъ или помѣщичьей усадьбой, съ ея рядами тополей или темнымъ фономъ парка. Двадцать слишкомъ верстъ до села и мѣстечка Пикова пролетѣли незамѣтно—дорога прекрасная, ровная, широкая, поросшая по краямъ лѣсомъ огромныхъ „будяковъ“, изрѣдка огибающая какую-нибудь стародавнюю могилу, или испорченный крестъ, или поросшую лозой и ракитой степную „руду“—любимое убѣжище лисицъ и зайцевъ, надъ которымъ кружатъ въ недосягаемой высотѣ орлы, ястребы и коршуны, подстерегая добычу.

У въѣзда въ Пиковъ разстилается почти на двѣ мили огромный прудъ, который вмѣстѣ съ рѣкой Сниводомъ и мѣстечкомъ создаетъ чудный по красотѣ ландшафтъ. Пиковъ представляетъ въ другихъ отношеніяхъ мало интереса. Въ XVII в. городъ былъ окруженъ валами, имѣлъ замокъ и надворную стражу, здѣсь тянулся къ украинской границѣ главный шляхъ. Въ XVI в. владѣльцемъ Пикова былъ извѣстный воинъ Филонъ Кмита Чернобыльскій. Въ половинѣ XVIII в. городъ отошелъ

Библиотека "Руниверс"

отъ острожскаго майората въ руки кн. Ант. Любомирскаго, воеводы люблинскаго, подъ условіемъ снаряженія двадцати конныхъ жолнѣровъ. Затѣмъ имѣніе перешло къ Борейкамъ, а нынѣ куплено одесскимъ капиталистомъ Сафоновымъ, который лѣтомъ навѣщаетъ прекрасный палацъ Борейковъ.

V.

Обширное пространство между Пиковымъ и Калиновкою отличается плодородіемъ почвы, значительными лѣсами и безбрежными равнинами у самой Калиновки. Въ половинѣ пути встрѣтилось намъ село Байковка, имѣніе гр. Альфреда Потоцкаго, отданное въ аренду евреямъ. Времени до отхода вечерняго поѣзда осталось достаточно, и мы велѣли возницѣ остановиться у мѣстной корчмы.

На широкой присьбѣ корчмы сидѣло нѣсколько подгулявшихъ крестьянъ и тутъ же слѣпой лирникъ, окруженный дѣтворой. Наклонившись надъ своимъ инструментомъ, висѣвшимъ на плечахъ, подъ глухой аккомпаниментъ лиры онъ напѣвалъ какой-то мѣстный религіозный мотивъ. Но когда ему сообщили, что „паны прыихалы“, лирникъ затянулъ старинную думу о Дмитрѣ Вишневецкомъ, вѣроятно, полагая угодить панамъ.

„Бувъ панъ Корецькый
Дмытро Вышневецькый—
Винъ небесну силу мавъ
И воювавъ
Громомъ та своимъ словомъ!
Его невирни нелюбыли,
Ловыть на ёго вартовалы,
Ловыть на ёго чатовалы,
Потимъ ёго спіймалы
Тай въ кандалы заковалы,
Ребро ёго крюкомъ затягалы
И на стини прибывалы.
Высыть панъ Корецькый не день и не два,
А высыть винъ такъ симъ года,
И не исть и не пье,
А таке все свое думае.
—Турки еныченьки!
Прошу васъ, божьемъ помышленіемъ

Библиотека "Руниверс"

А вашимъ милосердьемъ,
Дайте жъ вы мени стрилокъ пучокъ
А до моихъ билыхъ ручокъ.
А убъюжъ я вашому, еничени, царю
Голубця й голубку на славу,
И буде ёму на снидання
И на обидання, и на полудання,
И на вечеру!"...

Странствующій лирникъ не зналъ окончанія думы—описанія смерти Дмитрія, замученнаго турками, но успѣвшаго передъ смертью пустить стрѣлу въ своего врага. Какъ видно, въ понятіяхъ мѣстнаго люда оба богатыря, Корецкій и Вишневецкій, слились въ одно и то же лицо.

Народъ прибывалъ къ корчмѣ ежеминутно—былъ праздникъ. Я обратилъ вниманіе коллеги, съ любопытствомъ наблюдавшаго подолянъ, на то спокойствіе душевное, которое характеризуетъ обитателей степной полосы юга. Тиха она, степь, ровна и неизмѣнна въ своемъ спокойствіи—и потому полна такой поэзіи. Медленно и величественно движутся здѣсь рабочіе волы, тяжело поворачиваются колеса возовъ, лѣниво и задумчиво шагаетъ за возомъ высокій подолянинъ въ высокихъ „чоботяхъ", широкихъ шароварахъ, высокой бараньей шапкѣ и съ саженнымъ бичемъ въ рукѣ. Вся его фигура отличается какою то солидностью, терпѣніемъ. Никуда онъ не спѣшитъ, не волнуется, ничего не ищетъ. Все окружающее какъ будто вовсе не касается этого человѣка. Онъ остороженъ и сдержанъ, въ силу-ли особеностей темперамента, или же вслѣдствіе недовѣрія къ себѣ. Главная причина этой типичной особенности степняка по всей вѣроятности коренится въ его историческомъ прошломъ. Уроженецъ благодатнаго края, степнякъ долѣе остается во своей старой обстановкѣ, долѣе сохраняетъ черты степнаго пастуха съ его тяжеловѣсностью, инертною задумчивостью и простотою обычаевъ. Самая одежа подолянина носитъ какой то патріархальный, отчасти даже восточный оттѣнокъ. Эта свитка или козачья „куртка" съ широкимъ цвѣтнымъ поясомъ, широкіе шаровары, баранья шапка и огромные „чоботы"—несомнѣнное заимствованіе у восточныхъ народовъ, гостившихъ нѣкогда въ степяхъ Подоліи.

Библиотека "Руниверс"

Жители степной полосы долго еще будутъ черпать изъ благодатной почвы средства къ жизни и потому надолго сохранятъ и особый типъ, и свой оригинальный складъ быта. Мечтательное настроеніе гармонируетъ здѣсь съ природой, нѣтъ нужды въ постоянномъ напряженіи духа и тѣла. Теплыя ночи съ лазурнымъ небосводомъ, роскошные сады, позлащенныя пшеницей поля будятъ въ человѣкѣ поэтическое чутье. Вотъ почему пѣсни Побужья и Поднѣпровья отличаются поэзіей, неизвѣстной въ большинствѣ другихъ славянскихъ мѣстностей. Видъ мѣстныхъ селъ, хуторовъ, типъ населенія—гораздо привлекательнѣе, нежели въ другихъ окраинныхъ земляхъ.

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы обошли все село, чрезвычайно картинно растянувшееся по равнинѣ. Именно подольскія села неотразимо влекутъ къ себѣ взоры туриста. Среди перепутанныхъ до крайности уличекъ, хаты разбросаны на взгорьяхъ или извилинахъ рѣчки, ручья или пруда—отсюда множество уличекъ, площадокъ и закоулковъ. Издали подольское село напоминаетъ огромный стогъ сѣна, гдѣ „стайни“, возовни, хаты, коморы и скирды соломы вокругъ хатъ сливаются въ одно свѣтло-желтое цѣлое. Хата въ чисто-выбѣленными стѣнами выглядитъ привѣтливо и весело, особенно если поблизу стоитъ садикъ и искрящійся цвѣтами огородикъ. У подолянина не встрѣтить хозяйственнаго порядка, свойственнаго жмудину или жителю великопольскому, но за то „молодыця“ всегда въ чистой сорочкѣ, полы, лавы, столы и святые образа содержатся въ блистательной чистотѣ, изба всегда укрыта красиво расположенными рядами соломенныхъ „снопковъ“.

Рѣдкая хата въ подольскомъ селѣ не имѣетъ своего сада съ фруктовыми деревьями и всякими овощами, ростущими тутъ же на грядахъ, подсолнечниками, дынями, фасолью, вьющейся по изгороди, и т. д. Сливы, вишни, теренъ, дикія, а иногда и культивированныя, груши обыкновенно составляютъ задній планъ крестьянскаго сада, выходящаго на оврагъ, уличную грязь или рѣчку со скалистыми берегами.

Если бы не жалобы и мольбы еврея-возницы, долго еще странствовали бы мы по селу, совершенно забывши о дорогѣ

Библиотека "Руниверс"

подъ напливомъ новыхъ впечатлѣній. Въ два часа по полудни мы отправились въ дальнѣйшій путь и въ половинѣ четвертаго прибыли въ Калиновку. Поселеніе это, съ вокзаломъ желѣзной дороги и сахарнымъ заводомъ, издавна составляло одно изъ многочисленныхъ помѣстій Холоневскихъ, но теперь находится уже въ рукахъ нѣмецкаго промышленника Валькова. Сахарный заводъ производитъ въ годъ сахару на 400,000 руб. Самое мѣстечко состоитъ изъ 175 домовъ и насчитываетъ у себя до 27 ремесленниковъ.

Вечеромъ мы уже мчались по желѣзной дорогѣ въ Винницу.

Этотъ уѣздной городъ расположенъ при впаденіи Винички въ Бугъ и, какъ извѣстно изъ лѣтописей, существовалъ уже при подольскихъ князьяхъ Корьятовичахъ. Старинный винницкій замокъ, сохранялся до паденія Рѣчи Посполитой. Поселеніе широко растянулось вокругъ стараго замчища на взгорьи. Въ 1393 г. Витовтъ отнялъ Винницу вмѣстѣ со всей Подоліей у Корьятовичей и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Въ дальнѣйшихъ судьбахъ города отмѣтимъ, что въ 1610 г. генералъ подольскій Александръ Калиновскій пригласилъ сюда іезуитовъ. Въ 1694 году былъ здѣсь выстроенъ обширный доминиканскій монастырь, обращенный нынѣ въ православный соборъ. Въ 1745 г. винницкій староста Людвикъ Калиновскій основалъ въ Винницѣ монастырь капуциновъ. Въ 1783 г. въ монастырѣ іезуитовъ помѣщена академичекая школа, существовавшая въ теченіи 50-ти лѣтъ, до 1832 года. По закрытіи школы зданіе запустѣло, и лишь въ послѣднее время ремонтировано, такъ какъ здѣсь помѣщается мѣстная военная команда.

Что касается академической школы, то въ самый годъ ея открытія поступило 440 учениковъ. Кромѣ закона Божія, здѣсь преподавались языки греческій, латинскій, русскій, польскій, французскій и нѣмецкій, исторія всеобщая, польская и русская, географія, химія, физика, зоологія, ботаника, минералогія, ариѳметика, алгебра, геометрія, логика, естественное право, рисованіе и даже начальныя основанія медицины и хирургіи. Учителями въ этой высшей гимназіи были тоже извѣстные ученые, какъ Игн. Ягелло, Іосифъ Ульдынскій, Янъ Стычинскій и мн. другіе.

Библиотека "Руниверс"

Въ капуцинскомъ монастырѣ, давшемъ намъ пріютъ во время пребыванія въ Винницѣ, мы встрѣтили лишь троихъ старцевъ, мирно доживающихъ свой вѣкъ въ обширномъ и содержимомъ въ великомъ порядкѣ зданіи. Монастырская тихая, полная патріархальной простоты жизнь прерывалась посѣщеніями города и его живописныхъ окрестностей, и до того пришлась намъ по сердцу, что мы оставили городъ съ чувствомъ сожалѣнія, въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа. Но дорога черезъ Браиловъ вскорѣ развлекла насъ.

Нѣкогда принадлежавшее къ воеводству брацлавскому, поселеніе это, расположенное на двухъ рѣчкахъ Брагѣ и Ровѣ, получило свое турецкое имя въ 1672 г., по волѣ турецкихъ властей. Въ прошломъ вѣкѣ имѣніе принадлежало вельможному роду Потоцкихъ, представитель которыхъ Францискъ Салезій основалъ здѣсь въ 1740 г. монастырь тринитаріевъ и базилику, а сынъ его Феликсъ украсилъ послѣднюю цѣнною живописью. Нынѣ монастырь обращенъ въ православный, а взамѣнъ того въ 1789 г. выстроенъ новый однокупольный костелъ на фундаментѣ бѣлаго мрамора. Послѣ раздѣла Польши, судьбы Браилова были самыя смутныя и измѣнчивыя. Въ началѣ столѣтія мотъ—наслѣдникъ Феликса Потоцкаго продалъ имѣніе или, какъ гласитъ мѣстная хроника, скорѣе проигралъ въ карты нѣкоему Жуковскому, у Жуковскихъ купилъ Браиловъ извѣстный желѣзнодорожникъ фонъ-Меккъ, вдова котораго продала имѣніе сыну покойнаго канцлера кн. Горчакова за громадную сумму. Это имѣніе, съ 4756 десятинъ роскошнѣйшей пахоти и 3692 десятинъ лѣсу, съ сахарнымъ заводомъ, мельницами, винокурней, доходнымъ мѣстечкомъ и прекраснымъ палацомъ, принадлежитъ къ богатѣйшимъ на Подольи.

Вечерняя мгла окутала село и мѣстечко своею блѣдно-розовою пеленою, когда мы явились въ Браиловъ. Вечерняя служба окончилась и на улицахъ можно было видѣть веселыя группы народа. На другой день утромъ нетерпѣливый топотъ лихой четверки, готовой въ дальнѣйшій путь, съ трудомъ оторвалъ моего товарища отъ наброска браиловскаго ландшафта...

Н. М.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два письма А. И. Чепы, собирателя к. XVIII в., письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи. Между прочими источниками, которыми пользовался Б.-Каменскій для своей Исторіи Малой Россіи, онъ называетъ и «Записки о Малой Россіи умершаго ст. сов. А. И. Чепы, во многихъ связкахъ». При этомъ о личности Чепы Б.-Каменскій говоритъ слѣдующее: «Чепа, котораго я лично зналъ въ бытность мою въ Малороссіи, служилъ девятнадцать лѣтъ подъ начальствомъ безсмертнаго Задунайскаго, пользовался его любовью и довѣренностью, имѣлъ случай собрать множество любопытныхъ рукописей относительно Малой Россіи; но къ сожалѣнію, большая часть сихъ драгоцѣнныхъ источниковъ, составлявшихъ четырнадцать книгъ въ листъ, неизвѣстно куда дѣвалась послѣ преждевременной смерти въ С.-Петербургѣ, Якова Михайловича Марковича. Г. Чепа для пользы отечества своего, повѣрилъ ихъ сему молодому человѣку, намѣревавшемуся писать подробную исторію малороссійскую»... Къ этому извѣстію можемъ добавить, что Чепа взятъ былъ въ канцелярію правителя Малороссіи изъ «подписковъ при судѣ земскомъ повѣта Роменскаго», какъ видно изъ приказа гр. П. А. Румянцова 1779 г., которымъ Чепа былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго канцеляриста съ назначеніемъ при этомъ ему по 60 р. годоваго жалованья [1]). Гораздо болѣе знакомятъ насъ съ личностью этого ранняго малорусскаго исторіофила печатаемыя здѣсь два его письма, писанныя въ 1810 г., къ такому же повидимому исторіофилу В. Гр. Полетикѣ (1865—1845 [2]). Изъ этихъ

[1]) Черниг. Губ. Вѣд. 1888 г., Распоряженія гр. П. А. Румянцова по управленію Малороссіи за 1779 г.

[2]) Печатаемыя письма Чепы найдены нами въ остаткахъ Полетикинскихъ бумагъ, пріобрѣтенныхъ недавно В. В. Тарновскимъ. Въ нашемъ собраніи рукописей имѣется слѣдующее коротенькое письмо Чепы къ секретарю малороссійской кол-

Библиотека "Руниверс"

писемъ видно, что бывшій подписокъ Роменскаго земскаго суда былъ настолько образованъ и настолько живо интересовался минувшими судьбами своей родины, что мечталъ объ изданіи малорусской «вивліофики», по примѣру вивліофики Новикова, для сохраненія «малороссійскихъ записокъ въ партикулярныхъ рукахъ, въ пыли лежащихъ». Интересно было имѣть о Чепѣ хотя какія нибудь біографическія свѣдѣнія. Почему онъ жилъ въ Пирятинскомъ селѣ Чепурковкѣ?—Если это было его имѣніе и онъ тамъ жилъ, то не сообщитъ ли кто оттуда, на страницы «Кіевской Старины», воспоминаній о Чепѣ... А. Л.

1) М. Г. мой Василій Григорьевичъ.

Честь имѣю поздравить васъ наступившимъ новымъ годомъ, и всеусердно желаю вамъ, съ почтеннѣйшею фамиліею вашею, здравія и всякаго благополучія, по желаніямъ вашимъ. Во время свиданія моего съ вами, я говорилъ вамъ о нѣкоторыхъ бумагахъ, къ Исторіи Малороссійской касающихся, у меня имѣющихся. Помню о тѣхъ изъ нихъ, коихъ вы—сказали,—у себя неимѣете. Изъ нихъ одну записку, о страданіи Кочубея и Искры, при семъ подношу, для всегдашнего пріобщенія къ вашимъ манускриптамъ. Ежели бы она была списана не такимъ плохимъ писцомъ, то бы вы прочитали ее съ лучшимъ удовольствіемъ. Прочіе бумаги, изъ назначенныхъ тогда вами, получите отъ меня въ непродолжительномъ времени.

Я далъ слово доставить вамъ списокъ или реестръ, оставшимся еще у меня, по сей матеріи, бумагамъ, для полученія отъ васъ назначенія, какіе изъ нихъ вамъ понадобятся. И вотъ, на первый разъ, піесы о коихъ тогда я невздумалъ сказать вамъ:

1) Краткая хронологія королей польскихъ. Примѣчательна только по тому, что въ ней означено, который изъ нихъ былъ благосклоненъ къ козакамъ.

2) Универсалъ короля Яна Третьего, о подтвержденіи козакамъ преимуществъ 1683 года декабря 29.—Послѣ присоединенія Хмельницкаго къ Россіи.

легіи, И. А. Войцеховичу, которое приводимъ здѣсь полноты ради свѣдѣній о Чепѣ.—„М. Г. мой благодѣтель и другъ Иванъ Андреевичъ! Я вамъ печальный вѣстникъ: о семъ вы узнаете изъ включаемой у сего. Жалко что васъ волочутъ, но вы будучи правы и останетеся таковыми. Ефиміевъ Марко, мой двоюродный братъ, будетъ просить отъ коллегіи выписи; не оставте, м. г., ему пособить въ полученіи желаемаго. Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностью, ваш. высокобл. пок. слуга Андреянъ Чепа. Іюля 30 дня, 784 года, Вишеньки".

Библиотека "Руниверс"

3) **Письмо** кошеваго Ивана Величка Босовскаго къ гетману Юрію **Хмельницкому**, о непорядкахъ сего послѣдняго. 1662 года сентября 17.

4) **Письмо** кошеваго Григорія Сагайдачнаго къ гетману Самойловичу, тоже о непорядкахъ. 1686 года, апреля 26.

5) Универсалы и ордера гетмана графа Разумовскаго: —1750, декабря 20, о отставныхъ гусарахъ, волохахъ и салдатахъ, о податяхъ и повинностяхъ съ нихъ.—1751, апреля 16, о поступленіи въ дѣлахъ по статуту, а не по формѣ министерскаго правленія.—1754, октября 23, о расходахъ на чиновниковъ и почты.—1755, марта 8, о знаменахъ.—1755, сентября 25, о учиненіи новой ревизіи.—1755, декабря 16, о шинкахъ.—1757, іюня 19, о козачествѣ.—1758, апр. 30, о томъ же.—1758 окт. 3, о домахъ для сотенныхъ канцелярій—1760 года, ноября 16, о числѣ присудствующихъ въ судѣ войсковомъ генеральномъ.—1761, іюня 6, о винокуреніи.—1763, февр. 17, о сочиненіи ревизіи.—1764, ноября 19, о учрежденіи земскихъ и подкоморскихъ судовъ.—1764, октября 20, о формѣ позвовъ и увѣщательныхъ писемъ.

Продолженіе будетъ впредь; а вы ежели не имеете которыхъ изъ сихъ бумагъ, прошу написать ко мнѣ; и я съ удовольствіемъ доставлю вамъ копіи.

Я имѣлъ удовольствіе получить почтеннѣйшее письмо ваше отъ 12 октября изтекшаго года. Я щитаю ненаградимою потерею то, что, по судьбѣ, живу отъ васъ въ такомъ отдаленіи. Я былъ бы щастливъ обходясь съ вами и пользуясь вашимъ просвѣщеніемъ и наслѣдственными и собственными вашими познаніями.

Прошу принимать мои слова, какъ они есть искренними и вѣрить, что я всегда пребуду съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностью, вамъ, мил. государю моему, покорн. слугою Андрѣянъ Чепа.

Генваря 9 дня, 1810 г.
Чепурковка.

2) М. Г. мой Василій Григорьевичъ.

Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 2 числа сего мѣсяца, я получилъ; пожалуйте прочтите терпѣливо мой отвѣтъ, который будетъ обширенъ, можетъ быть, съ излишествомъ.

Самъ Бого-человѣкъ плакалъ надъ гробомъ друга своего; и вы отдаете естественный долгъ брату вашему, преселившемуся въ другую лучшую жизнь. Я по дружбѣ моей къ вамъ, принимаю, въ пе-

Библиотека "Руниверс"

чали вашей, искреннее участіе. Богъ, со временемъ низпошлетъ вамъ утѣшеніе.

Одно изъ лучшихъ моихъ занятій есть, о безсмертіи души, о будущей жизни, и особливо тогда, когда услышу, о переселеніи въ вѣчность, подобнаго мнѣ человѣка. Нѣкоторыя сочиненія о сей матеріи, я читаю съ благоговѣніемъ и утверждаю себя въ той надеждѣ, что я не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господня. Итакъ, ежели я въ сей жизни, наслаждаюсь вашею дружбою, вашею пріязнію, удивляюсь вашимъ достоинствамъ, то и въ будущей лучшей жизни, увижусь съ вами и съ симъ отошедшимъ братомъ вашимъ. Вотъ утѣшеніе по разуму, достойное разумнаго существа!

При семъ посылаю вамъ двѣ піесы, нарочно для васъ списанные, щитая, что оные достойны того, что бы вы ихъ прочитали.

Въ истекшемъ генварѣ мѣсяцѣ, возвратились ко мнѣ мои двѣ книги изъ пропадшихъ, по кончинѣ Я. М. Марковича. Не могу обойтись, чтобъ не сказать вамъ сокращенно обстоятельствъ сего возвращенія.—Коллежскій ассесоръ Пироцкій-Кудановичъ, служившій въ Петербургѣ и недавно поселившійся въ Черниговскомъ околодкѣ, возлѣ деревни друга моего Аркадія Александровича Ригельмана [1]), между разговорами, сказалъ сему послѣднему, что онъ былъ при смерти Я. М. Марковича, и что нѣкоторые изъ моихъ книгъ, получилъ онъ отъ покойнаго для прочтенія. По убѣдительнымъ прозьбамъ г. Ригельмана и моей, онъ прислалъ мнѣ двѣ, не такъ рѣдкіе книги.—О протчихъ же сказалъ, что они можетъ быть—въ Петербургѣ у г. Гетуна [2]), статскаго совѣтника, или у Ивана Ивановича Покорскаго, или же у г. Маковскаго. Пощастью, не у разнощиковъ апельсинъ. Сіи люди мнѣ незнакомы; однакожъ я предпринялъ нѣкоторые средства къ освѣдомленію.

Изъ сихъ книгъ, одна содержитъ въ себѣ договорные пункты, начиная съ гетмана Самойловича и прочіе мѣлочи; другая же—списки нѣкоторыхъ изъ тѣхъ документовъ, коихъ я просилъ у васъ для списанія, якото: съ привилегій 1563, 1568 и 1569 годовъ. Но какъ оные въ сей книгѣ съ описками, то я покорно прошу васъ одолжить мнѣ вашихъ, кои безъ сомнѣнія вернѣе переведены и исправнѣе

---

[1]) Сынъ автора Лѣтописнаго Повѣствованія о Малой Россіи.

[2]) О В. Н. Геттупѣ см. его записки, въ Историч. Вѣстн. 1880 г., № 1—3. Тамъ же см. и объ Ив. Ив. Покорскомъ, служившемъ въ Петербургѣ, совѣтникомъ въ адмиралтейской коллегіи.

Библиотека "Руниверс"

списаны. Или не прикажете ли, сію книгу, къ вамъ доставить?— для чего и реестръ оной при семъ вамъ подношу.

А остальные бумаги мои о Малороссіи, прежде обѣщаннаго вамъ реестра, привожу въ нѣкоторое расположеніе, удобное къ происканію. Желаю, чтобы сколько можно дополнить оные историческими, политическими и прочими документами, указами, напечатанными въ вѣдомостяхъ и въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ статьями, публично произнесенными рѣчьми и разными примѣчательными бумагами. Вы, я твердо увѣренъ, снабдите меня многими піесами. Можетъ быть, не мнѣ, а послѣ меня, кому нибудь, случится, мое собраніе употребить въ пользу.

Мнѣ никогда неслучалось читать и видѣть лѣтописанія Самойла Величка. Буди можно, покорно прошу будущею весною, одолжить мнѣ оное для чтенія, и когда оный мнѣ покажется, и для списанія.

Максимъ Федоровичъ Берлинскій, коллежскій ассесоръ, директоръ и учитель народныхъ школъ въ Кіевѣ, на прозьбу мою, о одолженіи мнѣ для прочету, сочиненія его исторіи малороссійской, пишетъ: мнѣ: «то правда, что вышла отъ меня книга: опыты на Малороссійскую Исторію, но недошла.. Удостоился даже всемилостивѣйшаго одобренія, чрезъ министра нашего; но далѣе всемогущихъ у меня силъ не достало, коихъ требовалось до 4000, для выпечатанія ея; а потому она въ долгой шуфлядѣ[1]) и теперь лежитъ въ департаментѣ, а чорная тамъ же, у брата моего, въ С.-Пбургѣ. Со мною есть оной нѣкоторые первоначальные лоскуты, которыхъ теперь мудрено прибрать одинъ къ другому. Ваши записки въ 14-ти фоліантахъ, должны быть весьма занимательны. Я что-то объ таковыхъ слышалъ. О ежели бы сіи труды вашей опытности отысканы! Какъ бы благонадежно было тогда принятся за новую работу. Вы бы здѣлались для меня историческимъ маноромъ. Чтобы не оставить безъ посылки, я присемъ прилагаю малую мою Исторію Россійскую, которую теперь у насъ читаютъ по уѣзднымъ училищамъ и въ академіи».

Г. Берлинскій, человѣкъ ученый, съ дарованіями, свѣдѣніями и очень добрый. Ежели бы онъ согласился, прежде напечатанія своего опыта, издавать на подписку журналъ или записки малороссійскіе, какъ изданы россійская вивліоѳика, записки Петра I, я надѣюсь, открылись бы многіе свѣдѣнія и доказательства, въ партикулярныхъ рукахъ, въ пыли лежащіе. Надѣюсь, что не было бы недо-

[1]) Въ долгомъ ящикѣ.

Библиотека "Руниверс"

статка въ пренумераторахъ, а особливо съ пособіемъ г-дъ маршаловъ, г-на почтдиректора и его почтмейстеровъ. Но прежде предложенія г. Берлинскому сихъ средствъ, прошу сказать мнѣ ваше мнѣніе.

Покорно благодарю вамъ за пріятные вѣсти о новомъ законѣ и о чинахъ малороссійскихъ. Таковымъ событіямъ, порадуюсь всею душею:

Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностью навсегда вамъ, мил. госуд. моему, покорн. слугою Андрѣянъ Чепа.

Февраля 17 д., 1810 года.
Чепурковка.

Политическая сатира конца XVIII в. Паденіе Польши обусловливалось, какъ извѣстно, нравственнымъ разложеніемъ польскаго общества, зависѣвшимъ, въ свою очередь, отъ противуестественнаго сочетанія въ республикѣ широкой личной свободы шляхты съ неограниченной властью ея надъ крестьянами; отсюда вытекало, что интересы лица ставились выше интересовъ государства; поэтому, заинтересованнымъ въ судьбѣ Польши сосѣдямъ не трудно было деньгами, наградами и обѣщаніями всякихъ благъ пріобрѣтать себѣ сторонниковъ на сеймѣ для направленія внутренней жизни государства въ ту или другую сторону; всѣ такія средства и были дѣйствительно въ ходу; Польша стала, такимъ образомъ, предметомъ борьбы интересовъ сосѣднихъ государствъ; къ указанной главной причинѣ паденія Рѣчи-Посполитой присоединялись многія второстепенныя: религіозно-національная борьба русской—православной и польской—католической народностей, отсутствіе сильной центральной власти и войска, слабое развитіе городскаго сословія и проч.; тѣмъ не менѣе, современники-поляки приписывали политическую смерть своего государства интригамъ русскаго двора. Полная драматизма жизнь Польши въ періодъ ея раздѣловъ несомнѣнно обнаруживала много печальныхъ и, иногда, смѣшныхъ сторонъ ея. Общество, конечно, не могло отказаться отъ оцѣнки событій своего времени; при слабомъ развитіи періодической печати въ большомъ количествѣ появлялись брошюры и книги, обсуждавшіе тотъ или другой вопросъ; рядомъ съ серьезнымъ обсужденіемъ событій, появилась и политическая сатира, бичевавшая или осмѣивавшая современныхъ политическихъ дѣятелей; она принимаетъ различныя формы: то напр. форму *Молитвы Господней*: „Carowa,

Библиотека "Руниверс"

ktoraś iest w Petersburgu, swięc się imię twoię, przydz stotysięczne woisko twoje, bądz wola twoja, jak w Moskwie, tak u Polszcze" и т. д.; то форму *Символа Вѣры*: «Wierzę w carową wszechmogącą stworzycielką dawnych intryk w Polszcze» и т. д., то форму *10 заповѣдей*: 1-я «Jam est carowa, ktora was z porządku y rządu wywiadła», и т. д.; то, наконецъ, сатиры принимали форму катехизическихъ вопросовъ и отвѣтовъ, въ родѣ такихъ, напр.: «Co iest zgubą Polskiey? Że Stanisław na tronie... Branicki wielkim, a Rzewuski polnym hetmanem. Co by mogło poprawic los Polskiey? Małachowski na tronie, Kosciuszko z buławą» и т. д.; то форму афишъ о театральномъ представленіи, напр., пьесы, сочиненной королемъ прусскимъ Фридрихомъ II подъ заглавіемъ: „Раздѣлъ края". Театръ будетъ иллюминованъ, при громѣ пушекъ, горящими городами и селами [1])».

Приведенные образцы сатиръ показываютъ, что въ польскихъ произведеніяхъ этого рода чаще всего подвергались осмѣянію дѣйствія русской государыни и ея представителей и войска. Но мы имѣемъ политическую сатиру того же времени русскаго происхожденія [2]); она характеризуетъ какъ состояніе высшаго польскаго общества, заправлявшаго ходомъ дѣлъ въ государствѣ, такъ и отношеніе къ Польшѣ сосѣднихъ государствъ: Австріи, Пруссіи и Россіи. Эта сатира, по нашему мнѣнію, принадлежитъ перу человѣка русскаго, близкаго ко двору короля Станислава-Августа и знавшаго всѣ интриги и слабости близкихъ къ его особѣ людей, а такимъ человѣкомъ могъ быть только русскій посланникъ въ Варшавѣ; постъ этотъ наканунѣ послѣднихъ раздѣловъ Польши занималъ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ (1790—1792 гг.); что именно онъ, а никто другой, могъ быть авторомъ сатиры, лучше всего убѣждаютъ изданныя лѣтъ пять тому назадъ его бумаги [3]). До 1789 г. Я. И. Булгаковъ находился въ Константинополѣ, состоя русскимъ посланникомъ въ Турціи; начавшаяся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ война Россіи съ Турціей была причиной того, что Булгаковъ былъ посаженъ въ семибашенный замокъ и просидѣлъ въ немъ болѣе 800 дней. Всѣ донесенія Булгакова изъ Константинополя императрицѣ Екатеринѣ II и письма его

[1]) Русскій Архивъ. М. 1869 г. стр. 584—588.

[2]) Она найдена нами въ бумагахъ Кіев. Централ. Архива при университетѣ; мы предлагаемъ ее нашимъ читателямъ ниже, сообщая въ примѣчаніяхъ лишь имена лицъ и отказываясь отъ характеристики каждаго изъ нихъ отдѣльно, такъ какъ это заняло бы слишкомъ много мѣста.

[3]) Сборникъ Император. Рус. Истор. Общества, т. 47-й Спб. 1885.

Библиотека "Руниверс"

къ русскимъ сановникамъ носятъ печать художественности и отличаются остроумной и мѣткой оцѣнкой лицъ и событій, обнаруживая въ авторѣ образованнаго, умнаго и наблюдательнаго человѣка. Особенно, напр., любопытна сдѣланная Булгаковымъ въ письмѣ къ графу А. А. Безбородку отъ 1-го ноября 1781 г. характеристика всѣхъ европейскихъ пословъ въ Константинополѣ: „французскій", пишетъ онъ, „спесивится, голландскій ему угождаетъ, венеціанскій сбирается учиться грамотѣ, англійскій хвастаетъ, вѣнскій пишетъ, неаполитанскій церемонится, прусскій шутитъ, шведскій скучаетъ, а датскій молчитъ. Я чуть было и о себѣ не написалъ". Такую же попытку охарактеризовать польскихъ правителей 1790—1792 гг. дѣлаетъ Булгаковъ и въ печатаемой ниже сатирѣ; характеристика эта совпадаетъ въ общихъ чертахъ съ тѣми данными, которыя авторъ сообщаетъ въ Петербургъ, рисуя положеніе дѣлъ въ Варшавѣ темными красками со свойственной ему вѣрностью и живостью.

Свѣтлѣйшій король Р. П. [1]): «Ждахъ соскорбящаго,—и не бѣ утѣшающаго,— и не обрѣтохъ; и даша въ снѣдь мою желчь».

Первенствующій архіепископъ [2]): «Господь гордымъ противится».

Князь бывшій подкоморный [3]): «Утѣха моя со дщерми человѣческими».

Князь Станиславъ [4]): «Господь азъ есмь и не измѣнюся».

Князь Іосифъ: «аки ратникъ мужественный».

Государственные чины: *М. В. К. Мнишекъ*: [5]) «Господи! что ся умножиша ступающія ми? Мнози востаютъ на мя!»

Г. В. К. Браницкій [6]): «Беззаконія ради претерпѣхъ поношеніе; покры срамота лице мое».

Канцлеръ В. К. [7]): «Вниде въ онь сатана, да предастъ Его».

Вице-канцлеръ [8]): «Иди, покажися священникомъ».

Маршалъ В. К. Л. [9]): Аще бы врагъ поносилъ ми, претерпѣлъ быхъ убо».

---

[1]) Р—Рѣчи, П—Посполитой; королемъ былъ Станиславъ-Августъ Понятовскій.

[2]) Примасъ королевства, гнѣзненскій архіепископъ князь Михаилъ-Юрій Понятовскій, братъ короля.

[3]) Имя намъ не удалось опредѣлить.

[4]) Князья Станиславъ и Іосифъ Понятовскіе, племянники короля.

[5]) Маршалъ великій коронный Михаилъ Мнишекъ.

[6]) Гетманъ великій коронный Францишекъ-Ксаверій Браницкій.

[7]) Канцлеръ великій коронный Яцекъ Малаховскій.

[8]) Вице-канцлеръ коронный Гуго Колонтай.

[9]) Маршалъ великаго княжества литовскаго Игнатій Потоцкій.

Библиотека "Руниверс"

Подскарбій В. К. [1]): «Видѣхъ нечестиваго превозносящагося, мимо идохъ, и се не бѣ».

Маршалъ Н. К. [2]): «Удалихся бѣгая и водворихся въ пустынѣ».

Маршалъ Н. Л. [3]): «Господи, стражду! Заступи мя»!

Гетманъ П. К. [4]): «яко не бѣ».

Гетманъ В. Л. [5]): «Точащіяся хладныя воды».

Гетманъ П. Л. [6]): «Нѣсть въ немъ беззаконія».

Епископы: *Познанскій* [7]): «Не вѣсть писанія».

Плоцкій [8]): «Господи! Ты вѣси безуміе мое».

Куявскій [9]): «Аще и состарѣется, не удалится отъ нея».

Краковскій [10]): «Вознесся же, смирихся и изнемогъ».

Кіевскій [11]): «Исповѣмся Тебѣ, Господи, яко услышалъ еси молитву брата моего».

Холмскій [12]): «Отъ Господа бысть сей и есть; и дивенъ во очію нашею».

Луцкій [13]): «Змій бѣ мудрѣйшій всѣхъ».

Инфлянтскій [14]): «Да не потребится отъ книгъ живыхъ».

Маршалъ сейма [15]): «И есмь, якоже протчіи человѣцы».

Сапѣга М. Л. [16]): «Заблудихъ отъ чрева, глаголахъ лжу».

Сапѣга К. В. Л. [17]): «Неключимъ есть, дондеже извержется вонъ».

Хрептовичъ [18]): «Правда моя въ земли забвенней».

Подскарбій П. Кор. [19]): «Не чистъ будетъ, даже до вечери».

---

[1]) Подскарбій великій коронный Томашъ Островскій.

[2]) Маршалъ надворный коронный Казимиръ Рачинскій.

[3]) Маршалъ надворный литовскій Станиславъ Солтанъ.

[4]) Гетманъ польный коронный Северинъ Ржевусскій.

[5]) Гетманъ великій литовскій Михаилъ Огинскій.

[6]) Гетманъ польный литовскій Людвигъ Тышкевичъ.

[7]) Епископъ познанскій Антоній-Онуфрій Окенскій.

[8]) Епископъ плоцкій Кристофъ Шембекъ.

[9]) Епископъ куявскій Іосифъ Рыбинскій.

[10]) Епископъ краковскій Феликсъ Турскій.

[11]) Епископъ кіевскій Каспперъ Цѣцишевскій.

[12]) Епископъ холмскій Мацѣй Гарнышъ.

[13]) Епископъ луцкій Адамъ Нарушевичъ.

[14]) Епископъ инфлянтскій Іосифъ Коссаковскій.

[15]) Маршаломъ сейма въ 1790—1792 г. былъ великій коронный канцлеръ.

[16]) Сапѣга Казимиръ-Несторъ, маршалъ литовскій (м. л.).

[17]) Сапѣга Александръ, канцлеръ великій литовскій (к. в. л.).

[18]) Хребтовичъ Іоахимъ, подканцлеръ литовскій.

[19]) Это лицо намъ не удалось опредѣлить.

Библиотека "Руниверс"

Партія Россійская [1]): «Мы убо праведно страждемъ, и достойная по дѣламъ нашимъ воспріемлемъ».

Партія Прусская [2]): «Уничится, яко вода мимотекущая».

Партія Цесарская [3]): «Изъ ничего не будетъ ничего».

Партія С. кор. П. [4]) «Васъ ради претерпѣхъ поношеніе весь день».

Всѣ посланники вообще «не познаша, ниже уразумѣша; во тмѣ ходятъ несмѣтное множество дураковъ».

Россійская императрица: «Въ малѣ и узрите мя».

Король прусскій [5]): «Прежде даже жаворонокъ не возгласитъ, обману васъ три краты».

Кесарь [6]) «Защитникъ вашъ буду даже до Люблина».

Король польскій: «Престолъ мой въ столпѣ облачнѣмъ».

Посланникъ россійскій: «Чающій воскресенія».

Посланникъ прусскій [7]): «Четвородневенъ есть, уже—смердитъ».

Министры и агенты: англійскій, шведскій, французскій и датскій: «аки не бѣхомъ».

Бѣдный и добродушный народъ польскій: «князи наши согрѣшиша и мы несемъ нечестіе ихъ; привмѣнены быхомъ съ нисходящими въ ровъ; быхомъ, яко человѣкъ безъ помощи мертвыхъ свободъ».

К. П. къ своему народу: «Слыште, людіе мои, и засвидѣтельствую вамъ: аще слушаете меня, не будетъ вамъ богъ новъ, ниже поклонитеся богу чуждому. Аще быша людіе мои послушали меня, ни о чесомъ убо враги ихъ смирилъ быхъ». И. К—ъ.

Рѣчь, произнесенная малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ княземъ Н. Г. Рѣпнинымъ, при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Черниговѣ, 25 сентября, 1823 года [8]). Малороссійское дворянство черниговской губерніи! видя въ третій разъ себя окруженнымъ почтеннымъ собраніемъ вашимъ, не стану возобновлять изложеній обязанностей

---

[1]) Русская партія: Браницкій, Пулавскій, Коссаковскіе и друг.

[2]) Прус. партія: Игнатій Потоцкій, Малаховскій, Коллонтай и др.

[3]) Австрійская партія: Ржевусскій и друг.

[4]) Партія короля: Хребтовичъ и др.

[5]) Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ.

[6]) Австрійскій императоръ Леопольдъ II.

[7]) Маркизъ Джор. Люккезини.

[8]) Сколько мы помнимъ, настоящая рѣчь, сообщенная намъ А. М. Лазаревскимъ, до сихъ поръ не была издана. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

вашихъ при предлежащемъ исполненіи правъ, милостію монаршею дарованныхъ сословію нашему; чего отъ васъ требуетъ и ожидаетъ правительство, изъяснялъ я вамъ во всей полнотѣ и съ тою откровенностію, которая всегда должна одушевлять каждаго гражданина, а тѣмъ болѣе меня, сѣмъ лѣтъ уже призваннаго довѣріемъ всемилостивѣйшаго государя быть среди васъ исполнителемъ воли его, блюстителемъ закона, ходатаемъ о пользахъ вашихъ.—Уповаю слова мои неизгладились изъ памяти вашей.

Итакъ поспѣшу воззвать къ вамъ вѣщаніемъ великаго государя нашего: „*съ вѣрностію, усердіемъ и честію* [1])“ изберите изъ среды себя: народу судей правыхъ, правительству первыя орудія къ охраненію общаго спокойствія, себѣ предводителей достойныхъ уваженія согражданъ своихъ, ходатаевъ о выгодахъ вашихъ и ревностныхъ исполнителей попеченій правительства, къ коимъ могъ бы я обращатся всегда съ полнымъ довѣріемъ.

Не трудно вамъ будетъ исполнить ожиданія мои, если вы, позабывъ могущія быть частныя неудовольствія, соединитесь на пользу общую въ единодушіи христіянскомъ и, давая голосъ избранія достойнѣшему, убѣдитесь при томъ и тою истинною, что уклоненіемъ отъ службы общественной нарушается отличительная черта россійскаго дворянина: никогда не принадлежать самому себѣ, а всегда жертвовать царю и соотчичамъ, жизнью и мнѣніемъ, умомъ и способностями.

Малороссія никогда не нуждалась людьми достойными къ прехожденію службы. Въ прежнія времена Хмѣльницкій, Искра и Кочубей, Полуботокъ, Безбородько послужатъ не только вамъ, но и дальнѣйшимъ потомкамъ всей Россіи, знаменитыми примѣрами доблестей воинственныхъ, вѣрности царю, твердости духа, глубокомысленности политика; да и нынѣ среди пастырей церкви, защитниковъ отечества, мужей удостоенныхъ государемъ быть въ совѣтѣ его, судилищахъ и протчихъ степеняхъ государственнаго правленія, въ сонмѣ ученыхъ и изящныхъ художниковъ,—вездѣ малороссіяне могутъ гордится многими изъ своихъ соотчичей. Наполните же и собственныя судилища свои людьми имъ подобными.

Съ начала вступленія моего въ званіе, коимъ облеченъ милостію монаршею посвятилъ я, малороссіяне, себя совершенно вамъ: гордился подвигами общими и заслугами частными; не укоснялъ быть пред-

[1]) Слова манифеста отъ 2 апрѣля 1801 года. *Примѣч. автора рѣчи.*

Библиотека "Руниверс"

стателемъ въ нуждахъ вашихъ; въ дружбѣ и приверженности вашей находилъ лестнѣйшую для себя награду. Нынѣ же по протеченіи многихъ лѣтъ, служенія моего среди васъ, раздѣливъ съ вами скорбь и труды въ несчастіи, недавно насъ постигшемъ, я дерзаю уже считать себя совершенно собратомъ вашимъ, и тѣмъ ближе къ сердцу моему подвигъ похвальный каждаго изъ подчиненныхъ мнѣ; тѣмъ тягостнѣе для меня исполненіе строгой обязанности, обращать возмездіе закона на нерадиваго и преступнаго.

Приглашаю васъ шествовать во храмъ Господень—для принесенія предъ престоломъ Всемогущаго обѣта объ избраніи правомъ; Око всевидящее проникнетъ во глубину сердца каждаго изъ васъ и, уповаю, не найдетъ недостойнаго коснутся устами къ словамъ истины. Но не предлежитъ мнѣ распространятся о святости сего дѣйствія; скажу вамъ только, что вы предстанете нынѣ предъ лице того страшнаго Судіи, который недавно посѣтилъ васъ испытаніемъ голода,—того милосердаго Отца, который нынѣ благословилъ плодами изобилія. Принесите же Ему дань благодарности исполняя всѣ обязанности ваши, по вѣщанію царскому, *съ вѣрностію, усердіемъ и честію.*

Пасхальныя вирши въ спискѣ XVIII ст. Обычай „виршеванья“ до недавняго времени соблюдался въ Малороссіи и, быть можетъ, по мѣстамъ соблюдается и понынѣ. Еще въ годы моего дѣтства (начало 60-хъ годовъ) въ семьяхъ священниковъ было въ обычаѣ, чтобы дѣти-школьники въ день Пасхи, Рождества, а равно въ дни именинъ старшихъ членовъ семейства произносили поздравительныя „вирши“, Богъ знаетъ кѣмъ и когда сочиненныя и переходившія по традиціи изъ рода въ родъ. Когда то обычай этотъ свято соблюдался не въ одномъ лишь духовномъ сословіи, и нѣтъ сомнѣнія, что начало ему положили южнорусскія школы XVII ст., въ которыхъ искусство слаганія „виршей“ для привѣтствій лицъ начальствующихъ и меценатовъ было возведено въ систему. Студенты кіево-могилянской академіи въ нарочитые случаи in corpore привѣтствовали „виршами“ митрополитовъ, гетмановъ, полковниковъ и прочихъ знатныхъ людей, а разъѣзжаясь по домамъ, примѣняли этотъ школьный способъ чествованія и къ лицамъ меньшихъ ранговъ: „виршами“ поздравляли мѣщанъ, козаковъ и вообще всякаго, кто могъ за то чѣмъ-либо наградить ихъ. Это сдѣлалось обычнымъ выраженіемъ почета, и „виршовники“ не оставались въ убыткахъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ кіевской академіи обычай этотъ перешелъ въ другія школы, какія впослѣдствіи стали заводиться въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, и наконецъ сдѣлался общею принадлежностью всякой школы, даже первоначальной. Такимъ путемъ „виршованье“ перешло даже въ простонародную среду, гдѣ живетъ и донынѣ.

Въ старину „вирши“ слагались на разныхъ языкахъ, примѣнительно къ степени образованія тѣхъ лицъ, предъ которыми онѣ были произносимы: на латинскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ и др. Въ малообразованныхъ общественныхъ кругахъ пользовались преимущественно языкомъ народнымъ. Съ XVIII в., когда языкомъ преподаванія въ малороссійскихъ школахъ сдѣлался русскій книжный языкъ, на немъ начали слагать и „вирши“ для тѣхъ лицъ, которыя или сами учились ему въ школахъ, или освоились съ нимъ практическимъ путемъ. Къ этому именно роду принадлежатъ помѣщаемыя нами *вирши*, найденныя въ старинной тетради, принадлежавшей нѣкогда, судя по надписи, Петру Навроцкому, подканцеляристу полковому гадяцкому, и составленной очевидно раньше 1782 г. О содержаніи и характерѣ этой тетради подробнѣе см. въ нашей замѣткѣ о Рождественскихъ виршахъ, помѣщенной въ январской кн. „Кіевск. Стар.“ за 1889 г.

I.

Какъ женамъ Христа искавшимъ
Ангелъ нову вѣсть сказалъ,
Что Христосъ, враговъ поправши,
По трехъ днехъ изъ гроба всталъ,
Хоть велику начинали
Въ сердцѣ радость ощущать,—
Но еще усумнѣвались
О томъ инымъ объявлять;
Я жъ то несумнѣнно знаю,
Что Христосъ воскресъ, нашъ Спасъ,
Для того и поздравляю
Таковымъ привѣтомъ васъ
Да воскрестій нашъ Спаситель,
Всемогущій Христосъ, Богъ
Васъ введетъ въ свою обитель
И въ небесной свой чертогъ.

Библиотека "Руниверс"

II.

Вѣрша Воскресенію

Крушить всемъ полно насъ, печали,
Престаньте нашъ смущати духъ!
Уже вы много намъ скучали,
Теперь вамъ перемѣны вдругъ!
Болшая радость наступила;
Вчера кто только не стеналъ!
Теперь она всѣхъ ободрила
Тѣмъ, что Христосъ отъ мертвыхъ всталъ.
О радостныя перемѣны,
Что свѣтъ отъ гроба возсіялъ
Во мрачной всѣмъ сидящимъ сѣни
И мракъ діявольскій прогналъ!
Пусть радость же сія множится
Внутрь твоего всегда сердца,
И радости сей не лишиться
Тебѣ желаю до конца. *Finis.*

Сообщилъ **О. Л.**

Евреи-козаки въ нач. XVII в. Подъ этимъ заголовкомъ въ еженедѣльной газетѣ «Русскій Еврей» 1880 г., № 9, г. А. Гаркави напечаталъ нижеслѣдующій отрывокъ изъ еврейской книги — «Вопросы и отвѣты раввина Іоиля Серкесса», изданной: въ 1697 г., въ Франкфуртѣ на Майнѣ.

«№ 57. Господинъ Іосифъ, Мойсеевъ сынъ, далъ свидѣтельское показаніе по нѣмецки такого содержанія»:

«Насъ было одиннадцать домохозяевъ, служившихъ въ войскѣ. Еврей же Бераха, сынъ святаго (т. е. мученика) Арона изъ Тышвицъ (Тышовце, Tyszowce, люблинской губ.?), служившій на трехъ лошадяхъ, выскакалъ два-три раза къ московскому войску, какъ это обычно на войнѣ. Но москвитяне одолѣли, и еврей отскочилъ назадъ и изъ лѣсу стрѣляли ему вслѣдъ. Я видѣлъ, какъ ладунка (ladunek, патронъ) воткнулась ему въ спину, какъ онъ палъ на сѣдло, и желая держаться за лошадиную гриву, онъ шатался туда и сюда и лошадь понесла его по дорогѣ, но я не видѣлъ его во время бѣгства нашего войска. Во время его паденія на лошадь дымъ выступилъ у него

Библиотека "Руниверс"

изо рта; я находился тогда близко отъ него. Затѣмъ мы бѣжали вслѣдъ за войскомъ, тогда я уже видѣлъ его лошадь безъ всадника, а сѣдло висѣло криво; я же хорошо зналъ его лошадь. Вслѣдъ затѣмъ военачальникъ приказалъ собрать разсѣянное войско посредствомъ барабаннаго боя и народъ началъ разговаривать про войну. И многіе козаки говорили: О, Боже, какъ жалко, что рыцарь еврей Бераха такъ плачевно скончался, онъ былъ разрубленъ и расколотъ бердышами и т. д. На слѣдующій день, козаки побили москвитянъ и забрали добычу, между прочимъ также лошадь и шляпу, которыя я хорошо зналъ и его мечъ, который не былъ мнѣ знакомъ хорошо. Сотникъ нашъ захотѣлъ получить вещи Берахи, а десятникъ также пожелалъ ихъ, и они судились предъ *коломъ* (громадой). И десятникъ говорилъ: «я имѣю больше права на эти вещи, ибо въ то время, когда трупы нашихъ убитыхъ были сожигаемы, я своей рукой раздѣлъ означеннаго Бераху и предалъ его огню»; и онъ представилъ много козаковъ свидѣтелями, что онъ (десят.) втащилъ трупъ Берахи въ домъ, гдѣ онъ его сжегъ. Вслѣдствіе этого вещи Берахи были присуждены десятнику. Послѣ того я слышалъ также отъ козака по имени Хведеръ (Ѳедоръ), который затѣмъ сдѣлался священникомъ въ Кіевѣ, какъ онъ ненарочно разсказалъ о своемъ присутствіи при сожженіи тѣла Берахи упомянутымъ десятникомъ. Я знаю также хорошо, что больше одного еврея подъ именемъ Бераха въ нашемъ войскѣ не было и т. д. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль многіе козаки изъ войска Наливайки разсказывали также ненарочно о геройствѣ Берахи и обстоятельствахъ его смерти.—Вотъ сущность показанія упомянутаго свидѣтеля, который распространился въ своемъ разсказѣ предъ судомъ въ Флоряновѣ, въ понедѣльникъ, 5-го мѣсяца Кислевъ 374-го года (1613 по Р. Х.); и это было прислано ко мнѣ для того, чтобъ я высказалъ ему мнѣніе по этому вопросу».

Къ приведенному документу, г. Гаркави дѣлаетъ слѣдующее пояснепіе: «Раввинъ Іоиль Яфа, прозваніемъ Серкесъ, занималъ должность раввина сперва въ разныхъ мелкихъ городахъ въ Польшѣ и Литвѣ, затѣмъ онъ былъ призванъ въ Брестъ-Литовскъ... Вопросъ о козакѣ Берахѣ былъ адресованъ къ нему во время пребыванія его въ Брестѣ.—Самъ вопросъ состоялъ въ томъ, достаточно ли по еврейскому закону показаніе еврея-козака Іосифа о смерти другого еврейскаго козака Берахи для того, чтобъ вдовѣ послѣдняго было дозволено вторично вступить въ бракъ». Къ сему г. Гаркави добавляетъ: «изъ того обстоятельства, что свидѣтель не нашелъ нужнымъ

Библиотека "Руниверс"

объяснить, какимъ образомъ онъ самъ, Бераха и остальные евреи попали въ козацкое войско, а говорить мимоходомъ: «насъ было въ войскѣ одиннадцать», можно заключить, что фактъ этотъ не былъ единичнымъ и что отбываніе евреями военной повинности въ натурѣ было тогда обычнымъ явленіемъ, о которомъ не считали нужнымъ распространяться»...

Къ вопросу о южно-русской колонизаціи. Въ 1639 году на Тулу явились по государеву указу бояре и воеводы князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкаскій съ товарищами для прибора въ солдатскую и драгунскую службу *дѣтей боярскихъ*, у которыхъ въ вотчинахъ и помѣстьяхъ крестьянъ и бобылей было не болѣе какъ по 2 и по 3 человѣка, иноземцевъ и вслкихъ охочихъ людей, которые не въ службѣ и не на тяглѣ. Въ числѣ желающихъ записаться въ службу оказалось нѣсколько *запорожскихъ черкасъ*, пробравшихся на Тулу чрезъ Курскъ и Кромы. Кормовая книга составленная спеціально для этихъ запорожцевъ даетъ не лишенныя интереса свѣдѣнія о нихъ. «Лѣта 7147 году мая въ 17 д. пришли въ Съѣзжую Избу къ боярину и воеводамъ Дмитрію Мамс. Черкаскому съ товарыщи изъ Курска да изъ Кромъ переѣзжіе черкасы атаманъ Якушко Иванитцкой да ясаулъ Ондрюшка Мамченковъ съ товарыщи 35 человѣкъ *съ проѣзжими памятьми*. А въ проѣзжихъ ихъ памятехъ написано: по г. указу и по грамотѣ изъ *приказу сбору ратныхъ людей* за приписью дьяка Василья Прокофьева высланы они на г. службу на Тулу въ салдатцкую и въ драгунскую службу. И били челомъ г. ц. и в. к. Михаилу Ѳедоровичу в. Р., чтобъ имъ быти на г. службѣ на Тулѣ въ драгунѣхъ и въ салдатѣхъ. И бояре и воеводы князь Д. М. Черкаскій съ товарыщи *запорожскимъ черкасомъ* атаману Я. Иванитцкому да ясаулу О. Мамченкову съ товарыщи 35 челов. велѣли быти въ салдатѣхъ, а для *иноземства* велѣли имъ корму дать противъ *донскихъ* и *яицкихъ* атамановъ, и ясауловъ, и козаковъ». Указанная кормовая книга вскрываетъ такимъ образомъ слѣды перехода донскихъ, яицкихъ и *запорожскихъ* козаковъ на московскую службу. Съ 17 мая явившимся запорожцамъ и стали давать кормовыя деньги (атаману по 2 алт. по 2 ден. на день, ясаулу по 2 алт., рядовому по 10 денегъ человѣку), что продолжалось по 1 сентября 1639 г. Но еще 25 августа *по ихъ челобитью* велѣно было этихъ черкасъ «съ Тулы отпустить на Волуйку» и тамъ «устроить на вѣч-

Библиотека "Руниверс"

ное житье съ *прежними съ перехожими черкасы*». Значитъ, это былъ далеко не единственный случай перехода черкасъ на московскую службу и что на южной московской чертѣ устраивались цѣлыя поселенія изъ выѣзжихъ иноземцевъ-черкасъ, какъ ихъ тогда звали. Подъемныхъ денегъ для переселенія на Валуйки дано было: 4 руб. съ полтиной атаману, 4 р. есаулу да по 3 руб. каждому рядовому, и кромѣ того каждому на дорогу зелья и свинцу. Вслѣдъ за ними отправился на Валуйки тулянинъ Левонтій Костомаровъ [1]) съ годовымъ для нихъ жалованьемъ (316 руб.) и спискомъ ихъ именъ.

(Изъ кормовыхъ книгъ въ д. дес. N $\frac{\text{нов. } 118}{\text{ст. } 322}$ Мос. Арх. Мин. Юст.)

Другой документъ, именно раздаточная книга денежнаго жалованья служилымъ людямъ, собраннымъ въ 1648 г. на Валуйкахъ для г. службы съ окольн. княземъ Дм. Петр. Львовымъ ради «крымской посольской размѣны», *отчасти* отвѣчаетъ на вопросъ, выдвигаемый предъидущимъ документомъ. Эта раздаточная книга перечисляетъ призванныхъ на время на Валуйки *черкасъ* изъ разныхъ южныхъ городовъ: изъ Оскола 20 челов., изъ Усерда 50 челов., изъ Ольшанска 50 челов., изъ Корочи 150 чел. Это призваніе на службу было не изъ *всѣхъ* южныхъ городовъ и не *всего* наличнаго запаса черкасъ. За указанную службу всѣ вызванные на Валуйки въ госуд. денежн. жалованьѣ и въ службѣ ручалися другъ по другѣ, десятокъ по десяткѣ, что имъ черкасомъ, будучи на Осколѣ (такъ же и относительно Усерда, Ольшанска и Корочи) государю служити и на вѣчное житье строитца по прежнему государеву указу» (л. л. 54, 56, 58, 64 въ к. д. № 119). Оскольскіе, усердскіе, ольшанскіе и короченскіе черкасы получили по семи рублей каждый, валуйскіе же только по 1 рублю въ числѣ 20 человѣкъ (л. 72).

Таковы любопытныя свѣдѣнія указанныхъ двухъ документовъ 1639 и 1648 гг.

В. Н. Сторожевъ.

По поводу библіографической замѣтки г. С. А—ва о соч. Фр. Ленормана: «Руководство къ древней исторіи Востока». Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за настоящій годъ помѣщена библіографическая замѣтка г. С. А—ва о переведенномъ мной соч. Фр. Ленормана: «Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ» и напечатан-

[1]) Срв. М. А. М. Ю. к. д. № 119 л. 3.

Библиотека "Руниверс"

номъ въ 1876—79 гг. въ мѣстныхъ «Университетскихъ Извѣстіяхъ». Въ настоящее время на книгѣ перемѣнена обложка, заглавіе ея искажено, изданіе приписано книжному магазину М. И. Карповича и отнесено къ двумъ послѣднимъ годамъ. Хотя авторъ замѣтки и не высказываетъ своего предположенія относительно виновника этой дѣйствительно «безцеремонной и возмутительной спекуляціи», вводящей въ обманъ покупателей, тѣмъ не менѣе неоднократно повторяетъ мое имя. Изъ боязни, чтобы читатели не заподозрили меня въ этой оскорбительной для меня продѣлкѣ или, покрайней мѣрѣ, въ соучастіи въ ней, я считаю необходимымъ сказать въ свое оправданіе слѣдующее: мой переводъ Ленормана печатался, какъ я уже сказалъ, въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ»: поэтому изданіе его никакому книгопродавцу, и тѣмъ болѣе г. Карповичу, принадлежать не могло; переводъ выходилъ отдѣльными выпусками, которые, за исключеніемъ одного, купленнаго книгопродавцемъ Н. Я. Оглоблинымъ, тотчасъ при появленіи въ свѣтъ пріобрѣтались Л. В. Ильницкимъ, бывшимъ владѣльцемъ магазина, принадлежащаго теперь г. Карповичу; изъ шести выпусковъ переводъ перваго «Египтяне» принадлежитъ не мнѣ и ложно приписывается мнѣ г. Карповичемъ. Сдавъ изданіе гг. Ильницкому и Оглоблину я никогда не принималъ и не принимаю никакого участія въ его распространеніи; поэтому въ перемѣнѣ обложекъ и искаженіи заглавія совершенно не участвовалъ и даже вовсе не зналъ объ этомъ. Всю вину въ этой спекуляціи возлагаю на книгопродавца М. И. Карповича, такъ какъ въ его магазинѣ находятся нераспроданные экземпляры «Руководства». Лично г. Карповича вовсе не знаю.

И. Каманинъ.

P. S. Покорнѣйше прошу редакцію «Историч. Вѣстника» хотя въ самыхъ краткихъ словахъ сообщить мое объясненіе въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ своего журнала.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

1) Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый коммиссіею для разбора др. актовъ и проч. Кіевъ. 1888. Въ 8-ю д. Стр. XXIX + 633 + 6 ненум. + XXXVI.

2) Стороженко Н. В. Западно-русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. (Изслѣдованіе по архивному матеріалу). Кіевъ. 1888. Въ 8-ю д. Стр. 140.

О первой изъ этихъ книгъ слѣдуетъ замѣтить, что она вышла въ свѣтъ гораздо позже выставленнаго на ней года; изслѣдованіе же г. Стороженка, составляющее обработку по болѣе обширному плану того же матеріала, какой вошелъ въ настоящій томъ «Архива», изданный подъ его же редакціею и послужившее темою вступительной его статьи къ этимъ актамъ, хотя и вышло своевременно, т. е. раньше документовъ, на которыхъ основано, но мы сочли болѣе удобнымъ упомянуть о немъ теперь, совмѣстно съ актами и со статьею при нихъ того же автора. Впрочемъ, разбирать изслѣдованія по существу мы не станемъ, такъ какъ разборъ его, вслѣдствіе неразработанности предмета и новизны данныхъ, потребовалъ бы не меньшей по объему статьи и не менѣе времени, чѣмъ самый трудъ г. Стороженка. Притомъ же, теоретическая сторона, вопросъ о генезисѣ и развитіи самого учрежденія сеймиковъ, послужила уже предметомъ обстоятельной, по отношенію къ нашему автору мѣстами, быть можетъ, рѣзкой критической статьи—проф. Бершадскаго въ «Журн. М-ва Нар. Просвѣщенія» (1888, кн. 10, стр. 369—403). Предпочитаемъ остановиться на значеніи спеціальнаго рода документовъ второй части «Архива», издававшихся нѣкогда Иванишевымъ, а теперь г. Стороженкомъ, какъ историческаго матеріала вообще и въ частности матеріала для мѣстной исторіи.

Библиотека "Руниверс"

Намъ кажется, что именно въ отношеніи къ этому основному пункту нашъ авторъ едва ли стоитъ на правильной точкѣ зрѣнія, а собственная неувѣренность отразилась и въ его же словахъ. Задачу своего изслѣдованія онъ опредѣляетъ какъ «изображеніе исторіи, организаціи и дѣятельности сеймика во всей его полнотѣ», и притомъ «главнымъ образомъ на основаніи изданнаго коммиссіею подъ его редакціею, архивнаго матеріала», обнимающаго вторую половину XVII в., т. е. именно «періодъ наиболѣе полнаго развитія и процвѣтанія сеймика» («Сеймики», 2). По такому опредѣленію, мы ожидаемъ имѣть дѣло съ трудомъ по существу историко-юридическимъ, посвященнымъ изслѣдованію спеціальнаго института въ области польскаго государственнаго права. Если на дѣлѣ находимъ иное, такъ какъ этой сторонѣ дѣла посвящена всего только одна первая изъ шести главъ труда г. Стороженка,—то вовсе не по его винѣ, а по той простой причинѣ, что изъ множества разнообразныхъ предметовъ, которые затрогиваются въ сеймиковыхъ постановленіяхъ, меньше всего можно почерпнуть данныхъ для «исторіи» и «организаціи» самыхъ сеймиковъ. При нерегулированномъ со стороны закона и потому чрезвычайно широкомъ кругѣ вѣдѣнія, сеймики обсуждали то государственныя дѣла вообще, то чаще со своей мѣстной точки зрѣнія, то спеціально мѣстные интересы, то дѣла совершенно частнаго характера, занимаясь послѣдними по тому только, что въ нихъ заинтересованъ кто либо изъ вліятельныхъ или патронируемыхъ дворянъ повѣта. Самоорганизаціей они если и занимались, то немедленно же проводили въ жизнь каждое такое постановленіе, не встрѣчая надобности даже его формулировать. Едва ли не единственный примѣръ записаннаго организаціоннаго правила находимъ въ формѣ дезидерата волынскихъ дворянъ о лишеніи права рѣшающаго голоса на сеймикахъ, но не участія въ послѣднихъ, тѣхъ дворянъ, которые не были землевладѣльцами-собственниками въ предѣлахъ воеводства, а только, какъ possessores quocunque titulo juris, фактически присвоили себѣ такое право, пользуясь пробѣломъ въ законодательствѣ; пополненія его волыняне и потребовали. («Архивъ» стр. V, а документъ—276—277). Каждый отдѣльный сеймикъ, именно по отсутствію обязательной нормы, организовался какъ ему вздумалось самому, и такую организацію данной минуты естественно считалъ за наиболѣе совершенную. Не о чемъ было и хлопотать. Фактовъ для исторіи сеймиковъ надо искать только въ немногихъ общихъ указаніяхъ закона (о засѣданіи въ костелѣ, въ видахъ продупрежденія вооруженныхъ дракъ, о вы-

Библиотека "Руниверс"

борномъ ad hoc предсѣдателѣ и т. под.), отчасти въ регламентѣ общихъ государственныхъ сеймовъ, которые могли служить и служили примѣромъ для подражанія, въ сочиненіяхъ современныхъ легистовъ (ими авторъ и пользуется въ I гл. изслѣдованія) и въ отрывочныхъ указаніяхъ современниковъ, такъ какъ до насъ не дошло полнаго дневника ни одного сеймика. Недостаточность матеріала постановленій и была причиною, что г. Стороженко наибольшую и существенную часть своихъ работъ вынужденъ былъ посвятить не самимъ сеймикамъ, а ихъ «отношенію» къ вопросамъ политическимъ, экономическимъ, религіознымъ и сословнымъ (въ статьѣ «Архива» трактуются только двѣ послѣднія категоріи), и одному мѣстно-реальному, — пограничной защитѣ областей.

Самое «отношеніе» это оказывается до такой степени разнообразнымъ и измѣнчивымъ, по мѣсту и времени, что найти въ немъ руководящую нить на основаніи матеріала однихъ постановленій и инструкцій невозможно. Это вполнѣ естественно по юридическому значенію этихъ документовъ, да и самихъ сеймиковъ. Присвоеніе послѣднимъ имени «представительныхъ» собраній мы считаемъ со стороны автора простою обмолвкою. Это были всеобщія, поголовныя собранія помѣстнаго дворянства, въ которыхъ однако принимали участіе и владѣльцы не на вотчинномъ правѣ, арендаторы и залогодержатели имѣній, получавшіе иногда, какъ и случилось въ 1660-хъ годахъ на Волыни, даже перевѣсъ надъ собственниками. Съ этой, и только съ этой одной стороны сеймики можно приравнивать къ вѣчамъ, копамъ, громадамъ и т. под. По строго сословному составу, они могутъ быть сопоставляемы, пожалуй, съ дворянскими собраніями нашего времени, но коренное отличіе послѣднихъ заключается, вопервыхъ, въ имущественномъ цензѣ, а вовторыхъ, въ отсутствіи въ нихъ характера собраній избирательныхъ для центральнаго представительнаго учрежденія. Послѣднею чертою сеймики сближаются съ провинціальными штатами королевской Франціи, но опять различны въ томъ, что рядомъ съ ними не существовало такихъ же собраній другихъ сословій, что французскіе генеральные штаты могли и не созываться, а голосъ послѣднихъ получалъ рѣшающее значеніе только тогда, когда съ нимъ совпадало королевское «plaisir», тогда какъ сеймовымъ депутатамъ Польши, въ ихъ совокупности, принадлежало неограниченное законодательное право, исчезавшее однако безслѣдно отъ одного только отрицательнаго голоса. Предметы вѣдѣнія и объемъ власти по нимъ у сеймиковъ были различны по родамъ дѣлъ,

Библиотека "Руниверс"

отсюда различенъ и характеръ функціи. По однимъ дѣламъ, напр. по праву установлять размѣръ мѣстнаго обложенія на общегосударственныя надобности, сеймикъ обладалъ общею же законодательною властью; по выбору нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, какъ напр. пограничныхъ судей, податныхъ сборщиковъ, или по установленію мѣстныхъ раскладокъ, онъ дѣйствовалъ распорядительно; въ отношеніи выбора пословъ не только въ сеймъ, но и въ частности къ королю, къ гетманамъ, иногда даже къ чужимъ государямъ (отъ Подолья—къ молдавскимъ господарямъ), сеймикъ являлся избирательнымъ собраніемъ и въ тоже время избирательной сходкой, которая вырабатывала для своего будущаго депутата настоящій mandat imperatif въ видѣ «инструкціи». Но такое же значеніе имѣли de facto и самыя постановленія сеймика (ухвалы, lauda), которыя составляли и формулировали вліятельнѣйшіе члены сеймика, а затѣмъ, либо сами являлись его избранниками, либо подставляли въ депутаты своихъ единомышленниковъ или креатуръ. Въ этомъ постановленія сеймиковъ могутъ быть разсматриваемы какъ выраженіе мѣстныхъ желаній и нуждъ, подъ угломъ зрѣнія подавляющаго большинства шляхетскаго сословія въ воеводствѣ, и съ ними можно до извѣстной степени сопоставлять cahiers французскаго дворянства, а еще ближе (безъ отношенія, конечно, къ дальнѣйшимъ результатамъ) разномѣстные, но по одному и тому же сословію, «наказы» депутатамъ въ екатерининскую коммиссію уложенія.

Сообразно бѣгло очерченному здѣсь характеру сеймиковъ и ихъ постановленій, опредѣляется въ главныхъ чертахъ значеніе этого рода документовъ среди прочихъ историческихъ матеріаловъ, намѣчаются слегка и пріемы ихъ изученія. Здѣсь трудно искать источниковъ для уясненія тѣхъ или иныхъ *событій* мѣстной жизни; о нихъ встрѣчаются только упоминанія, хотя иногда и съ неизвѣстными до сихъ поръ подробностями. За то здѣсь выражается пониманіе этихъ событій ихъ современниками и соучастниками, отраженіе одного крупнаго факта на цѣлой категоріи взглядовъ общества, нерѣдко на дѣла, стоящія съ этимъ фактомъ только въ отдаленной связи. Важнѣе всего, что это не результатъ наблюденій единичнаго современника, не его только субъективный выводъ о распространенности извѣстныхъ воззрѣній и о вліяніи на нихъ конкретныхъ фактовъ,—а документально закрѣпленное выраженіе мнѣній всего, или по крайней мѣрѣ большинства, тогдашняго правящаго и наиболѣе образованнаго класса. Словомъ, это свидѣтельства «общества» о самомъ себѣ,—ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ для исторіи политическихъ, въ самомъ широ-

Библиотека "Руниверс"

комъ смыслѣ слова, воззрѣній, для исторіи общественной мысли. Но какъ ни важенъ и ни исключителенъ этотъ матеріалъ, онъ, очевидно, для своей главной темы въ высшей степени недостаточенъ, долженъ войти только необходимою составною частью въ громадную массу другихъ данныхъ. Отдѣльное изслѣдованіе сеймиковыхъ ухвалъ и инструкцій имѣетъ значеніе работы только подготовительной и можетъ быть поведено разными путями. Оно можетъ обнимать напр. послѣдовательный и возможно полный рядъ этого рода документовъ, относящихся къ одной территоріальной единицѣ, воеводству, причемъ можно слѣдить за перемѣнами въ отношеніяхъ мѣстнаго правящаго класса къ той или другой категоріи общественныхъ дѣлъ. Но можно также, какъ это сдѣлалъ г. Стороженко, изслѣдовать сеймиковыя постановленія болѣе обширной области, разгруппировавъ затрогиваемые ими вопросы по ихъ содержанію, а послѣдовательный во времени обзоръ вести по всѣмъ подраздѣленіямъ синхронистически. Конечно, можно еще избрать для изслѣдованія только одну какую нибудь группу дѣлъ, и заняться постановленіями сеймиковъ въ этой сферѣ на всемъ пространствѣ тогдашняго польскаго государства и т. под.

Но какой бы мы ни избрали пріемъ первоначальной разработки, она дастъ намъ только сводъ однородныхъ, одновременныхъ или одномѣстныхъ явленій, такую или иную ихъ группировку, что очень важно, конечно, какъ облегченіе знакомства съ ними. Но внутренней ихъ связи, существеннаго смысла каждаго—никоимъ образомъ не получимъ, пока будемъ разсматривать такой матеріалъ изолированно, не освѣщая его обзоромъ одновременныхъ историческихъ событій и общаго направленія мысли всей націи. Безъ этого, въ нашей системѣ, по необходимости искусственной, явятся не только скачки и пробѣлы, но и странности и вопіющія противорѣчія, лишающія всякой возможности сдѣлать научное обобщеніе. Наглядными примѣрами могутъ служить церковныя, въ частности исповѣдныя, дѣла въ настоящемъ томѣ «Архива», которыхъ г. Стороженко касается въ обѣихъ своихъ работахъ. Въ послѣдней трети XVII в. давнишняя борьба православнаго исповѣданія въ югозападныхъ провинціяхъ нынѣшней Россіи съ католицизмомъ и съ переходною къ нему уніею представляется такъ, что наиболѣе стойкими въ вѣрѣ отцовъ оказываются дворяне волынскіе, выставляющіе значительный еще контингентъ и выдающіяся борцовъ за интересы православія, тогда какъ дворянство восточнѣе лежащихъ воеводствъ, кіевскаго и черниговскаго, представляется состоящимъ изъ однихъ адеп-

Библиотека "Руниверс"

товъ католичества и ревностныхъ его пропагаторовъ. Въ виду направленій, въ какихъ распространялись католическо-уніатская пропаганда (съ З. къ В.) и православная реакція ей (обратно), подобный эмпирическій выводъ представляется даже неправдоподобнымъ. Но онъ совершенно естественъ, коль скоро примемъ во вниманіе мѣстныя различія, вызванныя политическими событіями предыдущихъ лѣтъ. Козачество, даже въ апогеѣ своей силы, на Волыни являлось только завоевателемъ, шляхта, хотя изгоняемая неразъ, немедленно возвращалась, оказывалась на мѣстахъ вся, т. е. и католическая и православная ея часть. Послѣдняя, участвуя въ сеймикахъ, агитировала и въ защиту своего исповѣданія. Кіевская католическая шляхта частью была истреблена, а въ большинствѣ бѣжала, тоже и черниговская; послѣдней не было куда и вернуться, такъ какъ родина ея совсѣмъ отошла къ другому государству. Православная часть тамошней шляхты тоже осталась за государствомъ московскимъ. Изъ кіевской православные шляхтичи, длинные списки которыхъ находимъ въ присяжныхъ росписяхъ 1654 г., частью принуждены были эмигрировать позже за Днѣпръ, частью слились съ мѣстными козаками и тѣмъ самымъ исчезли изъ рядовъ дворянства. Въ указанное время всѣ три воеводства сеймиковали на западной грани Волыни во Владимірѣ, но только одни волынскіе дворяне являлись въ томъ приблизительно составѣ, въ какомъ населяли страну, т. е. съ значительнымъ процентомъ православныхъ, между черниговскими представителей послѣднихъ совсѣмъ не было, они и оказываются большими ревнителями католичества, чѣмъ жители кіевской области, гдѣ православные все таки являлись на сеймикахъ, но только въ видѣ маловліятельной околичной шляхты съ Полѣсья, а сильнѣе всего этотъ элементъ оказывался между волынянами, такъ какъ къ нему принадлежали здѣсь нѣкоторые земянскіе и даже княжескіе роды.

Мы привели примѣръ, наиболѣе рѣзкій по своей ирраціональности, и въ то же время легко поддающійся объясненію; но менѣе выдающіеся и труднѣе объяснимые—въ сеймиковыхъ актахъ края—на каждомъ шагу. Объясненіе ихъ не входило въ задачу ни предисловія, ни отдѣльнаго изслѣдованія г. Стороженка, и его остается только благодарить за изданіе этихъ важныхъ документовъ и первую ихъ обработку, въ смыслѣ группировки фактовъ по ихъ сродству. Относительно самого изданія текстовъ можно только пожалѣть объ изобиліи мѣстами опечатокъ и объ отсутствіи при книгѣ ихъ списковъ въ исправленномъ чтеніи, хотя бы важнѣйшихъ, такъ какъ нѣко-

Библиотека "Руниверс"

торыя слова приводятъ читателя въ недоумѣніе (напр. стр. 290: «boswy» вм. «*barwy*» и besztwami» вм. «lisztwami»), могутъ вовлечь въ ошибку филолога (с. 353: «niąwszy» вм. «uiąwszy») или даже совершенно искажаютъ смыслъ. (с. 386: «z dementiey pańskiey вм. «z clementiey»).

Въ заключеніе, пишущему эти строки, посвятившему не мало времени и труда на составленіе указателей къ изданіямъ кіевской археографической коммиссіи, нельзя не отмѣтить съ особеннымъ удовольствіемъ улучшенія, введеннаго г. Стороженкомъ въ указателѣ лицъ. При имени каждаго изъ нихъ у него находимъ и годъ или крайніе годы, когда оно упоминается въ актахъ, въ качествѣ современника. Всякій кому случалось наводить справки о лицахъ по источникамъ, при отсутствіи у насъ генеалогическихъ росписей и каталоговъ должностныхъ лицъ, оцѣнитъ важное удобство, доставляемое внесеніемъ датъ въ самые указатели, и спеціалисты скажутъ за него г. Стороженку неоднократно спасибо.

Ив. Новицкій.

Józef Tretiak, Historya wojny Chocimskiej 1621 r. Lwów, 1889. (Іосифъ Третякъ, Исторія хотинской войны 1621 г.). Стр. 235.

Хотинская агонія 1621 г., законченная жалкимъ замиреніемъ враждующихъ сторонъ, въ свое время считалась одной изъ блистательнѣйшихъ страницъ въ военной исторіи польскаго государства. Значительно сильнѣйшая турецкая армія отступила отъ Хотина одновременно съ польскою,—такой фактъ считался достаточнымъ для превознесенія славы польскаго оружія. Если бы позднѣйшіе бытописатели задавались цѣлью изображать батальныя подробности и пѣть диѳирамбы, то слѣдовало бы пожалѣть о потраченномъ времени и бумагѣ. Г. Третякъ понялъ свою задачу значительно шире. Его подробное и весьма тщательное изслѣдованіе доказываетъ, по мнѣнію автора, что до наступленія братоубійственной хмельнищины Рѣчь Посполитая была еще достаточно сильна, чтобы занять на востокѣ положеніе великой державы и выполнить широкіе замыслы Стефана Баторія, но конечно подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы разноплеменное населеніе государства сплотилось для этой цѣли въ одномъ общемъ стремленіи. Подъ вліяніемъ такого убѣжденія королевичъ Владиславъ, по восшествіи на престолъ, и пытался двинуть силы польскаго народа противъ турокъ и татаръ.

Библиотека "Руниверс"

Конечно, шведу—королевичу позволительно было заблуждаться касательно боевой годности пріемнаго отечества, но трудно понять, для чего позднѣйшіе историки должны безплодно тратить время на доказательство такихъ антиисторическихъ предположеній. Въ самомъ дѣлѣ, если хотинская драма не закончилась катастрофой въ родѣ цецорской, то этимъ Польша обязана никакъ не своимъ жолнѣрамъ, лисовчикамъ и наемнымъ нѣмцамъ, но всецѣло и исключительно запорожской арміи: козаки, какъ истинно-христіанскіе и неустрашимые рыцари, грудью отстояли пограничье того рабскаго государства, гдѣ мнили быть свободными гражданами,—тогда какъ польское рыцарство позорно дезертировало изъ лагеря, скрывалось въ возахъ для фуража, вѣчно тревожилось, волновалось, купило миръ тайными подарками турецкимъ вельможамъ, бездѣятельно присутствовало при уводѣ татарами польскихъ женъ, дѣвъ и дѣтей въ неволю, согласилось платить туркамъ и татарамъ гарачъ, заботясь лишь о соблюденіи приличій, pour sauver les apparences. Если принять въ разсчетъ, съ какимъ трудомъ полякамъ удалось собрать ничтожную армію къ Хотину; какъ она была дурно снабжена военными и съѣстными припасами, деньгами; въ какой мѣрѣ все это вносило замѣшательство въ военныя дѣйствія; къ какимъ жалкимъ уловкамъ приходилось прибѣгать военнымъ начальникамъ, чтобы успокоить жолнеровъ; въ какой степени потрясена была военная дисциплина въ польскомъ лагерѣ; если вспомнить жалкую исторію посполитаго рушенія, ведомаго яко бы къ Хотину трусливымъ и ничтожнымъ Сигизмундомъ,—то заключительный выводъ г. Третяка покажется болѣе чѣмъ проблематичнымъ. Конечно, польское государство обладало большимъ запасомъ силъ и средствъ, но организовать ихъ для общей цѣли въ данную эпоху органически не могло и не умѣло,—хмельнищина, вырывшая могилу исторической Польшѣ, доказала это какъ нельзя лучше.

Всѣ существенные моменты хотинской драмы, окончившейся сравнительно благополучно благодаря козакамъ и наступленію зимнихъ холодовъ, очерчены въ книгѣ г. Третяка съ должнымъ вниманіемъ и рѣдкимъ безпристрастіемъ. Къ заслугѣ автора должно отнести ту тщательность, съ которою онъ изслѣдуетъ отношенія козаковъ къ польскому государству, туркамъ и татарамъ, въ связи съ наступившей войной, и изображаетъ неоцѣненныя военныя заслуги запорожцевъ въ этой войнѣ. Отсутствіе твердой, послѣдовательной политики относительно козаковъ представляется автору просто удивительнымъ: то поляки возбуждали запорожцевъ противъ турокъ и татаръ,

Библиотека "Руниверс"

то стремились задавить козачество, смотря по вдохновенію минуты. Политика короля Сигизмунда III въ религіозномъ вопросѣ находитъ также справедливую оцѣнку въ книгѣ автора, который замѣчаетъ, что религіозный вопросъ имѣлъ въ данную эпоху чисто соціальную подкладку и что украинцы ненавидѣли унію и католицизмъ не въ силу вѣроисповѣдныхъ различій, но исключительно какъ «панскую вѣру». Нашъ авторъ избѣгаетъ произвольныхъ положеній и стремится поставить ихъ на прочномъ фундаментѣ документовъ. Кромѣ обширной печатной литературы о хотинской войнѣ, онъ извлекъ немало любопытныхъ данныхъ изъ т. наз. портфелей Нарушевича (музей кн. Черторыйскихъ въ Краковѣ), изъ библіотеки института Оссолинскихъ во Львовѣ и архива краковскаго унив-та. Благодаря тщательному и разностороннему изученію предмета, авторъ имѣлъ возможность не только представить правдивую картину борьбы, но и дать немало новыхъ бытовыхъ, финансовыхъ, административныхъ, дипломатическихъ и даже отчасти военно-техническихъ подробностей, представляющихъ высокій интересъ для любителей историческихъ изученій. Отмѣтимъ здѣсь нелишенное интереса библіографическое указаніе на рукопись краковскаго унив-та № 2 «Sposoby obrony Rzpltej od pogań» etc., писанную вслѣдъ за цецорскимъ погромомъ (стр. 47): анонимный авторъ рекомендуетъ двинуть козацкую силу для овладѣнія Крымомъ или же до наступленія зимы выслать войско къ Тегини и Бѣлгороду и занять здѣсь какой-либо пунктъ, откуда козакамъ легко было бы дѣлать свои наѣзды моремъ и сушею; къ козакамъ выслать предварительно какого-либо важнаго саповника съ жолдомъ въ 100,000 зл., раздать мелкія коронныя имѣнія на Украинѣ бѣднѣйшимъ козакамъ, привлечь на сторону Польши Сагайдачнаго съ старшиной и донскихъ козаковъ, успокоить греческую вѣру, и т. д. На дѣлѣ оказалось, что козаки Сагайдачнаго, государственная связь которыхъ съ поляками была въ сущности крайне слабой и двусмысленной, проливали кровь подъ Хотиномъ, такъ какъ наступленіе турокъ грозило общей бѣдой какъ Польшѣ собственно, такъ Украинѣ и Запорожью,— за эту услугу польскіе военачальники выдали запорожскому войску росписку на 50.000 зл. (плата просто смѣшная по своей ничтожности, замѣчаетъ авторъ), но за то не жалѣли самыхъ краснорѣчивыхъ похвалъ и чувствительныхъ благодарностей своимъ спасителямъ. Какъ видно, Сагайдачный прекрасно понималъ цѣну этимъ чувствамъ и принялъ мѣры противъ предательства при заключеніи мира съ турками, которые требовали выдачи козаковъ. Г. Третякъ отмѣчаетъ

Библиотека "Руниверс"

какъ доблесть польскихъ дипломатовъ, что они отказались исполнить это требованіе: доблести мы тутъ не видимъ, ибо козаковъ было подъ Хотиномъ если не болѣе, то и не менѣе поляковъ, вооружены они были лучше, военный духъ ихъ былъ выше; согласись поляки на разгромъ козаковъ отдѣльно,—ихъ собственная участь была бы конечно еще хуже той, которую они испытали по заключеніи «побѣдоноснаго» мира, когда хищные татары сотнями выхватывали плѣнниковъ изъ табора и польскіе трупы усѣяли дорогу въ Каменецъ, а собаки на улицахъ города пожирали человѣческую падаль.

Кромѣ указанной росписки отъ 14 сентября 1621 г., отмѣтимъ еще приведенную въ приложеніи VII книги г. Третяка инструкцію запорожскихъ козаковъ ихъ посламъ въ Варшаву. Указавъ на свои заслуги передъ Рѣчью Посполитою, козаки жалуются на невыплату имъ условленнаго жолда, просятъ объ аккуратной расплатѣ согласно приведенной выше росписке, объ успокоеніи и огражденіи надлежащими грамотами старинной греческой вѣры, объ отдачѣ Боришполя съ окрестностями на запорожскій гошпиталь, въ которомъ нынѣ чувствуется особая нужда, о свободномъ проживаніи козаковъ въ коронныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ имѣніяхъ, о разрѣшеніи поступать на службу къ христіанскимъ государямъ, о вольной охотѣ и рыболовствѣ, объ указаніи поселеній для зимнихъ «лежъ» козаковъ и о недозволеніи стоять здѣсь жолнѣрамъ, особенно въ кіевскомъ воеводствѣ (стр. 232 сл.). **Н. М.**

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію археографическою коммиссіею. Томъ шестнадцатый. Лѣтописный сборникъ, именуемый лѣтописью Авраамки. С. Петербургъ 1889.

Давно ожидаемый XVI томъ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей, наконецъ, появился въ свѣтъ. Думали найти въ этомъ томѣ изданіе нашихъ юго-западныхъ лѣтописей, изданныхъ весьма давно, разными лицами. Изданія эти—Попова, Даниловича, Нарбута—сдѣлались въ настоящее время библіографической рѣдкостью, а между тѣмъ указанныя лѣтописи являются главнымъ, если не единственнымъ, источникомъ для исторіи юго-западной Руси съ конца XIII до конца XV столѣтія, представляя собою остатки, хотя въ измѣненномъ, компилятивномъ видѣ, мѣстныхъ хроникъ Кіева, Волыни, Смоленска и др. Ни пс-

Библиотека "Руниверс"

точники документальные, ни иностранныя хроники,—источники драгоцѣнные сами по себѣ,—не въ состояніи замѣнить ихъ. Лѣтописи сѣверной Руси, даже Никоновскій и Воскресенскій сборники, не могутъ восполнить пробѣла нашихъ свѣдѣній о судьбахъ юго-западной Руси въ указанный періодъ времени при отсутствіи лѣтописей юго-западныхъ. Императорская археографическая коммиссія давно предполагала переиздать послѣднія, «но желаніе собрать возможно большее количество списковъ задержало изданіе». И такъ приходится ожидать выхода въ свѣтъ XVII тома, въ который войдетъ и третья часть изданнаго теперь сборника *Авраамки*. Сборникъ этотъ получилъ такое названіе на основаніи приписки, помѣщенной въ рукописи послѣ второй части сборника: «Въ лѣто 7003 написана бысть сія книга, глаголемый лѣтописецъ, во градѣ Смоленсцѣ, при дръжавѣ великого князя Александра, изволеніемъ Божіимъ и повелѣніемъ господина владыки епископа Смоленъского Іосифа, рукою многогрѣшнаго раба Божіа Авраамка». Самая рукопись найдена въ Полоцкѣ и въ настоящее время принадлежитъ виленской публичной библіотекѣ. Въ 1866 году она была передана для изданія въ Императорскую археографическую коммиссію. Мы не станемъ приводить болѣе подробныхъ данныхъ о самой рукописи, такъ какъ описаніе ея сдѣлано самими издателями; скажемъ только, что рукопись относится къ концу XV и началу XVI вѣка. Остановимся нѣсколько на самомъ сборникѣ. Онъ распадается на три части. Первая часть начинается хронографомъ; затѣмъ слѣдуетъ сокращеніе, *можетъ быть*, новгородской лѣтописи, которая ясно выступаетъ въ изложеніи событій съ конца XIII и начала XIV вѣка. Но со второй четверти XIV столѣтія эту часть сборника Авраамки нельзя назвать *сокращеніемъ* лѣтописи новгородской, такъ какъ мы найдемъ тутъ описанія событій весьма подробныя. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что у составителя нашего сборника была въ рукахъ какая нибудь лѣтописная рукопись изъ разряда такъ называемыхъ софійскихъ скорѣе, чѣмъ собственно новгородскихъ. Нужно впрочемъ, сказать, что сборникъ отличается большой компилятивностью. Составитель его имѣлъ подъ руками нѣсколько разнообразныхъ рукописей какъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, такъ и сѣверныхъ новгородскихъ, но едва ли онъ пользовался лѣтописями псковскими. Все это болѣе или менѣе ясно выступаетъ при первомъ же чтеніи лѣтописи Авраамки. Что у составителя были лѣтописи и древнихъ и новыхъ редакцій одного и того же цикла,—это усматривается изъ повтореній въ его повѣствованіи какъ подъ годами 6485 и 6488, 6494—6495,

Библиотека "Руниверс"

6731 и 6732 и т. д., такъ и подъ другими годами; наконецъ разсказавъ о событіяхъ 6913 года, составитель говоритъ: «*а се съ другого старого*». Во многихъ мѣстахъ составитель не могъ разобрать «книгъ ветшаныхъ» и исказилъ отдѣльныя слова [1]). Вообще нашъ сборникъ представляетъ изъ себя весьма сложную компиляцію: мы найдемъ въ немъ сходство и съ супрасльскою рукописью и съ новгородской IV-й, и съ софійскими лѣтописями, наконецъ, есть извѣстія съ такими оттѣнками въ изложеніи фактовъ, которыхъ, мы не найдемъ ни въ одной изъ сказанныхъ лѣтописныхъ редакцій. Поэтому нельзя, по нашему мнѣнію, сказать утвердительно, что въ такой то части сборника составитель его пользовался такою то лѣтописью. Гдѣ составлена эта компиляція? Принадлежитъ ли она перу Авраамки, или же послѣдній является лишь простымъ списателемъ уже готоваго сборника? На этотъ вопросъ отвѣтить трудно. Самое выраженіе «написалъ», какъ извѣстно, ничего показывать не можетъ. Есть обстоятельства, заставляющія думать, что сборникъ составленъ не въ Смоленскѣ. Соединены всѣ три части, изъ которыхъ онъ состоитъ, можетъ быть, и въ этомъ городѣ, но это уже не составленіе, а простое послѣдовательное списываніе. Если бы первую часть его и вторую составлялъ Авраамка, смольнянинъ, онъ внесъ бы въ него извѣстія изъ древнѣйшихъ смоленскихъ лѣтописей, а не ограничился бы сокращеніемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ и софійскихъ. Нельзя же думать, чтобы въ Смоленскѣ не было съ древнѣйшихъ временъ своей мѣстной лѣтописи, отрывки которой мы находимъ въ другихъ лѣтописныхъ редакціяхъ. Между тѣмъ въ нашемъ сборникѣ смоленскія извѣстія не оригинальны, а тѣ же, что въ новгородскихъ, софійскихъ лѣтописяхъ, или въ Никоновскомъ и Воскресенскомъ сборникахъ. Можно сдѣлать, поэтому, другое предположеніе, что въ Смоленскѣ, какъ и въ другихъ центральныхъ городахъ областей, были свои мѣстныя лѣтописи, ведшіяся аккуратно и аккуратно хранившіяся, и что старались собирать лѣтописи другихъ областей, но не въ оригиналѣ, а въ лѣтописныхъ сборникахъ. Эти сборники добывались, переписывались въ Смоленскѣ и хранились тамъ, можетъ быть, при каѳедральной церкви. Таково было, по всей вѣроятности, происхожденіе и нашего сборника. Всѣ повторенія, указанія на старыхъ лѣтописцевъ и т. д.

---

[1]) Обращаетъ на себя вниманіе одна описка: *Веручій* вмѣсто *Вручій*. *Веручій* напоминаетъ Βεροῦξη Константина Багрянороднаго.

Библиотека "Руниверс"

сдѣланы не Авраамкой, а составителемъ сборника, не смольнянином, или не въ Смоленскѣ, ибо, повторяемъ, составляйся сборникъ въ Смоленскѣ, въ Повѣсть временныхъ лѣтъ и далѣе были бы внесены и смоленскія извѣстія, которыхъ мы въ немъ не видимъ. Вторая часть сборника начинается почти дословной передачей Повѣсти временныхъ лѣтъ и открывается договоромъ Игоря съ греками. Заканчивается она взятіемъ Корсуня въ 988 году. Затѣмъ къ ней приложены юридическіе памятники, какъ Русская Правда, уставы Владиміра св., Ярослава М., Всеволода, уставъ о мостѣхъ Ярослава М., грамота Всеволода церкви св. Іоанна. Тутъ же мы находимъ родословія русскихъ князей, съ нѣкоторыми весьма интересными замѣтками. Какъ источникъ для исторіи юго-западной Руси, сборникъ Авраамки не даетъ почти ничего такого, чего бы мы не нашли въ другихъ лѣтописяхъ. Третья часть сборника, содержащая въ себѣ лѣтопись великихъ князей литовскихъ, должна появиться въ XVII томѣ. Будемъ надѣяться, что она дастъ намъ болѣе данныхъ для исторіи юго-западной Руси и, можетъ быть даже, пополнитъ пробѣлы лѣтописей Попова-Даниловича и Быховца. XVI томъ изданъ подъ редакціей гг. Бычкова и Бестужева-Рюмина, а указатель составленъ г. Барсуковымъ.

П. Г.

Tadeusz Sternal, Oblężenie Kamieńca w powieści i historyi. Studyum historyczno-literackie (Lwów, 1890) (Тадей Стерналь. Осада Каменца въ романѣ и исторіи. Литературно-историческій этюдъ). Стр. 48.

Въ III томѣ своего историческаго романа «Панъ Володыевскій» г. Сенкевичъ даетъ эффектное описаніе взрыва Каменецкаго замка 1672 г., заранѣе задуманнаго патріотическими Вол—мъ и майоромъ Кетлингомъ. По справкѣ съ источниками оказывается, что авторъ романа въ этомъ случаѣ черпалъ главнымъ образомъ, если не исключительно, изъ современнаго описанія паденія Каменца, составленнаго не безъ поэтическихъ прикрасъ летичевскимъ стольникомъ Станисл. Маковецкимъ, изд. въ 1886 г. Бѣда въ томъ, что источникъ г. Сенкевича представляетъ дѣло иначе: Володыевскій въ моментъ взрыва былъ на конѣ и думалъ бѣжать; самый взрывъ произошелъ или вслѣдствіе простой случайности, или даже по винѣ Кетлинга, желавшаго

Библиотека "Руниверс"

скрыть такимъ путемъ допущенные имъ въ цейхгаузѣ безпорядки,— какъ бы то ни было, въ источникахъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы окружать этотъ подвигъ, благодаря которому безъ нужды погублено до 500 польскихъ жолнѣровъ, поэтическимъ ореоломъ, какъ это сдѣлалъ г. Сенкевичъ. Если г. Сенкевичъ однако направилъ свою фантазію такимъ фейерверочнымъ путемъ, то это какъ нельзя болѣе понятно: ему нужно возвысить своего шляхтича-воина всѣми дозволительными для поэта средствами. Но трудно понять, для чего-бы историко-литературная критика должна была подыскивать эстетическія оправданія для этой фальсификаціи. И дѣйствительно, всѣ соображенія г. Стерналя оказываются мало убѣдительными, разъ онъ признаетъ фактъ идеализаціи г. Сенкевичемъ своихъ героевъ въ ущербъ исторической истинѣ. При слабомъ развитіи историческихъ знаній въ обществѣ, романы г. Сенкевича могутъ быть и служатъ свою полезную службу и даютъ пріятное возбужденіе фантазіи читателя, но не слѣдуетъ преувеличивать ихъ дѣйствительной цѣнности, какъ популярнаго изображенія былого: внутренней правды въ нихъ мало.

Н. М.

И. Палимпсестовъ. Степи юга Россіи были-ли искони вѣковъ степями и возможно-ли облѣсить ихъ. (Зап. Имп. Общ. Сел. Хоз. Ю. Р. 1889 г. №№ 3—12).

Авторъ, горячій и убѣжденный защитникъ существованія лѣсовъ на югѣ Россіи въ прежнее время и возможности разведенія ихъ нынѣ, ставитъ себѣ цѣлью: 1) разобрать всѣ мнѣнія contra и изложить собственное pro, подкрѣпляя его мнѣніями единомышленниковъ и 2) доказать возможность облѣсить южныя и подобныя имъ степи Европ. Россіи. Въ длинномъ рядѣ статей авторъ выполняетъ преимущественно первую часть задачи. Читатель, интересующійся этимъ вопросомъ, найдетъ здѣсь очень много фактическихъ данныхъ и соображеній, часто весьма интересныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Библіографическое извѣщеніе.

ВЫШЛА 4-я КНИГА

Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца.

Содержаніе: Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историч. Общества Нестора лѣтописца въ 1889 г. — Изъ археол. экскурсіи въ припетское Полѣсье В. З. Завитневича (со снимками).—Вторая археол. раскопка ок. с. Саратъ въ ю. Бессарабіи. Ѳ. И. Кнауэра (съ черт.)—Черты семейнаго права въ зап. Россіи въ половинѣ XVI в. М. Ф. Владимірскаго-Буданова.—Обзоръ юж.-рус. и з.-рус. памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. II. В. Владимирова.—Дмитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III. В. С. Иконникова.—Волненія помѣщичьихъ крестьянъ кіев. губ. въ 1855 г. М. Н. Ясинскаго.—Катехизисъ, албо вызнаніе вѣры святое соборное, апостолъское, въсходнее церкви (1600 г.). Сооб. С. Т. Голубевъ. — Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи. Сооб. А. М. Лазаревскій.—Экстрактъ изъ журнала слѣдованія резидента Неплюева изъ Кіева въ Константинополь въ 1746 г. Сооб. М. Ф. Владимірскій-Будановъ.

Цѣна 2 р. 50 к. За пересылку прилагается **25 к.**

Съ требованіями обращаться въ г. Кіевъ, въ Ист. Общ. Нестора лѣтописца при унив. св. Владиміра или въ редакцію журнала „Кіевская Старина“.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

1890 Г.—ГОДЪ 2-й.

издаваемое этнографическимъ отдѣломъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ,

подъ редакціей секретаря отдѣла Н. А. ЯНЧУКА,

при участіи слѣдующихъ лицъ: проф. В. Б. Антоновича, проф. Д. Н. Анучина, проф. Д. И Багалѣя, Е. В. Барсова, П. М. Богаевскаго, акад. Ѳ. И. Буслаева, М. К. Васильева, акад. Александра Н. Веселовскаго, проф. Алексѣя Н. Веселовскаго, Э. А. Вольтера, Н. Л. Гондатти, В. П. Горленка, М. В. Готовицкаго, А. Н. Грена, С. Я. Дерунова, М. В. Довнаръ-Запольскаго, М. Довойно-Сильвестровича, проф. М. С. Дринова, И. Е. Забѣлина, Н. К. Зейдлица, А. П. Звонкова, А. А. Ивановскаго, П. В. Иванова, А. А. Казмина, В. В. Каллаша, В. В. Кандинскаго, проф. А. И Кирпичникова, М. М. Ковалевскаго, проф. Ѳ. Е. Корша, Г. И. Куликовскаго, Ю. Н. Мельгунова, проф. В. Ѳ. Миллера, П. Н. Милюкова, А. Н. Минха, В. М. Михайловскаго, А. Н. Пыпина, Е. Р. Романова, А. П. Сапунова, В. И Сизова, проф. И. Н. Смирнова, проф. А. И. Соболевскаго, проф. М. И. Соколова, Е. Т. Соловьева, проф. Н. Ѳ. Сумцова, А. А. Титова, акад. Н. С. Тихоправова В. Тихонова, В. К. Трутовскаго, проф. Г. А. Халатова, А. Н. Харузина, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, П. В. Шейна, Н. М. Ядринцева, Е. И. Якушкина и др,

Изданіе посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи при чемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій будутъ служить слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды.
2. Народная словесность, языкъ.
3. Народная музыка и др. искусства.
4. Народная медицина.

Библиотека "Руниверс"

5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.

6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.

7. Историческая и доисторическая этнографія.

8. Обзоръ жизни и дѣятельности русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, будутъ помѣщаться также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе.

Обширный библіографическій отдѣлъ изданія заключаетъ въ себѣ:

1. Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, но скольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.

2. Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданій: ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ, ежедневныхъ и др., съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3. Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ „Смѣси“ сообщаются мелкіе этнографическіе матеріалы.

Наконецъ, въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также приложенія: портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ и т. п.

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ (въ 12—15 листовъ каждая) приблизительно въ слѣдующіе сроки: 1-я кн.—въ началѣ марта, 2-я—въ началѣ іюня, 3-я—въ концѣ сентября, 4-я—въ концѣ декабря.

Цѣна годовому изданію безъ перес. **4** р. **50** к., съ перес. **5** р., за границу **6** р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ по **1** р. **50** к. съ перес. Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка **40%**.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина, (Москва и Петерб.), Н. П Карбасникова, (Моск., Петерб. и Варшава), А. А. Карцева (Москва), Н. И. Мамонтова (Москва) и А Ланга (Москва).

Дозволено ценз. Кіевъ, 16 мая 1890 г.

Библиотека "Руниверс"

Тоей жъ осени, якъ былъ Хмельницкій подъ Львовомъ, вышелъ ханъ зо всѣми ордами своими, на городы козацкие, почавши отъ Смѣлои, на городище на Волховецъ, на Звинигородку, тянулъ противно Хмелницкого; а подъ всѣма городами украинскими было множство татаръ, хотячи добывати городовъ, бо ханъ розгнѣвався на Хмелницкого за тое, що здався москалеви и тыихъ козаковъ, що зъ городовъ украинскихъ ишли до Хмелницкого, албо отъ Хмелницкого сподъ Львова, татаре ловили и самого Хмелницкого, споткавши его подъ Озѣрною, мало не розбили, бо войско свое Хмелницкій роспустилъ былъ, и мало що было при немъ. Потимъ, змиривши съ ханомъ, самъ Хмелницкий былъ у него въ наметѣ, а поговоривши зъ собою наединѣ, розошлися въ покою; и пришедши Хмелницкий съ той дороги въ Чигиринъ, захоровалъ.

1656. Антонъ, судия енералный козацкій, ходилъ въ зимѣ на вендры, бо на той часъ вторгнули были вендры до Полщи, а знявшися зъ шведскимъ королемъ той Антонъ, Варшаву, Краковъ и иншие городы по за Вислою, воевали.

Того жъ лѣта, Хмелницкій сына своего Юрася, еще молодого, съ Чигирина выправилъ до войска, на Ташлыкъ.

Того жъ часу, Хмелницкий гетманъ померъ, а сынъ его на Ташлыку стоялъ недѣль шесть; а повернувшися до Чигирина, уже отца своего не засталъ живого.

Того жъ року, Силивестеръ Косовъ, митрополитъ киевский, померъ. А по Хмелницкомъ Іоанъ Выговскій, писарь енералный, зосталъ гетманомъ козацкимъ.

1657. Подъ Полтавою Пушкара, полковника полтавского, который былъ збунтовался на Выговского [1]) гетмана, подъ Полтавою козаковъ его збилъ, самого поймавши, казавъ стяти Выговский.

Того жъ лѣта, Данило Выговский подступилъ подъ городъ московский киевский, отъ монастыра Печерского, зъ войскомъ козацкимъ, а Яненко, полковникъ киевский, зъ другого боку съ козаками стоячи на Шкавици, добывали города московского. На той часъ

[1]) Приписка: По дурачеству гетмана началась измѣна.

Библиотека "Руниверс"

въ городѣ воеводою былъ Борисъ Василиевичъ Шереметъ; а потымъ, гды дня едного Данило Выговский былъ веселъ, Москва, вышедши зъ города, обозъ Данилковъ розбили, и козаковъ много згинуло, а Данилко Выговский самъ ледво утеклъ. Тогды же и Киевъ прежде добываня своего, москалѣ городъ Киевъ спалили ввесь; и тая война названа есть скавичщина.

1658. Григорий Гуляницкій, полковникъ миргородский, отъ Москвы былъ въ облеженю въ Конотопѣ, которого Выговскій гетманъ, пришедши съ козаками и ордою, освободилъ, а Москву всю избилъ [1]).

1659. Иванъ Выговский, подъ Хвастовомъ, Юрію Хмелницкому булаву и гетманство отдалъ.

Того жъ лѣта, за Цюцюры, полковника переяславскаго, козаки въ Переяславлѣ, въ Нѣжинѣ, въ Черниговѣ ляховъ выбили и Немѣрича пана благочестивого, который зъ лютра тогды зосталъ благостивый, мужикъ стявъ косою.

Того жъ року, Юрый Хмелницкий цару московскому поклонилъся.

1660. Борисъ Василиевичъ Шереметъ зъ войскомъ великимъ московскимъ и козаками, которыхъ былъ гетманомъ сѣверскимъ Цюцюра, вышелъ съ Киева, на Полщу воевати, которыхъ москалевъ съ Шереметомъ и Цюцюрою ляхи подъ Чудновомъ осадили, а потомъ москва и козаки, будучи голодомъ зморены, за перевазиею Івана Виговского, который былъ уже зъ ляхами, ляхомъ здалися, а ляхи Шеремета, зъ москвою и козаками, въ неволю отдали татарамъ, тылко Цюцюру до себе взявши, вязенемъ его въ Дубнѣ мучили, а потымъ на Вкраину зъ Дубна, утекъ и умеръ.

1661. Юрий Хмелницкий гетманъ, который зменилъ цару московскому, а поклонившися королеви полскому Яну Казимирови, переправившися чрезъ Днѣпръ, ишолъ подъ Переяславль добывати въ немъ Ромодановского, воеводу московского, и станулъ о полмилѣ отъ Днепра, зъ войскомъ своимъ, а Ромодановскій изъ Якимомъ Сомкомъ, дядкомъ Хмелницкого, гетманомъ сѣверскимъ,

---

[1]) Приписка: Тутъ убито изъ россійского войска сорокъ князей.

Библиотека "Руниверс"

вышедши зъ войсками московскими и козацкими, пошелъ инсперате потоптомъ на Хмелницкого, который, не могучи прийти до справы, утекати почалъ на конехъ презъ Днѣпръ, противъ Канева, и потонуло козаковъ его и ляховъ тисячи десеть и килка сотъ, отъбѣгша всего табору; а хто не вспѣлъ утекати, тыхъ москалъ побили. А потымъ, орда пришла сильная на Вкраину, по которую Хмелницкий посылалъ, але на той часъ не приспѣла gды Ромодановский гонилъ Хмелницкого, и много шкоды въ людяхъ починила.

И на той часъ Климентия Старушича, ігумена выдубицкого, подъ Лубнами взяли съ челядью, который ѣздилъ на Преображение Господне до Мгара, на празникъ; на той часъ у Мгарѣ былъ ігуменомъ Викторъ Загоровский; але Старушича законники терехтемѣровскии выкупили.

1662. Юрый Хмелницкий въ Чигиринѣ Павлу Тетерѣ отдалъ булаву и гетманство, а за Днѣпромъ Сомко былъ гетманомъ; а Хмелницкий постригся въ чернцѣ въ монастыру Курсунскомъ; стриглъ его Дионисій Балабанъ, митрополитъ киевский, а игуменомъ на той часъ въ Корсунскомѣ монастыру былъ Ѳеодосий Углицкій.

1663. Рада, албо зрада чернецкая, козацкая была подъ Нѣжиномъ, и тамъ Івана Бруховецкаго москалѣ учинили гетманомъ, а Сомка гетмана и Васюту Золотаренка, полковника нѣжинского, Оникѣя Силѣча, полковника чернѣговскаго, полковника переяславского Шамрицкого и еще пятого человѣка знатнаго казалъ Бруховецкий постинати татаринови въ Борзнѣ; итакъ зостали мучениками, бо невинне потрачено ихъ.

Того жъ году, Сѣрко зъ Запорожья приходилъ добивати Чигирина, але не добывши, отступилъ.

1664. Тетера да Чернецкій и Маховский Івана Выговскаго казалъ рострѣляти; а онъ на той часъ въ избѣ поклякнувши, читалъ акафистъ пресв. Богородици; похованъ въ Великомъ Скитѣ, изъ жоною своею Стеткевичовною, которой gды сказано, уже пана забито, пала и умерла, зоставивши сына единого своего, еще невеликого.

Библиотека "Руниверс"

Того жъ року, Чернецкий зъ жолнѣрами своими, въ постъ великий, въ середу першого тиждня, о вечерней годинѣ, пришелъ до Чигирина и облѣглъ Сѣрка въ Бужинѣ, а Сѣрко на самый день Воскресенія Христова, вышедши зъ своими козаками зъ замочку, инсперате вдарилъ на ляхи и много ихъ постиналъ и покололъ; и пошолъ въ поля чрезъ Медведовку волно, а Чарнецкій Бужинъ и Суботовъ спалилъ и тамъ въ Суботовѣ тѣло старого Хмелницкого и Тимоша сына его, которого подъ Сочавою забито, казалъ съ гробовъ въ рынку выкинути на непелище. Суботовъ тогды былъ пустъ, а псовъ съ Чигирина, зъ Суботова и зъ иншихъ пустыхъ мѣстъ украинскихъ, великое множство было, которыи чередами ходячи, не только мертвыхъ трупы ѣли, але и живымъ людемъ шкодили; а Чернецкий, набравши скарбовъ и гарматъ, вышолъ съ Чигирина, для того же и самъ Тетера, гетманъ, съ Чигирина до Полщи выражался; тылко Хлопицкий зъ ляхами въ Чигиринѣ зостался.

Того жъ року, Янъ Казимиръ, кроль полскій, зъ войскомъ полскимъ и татарскимъ и козацкимъ другого боку Днепра, былъ за Днепромъ; Рождество Христово отправовалъ въ Козелцу, и Глухова добывалъ недѣлъ четыри; а не доставши, отступилъ и пошелъ до Полщи, gды жъ весна наступовала. А gды былъ въ Корсунѣ, идучи на Заднѣпре, тамъ Іосифа Нелюбивича Токалского, митрополиту (по Балабанѣ) киевского и хмелницкого, котрого въ иночествѣ названо Гедеономъ, казалъ запроводити до Майборку, на заточение, а Антония Винницкаго учинилъ митрополитомъ, епископа переяславского (перемышльского?).

1665. Тетера вышолъ исъ Чигирина, не здавши никому гетманства.

Того жъ року, Бруховецкий Чигирина добывалъ недѣлъ четыри, а не добывши, отступилъ. По Тетерѣ насталъ гетманомъ Опара, а потымъ его татаре съ козацкого табору взяли зъ собою въ Кримъ. Потымъ Дорошенко въ Чигиринѣ зосталъ гетманомъ.

Того жъ року, Бруховецкий оженился на Москвѣ.

1666. Солнце мѣнилося, але не все, въ Петровку, въ пятокъ десятый по Воскресеніи Христовѣ.

Библиотека "Руниверс"

Тогожъ року, былъ перепись во всей Малой Россіи, по указу цара московского, якъ много людей на Вкраинѣ, старыхъ и молодыхъ, и въ пелюшкахъ писано.

Того жъ року, на святого пророка Илию, козаки, направленые отъ Дорошенка, убили Данка, полковника переясловского и судию енералного, а потымъ и иншихъ немало, и ввойшли въ Переяславъ и, выпаливши мѣсто, утекли за Днѣпръ до Дорошенка.

Того жъ року, Никона, патриарху московского, зложили съ патриаршества, патриарха александрийский, другий антиохийский и невинне въ заточение послано, за росказанемъ цара Алексѣя Михайловича.

1668. Бруховецкий, гетманъ, Алексеови Михайловичу, цару московскому, зменилъ и воеводъ московскихъ и москаловъ по городахъ велѣлъ бити.

Того жъ часу, Москва Переяславль допалила и Нѣжинъ ввесь спалила.

Того жъ року, Дорошенко пришелъ подъ Полтаву въ чернецкую раду, а Бруховецкий зъ Гадячого ишолъ въ тую жъ раду; и тамъ его запорозци забили, а Дорошенко отъ обоихъ сторонъ Днѣпра зосталъ гетманомъ.

Того жъ року, Ромодановского, гетмана и воеводу московского, у Бѣлыхъ Вежахъ татаре осадили и сына его подъ Ичнею на бою взяли.

1669. Демяна Многогрѣшного Москва въ Глуховѣ, третей недѣли посту великого, гетманомъ учинила и той обралъ себѣ жити въ Батуринѣ гетманское; и по немъ иншие гетманы тамъ живутъ.

1672. Цесаръ турецкий самъ былъ подъ Каменцемъ-Подолскимъ и взялъ его августа дня 18, а по Львовъ посылалъ Капланъ-пашу зъ войскомъ турецкимъ и татарскимъ и Дорошенкомъ съ козаками, который паша добывалъ его моцно, але не добылъ; а Дорошенко послалъ до монастыра Креховского, споды Львова, Івана Мазепу; Капланъ паша не вѣдалъ и послалъ часть войска турецкого и татарского добывати того жъ монастыра, а gды пришло войско его тамъ, били ихъ, боронячися, чернцы добре и ханского

Библиотека "Руниверс"

забито сестренца gліотомъ желѣзнымъ; и самъ залога Іванъ Мазепа зъ ручници много турковъ трупомъ положилъ, за що велми розгнѣвався ханъ и болшую громаду войска татарского и турецкаго добывати Крехова послано. Видячи черницы, же трудно оборонитися, здалися туркомъ и дали за себе окупу срѣбра церковного каменей чтыри и таляровъ тисячу; а такъ отишли отъ нихъ турки и пришли до цесара, до Каменца Подолского, а на той часъ Михаилъ, кроль полский, Корибутъ Вишневецкий, съ посполитымъ рушеньемъ, стоялъ въ Великой Полщи, подъ Голембемъ, а Янъ Собѣский, гетманъ и маршалокъ великий коронный, зъ войскомъ кварцянымъ полскимъ, былъ въ Покутю и подъ Калушемъ мѣстомъ билъ велми орду; а самъ вожъ ихъ Адзи-gерей султанъ блудилъ по лѣсу дней 5, ажъ его мужикъ еденъ выпровадилъ на дорогу, а онъ ему за то далъ 30 червоныхъ. А львовяне поступили дати, ѣднаючи турковъ, сорокъ тисячий червоныхъ золотыхъ, а сорокъ таляровъ битыхъ; и дали въ заставу имъ двохъ мещанъ Руси, двухъ знову мещанъ поляковъ, двохъ мещанъ ормяновъ, и они отступили оды Львова, але напотымъ въ лѣтъ килка тыхъ всѣхъ мещанъ турчынъ о замѣнъ за едного великого якого татарина пустылъ съ Каменца до Львова, безъ датку вышъпомененной сумы.

1673. Михаилъ, кроль полскій, во Львовѣ умеръ.

Того жъ часу, Янъ Собеский, гетманъ и маршалокъ великий коронный, зъ гетманомъ литовскимъ Пацомъ, маючи при собѣ войска коронное и литовское, збили турковъ подъ Хотѣнемъ, послѣ Покрови, и обозъ взяли; тамъ Янъ Собеский въ замку Хотѣнскомъ грошей мишокъ сѣмъ взялъ скарбу турецкого.

Того жъ лѣта, Янъ Собеский, гетманъ, зосталъ кролемъполскимъ.

1674. Цесаръ турецкий самъ особою своею другий разъ вышолъ и городы козацкие: Умань, Ладижинъ, Збаражъ, Подгайци и иншие городки побуривши, людей множство великое забрали въ полонъ, а то Дорошенко цесара на тое озрушилъ, бо уманци были збунтовалися и сами межъ собою улицами билися, едны себе турецкими, а другіи московскими називаючи; якъ же пришолъ турчинъ, такъ всѣ погинули.

Библиотека "Руниверс"

Того жъ времени, въ постъ великий, Демяна Многогрѣшного, гетмана козацкого, москалѣ на заточение въ Сибѣрь заслали, а Івана Самойловича гетманомъ учинили.

1675. Петро Дорошенко цару московскому съ Чигирина прислалъ до Москвы санджаки турецкие.

1676. Алексей Михайловичъ, царъ московский, померъ генваря дня 10, а по немъ зосталъ царемъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, сынъ его.

Того жъ року, Петро Дорошенко цару московскому поклонился и поѣхалъ до Москвы зовсѣмъ на мешкане и тамъ былъ въ чести царской; а пожившы лѣта многие, умеръ на Москвѣ.

1677. Имбраимъ паша Чигирина зъ великимъ добывалъ войскомъ турецкимъ и татарскимъ, але стративши войска не мало, якъ бы часть болшую, турецкого и татарского, самъ три разы подбѣгалъ подъ замокъ умыслне, хотячи, абы его забыто, а потымъ завстыдомъ отступилъ до дому.

1678. Азем, везиръ турецкий, взялъ Чигиринъ, мѣсяца августа дня 11, въ недѣлю.

Того жъ року, комета великая показалась, то есть звѣзда зъ хвостомъ, зимою, и килка недѣль трвала.

1679. Янъ Третий, кроль польский, подъ Журавномъ съ турецкимъ пашею, названымъ Сайтанъ паша, мѣлъ войну, а потомъ згодилися зъ собою лѣтъ на шесть.

На той часъ скитъ великий, монастыръ въ Покутю лежачий, турки спалили, а що въ Галичу, въ Тисменици, Чортковѣ, Богородчанахъ и по иншихъ мѣстахъ, людей въ Покутю и ку Подолю забрали были турки, всѣхъ въ цѣлости при згодѣ, которыхъ было на тисячий 8, королеви полскому отдали, и ігумена скитского зъ килку братиями; на той часъ былъ ігуменомъ Дорофей.

1680. Феодоръ Алексѣевичъ, царъ московский, посылалъ Василия Васильевича Голицина, зъ войскомъ великимъ, на защиту отъ Турковъ краю малороссийскому.

1681. Марта мѣсяца дня 23, громъ былъ, противъ Лазаревой суботы, зъ страшною велми блискавицею.

Библиотека "Руниверс"

Того жъ року, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царъ, далъ монастыръ Свинский подъ Печерский монастырь.

1682. На святого апостола Матфея, ноемрия 16, земля траслася.

Того жъ року, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царъ московский, померъ, въ четвергъ недѣли ѳоминой, априля 27 дня, царствовалъ лѣтъ 6 и мѣсяцей два.

Того жъ лѣта, мая 15 дня, стрелцы московские много бояръ погубили въ мѣстѣ своемъ столечномъ Москвѣ, на Красной площади; столпъ каменный тамъ же были поставили, а потымъ его до основанія розбили.

Того жъ лѣта Іоанъ и Петръ Алексѣевичи, царя Алексѣя Михайловича сынове, братия единоутробния, начали царствовати въ Москвѣ; короновалъ ихъ Іоакимъ, патриарха московский.

1683. Инокентий Гизель, архимандритъ печерский, умеръ, а по немъ насталъ Варлаамъ Ясинский.

1684. Янъ Третий, кроль польский, подъ Виднемъ, мѣстомъ цесара христианского, турковъ збилъ и великии скарбы тамъ взялъ и намет везерский, который былъ вздовжъ на сажней 40, вшеръ на сажней 20, а верховъ мѣлъ 43, и короговъ махометанскую взявши, послалъ до Риму; а потымъ, гонячи везира, котрый сподъ Ведня утеклъ, мѣсто великое цесарское названое Стригония, котрое турки завоевали были у сто лѣтъ, того жъ дня якого взяли, цесарови отшукалъ и тамъ кавалерию турецкую, тисячий 80, трупомъ положилъ, а татаре утекли, бо ихъ тамъ убито тисячий три.

1685. Іоанъ и Петръ, цари московские, зъ Яномъ Третимъ, кролемъ полскимъ, учинили вѣчное зъ собою примирье.

Того жъ року, перший митрополитъ киевский Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинский, отъ Іоакима, патриархи московского, посвященъ на Москвѣ на митрополию киевскую.

Того жъ року, въ Глуховѣ старой замокъ згорѣлъ, августа 13, съ четверга на пятокъ.

1687. Іоанъ и Петръ, цари московские, князя Василия Васильевича Голицина посылали воевати Кримъ, который зъ великимъ

Библиотека "Руниверс"

войскомъ московскимъ и козацкимъ пришедши на Самаръ, поставилъ городъ и назвалъ его городъ Бѣлогородицкий (sic) и пошолъ былъ далей въ татарскую землю, але не бывши въ ней, вернулся; тамъ же Ивана Самойловича, гетмана козацкого, зъ двома сынами, взято на Сибѣръ; а на Коломаку тогды жъ козаки учинили гетманомъ Івана Мазепу, а Самойловича взято за тое на Сибѣръ, що хотѣлъ здрадити Москву и зъ ордою братерство мѣти [1]).

1688. Иоаннъ и Петръ, цари московские, того жъ Голицина знову на Кримъ зъ великимъ войскомъ московскимъ и козацкимъ посылали, а ханъ кримский стрѣтилъ его съ потугою татарскою, и орда вешталася около войска; але же войско Галичино было велми великое и шло якъ вода не застановляючися, тылко отерѣлювалися; а пришедши подъ перекопские ворота, не учинивши жадное потребы военной, отишолъ до Москвы и засланый есть на заточение въ Сибѣръ.

1690. Саранча была великая, мало не по всему свѣту.

Того жъ року, Іоакимъ, патриарха московский, умеръ марта 17.

Того жъ року, априля дня 7, Гедеонъ Святополкъ, митрополитъ киевский, померъ, а Варлаамъ Ясинский, архимандритъ Печерский, зосталъ митрополитомъ киевскимъ; ставилъ его на Москвѣ, Адрианъ, патриархъ московский.

1691. Марта дня 4, въ пятницу, годины 4, день, сонце мѣнилось на три части роздѣлившися и дуги посредъ неба стояла рогами на полночъ; трвало тое затмене на годину.

1692. Ѳеодосий Углицкий зосталъ архиепископомъ чернѣговскимъ, посвященъ отъ Адриана, патриарха московского, на Москвѣ.

1693. Лазарь Барановичъ, архиепископъ чернѣговский умеръ, живъ лѣтъ всѣхъ 77, правилъ престолъ лѣтъ 36, погребенъ въ катедрѣ чернѣговской, за лѣвымъ крилосомъ.

1695. Зима великая лежала и снѣгу было велми много, ажъ до святого великомученика Георгия.

Того жъ року, Казикерменъ, городъ турецкий, Іванъ Мазепа, гетманъ козацкий, и Борисъ Петровичъ Шереметъ, зъ войсками козацкими, узяли.

[1]) Приписка: брѣдши, неправда.

Библиотека "Руниверс"

Того жъ року, Петръ Алексѣевичъ, царъ московский, ходилъ подъ городъ турецкий Азовъ и много тамъ войска погинуло московского; и отступилъ назадъ отъ нихъ.

1696. Іоаннъ Алексѣевичъ, царъ московский, преставился мѣсяца января 29 дня; а прежде смерти его отворалося небо и были два мѣсяцы на небѣ и билися зъ собою.

Тое жъ зимы, орда была великая на Вкраинѣ, зъ Петрикомъ.

Того жъ року, Ѳеодосий Углицкий, архіепископъ чернѣговской, померъ и похованъ въ катедрѣ чернѣговской, за правымъ клиросомъ.

Того жъ лѣта, Петръ Алексѣевичъ, царъ московский, ходилъ подъ Азовъ разъ другий и взялъ его, за поводомъ и отвагою Якова Лизогуба, полковника чернѣговского, который то Лизогубъ казалъ козакамъ своимъ засыпати фосу ровно зъ валомъ; и взяли его, и заразъ царъ осадилъ его людомъ своимъ, москалями.

1697. Янъ Третий, кроль полский, умеръ; былъ то панъ мудрый, богатый и ялмужникъ великий, любилъ благочестивыхъ, надавалъ на монастырѣ и церкви милостыню и на войнахъ былъ щасливый.

Того жъ року, Іоаннъ Максимовичъ зосталъ архіепископомъ чернѣговскимъ; святилъ его Адріанъ, патріарха московский,на Москвѣ.

Тогожъ року, перший архимандритъ въ Чернѣговѣ, въ монастыру чернѣговскомъ Ілинскомъ, посвятился Лаврентий Крщоновичъ; (святилъ?) на Москвѣ его крутицкий митрополитъ.

Того жъ року, Константинъ Мокиевский, киевский полковникъ, зъ Палѣемъ ходилъ подъ Очаковъ городъ татарский, и много ясыру и здобычи привезли [1]).

1698. Августъ, княжа саское, зосталъ королемъ полскимъ.

Того жъ року, Яковъ Лизогубъ, полковникъ чернѣговский, умеръ.

1699. Солнце мѣнилося септеврия 13, въ середу; тогды былъ Іванъ Мазепа, гетманъ, въ Чернѣговѣ.

Того жъ року, турки Каменецъ Подолский Августови, королеви полскому, доброволне, зъ росказаня цесара своего, отдали.

---

[1]) Приписка: Того жъ року дорогувля на Вкраинѣ, и въ Полщи и по иныхъ націяхъ была.

Библиотека "Руниверс"

Того жъ року, Іосифъ Шумлянский, епископъ львовский, зосталъ унѣатомъ.

Того жъ року, Михаилъ Лежайский, архимандритъ Новгорода Сѣверского, умеръ.

1700. Адріанъ, патріарха московский, померъ октоврия дня 16.

1701. Кроль шведский Полщу звоевалъ, за поводомъ Сапѣги, гетмана великого литовского, который противко короля полского Августа повсталъ.

Того жъ року, Іванъ Обидовский, полковникъ нѣжинский, будучи гетманомъ наказнимъ, подъ Рудовлемъ, мѣстомъ шведскимъ, померъ; похованъ въ Печерскомъ монастыру киевскимъ.

1702. Борковский, обозный енералный козацкий, марта дня 4 умеръ; похованъ въ монастыру Елецкомъ чернѣговскомъ, въ паперти, по правомъ боцѣ.

1703. Июль мѣсяцъ небесный насталъ въ пятокъ, числа пятого мѣсяца июня и заразъ въ недѣлю, о полудню, 7 числа того жъ мѣсяца, на небѣ вѣдиный былъ и звѣзды двѣ были близко него, а потымъ продъ заходомъ солнца невидати было его, ажъ до своего часу звычайного, въ вечеръ, до повня.

1704. Змий великий огнистый въ панствѣ шведскомъ зъ неба спалъ, мѣсяца іюля дня 20, и былъ видѣный отъ всѣхъ такъ въ Полщи, яко и въ Бѣлой Руси, на сѣверу, и Украинѣ, злетѣлъ головою на землю; а то летѣлъ по вечернѣ и долго вночь трвалъ, махъ ошибъ свой до горы, потымъ ввесь зсунулся на землю.

Того жъ року, Иванъ Мазепа, гетманъ, стоялъ зъ войскомъ подъ Полонымъ; и тогды Семиона Палѣя, полковника бѣлоцерковского, взявши, презъ цѣлую зиму въ Батуринѣ трималъ, въ вязеню; а напотымъ, запроважено его на Сибѣръ, на заточение.

Того жъ року, мѣсяца іюля дня 8, царъ Петръ Алексѣевичъ взялъ у Шведа Рудовель и осадилъ своимъ людомъ.

Того жъ року, кроль шведский учинилъ Станислава Лѣщинского, воеводу познанского, королемъ полскимъ навгорду Августови Сасови, королеви полскому.

Библиотека "Руниверс"

Того жъ року, курфистра, ксіонженца пруского, царъ московский Петръ Алексѣевичъ учинилъ кролемъ прускимъ, и такъ отпали прусы отъ короны полской.

1706. Мѣсяца марта 19 дня, Михаила Миклашевского, полковнита стародубовского, въ Несвѣжю, на консистенціи, подъ часъ утрни, здрадецко шведы напавши, забили (которыи предъ тымъ у мнишокъ лядскихъ, въ кляшторѣ, ховалися три дни); также и Андрѣя Гамалѣя, зятя его, и инныхъ много козаковъ, а другихъ въ полонъ забрали, а сами ушли, зъ користю, до кроля своего.

Того жъ року, мѣсяца мая дня 1, Іоаннъ Мировичъ, полковникъ переяславский, въ Ляховичахъ, на консистенціи, былъ облеженъ отъ шведовъ; тамъ, боронячися имъ добре, шведовъ до трехъ тисячий трупомъ положилъ, але шведы не отходили отъ того его облеженя, где будучи полковникъ съ козаками своими седмсотъ, и еще бы имъ болшъ боронилъся, але же не было дровъ, чимъ варити конины, и пороху не стало до стрелбы, здался потымъ шведамъ зъ своими козаками, котрыхъ было 1735; и тотъ полковникъ въ земли шведской и померлъ.

Того жъ року, мѣсяца іюля дня 2, Петръ Алексѣевичъ, царъ московский, былъ въ Чернѣговѣ, и хто хотѣлъ, иполъ до поцѣлованя руки его царской невозбранно; и той жъ ночи, водою выѣхалъ до Киева; тогдѣ въ Киевѣ былъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ, ксіонже римское, зъ войскомъ великимъ; тамъ же былъ и Мазепа, гетманъ, зъ козаками, котрые козаки сыпали валъ около монастыра печерского. Оттоль царъ ѣхалъ до Смоленска, а Меншиковъ зъ войскомъ московскимъ пошолъ на консистенцію, до Полщи; и пришолъ подъ мѣсто Калишъ, въ Великой Полщи; тамъ мѣлъ баталію зъ шведами, ляхами, волохами и положилъ на пляцу трупомъ люду противного собѣ: тисичий 27 и 299 человѣка, а взялъ въ полонъ шведовъ тисячий двѣ и человѣка 482, гарматъ двадцать двѣ, дробной стрелбы малой и великой множество. А кроль полский Августъ стоялъ онодаль отъ него, присмотруючи той баталіи, и мало що зъ своего обозу на шведовъ стрелялъ. Тамъ Меншиковъ великую здобычъ взялъ; тамъ же взялъ былъ Потоцкого, вое-

Библиотека "Руниверс"

воду киевского, и писара коронного, также Потоцкого, брата воеводы киевского стрыечного, и отдалъ ихъ королеви полскому Августови; кроль пустилъ ихъ волныхъ до домовъ ихъ. Въ той баталіи трвали въ непрестанномъ огню годинъ чтыри; зъ московского войска убито человѣка всего 854 и ранено человѣка 55..

1707. Мѣсяца септоврия дня 14, годины другой, въ ночъ, былъ вѣдѣный мечъ на небѣ, концемъ острымъ до горы, надъ Полщею стоячій.

Того жъ року, мѣсяца августа дня 22, померъ митрополитъ киевский Варлаамъ Ясинский, погребенъ того жъ мѣсяца дня 28, митрополитомъ сербскимъ Нектариемъ. По немъ зосталъ митрополитомъ Іосафъ Круковский, архимандритъ печерский, а архимандритомъ печерскимъ зосталъ Иларіонъ, намѣстникъ печерский, который того жъ року и номеръ. Мѣсяца іюля дня 15, Василия Кочубея, судею енералного козацкого, и Ивана Искру, бывшого полковника полтавского, казалъ царъ Петръ Алексеевичъ въ Борщовой, за Бѣлою Церквою, стяти (чего и самъ царъ потымъ жаловалъ). Той Кочубей открылъ былъ цареви, же Мазепа есть ему змѣникомъ, яко жъ напотымъ такъ и сталося, але царъ Петръ казалъ имъ обоимъ, то есть Кочубеови и Искрѣ, голови поутинати, бо повѣстемъ ихъ не вѣрилъ; поховано ихъ въ монастыру Печерскомъ.

Того жъ року, повсталъ нѣякий козакъ донской Семіонъ Булавинъ, за гетманства Мазепино, (зъ его жъ совѣту и измѣны); той Булавинъ выправилъ своего полковника Тимоша Дранника съ козаками, на полковника сумского, котрого Дранникъ и забилъ; а потымъ Феодоръ Володимировичъ, полковникъ изюмский, того Дранника козаковъ збивши, самого Дранника поймалъ и на паль казалъ збити; а Булавинъ самъ себе съ пистолета забилъ; и такъ обидва погинули.

Того жъ лѣта, въ день святыхъ апостолъ Петра и Павла, кроль шведский пришолъ зъ войскомъ до Могилева Литовского и все зрабовалъ мѣсто, а потымъ, прешедши Днѣпръ, стоялъ въ монастырѣ, межи Днѣпромъ и Сожемъ рѣками, недѣль килка; оттоль пошелъ до Смоленска, а не дошедши, збоялся межи лѣсами войска

Библиотека "Руниверс"

московского, котрое на него чигало, и много люду своего по лѣсахъ, болотахъ, потратилъ тамъ; и пришолъ на сѣверъ, подъ мѣстечко Мглинъ, и штурмовалъ до него; тамъ стративши люду своего осмсотъ и килко человѣка, отступилъ и окопался подъ Гарнцовымъ; и постоялъ тамъ часъ немалый, а то все чинилъ за поводомъ Мазепы гетмана.

Того жъ лѣта, октоврия 24 дня, Левенгоуфтъ, енералъ шведский, (котрого предъ тымъ въ мѣсяцу септеврию, Петръ Алексеевичъ, царъ московский, идучого до кроля шведского, зъ провиантомъ зъ Швеціи, обозъ розбилъ, шведовъ тисячей 12 на пляцу положилъ и, великие скарби и гарматъ 40 взявши въ него, до Смоленска отослалъ) ишолъ подъ Новгородкомъ, маючи зъ собою люду шведского тисячий шесть и волоховъ тисячу; а на той часъ въ Новгородку былъ съ полкомъ своимъ Григорий Петровичъ Чорнышовъ; было то въ недѣлю, подъ часъ службы божіей; тотъ полковникъ, маючи офицеровъ своихъ и козаковъ и прочихъ охотныхъ комонника зъ килка сотъ, заразъ выбѣгъ зъ мѣста въ поле и потыкался зъ шведами у фолваркахъ, и забито килкохъ шведовъ, а москалевъ двохъ пострѣлено, але ся выгоили; и такъ той енералъ, оставивши Новгородокъ, ишелъ далей и станулъ въ Команѣ селѣ, миля отъ Новогородка; а кроль шведский, зо всею потугою, стоялъ въ Шептакахъ; потымъ кроль пришелъ до Горокъ села монаст. новогородского, отъ Новгородка миля, и тамъ ему Мазепа, гетманъ, перший разъ поклонился и станулъ Мазепа въ Дегтеровцѣ зъ сердюками, компаниею и шведами.

Того жъ мѣсяца, дня 27, Петръ Алексеевичъ, царъ, станулъ зъ войскомъ въ селѣ Погребкахъ, и былъ въ Новгородку; а Борисъ Петровичъ Шереметъ, стоячи тамже въ Погребкахъ, збилъ шведовъ зъ мосту, зъ гарматъ, который мостъ робили шведы на Деснѣ. Того жъ дня, дано знати цару Петру, же конечне зменилъ ему Мазепа, бо предъ тымъ не вѣрилъ, и когда Кочубей ознаймилъ ему предъ тымъ о змѣнѣ, казалъ Кочубея и Искру стяти, чего потымъ жаловалъ, але вже не въ часъ. И заразъ послалъ зъ войскомъ, князя Александра Меншикова доставати Батурина, мѣсяца

Библиотека "Руниверс"

ноября дня 9, бо въ немъ заперлися были, зъ розказаня Мазепина, сотникъ батуринский Чечель и Филипъ, реентъ, зъ сердюками; и gды пришолъ Меншиковъ подъ Батуринъ, давано огню зъ гарматъ велми зъ Батурина, але Меншиковъ заразъ добылъ Батурина и сплюндровалъ его огнемъ и мечемъ, а Чечеля, сотника, и Филиппа, реента спартесного, побралъ живцемъ и въ Глуховѣ почвертовано ихъ, зъ росказаня царского. Того жъ мѣсяца дня 5, Петръ Алексѣевичъ, царъ, пошедши зъ Погребковъ, бился зъ шведами, зъ гарматъ стрѣляючи, чрезъ Десну, у Бѣлыхъ Березахъ, подъ Мѣзиномъ селомъ; а напотомъ царъ Петръ пошелъ до Глухова, и тамъ, ноември дня семого, учинилъ гетманомъ Іоанна Скоропадского. А кроль шведскій и Мазепа зъ войскомъ, переправившись чрезъ Десну, пошли до Батурина, ноября дня осмого; и знашелъ его спаленого; крови людской въ мѣстѣ и на предмѣстью было полно калюжами; ревно плакалъ по Батуринѣ Мазепа. И станулъ кроль шведский въ Городищу, а Мазепа въ Обмачевѣ, о милю отъ себе; а напотымъ, пошли на Прилуку. Кроль станулъ въ Ромнѣ, а Мазепа въ Гадячомъ, зъ компаниею и сердюками.

Того жъ року, когда кроль шведский пришолъ до Прилуки, царъ Петръ Алексеевичъ, прежде приходу его, посылалъ на Запороже до козаковъ, абы ишли ему на помочъ; и послалъ имъ жаловане свое царское, самому атаманови запорозскому Костѣ Гордѣнкови, на его особу, чирвоныхъ золотыхъ пятсотъ, старшинѣ, козакомъ, дванадцеть тысячий рублевъ копѣекъ; они же, тые гроши побравши, едныхъ посланныхъ до змѣнника Мазепы послали, другихъ потопили, а иные повтекали; и заразъ Костя, атаманъ, зъ запорозцами всѣми пошедши, подъ городкомъ Сокулкою, кролеви шведскому поклонился и Мазепѣ тамже присягли. Царъ Петръ Алексеевичъ, розгнѣвавшися, послалъ на Запороже Симона Яковлевича, полковника, зъ московскимъ войскомъ и Галагана, полковника чигиринского, зъ полкомъ его жъ и зъ иншими козаками на запорожцевъ; тамъ же осталци запорожци боронилися имъ, стрѣляючи на нихъ; лечъ Симонъ Яковлевичъ и Галаганъ, презъ штурмъ доставши ихъ, всѣхъ постинали и всѣ куренѣ и всѣ ихъ запорозские

Библиотека "Руниверс"

жилища до грунту зруйновали; и зостало Запороже пустое. А Кость Гордѣенко не отступно отъ Мазепы зъ своими козаками, где онъ повернулся, всегда зоставалъ.

Того жъ року и Семиона Палѣя царъ Петръ зъ заточения сѣбѣрского до Россіи повернулъ, и учинилъ его знову, на его мѣстцу, полковникомъ бѣлоцерковскимъ. Тамъ потымъ, Палѣй померъ року 1710 и похованъ въ Бѣлой Церкви.

1709. Король шведский и Мазепа съ войсками своими, на веснѣ, пришли подъ Полтаву; Полтава предъ ними заперлася и добывалъ кроль шведский всѣми силами Полтавы; стоялъ въ монастыру и зъ гарматъ билъ зъ монастыра, на мѣсто, ажъ Петръ Алексеевичъ, царъ, юня дня 27, учинилъ баталию зъ кролемъ шведскимъ, о чверть мили отъ Полтавы; кроль шведский пошолъ на войско московское; тамъ будучи обѣ стороны въ огню зѣло великомъ, двѣ годины, и божиею помощию побѣждены шведы отъ войска московского зостали; пало на пляцу шведовъ тисячий 18 и седмсотъ чтыридесять шесть человѣковъ, а на миль три отъ Полтавы по поляхъ, лѣсахъ, трупу шведского было полно, котрыхъ Москва, доганяючи, стинала, колола, а остатокъ войска шведского зъ енералами Левенгауптомъ, енераломъ Маеромъ Крейцомъ, Кравзомъ, двома братама графы Дуglасовъ, графомъ Бонды, енераломъ аудиторомъ Штерномъ, 14 тисячий тридесять человѣка, пооткидавши отъ себе оружие воинское, Петру Алексѣевичу, цару, поклонился, просячи милости, которыхъ царъ Петръ, опрочъ оружия воинского, при всемъ ихъ въ милости своей зоставилъ. А самъ кроль шведский и Мазепа, видячи погибель свою, переправившися презъ Днѣпръ въ килкосотъ коней, утекли въ землю турецкую, до мѣста Бендеры. Зъ московского войска въ той баталии убито тисячу триста чтыридесять чтыри человѣка и раненнихъ тисячий три 292 человѣка; здобычи: гарматъ—триста, флинтовъ и инаго воинского оружия безчисленно Москва взяла въ обозѣ шведскомъ, зъ великимъ триумфомъ, благодарячи Господа Бога, давшого побѣду цару Петру надъ прегордымъ кролемъ шведскимъ.

Библиотека "Руниверс"

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Грынцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лищенка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Типинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. I. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. п. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Ист. Общ. Н. Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За пер. прилагается 25 к. Кн. 3 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины".

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго, рода украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель К. М. Гамалѣй. За редактора Е. Кивлицкій.

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮНЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXIX. 1890 годъ

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Бѣдствія евреевъ въ южной Руси XVII в. А. Я. Ефименко. (397—408)

II. Очеркъ коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ гг. Ш. Я. Н. Шульгина. (409—426).

III. Милліонеръ. Картинка изъ галицкой жизни. (Окончаніе). Мирона. (427-451).

IV. Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. IV—VII. О. И. Роговой. (452—477).

V Культурныя переживанія. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. (478—493).

VI. Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго. И. П. Житецкаго. (494—532).

VII. Документы, извѣстія и замѣтки. Къ исторіи польскаго театра въ Кіевѣ. П. Т. Къ исторіи мѣжинскихъ греховъ. Н. В. Стороженка. Къ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины. В. П. Сторожева. Древность малороссійскаго табаководства. Подольское епархіальное церковное древнехранилище. Г. Ѳ. Карповъ (некрологъ). (533—553).

VIII. Къ рисунку Шевченка. В. П. Науменка. (554—557).

IX. Библіографія. Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края. Ив. П. Новицкаго. С. А. Бершадскій, Шауль-Юдичъ Валь изъ Бреста-Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. И. М. Каманина. Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ. Собралъ П. Ивановъ. Съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Сумцова. И. М. Каманина. Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. П. Г. Е. Сѣцинскій. Бакота, древняя столица Понизья. Древнѣйшія православ. церкви въ Подоліи. П. М. Обозрѣніе журналовъ. (558—584).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Видъ села Андрюши.
2) Черниг. лѣтоп. по новому списку. (Окончаніе).
3) Неизданныя сочиненія Іоанна Вишенскаго.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1890.

Библиотека "Руниверс"

Село Андрушки.

Библиотека "Руниверс"

БѢДСТВІЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ XVII В.

(По поводу книги Гретца: Исторія евреевъ отъ эпохи Голландскаго Іерусалима до паденія франкистовъ) [1]).

Евреи — народность совершенно исключительная. Будущая соціологія, конечно, многое почерпнетъ для своихъ положеній изъ ближайшаго знакомства съ ихъ исторіей и строемъ. Еслибы мы попытались дать опредѣленіе понятію національности, то, по всей вѣроятности, свели бы содержаніе этого понятія къ двумъ элементамъ: языку и территоріальной связи. Но евреи съумѣли сохранить народность помимо единства языка и совсѣмъ независимо отъ территоріальной связи. Мало того, что сохранили ее,—есть-ли національность болѣе устойчивая, чѣмъ еврейская? Причина — въ большомъ, тяготѣющемъ надъ живущимъ поколѣніемъ, запасѣ результатовъ духовной жизни поколѣній отжившихъ. Разумѣется, надо принять во вниманіе и специфическія свойства этого запаса, его цѣлостный характеръ, объединяющій закономѣрное съ должнымъ, необходимое съ желаемымъ, выводы ума съ требованіями совѣсти. Въ этомъ запасѣ еврей равно находитъ и нравственную поддержку, благодаря которой онъ, робкій отъ природы, могъ мужественно смотрѣть на огонь инквизиціоннаго костра или на козацкую пику, — благодаря которой онъ,

[1]) Переведенный на русскій языкъ подъ редакціей А. Я. Гаркави X томъ капитальнаго труда проф. Гретца Geschichte der juden заключаетъ въ себѣ собственно лишь одну главу съ изложеніемъ событій, въ которыхъ еврейская исторія соприкасается съ южнорусской. Это третья глава книги и называется она: „Хмельницкій и преслѣдованіе евреевъ въ польской Украинѣ козаками“. Изъ этой главы мы заим-

Библиотека "Руниверс"

жадный до наживы и пріобрѣтенія, всегда былъ готовъ жертвовать и трудомъ и имуществомъ для національнаго дѣла; находитъ и готовый отвѣтъ на всякій запросъ, какъ отвлеченной мысли, такъ и практической потребности. И этотъ запасъ есть дѣйствительно національное богатство въ полномъ смыслѣ этого слова: не одинъ общественный слой, а вся нація въ цѣломъ ея составѣ равно пользуется плодами накопленной въ теченіи тысячелѣтій мудрости предковъ. Конечно, человѣку, причастному современной цивилизаціи, плоды эти должны казаться, съ одной стороны, слишкомъ незрѣлыми, съ другой, въ тоже время слишкомъ закаменѣвшими въ этой своей незрѣлости. Но за то въ нихъ нѣтъ того червя односторонности, который подтачиваетъ быстро зрѣющіе роскошные плоды цивилизаціи, имѣющей въ основѣ своей лишь умственный и матеріальный прогрессъ. Съ какой горечью и болью неудовлетвореннаго чувства отворачивается нерѣдко современный человѣкъ отъ блеска этой роскоши, не находя здѣсь удовлетворенія самымъ глубокимъ и живучимъ изъ своихъ внутреннихъ потребностей.

Однако исторія духовной жизни евреевъ показываетъ, что и здѣсь, въ этомъ затишьѣ, защищенномъ отъ волнующагося моря европейской цивилизаціи китайской стѣной полнаго взаимнаго непониманія и отчужденія, далеко не всегда царила та неподвижность—удовлетворенности ли или просто инертности—какую мы склонны считать ея постояннымъ и неизмѣннымъ свойствомъ. И здѣсь мятущійся человѣческій духъ не разъ пытался разорвать оковы авторитета и съ разныхъ концовъ рвался на осаду духовныхъ твердынь своей націи. XVII в., которому посвященъ главнымъ образомъ переведенный нынѣ томъ Исторіи Евреевъ Гретца, представляетъ одну изъ тѣхъ эпохъ, когда обостряется

ствовали вышеприведенные факты—впрочемъ кое-чѣмъ воспользовались и изъ Лѣтописи Ганновера. Лѣтопись эта есть одно изъ двухъ еврейскихъ, переведенныхъ на русскій языкъ, сочиненій, касающихся южно-русской исторіи. Другое—„бѣдствія временъ“ Егошія, переведенное Берлиномъ и помѣщенное въ „Чтеніяхъ общ. исторіи и древн. росс.“ (1885 г. кн. 1). Но этими двумя сочиненіями не исчерпываются еврейскіе источники для малорусской исторіи. У Гретца (стр. 60) есть цѣлый списокъ такихъ источниковъ, собственно относящихся къ козацкимъ войнамъ; есть указаніе на такіе источники и у Манделькерна въ предисловіи къ Лѣтописи Ганновера.

Библиотека "Руниверс"

это вѣчное, часто дремлющее, но никогда не замирающее окончательно стремленіе человѣческаго духа къ древу познанія добра и зла. Это былъ вѣкъ Спинозы, съ одной стороны, вѣкъ Саббатаи Цеви—съ другой. Первый извѣстенъ намъ несравненно болѣе, чѣмъ второй: его геніальная метафизика съ ея поразительной простотой и силой, вѣроятно, никогда не потеряетъ того обаянія, которымъ она охватываетъ углубляющійся въ нее умъ. Но значеніе философіи Спинозы общечеловѣческое, для правовѣрнаго еврея она не существуетъ, хотя самъ Спиноза есть настоящій сынъ своей націи, рѣдчайшая жемчужина, выброшенная взволновавшейся стихіей національнаго духа. Вообще, значеніе Спинозы въ еврейской исторіи не велико. Совсѣмъ другое дѣло Саббатаи Цеви. Фанатикъ или съумашедшій, пророкъ или обманщикъ, можетъ быть, все это вмѣстѣ, соединенное въ одной изъ тѣхъ причудливыхъ комбинацій, какія вмѣщаютъ въ себѣ иногда подобныя темныя человѣческія души,—этотъ, одно время почти общепризнанный мессія, произвелъ страшное броженіе во всемъ еврейскомъ мірѣ. Долго послѣ того, какъ онъ исчезъ со сцены, не улегалось еще волненіе, прорывавшееся появленіемъ то новыхъ лжемессій, то новыхъ сектъ, то книгъ, проникнутыхъ саббатіанскимъ духомъ. Среди европейскихъ евреевъ, у польскихъ дольше всего, держались теченія, пропитанныя этими фантастическими и мистическими бреднями: такъ называемая подольская секта, франкисты, очень распространенные въ прошломъ столѣтіи, хасиды, которые держатся до сихъ поръ—все это жило и отчасти живетъ, главнымъ образомъ, въ теперешнемъ юго-западномъ краѣ.

Какъ ни цѣльна, при всей территоріальной разрозненности, еврейская нація, но не могли же совсѣмъ не отразиться на физіономіи той или другой части еврейства особенности физической и соціальной среды, въ которой ей пришлось прожить иногда въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Польскій еврей выработалъ въ себѣ такія специфическія черты, которыя позволили ему сыграть въ общееврейской духовной жизни свою особую роль, и надо сказать не особенно для него лестную. Трудно рѣшить, какія особенности — среды-ли или положенія — сдѣлали изъ польскаго еврея того яраго раввиниста и талмудиста, носителя средневѣковаго

Библиотека "Руниверс"

духа буквы и преданія, какимъ онъ явился въ западную Европу, когда козацкія войны вытолкнули его изъ значительной части Польши. Вообще, положеніе евреевъ въ Польшѣ было сравнительно очень недурное. Правда, въ 17-мъ вѣкѣ Польша уже перестала быть для евреевъ новой обѣтованной землей, какъ до этого времени. Католическая политика Сигизмунда III со всѣми ея послѣдствіями отразилась и на евреяхъ какъ юридическими ограниченіями, такъ и фактическими стѣсненіями, и даже погромами со стороны населенія, нафанатизированнаго іезуитами. Но евреи тѣмъ не менѣе такъ укоренились въ качествѣ необходимаго общественнаго элемента, что сохранили за собой значительную свободу. Помимо общинной организаціи, администраціи и суда, они имѣли и общегосударственную организацію, составляя такимъ образомъ status in statu. Верховнымъ органомъ еврейскаго самоуправленія въ Польшѣ былъ синодъ. Онъ собирался два раза въ годъ, въ Люблинѣ и Ярославѣ: онъ издавалъ законы, толковалъ ихъ, былъ въ то же время высшей судебной инстанціей, куда поступали дѣла, нерѣшенныя провинціальными судами. Понятно, что такая широкая и сильная организація могла служить для польскаго еврейства оплотомъ, за которымъ свободно развивалась его духовная и матеріальная жизнь. Но, съ другой стороны, можетъ быть именно эта организація и дала первый толчокъ къ развитію въ польскомъ евреѣ такой исключительной наклонности къ талмудическому буквоѣдству. Въ самомъ дѣлѣ, самостоятельность управленія и суда поддерживала въ польскомъ евреѣ постоянное вниманіе къ первымъ источникамъ еврейскаго права—къ Талмуду; потребность въ судебной казуистикѣ должна была благопріятствовать развитію той талмудической казуистики, которою такъ славились польскіе евреи. Но умъ, односторонне направленный на тонкое и формальное, теряетъ обыкновенно вкусъ къ истинному и простому, вмѣстѣ съ тѣмъ тупѣетъ и нравственное чувство. Это именно и случилось съ польскимъ еврействомъ. Развитіе талмудической учености сопровождалось сильнымъ упадкомъ непосредственной нравственности. Обойти даже единовѣрца считалось молодечествомъ: нечего и говорить объ иновѣрцахъ (Гретцъ, стр. 57 и слѣд.).

Библиотека "Руниверс"

Малороссъ, съ его простодушіемъ и флегмой, долженъ былъ сдѣлаться легкой жертвой ловкаго и беззастѣнчиваго еврея, лишь только исторія свела ихъ вмѣстѣ. Это случилось одновременно съ усиленіемъ колонизаціоннаго стремленія къ степному югу и измѣненіемъ внутреннихъ соціальныхъ отношеній въ смыслѣ развитія крѣпостной зависимости земледѣльческаго населенія, т. е. въ 16-мъ вѣкѣ. Въ этомъ вѣкѣ существуютъ уже городскія общины во Владимірѣ, Луцкѣ, Кременцѣ, Острогѣ, Ковелѣ—все на Волыни; впрочемъ, двѣ изъ нихъ, владимірская и луцкая, вмѣстѣ съ кіевской, кажется, получили свое начало въ 15 в.

Православные литовско-русскіе паны, вслѣдъ за польскими, скоро поняли, какое прекрасное орудіе для выжиманія соковъ изъ подвластнаго населенія они имѣютъ въ евреѣ. Отъ конца 16-го в. сохранились договоры пановъ Лысаковскаго, кн. Пронскаго и кн. Сангушка съ евреями на счетъ отдачи въ аренду имѣній въ цѣломъ ихъ составѣ, „какъ эти имѣнія и села, въ длину и ширину, въ границахъ, межахъ и въ обширности издавна находятся, со всѣмъ правомъ, управленіемъ и властью, не оставляя себѣ, ни потомкамъ своимъ никакого права, управленія и власти, со всѣми малыми и великими съ тѣхъ имѣній прибытками и доходами, съ боярами путными и ихъ повинностями, съ церквами и всѣмъ тѣмъ, что дано имъ на содержаніе, со всѣми людьми тяглыми и не тяглыми, съ данями, работами, подводами, съ чиншами, съ пенями денежными, съ корчмами и продажею всякихъ напитковъ и т. д. и т. д.; имѣютъ право паны арендаторы и ихъ потомки спокойно владѣть и пользоваться тѣми вышеупомянутыми имѣніями нашими, такъ точно, какъ мы сами тѣми имѣніями владѣли и пользовались—судить крестьянъ и наказывать виновныхъ и преступныхъ вышеозначенными пенями, а еслибы кто заслужилъ по праву смерть, то карать и смертію....“ (Памятн. изд. врем. комм. т. 1-й отд. II, №№ IX, X, XI.). Какъ ни краснорѣчивы сами по себѣ эти документы, но они лишь предвосхищаютъ собою тѣ отношенія, которыя во всей своей красѣ развились лишь въ 17-мъ вѣкѣ, когда дворянство уже почти цѣликомъ отрознилось отъ народа, а политическая порабощенность русскаго элемента—результатъ неудачныхъ воз-

Библиотека "Руниверс"

станій—достигла высшей степени. И современники, и лѣтописцы, и историки, русскіе и польскіе, согласно свидѣтельствуютъ на счетъ той роли, какую играли евреи въ эту эпоху крайняго утѣсненія малорусскаго народа. Но уже, конечно, ничье свидѣтельство не можетъ быть краснорѣчивѣе — и смѣемъ сказать, правдивѣе—въ своей наивной эпической простотѣ, какъ свидѣтельство объ этомъ самаго народа въ превосходныхъ сюда относящихся думахъ. Ни одной жалобы на жидовъ—рандарей, которые „зарандовали вси козацьки шляхи, и на одній мили по три шинки становили, заорандовали вси казацьки торги, козацьки церкви, козацьки рики", ни одного гнѣвнаго восклицанія, злобнаго эпитета. И между тѣмъ, несмотря на спокойный, даже какъ бы объективный тонъ, эти думы, очевидно, современныя по происхожденію описываемому въ нихъ времени, звучатъ такой напряженностью, что становится жутко. Только геніальному художнику и народу открыта великая тайна искусства — немногимъ и простымъ выражать многое, глубокое и сложное. Сцена изъ думы между козакомъ и жидомъ — шинкаремъ схватываетъ и передаетъ все обостреніе отношеній съ поразительной рельефностью и силой. Козакъ, который съ мушкетомъ за плечами идетъ на рѣчку „утя вбити, жинку свою съ дитьми покормити, и хотя и скоса, якъ ведмедь", поглядаетъ на жида, хватающаго его за патлы, но тѣмъ не менѣе величаетъ его мостивымъ паномъ; жидъ, который выскакиваетъ при видѣ козака, не заходящаго въ шинокъ купить на денежку горилки и попросить разрѣшенія на охоту, и хватаетъ козака за патлы, но тѣмъ не менѣе хвастается передъ женой, что козакъ величаетъ его паномъ—все это фигуры пятаго акта драмы, заставляющія предчувствовать, что финалъ близокъ. И онъ былъ дѣйствительно близокъ, гораздо ближе, чѣмъ это думали умные и проницательные сыны Израиля. А есть основаніе думать, что они понимали положеніе и вѣрно его оцѣнивали. Еврей Натанъ Ганноверъ, лѣтопись котораго переведена на русскій языкъ и издана уже лѣтъ десять тому назадъ[1]), но мало

[1]) Богданъ Хмельницкій. Лѣтопись еврея—современника Натана Ганновера о событіяхъ 1648—52 г. въ Малороссіи вообще и о судьбѣ своихъ единовѣрцевъ въ особенности. Переводъ Соломона Манделькерна. Одесса. 1878 г.

Библиотека "Руниверс"

извѣстна, очевидецъ и жертва страшнаго года, тѣмъ не менѣе изображаетъ обстоятельства, вызвавшія взрывъ, такими красками, что подъ его словами могъ бы подписаться и козацкій лѣтописецъ. „Русскіе, жившіе въ Малороссіи, находились подъ тяжкимъ гнетомъ магнатовъ и шляхтичей, которые дѣлали ихъ жизнь горькою, обременяли ихъ всевозможными трудными работами, подвергали ихъ страшнымъ истязаніямъ, принуждая ихъ переходить въ католичество. Они были до такой степени удручены, что всѣ народности страны, даже стоявшія на низкой ступени въ ряду всѣхъ народовъ господствовали надъ ними“... Такъ говоритъ Ганноверъ, свидѣтель очень добросовѣстный и уже во всякомъ случаѣ не пристрастный въ пользу козаковъ.

Не даромъ у евреевъ есть въ году одинъ день, посвященный печальнымъ воспоминаніямъ 1648 г. Бѣдствіе, постигшее ихъ, и по размѣрамъ, и по характеру, есть настоящая катастрофа, одна изъ тѣхъ, которыя отмѣчаются крупными буквами въ исторіи и столѣтія живутъ въ народной памяти.

Историческій рокъ или историческая случайность, сыграли надъ польскимъ еврействомъ самую злостную шутку. Извѣстная еврейская каббалистическая книга Зогаръ, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ, предсказывала на 1648 г. пришествіе Мессіи. Можетъ быть, именно потому евреи и оказались застигнутыми врасплохъ, хотя не могли же они, при своемъ умѣ, при ежечасныхъ сношеніяхъ съ народомъ, не видѣть надвигающейся грозы. Ждали Мессіи, и дождались Хмельницкаго. А врасплохъ они были застигнуты вполнѣ, точно ихъ захватилъ пожаръ, а не народное возстаніе, о которомъ не только шептали, а, вѣроятно, и кричали пьяные гультяи по всѣмъ шинкамъ Украины. Первыя же побѣды Хмельницкаго дали сигналъ къ истребленію евреевъ. Массовое истребленіе началось прежде всего по лѣвую сторону Днѣпра, въ Переяславѣ, Пирятинѣ, Лубнахъ, Лохвицѣ: здѣсь было ихъ убито нѣсколько тысячъ. Сотни евреевъ отреклись отъ вѣры; многіе попали въ плѣнъ къ татарамъ. Четыре еврейскихъ общины предупредили избіеніе тѣмъ, что сдались татарамъ. Вообще, къ добровольному татарскому плѣну не разъ прибѣгали евреи, какъ къ средству спасенія, и разсчеты ихъ

Библиотека "Руниверс"

оказались вѣрными: турецкіе евреи, при помощи голландскихъ и иныхъ, выкупали своихъ соотечественниковъ. Надо замѣтить, что въ эту эпоху бѣдствій, еврейство доказало, насколько оно живуче своей крѣпкой національной связью, своимъ пониманіемъ общенаціональныхъ интересовъ, своей готовностью къ жертвамъ въ пользу общаго дѣла. Масса несчастныхъ, нищихъ польскихъ евреевъ, раскиданная взрывомъ по свѣту, всюду находила энергическую поддержку — пріютъ, денежную помощь изъ сборовъ, которые дѣлались въ ихъ пользу во всѣхъ европейскихъ общинахъ.

Кровавая эпопея еврейскаго избіенія на территоріи правобережной Украины, открывается Немировымъ. Здѣсь собралось около 6000 евреевъ, такъ какъ Немировъ былъ однимъ изъ еврейскихъ центровъ, мѣстныхъ, и бѣглецовъ изъ окрестностей, искавшихъ спасенія за стѣнами крѣпости. Немировъ былъ взятъ ничтожнымъ козацкимъ отрядомъ въ 600 человѣкъ, благодаря хитрости и, конечно, сочувствію мѣстнаго православнаго населенія. Ученый раввинъ Іехіэль-Михель, въ виду приближающейся грозы, заблаговременно подкрѣпилъ духъ своей паствы проповѣдью, убѣждая ее не измѣнять вѣрѣ своихъ отцевъ. И дѣйствительно, евреи на этотъ разъ держали себя мужественно. Были примѣры настоящаго геройства со стороны даже молодыхъ дѣвушекъ. Такъ напр. когда вели одну еврейскую красавицу въ церковь, чтобъ тамъ обвѣнчать ее съ козакомъ, она кинулась въ воду съ моста, черезъ который пришлось переходить. Другая, только что обвѣнчанная съ козакомъ, заставила новобрачнаго выстрѣлить въ себя, увѣривъ его, что она умѣетъ заговаривать оружіе, и, конечно, осталась на мѣстѣ мертвою. День немировской рѣзни, 20 іюня, принятъ еврействомъ за поминальный день. Между тѣмъ другой отрядъ напалъ на Тульчинъ, гдѣ также скрылось около 2000 евреевъ. Козаки опять прибѣгли къ хитрости. Они увѣрили поляковъ, также укрывавшихся въ крѣпости, что добираются только до евреевъ, и тѣ сами обезоружили своихъ союзниковъ. Но имъ пришлось горько раскаиваться въ своей измѣнѣ, и съ тѣхъ поръ поляки, наученные опытомъ, „уже не отдѣляли своего дѣла отъ еврейскаго: и не случись этого обстоятельства, отъ евреевъ не осталось бы и помина“, говоритъ Ганноверъ.

Библиотека "Руниверс"

Евреи Тульчина заперты были въ саду и имъ предложено было на выборъ, умереть или креститься. Но воодушевленные проповѣдью своихъ раввиновъ, евреи всѣ отказались отъ крещенія, и были умерщвлены въ числѣ около 1500 человѣкъ: только раввины были пощажены ради выкупа. Женщинъ, вообще, оставляли въ живыхъ, кромѣ больныхъ и старыхъ: имъ былъ хорошій сбытъ въ Крымъ. Около 300 евреевъ спаслось тѣмъ, что притаились между трупами: черезъ три дня послѣ рѣзни, козаки послали выкликать, чтобъ живые поднимались, уже ничего не опасаясь, и они дѣйствительно не только были отпущены, но была имъ оказана и помощь. А между тѣмъ одновременно происходило безпощадное истребленіе евреевъ на другомъ концѣ малорусской территоріи, въ Сѣверщинѣ, въ городахъ Черниговѣ, Стародубѣ и иныхъ. Въ день тульчинской рѣзни, были вырѣзаны тоже 1500 евреевъ Гомеля, мужчины, женщины и дѣти: они были выведены за городъ, раздѣты до-нага и затѣмъ имъ было предложено на выборъ—крещеніе или смерть.

Мѣсяцъ спустя имѣлъ мѣсто выдающійся по размѣрамъ еврейскихъ бѣдствій эпизодъ взятія гор. Полоннаго. Около десяти тысячъ евреевъ укрылись за стѣнами этой крѣпости, и были умерщвлены: они пали подъ ножемъ непріятеля безъ сопротивленія, говоритъ Ганноверъ, такъ что если какой-нибудь козакъ врывался въ домъ, гдѣ находилось даже нѣсколько сотъ евреевъ, они не сопротивлялись, и онъ одинъ избивалъ всѣхъ. Впрочемъ, нѣсколько сотъ евреевъ крестилось, а нѣсколько сотъ взяты въ плѣнъ татарами.

Теперь евреи Волыни и окрестныхъ провинцій убѣдились, что и стѣны городовъ для нихъ не защита среди мятущагося хлопскаго моря, дышащаго ненавистью и жаждою мщенія. Всякъ, кто могъ, кинулся въ бѣгство, стремясь вырваться изъ района, захваченнаго возстаніемъ, оставляя дома со всѣмъ имуществомъ, спасая лишь жизнь свою и семьи. Кто имѣлъ лошадей, захватывалъ цѣнныя вещи; но и ихъ часто приходилось кидать на дорогѣ. „Бродили мы съ мѣста на мѣсто въ лѣсахъ и деревняхъ“, говоритъ Ганноверъ, самъ участникъ этихъ скитаній, „да валялись подъ открытымъ небомъ. Каждую ночь, которую намъ

Библиотека "Руниверс"

приводилось проводить въ домахъ православныхъ, мы опасались, чтобы они насъ не убили, такъ какъ всѣ безъ исключенія взбунтовались; а вставъ утромъ живыми, читали молитву: о Благословенъ еси Господь, воскрешающій мертвыхъ!" А между тѣмъ вырѣзываніе евреевъ въ городахъ все-таки продолжалось. Иные не имѣли возможности бѣжать; другіе возвращались въ города изъ скитаній, предпочитая скорую смерть отъ меча мучительной голодной смерти въ лѣсахъ. Такимъ образомъ убито было около 200 душъ въ Заславѣ, около 600 въ Острогѣ. Въ Старо-Константиновѣ собралось много евреевъ въ надеждѣ на Вишневецкаго. Но когда онъ вынужденъ былъ оставить городъ, то всѣ евреи, не имѣвшіе лошадей, чтобъ слѣдовать за войскомъ, остались и были истреблены въ числѣ около 3000. Но все-таки пока на аренѣ дѣйствій еще держались польскія войска, буря не могла принять такихъ всесокрушающихъ размѣровъ. Апогея своего она достигла лишь послѣ того, какъ закончена была вторая кампанія постыднымъ бѣгствомъ польскаго войска изъ-подъ Пилявецъ. Вся территорія малорусскаго племени вплоть до Львова оказалась цѣликомъ залитой волнами народнаго возстанія, захлеснувшими все, что еще осталось еврейскаго. Послѣдніе остатки ихъ держались было нѣкоторое время подъ защитой сильныхъ крѣпостей Бара, Дубна, Каменца-Подольскаго. Но больше тысячи дубенскихъ евреевъ вырѣзано было передъ крѣпостью, куда поляки не сочли возможнымъ ихъ впустить. Сильный Баръ—надежда поляковъ—также палъ, и вмѣстѣ съ нимъ погибло евреевъ до 2000. Опустошительныя эпидеміи, появлявшіяся во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ скапливались евреи, помогали дѣлу истребленія: въ одномъ Барѣ отъ заразы умерло до 1000 душъ. Львовская община—одна изъ четырехъ главнѣйшихъ еврейскихъ общинъ въ Польшѣ—потеряла во время осады до 10,000 д. отъ голода и болѣзней; кромѣ того, почти все имущество, выданное Хмельницкому въ качествѣ выкупа.

Каждое движеніе, какъ главнаго козацкаго войска, такъ и кишѣвшихъ всюду безчисленныхъ отрядовъ, сопровождалось отыскиваніемъ и безпощаднымъ истребленіемъ евреевъ. Истребленіе это вмѣстѣ съ разливомъ возстанія, далеко перешло за предѣлы украинской территоріи, въ Галицію, Холмскую Русь и наконецъ

Библиотека "Руниверс"

Литву. Прочное спасеніе находилъ лишь тотъ, кто бѣжалъ въ Валахію или за Вислу. Перспектива умиротворенія, возникшая было съ избраніемъ Яна-Казиміра, дала нѣкоторый отдыхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратковременный. Кое-гдѣ евреи начали возвращаться въ города. Но еще миръ не былъ формально разорванъ, какъ уже козаки снова вырѣзали въ Острогѣ 300 евреевъ, которые водворились было въ немъ снова.

Збаражскимъ договоромъ было постановлено, чтобъ евреи не покупали и не арендовали земель на козацкой территоріи (кіевское и часть подольскаго воеводства). Въ другія малорусскія области евреи могли возвратиться и тотчасъ же воспользовались своимъ правомъ. Обращеннымъ въ православіе король разрѣшилъ снова возвратиться къ родной вѣрѣ. Масса всяческихъ недоразумѣній и затрудненій въ семейныхъ и иныхъ отношеніяхъ, вытекшихъ изъ катастрофы, были кое-какъ улажены всеобщимъ синодомъ, собравшимся въ Люблинѣ зимою 50-го года. Но лишь полтора года пользовались евреи отдыхомъ отъ перенесенныхъ страданій. Какъ только началась новая война, они снова сдѣлались первыми ея жертвами. Но еврейское населеніе было такъ рѣдко, что массовыхъ истребленій, подобныхъ тому, какія имѣли мѣсто три года назадъ, уже не было; къ тому же евреи набрались храбрости среди испытанныхъ ими ужасовъ, вооружились и даже выставили изъ среды себя военный отрядъ. Миръ, которымъ окончилась эта несчастная для козаковъ война, расширилъ права евреевъ: имъ предоставлено было по старому селиться гдѣ угодно и арендовать имѣнія. Но, разумѣется, какое значеніе могли имѣть эти постановленія, когда война тотчасъ же началась снова, а вслѣдъ за тѣмъ, съ вмѣшательствомъ въ дѣло Россіи и Швеціи, вся Польша погрузилась въ хаосъ, гдѣ упразднялось всякое право, кромѣ кулачнаго. Ни въ Бѣлоруссіи, ни въ Литвѣ, ни въ Малой Польшѣ, ни въ Великой—нигдѣ не стало убѣжища евреямъ. Всѣ враждующія другъ съ другомъ стороны одинаково принимали евреевъ за своихъ враговъ, не выключая теперь даже и поляковъ: герой эпохи Чарнецкій ненавидѣлъ и преслѣдовалъ ихъ.

Разумѣется, рискованное дѣло дать цифровое опредѣленіе потерямъ, какія понесло еврейство въ Польшѣ. Гретцъ принимаетъ,

Библиотека "Руниверс"

что собственно козаками уничтожено до 300 еврейскихъ общинъ, и эту цифру надо принимать за значительно болѣе достовѣрную, чѣмъ итоговую цифру погибшихъ людей. Эту послѣднюю принимаютъ иные въ 600,000 семействъ; Гретцъ считаетъ подобную цифру сильно преувеличенною и полагаетъ ее, основываясь на показаніи одного еврея—современника, въ четверть милліона душъ. Но все это, конечно, крайне гадательно. Во всякомъ случаѣ, польское еврейство съ этой эпохи окончательно потеряло силу и значеніе, которымъ когда то пользовалось въ Польшѣ. Но это не значитъ, чтобъ оно отрясло прахъ отъ ногъ своихъ и покинуло окончательно землю, залитую кровью единовѣрцевъ. Напротивъ, лишь только минулъ десятилѣтній періодъ хаоса и въ краѣ водворилось кой-какое спокойствіе, евреи появляются снова на украинской территоріи, и снова въ старой роли посредниковъ между паномъ и хлопами. Крѣпостныя узы на усмирившемся населеніи Украйны начинаютъ опять затягиваться, и евреи со всей готовностью предлагаютъ свои услуги въ качествѣ орудія для этого затягиванія. Хлопы періодически волнуются и, конечно, первыми жертвами опять таки являются евреи. Коліивщина напомнила собой 1648 годъ. Но малороссъ былъ слишкомъ нуженъ еврею, и не такъ то легко было отъ него освободиться. Прошли столѣтія. Минуло панство, но еврей все остался при своей старой роли посредника, а малороссъ все еще не нашелъ волшебнаго корня, который разорвалъ бы своимъ прикосновеніемъ жестокія узы этого посредничества. Мы видѣли еврейскіе погромы—слишкомъ запоздалый возвратъ къ старымъ преданіямъ; не научили они малорусскій народъ, что не на этомъ пути надо искать освобожденія.

А. Ефименко.

Библиотека "Руниверс"

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1)]

ГЛАВА 3.

Участіе въ коліивщинѣ лѣвобережцевъ, гайдамакъ степей и запорожцевъ.

Сложившіяся для Украины политическія условія во второй половинѣ XVIII-го вѣка не дали коліямъ возможности достичь своихъ цѣлей. Противъ рожна трудно было прати, хотя потенціально возможный ростъ возстанія сталъ уже сказываться сравнительно рано. Правда, движеніе не проникало далеко на западъ и югъ, не захватило Волыни, Полѣсія и Подоліи, но все же къ нему примкнули и отдѣльные лѣвобережцы, и гайдамаки степей, и запорожцы. Какъ ни мало всѣ они помогли дѣлу, все же ихъ участіе въ движеніи придало послѣднему именно тотъ видъ, какой оно имѣло. Возстаніе, наведенное самими крестьянами бывшей руины, едва ли отличалось бы и той степенью организаціонной стройности, какую могли внести въ него только запорожцы, и той степенью ожесточенія, которую естественно было проявлять степнымъ гайдамакамъ и выбитымъ изъ колеи крестьянамъ лѣваго берега Днѣпра.

Какъ извѣстно, не всѣмъ крестьянамъ, попавшимъ на лѣвый берегъ Днѣпра послѣ сгона 1712 года, удалось устроиться соотвѣтственно естественнымъ человѣческимъ желаніямъ. Оказавшись тутъ въ очень скоромъ времени лишенными земельной собственности, попавъ въ зависимость къ ширившемуся сословію

[1)] „Кіевская Старина“, 1890 г., № 5.

Библиотека "Руниверс"

„державцевъ“, которымъ въ силу гетманскихъ универсаловъ стала принадлежать земля, и наконецъ начавъ испытывать и всякое незаконное „драпежство“ со стороны державцевъ, крестьяне эти естественно стали искать лучшихъ условій существованія и—то мѣняли державцевъ въ предѣлахъ гетманщины, переходя отъ бѣдныхъ къ богатымъ, то устремлялись на правый берегъ Днѣпра, привлекаемые туда извѣстными „слободами“ и отсутствіемъ тяжелыхъ повинностей вродѣ пикинерства. Названіе лёзныхъ, шатающихся (отъ польскаго слова luźny, łoźny—праздношатающійся, свободный) было тогда имъ присвоено, и они не сразу осѣдали даже и послѣ прихода на правый берегъ (Лазаревскій). Многіе при этомъ, заставъ тамъ народное броженіе и полное разочарованіе ранѣе поселившихся въ сулимыхъ панами „слободахъ“, часто вовсе не осѣдали въ качествѣ мирныхъ иммигрантовъ, а приставали къ элементамъ бродившимъ, движимые то сознаніемъ своей солидарности съ ними, то желаніемъ половить рыбу въ мутной водѣ. Такой выходъ изъ тяжелыхъ жизненныхъ условій многимъ пришелся по сердцу и вслѣдъ за первыми гетманцами, приставшими къ коліямъ, на правый берегъ Днѣпра двинулись изъ Малороссіи всякіе недовольные элементы. Русскіе форпосты съ ихъ рогатками и кучками солдатъ, воздвигнутые вдоль границы гетманщины и Рѣчи Посполитой, не могли, конечно, задержать этого довольно люднаго движенія,—люднаго впрочемъ только по тогдашней степени населенности и Украины, и Малороссіи.

Констатируя здѣсь, такимъ образомъ, интересный фактъ союзничества между крестьянами праваго и лѣваго берега Днѣпра, мы однако дальше такого констатированія не пойдемъ. Пользуясь, какъ главнымъ источникомъ для настоящей работы, Кодненской книгой, мы естественно имѣемъ свѣдѣнія почти исключительно о тѣхъ гайдамакахъ, которые были подданными Рѣчи Посполитой, такъ какъ только они и подлежали ея суду; что же до гетманцевъ, то они, какъ жители лѣвобережной Украины, находившейся во власти русскаго правительства, не могли фигурировать на польскомъ судѣ въ Коднѣ и подлежали суду русскихъ властей, а потому и обстоятельныхъ свѣдѣній о нихъ въ

Библиотека "Руниверс"

польской Кодненской книгѣ нельзя встрѣтить. Положимъ, и въ ней попадаются иногда подсудимые гайдамаки родомъ изъ-за Днѣпра, изъ предѣловъ то нѣжинскаго, то лубенскаго полка, но всѣ они большею частію давніе выходцы изъ гетманщины, явившіеся на правый берегъ не во время возстанія [1]). За давностью ихъ прихода въ правобережную Украину, польскія власти разсматривали ихъ, какъ подданныхъ Рѣчи Посполитой, и судили своимъ судомъ, щедро раздавая имъ смертныя казни. Но не этими лѣвобережцами интересуемся мы теперь; для насъ важны явившіеся на правый берегъ уже въ періодъ возстанія, представлявшіе собою по отношенію къ коліивщинѣ сочувствующій элементъ. И вотъ о такихъ то лѣвобережцахъ Кодненская книга не даетъ ничего, кромѣ косвенныхъ упоминаній.

Не богаты мы фактами и о гайдамакахъ степей, хотя этимъ послѣднимъ принадлежала въ движеніи очень серьезная роль: у нихъ была военная опытность, и они то были во многихъ случаяхъ организаторами ватагъ и загоновъ. Давно выбывшіе изъ какихъ бы то ни было законныхъ кадровъ Рѣчи-ли Посполитой, или даже гетманщины, люди эти обыкновенно ютились въ вольностяхъ войска запорожскаго и чаще всего въ бугогардовской паланкѣ, гдѣ главнымъ ихъ притономъ былъ Мигейскій островъ, или просто Мигея [2]). Издавна носили они названіе гайдамакъ и по давней судьбѣ своей были наиболѣе близки посполитымъ, выбивавшимся теперь, въ 1768 году, изъ бѣды. Въ большинствѣ это были крестьяне Кіевщины, Брацлавщины и Подоліи, бѣжавшіе въ разное время отъ польскихъ преслѣдованій за участіе въ бунтахъ. Притонъ, къ которому они приставали, издавна существовалъ въ запорожскихъ степяхъ: притонъ этотъ созданъ былъ давними левенцами, родственными по духу опришкамъ Червоной Руси и игравшими роль во время возстанія Хмельницкаго. Въ XVIII вѣкѣ въ степи поуходили многіе крестьяне, участвовавшіе при Палію и Самусѣ въ возстаніяхъ начала сто-

---

[1]) Кодн. кн., см. объ Иванѣ Мельникѣ, о Кондратѣ Письменномъ, о Ботвиненкѣ и пр.

[2]) Скальковскій. Ист. Новой Сѣчи, ч. II, стр. 318.

Библиотека "Руниверс"

лѣтія. Затѣмъ сюда же должны были скрыться сподвижники Верлана и Гривы, избѣгшіе смертной казни послѣ возстанія 1734 и слѣдующихъ годовъ. Наконецъ, и послѣ этого крупнаго движенія, каждый сравнительно мелкій крестьянскій бунтъ давалъ значительный процентъ выбитыхъ изъ легальнаго строя и вынужденныхъ для сохраненія себя отъ непосильной борьбы за существованіе уходить въ глубь запорожскихъ степей. Такимъ образомъ, въ послѣднихъ непрерывно держались полуразбойничьи гнѣзда, страшныя для сосѣднихъ забужскихъ татаръ,для донцовъ и для пановъ южной Руси [1]). Не было въ XVIII вѣкѣ движенія на Украинѣ, въ которомъ бы не принимали участія эти гайдамаки по ремеслу; отъ нихъ то и самыя движенія назывались гайдамацкими. Въ коліивщинѣ въ числѣ боровшихся противъ поляковъ они также составляли извѣстный контингентъ, хотя, быть можетъ, и не столь значительный, какъ это обыкновенно принимается.

Мы замѣтили уже, что и относительно гайдамакъ степей Кодненская книга почти не даетъ намъ фактовъ. Объяснить данное обстоятельство неподсудностью этихъ гайдамакъ польскому суду, какъ это мы сдѣлали относительно лѣвобережцевъ, нѣтъ основаній. Хотя они жили въ предѣлахъ вольностей войска запорожскаго, однако къ запорожскому войску они не причислялись, ибо войско это вслѣдствіе вліянія русскаго правительства не имѣло возможности включить ихъ легально въ свою семью. Не удивительно поэтому, что власти Рѣчи Посполитой склонны были считать ихъ подданными своего государства, имѣя въ виду, что дѣйствительно большинство ихъ вышло когда-то изъ предѣловъ Украины. Въ виду этого военно-судная коммиссія судила ихъ, какъ и своихъ правобережныхъ крестьянъ, причемъ проявляла по отношенію къ нимъ особенную строгость: въ немногихъ судебныхъ отмѣткахъ о такихъ подсудимыхъ, значащихся „заграничными“, мы то и дѣло наталкиваемся на приговоры „sciętу“, „powieszony“. Если же при всемъ томъ дѣлъ о такихъ гайдамакахъ по ремеслу въ нашей Кодненской книгѣ немного, то на

[1]) Скальковскій. Ист. Н. С., стр. 307.

Библиотека "Руниверс"

это, какъ кажется, есть свои причины. Конечно, наша Кодненская книга заключаетъ въ себѣ только ничтожную часть дѣлъ по расправѣ съ гайдамаками, однако все же намъ трудно удержаться отъ предположенія, что и вообще въ движеніи 1768 года гайдамаки степей не были особенно численнымъ элементомъ. Во первыхъ, въ виду стѣсненнаго положенія даже и въ предѣлахъ вольностей войска запорожскаго, они во второй половинѣ XVIII вѣка такъ или иначе уже переходили въ легальныя условія существованія, то приставая въ—плотную къ кошу, который принималъ ихъ къ себѣ тайно отъ всѣхъ многочисленныхъ опекуновъ своихъ, то осѣдаясь правдами и неправдами въ гетманщинѣ или даже въ Украинѣ на польской сторонѣ; вслѣдствіе же этого ихъ становились все меньше и меньше и пополнять собою ряды возставшихъ на Украинѣ они могли слабо. Во—вторыхъ, и извѣстная намъ ничтожная численность гайдамацкихъ ватагъ въ теченіе всей коліивщины склоняетъ невольно къ мысли, что возставшимъ крестьянамъ Кіевщины и Брацлавщины приходилось бороться съ поляками главнымъ образомъ собственными силами. Мы только и знаемъ во время коліивщины небольшіе отряды возставшихъ; самъ Желѣзнякъ подъ Уманью имѣлъ послѣ соединенія съ Гонтой всего только 2000 человѣкъ въ своемъ распоряженіи, а Швачка—1000, другіе же ватажки, особенно ватажки загоновъ, предводительствовали часто сотнями и десятками—не больше. Да и какъ бы оно могло быть иначе? Послѣ руины опустошенная страна не могла сразу возстановить прежней густоты населенія. Вступая же въ борьбу собственными силами, коліи не могли имѣть большихъ ватагъ.

Но если гайдамакъ степей въ 1768 г. было немного въ украинскомъ движеніи, то все же участіе ихъ въ немъ несомнѣнно. Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ между прочимъ указаніе въ Кодненской книгѣ того пути, по которому двигались въ Украину эти отщепенцы. Въ числѣ документовъ Кодненской книги находимъ допросъ военно-судной коммиссіей крестьянина Ивана Рябошапки [1]). Рябошапка этотъ былъ родомъ изъ лубенскаго полка,

[1]) Кодн. кн., стр. 74.

Библиотека "Руниверс"

изъ с. Лохвицы. Тамъ онъ выросъ, женился и достигъ 34-лѣтняго возраста. Мирное теченіе его жизни было нарушено предписаніемъ русскихъ властей идти ему въ числѣ другихъ погоничей при подводахъ, отправлявшихся къ турецкой границѣ по случаю войны. Отказаться отъ исполненія этой повинности было невозможно — и Рябошапка по неволѣ долженъ былъ совершить путь до м. Степанещтъ. Въ Степанештахъ же вслѣдствіе голода и крайней нужды рѣшился онъ кинуть подводы и бѣжать домой. Дойдя до Днѣстра близъ Могилева, Рябошапка зашелъ въ бывшій тамъ монастырь, переночевалъ у монаховъ, и на другой день монастырскій человѣкъ переправилъ его черезъ рѣку, но не къ Могилеву, потому что тамъ была чума, а къ какому то селу прямо противъ монастыря. Тутъ ужъ онъ былъ въ польскихъ предѣлахъ и потому смѣлѣе двинулся далѣе. Путь онъ избралъ такой: чрезъ села Грушки и Баренки на Немировъ, изъ Немирова на Липовецъ, Чернявку, Тетіевъ, Буки, Ризану Крыницю и Еренъ. Въ послѣднемъ селѣ онъ былъ арестованъ тамошнимъ коммиссаромъ. На допросѣ его доцытывали, почему онъ прошелъ черезъ названные имъ села и города. Путь этотъ считался необычнымъ для мирныхъ людей, такъ какъ по немъ ходили почти исключительно гайдамаки. Рябошапка заявилъ, что ближайшимъ путемъ вернуться домой онъ боялся, потому что могъ тамъ попасться русскимъ военнымъ отрядамъ, русскіе же всѣхъ бѣглыхъ погоничей при встрѣчѣ съ ними обыкновенно избивали до полусмерти. Другихъ показаній Рябошапка не далъ, хотя и былъ сѣченъ. Кодненской коммиссіи пришлось поэтому за недостаткомъ уликъ отпустить его, несмотря даже на его безпаспортность, которою онъ тоже объяснялъ выбранный имъ окольный гайдамацкій путь.

Какъ ни неважно само по себѣ пересказанное дѣло, но все же изъ него мы узнаемъ, что былъ даже особый путь, по которому вторгались въ Украину гайдамаки съ юга, а кромѣ того— мы наталкиваемся тутъ на одну изъ группъ гетманцевъ, попадавшихъ въ ряды возставшихъ на правомъ берегу Днѣпра, — наталкиваемся на бѣглыхъ погоничей русскихъ военныхъ подводъ. При допросѣ Рябошапки кодненскіе судьи сами констати-

Библиотека "Руниверс"

ровали и то, что такихъ бѣглыхъ погоничей было не мало, что бѣжали они домой группами въ нѣсколько человѣкъ, и что, наконецъ по пути черезъ Украину съ голода и нужды приставали они къ гайдамакамъ. Для нихъ отмѣченный выше путь былъ дорогою уже заранѣе проторенною. Торною же сдѣлали ее именно гайдамаки степей.

Всѣхъ „заграничныхъ“ гайдамакъ, отмѣтки о которыхъ мы встрѣчаемъ въ Кодненской книгѣ, мы насчитали 32 человѣка. Въ одиночку эти люди рѣдко попадались въ той или другой гайдамацкой ватагѣ, а больше группами въ нѣсколько человѣкъ. Такъ, въ ватагѣ Василія Шелеста, дѣйствовавшаго вблизи Днѣпра, было нѣсколько заграничныхъ [1]). Кромѣ того, и въ совсѣмъ небольшихъ гайдамацкихъ загонахъ „заграничные“ всегда являлись въ группахъ [2]). Кодненская коммиссія, какъ уже было отмѣчено, отнеслась къ этимъ „заграничнымъ“ крайне немилостиво: всѣ они или обезглавлены, или повѣшены.

Несомнѣнно наконецъ участіе въ коліивщинѣ и третьяго элемента, посторонняго крестьянамъ руины, запорожцевъ. Въ нихъ, по самому складу ихъ понятій, движеніе коліевъ необходимо должно было вызвать самый живой откликъ. Какъ ни тяжела была судьба общины ихъ при кошевыхъ Лантухѣ и Кальнишевскомъ, являвшихся во многихъ случаяхъ поневолѣ правительственными чиновниками, тѣмъ не менѣе пониманіе интересовъ своей народности, и въ предѣлахъ, и за предѣлами вольностей войска запорожскаго, а равно и сознаніе своихъ человѣческихъ правъ — все это жило въ славномъ запорожскомъ товариществѣ, и оно охотно несло свои головы, по крайней мѣрѣ въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, каждый разъ, какъ гдѣ-либо на Украйнѣ прорывался протестъ противъ чужеземнаго гнета.

Собственно объ участіи запорожцевъ въ коліивщинѣ собрано пока очень мало фактическаго матеріала; немного его и въ на-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 481.

[2]) Кодн. кн., стр. 537.

Библиотека "Руниверс"

шей Кодненской книгѣ. Конечно, быть можетъ, что такой недостатокъ фактическихъ данныхъ обусловленъ малымъ количествомъ найденныхъ и разобранныхъ до сихъ поръ документовъ. Но не вѣрнѣе ли допустить, что дѣлъ по поводу участія запорожцевъ въ коліивщинѣ не находятъ въ большомъ количествѣ именно потому, что въ большомъ количествѣ ихъ и быть не могло. Конечно, о полномъ невмѣшательствѣ запорожцевъ въ движенія гайдамаковъ вообще и въ частности въ движеніе 1768 года, какъ на этомъ настаивалъ и настаиваетъ г. Скальковскій, и рѣчи быть не можетъ. Усматривая въ гайдамацкихъ возстаніяхъ однѣ только разбойничьи цѣли и не признавая тождества дѣйствительныхъ цѣлей этихъ движеній съ цѣлями запорожскаго товарищества, г. Скальковскій, обѣляя послѣднее, всячески и даже насильственно отрицаетъ солидарность запорожцевъ съ гайдамаками 1768 г. Но слишкомъ очевидно, что даже въ распоряженіи самого г. Скальковскаго имѣются данныя, идущія въ разрѣзъ съ его заключеніями, какъ это давно уже отчетливо показалъ Максимовичъ въ своихъ замѣткахъ на его книгу „Наѣзды гайдамакъ“. Уже въ этой книгѣ отмѣчено, что 600 запорожцевъ двинулись въ 1768 году въ Украину на помощь возставшимъ крестьянамъ [1]). Максимовичъ же добавляетъ къ этому числу еще 420, относительно которыхъ онъ имѣлъ свѣдѣнія изъ подлинныхъ актовъ 1768 г. [2]). Ясно поэтому, что запорожцы принимали участіе и въ коліивщинѣ, какъ и въ прежнихъ крупныхъ волненіяхъ XVIII вѣка. Но мы думаемъ, что приведенныя данныя, при сличеніи ихъ съ запорожскими силами вообще, показываютъ также, что запорожцы въ 1768 году, какъ и вообще послѣ возвращенія своего въ русское подданство въ 1734 году, далеко не свободно могли отдаваться своимъ влеченіямъ, и участіе какой-нибудь тысячи ихъ въ близкомъ ихъ сердцу дѣлѣ показываетъ, какъ сильно измѣнились времена сравнительно съ XVII и началомъ XVIII вѣка, когда являлись они на Украину открыто, явно, въ количествѣ многихъ тысячъ человѣкъ. Конечно, въ Запорожьѣ много значило „товариство“, какъ это отмѣтилъ Максимовичъ, возражая г.

[1]) Скальковскій.

[2]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 586.

Библиотека "Руниверс"

Скальковскому; конечно, товарищество часто шло туда, куда не хотѣла идти войсковая старшина,—но все же старшина въ Запорожьѣ имѣла большую силу и, разъ надъ старшиной висѣлъ мечъ запретовъ со стороны тѣхъ, кому Запорожье подчинялось, разъ пособничество гайдамакамъ строго возбранялось кошу, товариству трудно было идти въ полный разрѣзъ съ кошемъ и экспедировать въ Украину слишкомъ большіе отряды. Воля запорожца въ это время была уже стѣснена, и онъ только нелегально могъ слѣдовать ея влеченіямъ. Не можемъ, поэтому, не думать, что и въ 1768 г. какъ въ теченіе всего XVIII вѣка, запорожцы участвовали въ гайдамацкихъ отрядахъ только въ небольшомъ числѣ. При такомъ же условіи и дѣлъ о запорожцахъ—гайдамакахъ могло сохраниться сравнительно немного. Запорожье въ это время оказывало больше нравственное давленіе на возставшихъ, и эти послѣдніе держались поэтому запорожской военной организаціи, заведя у себя полковника и куренныхъ атамановъ, и въ своихъ нападеніяхъ на врага руководствовались запорожскою же опытностью въ веденіи партизанской войны.

Что запорожцы склонны были именно къ этого рода войнѣ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилось тогда товарищество,—это можно заключить по явленію, вѣроятно не случайному въ архивныхъ документахъ по интересующему насъ вопросу, — а именно по тому, что запорожцы, судившіеся на польскомъ судѣ за возстаніе 1768 года, оказываются побывавшими не въ большихъ ватагахъ ватажковъ Желѣзняка, Швачки, Неживаго и Бондаренка, а только въ загонахъ. Такъ, изъ Кодненской книги мы знаемъ, что три запорожца, Ѳедоръ Базарный, Левко Малый и Климъ Билый [1]) состояли въ загонѣ Плыханенка, дѣйствовавшаго въ Бѣлоцерковщинѣ, то оказывая помощь Швачкѣ, то грабя и убивая шляхту и жидовъ въ селахъ Маломъ Половецкомъ, Романовкѣ и др. Въ той-же Кодненской книгѣ находимъ указаніе и на загонъ Василія Смѣлянскаго, въ которомъ участвовали запорожцы; изъ числа ихъ названы два—Максимъ Швець и опять какой-то Ѳедоръ Базарный [2]).

[1]) Кодн. кн., стр. 482—483.

[2]) Кодн. кн., стр. 486.

Библиотека "Руниверс"

Перебирая далѣе другихъ запорожцевъ, участниковъ въ коливщинѣ, мы не удивимся, если и между ними окажутся проходимцы, имѣющіе въ виду только нагрѣть руки во время чужой бѣды. Такимъ, намъ кажется, былъ запорожецъ Лапа. О немъ мы знаемъ только, что въ началѣ движенія 1768 г. онъ пришелъ въ село Квитки и, поселясь тамъ въ домѣ крестьянина Мельника, подговорилъ этого послѣдняго пойти въ гайдамаки въ загонъ Романченка, который въ то время былъ въ с. Ольшаной. Знаемъ дальше, что Лапа въ томъ же загонѣ Романченка двинулся на подмогу русскимъ войскамъ противъ нападавшихъ тогда на Украйну татаръ, и что затѣмъ онъ съ р. Тыкича, гдѣ Романченко почему то распустилъ свою ватагу, прошелъ въ Лебединъ къ ватагѣ Губы, которая сгибла потомъ, какъ кажется, подъ Севирой [1]). Заключеніе наше о грабительскихъ цѣляхъ Лапы мы выводимъ изъ того уже извѣстнаго намъ обстоятельства, что ватага Романченка нерѣдко грабила крестьянъ и состояла изъ людей вродѣ Ивана Мельника, Василія Чапенка, Карпа Настыченка, которыхъ головой выдавали польскому суду ихъ односельчане [2]).

Предположеніе, что въ большинствѣ случаевъ запорожцы размѣщались не въ большихъ гайдамацкихъ ватагахъ, а въ загонахъ, быть можетъ, находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что всѣ тѣ 420 запорожцевъ, на которыхъ указываетъ Максимовичъ, какъ на участвовавшихъ въ движеніи 1768 года, входили въ составъ загоновъ. Названы при этомъ у Максимовича загоны Саражина, Василія Щербины, Клима Крутя, Гайдая, Мирона Губы [3]).

Но не подлежитъ сомнѣнію, что попадались запорожцы и въ крупныхъ отрядахъ Желѣзняка, Швачки и др. Косвенное указаніе на это мы находимъ въ доносѣ на запорожца Іосыпа Перевертайла, сдѣланномъ на коденскомъ судѣ „хлопцемъ Желѣзняка“, Василіемъ Весніовскимъ. О доносѣ этомъ разскажемъ въ связи съ общимъ ходомъ дѣла Перевертайла, подавшаго суду коденской коммиссіи вмѣстѣ съ своими четырьмя товарищами—

[1]) Максимовичъ. Сочин., т. I, стр. 586.

[2]) Коден. кн., стр. 1, 43.

[3]) Максимовичъ. Сочинен., т. I, стр. 586.

Библиотека "Руниверс"

запорожцами, Пыльпомъ Билымъ, Стефаномъ Бильцемъ, Максимомъ Магромъ и Иваномъ Гладыренкомъ [1]). Остановиться на этомъ процессѣ поучительно, во-первыхъ, потому, что изъ него видно, ради какихъ цѣлей запорожцы проникали въ Украину, подчасъ торгуя, подчасъ маскируя торговлей свою поддержку возставшимъ; во вторыхъ—потому, что въ немъ слишкомъ замѣтно стремленіе польскихъ судей установить не только правдами, но и неправдами тотъ фактъ, что запорожцы были ревностными участниками тяжелаго бунта, и тѣмъ какъ бы дать основаніе своему мнѣнію—что не будь запорожцевъ, все бы пожалуй было благополучно на Украинѣ.

На судѣ относительно Іосыпа Перевертайла узнано было слѣдующее.

Іосыпъ Перевертайло, или какъ его величаютъ польскіе судьи Юзко, былъ родомъ *изъ Мишурова* подъ Кременчугомъ. Сперва онъ служилъ у людей наймытомъ, а потомъ, собравшись со средствами и купивъ себѣ пару воловъ, сталъ ѣздить то за рыбой въ Сѣчь, а то и дальше въ Крымъ за солью. И то, и другое возилъ онъ продавать на Украину и потому, конечно, хорошо зналъ въ ней разныя мѣстности. По словамъ его, незадолго предъ „ризаниной“ 1768 г. онъ купилъ себѣ въ предѣлахъ вольностей войска запорожскаго на рѣчкѣ хатку и сталъ заниматься доставкой оттуда сѣна, вѣроятно, въ Сѣчь. Въ самый разгаръ коливщины онъ именно былъ будто бы занятъ этимъ дѣломъ. Но вскорѣ въ судьбѣ Перевертайла многое измѣнилось. Въ это время онъ считался сичовымъ козакомъ, запорожцемъ, и потому, когда въ 1769 году весной вышелъ указъ кошеваго идти на турокъ, онъ, какъ и большинство запорожцевъ, оставилъ свое мирное дѣло и вмѣстѣ съ другими двинулся подъ Очаковъ, гдѣ пробылъ цѣлое лѣто, а на зиму вернулся въ Запорожье. Въ слѣдующемъ 1770 г. этотъ походъ былъ запорожцами повторенъ, и Перевертайло не отсталъ отъ другихъ и тогда. Лѣто и осень пробыли они тогда въ дѣлѣ, и Перевертайло ушелъ оттуда только подъ конецъ осени, участвуя въ отрядѣ, которому было поручено конвоировать

[1]) Кодн. кн., стр. 31—36.

Библиотека "Руниверс"

бѣлогородскихъ татаръ, отдѣлившихся отъ турокъ. Дойдя въ качествѣ конвоира до рѣчки Саксагана, Перевертайло вмѣстѣ съ пятью товарищами своими, запорожцами—Тимошемъ Билымъ, Степаномъ Бильцемъ, Максимомъ Магромъ и Иваномъ Гладыренкомъ—отсталъ отъ отряда, такъ какъ у всѣхъ ихъ де кони пристали. Зазимовали они тогда въ протопоповой слободѣ подъ Крыловымъ, причемъ дали о себѣ знать крыловской канцеляріи. Весной же взяли они себѣ по проходному виду отъ протопопа Димитра, думая отправиться въ Сѣчь, что́ и было отмѣчено въ данныхъ имъ протопопомъ бумагахъ. Сомнѣваясь однако въ законности полученныхъ видовъ, и Перевертайло, и его сѣчевые товарищи отправились показать ихъ въ крыловской (русской) канцеляріи. Тамъ они, по словамъ Перевертайла, не застали „главника“, а только прапорщика „молоденькаго“—и этотъ—то „молоденькій“ прапорщикъ сказалъ будто бы имъ, что съ свидѣтельствами отъ протопопа Дмитра они могутъ идти куда угодно, и что въ иныхъ паспортахъ они не нуждаются. Удовлетворенные такимъ отвѣтомъ, запорожцы двинулись въ с. Глинскъ. (Село александр. уѣзда херс. губ., крыловской сотни, миргород. полка, при р. Цыбульникѣ, къ ЗЮЗ отъ Крылова).

Тутъ замѣтимъ, что исполненіе всякихъ формальностей относительно паспортовъ для запорожцевъ, не желавшихъ выходить изъ границъ легальности, было дѣломъ крайней необходимости послѣ грозныхъ предписаній кошевому и всѣмъ запорожскимъ старшинамъ отъ разныхъ представителей русской власти. Еще Разумовскій въ наказѣ своемъ запорожской старшинѣ настаивалъ въ 1755 г., чтобы запорожцы, отлучаясь куда бы то ни было изъ коша, брали паспорты и на заставахъ билеты; даже при отправкахъ въ зимовники въ предѣлахъ своихъ вольностей считался необходимымъ билетъ[1]). Но, разумѣется, формальности эти, слишкомъ стѣснительныя для вольныхъ людей, были выполняемы только желающими. Тѣ-же, кому надо было идти вершить политическія дѣла, какихъ русскія власти и запорожскіе старшины, ими направляемыя, одобрить не могли, и тѣ, которыя

[1]) Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамачины, А. Скальковскаго. „Кіев. Стар.“ 1885 г., книга 10-я.

Библиотека "Руниверс"

искали матеріальной поживы въ краѣ, гдѣ все было перевернуто народнымъ движеніемъ вверхъ дномъ,—тѣ паспортами не всегда запасались, а если и запасались, то не всегда тамъ, гдѣ было нужно, и при этомъ далеко не слѣдовали указанному въ нихъ маршруту.

Послѣднее случилось по невѣдѣнію и съ нашими пятью запорожцами, къ которымъ пристaлъ еще какой-то Иванъ Кравецъ, уроженецъ правобережной Украины. Встрѣтились они будто-бы въ Глинскѣ съ прикащикомъ какого-то Графова, маіора сербскаго гусарскаго полка, съ гусаромъ Иваномъ Лисенкомъ, и этотъ то Лисенко убѣдилъ ихъ будто бы идти къ россійской арміи, выступившей противъ турокъ. Давши ему свое согласіе, Перевертайло и его товарищи, имѣя возъ съ провіантомъ и кладью, двинулись въ путь вмѣстѣ съ Лисенкомъ, имѣвшимъ также два воза съ провіантомъ; медленно двигались они и недалеко прошли впередъ, такъ какъ въ возы были упряжены волы—по четыре въ каждый возъ. И вотъ у села Тышкувки, близъ мѣстечка Турія (теперь деревня дубенск. уѣзда, при р. Иквѣ), были они задержаны стражникомъ, стоявшимъ на turwarci, какъ не имѣвшіе законныхъ видовъ, гусаръ же Лисенко, задержанный сперва также, былъ отпущенъ и съ двумя своими возами и прислугой продолжалъ путь по направленію къ арміи.

Вся эта исторія, узнанная изъ устъ самого Перевертайла, не представлялась правдивой польскимъ судьямъ; когда же къ дѣлу прибавились добровольныя показанія на Перевертайла и его товарищей Желѣзнякова хлопца Василія Весніовскаго, тогда и подавно неповинность въ гайдамачествѣ и Перевертайла, и его друзей стала казаться еще болѣе подозрительной.

Показанія свои на Перевертайла и его товарищей Весніовскій на судѣ измѣнялъ однако два раза, если не больше. Сначала онъ заявилъ было, что Перевертайла онъ видѣлъ во время рѣзни въ Умани и именно тогда, когда было вырѣзано 18,000 шляхтичей и жидовъ [1]) т. е. 1768 г., и что узналъ онъ его по коню. Какія такія характерныя особенности были у коня Пере-

[1]) Кодн. кн., стр. 34

Библиотека "Руниверс"

вертайла, чтобы Весніовскій могъ помнить его три года, въ показаніяхъ Весніовскаго не отмѣчено, но Перевертайло, опровергая справедливость заключеній Весніовскаго, отмѣтилъ ее, сказавъ, что если онъ, Перевертайло, не ковалъ своего коня и подшивалъ на его копыта какую-то обувь [1]), то дѣлалъ онъ это, какъ и всѣ запорожцы, по запорожскому обычаю, такъ что подшитые обувью копыта, очевидно, не могли бы служить уликой тождественности коня, видѣннаго Весніовскимъ въ Умани въ 1768 году, съ тѣмъ, на которомъ былъ Перевертайло взятъ въ секвестръ, ибо подъ Уманью было много запорожцевъ. Къ приведенной культурной подробности относительно обуви коня въ оправданіяхъ Перевертайла присоединяется и другая. Онъ утверждалъ, что коня своего онъ обрѣлъ только недавно, а именно въ истекшій мясопустъ, у какого-то цыганскаго атамана, съ пятью шатрами осѣвшагося на время въ слободѣ Переводчиковой, о чемъ должны, по его словамъ, помнить люди названной слободы. Указалъ при этомъ Перевертайло, что уплатилъ онъ цыгану за своего коня 16 рублей и въ додачу далъ ему своего прежняго коня, который пошелъ въ 4 рубляхъ [2]).

Смущенный энергичностью протеста Перевертайла, Весніовскій сталъ уже утверждать, что онъ помнитъ только коня, а не всадника, а потомъ добавилъ, что видѣлъ Перевертайла и коня не въ Умани, а въ Бендерахъ, въ заключеніе же сталъ настаивать на томъ, что и Перевертайло, и его товарищи грабили и убивали въ польскихъ предѣлахъ въ прошломъ 1770 г., и что Перевертайло на своемъ конѣ былъ тогда и въ Жаботинѣ, и въ Смѣлой, и въ Корсунѣ, и въ Богуславѣ, и въ Умани. Утвержденіе это 19-ти лѣтній Весніовскій рѣшился бросить и прямо въ глаза оговореннымъ имъ лицамъ. Особенно при этомъ страннымъ показалось его вторичное обвиненіе, что они, запорожцы, wraz z jego panem Żelezniakiem rabowali i zabijali. Очевидно, однако, что wraz z panem Żelezniakiem Перевертайло могъ бы дѣйствовать только въ 1768 году, а никакъ не въ 1770,

[1]) Кодн. кн., стр. 7.

[2]) Рубли здѣсь литовскіе. Тогда литовск. рубль=6 рус. рублямъ.

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ Желѣзнякъ уже сошелъ со сцены въ 1768 году [1]).

Въ виду всѣхъ этихъ разнорѣчій по правиламъ судопроизводства того времени оставалось только для выясненія истины прибѣгнуть къ пыткѣ. Въ Кодненской книгѣ сохранился протоколъ korporalnych konfessat, т. е. показаній, данныхъ подъ пыткой по настоящему дѣлу Весніовскимъ и Перевертайломъ; въ протоколѣ сохранилось еще указаніе на пытку Максима Магра, но этотъ послѣдній при мученіяхъ замиралъ.

Для наглядности сдѣлаемъ здѣсь выписку изъ этого протокола.

Punkta przeciwko Maximowi Magrze y Iuskowi Perewertaylowi na korporalne konfessata [2]).

1-mo. Dla czego wyszedl z zagranicy z Juskiem Perewertaylem do polskiey z drugimi z nim będącemi?

In illo puncto dormiebat et nihil dixit Maxym Magro.

R (respondit) Jusko Perewertaylo—iż wyszlismy do armiy, ale nic na rabunki żadne.

2-do. W Polszchę będąc gdziescie rabowali szlachty, żydow, mużykow y silascie ich zabili?

Etiam in illo dormiebat (Maxym Magro), propterea nihil dixit.

R (respondit) Perewertaylo—iż niedziesmy nie rabowali szlachty, a ni żydow y żodnych nie zabialismy.

3-tio. Gdziescie zdobycz y komu te z rabunków oddawali.

Et in illo puncto dormiebat (Maxym Magro) etiam nihil dictum ab illo est.

R (respondit) Juzko Perewertaylo—że żadney zdobyczy nie mielismy, a ni komu nie dawalismy y wcale do niczego nie przyznaie y w Humaniu nie byłem, y konia tego swego, ktorego Wesniowski miał poznać, kupiłem. Zgula wszystko do konfessat dobrowolnych tylko przyznaię".

---

[1]) „Кіевск. Стар." 1888, книжка 12-я, сообщеніе г. Андріевскаго.

[2]) Кодн. кн. стр. 20.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ этого кодненскому суду оставалось только отпустить и мнимаго гайдамацкаго ватажка Перевертайла, и его товарищей, тѣмъ болѣе, что ихъ личности не представляли ничего загадочнаго. Обо всѣхъ ихъ извѣстно было, что они запорожцы, числившіеся въ куреняхъ. О Перевертайлѣ мы уже имѣли указанія, скажемъ теперь и объ остальныхъ. Тимишъ Билый былъ родомъ изъ Прохоровки переяславскаго полка и долго торговалъ рыбой и солью въ Сѣчи, до самой турецкой войны. Другой, Степанъ Билецъ, также родомъ изъ Прохоровки, ушелъ на Запорожье изъ Кіева и десять лѣтъ числился въ каневскомъ куренѣ. Третій, Максимъ Магро, родомъ изъ Келиберды переяславскаго полка, также долго жилъ на Запорожьѣ. Наконецъ, четвертый, Иванъ Гладыренко и родомъ былъ изъ запорожской земли; родился онъ въ Кодакахъ и тамъ выросъ, а въ Сѣчи былъ потомъ записанъ въ куренѣ каневскомъ. Вооружены всѣ эти люди были пистолетами; у кого былъ одинъ пистолетъ, а у кого и два.

Едва ли однако всѣ эти люди были бы такъ скоро отпущены Кодней, если бы, несмотря на уясненіе дѣла путемъ допроса подсудимыхъ подъ пыткой, кодненскіе судьи не сочли нужнымъ допросить еще подъ пыткой Василія Весніовскаго, личность котораго никому не могла внушать довѣрія. Въ Кодненской книгѣ сохранился только обрывокъ „korporalnych konfessat“ этого доносчика. Приводимъ его.

Punkta na Wasyla Wissniowskiego inkarcerata [1]).

1-mo. Czy byli w Umaniu Juzko, Maxym Magro y inni, czy rabowali, czyli nie, gdzie i kiedy?

R. iż nie byli, tylkom się przeż iednego konia zbalamutił, żem na nich powiedział.

2-do. Za co pierwey powolywał tych ludzi, a potym odwołał, kto go namówił na to y jak go namowiali?

R. iz mnie nie namowili, tylko mnie persowadowali, abym iam na dusze swoie nie brał, co teraz rewokuie żem ich nie widział a ni ich znam“.

[1]) Кодн. кн., стр. 16.

Библиотека "Руниверс"

Понятно, что послѣ этого показанія дѣло о запорожцахъ необходимо должно было окончиться ихъ освобожденіемъ.

Все данное дѣло показываетъ намъ, какъ привыкла польская слѣдственная коммиссія къ появленіямъ запорожцевъ въ Украинѣ ради поддержанія возставшихъ крестьянъ. Относительно Перевертайла и его товарищей, конечно, произошла грубая ошибка, но во многихъ случаяхъ дѣйствительно запорожцы подъ предлогомъ торговли или подъ предлогомъ переходовъ въ русскіе предѣлы оставались въ Украинѣ и принимали участіе въ гайдамацкомъ движеніи, приставая не всегда только къ небольшимъ загонамъ, но иногда и къ большимъ ватагамъ, вродѣ дѣйствовавшей подъ Уманью.

Случалось, что и запорожцы шли на помощь возставшимъ въ полной увѣренности, что таково желаніе царицы; особенно легко овладѣвала подобная иллюзія запорожцами, проживавшими вдали отъ коша, этого запорожскаго центра вѣрныхъ политическихъ новостей.

Въ подтвержденіе можемъ сослаться на показанія запорожца Алексѣя Ногайца, уличеннаго въ гайдамачествѣ и бывшаго на судѣ кіевской губернской канцеляріи 23 октября 1768 г. [1]). Въ показаніяхъ этихъ между прочимъ читаемъ: „... многіе запорожскіе козаки шли за границу въ Польшу, объявляя, что якобы по указу велѣно запорожцамъ собираться къ находящимся въ Польшѣ россійскимъ войскамъ противъ поляковъ для защищенія живущихъ въ Польшѣ греческаго исповѣданія людей“.

И такъ, при всѣхъ затрудненіяхъ, какія встрѣчали запорожцы для фактическаго проявленія своихъ симпатій къ угнетаемой Украинѣ, они все же проникали туда, хотя и нелегально. Но не отразиться на числѣ запорожцевъ, проникавшихъ въ Украину, упомянутыя затрудненія не могли: прежде въ XVII в. бывало все товариство шло вызволять украинцевъ, въ количествѣ чуть не десятковъ тысячъ, теперь же изъ общаго числа запорожцевъ 13,000 человѣкъ [2]) едва-едва проникала туда какая-нибудь тысяча.

---

[1]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 606.

[2]) Скальковскій.

Библиотека "Руниверс"

Пересмотрѣвъ имѣвшіяся у насъ данныя объ участіи въ коліивщинѣ лѣвобережцевъ, степныхъ гайдамакъ и запорожцевъ, мы только и можемъ повторить ранѣе сказанное,—что, коліивщина есть только слабый отблескъ того, что бывало на Украинѣ раньше въ XVII и даже въ началѣ XVIII столѣтія. Одна уже слабая населенность Украины въ XVIII вѣкѣ, послѣ руины, необходимо должна была свести это движеніе до размѣровъ сравнительно ничтожныхъ. Во время его дѣйствовали десятки и сотни возставшихъ, тогда какъ раньше полякамъ приходилось имѣть дѣло съ десятками тысячъ и даже сотнями тысячъ козаковъ и посполитыхъ. Изъ постороннихъ участниковъ въ коліивщинѣ только лѣвобережцы, надо полагать, поддерживали возстаніе сколько-нибудь значительными силами. Степныхъ же гайдамакъ къ концу столѣтія становилось все меньше и меньше—и помощь ихъ коліямъ была далеко не такъ велика, какъ это обыкновенно думаютъ. Наконецъ и самое Запорожье въ это время не могло давать сколько-нибудь замѣтнаго контингента пособниковъ. Слѣдствіемъ же всего этого и является тотъ, какъ намъ кажется, несомнѣнный фактъ, что коліивщина есть движеніе чисто крестьянское, заключенное притомъ въ предѣлы только большей части Кіевщины и Брацлавщины.

Я. Шульгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

МИЛЛІОНЕРЪ.

КАРТИНКА ИЗЪ ГАЛИЦКОЙ ЖИЗНИ.

(Окончаніе) [1]).

Яць былъ уже дома. Двѣ думы мучили его: о безпомощномъ положеніи родственницы и о неудачѣ съ шуриномъ. Намѣреніе начать работу самому не покидало его ни на минуту. Несчастный бился какъ рыба объ ледъ, не находя возможности поставить на своемъ и обойтись безъ помощи богача.

— Самъ буду копать—это такъ, но на что жить все это время? Развѣ принять въ компанію тѣхъ бѣдняковъ, что чуть не каждый день ходятъ по селу и ищутъ работы и хлѣба? Въ компанію они бы пристали—это такъ, но откуда же я возьму для нихъ хлѣба?

Когда бѣдный Яць былъ обуреваемъ своими тяжелыми мыслями, слегка отворилась дверь и показалась сухая, сгорбленная фигура извѣстнаго всему Бориславлю Юдки Лыбака [2]).

Это былъ еврей еще не старый, лѣтъ подъ 40, но сгорбленный, сморщенный, какъ старикъ. Его высохшее, усѣянное веснушками лицо, покрытое рѣдкой, огненно-красной растительностью, коротко остриженная голова съ растрепанными пейсами, выпуклые глаза съ красными, больными вѣками, грубый, непри-

[1]) См. „Кіевская Старина", 1890 г., № 5.

[2]) *Лыбаками* въ Бориславлѣ называются тѣ, которые при помощи конскихъ хвостовъ собираютъ съ поверхности воды выступающую на ней „кипячку"—нефть, идущую на подмазку возовъ.

Библиотека "Руниверс"

ятный голосъ—все это производило отталкивающее впечатлѣніе. Но сердце у Юдки было мягкое, доброе; всѣмъ онъ готовъ былъ помочь въ бѣдѣ, а съ бѣднякомъ подѣлиться послѣднимъ кускомъ. Юдка уже нѣсколько лѣтъ занимался въ Борисловлѣ своимъ промысломъ, жилъ у мужика и въ свободное время охотно помогалъ хозяину. Всѣ смѣялись надъ его безобразной фигурой, но тѣмъ не менѣе любили его за доброту, и никто не отказывалъ ему въ маленькихъ услугахъ: тотъ отвезетъ въ городъ собранную имъ кипячку, другой подаритъ горшокъ варенаго картофеля, два-три яйца, немного луку—все нужное для его пропитанія. За то каждый могъ на него надѣяться. Въ горячую пору сѣнокоса или жатвы, когда такъ трудно достать работника, Юдка по первому зову бросалъ конскій хвостъ и шелъ сгребать сѣно или вязать снопы. За свою работу онъ не бралъ опредѣленной платы: довольствовался тѣмъ, что дадутъ, а чаще всего простою благодарностью.

— Добрый человѣкъ этотъ Юдка,—говорили про него борисловскіе жители.

— Оттого то онъ и такой *капцанъ* (бѣднякъ), — подтверждали другіе.—Никогда того не бывало, чтобы добрый человѣкъ не умеръ *капцаномъ*.

Однако же Юдкѣ не суждено было умереть бѣднымъ.

— *Добре полудне вамъ*, пане Зелепуга!—сказалъ онъ, входя и низко кланяясь.

— Добраго здоровья!—отвѣтилъ Яць.—Это ты, Юдка! Садись—гостемъ будешь!

— *Най усе добре сидае!*—сказалъ Юдка, все еще стоя у порога и комкая въ рукахъ порванную шапку.

— А что у тебя новаго?—спрашивалъ Яць.

— А что жь? Все, благодаря Богу, по старому.

— Хочешь мнѣ что сказать, что такъ шапку мнешь?—допытывался Яць, добродушно усмѣхаясь.

— Да оно того... какъ его,—заикнулся Юдка, какъ будто не рѣшаясь продолжать. Наконецъ, набравшись храбрости, онъ приблизился шага на два къ скамьѣ, на которой сидѣлъ Зелепуга.

Библиотека "Руниверс"

— Знаете что, пане Зелепуга? Говорилъ мнѣ Мендель, что вы хотите продать вашъ грунтъ на *Волянци*.

— Грунтъ на *Волянци?* Да, продалъ бы.

— Ну, такъ продайте мнѣ.

— Тебѣ? А тебѣ на что?

— Такъ себѣ. Нужно... У меня есть немного денегъ, такъ думаю: не заработаю ли чего нибудь на вашемъ грунтѣ.

— Ну, чтожь, Богъ тебѣ помоги, Юдко!—искренно сказалъ Яць.—Если у тебя есть деньги, то конечно лучше на грунтѣ работать, чѣмъ конскимъ хвостомъ по лужамъ махать.

— А какъ цѣна?

— А развѣ тебѣ не сказалъ Мендель? По сотнѣ за моргъ.

— Это для меня много!—сказалъ Юдка.—Я вамъ дамъ по 80. Хорошо?

— Пускай будетъ и по 80, другому жиду я бы и по сто не отдалъ, а тебѣ отдамъ по 80, потому что знаю, что ты хлопской работы не чураешься.

На губахъ Юдки заиграла улыбка, а затѣмъ онъ вынулъ изъ за пазухи кварту водки.

— Ну, коли такъ, то выпьемъ могарычъ!—сказалъ Юдка.—Пускай вамъ Богъ на все доброе помогаетъ! И сейчасъ пойдемъ къ писарю—контрактъ сдѣлаемъ.

— А когда деньги выплатишь?

— Сейчасъ, какъ только контрактъ будетъ при свидѣтеляхъ подписанъ.

Яць Зелепуга слушалъ и ушамъ не вѣрилъ: Юдка Лыбакъ землю покупаетъ! Платитъ наличными! Ну, вѣрно конецъ свѣта скоро!

Зелепуга недовѣрчиво посматривалъ на веселое лицо Юдки,—не хочетъ ли онъ его надуть? Но нѣтъ. Юдко серьезно брался за дѣло и не любилъ шутить.

Выпили по нѣсколько стаканчиковъ могарыча и пошли къ писарю. Писарь былъ дома и тотчасъ написалъ контрактъ. Юдка заплатилъ гульденъ за труды писарю и, подписавши бумагу, отправились къ Зелепугѣ, гдѣ тотъ въ присутствіи свидѣтелей сдалъ свою землю въ полное владѣніе Юдкѣ, а послѣдній уплатилъ ему сполна 320 римскихъ новыми бумажками.

Библиотека "Руниверс"

Получивъ деньги, Яць, несмотря на позднюю пору, бросился прямо къ невѣсткѣ. Каково же было его удивленіе, когда передъ хатой онъ увидѣлъ подводу Недовареннаго, а въ хатѣ самого Недовареннаго съ женой.

— А, швагерокъ здѣсь!—крикнулъ, замѣтивъ его, шуринъ гораздо ласковѣе, чѣмъ прежде.—А ну, ну, иди сюда, ближе!

— Не надѣялся я васъ тутъ застать,—сказалъ Яць, останавливаясь въ дверяхъ.

— Ага, ты думалъ, что я такой турокъ, что не имѣю въ себѣ души христіанской! Эхъ вы нищіе, нищіе! Все только себя однихъ считаютъ честными и добрыми, и все бы съ радостью отдали, да только сами ничего не имѣютъ.

Зелепуга отвелъ въ сторону невѣстку и вручилъ ей „покуда“ пять римскихъ, добавивъ, чтобы она обращалась прямо къ нему, если будетъ въ чемъ нуждаться. Бѣдная женщина удивленно посмотрѣла на него и даже забыла поблагодарить. А Зелепуга надѣлъ шапку и пошелъ домой.

— Постой, Яцю, постой! — крикнулъ вслѣдъ ему Недовареный.

— А что вамъ нужно?—спросилъ Зелепуга, неохотно возвращаясь.

— А что, ты еще не бросилъ своего глупаго намѣренія копать ямы на своемъ грунтѣ.

— Нѣтъ, не бросилъ!

— А когда начинаешь?

— Завтра.

— Что? Завтра? Ну, а кого же ты въ компанію приманилъ?

— Никого не приманилъ, и никого мнѣ не нужно приманивать. Самъ для себя буду стараться,—это лучше всего. Знаете, какъ говорятъ: „самъ себя пасу, самъ себя и выгоняю“. Спокойной ночи!

И Зелепуга поспѣшно удалился, оставивъ Недовареннаго въ большомъ недоумѣніи. Какъ же это? Правда ли? Вздумалъ ли этотъ безумецъ самъ начать работу и на чьи же деньги? Долго размышлялъ Недовареный надъ этими вопросами и рѣшилъ завтра же лично побывать у Яця и навести его на умъ.

Библиотека "Руниверс"

Но что за зрѣлище увидѣлъ на другой день Недоваренный на дворѣ у Яця!

Толпа жидовъ, жидовокъ, мужиковъ, работниковъ и всякихъ бродягъ... Крикъ, гамъ, насмѣшки... Что за чудо? Э, да это Яць началъ копать яму. Первый крестьянинъ взялся за это дѣло, которое до сихъ поръ было привилегіей жидовъ. Неудивительно поэтому, что едва Яць привелъ рабочихъ и назначилъ мѣста для четырехъ ямъ, какъ нахлынула толпа любопытныхъ. Первымъ примчался Мендель и, увидѣвъ къ чему идетъ дѣло, даже позеленѣлъ отъ злости.

— Что это? Вы здѣсь хотите копать?—спросилъ онъ Яця полушутливымъ, полуугрожающимъ тономъ.

— А конечно, хочу,—сказалъ спокойно Яць.

— А кто вамъ позволилъ?

— Самъ себѣ на своемъ грунтѣ позволяю.

— А я вамъ запрещаю, я!—крикнулъ Мендель, не будучи въ состояніи больше сдерживаться и почти не сознавая, что говоритъ.

— А ну, попробуй!—отвѣтилъ Зелепуга.

Мендель бросился на него и хотѣлъ вырвать заступъ, но Яць такъ сильно толкнулъ его въ грудь, что Мендель упалъ навзничь. Громкій смѣхъ сопровождалъ начало этой исторіи, но Мендель, не вставая, началъ кричать не своимъ голосомъ, какъ будто его хотѣли рѣзать. Масса жидовъ сбѣжалась на этотъ крикъ и вѣроятно Яцю пришлось бы плохо, если бы крестьяне не заступились за него. Но крикъ и суматоха продолжались очень долго. Мендель побѣжалъ съ жалобой въ правленіе, но, видно, не имѣлъ тамъ успѣха, потому что немедленно явился на работы. Между жидами начались бурныя пренія, но Яць не обращалъ больше на нихъ вниманія и продолжалъ работу. Недоваренный былъ свидѣтелемъ этой сцены. Злость и упорство жидовъ не предвѣщали ничего добраго.

— Э, это плохое дѣло!—сказалъ онъ, махнувши рукой, и не поздоровавшись съ Яцемъ, поспѣшилъ домой.

Съ этихъ поръ жилище Яця приняло иной видъ. Жилъ онъ вмѣстѣ съ рабочими, копавшими ямы; невѣстка варила имъ пищу.

Библиотека "Руниверс"

Часто забѣгали сосѣди выпить водки или такъ себѣ, поболтать и посмотрѣть на работу. Нѣкоторые собирались и у себя начать тоже самое, но ожидали, какъ пойдетъ дѣло у Яця.

А Яць и во снѣ, и на яву только и грезилъ какъ бы дорыться до подземныхъ богатствъ. Онъ огородилъ свою усадьбу, а возлѣ ямъ привязалъ трехъ собакъ, чтобы стерегли отъ жидовскихъ пакостей. При копаньи четырехъ ямъ разомъ четырехъ рабочихъ оказалось недостаточно. Многіе совѣтовали Яцю забросить три ямы и копать только одну; если въ ней покажется нефть, можно будетъ приняться и за остальныя; но Яць и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Въ душѣ его въ послѣдніе дни происходилъ переломъ. Казалось, что вся его энергія, всѣ духовныя силы были направлены на одинъ пунктъ—открыть на своей землѣ нефть. Что будетъ потомъ—его не занимало; потомъ,—въ его воображеніи рисовались цвѣтущіе луга, роскошныя поля, безграничное счастье и наслажденіе. Лишь бы только добраться до нефти.

Днемъ и ночью онъ переживалъ ужасныя тревоги. Ну что если мѣсто это нехорошее? Онъ прикладывалъ ухо къ землѣ, прислушивался нѣтъ ли какого шума, принималъ мѣры предосторожности. Часто, вскочивши ночью съ постели, онъ съ толстою палкою въ рукѣ обходилъ ямы. Оказалось, что осторожность была не излишней: жиды нѣсколько разъ подсылали своихъ рабочихъ портить бревна, засыпать ямы, перерѣзывать канаты. Но, благодаря бдительности собакъ и самого Яця, имъ это не удавалось. Какъ любящая мать слышитъ во снѣ плачъ своего дитяти, такъ Яць чуялъ сердцемъ, когда его ямамъ грозила бѣда, и взявши съ собой работниковъ, отражалъ нападеніе. Однажды жидамъ удалось отравить его собакъ, но на свою же бѣду; на другую ночь Яць съ рабочими, укрывшись за заборомъ, схватилъ двухъ жидовъ на мѣстѣ преступленія. Ихъ ввели въ избу и, завязавши имъ головы мѣшками, „сквозь мокрое полотно“ [1]) такъ больно высѣкли ихъ палками, что они закаялись больше ногой ступать во дворъ Яця. Бѣдняги на другой день даже пожало-

[1]) Такой способъ практикуется, чтобы не оставалось слѣдовъ.

Библиотека "Руниверс"

ваться не могли, потому что послѣ „холодной бани“ доказательствъ не оказалось. Но свое слово сдержали: Яця больше не тревожили.

Ямы вырыли уже въ 10 сажень глубиной, но нефти и слѣдовъ не было. Тогда только замѣтилъ Яць, что изъ его капитала осталось очень мало. Имъ овладѣло ужасное безпокойство. По цѣлымъ ночамъ онъ не спалъ, днемъ ходилъ самъ не свой. Онъ не могъ себѣ даже представить, что придетъ то время, когда онъ долженъ будетъ прекратить работу. Перестать рыть — вѣдь это для него равнялось смерти! А незначительный остатокъ денегъ ясно говорилъ, что эта минута близка, что надо на что нибудь рѣшиться. Поэтому рано, чуть свѣтъ, назначивъ занятія рабочимъ, Яць бросился къ Недоваренному. Онъ засталъ его въ постели; полевыя работы уже окончились, а потому можно было отдохнуть подольше.

— Пане швагре!—не ожидая отвѣта на привѣтствіе, началъ Яць.—Я пришелъ къ вамъ по важному дѣлу.

— По какому? — спросилъ Недоваренный, продолжая лежать.

— Помните вы когда то заинтересовались моими ямами, спрашивали, кого принимаю въ компанію? Дуракъ я былъ тогда, думалъ, что у меня денегъ достанетъ...

— А теперь ты поумнѣлъ, закопавши свои деньги? Да еще и меня хочешь втянуть въ свое глупое предпріятіе! — крикнулъ сердито Недоваренный.—Иди ты изъ хаты, *замороко*!—Иди, а то велю тебя собаками затравить! Иди къ своему Юдкѣ, котораго ты за 300 римскихъ богачемъ сдѣлалъ, а ко мнѣ не ходи!

— Богачемъ, какимъ богачемъ?—спросилъ Яць.

— Развѣ не знаешь, что Юдка на твоемъ грунтѣ, на *Волянци*, уже четыре ключа кипячки добылъ, цѣлую недѣлю черпаетъ и черпаетъ по сто бочекъ въ день, и еще конца нѣтъ? Видишь, какой твой разумъ? Иди же къ нему, проси его, можетъ быть, пристанетъ къ тебѣ въ компанію, а меня оставь въ покоѣ.

И Недоваренный, не могшій сдержаться отъ злости, отвернулся отъ остолбенѣвшаго Яця на другой бокъ. Тотъ посидѣлъ еще минуту молча и потомъ вышелъ, пошатываясь.

Библиотека "Руниверс"

— Боже милый! что это такое дѣлается на свѣтѣ? Развѣ вправду доля прокляла христіанина, а только жидамъ усмѣхается? Ну, ктожь бы могъ подумать, что кладъ былъ для меня не здѣсь, а на *Волянци?* И что теперь дѣлать?

Горючія слезы текли по щекамъ Яця. Не давая себѣ отчета, что дѣлаетъ, пошелъ онъ на Волянку — посмотрѣть на ту землю, что нанесла такой ударъ его надеждамъ и мечтамъ.

У Юдки работа кипѣла. Двадцать рабочихъ работали у ямъ, доставали нефть, наливали въ бочки, нагружали на телѣги или устанавливали въ большомъ, выстроенномъ на скорую руку сараѣ. Тутъ же бондари сколачивали изъ досокъ бочки, кузнецы обтягивали ихъ обручами, плотники оканчивали сарай — однимъ словомъ, на недавней пустоши стояла цѣлая фабрика. А среди всей этой суматохи метался Юдка, счастливый, веселый и порядочно одѣтый, словомъ совсѣмъ переродившійся. Двадцать другихъ рабочихъ копали новыя ямы.

— Дай Боже счастья!—мрачно сказалъ Яць, протискиваясь сквозь занятую, суетливую толпу.

— Дай Боже!—отвѣтилъ Юдка; потомъ, обернувшись и увидѣвъ Яця, онъ радостно его привѣтствовалъ: А, панъ Зелепуга! Какъ поживаете?

— Скверно поживаю, Юдко! — сказалъ Яць. — Тебѣ вотъ Богъ счастье послалъ, а я твои деньги закопалъ и ничего не имѣю.

— Глубоко докопались уже?—спросилъ тотъ.

— У меня четыре ямы по двадцати сажень.

— А у меня Богъ далъ на шестомъ сажнѣ, — сказалъ Юдка,—на то Божья воля. Нужно и вамъ копать дальше—и у васъ будетъ, навѣрно будетъ.

— И я такъ думаю, что будетъ. Но чтоже, коли не на что копать дальше!

— Не на что? Это скверно!

Юдка задумался. Яць въ это время съ любопытствомъ разсматривалъ поле, которое такъ недавно принадлежало ему и которое онъ не разъ проклиналъ за его безплодіе.—Вотъ же мои проклятія обрушились на меня самого!—упрекнулъ себя Яць и

Библиотека "Руниверс"

заплакалъ.—Теперь все это могло бы быть моимъ, да Богъ, видно, не захотѣлъ. Поле дало кладъ, да не мнѣ!

— Ну, не печальтесь, Яцю,—сказалъ минуту спустя Юдка.—Можетъ быть Богъ дастъ, что все будетъ хорошо. Знаете, что я вамъ скажу?

— Ну, что такое?

Юдка отвелъ Яця въ сторону за сарай и сказалъ:

— Этотъ грунтъ я купилъ у васъ, пусть васъ Богъ наградитъ за него! Купилъ я его дешево: по 80 римскихъ за моргъ. Знаете, какъ старый *лыбакъ*, я могъ лучше всего знать, гдѣ можно скоро докопаться до кипячки. И я не ошибся. Я могъ бы вамъ сразу дать по сто римскихъ за моргъ, какъ вы хотѣли, но я все таки торговался. Ну что же, — человѣкъ всегда останется человѣкомъ, а при томъ я боялся, что не хватитъ денегъ на копанье. Теперь другое дѣло. Грѣхъ бы мнѣ былъ, если бы я не помогъ вамъ въ вашей бѣдѣ. Вотъ вамъ еще 80 римскихъ, сверхъ тѣхъ денегъ; какъ вы сами оцѣнили, такъ и даю, что бы вы на меня не пеняли.

Такая доброта жида до глубины души тронула Яця. Хоть и не любилъ онъ „жидовскаго племени“, но въ порывѣ благодарности поцѣловалъ руку, которая подала ему пачку бумажекъ.

— Пусть вамъ Богъ въ сто кратъ воздастъ, Юдко! — сказалъ Яць.—Я вашей доброты до смерти не забуду.

— Только знаете, что я вамъ посовѣтую, Яцю,—сказалъ жидъ. Не разбрасывайте вы этихъ денегъ на четыре ямы. Пока забейте три и копайте только одну, такъ скорѣе до кипячки доберетесь.

На томъ и распрощались. Юдка побѣжалъ къ ямамъ, а Яць, полный надежды, вернулся домой. Хотя ему было тяжело рѣшиться забить ямы, но въ будущемъ у него снова могло не хватить денегъ, а полученныхъ было слишкомъ мало и потому надо было сконцентрировать всѣ силы на одной. Яць забилъ три ямы, оставилъ только двухъ работниковъ, а остальныхъ отпустилъ, разсчиталъ деньги по днямъ и съ лихорадочнымъ волненіемъ высчитывалъ, сколько дней еще можно будетъ работать.

Работать теперь было тяжелѣе. Вмѣсто мягкой глины пошелъ твердый камень, который надо было ломать ломами, такъ

Библиотека "Руниверс"

какъ заступы здѣсь уже не годились. Въ ямѣ двадцатисаженной глубины не хватало воздуха: надо было купить помпу, которая поглотила много денегъ. Медленно, тяжело шла работа, а нетерпѣніе Яця все больше и больше увеличивалось. Вѣдь каждую минуту одинъ ударъ лома могъ принести ему спасеніе, пробить дорогу къ желанному кладу. Онъ все время оставался въ ямѣ, его на силу вытаскивали оттуда. Ни пить, ни ѣсть онъ не могъ. Ночью онъ прислушивался къ собственному дыханію и съ безумно радостнымъ крикомъ: „Е, е!“ вскакивалъ съ постели и бѣжалъ къ ямѣ и, не видя ничего въ темнотѣ, прикладывалъ ухо къ деревянной, запертой на замокъ дверцѣ (крышкѣ), не услышитъ ли какого шептанья, ропота подземныхъ духовъ. Но все было тихо, духъ молчалъ и не появлялся, несмотря ни на просьбы, ни на проклятья обезумѣвшаго Яця.

— Боже мой!—вскрикнула разъ невѣстка, увидѣвъ его вылѣзавшимъ изъ ямы.—Швагре Яцю! Какъ вы выглядите! На васъ лица нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?—разсѣянно спросилъ Яць.

— Вы блѣдный, худой, желтый, хоть въ гробъ клади! Ѣдите ли вы что нибудь?

— Ѣмъ.

— Ну, такъ вы должно быть нездоровы.

— Богъ съ вами, кумо, я здоровъ.

— Ну, то можетъ кто вамъ *данне* далъ, что вы такъ страшно измѣнились? Или можетъ, не дай Господи, переполохъ?

— Э, басни! Не бойтесь, скоро поправлюсь, только кипячки добуду.

И торопливымъ, невѣрнымъ шагомъ, будто очарованный, Яць шелъ обѣдать съ работниками.

Невѣстка варила имъ у себя дома, но рѣдко сама носила обѣдъ, а чаще присылала свою 14-лѣтнюю дочку съ *кобелею* [1]), въ которую ставились горшки. Поэтому неудивительно, что она, не видѣвши долго Яця, не узнала его и справедливо замѣтила, что онъ должно быть боленъ. Но Яць какъ будто ничего не

[1]) Кошъ, корзина, плетеная изъ тростника.

Библиотека "Руниверс"

слышалъ. Вся его жизнь, всѣ мысли сосредоточились на одномъ пунктѣ, на ямѣ, этой двадцатисаженной пропасти, которая не хотѣла выпустить ни одной капли золота.

Для Яця яма обратилась въ существо понимающее и разумное. Въ минуты отчаянія онъ обращался къ ней съ страстными рѣчами, упрекалъ ее въ дружбѣ къ жидамъ, въ нерадѣніи о собственномъ хозяинѣ: не хочетъ она оказать милосердія, справедливости, пусть только вернетъ затраченное на нее. Но яма упорно молчала. Прошла еще недѣля. Яма была уже глубиной въ 22 сажня, а въ кассѣ Зелепуги оставалось всего 22 крейцера. А яма ни гу-гу. Яць ходилъ точно помѣшанный, на колѣняхъ умолялъ рабочихъ остаться еще и работать въ долгъ. Работники, недовольные плохими харчами и неаккуратной платой, ушли, проклиная Яця на чемъ свѣтъ стоитъ. Яць остался одинъ.

Неужели его послѣднія надежды лопнутъ, какъ мыльные пузыри? Онъ побѣжалъ къ Недоваренному—тотъ затравилъ его собаками, бросился къ Юдкѣ—Юдки не было въ Бориславлѣ, поѣхалъ заключать контрактъ съ дистиллярней для подвоза кипячки и остановилъ работу, заперши ямы и оставивъ сторожа. Будто преслѣдуемый звѣрь бросился Яць къ своей избѣ, но возлѣ двора столкнулся съ Менделемъ. Послѣдній злобно усмѣхался.

— Ну, пане Яцентій, какъ поживаете?—сказалъ жидъ.

— А чтожь?—отвѣтилъ Яць съ глухимъ упорствомъ,—слава Богу, ничто мнѣ не вредитъ.

— Ге, ге, ге!—сухо замѣтилъ жидъ.—Ничто вамъ не вредитъ? Нѣтъ, нѣтъ, слава Богу! А что не продадите мнѣ своихъ закоповъ?

— Нѣтъ, теперь еще не продамъ.

— А когда же продадите?

— Когда время придетъ.

— А когда же время придетъ?

— А это увидимъ.

И Яць направился къ избѣ.

— Слушайте, пане Яцентій,—сказалъ Мендель,—безъ шутокъ вамъ говорю. Къ чему вамъ всѣ бѣды, хлопоты и расходы?

Библиотека "Руниверс"

Видите, тотъ грунтъ продали вы Юдкѣ? Теперь Юдка богачъ, а вы закопали деньги въ ямы и ничего не имѣете. Бросьте вы эту работу! Это не хлопская работа. Я вамъ дамъ за каждый закопъ по сто римскихъ, и *нащо вамъ клопоту на здорову голову?* Хватитъ на вашъ вѣкъ.

Зелепугѣ кровь ударила въ голову, эти слова уязвили его болѣе, чѣмъ злая насмѣшка, можетъ быть потому, что въ душѣ онъ сознавалъ, что Мендель говоритъ правду.

— Иди ты отъ меня, жиде, къ чорту!—крикнулъ взбѣшенный Яць.—Иди, коли не хочешь получить камнемъ въ лобъ.

— Ну, что это такое? Камнемъ въ лобъ? А это за что? Ты *дурню, гой смердяче!* Думаешь, что я тебя боюсь и что твои закопы больше стоятъ? Подожди, еще самъ ко мнѣ придешь и будешь просить, чтобы я купилъ эти дыры.

— Не дождешься этого, *пархy!*—крикнулъ Яць.—Скорѣе самъ найду въ нихъ свою смерть!

И, надвинувши на лобъ шапку, дрожа отъ злости, побѣжалъ Яць къ невѣсткѣ, которая варила ему пищу.

Та теперь въ самомъ дѣлѣ перепугалась.

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!—вскрикнула она,—куме швагре! что съ вами такое? Гонится кто за вами? Или, можетъ быть, несчастье какое?

Яць даже не обратилъ вниманія на ея возгласы. Въ безсиліи упалъ онъ на скамью и не переводя духа заговорилъ:

— Кумо ятровка! На васъ одна моя надежда! Деньги у меня вышли, работники меня покинули, а яму копать надо. Хочу докопаться кипячки. Скорѣе пропаду, а не покину этого дѣла. Поможешь мнѣ, кума? Я же не для себя работаю! Какъ что будетъ, то будетъ и вамъ и дѣтямъ вашимъ. Идите сами, у васъ дивчина уже въ силахъ, обѣ станете *до корбы*, меньшой хлопецъ можетъ *млынкуваты*, а я полѣзу въ яму, буду копать пока силы станетъ. Чую я, что уже недолго. Нѣсколько разъ копнуть. Кто знаетъ? Можетъ быть нужно только разъ въ счастливое мѣсто ударить... Не откажите мнѣ, кумочко!

Женщина остановилась пораженная. Не такъ ее удивила самая просьба Зелепуги, какъ тонъ его голоса, просящій, мягкій. Съ

Библиотека "Руниверс"

минуту она колебалась. Вѣдь кромѣ двухъ старшихъ дѣтей, у нея было еще трое, которые требовали постояннаго присмотра. Что съ ними дѣлать?

Яць догадался въ чемъ дѣло.

— И о тѣхъ меньшихъ не безпокойтесь. Возьмите ихъ въ мою хату, тамъ они будутъ близко отъ васъ. Вы спустите меня въ яму и будете имѣть съ полчаса свободнаго времени, пока я что нибудь накопаю, а дѣти будутъ въ это время *млынокъ* крутить.

Та все еще не рѣшалась. Яць, обливаясь слезами, бросился ей въ ноги.

— Кумо швагрова!— молилъ онъ, обнимая ея колѣни.— Богомъ васъ заклинаю, не отказывате мнѣ! Не отказывайте, а не то съ ума сойду! Чувствую я, что при одной мысли бросить эту работу какой то недобрый духъ овладѣваетъ мною и я готовъ надѣлать бѣды, великой бѣды!

— Богъ съ вами!—крикнула испуганная женщина, поднимая плачущаго Яця.—Что за страшныя рѣчи вы говорите, пускай Богъ заступитъ и спасетъ! Успокойтесь, еще все будетъ хорошо! Всѣ пойдемъ, будемъ копать, будемъ Богу молиться, можетъ Богъ смилуется надъ нашею недолею и пошлетъ намъ свой великій даръ. Только не убивайтесь!

— Награди васъ Боже! Награди Боже!—шепталъ Яць, всхлипывая какъ ребенокъ. — Я спокоенъ, совсѣмъ спокоенъ, только силъ какъ то нѣтъ, ко сну меня клонитъ...

— Засните, засните, вамъ лучше будетъ. А то, Боже мой, вы выглядите *наче зъ хреста зняты.*

Она уложила Яця на соломѣ, покрытой грубымъ *рядномъ.* Яць тотчасъ же заснулъ глубокимъ сномъ, точно убитый. Невѣстка подумала даже, не пьянъ ли онъ, но приблизившись къ нему, она не почувствовала запаха водки.

— Бѣдняга!— вздохнула она.— Такъ его эта проклятая кипячка одолѣла, что дальше ему уже и дышать будетъ не въ мочь. Боже милосердый! заступи его отъ всякаго несчастья. Скорѣе моему поганину попусти сломать себѣ шею, чѣмъ этой доброй душѣ.

Библиотека "Руниверс"

Спалъ Яць долго, но тревожно. Нѣсколько разъ ночью онъ вскакивалъ, прислушивался, кричалъ во снѣ: „Е, е!“ и снова безсильно падалъ на постель. Но все же на другой день онъ былъ бодрѣе и помогалъ хозяйкѣ укладывать и переносить ея бѣдные пожитки.

Что то тянуло его къ ямѣ. Онъ бѣгомъ пустился къ своему дворищу, по дорогѣ бросилъ все и побѣжалъ заглянуть въ ямы, не показалась ли за ночь кипячка. Черезъ часъ онъ вернулся мрачный и недовольный.

— Пусто, нѣтъ ничего! Но я знаю, что скоро, скоро будетъ! Должно быть! Развѣ... Развѣ ужъ милости Божіей надъ нами нѣтъ...

— Бойтесь Бога, что это вы говорите! — вскрикнула невѣстка.—Даже слушать страшно!

— Я уже самъ не знаю, что говорю,—сказалъ Яць, опуская голову.—Но пойдемъ, пойдемъ на работу! Нужно спѣшить! Чувствую, что меня что то тревожитъ, какъ будто смерть моя уже близко, а мнѣ передъ смертью нужно сдѣлать что то великое.

Она ничего не отвѣтила, только перекрестилась при послѣднихъ словахъ. Она ясно видѣла, что съ Яцемъ творится что то неладное, но чѣмъ она могла помочь? Только на ходу она шептала молитву. Вмѣстѣ со старшей дочерью стала она къ машинѣ и потихоньку, осторожно спустила Яця въ яму, хотя тотъ изъ глубины постоянно кричалъ: „скорѣе, скорѣе!“ Старшій сынъ изо всѣхъ силъ накачивалъ свѣжій воздухъ.

Опустивши Яця, она пошла въ хату, оставивъ дѣтей однихъ. Потомъ Яць нашелъ способъ обходиться и безъ ея помощи. Онъ самъ на особенномъ канатѣ вытаскивалъ вверхъ ведро, дѣти высыпали изъ него накопанную глину и снова опускали внизъ Яць придумывалъ всевозможныя средства, чтобы дѣти не упали въ яму. Объ этомъ мать не безпокоилась. Работа подвигалась. Яць работалъ черезъ силу, отбивая заостреннымъ молоткомъ куски камня. Ведро за ведромъ вытаскивалъ онъ вверхъ, не заботясь о свѣжемъ воздухѣ, такъ какъ дѣти работали исправно. Если бы показалась нефть, Яць рѣшилъ не ждать, пока дѣти призовутъ мать, а самому выкарабкаться по

Библиотека "Руниверс"

брусьямъ на нѣсколько сажень и тамъ уже ждать, такъ какъ вдругъ выступившая нефть могла его залить и задушить. Но нефть не показывалась. Яць послѣ долгой работы страшно ослабѣлъ, чувствовалъ острую боль въ поясницѣ, ему не хватало свѣжаго воздуха, въ вискахъ стучало и голова кружилась.

— А что, можетъ быть, обморокъ предвѣщаетъ кипячку?— подумалъ обрадованный Яць и дернулъ три раза за шнурокъ отъ звонка. Это было знакомъ для дѣтей звать мать и тащить его наверхъ.

— Ну что? Есть, будетъ?—спрашивала нетерпѣливо невѣстка, когда Яць, стоя въ ведрѣ, показался изъ темныхъ нѣдръ ямы.

— Слава Богу, кажется, что будетъ,—отвѣтилъ Яць, тяжело дыша и съ трудомъ вылѣзая.

Его отвязали, повели домой, накормили и онъ легъ спать. Но надежда оказалась преждевременной. Воздухъ былъ удушливъ, но нефть не показалась. Безпокойство и ожиданіе Яця усилились. Отдохнувши немного, онъ сталъ настаивать, чтобы его снова опустили въ яму, но невѣстка ни за что не соглашалась на это.

— Сами себя замучите, куме!—говорила она.—Отдохните лучше, соберитесь съ силами. Яма не убѣжитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо кончить скорѣе!—настаивалъ Яць.— Что вамъ изъ того, что вы будете меня мучить? Вѣдь я и такъ не могу ни сидѣть, ни лежать на одномъ мѣстѣ. Лучше спустите меня въ яму.

Она едва упросила его подождать до полудня. Такъ прошло два дня. Яць за эти дни постарѣлъ на десять лѣтъ, сгорбился, посѣдѣлъ, лицо его покрылось морщинами. Только сѣрые глаза его горѣли огнемъ, а энергія не только не уменьшалась, но росла съ каждымъ днемъ. Сонъ совсѣмъ покинулъ его. Только днемъ, утомленный работой, онъ засыпалъ на минуту.

Вдругъ на третій день случилось несчастье, котораго онъ наименѣе ожидалъ. Въ полдень, когда Яць съ дѣтьми только что пообѣдалъ, а хозяйка разостлала солому, чтобы Яць могъ отдохнуть, влетѣлъ въ избу шуринъ-пьяница.

Библиотека "Руниверс"

— А, вотъ гдѣ нахожу свою жиночку!—крикнулъ онъ, и, не говоря больше ни слова, ударилъ остолбенѣвшую жену кулакомъ такъ сильно, что та, обливаясь кровью, упала на землю.

Цѣлый часъ въ хатѣ свирѣпствовала буря. Раздавались удары, слышенъ былъ плачъ и крикъ дѣтей, стоны женщины, трескъ разбиваемой посуды и вопли Яця. Досталось довольно и на долю Яця, но тотъ съумѣлъ оборониться и далъ шурину нѣсколько удачныхъ тумаковъ, которые значительно охладили пылъ нападающаго.

Побоище окончилось и наступило печальное прощанье. Бѣдная женщина, забравъ своихъ дѣтей и все добро, простилась съ гостепріимнымъ жилищемъ Яця. Мужъ ея, проклиная все и всѣхъ, плелся позади плачущаго и избитаго семейства. Яць остался одинъ, безъ силъ, безъ средствъ, безъ надежды...

Что это такое было? Откуда налетѣла эта буря? Былъ ли это страшный сонъ или дѣйствительность?—Этого онъ не зналъ. Онъ чувствовалъ только шумъ въ головѣ и страшную боль во всемъ тѣлѣ; глаза закрывались, сознаніе терялось. Не помня когда и какъ, Яць заперъ дверь и заснулъ на соломѣ посреди хаты.

Проснулся онъ на зарѣ. Свѣтало. Яць поспѣшно всталъ, съ трудомъ припоминая, что съ нимъ было и что ему нужно дѣлать. Первой мыслью его было: нѣтъ ли чего въ ямѣ? Онъ бросился за кожухомъ и только теперь ясно представилось ему его положеніе.

— Боже мой! Вѣдь я теперь одинъ одинехонекъ, какъ былина въ полѣ. Что же мнѣ дѣлать?

Въ нѣмомъ ужасѣ стоялъ бѣднякъ, ломая руки. Ему казалось, что онъ летитъ въ бездонную пропасть и напрасно старается ухватиться за что нибудь. Но источникъ его надеждъ еще не былъ исчерпанъ. Въ его больной фантазіи начали рисоваться самыя счастливыя перемѣны судьбы; на одномъ незначительномъ словѣ, „а можетъ“ строились воздушные замки. Упоенный этими фантазіями, Яць натянулъ на себя кожухъ, взялъ лампу и пробный камень, привязанный къ шнурку, и пошелъ къ ямѣ. Онъ шелъ или вѣрнѣе бѣжалъ, подталкиваемый какою

Библиотека "Руниверс"

то невидимою силой. Отворилъ дверцы, заглянулъ въ яму—темно! Спустилъ шнурокъ съ камнемъ, камень нескоро упалъ съ легкимъ стукомъ на сырое каменистое дно. Яць вытянулъ его. камень былъ сухъ, нефти не было и слѣда. У Яця опустились руки.

Теперь только почувствовалъ онъ свою безпомощность, свое безсиліе. Къ чему были его труды, мученія? Къ чему зарылъ онъ въ эти проклятыя ямы все, что имѣлъ: здоровье, силу, деньги? Видно, доля не для всѣхъ одинакова: то, что Юдкѣ достается легко, для него недостижимо, какъ для маленькаго червяка. Отчего такая ужасная несправедливость? Яць чувствовалъ, что что то бурлитъ въ его груди, подступаетъ къ горлу, спираетъ дыханіе... Съ минуту стоялъ онъ, нѣмой, полуживой, посинѣвшій, словно боролся съ невидимымъ врагомъ; потомъ онъ упалъ на землю, грызъ ее зубами, билъ кулаками и кричалъ безумнымъ голосомъ:

— На, на тебѣ, проклятая! Вотъ тебѣ, измѣнница!

Утомленный онъ лежалъ нѣсколько мгновеній, потомъ поднялся на колѣни и, обращаясь къ сѣрому, покрытому тучами небу, крикнулъ:

— Боже, Боже! Въ чемъ я виноватъ передъ тобою? За что ты меня такъ тяжко караешь? На долю жидовъ, пьявокъ людскихъ, выпадаетъ добро, а на мою долю одно горе! Боже, Ты все видишь! Неужели это Твоя святая воля?

Онъ притихъ, тяжело переводя духъ, облегченный, будто тяжелый камень спалъ съ его плечъ. Онъ не успокоился, только нервы его на минуту отупѣли отъ чрезмѣрныхъ страданій.

— Что же мнѣ, несчастному, дѣлать? Съ чего начать?—плаксиво причиталъ онъ, присѣвъ на землю и обхвативъ голову руками.—Кинуться ли стремглавъ въ эту проклятую яму и положить конецъ своему житью? Вѣдь ничего лучшаго мнѣ уже не остается? *Ой земле, матинко*, прими меня къ себѣ, пусть я не буду больше здѣсь мучиться!

И обливаясь слезами, съ распростертыми руками, Яць припалъ къ землѣ и замеръ. Только вздрагиванье тѣла показывало, что это не трупъ, а живой человѣкъ.

Библиотека "Руниверс"

Вдругъ онъ вскочилъ, точно ужаленный. Что это? Сонъ? Или игра его больной фантазіи? Сознаніе его притупилось, обезсилѣло. Но нѣтъ, то не воображеніе. Яць дрожалъ съ головы до ногъ въ неописанномъ безпокойствѣ. Долго стоялъ онъ, протирая глаза; потомъ схватилъ пробный камень и спустилъ. И снова камень съ глухимъ стукомъ упалъ на сухое дно. Яць вытянулъ его, осмотрѣлъ. Сухой! Значитъ, и на этотъ разъ обманъ! Значитъ, то бурчанье, которое онъ слышалъ такъ ясно, когда лежалъ на землѣ было обманчиво, было диковинной насмѣшкой судьбы надъ его несчастьемъ! Будь проклята доля! Прощай свѣтъ! Прощай горькое житье!

Яць сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы разогнаться и прыгнуть въ яму. Но что это? Едва удалился онъ отъ ямы, какъ услыхалъ то же самое тихое бурчанье. Онъ напрягъ слухъ... Такъ и есть. Бурчанье не было созданіемъ его фантазіи. Яць сдѣлалъ еще шага два назадъ—слышно яснѣе. Въ ту же самую минуту ему ударилъ въ носъ крѣпкій запахъ нефтяныхъ паровъ. Что же это? Откуда? Онъ оглянулся кругомъ. Боже! Вѣдь онъ стоитъ возлѣ старой, забитой и заложенной дерномъ ямы.

Однимъ прыжкомъ Яць былъ на самой ямѣ. Густой туманъ паровъ поднимался изъ подъ дерна и громкое бурленье подъ землей убѣдило его, что цѣль его достигнута, кладъ найденъ тамъ, гдѣ онъ наименѣе ожидалъ его.

Но Яць еще не вѣрилъ самъ себѣ. Дрожа, снялъ онъ кожухъ и, стоя на колѣняхъ, началъ срывать дернъ, разбрасывать глину и руками вытаскивать брусья, которыми была забита яма. Съ лихорадочною поспѣшностью, собравъ послѣднія силы, онъ отвалилъ одинъ брусъ. Солнце, поднявшееся невысоко надъ землей, искоса заглянуло въ яму; его лучи, какъ въ зеркалѣ, отразились на черной металлической поверхности нефтяной гущи, которая наполняла яму до краевъ.

Что Яць въ эту минуту не сошелъ съ ума и не упалъ отъ радости въ яму—было чудомъ. Очевидно, онъ самъ почувствовалъ, что съ нимъ можетъ случиться что нибудь подобное. Облитый холоднымъ потомъ, онъ отскочилъ въ сторону отъ темнаго отверстія ямы, будто искалъ безопаснаго мѣста, заглянувъ

Библиотека "Руниверс"

такъ близко въ глаза страшной загадкѣ бытія. Но минута остолбенѣнія прошла; Яць бросился къ другой ямѣ, раскопалъ ее, открылъ—полна! Къ третьей—тоже самое! Значитъ, не пустыми были тѣ сны, въ которыхъ ему постоянно что то шептало: есть. есть желанный кладъ! Только его собственная слѣпота причинила ему столько мукъ. А тѣ проклятія, укоры судьбѣ, не пали ли они на его собственную голову?

Но нѣтъ! Прочь черныя мысли! Цѣль достигнута! Кладъ найденъ! Цѣною здоровья, страданій, мученій, униженій, но найденъ! Что съ нимъ теперь дѣлать? Объ этомъ Яць не думалъ: дальше видно будетъ.

Заранѣе, въ безсонныя ночи онъ обдумалъ все дѣло, и теперь побѣжалъ прямо къ Мендлю. Онъ засталъ жида торгующимся съ работниками. Не поздоровавшись, не говоря ни слова, онъ схватилъ Мендля за плечи и потащилъ за собою.

— Ны, что это такое?—кричалъ Мендель.—Яцю, вы съ ума сошли? Чего вы хотите отъ меня?

— Иди, иди!—охрипшимъ, запыхавшимся голосомъ отвѣчалъ Яць, не выпуская его изъ рукъ.

— Куда? Зачѣмъ?—спрашивалъ Мендель.

— Иди, иди, самъ увидишь!—вопилъ Яць и тащилъ его далѣе, спотыкаясь о груды глины и камни и не обращая на это вниманія. Мендель сначала упирался, но Яць не пускалъ его. Потомъ жидъ догадался, что вѣроятно случилось что нибудь особенное, и пошелъ охотно. Яць ускорилъ шагъ. Перегоняя другъ друга, они подошли къ первой ямѣ.

— *Ади!*

Еще Мендель не пришелъ въ себя, а Яць уже тянулъ его къ другой.

— Ади!

И снова дальше къ третьей ямѣ.

— Ади!

Мендель остолбенѣлъ.

Яць, обезсиленный, упалъ на землю, тяжело переводя духъ, не будучи въ состояніи сказать и двухъ словъ. Добрые полчаса продолжалось молчаніе.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, и чтожь?—сказалъ наконецъ Мендель, обращаясь къ Яцю.

— Купи! отвѣтилъ коротко тотъ.

— А сколько хотите?

— Милліонъ!

— Опомнитесь, Яцю! Что вы говорите? Кто вамъ дастъ милліонъ?

— Ты дашь.

— Да знаете ли вы, что такое милліонъ? Сколько это денегъ?

— Знаю, что много. А какъ буду имѣть ихъ въ рукахъ, то и посчитать ихъ съумѣю. А ты думалъ, что я тебѣ даромъ отдамъ?

— Я не хочу даромъ, а говорите человѣческую цѣну?

— Милліонъ.

Жидъ засмѣялся.

— Ну что съ нимъ говорить? Заучилъ на память одно слово и твердитъ. Вѣдь откуда же, Яцю, я вамъ возьму милліонъ?

— Это твое дѣло.

— А что же вы съ нимъ сдѣлаете?

— Это мое дѣло.

Жидъ снова захохоталъ. Но вдругъ счастливая мысль пришла ему въ голову. Онъ сразу сдѣлался серьезнымъ.

— Ну, знаете что, Яцю?—сказалъ онъ, приближаясь.— Вижу, что вы не такой человѣкъ, чтобы съ вами шутить, пускай будетъ Божья воля. Дамъ вамъ милліонъ за ваши ямы.

— Я такъ и зналъ, что дашь,—спокойно отвѣтилъ Яць.

— Но уже за всѣ четыре?

— Разумѣется.

— И за весь остатокъ грунту?

— А то какъ же?

— Такъ идти за писаремъ и свидѣтелями?

— Иди!

Въ полдень хата Яца была наполнена народомъ. Мендель велѣлъ поставить наскоро сколоченные столы и лавки. На нихъ

Библиотека "Руниверс"

усѣлось не мало людей: жиды, мужики—это были свидѣтели. А новые все прибывали.

Въ Борославлѣ быстро разнеслась вѣсть, что Зелепуга вырылъ три ямы нефти и продаетъ жиду за милліонъ. Жиды улыбались, крестьяне вздыхали, крестились и думали о томъ, что будетъ дѣлать съ такими большими деньгами одинокій, старый, ошеломленный Яць. И всѣ сбѣгались къ его хатѣ, разсчитывая на угощеніе.

Всѣ собравшіеся притихли. За столомъ сидѣли: староста, старшій церковный братъ и присяжный [1])—это были главные свидѣтели. Панъ писарь только что окончилъ составленіе контракта и крякнулъ въ знакъ того, что желаетъ начать чтеніе. Яць стоялъ противъ писаря, желтый, какъ воскъ, съ пылающими глазами и смотрѣлъ на него въ упоръ.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь!—началъ рѣзкимъ голосомъ писарь и всѣ присутствовавшіе крестьяне набожно перекрестились.—Я нижеподписавшійся владѣлецъ Яць Зелепуга, въ присутствіи свидѣтелей: пана войта [2]) бориславскаго Якима Дуригроша, пана присяжнаго Олексы Бовши и пана старшаго брата Гриця Тумана, заключаю съ присутствующимъ здѣсь Менделемъ Лямпенлихтомъ слѣдующее условіе: продаю я Мендлю землю мою отцовскую, граничащую съ землей того же Мендля, мѣрою два морга, вмѣстѣ съ находящимися на ней нефтяными ямами и передаю эту землю тутъ же, при свидѣтеляхъ, упомянутому Мендлю въ вѣчное и потомственное владѣніе. А Мендель обязуется до принятія во владѣніе земли уплатить мнѣ при тѣхъ же свидѣтеляхъ цѣну покупки—милліонъ... валюты австрійской...

— Чего, чего?—прервалъ чтеніе Яць.

— Валюты австрійской,—повторилъ писарь.—Это значитъ, денегъ австрійскихъ, цесарскихъ, понимаете?

— А, понимаю! Ну, это само собою разумѣется, иными деньгами я не принимаю. Ну, читайте дальше!

---

[1]) Десятскій.

[2]) Староста.

Библиотека "Руниверс"

Дальнѣйшее чтеніе окончилось скоро. Контрактъ, разумѣется, и Яць, и свидѣтели подписали, поставивъ вмѣсто имени и фамиліи крестъ.

Тогда выступилъ Мендель и выложилъ на столъ цѣлый мѣшокъ денегъ, развязалъ его и началъ вынимать пачки ассигнацій. Каждая пачка состояла изъ мелкихъ бумажекъ—*шустаковъ* [1]) или гульденовъ, перевязанныхъ ниткой.

— Тутъ сто, тутъ сто, тутъ сто!—машинально произносилъ жидъ, бросая ихъ одну на другую, такъ что у многихъ даже духъ захватило. Наконецъ, онъ опорожнилъ мѣшокъ.

— Вотъ вамъ вашъ милліонъ, пане Яцю!—сказалъ Мендель, свысока поглядывая на него.

Яць стоялъ ошеломленный. Столько денегъ онъ не видѣлъ за всю свою жизнь, а теперь все это принадлежало ему.

— Гм... А кто знаетъ, хорошо ли это посчитано?—сказалъ онъ, опомнившись.—Надо бы пересчитать.

— Я присягну, что хорошо считано,—отвѣтилъ Мендель.—Ну, вы можете себѣ не вѣрить, это ваше дѣло, только что милліонъ не такъ легко пересчитать, какъ вамъ кажется. А чтобы вы на меня не претендовали, что я васъ обманулъ, я вамъ скажу вотъ что: положите эти деньги въ мѣшокъ и запечатаемъ ихъ при свидѣтеляхъ, и пусть назначатъ кого угодно изъ громады, чтобы помогъ вамъ пересчитать. А если хоть одного римскаго не хватитъ, то я обязываюсь за одинъ дать вамъ десять.

— Хорошо, хорошо!—закричали свидѣтели.—Вотъ видно, что честный жидъ, не хочетъ вашей кривды, пане Яцю!

— Согласенъ на это, но мѣшокъ съ деньгами долженъ остаться въ моихъ рукахъ.

— А конечно!—подхватилъ Мендель.—Вѣдь деньги ваши!

И быстро сложивши всѣ пачки въ мѣшокъ, Мендель запечаталъ его съ обѣихъ сторонъ большой громадской печатью, которую войтъ всегда носилъ при себѣ, въ голенищѣ.

— Ну, это дѣло кончено, куме Яцю! Теперь ваша очередь сдать Мендлю землю и ямы. Всѣ встали и вышли изъ

[1]) 10 крейцеровъ. Прежде были бумажные, теперь серебряные.

Библиотека "Руниверс"

хаты. Вручивши землю Мендлю, Яць успокоился. Началось угощеніе и на жида посыпались благодарности за его гостепріимство. Угощеніе затянулось до поздней ночи. Только панъ писарь, отдавъ жиду контрактъ и пошептавшись съ нимъ о чемъ то въ сѣняхъ, ушелъ до начала попойки. У него сегодня было еще много дѣла, къ тому же онъ чувствовалъ угрызенія совѣсти. Правда, что онъ хорошо заработалъ: сверхъ обычныхъ пяти римскихъ *„видъ руки“*, онъ получилъ еще отъ Мендля сто римскихъ за самую пустую мелочь.

Но чортъ его знаетъ, не выйдетъ ли изъ этого что нибудь крупное? Вѣдь дѣло идетъ объ очень большихъ суммахъ. Мендель увѣрялъ его, что тутъ нечего бояться, на то онъ и свидѣтелей такъ много собралъ, всѣ были трезвы, слѣдовательно о подложности документа никому и въ голову не придетъ, такъ что даже и у нотаріуса не надо его свидѣтельствовать. Да, если бы все это было такъ! Но вѣдь *лыхо не спыть*, а жиду развѣ можно повѣрить!

Несмотря на увѣренія Мендля, панъ писарь былъ неспокоенъ и поспѣшилъ уйти оттуда, гдѣ изъ-за сто-гульденовой бумажки допустилъ такую... бездѣлицу. Вся механика состояла вотъ въ чемъ: между словами „милліонъ“ и „валюты“ въ контрактѣ онъ написалъ, а при чтеніи пропустилъ одно единственное слово „крейцеровъ“. Правда, это одно словцо изъ громкаго милліона дѣлало десять тысячъ гульденовъ, ну, да и этого слишкомъ много для такого глупаго мужика, какъ Яць,— думалъ писарь. Едва ли и съ такой суммой онъ справится. А между тѣмъ Яць торжествовалъ, что имѣетъ милліонъ. Что съ нимъ сдѣлать—объ этомъ будетъ время подумать завтра, послѣзавтра. Теперь же счастье въ его рукахъ. Этотъ мѣшокъ съ деньгами—основа всѣхъ его надеждъ. Милліонъ! Вѣдь это огромное состояніе, о которомъ только въ сказкѣ говорится.

Была уже глубокая ночь, когда отъ Яця вышли послѣдніе гости—войтъ, присяжный и старшій братъ. За ихъ здоровье Яць долженъ былъ выпить нѣсколько чарокъ сладкой водки, которую жидъ принесъ по уходѣ прочихъ. И самъ Мендель, отдавъ Яцю остатокъ водки, простился съ нимъ и пошелъ домой.

Библиотека "Руниверс"

Когда всѣ гости разошлись, Яць почувствовалъ себя такимъ счастливымъ, здоровымъ, какъ никогда. Какая то пріятная теплота разлилась у него по всему тѣлу. Не осталось и слѣда недавней горячки. Онъ сидѣлъ на скамьѣ, облокотившись на столъ и сжимая въ своихъ объятіяхъ осуществившіяся мечты—милліонъ, который лежитъ вотъ тутъ въ запечатанномъ мѣшкѣ. Яць улыбался и произносилъ какія то несвязныя слова, старался что то припомнить и не могъ. Наконецъ онъ вспомнилъ, что надо запереть дверь, но не имѣлъ уже силъ встать.

— Э, что тамъ двери!—подумалъ онъ.—У меня милліонъ, милліонъ!

И при послѣднихъ словахъ онъ склонилъ голову на мѣшокъ и заснулъ. На стулѣ, противъ Яця, стоялъ *каганецъ*, напрасно силившійся заглянуть ему въ глаза своимъ колеблющимся свѣтомъ.

Вдругъ, нѣсколько минутъ спустя, тихо отворилась дверь и, осторожно ступая босыми ногами, вошелъ Мендель.

Онъ подошелъ къ спящему, осмотрѣлъ его и, спокойно подднявъ его локти, вынулъ мѣшокъ, всунувъ вмѣсто него лежавшее тутъ же круглое полѣно.

Съ мѣшкомъ подъ мышкой онъ направился къ двери, но тотчасъ же вернулся, взялъ со стола каганецъ и поставилъ его на землю, гдѣ со вчерашняго дня лежалъ разостланный снопъ соломы. Куча соломы лежала и подъ скамьей, на которой сидѣлъ Яць.

— Такъ лучше будетъ,— прошепталъ жидъ.— Слѣда не останется.

И онъ поспѣшно вышелъ изъ хаты, замкнулъ въ сѣняхъ переднія двери, потомъ направился къ заднимъ, вышелъ на дворъ и засунулъ задвижку при помощи шнурка, привязаннаго къ ней и протянутаго сквозь дырку въ стѣнѣ наружу. Засунувъ задвижку, Мендель оборвалъ шнурокъ, такъ что каждому казалось, будто дверь заперта изнутри. Потомъ онъ исчезъ во тьмѣ.

— Осторожнѣе съ огнемъ!—кричалъ протяжнымъ голосомъ сторожъ, проходя по улицамъ. Вдругъ онъ взглянулъ на хижину, что стояла шагахъ въ ста въ сторонѣ отъ дороги.

Библиотека "Руниверс"

— Что это тамъ старый хрѣнъ дѣлаетъ?—подумалъ онъ.— Неужели печь топитъ въ такую позднюю пору?

Но въ ту же минуту мысли его были прерваны.

Сильный свѣтъ, который наполнялъ жилище Яця, вдругъ прорвался огненными кровавыми языками на крышу сквозь окна и двери, охвативъ всю избу, запылавшую, какъ восковая свѣча.

— Горитъ, горитъ!—закричалъ во все горло сторожъ и побѣжалъ къ колокольнѣ, чтобы ударить на пожаръ.

На другой день толпа снова стояла у жилища Яця Зелепуги, но вмѣсто хаты было только черное пепелище. Одна глиняная четырехугольная печь бѣлѣлась среди печальныхъ руинъ. Изъ подъ нея вытащили на половину обгорѣвшій трупъ Яця. Очевидно, покойный, проснувшись среди огня, хотѣлъ спрятаться подъ печь, но не успѣлъ этого сдѣлать. Онъ влѣзъ только до половины; ноги и нижняя часть туловища сдѣлались жертвой огня. Зато лицо, прижатое къ землѣ, и руки были невредимы. Въ рукахъ, вмѣсто мѣшка съ деньгами, Яць держалъ толстое полѣно.

— Несчастный!— думали люди.— Вѣрно задремалъ надъ деньгами и столкнулъ каганецъ со стола на солому, а когда проснулся, то въ безпамятствѣ, вмѣсто того, чтобы спасать деньги, схватилъ полѣно. А деньги всѣ сгорѣли. Такъ видно самъ Богъ не давалъ ему счастья съ этимъ кладомъ!

А трупъ Зелепуги лежалъ среди двора, сжимая и послѣ смерти полѣно такъ сильно, что его съ трудомъ могли вынуть. Его посинѣвшее лицо съ выраженіемъ испуга было обращено къ небу и казалось, будто сквозь судорожно стиснутые зубы вотъ-вотъ вырвется горькая жалоба.

Миронъ.

Библиотека "Руниверс"

Сынъ Гетмана.[1)]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА IV.

У КАНЦЛЕРА.

Стояла тихая, погожая весна 1646 года. Сады Варшавы цвѣли и благоухали; кокетливыя варшавянки ходили на легкѣ безъ тяжелой, неуклюжей зимней одежды, щеголяя высокими красивыми сапожками на каблукахъ. По одной изъ главныхъ улицъ ѣхалъ знакомый намъ сотникъ Богданъ рядомъ съ молодымъ статнымъ козакомъ, въ которомъ трудно было узнать маленькаго неуклюжаго Тимоша.

— Какъ долго ты не ѣхалъ! говорилъ Тимошъ: мы тебя ждемъ уже цѣлую недѣлю. Король ужъ не разъ присылалъ о тебѣ справляться; всѣ полковники уже съѣхались.

— Нельзя было, Тимошъ, никакъ нельзя было. Французы народъ хитрый; переговоры съ ними вести куда какъ трудно, а своихъ мнѣ тоже не хотѣлось обидѣть; изъ-за каждаго гроша торговля... Ну, а у насъ что новаго? Ты изъ Бродъ?

— Нѣтъ, домой заѣзжалъ.

— А что дома? Всѣ здоровы? Что дивчата? Что Марина?

— Что имъ дѣлается—лаконически отвѣчалъ Тимошъ.— Вотъ въ Бродахъ, татко, такъ новость: панъ коронный гетманъ умеръ.

[1)] См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 5.

Библиотека "Руниверс"

— Что, кто? въ испугѣ переспросилъ Богданъ.

— Да, панъ гетманъ.

— Вѣдь онъ недавно женился?

— Женился, — подтвердилъ Тимошъ,—такой добрый, веселый былъ, да вдругъ взялъ да и умеръ.

— Вотъ что не добре, такъ не добре! въ раздумьѣ проговорилъ Богданъ. Теперь и намъ, сынку, хуже станетъ.

— Теперь подстароста Чаплинскій всѣмъ распоряжается.

— Эхъ, не добре! съ досадою проговорилъ Богданъ. Надо мнѣ скорѣе на поклонъ къ новому старостѣ явиться. Гдѣ онъ теперь?

— Здѣсь, въ Варшавѣ. Я съ нимъ и пріѣхалъ. Какъ ты мнѣ велѣлъ, такъ я и сдѣлалъ; академію кончилъ и пріѣхалъ тебя встрѣчать.

— Слышалъ, слышалъ про твои успѣхи въ наукахъ. Ректоръ не разъ мнѣ на тебя жаловался, — съ укоризною замѣтилъ Богданъ. Въ дебошахъ ты былъ первымъ, а въ наукѣ чуть не послѣднимъ. Не по моему это, сынку! я въ юности учился хорошо, зато и теперь отъ пановъ почетъ.

Тимошъ смутился.

— Никакъ нельзя, татко; безъ бурсацкихъ набѣговъ и шалостей, чѣмъ бы бурсаки и живы были? Академія бѣдная, живи впроголодь, да еще долби латынь; тутъ никакая наука впрокъ не пойдетъ!

— Ну, добре! Что прошло, того не воротить, — махнувъ рукою, сказалъ Богданъ. А теперь ужъ не до науки. Что слышно въ Варшавѣ? Зачѣмъ король козаковъ требуетъ?

— Слухи ходятъ, а навѣрное никто ничего не знаетъ. Говорятъ, хочетъ послать на турокъ.

— Вотъ что! протянулъ Богданъ. Ну, а кто изъ полковниковъ пріѣхалъ?

— Нестеренко, Барабашъ, Ильяшъ.

— Ильяшъ-то, вотъ это плохо! Кто его подсунулъ.

— Извѣстно кто: покойный коронный гетманъ. Вѣдь, онъ у него чуть не первымъ лицомъ былъ!

— А развѣ панъ гетманъ тоже стоялъ за войну съ Турціею?

Библиотека "Руниверс"

— Какъ же! онъ, да панъ канцлеръ коронный, да итальянцы.

— Какіе итальянцы?

— Да развѣ ты не слыхалъ? съ удивленіемъ спросилъ Тимошъ. Все это дѣло затѣялъ венеціанскій посолъ; а ему при дворѣ помогаетъ секретарь молодой королевы, да музыкантишка, да камердинеръ. Эти италіанцы, говорятъ, весь дворъ оплели.

— Гмъ! въ раздумьѣ проговорилъ Богданъ. Надо принять это къ свѣдѣнію. Надо сегодня же повидаться съ паномъ коронным канцлеромъ.

— Панъ канцлеръ теперь сильно занятъ, замѣтилъ Тимошъ.

— А что?

— Выдаетъ дочь замужъ.

— За кого?

— За молодаго Калиновскаго.

— Эге-ге! протянулъ Богданъ. Значитъ, теперь панъ воевода въ польные гетманы проскочитъ; надо къ нему забѣжать. Ну, а что другіе паны, согласны съ королемъ?

— Никто еще ничего не знаетъ. Панъ канцлеръ со своими италіанцами, какъ вьюнъ, вьется.

— Да, ты може брешешь? съ недовѣріемъ возразилъ Богданъ. Если никто не знаетъ, такъ откуда же ты то узналъ?

— Такъ, вѣдь, я не панъ, а козакъ. Панамъ знать не должно, а козакамъ можно. Съ польнымъ гетманомъ уже снеслись, и листы приповѣдные готовы, только печать приложить.

— Такъ ужъ если до этого дошло, то не можетъ быть, чтобы никто изъ пановъ не зналъ? возразилъ Богданъ.

— Вчера я слышалъ, что пронюхалъ про это великій канцлеръ литовскій.

— Ну, и что же?

— Не знаю. Говоритъ, ѣдетъ сюда.

— А еще кто здѣсь есть?

— Да всѣ почти: и Радзивиллы, и Сапѣги, и Любомирскіе, и Вишневецкіе и Опалинскіе; про нашего старосту я уже тебѣ говорилъ; панъ Калиновскій, конечно, здѣсь, а панъ Потоцкій на дняхъ пріѣдетъ.

— А когда назначена свадьба?

Библиотека "Руниверс"

— Недѣли черезъ двѣ, въ двадцатыхъ числахъ мая.

Всадники въ это время подъѣхали ко дворцу великаго канцлера, гдѣ Богданъ разсчитывалъ найти временный пріютъ. Едва только успѣли они отдохнуть съ дороги, какъ уже панъ канцлеръ прислалъ за нимъ своего пажа. Богданъ наскоро умылся, одѣлся и отправился по широкимъ лѣстницамъ дворца въ рабочій кабинетъ канцлера. Панъ Оссолинскій любилъ роскошь и щеголялъ ею передъ родовитыми панами, передъ которыми невольно чувствовалъ свое ничтожество. Генеалогическое дерево не могло похвалиться вѣтвями и подъ его тѣнью нельзя было укрыться отъ насмѣшекъ такихъ родовитыхъ пановъ, какъ Любомирскіе, Вишневецкіе, Радзивиллы. Его вліянію на короля всѣ завидовали и зло подсмѣивались надъ его стремленіемъ изобрѣсти небывалыхъ знаменитыхъ предковъ, не записанныхъ ни въ одну родословную книгу.

Богданъ смѣло и увѣренно шелъ по мозаичному полу, покрытому дорогими коврами, съ удовольствіемъ посматривая на драгоцѣнныя бронзы, прекрасныя картины, преимущественно италіанскихъ мастеровъ, и мраморныя статуи, выглядывавшія изъ темныхъ нишъ большаго зала. Онъ далъ знакъ лакею не слѣдовать за нимъ и съ увѣренностью человѣка, знающаго всѣ ходы и выходы въ канцлерскомъ дворцѣ, прошелъ длинную амфиладу парадныхъ комнатъ, завернулъ въ корридоръ и смѣло постучалъ въ дверь.

— Войдите! послышался голосъ канцлера.

Богданъ отворилъ дверь и вошелъ въ небольшой кабинетъ съ массивнымъ письменнымъ столомъ и высокими шкафами, заключавшими въ себѣ обширную библіотеку канцлера. Панъ канцлеръ кивнулъ ему головой на его низкій поклонъ и знакомъ пригласилъ его сѣсть. Они совѣщались часа два и, наконецъ, вставая въ знакъ того, что аудіенція кончена, панъ Оссолинскій сказалъ:

— Панъ сотникъ, конечно, остановится у меня и воспользуется моимъ гостепріимствомъ. Аудіенція у короля состоится на дняхъ; и затѣмъ я попросилъ бы пана сотника и его товарищей выждать окончанія переговоровъ. Наше дѣло трудное;

Библиотека "Руниверс"

надо еще склонить пановъ, а къ этому представляется теперь случай, такъ какъ вся именитая Польша съѣдется на бракосочетаніе дочери моей Урсулы съ паномъ Самуиломъ Калиновскимъ.

— Осмѣливаюсь поздравить пана короннаго канцлера съ семейнымъ торжествомъ,—съ низкимъ поклономъ проговорилъ Богданъ—и принести ему мою почтительную благодарность за его милость; но я здѣсь не одинъ, мнѣ на встрѣчу выѣхалъ сынъ мой Тимошъ.

— А, протянулъ Оссолинскій: это тотъ бѣдовый запорожецъ? Ну, чтожъ? пусть потрется между панами, это послужитъ ему въ пользу, а наши панночки укротятъ его буйный нравъ.

— Не смѣю ослушаться пана великаго канцлера, проговорилъ Богданъ нерѣшительно и снова низко кланяясь. Но мой птенецъ еще истый бурсакъ и совсѣмъ не былъ въ образованномъ обществѣ; онъ будетъ плохимъ гостемъ вашей свѣтлости.

— Ничего! снисходительно возразилъ канцлеръ. Пооботрется, пріобрѣтетъ лоскъ! А панночкамъ будетъ любо увидѣть бурсака: имъ ужъ наши раздушенные паны порядкомъ надоѣли. Прошу милости ко мнѣ откушать сегодня,—прибавилъ онъ,—и съ сыномъ. Дочь у меня бойкая, она его живо воспитаетъ.

Богданъ не мечталъ о такой чести. Онъ даже не нашелъ что отвѣчать и, почтительно кланяясь, отретировался къ двери.

Канцлеръ же прошелъ на женскую половину и заглянулъ въ комнату дочери. Панна Урсула, невысокая, довольно полная брюнетка съ подвижнымъ лицемъ и развязными манерами, стояла у зеркала и примѣряла новый беретъ, стараясь спрятать подъ него непослушныя пряди волосъ, выбившіяся наружу. Панна очень гордилась своею густою шелковистою косою, да и вообще умѣла ловко пользоваться преимуществами молодости, красоты и богатаго изящества наряда.

— Рано, рано, дочка! улыбаясь замѣтилъ панъ канцлеръ, цѣлуя ея пышную нѣжную ручку. Или тебѣ надоѣла твоя коса, что ты хочешь поскорѣе ее упрятать?

Панна Урсула шутливо надула губки.

— Нѣтъ, отецъ! Но я не знаю, какъ я спрячу свою косу подъ такую маленькую шапочку. Посмотри, она совсѣмъ не лѣзетъ.

Библиотека "Руниверс"

И панна кокетливымъ образомъ стала натягивать шапочку, сдѣлавъ при этомъ уморительную гримаску.

— Такъ ты отрѣжь косу-то! шутливо посовѣтовалъ отецъ.

— Вотъ еще! отозвалась панна. Тогда я буду похожа на татарку.

— Ну! тогда купи беретъ побольше

— На что это будетъ похоже? большой беретъ!

— Тогда я ужъ ничего тебѣ не могу посовѣтовать, какъ только по старомодному носить корабликъ.

— Ты все смѣешься, отецъ! протянула панна полушутливо, полусердито.

— А я пришелъ тебѣ сказать новость,—продолжалъ канцлеръ: сегодня у насъ будетъ обѣдать новый гость.

— Кто такой? съ любопытствомъ спросила панна.

— Запорожецъ, настоящій запорожецъ и при томъ бурсакъ, весело проговорилъ Оссолинскій. Особый родъ медвѣдя, котораго тебѣ придется приручить.

— Кто такой? запорожецъ? гдѣ? послышался звонкій голосъ въ дверяхъ.

И мощная фигура пани канцлеровой вплыла въ комнату, звеня браслетами, блистая кольцами и ожерельями.

Панъ канцлеръ почтительно поцѣловалъ у жены руку и проговорилъ:

— Совершенно вѣрно, ясновельможная пани! Настоящій запорожецъ, онъ чуть не съ пеленокъ бьется съ татарами, и при томъ бурсакъ, опустошавшій окрестности Бродъ.

— Гдѣ же онъ? спросила пани съ испугомъ озираясь.

— Онъ будетъ у насъ сегодня обѣдать, проговорилъ канцлеръ, забавляясь смущеніемъ женщинъ.

— Панъ Юрій всегда что-нибудь такое выдумаетъ, съ неудовольствіемъ возразила пани.

— Да! прибавилъ панъ канцлеръ, и углы его губъ слегка вздрагивали отъ смѣха: я попрошу и пани, и панну быть съ нимъ отмѣнно любезными, такъ какъ онъ и отецъ его мнѣ очень нужны.

— Зачѣмъ это пану понадобились запорожцы? сердито проворчала пани. Довольно того, что я сдѣлала два визита

Библиотека "Руниверс"

этой гордянкѣ пани Радзивиллъ, довольно того, что принимаю Вишневецкихъ, которыхъ ненавижу и которые носятся со своею роднею Мнишками, какъ съ писаною торбою. Какая невидаль имѣть въ своей генеалогіи сперва любовницу, а потомъ жену самозваннаго царя.

— Пани забыла, что мы не одни! многозначительно проговорилъ отецъ, указывая глазами на дочь.

Впрочемъ Урсула, какъ благовоспитанная дѣвица, отвернулась и сдѣлала видъ, что ничего не слышала.

— Ну, что жъ такое? взволнованно продолжала пани: Урсула скоро будетъ женщиною и она можетъ знать, что есть на свѣтѣ любовницы, отравляющія семейное счастіе.

Тутъ уже панъ канцлеръ сдѣлалъ видъ, что не понялъ краснорѣчія своей супруги; улыбка на его лицѣ смѣнилась желчнымъ, раздражительнымъ выраженіемъ и, повернувшись къ двери, онъ рѣзко проговорилъ:

— Пани приметъ мои замѣчанія къ свѣдѣнію. У меня сегодня обѣдаетъ сотникъ Богданъ съ сыномъ его Тимоѳеемъ, а этого сотника самъ наияснѣйшій король удостоиваетъ своей милости; прошу сообразоваться съ моими указаніями.

Онъ вышелъ и сердито хлопнулъ дверью.

— Вотъ вы всегда такъ, ворчала Урсула; раскричитесь изъ за пустяковъ и разсердите отца. А мнѣ сегодня надо было просить его за пана Мартина, я обѣщала Самуилу, что сдѣлаю это. Какъ я теперь подступлюсь къ нему?

Пани совсѣмъ опѣшила: она была у дочери подъ башмакомъ и не выносила ея гнѣва.

— Да я же ничего, ципочка! Я только такъ! бормотала она, путаясь и запинаясь.

— Какая я вамъ ципочка! сердито крикнула та. Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что меня еще надо нянчить. Я лучше вашего понимаю всѣ дѣла и знаю, почему отецъ ухаживаетъ за запорожцами; а вы только вездѣ напутаете и вмѣшиваетесь, гдѣ васъ не спрашиваютъ.

— Да полно тебѣ сердиться! Ну, я не буду! Ну, я приму этихъ уродовъ, страшилищъ.

Библиотека "Руниверс"

— И должны принять! сердито отрѣзала дочь. Его величество король не хуже насъ; а тѣмъ болѣе, что мнѣ сегодня непремѣнно надо отца настроить такъ, какъ этого желаетъ Самуилъ.

— А эти несносныя молдаванки тоже будутъ сегодня обѣдать у насъ? нерѣшительно спросила мать.

— Конечно, будутъ, вѣдь, мы же съ вами вмѣстѣ ѣздили ихъ приглашать! нетерпѣливо проговорила Урсула.

— Да онѣ, кажется, отказались!

— Ничуть, я упросила пани Радзивиллъ, и она обѣщала непремѣнно быть вмѣстѣ съ сестрой.

— Іезусъ Маріа! глубоко вздохнула пани, принимая видъ покорной жертвы. Нельзя ли, чтобы у меня сегодня разболѣлась голова? Ты одна съ ними и справляйся.

— Вамъ всегда хочется сдѣлать мнѣ непріятность! проворчала дочь. Куда какъ будетъ прилично невѣстѣ хозяйничать одной безъ матери. Вы этого и не думайте. Вотъ когда я уйду изъ дому, тогда дѣлайте, что хотите.

Пани расчувствовалась: близкая разлука съ дочерью была ея больнымъ мѣстомъ. Урсула знала, чѣмъ на нее подѣйствовать.

— Ну, хорошо, хорошо, моя пташечка! согласилась пани, поднося платокъ къ глазамъ. Я знаю, что мнѣ недолго на тебя радоваться. Не сердись только, все для тебя сдѣлаю.

ГЛАВА V.

СОПЕРНИКИ.

Въ смежной со столовой небольшой диванной кучка знатной польской молодежи ожидала выхода канцлера и его семьи. Хотя обѣдъ и назывался семейнымъ, но къ нему было приглашено человѣкъ двадцать гостей, и Тимошъ, вошедшій въ эту минуту вмѣстѣ съ Богданомъ, почувствовалъ себя неловко между блестящимъ молодымъ шляхетствомъ. Вотъ почему онъ даже обрадовался, замѣтивъ Дмитрія Вишневецкаго. Онъ дру-

Библиотека "Руниверс"

желюбно протянулъ ему руку, но гордый панъ, отвѣтивъ ему кивкомъ, презрительно отвернулся.

— Кто это? спросили князя Дмитрія паны.

— Не знаю! солгалъ князь Дмитрій: козакъ какой-то.

Онъ вовсе не желалъ сообщать товарищамъ обстоятельства своего знакомства съ Тимошемъ и теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, желалъ съ нимъ встрѣтиться.

— Однакоже онъ, кажется, знаетъ князя? проговорилъ юный Калиновскій, недолюбливавшій князя за его высокомѣріе и замѣтившій его смущеніе.—Онъ, кажется, протянулъ князю руку?

— Можетъ быть, онъ меня и видѣлъ гдѣ нибудь; эти хлопы предерзкій народъ. Я удивляюсь пану канцлеру, съ какой стати онъ пригласилъ этихъ козаковъ.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату князь Янушъ Радзивиллъ и, поздоровавшись съ молодыми людьми, кивнулъ головою Богдану, отвѣсившему низкій поклонъ.

— Панъ гетманъ знаетъ этого сотника? съ любопытствомъ спросила молодежь.

— Да, это Богданъ Хмельницкій. Онъ только что вернулся изъ Парижа. А съ нимъ, вѣроятно, его сынъ.

— Какъ здоровье ея свѣтлости? освѣдомился кто-то изъ молодежи.

— Жена моя теперь совсѣмъ здорова, отвѣчалъ Янушъ съ поклономъ. Она на женской половинѣ вмѣстѣ со своею сестрою, пріѣхавшей къ намъ погостить.

Князь Дмитрій при этихъ словахъ вспыхнулъ.

— Домна Локсандра здѣсь, въ Варшавѣ? не удержался онъ отъ вопроса.

— Князь, кажется, несовсѣмъ равнодушенъ къ прекрасной княжнѣ? замѣтилъ Янушъ. Я помню, какъ князь Дмитрій два года тому назадъ за нею ухаживалъ; но тогда она была едва распустившійся бутонъ, а теперь... Бѣдный князь Дмитрій; что будетъ съ его сердцемъ?

— А домна Локсандра, дѣйствительно, такъ прекрасна, какъ о ней говорятъ? спросилъ одинъ изъ шляхтичей.

— О, она цвѣтетъ, какъ роза, и привѣтлива, какъ день!

Библиотека "Руниверс"

восторженно сказалъ Янушъ, искоса посматривая на Вишневецкаго, пощипывавшаго свой усъ.

— Однако, панъ гетманъ слишкомъ восторженно говоритъ о свояченицѣ, шутливо замѣтилъ кто-то.

Всѣ засмѣялись. Дмитрій закусилъ губу и, угрожающе взглянулъ на Януша.

Тотъ снисходительно потрепалъ его по плечу.

— Его сіятельству не къ чему меня вызывать на поединокъ: я его соперникомъ не буду; страстныя женщины не въ моемъ вкусѣ. А слыхали про пана Тарновскаго? обратился онъ къ остальнымъ, стараясь замять разговоръ.

— Опять кого-нибудь убилъ? спросилъ молодой шляхтичъ.

— На его душѣ такъ много преступленій, продолжалъ другой, что однимъ больше—это ничего не значитъ.

— Паны знаютъ, что онъ поступилъ въ духовное званіе и получилъ санъ священника? На пасхѣ онъ пригласилъ къ себѣ своего домоваго ксендза разговляться и началъ по обыкновенію кощунствовать. Ксендзъ ушелъ, а панъ въ догонку закричалъ ему, чтобы онъ ждалъ его къ вечернѣ. Ждетъ, ждетъ ксендзъ въ церкви,—нѣтъ пана, онъ и началъ служить вечерню. Вдругъ входитъ панъ со слугами и начинаетъ тутъ же въ церкви бить ксендза батогами; ксендзъ бросился бѣжать, панъ догналъ его, прокололъ его саблей и дотѣхъ поръ сверлилъ въ ранѣ, пока тотъ не умеръ.

Послышались восклицанія и удивленія.

— Однакожъ, ужъ это слишкомъ смѣло! Это, пожалуй, дойдетъ и до сейма.

— Что-же онъ испугался, опомнился?

— Развѣ паны не знаютъ пана Тарновскаго? Онъ тутъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, велѣлъ принести священническія одежды и самъ, въ качествѣ священнослужителя, предалъ погребенію тѣло усопшаго раба такого-то.

— Вѣдь не можетъ же это ему сойти съ рукъ? Кто же нибудь на него донесетъ.

— Кто же донесетъ? Ни вы, и ни я, и ни третій, и ни десятый; а хлопы будутъ молчать, потому что никому

Библиотека "Руниверс"

изъ нихъ не желательно отправиться въ царство небесное за ксендзомъ.

— Да, страшный человѣкъ этотъ панъ Тарновскій—замѣтилъ князь Дмитрій. Я слышалъ, что онъ со своею челядью грабитъ на большой дорогѣ.

— Этого я не знаю,—замѣтилъ Янушъ. Врядъ-ли благородный шляхтичъ рѣшится на разбой.

— А правду говорятъ, что у пана великаго канцлера живетъ шляхтичъ, потомокъ того знаменитаго Богдана, который жилъ у князя Острожскаго? спросилъ князь Дмитрій.

— Какого Богдана? освѣдомился Янушъ.

— Онъ могъ съѣсть за завтракомъ цѣлаго жаренаго поросенка, гуся, двухъ каплуновъ, три ковриги хлѣба и цѣлый сыръ, а запивалъ все это двумя гарнцами меду.

Всѣ засмѣялись.

— Вотъ такъ аппетитъ! Но ужъ послѣ такого завтрака онъ, конечно, не могъ сойти съ мѣста и не обѣдалъ?

— Ни чуть не бывало! За обѣдомъ онъ съѣдалъ кусковъ десять говядины, да телятины и баранины постольку же, еще жаренаго поросенка, гуся и каплуна, не отказывался и отъ свиной туши; меду, вина и горѣлки выпивалъ гарнца четыре, а пиво—безъ счета, какъ воду.

— Ну, ужъ это совсѣмъ невѣроятно, замѣтилъ Янушъ.

— Клянусь честью, что не лгу! Мой дѣдъ и отецъ сами видѣли его у князя.

— Чтоже, онъ былъ толстъ?

— Нѣтъ, представьте, длинный и сухощавый и такой силачъ, что тридцати человѣкамъ съ нимъ было не справиться.

— И вы говорите, что внукъ этого человѣка теперь живетъ у пана канцлера?

Князь Дмитрій не успѣлъ отвѣтить, какъ дверь распахнулась, и на порогѣ показался Оссолинскій подъ руку съ княгиней Радзивиллъ и домной Локсандрой. За ними слѣдовали Урсула съ матерью и еще нѣсколько шляхтянокъ. Княгиня недавно пріѣхала въ Варшаву и почти никого еще не знала изъ присутствовавшей польской молодежи. Ея стройная, статная, величе-

Библиотека "Руниверс"

ственная фигура невольно внушала уваженіе, и молодежь почтительно раскланялась съ ней, не дерзая даже цѣловать руки. Но на домнѣ Локсандрѣ сосредочились взоры всего общества. Высокая, стройная, гибкая, съ огненными взглядами, съ алыми смѣющимися губами и роскошною косою, переплетенною цвѣтами и монетами по обычаю ея страны, въ ярко-синей юбкѣ, изящно оттѣнявшей красивую бахраму передниковъ и богатое шитье бѣлой рубашки, въ шитыхъ золотомъ сапожкахъ съ переплетомъ, она являлась какою то сказочною царевной изъ „Тысячи и одной ночи“.

Князь Дмитрій съ восторгомъ не спускалъ съ нея глазъ и поворачивалъ за нею голову, какъ подсолнечникъ за солнцемъ.

Желая особенно почтить нужнаго ему сотника, панъ Оссолинскій представилъ дамамъ Богдана и его сына наравнѣ съ прочими гостями; Тимошу показалось, что онъ никогда не видывалъ такой красавицы. Домна Локсандра невольно вспыхнула подъ нескромнымъ взглядомъ молодаго козака.

— Татко, прошепталъ Тимошъ, тихонько толкая отца локтемъ: и родятся же на свѣтѣ такія чаровницы! За такою дивчиною и въ огонь, и въ воду прыгнешь.

— Эге, братику! Это ты гдѣ научился дивчатъ разбирать? Въ бурсѣ, что-ли?

Тимошъ ничего не отвѣтилъ; онъ слѣдилъ глазами за подвижною княжною, говорившею въ полголоса съ княземъ Дмитріемъ.

— Татко! проговорилъ Тимошъ, а кто она такая?

— Дурню! съ досадою проворчалъ Богданъ. Это не нашего полета птица. Молдавская княжна, сестра княгини Радзивиллъ.

Тимошъ вздохнулъ и промолчалъ. Степенный дворецкій указывалъ между тѣмъ мѣста гостямъ и, къ великому удивленію и Тимоша, и самого Богдана, посадилъ его между панной Урсулой и домной Локсандрой. Боясь, не произошло ли какого либо недоразумѣнія, Богданъ тихонько спросилъ дворецкаго, туда ли велѣно было посадить его сына. Дворецкій полупрезрительно, полунасмѣшливо посмотрѣлъ на сотника.

— Я никогда не путаю приказаній! дерзко отвѣчалъ онъ. Состарѣлся на службѣ знатнымъ панамъ; свое дѣло знаю!

Библиотека "Руниверс"

Панна Урсула съ лукавой усмѣшкою посматривала на своего сосѣда слѣва и украдкой шепнула что то своему жениху, сидѣвшему справа. Тотъ тоже скосился въ сторону козака и тоже усмѣхнулся. Князь Дмитрій сидѣлъ противъ, немного наискосокъ между пани хозяйкою и хорошенькою варшавянкою, дальнею родственницею пана канцлера. Но онъ мало заботился о своей сосѣдкѣ; его грызли зависть, гнѣвъ, злоба. Цѣлыхъ два года не видѣть предмета своей страсти, получать о любимой дѣвушкѣ только отрывочныя безтолковыя свѣдѣнія пана Кутнарскаго, оставшагося по настоянію князя на службѣ у молдавскаго господаря, и теперь, когда случай такъ нечаянно свелъ ихъ, издали ею любоваться, между тѣмъ какъ этотъ дерзкій козакъ сидитъ подлѣ, пьетъ ея дыханіе, смотритъ въ ея очи, можетъ говорить съ ней; это уже слишкомъ! Князь Дмитрій готовъ былъ вскочить, крикнуть, какъ ужаленный, заплакать, какъ ребенокъ.

— Князь что то невеселъ? съ кокетливою улыбкою обратилась его собесѣдница. Нездоровится князю? Я уже три раза обращалась къ нему съ вопросомъ, а онъ меня не слышитъ.

Князь Дмитрій угрюмо взглянулъ на молодую дѣвушку и въ душѣ пожелалъ ей провалиться.

— Что угодно паннѣ Францишкѣ? холодно спросилъ онъ.

— Я спрашиваю князя, нравится ли ему домна Локсандра?

— Панна слишкомъ любопытна—спокойно отвѣтилъ князь, стараясь сдѣлать видъ, что занятъ кускомъ баранины, лежавшимъ у него на тарелкѣ.

Тимошъ, очутившись среди двухъ дѣвушекъ, почувствовалъ невообразимое смущеніе. Языкъ у него точно прилипъ къ гортани, и онъ не зналъ, съ чего начать разговоръ. Пана Урсула вывела его изъ затрудненія.

— Панъ Тимошъ ужъ, кажется, былъ на Сѣчи? спросила она его, изподтишка подмигивая жениху. Видѣлъ татаръ и бился съ ними?

— Н-да, процѣдилъ Тимошъ.

Великолѣпная панна смущала его еще больше княжны; онъ чутьемъ понималъ, что она въ душѣ надъ нимъ посмѣивается.

Домна Локсандра робко подняла на него глаза.

Библиотека "Руниверс"

— Я ужасно боюсь этихъ татаръ, сказала она: они часто опустошаютъ границы нашего княжества, жгутъ, рѣжутъ и калѣчатъ людей. Панъ такой молодой, неужели онъ уже бился съ ними?

Нѣжный, пѣвучій голосъ дѣвушки сразу успокоилъ Тимоша. Онъ безъ страха взглянулъ въ добрыя, глубокія глаза дѣвушки и встрѣтилъ въ нихъ столько доброжелательства, столько ласки, что живо овладѣлъ своимъ смущеніемъ и началъ описывать походъ на буджаковъ съ такимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, что заставилъ и Урсулу внимательно слушать. Щеки Локсандры разгорѣлись, она предлагала вопросъ за вопросомъ; ея живой пытливый умъ быстро схватывалъ и усваивалъ разсказъ козака, въ воображеніи ея рисовались живо степь, ширь, свобода, битвы и побѣды; въ ней заговорила албанская кровь, и ей хотѣлось самой быть козакомъ, все это видѣть и испытать самой.

— Какъ чудесно, какъ хорошо! восклицала она.

— А панъ Тимошъ хорошо ѣздитъ верхомъ? вставила Урсула.

— Не знаю, застѣнчиво отвѣчалъ Тимошъ: управлять конемъ я привыкъ съ дѣтства, а, право, я не умѣлъ бы сказать, хорошо ли я ѣзжу или нѣтъ.

— Я слышалъ про него, какъ про отличнаго, неутомимаго наѣздника, вмѣшался панъ Самуилъ. Говорятъ, онъ можетъ на всемъ скаку поднять съ земли какую угодно вещицу, будь то хоть самая мелкая монета.

— Ой, ой! удивилась Урсула. Это правда, панъ Тимошъ?

— Это вовсе не такъ трудно! отвѣчалъ Тимошъ. Этому мы, козаки, учимся отъ татаръ.

Князь Дмитрій, давно уже проклинавшій въ душѣ и краснорѣчіе соперника, овладѣвшаго вниманіемъ дѣвицъ, и явную благосклонность, оказываемую княжною этому козаку, не выдержалъ и вмѣшался въ разговоръ:

— Я бы совѣтовалъ паннамъ не слишкомъ довѣрять козацкимъ разсказамъ; хваленые подвиги хлоповъ раздуты ими же самими. А гдѣ теперь всѣ эти ихъ хваленые герои, гдѣ Павлюкъ, гдѣ Гуня, гдѣ Скиданъ, гдѣ Остряница? Одни постыдно бѣжали и пользуются милостью, служа холопами московскому

Библиотека "Руниверс"

царю, другіе не избѣжали рукъ правосудія и подверглись достойной казни.

Что-то дрогнуло въ душѣ Тимоша, когда онъ глазами смѣрилъ своего противника и холодно, спокойно отвѣтилъ:

— Князю Дмитрію менѣе, чѣмъ кому либо, слѣдовало такъ выражаться о хлопахъ. Если онъ сидитъ теперь здѣсь, то этимъ онъ только обязанъ великодушію хлоповъ; а силою, кажется, онъ тоже пробовалъ съ ними мѣряться.

Князь Дмитрій никакъ не ожидалъ такого отпора. Дерзкій хлопъ напомнилъ ему то, чего онъ не любилъ вспоминать даже наединѣ съ самимъ собою. Онъ вспыхнулъ, потомъ поблѣднѣлъ и, стиснувъ зубы, пробормоталъ:

— Мы съ тобою разсчитаемся!

— А князь Дмитрій бился съ хлопами и былъ ими побѣжденъ? съ наивнымъ участіемъ спросила Вишневецкаго его красивая сосѣдка, нарочно стараясь говорить громко.

Князь уткнулся въ тарелку и пробормоталъ что то, боясь новыхъ разъясненій со стороны Тимоша.

— Бѣдный князь! проговорила неотвязчивая панна. А я думала, что онъ такой же искусный боецъ, какъ и любезный кавалеръ!

— Нельзя быть любезнымъ со всѣми въ мірѣ,—отвѣчалъ князь.

Панна съ язвительною улыбкою отвернулась отъ него и завязала разговоръ съ сосѣдомъ, сидѣвшимъ по лѣвую ея руку.

— Послѣ обѣда мы попросимъ пана канцлера позволить намъ состязаться въ скачкѣ, сказалъ Самуилъ, а прелестныя панны увѣнчаютъ побѣдителя.

— Ахъ, да! это такъ хорошо! воскликнула панна Урсула: только для этого мы поѣдемъ на нашу виллу. Не правда ли, домна Локсандра, это прелестно? Хотя вы и не увидите у насъ такой роскошной природы, какъ въ Молдавіи, а все же теплый воздухъ, немножко зелени, черешни въ цвѣту, распускающіеся розаны,—все это лучше душной городской залы.

Домна Локсандра вполнѣ согласилась со своею собесѣдницею.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА VI.

ПОБѢДИТЕЛЬ.

Послѣ обѣда панна Урсула, ластясь къ отцу, какъ кошка, упросила его устроить загородную прогулку. Панъ канцлеръ былъ ею доволенъ за ея любезность съ козаками и Локсандрою, и потому далъ свое согласіе; но отказался сопутствовоть молодежи, ссылаясь на дѣла. Началась веселая суматоха: дворецкому приказано взять ужинъ, причемъ будущій зять хлопоталъ, чтобы побольше взяли вина.

Богданъ отвелъ Тимоша въ сторону, не разсчитывая на приглашеніе, но панна Урсула подъ руку съ Локсандрою подошла къ нимъ и любезно сказала:

— Панъ Хмельницкій, конечно, не откажется сопутствовать намъ; мы надѣемся полюбоваться его ловкостью на скачкахъ.

Тимошъ нерѣшительно посмотрѣлъ на панну; на губахъ его уже вертѣлся отказъ, но прекрасная молдаванка вскинула на него глазами, и этотъ взглядъ точно обжегъ его съ головы до ногъ. Онъ молча поклонился въ знакъ согласія. А сотникъ, польщенный вниманіемъ, отвѣтилъ за него:

— Прекрасныя панны совсѣмъ избалуютъ моего бурсака.

— Если всѣ бурсаки такіе интересные, бойко отвѣтила Урсула, то я бы хотѣла познакомиться со всею бурсою. Не правда-ли, княжна? прибавила она, сбоку взглянувъ на свою спутницу.

Локсандра ничего не отвѣтила, только чуть—чуть улыбнулась, и снова взглянула на молодаго козака, а тотъ покраснѣлъ до ушей.

Панъ канцлеръ, между тѣмъ, отвелъ въ сторону князя Януша и, присѣвъ съ нимъ къ низенькому столику въ оконной нишѣ, велѣлъ слугѣ подать вина.

— Его свѣтлость, великій канцлеръ литовскій, говорятъ, скоро прибудетъ въ Варшаву? спросилъ онъ его.

— Да, князь Альбрехтъ пріѣдетъ въ концѣ этой недѣли и остановится на этотъ разъ у насъ — съ нѣкоторою гордостью проговорилъ Янушъ.

Библиотека "Руниверс"

Онъ гордился независимымъ положеніемъ своего родственника.

— Я хотѣлъ просить вашу свѣтлость замолвить пану канцлеру словечко о дѣлахъ, сильно интересующихъ ихъ величества короля и королеву.

Князь принялъ мрачный видъ; онъ зналъ, о чемъ завелъ рѣчь Оссолинскій, но, какъ искусный дипломатъ, хотѣлъ дать ему высказаться.

— Какъ извѣстно пану гетману, началъ канцлеръ вкрадчиво и тихо, турки—общіе враги наши и Италіи. Венеціанскій посолъ предлагаетъ намъ вмѣстѣ двинуться на турецкія владѣнія?...

— Самъ Богъ вѣдаетъ, кто изъ нихъ большій намъ врагъ! возразилъ Янушъ. Этотъ вертлявый италіанецъ, что умѣлъ черезъ своихъ соотчичей попасть во дворецъ, не могъ даже положить къ ногамъ ея величества сколько-нибудь цѣннаго подарка, когда онъ былъ ей представленъ. Какую же помощь намъ могутъ оказать эти венеціанцы, не знающіе даже чувства долга и приличія?...

Великій канцлеръ немного съежился и оторопѣлъ; онъ не былъ приготовленъ къ такому категорическому отпору.

— Но ея величество королева сильно сочувствуетъ этому предложенію; она даже ассигнуетъ деньги изъ своей кассы....

— Знаю я, какъ она сочувствуетъ, перебилъ Янушъ, горячась. Это участіе ей подсказано.... Я бы не совѣтовалъ пану канцлеру мѣшаться въ эти дѣла, это повредитъ его репутаціи.... А князь Альбрехтъ, навѣрно, противъ всей этой исторіи, затѣянной италіанцами; за это я могу поручиться канцлеру всѣмъ, чѣмъ угодно.

Пану Оссолинскому оставалось только одно—затронуть новую тему для разговора.

Молодежь, между тѣмъ, собралась и, весело перекидываясь шутками и остротами, высыпала на крыльцо, гдѣ дамъ ожидали экипажи съ ливрейными лакеями и почетною стражею жолнеровъ, а мужчинъ—ихъ кони. Черезъ часъ уже все общество разсѣялось по зеленой лужайкѣ, окружавшей виллу, и слуги разносили фрукты, конфекты и сласти.

Домна Локсандра сѣла на ступеньку широкой террасы, а Тимошъ помѣстился у ногъ ея. Они вели оживленный разговоръ.

Библиотека "Руниверс"

Локсандра разсказывала про Молдавію, про плодовые лѣса, про тучныя поля пшеницы и маиса, про молдавскіе нравы, про народные праздники.

— Когда у насъ бываетъ засуха — говорила она — наши крестьяне выбираютъ маленькую дѣвочку, надѣваютъ на нее рубашку, сплетенную изъ древесныхъ листьевъ и травъ, около этой дѣвочки собираются другія дѣти и водятъ ее вокругъ посохшихъ полей. Они поютъ пѣсню папалугѣ....

— Что это такое папалуга? спросилъ Тимошъ.

— Не знаю, должно быть—богъ дождя. А когда хлѣбъ созрѣетъ, продолжала Локсандра, тогда самая красивая дѣвушка деревни изображаетъ драгайку, богиню плодородія. Ей надѣваютъ вѣнокъ изъ колосьевъ, увѣшиваютъ ее пестрыми платками, даютъ ей въ руки ключи отъ амбаровъ и житницъ и съ пѣніемъ и пляскою водятся по сосѣднимъ деревнямъ. Если же кто родится, то молятся урбителямъ.

— А это что такое? освѣдомился Тимошъ.

— Это, богини, могущія одаритъ новорожденнаго и хорошими, и дурными качествами, сдѣлать его счастливымъ или несчастливымъ.

Тимошъ засмѣялся.

— Когда княжна родилась на свѣтъ, родители ея, вѣрно, усердно молились урбителямъ. Оттого панна и вышла такая пригожая, удачливая и счастливая.

— Нѣтъ, промолвила домна Локсандра, вздохнувъ: я совсѣмъ не счастливая, вотъ сестра такъ счастливая; а мнѣ цыганка давно предсказала несчастіе.

Тимошъ весело взглянулъ на нее.

— Цыганка лгала, сказалъ онъ: я тоже умѣю колдовать. Пусть панна дастъ мнѣ свою маленькую ручку, я ей разскажу ея судьбу.

Локсандра наивно и довѣрчиво протянула ему свою ладонь.

Онъ дотронулся до тонкихъ длинныхъ пальцевъ, и какое-то странное, никогда имъ не испытанное чувство, что-то жгучее, веселое, шаловливое охватило его.

— Панну полюбятъ двое, говорилъ онъ, самъ не сознавая, что говоритъ. Одинъ знатный, другой простой. Если панна вый-

Библиотека "Руниверс"

детъ за знатнаго, у нея будетъ все, кромѣ любви; если за простаго—у я небудетъ любовь и больше ничего.

Густая цвѣтущая черешня скрывала ихъ отъ взоровъ остальныхъ, и благоухающіе лепестки ея сыпались на смуглаго козака, державшаго руку княжны.

— Кого же княжна выберетъ? спросилъ Тимошъ и тихо сжалъ тонкіе пальцы.

Княжна испуганно взглянула ему въ глаза, вспыхнула, быстро отдернула руку и, какъ лань, въ два прыжка соскочила съ террасы.

Тимошъ постоялъ еще съ минуту, потомъ провелъ рукою по волосамъ и тоже спустился въ садъ.

— На турниръ! на турниръ! проговорилъ Самуилъ. Мы тамъ установимъ порядокъ скачекъ.

Дамы помѣстились въ высокой бесѣдкѣ, прилегавшей къ садовой оградѣ, а состязавшаяся молодежь вскочила на коней и установилась съ небольшимъ версту до перваго поворота, гдѣ во избѣжаніе недоразумѣній вбили колъ. Дорога тянулась прямою линіею, и дамы могли отлично слѣдить за состязавшимися.

Тимошъ, князь Дмитрій, панъ Самуилъ и еще два шляхтича были во второмъ ряду; въ первомъ ряду было пятеро молодыхъ шляхтичей, изъ которыхъ двое прискакали одновременно первыми къ столбу. По заранѣе составленному условію побѣдители перваго ряда должны были еще разъ состязаться съ побѣдителями втораго ряда. По данному знаку тронулся и второй рядъ; но еще на первой четверти версты Тимошъ и Дмитрій оставили товарищей назади. Тимошъ точно дразнилъ своего противника: онъ то пропускалъ его впередъ, то вдругъ быстро опережалъ и, ставъ на стремена, вертѣлся кругомъ на одномъ мѣстѣ, какъ вьюнъ, поджидая князя, вонзавшаго шпоры въ бока коня и изо всѣхъ силъ старавшагося догнать козака.

Домна Локсандра заалѣла отъ восторга. Ей не разъ приходилось присутствовать на придворныхъ скачкахъ въ Молдавіи, но никогда она не видала такого искуснаго наѣздника; казалось, конь и всадникъ слились въ одно и сообща подтрунивали надъ противникомъ. И такимъ жалкимъ казался Локсандрѣ теперь

Библиотека "Руниверс"

этотъ противникъ, тщетно стараясь догнать вихрь, настичь степнаго орла, которому ничего не стоило на послѣдокъ описать съ быстротою молніи полукругъ около коня противника, очутиться за коломъ, круто повернуть и спокойно стать у цѣли, между тѣмъ какъ князь Дмитрій, задыхаясь отъ гнѣва, волненія и стыда едва еще достигалъ послѣднюю четверть версты.

Молодежь окружила Тимоша и подсмѣивалась надъ княземъ.

Третье состязаніе не состоялось, такъ-какъ всѣ единодушно признали Тимоша побѣдителемъ. Тимошъ скромно подъѣхалъ къ бесѣдкѣ и снялъ шапку. Панна Урсула въ качествѣ хозяйки предоставила честь увѣнчать побѣдителя своей молодой гостьѣ. Домна Локсандра смутилась.

— Какъ же мнѣ его надо наградить? Я не знаю обычаевъ страны.

— Вамъ слѣдуетъ дать ему какую нибудь бездѣлку на память—подсказала Урсула.

Домна Локсандра взглянула на него; сердце ея странно забилось, маленькая ручка задрожала, когда она подала ему отшпиленную отъ волосъ розу.

У князя Дмитрія помутилось въ глазахъ, онъ зашатался въ сѣдлѣ и крѣпко сжалъ въ рукѣ эфесъ сабли.

— Князю дурно? участливо спросилъ Самуилъ, взглянувъ на помертвѣлое лице Дмитрія.

— Да, я немного усталъ, проговорилъ князь, проводя по лицу рукою и стараясь оправиться.

Тимошъ прижалъ цвѣтокъ къ губамъ, а глаза его метнули такой огонь, что домна Локсандра невольно потупилась. Она весь остальной вечеръ была необыкновенно разсѣяна и задумчива.

Вернувшись домой и оставшись наединѣ съ сестрой, она вдругъ совершенно неожиданно разрыдалась.

— Что съ тобою? заботливо спрашивала сестра. Ты больна? Обидѣлъ тебя кто-нибудь? Сказалъ тебѣ кто нибудь колкость? эти полячки такія злыя; скажи мнѣ, моя дѣвочка! ласкала она сестру: я имъ отомщу за тебя, я ихъ никого не боюсь.

— Нѣтъ, нѣтъ! рыдала Локсандра: онѣ всѣ были добры ко мнѣ.

— Въ чемъ же дѣло? въ недоумѣніи спрашивала княгиня.

Библиотека "Руниверс"

— Зачѣмъ я княжна? вырвалось вдругъ у Локсандры. Зачѣмъ, зачѣмъ я княжна? какъ я несчастна....

И она разрыдалась еще сильнѣе.

ГЛАВА VII.

З Е Л И М А.

Прошло два года. Великія событія совершались въ Украинѣ. Пепелъ потушенныхъ возстаній разгорѣлся съ новою силою, и пожаръ охватилъ все, не исключая и Польши. Во главѣ возстанія сталъ Богданъ Хмельницкій, въ нѣсколько мѣсяцевъ достигшій такой силы, какою не пользовался ни одинъ изъ предшествовавшихъ ему козацкихъ атамановъ.

Въ бахчисарайскомъ дворцѣ все кипѣло оживленіемъ. Ханъ Исламъ Гирей рѣшилъ, наконецъ, отпустить Тимоша, сына козацкаго гетмана, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ бывшаго у него заложникомъ, и вмѣстѣ съ нимъ посылалъ въ помощь гетману орду подъ начальствомъ Карабча-мурзы. Самъ ханъ разсчитывалъ двинуться позже; онъ все еще не довѣрялъ смѣлымъ замысламъ гетмана и колебался между Польшею и козаками.

Ханъ сидѣлъ въ роскошно убранной аудіенцъ-залѣ, окруженный мурзами съ ихъ свитами и многочисленною стражею. Онъ вручилъ Тимошу отпускную грамоту, милостиво допустилъ его къ рукѣ и сказалъ:

— Прощай, богатырь! Скажи отцу твоему, что мы искренно тебя полюбили; намъ жаль разставаться съ тобой. Когда вы побьете ляховъ и успокоитесь, пріѣзжай опять къ намъ ужъ не заложникомъ, а гостемъ, и мы всегда тебѣ будемъ рады!

— Ваше ханское величество! проговорилъ съ низкимъ поклономъ Тимошъ: дозвольте рабу вашему сказать смѣлое слово.

— Говори! милостиво разрѣшилъ ханъ.

— Что мнѣ сказать отцу отъ имени вашего величества о вашемъ прибытіи въ козацкій лагерь?

Брови Ислама Гирея сдвинулись. Онъ сурово посмотрѣлъ на молодаго козака, помолчалъ немного и, наконецъ, отвѣтилъ, отчеканивая слова:

Библиотека "Руниверс"

— Мы посылаемъ съ тобою Карабча-мурзу; это все, что мы можемъ теперь сдѣлать для друга нашего Богдана. Мы не зависимъ сами отъ себя, а разрѣшенія великой Порты у насъ еще нѣтъ. Такъ и скажи твоему отцу. А теперь прими отъ насъ прощальные подарки: кафтанъ, коня и саблю—и будь здоровъ!

Величественнымъ жестомъ ханъ отпустилъ Тимоша, и козакъ оставилъ аудіенцъ-залу, окруженный знакомыми мурзами и агами. Одни жали ему руку по козацкому обычаю, другіе кланялись по восточному, приложивъ руки ко лбу или къ сердцу, третьи просили передать поклоны и порученія роднымъ и знакомымъ, находившимся въ Тугай-беевой ордѣ. Тимошъ, видимо спѣшилъ поскорѣе освободиться и уѣхать. На дворѣ уже ржали кони, а Карабча-мурза, получившій прощальную аудіенцію наканунѣ, ждалъ его въ назначенномъ пунктѣ за городомъ. Наконецъ докучливые знакомые его оставили, такъ какъ они должны были ожидать выхода хана, а маленькому отряду почетной стражи Тимошъ привѣтливо махнулъ рукой, давая знать, что желаетъ уйти изъ дворца одинъ. Ходы и корридоры, ведшіе къ выходу, были ему хорошо знакомы, не даромъ онъ былъ постояннымъ гостемъ хана; стража его только стѣсняла, ему хотѣлось скорѣе пробѣжать къ выходу, и онъ озирался, будто боясь чьего либо преслѣдованія.

Вдругъ изъ темнаго корридора отдѣлилась фигура, закутанная чадрою и молча стала на пути.

— Зелима! смущенно прошепталъ Тимошъ и отступилъ назадъ.

— Ты уѣзжаешь? проговорила молодая татарка, откинувъ чадру съ заплаканнаго лица. Коварный гяуръ! ты ѣдешь и даже не нашелъ времени проститься со мною. Гдѣ же твои клятвы, твои увѣренія? Или любви твоей только и хватило на три новолунія?

Тимошъ стоялъ молча, опустивъ голову, и смущенно оглядывался по сторонамъ.

Онъ боялся, что кто-нибудь изъ прислуги, кто-нибудь изъ знакомыхъ застанетъ его, и думалъ только объ одномъ, какъ-бы ему отдѣлаться отъ этого непріятнаго свиданія.

Библиотека "Руниверс"

— Что же ты молчишь, измѣнникъ? гнѣвно подступила къ нему Зелима. Не ты ли мнѣ говорилъ, что останешься здѣсь до лѣта; не ты ли увѣрялъ меня; что возьмешь меня съ собою и женишься на мнѣ; я бы всюду пошла за тобою, я бы оставила вѣру, сдѣлалась бы козачкой, научилась бы всему, что дѣлаютъ ваши жены, стала бы молиться твоему Богу, была бы твоей рабой, лишь бы ты только позволилъ мнѣ слѣдовать за собою.

Тимошъ, дѣйствительно, въ порывѣ первой молодой страсти многое наобѣщалъ Зелимѣ, сиротѣ, воспитанницѣ Карабчи-мурзы; онъ зналъ, что сдѣлалъ дурно, но сдѣланнаго не воротишь.

— Зелима! проговорилъ онъ наконецъ: я самъ не думалъ, что уѣду такъ скоро. Нельзя же мнѣ тебя везти съ собою, когда мы ѣдемъ воевать съ ляхами.

— Отчего же ты мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ? Отчего ты уѣзжаешь тайкомъ, не простившись, не подумавъ о томъ, что бѣдная Зелима выплачетъ себѣ очи съ тоски по тебѣ?

— Я и хотѣлъ проститься съ тобою, да нельзя было, некого было послать въ гаремъ. Не отъ меня зависѣло видѣться съ тобою.

— Меня не пускали, держали взаперти, я и сегодня едва вырвалась. Мнѣ вчера сказала старая Олелька, что козаки уѣзжаютъ.

Тимошъ мысленно послалъ къ черту болтливость Олельки; онъ разсчитывалъ, что Зелима узнаетъ позже объ его отъѣздѣ и забудетъ его.

— Прощай же, Зелима! торопливо сказалъ Тимошъ; меня ждутъ, мнѣ надо ѣхать! Зелима со стономъ бросилась къ нему на грудь.

— Возьми меня съ собою! я умру безъ тебя! прошептала она.

— Зачѣмъ умирать? проговорилъ Тимошъ: можетъ быть, мы еще и увидимся. Ханъ пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ гости, когда мы управимся съ ляхами.

Зелима недовѣрчиво подняла на него глаза.

— Слушай, козакъ! сказала она. Ты укралъ мое сердце и теперь смѣешься надо мною. Лучше скажи правду, что я тебѣ не мила, что ты хочешь меня бросить.

Библиотека "Руниверс"

— Кто тебѣ говоритъ, что ты не мила! возразилъ Тимошъ: но не могу же я себя пришить къ твоей юбкѣ, когда родина зоветъ меня. Ну, прощай же! заторопился онъ, поцѣловавъ Зелиму. Прощай! насъ могутъ тутъ увидѣть.

Отъ отнялъ ея руки и торопливыми шагами, почти бѣгомъ направился къ выходу.

Зелима долго стояла на одномъ мѣстѣ, какъ окаменѣлая, съ неподвижнымъ взоромъ и стиснутыми зубами. Потомъ медленно, машинально опустила чадру и скрылась въ корридорахъ, соединявшихъ гаремъ съ половиною хана.

— Позабудетъ! утѣшалъ себя козакъ, усаживаясь въ сѣдлѣ. Выйдетъ за стараго Агу-Мастафу; онъ давно приговаривается купить ее у Калги, и будетъ счастлива по своему. Не тащить же ее съ собою на Украйну!

Однако, какъ онъ ни успокаивалъ себя, образъ неподвижной Зелимы невольно вставалъ передъ нимъ укоромъ, и онъ вздрагивалъ, точно его посѣтило привидѣніе.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; въ теченіе ихъ Богданъ Хмельницкій еще болѣе усилился и, какъ грозный мечъ, висѣлъ надъ панами, избравшими по смерти Владислава королемъ его брата Яна Казиміра.

Выжидая послѣдствій этого избранія, Хмельницкій спокойно сидѣлъ въ Переяславѣ, переписывался съ иностранными державами и принималъ ихъ пословъ.

Стояло погожее зимнее утро, когда Богданъ послѣ аудіенціи, данной одному изъ посланныхъ Исламъ-Гирея, велѣлъ позвать къ себѣ Тимоша.

Тимошъ вошелъ въ комнату и по сумрачному лицу отца замѣтилъ, что онъ чѣмъ-то не доволенъ.

— Поди-ка сюда, хлопецъ! проговорилъ Богданъ сыну, строго посматривая изъ-подъ густыхъ бровей. Ты что тамъ натворилъ въ Крыму? Я тебя оставилъ при дворѣ хана, чтобы ты изучилъ татарскіе обычаи, завелъ знакомство съ вліятельными татарами, а ты какими науками тамъ занимался?

Библиотека "Руниверс"

Тимошъ быстро сбоку посмотрѣлъ на отца. „Какъ это онъ узналъ?“ мелькнуло у него въ головѣ. „И что онъ узналъ? Можетъ быть—что другое?“

— О чемъ ты говоришь, татко? уклончиво возразилъ онъ: я въ толкъ не возьму?

— Вижу, непонятливъ сталъ хлопецъ! сердито проговорилъ отецъ. А то, можетъ, и память у тебя отшибло? А вотъ какъ возьму эту нагайку и, несмотря на то, что за двадцать тебѣ перевалило, начну тебя учить, такъ и память у тебя прояснится и понятливость явится.

Съ искаженнымъ отъ гнѣва лицемъ Богданъ схватилъ нагайку и замахнулся на сына.

Тимошу были не въ рѣдкость такія вспышки отца; за послѣднее время нравъ его сталъ необыкновенно перемѣнчивъ: то онъ веселился не въ мѣру, то плакалъ, какъ ребенокъ, то предавался гнѣву, топалъ ногами и грозилъ всѣхъ стереть съ лица земли, то дѣлался мрачнымъ, не довѣряя ни себѣ, ни другимъ. Тимошъ зналъ, что легче всего обезоружить отца хладнокровіемъ и благоразуміемъ. Онъ уклонился отъ удара и хладнокровно проговорилъ:

— Прежде чѣмъ бить, татко, скажи хоть за что? Може тебѣ и наплели на меня?

У Богдана опустилась рука.

— За что? проговорилъ онъ: за то, чтобы ты не путался съ татарками, а о дѣлѣ думалъ. Слушай, что мнѣ сегодняшній посолъ передалъ. Та татарка, съ которой ты тамъ шашни завелъ, какъ стали припуждать ее замужъ выйти, и разсказала всю исторію старшей ханулѣ Калги, а какъ посадили ее на хлѣбъ и на воду, сбѣжала. Все это дошло до хана, и мнѣ теперь изъ за тебя выговоръ.

Тимошъ стоялъ молча, опустивъ голову. Ему было стыдно передъ отцемъ и жалко Зелимы; онъ не зналъ, что отвѣчать.

— Чтожь ты уставился въ землю, словно каменный? проговорилъ Богданъ.

— Виноватъ, татко! отвѣчалъ Тимошъ покорно.

— То-то виноватъ! уже мягче проговорилъ отецъ. Ты ви-

Библиотека "Руниверс"

новать, а я отвѣчай, да еще, пожалуй, эта сумасшедшая татарка сюда прибѣжитъ. Или ты и вправду на ней жениться задумалъ? прибавилъ онъ, пытливо смотря на сына.

Тимошъ нерѣшительно вертѣлъ въ рукахъ шапку.

— Не знаю, татко! проговорилъ онъ.

— Ну, коли ты не знаешь, то я за тебя знаю. Великому гетману всея Украйны не пристало женить сына на не христіанкѣ, да еще и не на родовитой. Я для тебя иную невѣсту намѣтилъ. Поэтому ты блажь изъ головы выкинь. Прибѣжитъ эта татарка сюда, мы ее обратно отправимъ.

— Да я, татко, объ ней больше и не думаю, проговорилъ Тимошъ.

— И добре, сынку! совсѣмъ размягчившись, подтвердилъ Богданъ?

— А княжну молдавскую забылъ? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Ты же самъ мнѣ приказалъ объ ней не думать! не безъ ехидства отвѣтилъ Тимошъ.

— То было время, а теперь мы можемъ летать, какъ хотимъ, высоко. Тимошъ опустилъ глаза. Передъ нимъ ясно сталъ образъ молодой красавицы, и сердце его тревожно забилось.

— Ты шутишь, татко? недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Какія тутъ шутки! Молдавскій господарь присылалъ ко мнѣ пословъ, проситъ прислать ему козаковъ въ помощь противъ безпокойныхъ сосѣдей. Вотъ тебѣ и случай. Я дамъ тебѣ козаковъ. Хочешь—можешь и татаръ съ собой прихватить: другъ твой Карабча, конечно, не откажется помочь тебѣ. Поѣзжай къ князю Василію, помоги ему и проси руки княжны; на это я даю тебѣ мое отцовское благословеніе.

Тимошъ съ радостью согласился и пошелъ къ Карабчѣ-мурзѣ приглашать его въ походъ.

О. Рогова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

Изъ старинныхъ формъ побратимства и товарищескихъ союзовъ до настоящаго времени уцѣлѣли лишь немногіе обрывки сябринства, толоки, парубоцкихъ и нищенскихъ братствъ. Сравнительно-этнографическій очеркъ побратимства мы помѣщаемъ въ другомъ изданіи. Въ настоящемъ изслѣдованіи ограничиваемся лишь краткими замѣчаніями о южнорусскихъ обычаяхъ сябринства и толоки и общественныхъ союзахъ на старинныхъ братскихъ началахъ.

176.

Сябры.

Слово сябръ въ значеніи соучастника встрѣчается въ древнихъ русскихъ юридическихъ памятникахъ, напр., въ Псковской судной грамотѣ. На сябринномъ началѣ владѣли бортьями и рыболовными угодьями (*Аристовъ*, Промышл. др. Руси, 30, 36). Сябринное землевладѣніе въ старинное время встрѣчалось въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ славянскихъ земляхъ. Въ послѣднее время сябринство обратило на себя серьезное вниманіе изслѣдователей старинаго русскаго быта (статьи г. *Лучицкаго*, г. *И. Новицкаго*, г-жи *Ефименко*). По мнѣнію г. Лучицкаго (въ „Сѣверн. Вѣст.“ 1889 г., кн. 1 и 2), сябринство являлось особымъ видомъ общиннаго владѣнія, основанномъ первоначально на кровномъ родствѣ, путемъ наслѣдованія отъ общаго предка, или на названномъ братствѣ, а въ позднѣйшее время пе-

[1]) „Кіевская Старина“, 1890 г., № 5.

Библиотека "Руниверс"

решедшее на договорное начало между людьми посторонними. Въ Малороссіи начало кровной связи сябровъ держалось еще въ XVIII ст. въ сознаніи народа; но уже и въ это время сталъ обнаруживаться переходъ сябринства въ товарищескую торговую сдѣлку на паяхъ, съ полученіемъ опредѣленной доли изъ суммы доходовъ. Долевое участіе каждаго изъ совладѣльцевъ при дальнѣйшемъ дробленіи опредѣлялось сообразно съ той долей, какая причиталась ближайшему его предку. Участники общаго владѣнія могли переуступить свои доли, цѣликомъ или извѣстную ихъ часть, другимъ совладѣльцамъ, а съ согласія прочихъ сябровъ и постороннимъ лицамъ. Каждый изъ сябровъ имѣетъ голосъ въ сябринныхъ собраніяхъ и въ распредѣленіи угодій (*Новицкій*, въ Кіев. Стар. 1889, VII, 300).

Работами проф. Лучицкаго вызвано обширное изслѣдованіе А. Я. Ефименко „О дворищномъ землевладѣніи въ южной Россіи", которое было прочитано въ засѣданіи харьковскаго историко-филологическаго общества 8 октября 1889 г. Г-жа Ефименко расходится съ проф. Лучицкимъ въ опредѣленіи происхожденія и значенія сябриннаго землевладѣнія. Древнѣйшей и основной формой землевладѣнія г-жа Ефименко считаетъ дворищное землевладѣніе, существованіе котораго незыблемо устанавливается для XVI ст. множествомъ актовъ, изданныхъ виленской археогр. коммиссіей (переписными книгами старостъ и т. п.). Это дворищное землевладѣніе, по внутреннему складу своему, вполнѣ подходитъ къ сѣверному долевому владѣнію, впервые объясненному въ соч. г-жи Ефименко „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ". Установивъ тождество между сѣвернымъ долевымъ владѣніемъ и западно-русскими дворищами, г-жа Ефименко изложила судьбу долеваго владѣнія въ лѣвобережной Украинѣ съ половины XVII в., разложеніе его и ростъ подворнаго личнаго землевладѣнія. Сябры, по мнѣнію г-жи Ефименко, представляютъ облики тѣхъ же дворищъ; только во внутренней организаціи ихъ играетъ большое значеніе договорное начало (а не кровное родовое). Общины, по мнѣнію г-жи Ефименко, не было въ Малороссіи ни въ XVIII ст., не видно ея здѣсь и ранѣе.

Вопросъ о современномъ положеніи сябринства не выясненъ этнографіей. Несомнѣнно, что какъ слова сябръ, сябрина, шаберъ, такъ и выражаемыя ими архаическія правовыя отношенія кое-гдѣ

Библиотека "Руниверс"

сохраняются въ Южной Россіи. Такъ, въ ахтырскомъ у. харьков. губ. сябрами называются крестьяне, покупающіе въ складчину съ цѣлью продажи на барышъ муку, медъ и т. п., причемъ доходъ дѣлится, согласно съ произведенными затратами. Родственныя связи при этомъ не играютъ никакой роли.

177.

Толока.

Толокою въ Малороссіи называется такая гуртовая работа, за которую работающіе не требуютъ платы, а дѣлаютъ ее за хорошее угощеніе. Работа, исполняющаяся толокою, слѣдующая: косьба сѣнокосовъ, возка дерева изъ лѣса, перевозка сѣна и т. д. Если бѣдному человѣку понадобится для чего либо скотъ, то онъ проситъ его у другаго хозяина, и за то долженъ потомъ отработать, „послухае на одынъ день молотыть“. Если же бѣдняку нужно перевезти хату или вывезть дерева на хату, тогда ему помогаютъ толокою даже богатые люди (*Чубинскій*, VI, 74). Тожественный обычай встрѣчается въ другихъ странахъ. Такъ, въ Болгаріи подъ словомъ „тлява“ извѣстна обычная форма взаимной помощи, когда при спѣшной работѣ созываютъ сосѣдей помогать. На толокѣ въ Болгаріи работаетъ почти одна молодежь (*Боевъ*, въ Сборн. матер. по этн., изд. Дашк. этн. муз., I, 11, 13). Подобнаго рода обычай существуетъ у чеченцевъ и ингушей. Если какой-нибудь домохозяинъ видитъ, что онъ справиться съ своей землей не можетъ своими силами, онъ приглашаетъ своихъ одноаульцевъ на помощь. Отказаться отъ такого приглашенія считается крайне позорнымъ. Пригласившій обязанъ по окончаніи работы угостить помогшихъ ему; угощеніе устраивается на самомъ мѣстѣ производства работы и сопровождается пѣніемъ и пляской. Кромѣ помощи въ сельскихъ работахъ, житель аула получаетъ еще помощь своихъ одноаульцевъ при постройкѣ новой сакли: весь аулъ сбѣгается къ нему и старается по силамъ помочь строющему; въ благодарность за это строющій обязанъ угостить весь аулъ (*Н. Харузинъ*, ib. III, 133). У кавказскихъ горскихъ евреевъ считается священнымъ долгомъ помогать ближнему въ

Библиотека "Руниверс"

случаѣ нужды, если не матеріально—деньгами, то работою рукъ своихъ. Такихъ обязанностей очень много между горцами; но особенно заслуживаютъ вниманія различныя собранія, которыя ставятъ своею задачею помогать бѣднымъ и неуспѣвающимъ въ работѣ, помогать деньгами сиротамъ, ухаживать за больными и пр. Сборища съ цѣлью помогать неуспѣвающимъ въ хозяйственныхъ работахъ или тѣмъ, которые желали бы окончить поскорѣе свои дѣла въ ожиданіи какого-либо торжества, называются „булка“ и составляются молодежью, парнями и дѣвушками. Къ такимъ булки относятся сборища для рубки мяса на зиму и вынимания жилъ изъ него, для шитья одежды новобрачнымъ, для смазыванія и бѣленія новыхъ жилищъ, для очищенія лука, чесноку и кукурузы, для сбора плодовъ и пр. Каждый употребляетъ здѣсь для ближняго свои молодые силы и работаетъ нѣсколько ночей съ истиннымъ рвеніемъ (*Анисимовъ*, ib. 254).

178.

Разбойничія братства.

Обычай соединяться въ товарищескія группы иногда вытекалъ изъ необходимости самозащиты отъ сосѣдей или изъ желанія грабежа. У разныхъ народовъ существовалъ обычай, что храбрые люди вступали въ побратимство военнаго или разбойничьяго характера. Изъ такихъ побратимствъ мало-по-малу развились военныя и разбойничьи товарищества, наиболѣе крупнымъ историческимъ выразителемъ которыхъ является Запорожье. Съ паденіемъ Запорожья побратимство продолжало жить въ гайдамачествѣ, преимущественно среди галицкихъ опрышковъ. Опрышки, подобно запорожцамъ, называли другъ друга „пане брате, товарышу, побратиме“. Въ первой половинѣ XVIII ст. въ Покутьѣ было еще много опрышковъ. Положеніе этого края, на границахъ трехъ государствъ, наполненнаго большими горами и непроходимыми лѣсами, весьма благопріятствовало разбоямъ. Если одинъ ватагъ (атаманъ) послѣ грабежа, сдѣланнаго въ Покутьѣ, былъ преслѣдуемъ властями или разбитъ, онъ отступалъ въ Волощину (Молдавію), откуда другой ватагъ и побратимъ его приходилъ къ нему на помощь. Если они обое при встрѣчѣ съ войска-

Библиотека "Руниверс"

ли терпѣли пораженіе, то разбитые отступали къ своимъ побратимамъ въ Угріи и находили у нихъ помощь или убѣжище. Въ первой половинѣ XVIII в. опришки развелись по всему Заднѣстровью и образовали свои побратимства. Вездѣ по всему Покутью до самаго Днѣстра были у нихъ по селамъ присяжные побратимы, сообщники, товарищи и друзья, которые доставляли имъ съѣстные припасы и помогали разбойникамъ въ нападеніи и грабежѣ. Въ 1704 г. ватагъ Писклявый водилъ шайки по Волощинѣ и Угріи, а его побратимъ Пинто грабилъ въ Угріи и на Покутьѣ (*Головацкій*, Гал. пѣсни, I, 708).

Съ развитіемъ гражданственности и культуры разбойническое побратимство отошло въ область преданій. Наиболѣе яркія воспоминанія о немъ сохраняются среди галицко-русскаго населенія. Въ народныхъ пѣсняхъ: „Есть насъ не мало... того товариства, якъ у лѣсѣ Медоборѣ буковаго листа"; „На що тобѣ, пане брате, торбыну таскаты, лѣпше тобѣ, пане брате, людей розбиваты", или:

Чи видишъ ты, пане брате, за лѣсомъ могила?
Чи ты умрешъ, чи повиснешъ, разъ маты родыла! (*Головацкій*, іb. 708—710).

Военное побратимство встрѣчается въ настоящее время среди осетинъ (*Ковалевскій*, Совр. обыч. и древ. зак. II, 314), черногорцевъ и сербовъ (*Миличевич*, Живот срба селяка, 14). У сербовъ церковь приняла побратимство въ свое вѣдѣніе, и въ старинныхъ сербскихъ рукописяхъ встрѣчается „чинъ братотворенію", въ которомъ обозначено, что читать изъ Посланій апостольскихъ и св. Евангелія при церковномъ освященіи побратимства. Въ молитвѣ, составленной спеціально для „чина братотворенія", между прочимъ, говорится: „Владыко Господи... яже избралъ еси светіе свое ученики и славніе свое апостолы Петра и Павла, Филипа и Варѳоломея..., св. муч. Сергія и Вакха брата быти не оузою сьродною нь вѣрою духовною и любовію, даждь и рабомъ твоимъ симъ (имена рек) любити другъ друга независтно" (*Миличевич.*, іb. 11).

Библиотека "Руниверс"

179.

Нищенскія братства.

Нищенскія товарищества и братства въ древности имѣли цѣлью не только сборъ подаянія, но также помощь другъ другу при странствованіяхъ на богомолье по русскимъ монастырямъ и къ святымъ мѣстамъ въ Палестинѣ. Въ духовныхъ стихахъ калики изображаются богатырями; они выбираютъ себѣ атамана, милостыню берутъ не рублемъ, не полтиной, а цѣлыми тысячами; отъ крика ихъ дрогнетъ сыра земля. Изъ древнихъ русскихъ лѣтописей и поученій видно, что паломники ходили толпами, что предполагаетъ извѣстную организацію. Такъ и въ 1283 г. въ курской области татарами были „переиманы и переходници, иже ходятъ по землямъ милостыни просяще“; татары не нашли въ нихъ ничего опаснаго и отпустили ихъ (*Л. Майковъ*, Матер. по стар. рус. литер. I, 41).

Остатки нищенскихъ братствъ встрѣчаются въ сѣверной и въ южной Россіи. Въ „*Новомъ Времени*“ 1888 г. г-нъ Куликовскій сообщилъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ артеляхъ калѣкъ и нищихъ въ олонецкомъ краѣ. Въ олонецкой губерніи по переписи 1886 г. считалось слѣпыхъ на оба глаза 961 д. обоего пола. Вотъ эти слѣпцы и другія калѣки составляютъ артели, которыя выпрашиваютъ себѣ пропитаніе именемъ Христовымъ. Лѣтомъ такія артели обходятъ сосѣднія и даже дальнія селенія и города; онѣ знаютъ гдѣ и когда бываютъ ярмарки. Зимою „артель, состоящая изъ двухъ, трехъ и четырехъ семействъ, доходящая до 6, 8, 10 и болѣе человѣкъ, ѣдетъ на одной лошади, не только кормясь и ночуя по всѣмъ деревнямъ безвозмездно, но даже и сѣно для лошади нищенски выпрашивая по дворамъ. Артель „Христа-ради“ получаетъ печеный хлѣбъ, зерновой, толокно, ленъ, горохъ и т. п. Печеный хлѣбъ на мѣстахъ же ночевокъ разрѣзывается на куски, сушится на сухари и по пріѣздѣ домой дѣлится между артельщиками по паямъ, какъ и горохъ, ленъ и пр. Всѣ артельщики, безъ различія пола и возраста получаютъ по одному паю; тотъ же, которому принадлежитъ лошадь и сани, получаетъ два пая; если лошадь принадлежитъ одному, а сани другому, то два пая получаетъ имѣющій лошадь, а сани въ

Библиотека "Руниверс"

разсчетъ не идутъ. Рѣдкая артель не имѣетъ въ средѣ своей знахаря, колдуна или колдуньи, которые и главенствуютъ въ артели. Знахарь или знахарка, при хожденіи за милостыней, не прочь помочь ближнему, чѣмъ умѣетъ: приворожить кого либо къ кому либо, „отсушить", мыть дѣвицъ для славы, отъ „глазу", лѣчить и т. п.; такая особа, кромѣ денегъ, платья и обуви, и всю прочую милостыню получаетъ въ высшемъ количествѣ. Артель это хорошо понимаетъ и даетъ колдуну два пая: какъ обыкновенному артельщику и за волховство. Деньги, одежда и обувь, выпрошенныя тѣмъ или другимъ артельщикомъ, въ дѣлежъ не идутъ".

П. С. Ефименко говорилъ уже на страницахъ „Кіевской Старины" (1883 г., X, 312—317) о братствахъ и союзахъ нищихъ въ Малороссіи, по двумъ источникамъ: 1) замѣтки о нищенскихъ цехахъ въ Минскихъ Епархіальн. Вѣдом. и 2) личнымъ сообщеніямъ М. Д. Линды. Въ замѣткѣ говорится, что въ с. Семежовѣ слуцк. у. минск. губ. существуетъ нищенскій цехъ съ выборнымъ цехмистромъ, особыми правилами и обычаями и съ особымъ нищенскимъ языкомъ, причемъ вся организація нищенскаго цеха, за исключеніемъ особаго языка, напоминаетъ организацію ремесленныхъ и церковныхъ братствъ. Въ сообщеніи г. Линды приведенъ разсказъ одного старика нищаго о нищенскихъ собраніяхъ, причемъ нищіе обрисованы чертами, напоминающими отчасти каликъ перехожихъ. Такъ, здѣсь говорится, что нищіе привели одного козака въ середину своего табора, гдѣ сложены были на рядахъ цѣлыя горы пряженыхъ, смаженыхъ и пр. печеній, между которыми былъ и столбецъ коржей, высотой съ человѣка. Козакъ, выпивъ чарку горилки, ткнулъ пикой въ столбецъ, прокололъ его до низу, поднялъ на верхъ и умчался. Нищіе, числомъ тысячъ до трехъ, бросились догонять его и, конечно, не догнали (ib. 315). Это роскошное угощеніе болѣе идетъ древнимъ каликамъ перехожимъ, которые заходили во „дворы княженецкіе" и носили „полсумочья рыта бархата". Кромѣ того въ сообщеніи г. Линды находится указаніе, что въ концѣ 50-хъ годовъ въ подольской губерніи ватаги нищихъ ходили щедровать и колядовать.

Къ этимъ даннымъ, собраннымъ П. С. Ефименкомъ, добавлю двѣ, три мелкихъ подробности, извлеченныхъ изъ Историко-статистическаго описанія черниговской епархіи (архіеп. Филарета). Въ

Библиотека "Руниверс"

заштатномъ г. черниговск. губ. Березномъ въ старину былъ старечій цехъ, изъ нищихъ, жившихъ въ шпиталѣ; они дѣлали приношенія въ церковь (V, 139). Въ томъ же городѣ былъ старечій шинокъ, построенный въ 1682 г. (VI, 252). Село Покошичи черниг. губ. славилось нищенской школой (V, 402). Кое-что изъ нищенскихъ братствъ сохранилось до настоящаго времени, напр. выборъ старосты, но самой характерной чертой стариннаго общиннаго устройства нищихъ можно признать особый жаргонъ, о которомъ въ послѣднее время неоднократно говорилось въ „Кіевской Старинѣ“ (статьи г. *Боржковскаго* и г. *Николайчика*). Не имѣя намѣренія останавливаться въ настоящее время на этомъ жаргонѣ, я въ дополненіе къ статьямъ поименованныхъ авторовъ укажу еще на слѣдующія статьи: 1) *Сцепуры*, Словарь нищенскаго языка с. Семежова слуцк. у. минск. губ. въ Минск. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 17 и въ Зап. Акад. Наукъ, 1881, т. 37; 2) *А. Ѳ. Бычкова*, Отзывъ о Словарѣ свящ. Сцепуры въ Зап. Акад. Н. 1881, т. 37; 3) *В. В. Иванова*, въ Статистич. Листкѣ 1883 г. хорошая статья о невлях̀ъ и большой словарь ихъ нищенскаго жаргона и 4 и 5) двѣ замѣтки въ польскомъ этнографическомъ журналѣ *Wisła* 1888, № 3 и 1890 г., № 1, стр. 152—153). При изученіи нищенскаго жаргона въ особенности любопытнымъ въ историко-культурномъ отношеніи представляется рѣшеніе двухъ вопросовъ: во первыхъ, въ чемъ выражается оригинальность жаргона, другими словами, какія приставки, сокращенія и передѣлки употребляются для искаженія общеизвѣстныхъ словъ и, во вторыхъ, въ чемъ состоитъ инородческій элементъ этого жаргона, другими словами, насколько въ немъ обычны слова цыганскія, молдавскія, татарскія и нѣмецкія.

180.

Цеховыя братства.

Въ старинной Малороссіи ремесленники сплачивались въ цехи, или союзы, основанные въ отношеніи юридическомъ, на магдебургскомъ правѣ, по существу отвѣчавшіе потребности народа въ орга-

Библиотека "Руниверс"

низаціи на началахъ товарищества и братства. Цеховыя братства имѣли денежные капиталы, которые составлялись изъ условленныхъ годовыхъ членскихъ взносовъ, изъ штрафовъ за ослушаніе и неисправности въ ремесленной работѣ и изъ пожертвованій частныхъ лицъ, напр., изъ тѣхъ пожертвованій, которые поступали за цеховое погребеніе умершаго нецеховаго. У цеховъ было свое выборное начальство, свои годовые праздники, свое знамя и особый кодексъ руководящихъ правилъ. Цеховые помогали въ нуждѣ другъ другу и оказывали пособіе церкви. Цехмейстеры наблюдали, чтобы цеховые работали хорошо; захожіе ремесленники должны были уплачивать налогъ въ пользу цеха или сдѣлать пожертвованіе на мѣстную церковь. Выборные отъ цеха люди исполняли въ церкви пономарскую обязанность, звонили въ колокола въ торжественные дни, наблюдали за церковными починками и чистотой въ церкви. За это они пользовались уваженіемъ мѣстнаго сельскаго общества, и пользовались нѣкоторыми льготами (освобождались отъ военнаго постоя, поставки подводъ и т. п.). Кое-гдѣ еще сохранились обломки стараго цеховаго устройства ремесленниковъ. Такъ, въ заштатномъ городѣ черниговской губерніи Березномъ (въ 36 верстахъ отъ Чернигова), по старинному благочестивому обычаю, цехи ткацкій, калачницкій и кравецкій подаютъ по большой свѣчѣ во всѣ церкви города въ Свѣтлое Воскресенье, въ Рождество Христово и на Покровъ Богородицы; цехъ шевскій (сапожническій), болѣе другихъ богатый, даетъ свѣчи во всѣ церкви, какъ и цехи кравецкій, кушнирскій, рѣзницкій и ковальскій (*Филаретъ*, Ист.-ст. опис. черн. еп. V, 139). Въ с. Олишевкѣ козелецкаго уѣзда черниг. губ. сохраняются два цеха, торговый и ремесленный. Цехи состоятъ изъ парубковъ. У нихъ есть „цехмейстеръ“, который имѣетъ свой значекъ—камышевую палку съ серебряною головкой. Въ будніе дни значекъ хранится въ церковной ризницѣ. Въ каждомъ цехѣ имѣется шесть большихъ зеленыхъ свѣчей, которыя зажигаются въ праздники. Цеховые становятся на срединѣ церкви по три, одинъ за другимъ. Въ большіе праздники двое изъ цеховыхъ съ горящими свѣчами входятъ въ алтарь, одинъ въ сѣверныя, другой въ южныя двери; тамъ стоятъ они по сторонамъ престола, до окончанія чтенія Евангелія, а потомъ выходятъ къ своему цеху (*Филаретъ*, V, 273).

Библиотека "Руниверс"

Въ мѣстечкѣ Шаргородѣ подольской губерніи, одномъ изъ древнихъ городовъ Подоліи, который всегда пользовался магдебургскимъ правомъ, безъ ограниченія его помѣщичьей властью, цеховое устройство имѣетъ громадное вліяніе до настоящаго времени на нравственное состояніе общества: цехъ простираетъ свой контроль на проявленія безнравственности въ семейной жизни (*Заря*, 1884, № 280). Въ большомъ и торговомъ мѣстечкѣ Дунаевцахъ подольской губ. цеховое устройство сохранилось въ большой чистотѣ, со многими архаическими чертами. Каждогодно, около 8 января, каждый цехъ избираетъ себѣ новаго цехмейстера или утверждаетъ стараго. Обрядъ избранія происходитъ слѣд. образомъ: за три дня до выборовъ цехового старшины, выносится изъ дома цехмейстера хоругвь, сдѣланная изъ шелковой или шерстяной матеріи. На хоругви посрединѣ вышитъ крестъ изъ галуна или изъ матеріи другого цвѣта, чѣмъ хоругвь. Хоругвь каждаго цеха отличается вышитымъ внизу особымъ цеховымъ значкомъ, эта хоругвь ставится у воротъ цехового старшины. При этомъ цехмейстеръ выдаетъ паробкамъ, принадлежащимъ къ его цеху, значокъ (цешку), которая дѣлается изъ дерева и своимъ видомъ напоминаетъ о ремеслѣ извѣстнаго цеха, наприм., сапожническая имѣетъ видъ сапожка, скорняжская сдѣлана на подобіе круглаго ножа; рѣзницкая на подобіе обыкновеннаго ножа; ткацкая — на подобіе челнока и проч. Эта цешка украшается вокругъ барвинкомъ и ягодами калины. Ее носятъ паробки по домамъ ремесленниковъ, принадлежащихъ къ извѣстному цеху, и этимъ даютъ знать, чтобы всѣ члены извѣстнаго цеха собирались въ назначенный день въ домъ своего цехмейстера для избранія новаго или утвержденія стараго цехмейстера. Собравшіеся въ извѣстный день цеховые ремесленники требуютъ отъ своего старшины годичнаго отчета въ приходѣ и расходѣ цеховыхъ денегъ, поступившихъ въ теченіе года въ кружку отъ опредѣленныхъ взносовъ и штрафовъ; повѣряютъ, есть-ли всѣ цеховыя свѣчи. Эти свѣчи, сдѣланныя изъ желтаго воска, употребляются при богослуженіи въ торжественныхъ случаяхъ. По окончаніи повѣрки, приступаютъ къ избранію новаго или утвержденію стараго цехмейстера, что совершается такъ: зажигаютъ вечеромъ цеховыя свѣчи и съ цеховою хоругвію обводятъ новаго цехмейстера вокругъ домовъ ремесленниковъ извѣстнаго цеха. Въ прежнее время обводили цехмейстера

Библиотека "Руниверс"

со всѣмъ церемоніаломъ вокругъ мѣстечка. Послѣ этого отправляются въ домъ новоизбраннаго, который долженъ угостить своихъ избирателей. Новоизбранному старый цехмейстеръ передаетъ всѣ вещи, принадлежащія цеху, какъ-то: хоругвь, которая помѣщается въ домѣ цехмейстера въ почетномъ углу, кружку, свѣчи и цешку. На другой день снова собираются въ домъ новоизбраннаго, чтобы разсудить о дѣлахъ цеха. На обязанности цехмейстера лежитъ завѣдывать извѣстнымъ цехомъ, судить съ другими почетными ремесленниками виновныхъ, налагать на нихъ штрафы, которые, поступая въ цеховую кружку, расходуются на поддержаніе цеховыхъ свѣчей и на годичную попойку при избраніи цехмейстера. Предъ выборами старый цехмейстеръ проситъ священника отслужить въ извѣстный день божественную литургію о здравіи живыхъ съ панихидой объ упокоеніи усопшихъ братій и сестеръ, принадлежавшихъ его цеху, для чего каждый цехъ имѣетъ свой особый помянникъ (*Заря*, 1884, № 280).

Въ м. Хомутцахъ миргородскаго у. полтав. губ. существуетъ гончарный цехъ. О времени основанія этого цеха нѣтъ письменныхъ свѣдѣній. Вступившій въ гончарскій цехъ, по традиціонному обычаю, не долженъ ни убивать животныхъ, ни снимать кожъ съ палыхъ; иначе его „вытрутъ зъ бумаги“, т. е. вычеркнутъ изъ списковъ. Цехъ имѣетъ крестъ съ изображеніемъ Распятаго Христа и св. Николая (патрона); этотъ крестъ и цеховая скринька находятся всегда въ домѣ цехмистра. Гончары имѣютъ въ приходской церкви кіотъ съ образомъ св. Николая, нѣсколько хоругвей и содержатъ 4 ставника, которые ежегодно возобновляютъ къ праздникамъ Воскресенія Христова, Троицы, Покрова и Рождества Христова. Общія собранія цеха бываютъ во время рождественскихъ и свѣтлыхъ праздниковъ въ домѣ цехмистра. Въ теченіе года бываютъ экстренныя сходки для принятія новыхъ членовъ или для суда надъ виновнымъ въ кражѣ глины, который подвергается денежному штрафу въ скрыньку 1—2 руб. Цехъ владѣетъ на правѣ собственности участкомъ земли около 8 десятинъ съ залежами гончарной глины. Среди глинищъ есть большой деревянный крестъ, выкрашенный масляною краской, съ небольшой оградой. Черезъ каждые два года происходитъ освященіе глинищъ, съ молебствіемъ и водосвятіемъ при крестномъ ходѣ. Поступающій въ цехъ угощаетъ братчиковъ и

Библиотека "Руниверс"

вноситъ въ скриньку 1 р. 50 к. Къ гончарскому цеху приписались нѣсколько десятковъ хозяевъ, не занимающихся гончарствомъ (*Василенко*, въ „Кіевск. Стар." 1885, X, 165).

181.

Церковныя братства

развивались въ старинное время главнымъ образомъ подъ вліяніемъ цехового строя ремесленнаго быта и въ силу той свободы, которую открывало городамъ магдебургское право. Въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ въ Малороссіи церковныя братства играли важную роль въ жизни народа, какъ источники просвѣщенія и благотворительности. Братства защищали православныхъ отъ притѣсненій со стороны католиковъ и уніатовъ, издавали религіозно-полемическія книги въ защиту православія, строили церкви, поддерживали церкви обветшавшія. При братствахъ были школы и шпитали. Въ школѣ дьячки учили „дѣтокъ малыхъ" безъ различія сословій чтенію, письму и счету. Въ шпиталь, или богадѣльню помѣщали „людей всякихъ, отъ пана Бога хоробою и уломностями навѣжоныхъ", безродныхъ стариковъ и старухъ, калѣкъ, слабоумныхъ, отъ которыхъ отказывались родные.

Многіе изслѣдователи съ любовью обращались къ старинным церковнымъ братствамъ (Флеровъ, г-жа Ефименко, Костомаровъ). Уже чтеніе однихъ актовъ, относящихся къ этимъ учрежденіямъ, при всей старозвѣтной сухости изложенія, производитъ успокаивающее и жизнерадостное впечатлѣніе: въ нихъ просвѣчиваетъ мягкое и сердечное чувство братолюбія, гуманности, взаимной поддержки на основаніи любви къ Богу и къ ближнему, каковымъ считался всякій братчикъ.

Очень немного остатковъ церковныхъ братствъ сохранила современная жизнь. Въ шестидесятыхъ годахъ въ с. Дыбинцахъ, канев. у. кіевск. губ. существовало еще церковное братство, съ характеромъ старинныхъ братствъ. Братство это заботилось о содержаніи и украшеніи мѣстной церкви, о пособіи бѣднымъ, погребеніи бѣдныхъ, обученіи желающихъ грамотѣ и гончарному ремеслу и въ особен-

Библиотека "Руниверс"

ности о поддержаніи нравственной чистоты въ обществѣ. Всѣ, провинившіеся, относительно братскаго устава или общественнаго кодекса нравственныхъ правилъ, подлежали суду братства и несли наказанія, преимущественно денежную пеню. Тѣлесныя наказанія никогда не употреблялись. Главная цѣль наказанія состояла въ томъ, чтобы виновный произнесъ раскаяніе передъ братствомъ. Въ 60-хъ годахъ на Волыни существовали еще по селамъ церковныя братства, состоявшія изъ зажиточныхъ прихожанъ обоего пола. Главную принадлежность каждаго братчика и каждой сестрички составляютъ большія восковыя свѣчи, съ которыми они стояли въ церкви во время важнѣйшихъ частей богослуженія, напр., во время чтенія евангелія, при освященіи св. даровъ и т. п. Это былъ обычай древнихъ братствъ; такъ стояли нѣкогда съ собственными зажженными свѣчами князья, дворяне и другихъ сословій братчики во Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ и др. мѣстахъ. Братчики и въ позднѣйшее время были посредниками между священникомъ и прихожанами въ заботахъ о церковныхъ пользахъ. И въ позднѣйшее время въ церковныхъ братствахъ держался обычай устраивать обѣды въ храковые праздники, поминальные дни, на проводы (радоница), въ дни св. Николая, св. вмч. Георгія. Бывали особые сестричные обѣды въ дни св. Варвары, св. Екатерины. Въ назначенное время братчики и сестрицы, по общему соглашенію, приносили кушанья на цвинтарь (въ церковную ограду) и, послѣ обѣдни и „паростаса“, обѣдали въ хорошую погоду подъ открытымъ небомъ близь церкви, въ дурную—въ домѣ священника, дьячка, гдѣ обыкновенно помѣщалась школа, или въ частной хатѣ вблизи церкви. На обѣдъ приглашались нищіе, и братчики имъ прислуживали (*Основа*, 1862, IX, 48).

Г. Василенко въ статьѣ „Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ“ (Кіевск. Стар., 1885, X, 159—171) упоминаетъ о церковномъ братствѣ въ с. Панскомъ, золотоношскаго у., которое устроилось послѣ пожара церкви, независимо отъ церковно-приходскаго попечительства. Средства братства состоятъ изъ членскихъ взносовъ—не менѣе 1 р. отъ каждаго братчика и въ сборѣ отъ продажи меда въ храмовые праздники. Дѣлами завѣдываетъ старшій братъ, избираемый ежегодно.

Остатками бывшихъ нѣкогда многочисленнымъ церковныхъ братствъ являются обычаи медоваренія и общественныхъ обѣдовъ.

Библиотека "Руниверс"

Эти обычаи сохраняются и теперь почти во всѣхъ селахъ на днѣпровскомъ побережьѣ золотоношскаго уѣзда и въ нѣкоторыхъ переяславскаго уѣзда (*Василенко*, 169).

Современное положеніе церковныхъ братствъ г. Василенко очерчиваетъ народной поговоркой: „Маркивъ кинь, та не Марко на немъ, Маркова зброя—та не Маркова мова"; „осталась форма, а богатое содержаніе исчезло; уцѣлѣли обычаи, а смыслъ, духъ ихъ затерялся или затемнился, и самая память о прежней жизни братствъ утрачена въ живущихъ поколѣніяхъ" (ib. 159).

Идеалисты 60-хъ годовъ думали, что „возможны и въ настоящее время подобныя братства; нужно только возбудить громаду къ дѣятельности, напомнить ей старое забытое учрежденіе; нужно уяснить ей то благотворное значеніе, какое оно имѣло и можетъ имѣть въ жизни каждаго человѣка" (*Основа*, 1862, X, 50). Этотъ доброжелательный идеализмъ обнаружился и въ Высочайше утвержденныхъ 8 мая 1864 г. основныхъ положеніяхъ о церковныхъ братствахъ. Положенія эти открываютъ широкій просторъ для филантропической и просвѣтительной дѣятельности общества. Первое положеніе о церковныхъ братствахъ гласитъ, что цѣль учрежденія братствъ — служеніе нуждамъ и пользамъ православной церкви, созиданіе и украшеніе православныхъ храмовъ, дѣла христіанской благотворительности, распространеніе и утвержденіе духовнаго просвѣщенія. Четвертое положеніе предусматриваетъ добрые остатки старины и хочетъ сохранить ихъ: „При учрежденіи братствъ въ составляемыхъ для нихъ уставахъ могутъ быть сохраняемы употреблявшіяся въ древнихъ церковныхъ братствахъ наименованія, правила и внѣшніе обычаи".

Эти добрыя пожеланія и свѣтлыя надежды не оправдались. Церковныя братства получили развитіе лишь въ немногихъ мѣстахъ юго-западнаго края, преимущественно на почвѣ борьбы національной и религіозной. Въ Малороссіи они не привились, и старые корни ихъ здѣсь оказались совсѣмъ засохшими. Народъ грубѣлъ „на самотыни" въ отчужденіи отъ руководящихъ общественныхъ слоевъ. Мѣщане въ большихъ городахъ обезличились и опошлились, отставши отъ народа по языку, нравамъ и обычаямъ и не присоединившись къ высшимъ сословіямъ по недостатку образованія. Сельская

Библиотека "Руниверс"

интеллигенція получила односторонній служилый характеръ, и изъ ея одноцвѣтной среды, въ значительной степени тронутой кулацкой червоточиной, рѣдко стали выдѣляться люди съ иниціативой во имя общаго блага.

182.

Парубоцкія братства.

Парубоцкія или молодецкія братства представляютъ искаженіе идеи церковнаго братства. То живое общественное дѣло, которое нѣкогда составляло предметъ заботы лучшихъ людей и привлекало къ себѣ наиболѣе зрѣлую въ умственномъ отношеніи часть народа, настолько отодвинулось въ сторону, что уважаемые полноправные граждане стали забывать о немъ, и попеченіе о немъ перешло въ руки недорослей по семейному и соціальному положенію. Въ „Кіевской Старинѣ“ 1887 г. были помѣщены обстоятельныя статьи г. Боржковскаго и Чернышева о значеніи малорусскаго парубоцтва, какъ общественной группы, и здѣсь мы не будемъ останавливаться подробно на парубоцтвѣ. Признавая правильнымъ мнѣніе Чернышева, что организація парубоцтва въ особую общественную группу служитъ остаткомъ древнѣйшей формы признанія половой зрѣлости молодежи, нельзя не согласиться, однако, съ тѣмъ положеніемъ, что, по общенароднымъ понятіямъ новаго времени, половая зрѣлость парубоцтва не выражаетъ его умственной и нравственной зрѣлости настолько, чтобы признать его полноправнымъ въ гражданскомъ отношеніи съ людьми женатыми, семейными, стариками, и фактъ перехода общихъ церковныхъ братствъ въ братства парубоцкія остается для первыхъ явнымъ признакомъ вырожденія и упадка. Въ парубоцкихъ братствахъ сохраняется почти исключительно внѣшняя сбрядовая сторона церковныхъ братствъ; древніе просвѣтительные и филантропическіе элементы церковныхъ братствъ утеряны. Парубоцкія братства существуютъ издавна. Такъ, въ началѣ XVIII в. въ с. Ярославкѣ козелецкаго уѣзда наряду съ цеховымъ братствомъ существовало братство „молодецкое“, изъ парубковъ. Во главѣ этого братства стояли два атамана, по числу двухъ въ Ярославкѣ приходовъ. На

Библиотека "Руниверс"

Рождество Христово парубки обходили съ поздравленіемъ все село и собранный хлѣбъ продавали; три части вырученныхъ за то денегъ отдавали въ распоряженіе своихъ атамановъ, а четвертую оставляли на „молодецкій могоричъ“. Атаманы обязаны были на полученныя деньги справлять въ церковь три раза въ годъ двѣ большія ставныя свѣчи, окрашенныя ярью, а также иногда починяли хоругви и другія церковныя вещи (*Филаретъ*, Ист.-стат. опис. черниг. еп., V, 225). Парубоцкія братства существуютъ во многихъ мѣстахъ полтавской губ.; дѣятельность ихъ ограничивается главнымъ образомъ содержаніемъ одного или нѣсколькихъ ставниковъ. Въ м. Хомутцѣ молодецкія братства существуютъ особо въ каждомъ приходѣ и избираютъ атамановъ отдѣльно. Въ одномъ приходѣ парубки имѣютъ въ церкви свою икону—Спасителя и звѣзду и держатъ три ставника. Атаманъ во время великаго поста дѣлаетъ раскладку на парубковъ по состоянію для сооруженія ставника, хоругви и т. п. Начинающій ходить на улицу парубокъ угощаетъ братчиковъ водкой и дѣлаетъ взносъ въ пользу братской кассы. Въ с. Панскомъ золотоношск. у. молодецкое братство варитъ медъ къ рождественскимъ и воскресенскимъ праздникамъ, имѣетъ въ церкви шесть ставниковъ, которые зажигаются на литургіи при чтеніи Апостола. Въ первый день рождественскихъ праздниковъ братчики дарятъ атаману шелковый платокъ или хорошій поясъ и получаютъ отъ него угощеніе. Съ того же дня и почти цѣлую недѣлю парубки колядуютъ, собирая пожертвованія съѣстными припасами и деньгами (*Василенко*, въ „Кіевск. Стар.“ 1885. X, 168).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго.

I.

Іоаннъ, авторъ посланій на Украину и въ Галичину, родился приблизительно въ половинѣ XVI-го вѣка [1]). Самъ Іоаннъ называетъ себя „мнихъ изъ Вишни“ [2]), даже просто—Вышенскій [3]); съ большимъ вѣроятіемъ можно признать мѣстомъ его родины Судову Вишню [4]), городокъ около Львова въ Галиціи [5]). Мы

[1]) Съ такимъ предположеніемъ согласуются и данныя біографическія, и матеріалы самихъ сочиненій Вишенскаго. Ближайшій же другъ Іоанна (и, должно быть, сверстникъ) Іовъ Княгиницкій имѣлъ въ 1620 г. около 70 лѣтъ отъ роду, (Зоря Галицкая, яко Альбумъ, стр. 248). Галицкій монахъ Іовъ Княгиницкій родился въ половинѣ XVI в., какъ то видно изъ его біографіи, составленной Игнатіемъ изъ Любарова (Зоря на 1861 г., стр. 225—251). Знаменитый подвижникъ былъ основателемъ и устроителемъ монастырей на юго-западѣ русской земли, чѣмъ способствовалъ широкому подъему религіознаго настроенія южной Руси въ трудную годину Уніи. Другъ Вишенскаго (Зоря, стр. 233, 234. Арх. юго-зап. Рос., т. VII, ч. I, стр. 36, 37), Копыстенскаго (Рус. Ист. библ., т. IV, стр. 856) и другихъ ревнителей православія, Іовъ игралъ роль насадителя и укрѣпителя иноческаго, скитскаго житія въ южной Руси. Онъ не отказывался и отъ литературной дѣятельности, впрочемъ исключительно богословскаго характера (Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 218—225); умеръ 29 дек. 1621 г. Біографическія данныя объ Іовѣ приведены по рѣдкому изданію Альбума „Зоря Галицкая“ на 1861 г.) Голубевъ въ приложеніяхъ къ соч. П. Могила; тамъ же перепечатаны отрывки изъ біографіи Іова съ пропускомъ характернаго описанія устроенія Княгиницкимъ Воздвиженской обители (Зоря, стр. 239—242).

[2]) Ак. Ю. и З Р., т. II, стр. 205.

[3]) Арх. юго-зап., Р., т. VII, ч. I, стр. 35.

[4]) „Кіевск. Стар.“ 1889 г., № 4, стр. 144.

[5]) Въ началѣ XVII в. этотъ городъ игралъ нѣкоторую роль въ Галицкой жизни; въ 1605 и 1607 гг. въ Судовой Вишнѣ собирались сеймики русской шляхты (Зубрицкій, Лѣтоп. Львов. брат., стр. 55, 59).

Библиотека "Руниверс"

такъ мало имѣемъ свѣдѣній о личной жизни извѣстнаго публициста, что и главнѣйшія данныя его біографіи приходится устанавливать гадательно. Іоаннъ едвали получилъ серьезное образованіе, едва-ли учился и работалъ систематически въ какой нибудь школѣ [1]), но онъ былъ „трудолюбенъ“, а потому и начитанъ въ священномъ писаніи, о чемъ свидѣтельствуютъ сочиненія Іоанна со ссылками на священные тексты, а также и разсужденія его. Наконецъ, Іоанну былъ знакомъ и польскій языкъ [2]).

До принятія иноческаго сана Іоаннъ живалъ въ Луцкѣ, гдѣ былъ знакомъ съ Кирилломъ Терлецкимъ и Діонисіемъ Збируйскимъ, въ Острогѣ, Жидичинѣ и другихъ мѣстахъ Галицкой, Волынской и Подольской Руси [3]). Можетъ быть такъ же, какъ и другъ Іоанна—Княгиницкій, ушелъ онъ изъ дому бродить по монастырямъ, спасать душу и работать до изнуренія надъ книжнымъ дѣломъ, „рукодѣліе творѧ, еже книгы списаѧти“, „тягнучися терпеніемъ и смиреніемъ“ ради будущаго спасенія и жизни вѣчной [4]). Мы считаемъ возможнымъ предположить, что Іоаннъ былъ въ молодости тѣсно связанъ съ Львовскимъ братствомъ, и когда ушелъ въ монашество, то возбудилъ этимъ много шуму, толковъ и убѣжденій возвратиться къ міру [5]). Такія заявленія побудили Іоанна возразить одному изъ защитниковъ „прехвальныхъ плодовъ въ мірскомъ житію гнѣздящихся“ Юрію, вѣрнѣе всего Рогатинцу, посланіемъ къ старицѣ Домникіи. Въ этомъ посланіи есть упоминанія о нѣкоторыхъ мірскихъ знакомствахъ Іоанна. Съ однимъ изъ львовскихъ братчиковъ Красовскимъ Іоаннъ странствовалъ, предполагаемъ по какому то общему

[1]) Вишенскій, говоритъ: а ѡ сокѣ ѧзъ самъ свѣдителство камъ даю, іако грамматично дробязкѹ не извчих риторично игрѹшки не вѣдах, философского высоко мечтателнаго не слыхах („Кіевск. Стар.“ 1889 г., № 4, стр. 31).

[2]) Голубевъ. П. Могила. Приложенія, стр. 109.

[3]) Голубевъ. П. Могила, стр. 67, 114. Ак. Ю. и З. Р., т. II, стр. 223, 231-320. „Кіевск. Стар.“ 89 г., № 4, стр. 147—148.

[4]) Зоря, яко Албумъ, стр. 230.

[5]) Арх. Ю.-Зап. Р., т. VII, ч. I, стр. 34—35.

Библиотека "Руниверс"

дѣлу[1]) „львовскаго народа“ [2]). Во время отправленія посланія Домникіи Іоаннъ жилъ въ Уневскомъ монастырѣ[3]), гдѣ провелъ первое время своего монашества и Іовъ Княгиницкій [4]). Во всякомъ случаѣ, это было время подготовительной работы крѣпнувшаго духомъ борца за народное южнорусское дѣло, время сближенія во едино лучшихъ людей юга, носившихъ въ себѣ одну душу, работавшихъ на разныхъ поприщахъ для счастія одной и той же своей „глупой“ Руси—дорогой родины. Еще до времени Брестскаго собора Вишенскій ушелъ въ монастырь на Аѳонъ. Много въ тѣ бурныя времена уходило на Аѳонъ люду, который хотѣлъ захватить тамъ ученой мудрости въ строго православномъ духѣ, такъ какъ „послѣ паденія Константинополя Аѳонъ сдѣлался главнымъ хранилищемъ сокровищъ духовной образованности. Сюда стремились всѣ лучшія силы грековъ, чтобы взаимными усиленными трудами собрать, сберечь и изучить національныя, дорогія произведенія греческаго ума“ [5]). Странниками изъ южной Руси, были, напримѣръ, Кипріанъ переводчикъ толкованій І. Златоуста на посланіе ап. Павла [6]), Іосифъ, переводившій толкованія на дѣянія апостольскія въ 1-й четверти XVII вѣка [7]) и мн. др. [8]) Аѳонъ удовлетворялъ религіознымъ потребностямъ тѣхъ южанъ, которые всѣмъ сердцемъ своимъ отдавались православному благочестію: онъ манилъ ихъ своимъ покоемъ и святостью „Вѣси, пишетъ Іоаннъ

[1]) Отказываясь отъ мірскихъ знакомствъ, Вышевскій говоритъ: „не вѣмъ другого развѣ странствовавшаго пана Красовскаго и на препитаніе (Іоанна) нечто возложившаго“. Арх. Ю.-З. Р., т. VII, ч. I, стр. 34—35.

[2]) Можетъ быть, странствіе было въ Варшаву; о посылкѣ въ Варшаву Д. Красовскаго при спорѣ братства съ львовскимъ магистратомъ въ 1600 г. мы знаемъ изъ Лѣтописи львов. брат. (Зубрицкій, стр. 44).

[3]) Арх. Ю.-З. Р., стр. 35.

[4]) Зоря, яко Альбумъ, стр. 228.

[5]) Подольск. Епарх. Вѣдом. 1875 г., № 17, стр. 425.

[6]) Прибавленія къ Твор. св. Отцевъ 1848 г., кн. II; стр. 163.

[7]) Сборникъ отд. рус. яз. и словесн. Ак. наукъ, т. 34, стр. 74. Тотъ же Іосифъ—переводчикъ „Душеполезныхъ поученій Аввы Дорофея 1628 г.“ Максимовичъ. Собр. соч., т. III, стр. 698.

[8]) О южанахъ, бывшихъ на востокѣ въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. см. въ трудахъ: Терновскаго „Изуч. византійск.“, вып. 2, и Малышевскаго „Мелетій Пигасъ“, т. I и въ Приложеніяхъ passim.

Библиотека "Руниверс"

съ Аѳона Княгиницкому, яко святая гора раю подобна, аеровоздушнымъ, чистотнымъ и утѣшительнымъ эфиромъ въ отлученію мира содержима дыхающе: сія и нынѣ никакоже оскудѣ благодать, яже отъ воздуха“ [1]). Эта обитель была достаточно безопасной для тѣхъ, кто страстнымъ словомъ и умѣлъ, и хотѣлъ, и могъ бороться за дорогія ему идеи. Вишенскій объясняетъ такими словами свое удаленіе на Аѳонъ: Бѫдет зась и там похвалка оупротивных — волно ти мовячи тамъ заочне, и въ далеком Кутѣ хочже и правдою ѡ нас так безпечне ширмовати, але коли бы есмо тотъ языкъ, яко и Никифорѫ [2]) затворили и пропѣснѫти не дали. На тое вамъ такъ отповѣмъ; не для далекости от вас бѫдучи а правдѫ смѣле мовлю, и правдою вас постигаю але заправдѫ и оумрѣти изволю, аще Богъ дарѫетъ, да знаете и помолѣтеся Богѫ да вас сподобит и зраковиднѣ от мене реченное слышати, азъ бо желаю, но ещѣ волѣ Божей на сіе нѣсть, а ѡ сѣчѣ наскаковати безствднѣ пески, якоже вы на попокство безъ волѣ Божей не хощѫ; наоучих бо сѧ благоговѣти къ благоговѣнномѫ, и ѿ иного повелѣнія ожидати, аще и братскам любок православных христіанъ спредѣловъ естественныхъ мя вытягаетъ“ [3]).

Скитальцы далекаго Аѳона не забывали своей родной земли. Они были въ постоянномъ общеніи съ южанами, а когда пришелъ часъ рѣшительной борьбы за интересы родины, они приняли въ этой борьбѣ самое горячее участіе. Уже А. М. Курбскій въ одномъ изъ писемъ къ извѣстному западно-русскому типографу, Мамоничу выражаетъ свой чрезвычайный восторгъ по поводу сочиненій Нила Кавасилы и Григорія Паламы, солунскихъ архіепископовъ XIV в., аѳонскими монахами съ греческаго на славянскій языкъ [4]). Въ составленіи посланія съ

[1]) Арх. Юго-зап. Р., т. VII, ч. I, стр. 36.

[2]) Протосинкелъ константинопольскаго патріарха на Брестскомъ соборѣ.

[3]) Ак. Ю. и З. Р., т. II, стр. 252.

[4]) „Но, оле! уже благодати ради Божія подана намъ книга въ помощь отъ святыя горы, яко самою рукою Божіею принесена, простоты ради и глубокаго неискусства церковниковъ русскихъ церквей“... Въ послѣдующихъ словахъ Курбскій

Библиотека "Руниверс"

Аѳона на югъ (обнародованнаго кн. Острожскимъ въ 1598 г.) безъ сомнѣнія принимали самое дѣятельное участіе иноки русскаго происхожденія если не являлись исключительными составителями посланія; предисловіе говоритъ, что посланіе передается: „отъ святое Аѳонское горы скитствующихъ і о царствіи Христовѣ нудящихся отъ страны вашее вамъ поспѣшниковъ и молитвенниковъ“ [1]). И значеніе для южной Руси Аѳона, какъ высшаго руководителя православнаго благочестія, какъ школы духовной, было ясно сознаваемо въ началѣ XVII-го вѣка. Въ совѣтованіи „о благочестіи“ (1621 г.) сказано: „потрѣба есть дх҃овная абы і Р҃оссовъ маючихся истинѣно кожитїю добродѣтелномъ, посыла́ти на Аѳонъ, яко кіко́лъ дх҃о́вную“ [2]).

Вишенскій вторую половину своей жизни (съ конца XVI-го вѣка) провелъ на Аѳонѣ. Тамъ была имъ написана большая часть сочиненій, отправляемыхъ на Русь: Іоаннъ въ своей публицистической дѣятельности шелъ тѣмъ же путемъ, на какой вступили и другіе аѳониты, посылавшіе свои увѣщанія и воззванія изъ далекихъ монастырей въ родную землю. Вопросъ о хронологической послѣдовательности сочиненій Вишенскаго не вполнѣ выясненъ: сами произведенія Іоанна даютъ для этого немного данныхъ. Къ періоду времени отъ 1588-го года до 1596-го г. [3]) можно отнести: „Сочиненіе о заблужденіяхъ римской вѣры“ [4]) и посланіе, отправленное наканунѣ Брестскаго

совѣтуетъ Мамоничу прочесть посылаемое письмо виленскому собору, „да наймутъ писаря добраго, кто бы приписываючи ее, не попсовалъ, взявши тую книгу у пана *Гарабурды*, або у меня, да препишутъ; а переписавши, трезвѣ да прочитаютъ отълучившеся отъ піанства: ибо тамъ готовые отвѣты блаженныхъ оныхъ мужей“. (Сказ. Курбскаго, стр. 230). Гарабурда (Вас. Мих.), собственникъ втораго экземпляра упоминаемой книги, виленскій типографъ XVI вѣка, издатель виленскаго Октоиха 1582 г. (Каратаевъ, Опис. славян. книгъ, стр. 200—201) и Шестоднева 1582 г. Послѣдняя книга была на выставкѣ послѣдняго VIII-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ (коллекція г. Большакова).

[1]) Малышевскій, Мелетій Пигасъ, т. II, приложеніе II, стр. 44. Подпись аѳонитовъ выражена иными словами въ рукописи Царскаго, Строевъ, Описаніе рукописей, стр. 451.

[2]) Памятн. врем. ком., т., I, отд. I, стр. 248.

[3]) Макарій. Ист. рус. церкви т., X, стр. 301.

[4]) Ак. ю. и з. Рос., т. II, стр. 254—270. Вишенскій не хочетъ писать въ этомъ посланіи о кое какихъ новшествахъ католичества противныхъ православію,

Библиотека "Руниверс"

собора „ко всѣмъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси“ [1]).

Мы полагаемъ возможнымъ отнести къ этому же первому періоду литературной дѣятельности Вишенскаго „Посланіе“ [2]) старицѣ Домникіѣ, основываясь прежде всего на данныхъ для біографіи Вишенскаго, сохранившихся въ упомянутомъ сочиненіи. Эти данныя (см. выше) могутъ относиться только ко времени борьбы Гедеона съ львовскимъ братствомъ [3]) и широкой дѣятельности членовъ этого братства Красовскихъ и Рогатинцевъ [4]). Борьба Гедеона съ братствомъ заканчивается миромъ

„яко о всемъ томъ доволно Василій отъ блаженнаго писанія написа“ (стр. 264) „Книга о вѣрѣ единой“ издана въ 1588 г. въ Острогѣ (Рус. Историч. Библ., т. IV, примѣчаніе 29); подпись на книгѣ „мнѡгогрѣшный и хѵ́ждшій къ христїанехъ оубогый каснлѣ́й“ (Каратаевъ. Опис. старопеч. кн., стр. 224). Ундольскій знаетъ эту книгу въ острожскомъ сборникѣ 1588 г. (Очеркъ слав.-рус. библ., стр. 17), какъ и Строевъ (Рукописи Царскаго, № 393). Головацкій указываетъ годъ перваго изданія „книги“ 1583 и предполагаетъ въ 1588 г. второе изданіе (Дополненія къ очерку Ундольскаго, стр. 18). Сочиненія Іоанна „о Заблужденіяхъ“ ни разу не упоминаетъ объ Уніи и относится къ заблужденіямъ только католичества.

[1]) Ак. ю. и з. Рос., т. II, стр. 224—227. Авторъ не упоминаетъ объ Уніи и Брестскомъ соборѣ, но содержаніе посланія указываетъ на такое сильное напряженіе борьбы православныхъ съ католическою пропагандою, что В—скій обращается къ своимъ слушателямъ больше съ укорами въ религіозныхъ нестроеніяхъ, чѣмъ съ убѣжденіями стоять за правую вѣру. Это сочиненіе Іоаннъ отправилъ на Русь черезъ проигумена „отъ св. Павелъ—отца Савву“.

[2]) Арх. юго-зап. Р., т. VII, ч. I, стр. 26—35.

[3]) Юрій, о которомъ упоминаетъ посланіе, обвиняется въ нѣкоторомъ вольнодумствѣ раціоналистическаго характера. Есть даже отдаленный намекъ на дѣло о своевольно устраненномъ львовскими братчиками священникѣ (Арх. Ю.-З. Рос., т. VII, ч. I, стр. 30), за что старшіе изъ братчиковъ Юрій и Иванъ Рогатинцы и Иванъ Красовскій были отлучены отъ церкви патріархомъ Іереміей въ 1589 году (Зубрицкій. Лѣтоп. львов. брат., стр. 21).

[4]) О братчикахъ Красовскихъ и Рогатинцахъ, которые въ концѣ XVI вѣка и началѣ XVII являются постоянно старшими братчиками во Львовѣ, находимъ упоминанія у Зубрицкаго въ Лѣтоп. львов. братс. подъ годами 1588, 1590, 1593, 1596 (въ послѣднемъ году Діом. Діом. Красовскій и Юрій Ѳом. Рогатинецъ были посланы брест. соборомъ помирить Гедеона съ львовск. брат.), 1601 и 1607 гг.; находимъ еще свѣдѣнія объ этихъ братчикахъ въ посланіи молд. господаря ко львов. брат. (Ак. ю. и з. Р., т. I, стр. 271), въ спискѣ львов. братства (Памятн. времен. ком., т. III, стр. 90) и въ судной грамотѣ Брест. соб. по дѣлу львов. брат. (Ibid., стр. 57).

Библиотека "Руниверс"

1602 г. [1]), слѣдовательно подпись на посланіи „въ Уневскомъ монастырѣ“ не можетъ относиться къ позднѣйшему по времени посѣщенію Іоанномъ родины (1605—1607 гг.). Въ 1597 г. Вишенскаго уже не было на родинѣ [3]), поэтому „посланіе Доминикіи“ могло быть отправлено только до 1597 г. и вѣрнѣе всего въ началѣ монашеской жизни Іоанна, который и называетъ себя въ концѣ посланія „странникъ реченный Вишенскій“ [2]).— Первымъ сочиненіемъ Вишенскаго послѣ Брестскаго собора было посланіе Іоанна къ князю Острожскому около 1597 г. [4]) и, на конецъ, посланіе къ „Митрополиту и Епископомъ“ [5]), отправленное не позже 1599 года, когда умеръ Михаилъ Рогоза [6]), котораго авторъ посланія знаетъ живымъ. Приблизительно къ тому же времени, если не къ самымъ первымъ годамъ XVII-го вѣка, относится „Краткословный отвѣтъ“ [7]) сочиненіе, безъ сомнѣнія принадлежащее Іоанну, скрывшемуся подъ псевдонимомъ Ѳеодула [8]).

Данныхъ о первыхъ годахъ XVII в. въ жизни Іоанна гораздо больше. Въ біографіи Іова Княгиницкаго есть упоминанія о пребываніи Вишенскаго въ родныхъ краяхъ Галичины [9]). Г. Миронъ съ полною убѣдительностью доказалъ, что време-

---

[1]) Макарій. Ист. церк., т. X, стр. 340.

[2]) Ак. ю. и зап. Р., т. II, стр. 224.

[3]) Арх. юго-зап. Р., т. VII, ч. I, стр. 35.

[4]) Ак. ю. и з. Р., т. II, стр. 205—224. Посланіе явилось послѣ изданія Экзезиса (1597), о каковомъ сочиненіи авторъ упоминаетъ въ началѣ посланія.

[5]) Ак. ю. и з. Р., т. II, стр. 227—254.

[6]) Макарій. Ист. цер., т. X, стр. 302.

[7]) Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 109—145.

[8]) Сличи: Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 144, 145 и „Кіевск. Стар.“ 89 г., № 4. Прилож., стр. 29—31 или рукоп. публ. библ. (Q., № 243) стр. 1 и оборотъ.

[9]) Въ одномъ мѣстѣ Игнатій изъ Любарова говоритъ: „и къ той часѣ отецъ Іоаннъ Вышенскій, другъ его (Іова) отъ святыя горы пріиде и пожиша съ нимъ нѣколико врема: потомъ оба съвѣщавшися, жесточайшаго безмолвнаго житія желающе, врѣчетъ старѣйшинство ученику своему іеродіакону Герасиму и отходитъ оттолѣ старецъ въ дальнюю пустыню яко д (4) поприща“ (Зоря, яко Альбумъ, стр. 233). Въ другомъ мѣстѣ Игнатій продолжаетъ: „потомъ же Іоаннъ

Библиотека "Руниверс"

немъ пребыванія Вишенскаго на родинѣ были 1605—1607 г. [1]). Считаемъ весьма возможнымъ предположеніе, что Вишенскій прибылъ на родину съ цѣлью устроить свое монашеское житіе среди дорогаго ему люду „въ раздѣленныхъ сектахъ и вѣрахъ розмаитыхъ мешкаючого“. Іоаннъ поговариваетъ объ этомъ съ Іовомъ, но пылкая его натура, съ которой такъ трудно было справиться Іоанну, по его же сознанію, и подъ монашеской рясой, удерживаетъ полемиста въ общежительномъ Угорницкомъ монастырѣ, мѣшаетъ уйти на все время въ пустыню къ Іову. Возможно, что Іоаннъ живымъ словомъ дополняетъ передъ православными, крѣпко стоящими за свою вѣру, мысли и желанія, выраженныя въ его посланіяхъ и сочиненіяхъ. Во всякомъ случаѣ онъ входитъ въ кругъ интересовъ львовской епархіи, жизнь которой шла тогда шумно среди борьбы съ разроставшейся уніей, послѣ едва законченныхъ споровъ Гедеона Балабана съ львовскимъ братствомъ. Іоаннъ заводитъ тогда широкія отношенія съ „галицкими мешканцями“; эти отношенія заставляютъ его не пропустить случая, когда братія Ксенова монастыря рѣшила идти отъ Аѳонской горы въ предѣлы православной земли; Вишенскій пересылаетъ черезъ нихъ свое новое посланіе съ Аѳона: „христолюбивому братству львовскому и прочимъ братіямъ единомудреннымъ и единоплеменнымъ“ [2]). Въ тѣ же годы пребыванія на родинѣ Іоаннъ знакомится со многими новыми дѣятелями борьбы православія съ уніей, имена которыхъ встрѣчаются въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ, напри-

---

Вышенскый, взявши отрока сыновца его Дмитра, иже єѣ вручилъ ему старецъ, пріиде, и пребысть и той съ нимъ время немало; бяше бо и той зело любя безсловіе и святъ єѣ мужь и трудолюбенъ, іако же и отъ многихъ слышится“ (Ibid., 234). Наконецъ біографъ Княгиницкаго упоминаетъ, что „Іоанъ же Вышенскій пожившіи зде, паки отходитъ въ святую гору, оставль при немъ (Іовѣ) отрока его, старцу же совѣтовавъ и молвше и не отлучатися пріличнѣ мѣсто спастися хотящимъ еже и сбысться“ (Ibid., 234).

[1]) „Кіевск. Стар.“, 89 г., № 4, стр. 149.

[2]) Арх. юго-зап. Рос., т. VII, ч. I, стр. 24—26.

Библиотека "Руниверс"

мѣръ съ Петромъ Ляховичемъ; ему Вишенскій „рачитъ спасеніе“, какъ и „прочимъ благодателемъ и знаемымъ метаніе“ въ письмѣ своемъ, посланномъ съ Аѳона послѣ 1607 г. „боголюбивому брату ми, яже о Христѣ, Іову“ [1]). Какъ бы то ни было, но Іоаннъ долженъ былъ удалиться на Аѳонъ послѣ двухъ лѣтъ пребыванія въ южной Руси. Мы можемъ предположить, что причиной его удаленія были преслѣдованія католиковъ и уніатовъ, вызванныя рѣзкими полемическими сочиненіями Іоанна противъ нихъ: Вишенскій съ неохотою уѣзжаетъ съ юга, убѣждая Іова оставаться подъ роднымъ небомъ, спасать свою душу для жизни вѣчной. Іоанну остаться въ родномъ краю было уже не суждено...

И вотъ Вишенскій снова на Аѳонѣ. О продолженіи литературной дѣятельности полемиста мы знаемъ вплоть до 1614-го года. Къ этому періоду 1607—1614 гг. необходимо прежде всего отнести, кромѣ упомянутыхъ выше „посланія братству львовскому“ и „письма къ Іову“, „Зачапку мудраго латынника съ глупымъ русиномъ“ [2]); „Зачапка“ явилась съ псевдонимомъ Іоанна—Христофоръ [3]). Послѣднее произведеніе, посланное Вишенскимъ на Русь было „Позорище Мысленное“, отвѣтъ „на хулу въ прилозѣхъ толку апостольскаго въ книжцѣ о священствѣ Златоуста выдрукованной“ [4]). Книга „о священствѣ Іоанна Златоустаго“ напечатана во Львовѣ въ 1614 г. [5]). Позже этого года мы не знаемъ ни одного сочиненія Іоанна Вишенскаго. Можно думать, что Іоаннъ подъ конецъ своей жизни удалился навсегда отъ міра и его живыхъ интересовъ, весь отдался спасенію грѣшной души своей: въ заголовкѣ послѣдняго сочиненія Вишенскаго говорится, что „Позорище Мысленное“ составлено „отъ инока въ пещерѣ горѣ сѣдящаго и себѣ внимающаго преподобнаго и блаженнаго отца Киръ Іоанна Вишенскаго отъ

[1]) Ар. Ю.-З. Р., т. VII, ч. I, стр. 36—37.

[2]) Голубевъ. П. Могила. Приложенія. стр. 67—108.

[3]) Голубевъ. Ист. Кіев. духовн. Академіи, вып. I, стр. 185. Сумцовъ. „Кіевская Старина“ 85 г. №4, стр. 651—652. Мироновъ. „Кіевская Старина“ 89 г. № 4, стр. 150.

[4]) Арх. Юго-Зап. Р. т. VII, ч. I, стр. 37—48.

[5]) Каратаевъ. Хронологич. роспись, стр. 27.

Библиотека "Руниверс"

святыя аѳонскія горы". „Позорище Мысленное" было послано Михаилу Вишневецкому, извѣстному ревнителю православія [1]), „да направятъ его потомъ во Львовъ, въ подгорскую сторону и до церкви перемышльской", и „всему сему писанію у церкви перемышской остатися изволяю", говоритъ самъ Іоаннъ въ заголовкѣ сочиненія. Послѣднюю хронологическую дату для біографіи Вишенскаго мы находимъ подъ 1621 г.: въ „Совѣтованіи о благочестіи". Между прочими мѣрами для церковнаго благоустройства южной Руси въ совѣтованіи предлагается (§ 22): „Послáти до патрїáрхи константинопольскаго поблагословенїе пóмочь и рáдѣ и на свѣтую Áѳóнскую горѣ — послáти, вы́звати и препрова́дити преподóбныхъ мужéй Рѡ̃сскихъ, межи и́ными блаженны́хъ Кипрїана и Їоа́на порéкломъ Вишенского и прочи́хъ тамо ѡбрѣта́ющихся вжитїи и бгословїи цвитущихъ [2]). Мы не знаемъ, однако, засталъ ли этотъ призывъ Іоанна въ живыхъ, пріѣзжалъ ли онъ на родину и долго ли жилъ послѣ упомянутаго 1621 г.? Имя Кипріана извѣстно намъ, какъ имя переводчика толкованій Златоуста на посланія ап. Павла, изданныхъ въ Кіевѣ 1623-го года [3]). Имя Іоанна послѣ упоминанія въ „Совѣтованіи" исчезаетъ на долгое время изъ памяти потомковъ. Только изслѣдователи старины во второй половинѣ XIX вѣка опять обратили вниманіе на знаменитаго полемиста и стали постепенно открывать и печатать его сочиненія. Кромѣ упомянутыхъ выше десяти сочиненій Іоанна, намъ извѣстны и остальныя сочиненія Вишенскаго. Одно изъ нихъ—„Обличеніе діавола миродержца" приведено въ извѣстность г. Голубевымъ по списку рукописи Царскаго [4]) и г. Мирономъ по рукописи Подгорецкаго василіанскаго монастыря [5]). Кромѣ того, изъ той же рукописи г. Мирономъ

---

[1]) Мих. Корибутовичъ Вишневецкій, мужъ Раины Могилянки, отецъ Іереміи Вишневецкаго, желая пособить львовскому братству издать Апостольскія дѣянія, но не имѣя денегъ, отдалъ въ залогъ свой клейнотъ... Фактъ для того времени характерный и любопытный. (Зубрицкій, Лѣтоп. львов. брат. стр. 55).

[2]) Памят. кіев. врем. ком. т. I. отд. I, стр. 247).

[3]) Имп. Публ. Библ. 1—6, № 5 б.

[4]) Арх. Юго-Зап. Р. т. VII, ч. I стр. 18—24.

[5]) Кіев. Стар. 89 г. № 4. Прилож. стр. 31—36.

Библиотека "Руниверс"

извлечены—предисловіе къ собранію сочиненій Вишенскаго, оглавленіе сборника, „О чину прочитанія сего писанія“ и „Къ прочитателю наеднѣ сего писанія“ [1]). Полнаго собранія сочиненій І. Вишенскаго въ рукописи мы не имѣемъ [2]). Рукописныхъ же сборниковъ его сочиней имѣемъ три: рукопись Царскаго [3]) въ спискѣ Кіев. Акад. [4]), по которой напечаты сочиненія Вишенскаго въ Архивѣ Ю.-З. Руси, рукопись Подгорецкаго монастыря, изъ которой сдѣлалъ извлеченія Миронъ; и рукопись Имп. публ.

---

[1]) „Кіевск. Стар.“ 89 г., № 4, Прилож., стр. 27—31.

[2]) Сочиненія І. Вишенскаго въ хронологическомъ порядкѣ можно расположить такъ:

I. Сочиненія 1588—1596 гг.

1) Посланіе старицѣ Домникіи.

2) О заблужденіяхъ римской вѣры.

3) Посланіе ко всѣмъ православнымъ жителямъ.

II. Сочиненія 1597—1600 гг.

4) Посланіе кн. Острожскому.

5) Посланіе къ митрополиту и епископамъ.

6) Краткословный отвѣтъ Ѳеодула.

Въ этомъ же періодѣ, во всякомъ случаѣ не позже 1607—1608 гг., написаны Вишенскимъ: 7) Обличеніе діавола, 8) О еретикахъ, 9) Загадка философомъ, 10) Слѣдъ краткій, 11) Новина. Кромѣ того, Іоанномъ были составлены тогда же тѣ предисловія къ сборнику сочиненій, которыя напечатаны Мирономъ въ Кіевской Старинѣ 89 г. № 4. стр. 27—31.

III. Сочиненія 1607—1614 гг.

12) Зачапка мудраго латынника.

13) Посланіе братству Львовскому.

14) Письмо Іову Княгинницкому.

15) Позорище мысленное.

Кромѣ этихъ пятнадцати сочиненій, трехъ предисловій и одного оглавленія произведеній В—скаго, приведенныхъ въ извѣстность, въ „Зачапкѣ“ упоминаются еще „три цвѣточка“ Іоанна: 1) древо, зовомое разумное, философія, не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла. 2) Церковца, въ которой о учтивости оное письмомъ коротко изображенно есть. 3) Маленькая пѣсенька церковная, которую зразумѣвши благоразумную мысль, отъ сладости николиже нѣти не престанешъ. (Голубевъ. П. Могила, Приложенія стр. 74). Въ описаніи рукописей Царскаго у Строева упоминается „посланіе Михаилу Вишневецкому“. Сочиненій В—скаго можно считать числомъ 19, изъ которыхъ по напечатаніи ниже четырехъ только четыре выше упомянутыя остаются неизвѣстными.

[3]) Строевъ. Рукоп. слав. и рос. Царскаго. 1848 г. стр. 605—606. № 486.

[4]) Библ. Кіев. Дух. Академіи R. № 213.

Библиотека "Руниверс"

библ., послужившая текстомъ для напечатанія четырехъ посланій Іоанна и сочиненія монаха Леонтія „О еретикахъ“ въ Акт. ю. и з. Россіи [1]). Рукописи публ. библ. и Подгорецк. монастыря совмѣстно заключаютъ въ себѣ произведенія Вишенскаго, кромѣ сочиненій, подъ которыми стоятъ псевдонимы (Зачапка, Краткословный отвѣтъ), сочиненій, написанныхъ Іоанномъ въ періодъ 1607—1614 гг. (Посланіе львов. брат., Іову и Позорище), и посланіе Домникіи. Первымъ по времени сборникомъ сочиненій Вишенскаго мы и считаемъ рукопись, текстъ которой, переписанный на югѣ во второй половинѣ XVII в., хранится въ публ. библ. Въ эту рукопись вошли: „Обличеніе діавола“ и все то, что извлечено г. Мирономъ изъ Подгорецкой рукописи [2]), четыре посланія Іоанна, напечатанныя въ Актахъ, четыре небольшихъ сочиненія, которыя мы печатаемъ ниже, какъ до сихъ поръ неизвѣстныя и нигдѣ не напечатанныя: (О еретикохъ, Загадка философомъ латинскимъ [3]), Слѣдъ краткій и Новина). Вслѣдъ за этимъ было переписано введеніе въ разсужденіе Леонтія и самое разсужденіе „О еретикахъ“ (напечатанное въ Актахъ) [4]). Разсужденіе относится къ 1608 г. И сочиненія Вишенскаго, и сочиненія Леонтія тѣсно соединены другъ съ другомъ въ текстѣ,—переходомъ отъ одного къ другому служатъ слова не съ новой страницы, а съ новой строчки: Дозднѣ книжки Вышенскаго Іоанна Мниха. Сѣже натвюжъ потейскую ересь двогїмъ книжки Леонтїмъ ѣродїакона печерскаго монастыря кіевскаго. Правовѣрнїи книмайте словесемъ силъ, паче же двховнїи [5]). Сочиненія Леонтія служатъ какъ бы продолженіемъ сочиненій Іоанна. Первое собраніе сочиненій Вишенскаго могло быть сдѣлано и самымъ Леонтіемъ, присоединившимъ къ книжкамъ Вишенскаго свои размышленія, или переписчикомъ сочиненій того и другаго въ 1608 г. (а можетъ быть не многимъ позже): потому мы и не встрѣ-

---

[1]) Имп. публ. библ. Q. 243.

[2]) Первыя двѣ четвертушки въ рук. публ. библ. вырваны.

[3]) Г. Миронъ совершенно напрасно отожествляетъ „Зачапку“ съ „Загадкой“. (К. Стар. 89 г. № 4. стр. 146). „Зачапка“ и „Загадка“ два совершенно различныхъ сочиненія и по своему объему, и по своему содержанію.

[4]) Ак. ю. и з. Р. стр. 271—287.

[5]) Рук. Имп. публ. библ. Q. 243, оборотъ 165-й стр.

Библиотека "Руниверс"

чаемъ въ этомъ сборникѣ—сочиненій послѣдующихъ годовъ, не встрѣчаемъ сочиненій Іоанна, скрывавшихъ автора псевдонимами, которые раскрывать было неудобно при жизни Іоанна, особенно послѣ его путешествія на родину въ 1605—1607 годахъ. Какъ рѣзкія и безпощадныя нападки на Унію въ концѣ XVI вѣка, заставили Іоанна слѣдующее по времени сочиненіе обозначить именемъ Ѳеодула, такъ и одно изъ первыхъ сочиненій послѣ путешествія на югъ онъ нашелъ удобнымъ прикрыть именемъ Христофора. Этихъ сочиненій и не вноситъ переписчикъ въ свой сборникъ произведеній Вишенскаго, во всякомъ случаѣ составленный около 1608 года на Украинѣ [1]). И напечатанныя въ Архивѣ и Кіев. Стар., и печатаемыя ниже сочиненія Вишенскаго—небольшіе этюды и разсужденія на благочестивыя темы; мы признаемъ ихъ написанными до 1607 года, въ первые періоды полемической дѣятельности Іоанна; потому эти сочиненія и явились въ первомъ собраніи сочиненій Вишенскаго.

Сличая текстъ Подгорецкаго сборника сочиненій Вишенскаго, съ рукописью публ. библ., мы проходимъ къ убѣжденію что Подгорецкая рукопись—списокъ съ той же самой первоначальной рукописи, текстъ которой сохранился въ публ. библ. Подгорецкая рукопись отличается по языку отъ рукописи публ. библ. *привнесеніемъ* въ первую тѣхъ особенностей галицко-русскаго говора, которыя ярко выступаютъ въ языкѣ XVII вѣка. Подгорецкая рукопись содержитъ въ себѣ все то, что списано въ рукописи публ. библ., но въ ней недостаетъ четырехъ ниже печатаемыхъ сочиненій Вишенскаго, сочиненія Вишенскаго „О заблужденіяхъ рим. вѣры“ и конца „Посланія къ утекшимъ отъ праславное вѣры епископомъ“ [2]), т. е. сочиненій, помѣщенныхъ въ концѣ рукописи произведеній Іоанна публичной библ. Послѣднее сочиненіе безъ конца въ Подгорецкой рукописи, писано къ тому же скорописью [3]):

[1]) Часть текста „Краткословнаго отвѣта“ („Къ прочитателю наедне“) находится и въ рукописи публ. библ. Но мы не должны забывать, что эта статейка ничѣмъ несвязана съ текстомъ „Краткословнаго отвѣта“ и была, очевидно, подвижною частью сочиненія, переносимою или къ началу сборника сочиненій, или къ одному сочиненію въ видѣ наставленія, предисловія къ нему.

[2]) К. Стар. 89 г. № 4 стр. 146.

[3]) Ibid. Прилож. стр. 22.

Библиотека "Руниверс"

у переписчика не хватило терпѣнія переписать всю рукопись сочиненій Вишенскаго, и онъ бросилъ свое дѣло на половинѣ. Такимъ образомъ, въ Подгорецкой рукописи мы имѣемъ несовсѣмъ аккуратный и полный списокъ сочиненій Вишенскаго съ рукописи, текстъ которой былъ написанъ на Украинѣ и сохранился въ спискѣ публичной библ. При томъ подгорецкій списокъ былъ составленъ галичаниномъ, внесшимъ яркія особенности галицко-рус. говора въ текстъ своей переписки [1]).

Позднѣйшимъ текстомъ была рукопись Царскаго, списокъ которой хранится въ Кіев. дух. акад. По описанію Строева [2]) видно, что рукопись Царскаго составлена не изъ однихъ сочиненій Вишенскаго: это былъ сборникъ сочиненій противъ уніи. Первыя 217 изъ 536 страницъ рукописи заняты сочиненіемъ Захаріи Копыстенскаго „Книга о правдивой едности правовѣрныхъ христіанъ“ [3]). Дальше слѣдуютъ сочиненія Вишенскаго: посланіе до Львова, старицѣ Домникіи [4]), отцу Іову, посланіе князю Михаилу Вишневецкому (?), Зачапка, Краткословный отвѣтъ, Посланіе Острожскому, архіепископомъ и, наконецъ, „Позорище мысленное“.... Списокъ Царскаго, судя по тексту библ. кіев. акад., перепечатанному г. Голубевымъ въ Архивѣ, сдѣланъ великороссомъ, не знавшимъ малорусскихъ оборотовъ рѣчи, малорусскихъ словъ, а потому при перепискѣ исказившимъ текстъ рукописи. Составляя сборникъ сочиненій противъ уніи, переписчикъ заимствовалъ сочиненія Вишенскаго, должно быть изъ позднѣйшихъ сборниковъ его сочиненій, куда входили

---

[1]) Подгорецкая рукопись въ 1623 г. принадлежала Петру Могилѣ. „Кіевская Старина“ 89 г. № 4, Прилож. стр. 21.

[2]) Рукописи Царскаго № 486.

[3]) Сочиненіе Захаріи Копыстенскаго „О вѣрѣ единой апостольской церкви“ изд. въ 1619 г. Филаретъ, Обзоръ дух. литерат. стр. 179. О немъ же Рус. Ист. библ. т. IV. Прим. 29.

[4]) То, что одно изъ раннихъ сочиненій Вишенскаго находимъ только въ спискѣ позднѣйшихъ сочиненій, а не среди болѣе ранняго сборника, не противорѣчитъ высказываемому мнѣнію; посланіе старицѣ Домникіи оканчивается словами Вишенскаго: „и паки молю, сохрани сіе писаніе да ми его повратиши, нужда бо есть“ (Арх. стр. 35). Посланіе Домникіи могло быть неизвѣстнымъ до послѣдующаго времени, какъ сохранившееся въ рукахъ Іоанна.

Библиотека "Руниверс"

и произведенія послѣдняго періода литературной дѣятельности Вишенскаго съ 1607 г., куда были внесены и сочиненія Вишенскаго, скрытыя псевдонимами, и посланія частнаго характера. Можетъ быть это былъ сборникъ самого Захаріи Копыстенскаго: о Зах. Копыстенскомъ мы знаемъ, какъ онъ живо интересовался судьбою друга Вишенскаго—Княгиницкаго и его дѣятельностію, посѣтивши его въ пустынѣ [1]), отмѣтивши въ „Палинодіи“ печальную вѣсть о смерти „Боголюбиваго Іова“ [2]).

Таковы собранныя данныя и возможные изъ нихъ выводы о судьбѣ Іоанна, численности, хронологической послѣдовательности рукописныхъ сборниковъ и о спискахъ сочиненій Вишенскаго.

Русская историческая литература начинаетъ упоминать о Вишенскомъ преимущественно послѣ 1865 года; въ этомъ году были изданы первыя четыре посланія Іоанна во II-мъ томѣ Актовъ южной и зап. Россіи. Упоминанія русскихъ историковъ о Вишенскомъ ограничиваются, главнымъ образомъ, выписками изъ его сочиненій, но не характеристикой его полемической дѣятельности и литературной личности. Соловьевъ отмѣчаетъ, что ожиданія враговъ православія послѣ Брестскаго собора, будто востокъ рѣшительно слабъ и отъ него нельзя ожидать никакого отпора, не оправдались; „послышался сильный обличительный голосъ съ Аѳона отъ тамошняго русскаго инока Іоанна Вишенскаго.“ Дальше слѣдуютъ отрывки изъ посланій Іоанна [3]). Преосв. Макарій въ Ист. рус. церкви подробно излагаетъ содержаніе четырехъ посланій Вишенскаго, напечатанныхъ въ Актахъ, одно за другимъ, замѣчая отъ себя о рѣзкости языка Вишенскаго, о длиннотахъ и многословіи рѣчи въ посланіи Іоанна къ владыкамъ, принявшимъ унію [4]). Небольшую характеристику полемической дѣятельности Вишенскаго даетъ А. Н. Пыпинъ въ Исторіи славянскихъ литературъ [5]). Авторъ объемистой статьи о Вишенскомъ г. С. Л—въ [6]) излагаетъ положеніе общественно-

---

[1]) Зоря, яко Албумъ стр. 238.
[2]) Рус. истор. библ. т. IV стр. 856.
[3]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. X стр. 54—57.
[4]) Макарій, т. X стр. 295—301.
[5]) Томъ I, стр. 334—335.
[6]) Подольск. Епарх. Вѣд. 1875. №№ 15, 17, 18, 19, 20, 21.

Библиотека "Руниверс"

религіозныхъ вопросовъ того времени, сводитъ нѣкоторыя біографическія данныя объ Іоаннѣ и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на очеркѣ религіозныхъ воззрѣній и полемикѣ автора; отношеніе Іоанна къ этимъ воззрѣніямъ характеризуется такими словами г. С. Л—ва: Вишенскій поверхностно смотритъ на предметъ, не проникая въ глубь его; цѣлыя страницы посланій его наполнены вопросами и восклицаніями—и изъ этихъ тирадъ выносится мало успокоенія для сосредоточеннаго ума [1]).

Филаретъ ограничивается незначительной замѣткой о Вишенскомъ въ своемъ Обзорѣ русской духовной литературы, обозначая сочиненія Вишенскаго, какъ богословскія, а мѣсто подвижничества Іоанна на Аѳонской горѣ исключительно монастырь Зографъ [2]). Едвали авторъ Обзора видѣлъ сочиненія Вишенскаго и читалъ ихъ, что и не дало ему возможности быть правдивымъ въ своихъ утвержденіяхъ [3]). Первый издатель посланій І. Вишенскаго, Костомаровъ, удѣлилъ его произведеніямъ нѣсколько страницъ монографіи „Южная Русь въ концѣ XVI вѣка“ [4]), воспользовавшись отрывками сочиненій для характеристики бытовой обстановки южно-русской жизни въ разсматриваемый періодъ. На полемической дѣятельности самого Вишенскаго Костомаровъ не останавливался, но широко, красиво набрасывая картину интересовавшей его эпохи говорилъ отъ имени Вишенскаго часто то, чего самъ Вишенскій не говорилъ [5]). Г. Кулишъ приводитъ въ своемъ изслѣдованіи о возсоединеніи Руси почти весь подлинникъ четырехъ посланій Вишенскаго, подновляя произношеніе словъ въ переложеніи на свою фонетику, присоединяя къ отрывкамъ сочиненій Іоанна свои же кра-

---

[1]) Подольск. Епарх. Вѣд. 1875 г., стр. 614.

[2]) Обз. дух. лит. ч. I стр. 175.

[3]) Филаретъ указываетъ на существованіе четырехъ посланій: къ кн. Острожскому и ко всѣмъ православнымъ съ увѣщаніемъ стоять въ православіи, ко Львовскому братству и къ отцу Іову скитнику Марковой пустыни *о томъ же*, посланіе къ отступникамъ отъ православія, указываетъ, что *всѣ* посланія отправлены на Русь вмѣстѣ съ посланіемъ аѳонскихъ старцевъ въ 1596 г., чего утверждать мы не имѣемъ никакого основанія.

[4]) Моногр. и изслѣдованія т. III, стр. 173—322.

[5]) См. Кулишъ. Ист. возс. Руси, т. I стр. 302, 303.

Библиотека "Руниверс"

снорѣчивыя измышленія и сопоставленія [1]). Для г. Кулиша Вишенскій стоитъ на недосягаемой высотѣ ветхозавѣтнаго пророка: Іоаннъ, говоритъ г. Кулишъ „добровольный мученикъ нищеты и аскетическихъ лишеній," исполнившійся „духа апостольской ревности," первый авторитетъ для осиротѣлой къ концу XVI в. русской паствы. Вишенскій, „глядѣвшій на житейское море и его напасти съ подоблачной горы своей, разсказываетъ г. Кулишъ, изобразилъ его такъ выразительно, что перу историка не осталось ничего дѣлать съ его рукописью. Среди бури напастей, въ бушующемъ житейскомъ морѣ, только его пустынный голосъ, голосъ отошедшей на гору церкви Христовой, покрывалъ стихійныя начала жизни въ ихъ безпорядочномъ бореніи между собою. Всѣ голоса, молящіе, грозящіе, всѣ вопли жертвъ и крики притѣснителей, призывъ къ отпору и перекличка между раскиданными частями братскаго воинства, все пробивается неясно сквозь грозный ревъ и гулъ, точно крики потерявшихъ дорогу, среди степной мятели. Голосъ (Іоанна) былъ явственно слышенъ; онъ давалъ сбившимся съ дороги направленіе; онъ ободрялъ, онъ пророчествовалъ и такъ дѣйствительно сталось, какъ онъ пророчествовалъ среди бури"..... Таковы образцы характеристики г. Кулишемъ Вишенскаго, слишкомъ шумные, что бы быть убѣдительными. Крайнія похвалы и пророческая характеристика Іоанна слышатся и въ обстоятельной статьѣ проф. Сумцова о Вишенскомъ [2]). „Іоаннъ Вишенскій, говоритъ г. Сумцовъ, въ нѣкоторой степени напоминаетъ Пушкинскаго пророка. Томимый духовной жаждой, онъ удалился въ аѳонскія пустыни; здѣсь явился къ нему шестикрылый серафимъ—любовь къ угнетенной, обманутой, осмѣянной родинѣ,—вынулъ изъ его груди трепетное сердце и вложилъ въ нее уголь, пылающій огнемъ гнѣва и негодованія, открылъ ему зѣницы и обратилъ его вниманіе на всѣ современныя ему явленія южнорусской жизни, хорошія и дурныя, радостныя и печальныя, и бѣдный, малообразованный малороссіянинъ—аѳонитъ сразу про-

[1]) Кулишъ, Ист. возс. Руси, т. I, стр. 289—319.

[2]) „Кіев. Стар." 1885 г. № 4, стр. 649—677.

Библиотека "Руниверс"

зрѣлъ въ глубину южно-русской жизни, увидѣлъ тайные ходы латино-уніатскихъ гадъ, замѣтилъ прозябаніе хлопа и пошелъ на родину жечь сердца людей своимъ горячимъ одухотвореннымъ словомъ"... Впрочемъ, указываетъ дальше г. профессоръ, Вишенскій, можетъ быть, напоминалъ и Лермонтовскаго пророка....

Подобныя приведенымъ выше характеристики не даютъ никакихъ опредѣленныхъ образовъ, расплываются въ шумныхъ или красивыхъ фразахъ, да и основаны на остроуміи авторовъ, а не на фактическихъ данныхъ. Слушателями и „прочитателями" сочиненій Вишенскаго не было козачество, о которомъ Вишенскій, современникъ Сагайдачнаго, ни однимъ словомъ не обмолвился во время всей своей обширной литературной дѣятельности; еще менѣе аудиторіей Вишенскаго могло быть поспольство. Вишенскій обращался съ своими рѣчами, прежде всего, къ панству, особенно богатому „можновладству" и къ высшему духовенству, затѣмъ къ „меньшимъ братьямъ" въ смыслѣ городскаго населенія и къ небогатой южно-русской шляхтѣ, особенно той, которая принимала участіе въ жизни южно-русскихъ братствъ. И по существу натуры своей пророкомъ, какимъ его пытаются изобразить г. Кулишъ и г. Сумцовъ, Вишенскій не могъ быть. Выше мы приводили оправданіе Іоанна, почему онъ удалился на Аѳонъ и оттуда ведетъ свою полемику съ врагами православія и его отчизны. Ссылаясь на примѣръ Никифора-Протосинкела, котораго враги заточили въ крѣпость, Іоаннъ выражаетъ свою готовность за правду и умереть, но, добавляетъ полемистъ, „еще волѣ Божей на сіе нѣсть". Іоаннъ не пожелалъ, однако, вести свою борьбу, явившись лично на родину подъ страхомъ жестокаго преслѣдованія, — воля Божія въ этомъ случаѣ не пришла на помощь осторожному „страннику"...

Характеръ проповѣдника—агитатора приданъ Вишенскому и при характеристикѣ его, мастерски набросанной г. Мироном въ послѣдней (по времени) статьѣ о полемической дѣятельности Іоанна [1]): „Вишенскій, говоритъ почтенный ученый, является горячимъ пропагандистомъ въ родѣ какого нибудь Гуттена".

[1]) „Кіев. Стар." 1889 г., № 4, стр. 141—151.

Библиотека "Руниверс"

Но г. Миронъ самъ признаетъ идеалы Вишенскаго идеалами аскетическими и византійскими, что такъ непохоже на весь идейный обликъ великаго агитатора Западной Европы XVI в. Ульриха Гуттена. Во всякомъ случаѣ, такое сравненіе только путаетъ понятія; оно не даетъ никакого яснаго и отчетливаго образа, кромѣ неожиданнаго сопоставленія эффектныхъ именъ.—Отсылаемъ читателей къ наиболѣе остроумной, тонкой и наименѣе фантастической характеристикѣ Вишенскаго г. Мирона. Характеръ языка и слога Вишенскаго читатель замѣтитъ изъ отрывковъ сочиненій полемиста въ послѣдующемъ изложеніи. Къ этимъ отрывкамъ присоединимъ еще нѣсколько строкъ, живо характеризующихъ и подборомъ словъ, и оборотами рѣчи рѣзкость и юморъ полемическаго тона Вишенскаго, всегда страстнаго, кипучаго, раздраженно ядовитаго.—Защищая въ одномъ изъ своихъ посланій иноковъ отъ нападокъ свѣтскихъ людей, Іоаннъ сравниваетъ монаховъ съ воинами, которымъ приходится бороться въ жизни, какъ бы на войнѣ. А ты кто такой? обращается Вишенскій со словомъ укора къ обличителю инока. „Еще еси на войну не выбрався, еще еси доматуръ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластноѣдъ, маслоѣдъ, пирогоѣдъ, еще еси периноспалъ, мягкоспалъ, подушкоспалъ; еще еси тѣлу угодникъ, еще еси тѣлолюбитель, еще еси кровопрагнитель, еще еси перцолюбецъ, шафранолюбецъ, имберолюбецъ, гвоздиколюбецъ, кминолюбецъ, цукролюбецъ и брѣдень горко и сладко—любецъ; еще еси конфактолюбецъ, еще еси чревобѣсникъ, еще еси гортановстекъ, еще еси гортанограталь, еще еси гортаномудрецъ, еще еси дѣтина, еще еси младенецъ, еще еси млекопій. Якъ же ты хочешъ бѣду военника, бьючогося и боручогося у цицки матернее дома сидячи, разазнати, розсудити“ [1]). Въ „Посланіи къ Домникіи“ Іоаннъ мрачными красками рисуетъ способы достиженія духовныхъ должностей и кто становится на Руси духовнымъ? не дверьми восходятъ до духовнаго чина, нѣтъ, „але и тые самые дѣролазцѣ, наемницы, злодѣи, разбойницы, волци, драпежницы, пси, волхвы,

[1]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. II, стр. 220.

Библиотека "Руниверс"

городѣе, воини, жолнѣрѣ, кровопролійцы, игрцы, скоморохи, альбо машкаринки, всякъ видъ злобы мірское прошедшіе и естество обезчестившіе, которые нашу церковь нынѣ опановали и подъ власть себѣ мучительски покорили, нетолько же бы слѣда, аль-бо порядку якого законного на входѣ сѣдалища власти церковное заживати мѣли; але гонятся и одинъ одного для власти, сану и позысканія имѣній, перебѣгаютъ и упережаютъ, власнѣ якъ конскіе заводницы для закладу. Что бо за чинъ въ нашей церкви нынѣ на принятье стану духовнаго? не тотъ ли, присмотрися и признай, если правду глаголю: днесь катъ, а завтра священникъ, днесь мучитель, а завтра учитель; днесь корчмаръ и танцоводецъ, а заутра богословъ и народоводецъ, днесь убійца, а заутра святитель и епископъ; доднесь жертвовалъ сатанѣ все время вѣка сего, а нынѣ предъ олтаремъ предстоитъ и непостижимому Божеству таинствуетъ и жертву приноситъ[1])".

II.

Остановимся на характеристикѣ общественныхъ воззрѣній Іоанна Вишенскаго.

Время конца XVI и начала XVII вѣка было временемъ религіозной борьбы на югѣ Россіи. Вся историческая обстановка эпохи носитъ на себѣ отпечатокъ этой борьбы; она началась издавна до Брестской уніи и отразилась въ литературномъ развитіи южной Руси. Памятниками религіозной борьбы перваго періода были, по преимуществу, богослужебныя книги, необходимыя въ церковномъ обиходѣ. Изданія библій, евангелія, служебниковъ слѣдуютъ одно за другимъ; рѣдкими исключеніями являются такія книги, какъ хронологія Андрея Рымши 1581 г., посланіе патріарха Іереміи или привѣтъ Михаилу митроп. кіевскому 1591 г. и т. п. Многіе изъ этихъ сочиненій носятъ на себѣ исключительно богословскій характеръ, какъ „Ключъ разумѣнія небеснаго" г. Смотрицкаго, книга изданная въ Острогѣ въ 1587 г. Защитники православія выступали въ борьбѣ за родную вѣру

[1]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I, т. VII, стр. 30—31.

Библиотека "Руниверс"

еще на практической почвѣ: издавая рядъ сочиненій богослужебнаго и богословскаго характера, они самимъ фактомъ появленія православныхъ книгъ на современномъ церковно-славянскомъ или русскомъ языкѣ отражали нападенія враговъ истинной вѣры. Они знали одно православіе, православныхъ людей и все вниманіе свое обращали только на защиту этого православія, его догматовъ и богослужебныхъ обрядовъ: православіе было альфой и омегой ихъ сознанія и общественныхъ убѣжденій. Но враги не дремали. Брестская унія, ея покровители и послѣдователи заставили выступить на борьбу новыхъ людей южно-русскаго общества. Люди этой поры, времени религіозной борьбы до Петра Могилы, видѣли для себя туже цѣль въ борьбѣ съ врагами, что и ихъ предшественники, но самыя условія разгоравшейся борьбы охватывали все большій кругозоръ, вызывали на борьбу всѣ силы южно-русскаго общества, ставили болѣе широкія требованія отъ защитниковъ „восточной вѣры": прежде шелъ только вопросъ о православіи и латинской вѣрѣ, южанинъ сознавалъ свою національность, опредѣляя ея особенность понятіемъ православія, со времени уніи, отправляясь отъ той же православной точки зрѣнія въ національномъ самосознаніи, южанинъ постепенно опредѣляетъ и уясняетъ свое *я*, какъ человѣка отличнаго по національности и отъ другихъ, хотя бы и близкихъ ему, сосѣдей. Православіе было отправной точкой въ опредѣленіи понятій Украина, украинецъ, понятій, получившихъ господство уже въ послѣдующую историческую эпоху южно-русской жизни. Конецъ XVI и начало XVII вв.—время едва, едва пробивающагося народнаго сознанія въ смыслѣ развитія пониманія своего національнаго *я*, время, когда робкими шагами, почти незамѣтными штрихами проскальзываетъ это сознаніе въ литературную, полемическую дѣятельность южной Руси. Провославіе и его защита—вотъ еще вся сумма общественныхъ убѣжденій южанина, но при этой защитѣ говорится не только о догматахъ и обрядахъ православной вѣры. Нѣтъ..... строятся уже логическіе выводы изъ требованій православной религіи и относятся къ строю и порядкамъ общественной жизни, опредѣляя общественныя воззрѣнія южно-русса на эту жизнь, ея историческія и бытовыя условія.

Библиотека "Руниверс"

Полемисты не только спорятъ о догматѣ filioque или о чистилищѣ, они заговариваютъ о народѣ, о литературномъ языкѣ, о школѣ, о наукѣ — они затрагиваютъ общественные вопросы. Однимъ изъ главныхъ и самыхъ крупныхъ представителей этой эпохи южно-русскаго самосознанія былъ Іоаннъ Вишенскій, въ чемъ его основное значеніе, какъ писателя конца XVI и начала XVII вв., отсюда сильныя и слабыя стороны его литературной дѣятельности.

Мы не будемъ останавливаться спеціально на вопросѣ, каковъ объемъ представленій о православіи и его нуждахъ былъ у Вишенскаго. Намъ гораздо важнѣе выдѣлить черты, такъ сказать, свѣтскихъ взглядовъ Вишенскаго или тѣхъ православныхъ понятій, которыя имѣли тѣсное общеніе съ общественными воззрѣніями автора. Мы уже упоминали, что понятіе—православный объединялось съ понятіемъ—русскій. То и другое понятіе тождественны въ устахъ Іоанна. Одинъ только разъ противуполагаетъ онъ южнорусса и великоросса; для провѣрки православнаго чудотворства онъ предлагаетъ извѣстному писателю Скаргѣ: „пойди, Скарго, въ великую Россію“, а потомъ „доступи въ Кіевѣ въ монастырь печерскій... не ленися и выспрашивай о святыхъ оныхъ чюдотворствомъ мало неравно великороссійскимъ отъ Бога почтенныхъ“ [1]). Но дальше сопоставленія Вишенскій не идетъ въ опредѣленіи національныхъ противоположностей. —Унія внесла путаницу въ эти понятія о православномъ и русскомъ. Русскіе принимаютъ унію. Кто же они такіе? Тождество понятій нарушено. Какъ же рѣшаетъ вопросъ объ уніи, какъ религіозномъ признакѣ національности, Іоаннъ Вишенскій? Несмотря на всѣ увѣренія католическаго духовенства и поклонниковъ уніи, что весь смыслъ соединенія православія съ католичествомъ кроется въ одномъ признаніи главенства папы, Вишенскій считаетъ это за выдумку. Ему кажется это неправдой, а унія объединяется въ его понятіи съ католичествомъ. Унитъ, католикъ, врагъ православія, становясь неправославнымъ человѣкомъ, является въ представленіи Іоанна и нерусскимъ человѣкомъ. Но

[1]) Голубевъ П. Могила. Прилож. 93.

Библиотека "Руниверс"

Вишенскому приходилось касаться вопроса объ уніи въ часы самаго сильнаго увлеченія уніатствомъ со стороны южно-русскаго шляхетства и духовенства. Отсюда страстные призывы Іоанна къ своимъ соотечественникамъ оставаться въ родной вѣрѣ, не уходить отъ роднаго племени, оставаться православными и русскими людьми, отсюда — рѣзкія выходки и ругательства на отступниковъ восточной вѣры, русской народности. „Да прокляти будутъ владыки, архимандрити, игумени, восклицаетъ Іоаннъ Вишенскій, которіе монастырѣ позапустѣвали и фолварки собѣ зъ мѣстъ святыхъ починили, и сами толко зъ слугавинами и пріятелми ся въ нихъ тѣлесне и скотски переховываютъ; на мѣстохъ святыхъ лежачи, гроши збираютъ; съ тыхъ доходовъ, на богомолци Христовы наданыхъ, дѣвкамъ своимъ вѣно готуютъ, сыны одѣваютъ, пріятелѣ обогачуютъ, карети зиждутъ, возники сытые и единообразные спрягаютъ, роскошъ свою поганскіи исполняютъ. А въ монастырѣ рѣкъ и потоковъ, въ молитвѣ къ небесному кругу текущихъ, иноческаго чина, по закону церковному видѣти нѣсть, и мѣсто бденія пѣсни и молитвы и торжества духовнаго—пси выютъ, гласятъ и ликуютъ!... Не все ли превратися въ поганское безвѣріе,—и слѣдъ христіанскаго житія исчезе и погибе? Владыки бо безбожные, вмѣсто правила книжнаго чтенія и поученія въ законѣ Господни день и нощъ надъ статутами и лжею увесь вѣкъ свой упражняютъ и погубляютъ, и вмѣсто богословія и вниманія настоящаго житія, прелести, хитрости человѣческія, лжи, щекарства и прокурацій діаволскаго празнословія и угожденія ся учатъ“ [1]). Такими словами характеризуетъ Вишенскій отступниковъ духовнаго сана. Не лучше было и съ панствомъ, которое увлекалось общеніемъ съ католичествомъ и польскимъ шляхетствомъ. И тѣхъ, и другихъ, удалявшихся православія, Іоаннъ клеймитъ озлобленнымъ словомъ, какъ русскихъ людей—измѣнниковъ, переставшихъ быть русскими людьми. Слушателямъ своимъ и „прочитателямъ“ Вишенскій говоритъ: „спасайтеся братія моя возлюбленная, вѣрное стадо Христово, роде избранный, языку святый, царское освященіе,

[1]) Акты Южн. и Зап. Р., т. II, стр. 225, 226.

Библиотека "Руниверс"

людіе обновленія, русскій благочестивый народе, сами [1]). Не попы бо насъ спасутъ или владыки, или митрополиты, но вѣры таинство нашея православныя съ храненіемъ заповѣдей Божіихъ— тое насъ спасти маетъ" [2]). Не находя достаточной поддержки православію въ высшихъ классахъ южно-русскаго общества и южно-русскаго духовенства, Вишенскій долженъ былъ съ тѣмъ большею любовію, съ особеннымъ вниманіемъ обращаться къ непривилегированнымъ классамъ южно-русскаго общества, стать защитникомъ болѣе бѣднаго населенія, низшихъ классовъ бѣдствующей Руси, сиромахъ и хлоповъ. Идеи демократизма, въ своемъ примитивномъ видѣ, обозначившіяся въ южно-русской литературѣ конца XVI вѣка, отправной точкой своей имѣли все тоже православіе, изъ основныхъ положеній формулъ и образовъ котораго выводились литературой XVI — XVII вв., такъ сказать, первоначальные народническіе идеалы для южно-русскаго общества. Іоаннъ въ одномъ изъ своихъ посланій разсказываетъ о томъ, почему Христосъ родился „нищетно": для „того, говоритъ полемистъ, ся тѣлеснымъ сыномъ (Іисусъ) зоветъ, абы тые, которіе суть королевскіе и княжацкіе сынове, надъ кожемячиныхъ сыновъ не возносили и лѣпшими не чинилися; для того на гною, въ вертепѣ, безъ слугъ, въ пелющицахъ ся родитъ, а бы тые, которіе на подушкахъ мягкихъ, въ замкахъ, дворахъ и коштовныхъ гмахахъ при многу слугъ и дворянъ въ тонкихъ китайкахъ и у полотнахъ надъ убогихъ сиротски, голо и безъ достатку всякаго родячихся лѣпшими не чинилися [3]). И авторъ переходитъ дальше къ самымъ страстнымъ нападкамъ на неравенство людей между собою: „якже ся вы духовными а не только духовными, але и вѣрными звати можете, коли брата своего, въ единой купели крещенія вѣрою и отъ единое матере благодати ровно зъ собою породившагося, подлѣйшимъ отъ себѣ чините, уничижаете, и ни за што быти вмѣняете, хлопаете, кожемякаете, шевцами на поруганіе прозываете. Добре, нехай будетъ хлопъ, кожемяка, сѣдельникъ и швець, але въспомяните,

[1]) Акты Ю. и З. Р, т. II, стр. 241
[2]) Ibidem, стр. 210.
[3]) Ibidem, стр. 240.

Библиотека "Руниверс"

якъ братъ вамъ ровный во всемъ есть“ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно доказать, если не „гордой хулой и дменіемъ“ разницу между хлопомъ и паномъ? „Чимъ же ты лѣпшій отъ хлопа, албо ты не хлопъ такій же, скажи ми“ [2])? Вишенскій любитъ сравнивать враговъ православія съ „дѣдичами“, русскихъ съ серомахами, странниками [3]). Ему дороги эти странники, бидолахи, болитъ за нихъ его сердце; „сами изъ гостьми своими пресыщаете, говоритъ Іоаннъ привилегированному классу, а сироты церковные алчутъ и жаждутъ, а подданные бѣдные въ своей неволи рочнего обходу удовлѣти не могутъ, съ дѣтми ся стискаютъ, оброку собѣ уймуютъ, боячися, да ихъ хлѣба до пришлого урожаю дотягнетъ“ [4]). „Не ваши милости ли, продолжаетъ Іоаннъ свою защиту бѣдняковъ, сами обнажаете изъ оборы конѣ, волы, овцы, у бѣдныхъ подданныхъ волочите дани пѣняжные; дани пота и труда отъ нихъ вытягаете, отъ нихъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните; а сами яко идоли на одномъ мѣстцю присѣдите, или если и трафится того труппа оидолотвореннаго на другое мѣстце перенести на колыскахъ, якъ бы и дома сѣдачи, безскорбно преносите; а бѣдные подданные и день, и ночь на васъ трудятъ и мучатъ; которыхъ кровъ, силы и праци и подвига выссавши и нагыхъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утръфинами и каразіями одѣваете, да красноглядствомъ тыхъ слуговинъ око накормите; а тые бѣдници—подданные и простой сермяжки доброй, чимъ бы наготу покрыти могли, не маютъ! Вы ихъ пота мѣшки полны грошми золотыми, талярми, полталярки, орты, четвертаки и потройники напыхаете, суммы докладаете; въ шкатулахъ мѣстца, гдѣ бы которой особѣ съ тыхъ помененныхъ годное было почивати, росправуете; а тые бѣдници шелюга, за што соли купити, не ма-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. II, стр. 239.

[2]) Ibidem.

[3]) Напримѣръ см. у Голубева. П. Могила, прилож. стр. 189 и т. п.

[4]) Акты Ю. и З. Россіи, т. II, стр. 230.

Библиотека "Руниверс"

ютъ“ [1]). Страстную защиту бѣднаго люду Іоаннъ заканчиваетъ словами: „глаголетъ Владыко Господь Савао̀въ, о горе моцнымъ и преложонымъ въ лядской земли!“

Но мы должны ограничить возможность и сознательно разносторонне охваченныхъ демократическихъ убѣжденій у Іоанна Вишенскаго и его современниковъ; пока выступала защита бѣднаго люду, сиромахъ и сиротъ православныхъ, по христіанской любви и благочестію возбуждавшихъ искреннее участіе въ своихъ соотчичахъ. Сословно—демократическія понятія Вишенскаго, какъ признакъ національнаго самосознанія, не отдѣляются отъ православной точки зрѣнія, да и нападки автора въ защиту хлоповъ идутъ главнымъ образомъ не на панство, а на духовенство, возмущавшее автора своей измѣной родной вѣрѣ и „непотребнымъ житіемъ“. Іоаннъ Вишенскій едвали шелъ въ народническихъ представленіяхъ дальше воззрѣній своего современника, автора „Перестроги“, такъ опредѣленно высказавшаго свой взлядъ на взаимныя отношенія пановъ и ихъ слугъ словами: „естли слуга поревнуетъ пану по добродѣтели, почитанъ будетъ и любитъ его панъ; а естли панству, ровнатися похочетъ, изгнанъ будетъ вонъ“ [2]). Только трудно, и было, и есть, и будетъ отыскать слугѣ панскую добродѣтель.....

Мы уже приводили обращеніе Іоанна къ своимъ слушателямъ, выраженное словами — братія моя возлюбленная, роде избранный, языку святый, русскій благочестивый народе [3]). Въ самомъ дѣлѣ, понятія „русскій народъ“ и „православный—благочестивый народъ“ были тождественны въ сознаніи Вишенскаго, какъ идея національной обособленности. Но только какъ идея.... Мы видѣли, что обстановка и историческія условія южно-русской жизни уже нарушили это тождество. Кромѣ тождества вѣры и народности у Вишенскаго было идеальное представленіе о тождествѣ языка съ этою русскою вѣрою и православною народностію. „Мы же есмо сосудъ избранный, языкъ святый“ [4]). Этотъ

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, т. II, стр. 230.

[2]) Акты Зап. Рос., т. IV, стр. 226.

[3]) Акты Южн. и Зап. Р., т. II, стр. 241.

[4]) Архивъ Юго-зап. Р., ч. I, т. VII, стр. 25.

Библиотека "Руниверс"

святой языкъ — языкъ славянскій. Представленіе о славянскомъ языкѣ, какъ тождественномъ православной народности нарушено было изстари. Мы, собственно говоря, не можемъ установить момента, объединяющаго эти два понятія и славянскаго языка, какъ исключительнаго органа южно-русской мысли. Знаемъ только что съ появленія печатнаго дѣла въ южной и западной Руси явилась и „русская мова", русская рѣчь, сознательно отличаемая отъ славянской рѣчи и безсознательно охватывавшая всякаго южанина—грамотѣя, даже желавшаго и стремившагося писать и поучать исключительно на славянскомъ языкѣ. Рядомъ съ этимъ безсознательнымъ вліяніемъ народной русской рѣчи на славянскую съ начала XVI в. шло сознательное стремленіе писать и переводить съ иноземнаго языка не славянскимъ словомъ, а рѣчью русскою, какъ въ Библіи Скорины, евангеліяхъ Пересопницкомъ, Хорошевскомъ и др.[1]). Съ этой поры, съ начала южно-русской письменности XVI вѣка выступаетъ „русская мова" и широко вливается въ славянскій строй рѣчи, уже безъ того принявшій израньше много прежнихъ русскихъ народныхъ элементовъ въ складъ своего языка. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и живѣе проникаетъ потокъ народной рѣчи, русской рѣчи въ славянскую рѣчь. Но идеаломъ языка объединяющаго южно-русскія національныя идеи — православіе и русскую народность оставался славянскій языкъ во всю эпоху XVI и XVII вв. Такъ смотрѣли и враги православія на славянскій языкъ. Скарга въ своей знаменитой книгѣ „O jedności kościelu" [2]), страстно нападаетъ на славянскій языкъ, какъ на представителя православной вѣры и русской народности. „Еще не было, говоритъ онъ, на свѣтѣ академіи, гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, когда теперь никто не понимаетъ и не разумѣетъ писаннаго на немъ? На немъ нѣтъ ни грамматики, ни риторики и быть не можетъ. Попы русскіе на немъ отправляютъ богослуженіе а сами не въ силахъ объ-

[1]) „Кіев. Стар." 1882 г. № 11, стр. 282, 283.

[2]) Изд. 1577 г. Голубевъ, П. Могила. Прилож. стр. 145.

Библиотека "Руниверс"

яснить, что они въ церкви читаютъ, и даже принуждены бываютъ у другихъ спрашивать объясненій по польски. У нихъ съ славянскимъ языкомъ и вся наука въ томъ, что бы выучиться читать кое какъ: въ этомъ ихъ все духовное совершенство. Вотъ откуда и невѣжество, и заблужденія; съ этимъ языкомъ выходитъ, что слѣпой слѣпаго ведетъ“ [1]). Понятно, что такіе отзывы вызвали со стороны Вишенскаго очень горячую защиту роднаго ему славянскаго языка. Онъ умоляетъ своихъ читателей, (среди нихъ были люди, которымъ славянскій языкъ даже „обмерзѣлъ“), уважать и сохранять въ чистотѣ славянскую рѣчь. Мало что Скарга наговорилъ, мало что онъ „въ своихъ аеро—вымыслныхъ книжкахъ укорилъ, ижъ мы Русь словенскаго языка не розумѣемъ“ [2]). Неправда... Вы, моя возлюбленная братія, русскій благочестивый народъ: „евангелія и апостола въ церкви на литургіи не выворочайте... книги церковные всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте, сказую бо вамъ тайну великую, яко діаволъ толикую зависть имаетъ на словенскій языкъ, же ледво живъ отъ гнѣва; радъ бы его до тщеты погубилъ, и всю борбу свою на тое двигнулъ, да его обмерзитъ и въ огиду и ненависть приведетъ; и што нѣкоторіе наши на словенскій языкъ хулять и не любять—да знаешъ запевно, яко того майстра дѣйствомъ и рычаніемъ, духа его поднявши творять. А то для того діаволъ на словенскій языкъ борбу тую маетъ, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любиміймій; понеже безъ поганскихъ хитростей и руководство, се же есть — кграматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, дьявола въ мѣстныхъ простымъ, прилѣжнымъ читаніемъ безъ всякаго ухищренія къ Богу приводитъ, простоту и смиреніе будетъ и духа святаго подъемлетъ“ [3]). Да.... діаволъ руками враговъ православія и русской народности воздвигалъ гоненіе на славянскую рѣчь, святой языкъ. Языкъ этотъ нужно защищать съ тою же силою и энергіею, какъ и неразрывно связанныя съ ними понятія пра-

---

[1]) Костомаровъ, Моногр. т. III, стр. 214—215.

[2]) Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 71.

[3]) Акты Южн. и Зап. Р., т. II. стр. 210.

Библиотека "Руниверс"

вославія и русской народности. Мы видѣли уже, что формула перваго тождества была нарушена въ дѣйствительной жизни южно-русскаго общества XVI—XVII вв. Также нарушено было идеальное тождество понятій: православная вѣра, русская народность, славянскій языкъ. Южно-русская народная рѣчь, мы говорили, широко проникала въ южно-русскіе памятники XVI—XVII вв.; да и самъ защитникъ чистоты славянскаго языка пишетъ рѣчью, обильно воспринявшею народные обороты, самую фразелогію южно-русской рѣчи. Вишенскому приходится въ силу обстоятельствъ и складывавшейся жизни указать, что если нельзя евангелія и апостола выворачивать простымъ языкомъ въ церкви на литургіи, то можно толковать и „выкладать попросту“ эти же Евангелія и Апостолъ „по литургіи для вырозумѣнья людского“ [1]). Славянская благочестивая рѣчь въ началѣ XVII в. была уже полна свѣтскими, народными и иноземными вліяніями: „якъ поляцы у свой языкъ намѣшали словъ латинскихъ, которые южъ и простые люди зъ налогу уживаютъ, такъ же и Русь у свой языкъ намѣшали словъ польскихъ и оныхъ уживаютъ“ [2]).

Первый моментъ національнаго южно-русскаго самосознанія застаетъ въ вопросахъ языка отрѣшеніе отъ чистаго славянскаго языка, въ смыслѣ того времени, и широкое привнесеніе элементовъ народной южно-русской и чужеземной рѣчи. Такимъ образомъ второй членъ идеальнаго тождества—славянскій языкъ нарушенъ былъ въ своей идеальной неприкосновенности.

Основное понятіе южно-русскаго націонализма—православіе въ разсматриваемую нами эпоху нельзя сказать, чтобы охватывало всѣ элементы южнорусскаго общества. Протестантизмъ, позже социніанство и кальвинизмъ, даже раціональныя ученія разныхъ западныхъ сектъ имѣли широкій доступъ въ среду южнорусской интеллигенціи и городскихъ жителей, подрывая не только основы православной вѣры, но и христіанской религіи. Низшіе слои населенія удерживали остатки язычества подъ

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. II, стр. 210.

[2]) Акты Зап. Р., т. IV, стр. 229.

Библиотека "Руниверс"

тѣми или иными новыми формами христіанскаго обряда и привычекъ общежитія: самъ Вишенскій указываетъ на обычаи коляды, волочельнаго, щедрого вечера, купальнаго дня, на нѣкоторыя погребальныя торжества и народныя увеселенія языческаго характера [1]), обычаи, не утратившіе своего значенія до нашихъ дней. Истинное православіе en tout было въ идеалѣ религіозно-общественныхъ мыслителей того времени. Особливо нужно признать это положеніе для среды южнорусскаго панства: извѣстный ревнитель православія Константинъ Острожскій можетъ служить характернымъ примѣромъ отсутствія цѣльности воззрѣній въ дѣлахъ православной вѣры. Для насъ интересны, впрочемъ, не столько вопросы исключительно религіознаго характера, сколько вопросы православія въ связи съ вопросами науки, школы и образованности времени Іоанна Вишенскаго. Въ самомъ дѣлѣ, наука и православная вѣра въ представленіи православныхъ южнорусскихъ мыслителей объединялись. Идея эта шла изстари, тянулась черезъ весь періодъ южнорусской письменности предъидущаго времени съ самаго принятія христіанства, какъ наслѣдіе византійски-православныхъ воззрѣній на науку и религію. Учиться нужно только тому, о чемъ говоритъ православіе, въ объемѣ его религіозныхъ воззрѣній и богослужебныхъ обрядовъ. Внѣ этого—наука „премудрость міра сего“ есть „буйство у Бога“ [2]), „глупство передъ Богомъ“ [3]), поэтому „если ся кто мнимаетъ быти мудръ въ вѣцѣ семъ, говоритъ Вишенскій, нехай ся учинить вглупымъ, яко ничого не знаючимъ,—тогда будетъ мудръ“ [4]). Таковы были идеалы византійско-православнаго характера, къ счастью для южной Руси оставшимися почти всегда не осуществимыми идеалами религіозныхъ мыслителей. А эти мыслители, особенно въ трудныя эпохи борьбы съ иновѣріемъ, какъ и Іоаннъ Вишенскій, доходили еще до болѣе аскетическихъ воззрѣній на науку и просвѣщеніе: Вишенскій въ „Позорищѣ мысленномъ“ разсуждаетъ,

[1]) Акты Юж. и Зап. Россіи, стр. 223—224.
[2]) Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 127.
[3]) Акты Юж. и Зап. Россіи, т. II, стр. 207.
[4]) Ibidem.

Библиотека "Руниверс"

что къ просвѣщенію, а затѣмъ къ крайнему верховнѣйшему благословію одинъ путь—очищеніе, которое достигается иночествомъ и пещерножитіемъ [1]). „Блазняйся да блазнится, говоритъ одинъ писатель начала XVII в., но горе глаголющимъ свѣтъ тьму". Идеалы православной науки Вишенскаго и современныхъ подобныхъ ему мыслителей нельзя признать идеалами свѣта и для того немного ученаго времени, хотя бы даже такіе идеалы Вишенскимъ и его современниками подновлялись и поддерживались въ угоду національной самозащиты... Такъ „глаголали", но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Наука, просвѣщеніе, школа проникали изъ западной Европы въ южную Русь черезъ Польшу. Они широкою волною входили на Русь вмѣстѣ съ религіозными и культурными вліяніями запада, подымали вопросы вѣры, человѣческой пытливости, будили новыя настроенія, вносили новое знаніе, побуждали раздвигать рамки школьнаго дѣла на нашей родинѣ. Наука того времени, особенно наука, прошедшая предѣлы Польши, гдѣ съ конца XVI в. она сосредоточилась главнымъ образомъ въ рукахъ іезуитовъ, была наукой схоластической. Въ такомъ видѣ, какъ союзницу богословія и богословскихъ, католическихъ хитросплетеній, получала ее южная Русь. Но какъ бы то ни было, эта формальная наука имѣла свою хорошую сторону,—въ ней была широко развита научная методологія, она упорядочивала матеріалъ богословскаго знанія; для самой борьбы съ искусившимися въ своей наукѣ іезуитами и католическимъ духовенствомъ нужно было принять эту науку, чтобы православію выступить равнымъ оружіемъ съ врагами родной вѣры. Это поняли южно-русскіе мыслители могилянскаго періода и взяли въ свои руки то, что до той поры принадлежало только ихъ счастливымъ соперникамъ. Религіозные полемисты предъидущаго времени, отъ нихъ же первый Іоаннъ Вишенскій, рѣшительно отвергли всякое общеніе съ наукой своихъ болѣе просвѣщенныхъ враговъ. Замѣтимъ при томъ, что они отвергали не только, такъ сказать, католическую науку, они отвергали и то западное просвѣщеніе, которое коренилось на протестантствѣ, просвѣщеніе, давшее самой Польшѣ сильный

[1]) Архивъ Юго-зап. Рос., ч. I, т. VII, стр. 39.

Библиотека "Руниверс"

толчекъ къ подъему литературнаго развитія и культуры въ XVI вѣкѣ, золотомъ періодѣ польской литературы и жизни. А протестантское просвѣщеніе проникало въ то время на южную Русь вмѣстѣ съ западными религіозными и раціоналистическими вліяніями. И этотъ умственный запасъ западныхъ идей и знанія отвергался въ началѣ XVII в. мыслителями типа Іоанна Вишенскаго, какъ и самимъ Вишенскимъ. „Чи не лѣпше тобѣ, говоритъ Іоаннъ, изучити часословецъ, псалтыръ, октоихъ, апостолъ и евангелие, съ иншими церкви свойственными, и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона, и философомъ мудрымъ ся въ жизни сей звати и въ геенну отъити? Разсуди! милъ ся видитъ—лѣпше есть ани аза знати, только бы до Христа дотиснути“....[1]). У католиковъ и ихъ послѣдователей „въ мѣсто зась евангелской проповѣди, апостолской науки и святыхъ закона и ограниченья цноты и учтивости сумненія христіанского, нинѣ поганскіе учители Аристотели, Платоны и другіе тымъ подобные машкарники и комидійники въ дворехъ Христа Бога владѣютъ“[2]). Латынникъ „убо многими языки и поганскими даскалы, Платономъ, Аристотелемъ и прочіими прелести ихъ послѣдующими да ся хвалитъ и возноситъ; ты же, совѣтуетъ Вишенскій, простый, неученный и смиренный русине, простого и нехитрого евангелія ся крѣпко держи, въ немъ же животъ вѣчный тебѣ сокровенно есть“[3]). Молю и напоминаю любовь вашу, увѣщеваетъ Вишенскій, дайте место и фундаментъ въ разумѣ вашемъ православной вѣрѣ, и никакоже не единымъ кознѣмъ и хитростѣмъ словеснаго баснословія, отъ духопрелѣстного источника отрицающимъ, самомнимаго разума вѣруйте“[4]). Всѣ рѣчи сводились къ тому, что „философія поганская, Аристотелева наука, слово Божіе выворочаетъ и инако вѣрити кажетъ“[5]). Мы „глупая Русь вашего костела, разума и хитрости не хочемъ, и на ваше жродло поганскихъ наукъ, которое славу

[1]) Акты Южн. и Зап. Р. т. II стр. 210.

[2]) Ibidem, стр. 224, 225.

[3]) Ibidem, стр. 257.

[4]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I т. VII стр. 25.

[5]) Акты Запад. Р., т. IV стр. 235.

Библиотека "Руниверс"

свѣта сего гонитъ, не лакомимося и единитися отъ благочестивые вѣры (въ прелестную) хотя бы по своей воли и хотѣли, але отъ зазренія совѣсти и отъ возбраненія святого апостола Павла, учителя нашего, не можемъ, лѣпше во очію вашу за глупыхъ, нерозумныхъ, простыхъ, и ничтоже хитровати въ вѣце семъ не разумѣючихъ, укореныхъ, неразумныхъ и безчещеныхъ отъ васъ быти изволяемо, только спасенія живота вѣчнаго да наслѣдуемъ, и и правду евангелскую, и науку апостольскую съ вѣрою прародителей нашихъ до исхода смертного цѣло заховати и съдержати (мы сами и потомки наши) вѣдуйте обѣцуемъ“ [1]). Что же такое, если костелъ латинскій пользуется благополучіемъ? И тутъ виновата дьявольская наука.... „Для того косцелъ латинскій щасливъ, ижъ смиренную науку Христову разорилъ, а поганскую ухватилъ“ [2]). Пусть же мы, Русь, лучше останемся глупыми... „Не соромѣйтеся отъ міродержца умудреннымъ, совѣтуетъ Вишенскій, сія досады терпѣти, молю васъ, то есть, яко Русь проста, глупа и ненаказанна,—только въ вѣрѣ православной да ся знаходите. Не скорбите о сей досадѣ и укоризнѣ не мало“ [3]).

Объяснять причину такой горячей защиты простоты и глупости не зачѣмъ. Нужно было спасти свое національное *я* и на первыхъ ступеняхъ борьбы за него приходилось прибѣгать къ самимъ рѣшительнымъ средствамъ вражды противъ научнаго западнаго знанія; эти средства, какъ мы увидимъ, уже и во время Вишенскаго казались недостаточными. Но имъ находили поддержку и въ священныхъ писаніяхъ ап. Павла [4]), и въ священномъ примѣрѣ..... „Христосъ збавитель нашъ, говоритъ авторъ Переѣстроги, не объявился мудрымъ фарисеемъ и книжникомъ, але убогимъ и неученымъ, абы не мудростью Аристотелевою поганскою, але смиренномудростію Духа Святого божество свое показалъ“ [5]). Такимъ образомъ, въ вопросахъ науки и просвѣщенія, по мнѣнію Вишенскаго, оставался одинъ выходъ: „будьте себѣ мудрыи ла-

---

[1]) Голубевъ. П. Могила. Прилож. стр. 79.

[2]) Ibidem стр. 104.

[3]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I, т. VII, стр. 25.

[4]) Голубевъ, П. Могила. Прилож. 101 и т. п.

[5]) Ак. Зап. Р., т. IV, стр. 230.

Библиотека "Руниверс"

тинниче, за своею вѣрою и мудростію, кромѣ насъ, мы жь съ своею вѣрою и апостольскимъ глупствомъ, кромѣ васъ [1])....

Южно-русская жизнь, между тѣмъ, уже признала необходимость просвѣщенія и южно-русской школы. Новое просвѣщеніе и новая школа ютились въ XVI в., или при братствахъ, или въ маетностяхъ самыхъ выдающихся ревнителей православно-русскаго дѣла при заводимыхъ всюду на югѣ и западѣ типографіяхъ. Опредѣленной программы школьнаго дѣла не было, тѣмъ менѣе можно было уложить въ рамки общее просвѣтительное вліяніе запада на южную Русь. Распространеніе знанія, школьнаго и типографскаго дѣла на родинѣ Іоанна не могло не отразиться на самыхъ отношеніяхъ Вишенскаго къ просвѣтительному дѣлу родины. Для защиты православія онъ, самъ литераторъ, предлагаетъ печатать книги, особенно сборникъ, „то есть зобраные всѣ таемницѣ невѣдомые разныхъ часовъ, албо справованье, реченье отъ Христа Спасителя или ученикъ его, святыхъ апостолъ или святыхъ богоносныхъ отецъ; толкъ и разумъ о всемъ порядку церкве православное, до всего цѣлаго року въ словахъ раздѣленыхъ обходячи кругъ годищный на едно смутити надлежитъ, и будетъ книга соборникъ, надъ которую нѣсть потребнѣйшее въ нашей церкви, и безъ нѣе, яже глава безъ очей, ничтоже видѣти, или вѣдати не можемъ“.... [2]).

Высказываетъ Вишенскій мнѣніе и болѣе рѣшительное, что нужно своихъ единомышленниковъ православной вѣры поддерживать въ началахъ истины и правовѣрія: „вѣдомостью нашего православія, писаніемъ, наукою, друкованіемъ книгъ, училищи и довольствъ отъ избытковъ нашихъ“ [3]). По вопросу объ училищахъ Вишенскій, конечно, относится отрицательно къ латинскимъ школамъ [4]). Указываетъ онъ и недостатки современныхъ южно-русскихъ школъ, что тамъ учениковъ „пользуютъ черниломъ хитрости, (а не Духа Святого словесы) вспитанные школые казнодѣи, которые зъ латинской ереси себѣ способъ ухвативши, заразъ

[1]) Голубевъ П. Могила. Прилож., стр. 79.

[2]) Ibidem. стр. 75.

[3]) Ibidem стр. 113.

[4]) Ibidem., стр. 102, 103 и др.

Библиотека "Руниверс"

школы баютъ, проповѣдуютъ и учатъ, а полѣ ровнаго и безстрастнаго житія не хочютъ, и тотъ слѣдъ, изображенный святыми (по отправѣ школное науки) отвергли. Первое, церковному послѣдованію, въ славословію, благодареніе и молитвѣ не потребны суть, ни бо умѣютъ у церкви не читаты, а ни пѣти".... [1]). Вишенскій отъ этихъ наукъ не видитъ толку и печалуется, что не даютъ онѣ церковно-служителей, а людей, которые только „литорскіе байки знаютъ", Львовскимъ фундаторамъ благочестія Вишенскій совѣтуетъ такъ: „въ первыхъ, церковного послѣдованія, славословія и благочестія узаконити дѣтемъ научити; таже утвердивши сумненія вѣры благочестивыми догматы, тогда внѣшнихъ хитростей для вѣдомости касатися не возбранять. Не бо азъ хулю грамотичное ученіе и ключь къ познанію складовъ и речей, якоже нѣцыи мнятъ и подобно глаголютъ: занеже самъ не учился, того ради и намъ завидитъ и возбраняетъ. Сей же гласъ, мню, въ первыхъ панъ Виталій, казнодѣя Волынскій, отрыгалъ. Но азъ о семъ ничтоже печалую, ниже о поносѣ и униженіи брегу, ниже о ложи, завистнымъ именемъ налагаемой, смущаюся; само бо существо тѣсного пути слѣда, ведущаго въ животъ вѣчный, да извѣстить когождо. Не бо о сромотѣ учащихъся азъ глаголю: да не отпадутъ благочестія утверждаю; еже пострадаша мнози, извѣстно вѣстѣ. Что бо быхъ завидѣти мѣлъ духовъ злобныхъ поднебесныхъ, аеровъ воздушныхъ ученію, въ погибель влекущихъ,—евангельскій разумъ Христовъ въ помыслѣ вѣры вдрузивши и тѣснымъ путемъ, вѣдущимъ въ животъ вѣчный пошедши: сіе знаменіе, яко лгутъ отъ зависти. Мнѣ бо довляетъ простый и нехитрый Христосъ, въ немъ же вся сокровища премудрости и разума..... Тако подобно да мниши и о мнѣ, — о пристрозѣ яже глаголалъ; и не вѣдомость хулю художества, але хулю, што теперешніе наши новые русскіе философы не знаютъ въ церкви ничтоже читати, ни тое самое псалтыри, ни числослова. А знать, если-бы хто што строхи и зналъ, якъ ножъ досягнетъ стиха якого басней аристотельскихъ, тогды южъ псалтыри читати ся соромѣетъ, и прочее правило церковное ни за что вмѣняетъ, а

[1]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I., т. VII стр. 28.

Библиотека "Руниверс"

яко простое и дурное разумѣетъ. А тежъ не вижу иншихъ, толко простою наукою нашего благочестія воспитавшіеся, тые и подвигъ церковный носятъ и отправуютъ; а латинскихъ басней ученицы, зовемыи казнодѣи, трудитися въ церкви не хочютъ, толко комедіи строютъ и играютъ. И не дивно, приведу притчю: коли южъ хто наказанія внѣшняго страха досяглъ, подобенъ коневи, въ стайни хованному и на узахъ держанному, который, часу пролетного дождавши, коли траву ощутитъ и выпущенъ будетъ, не вѣда якъ ся поймати дастъ отъ игранья, скаканья и шаленья, ради своевольное владности“ [1]). Съ такими оговорками соглашается Вишенскій, что школьное дѣло, пожалуй, важно и нужно. Характерно его оправданіе, будто вѣдомости то худодожества онъ не хулитъ.... Если и признать его оправданіе, что посуществу онъ науки не отрицаетъ, то однако желаніе Вишенскаго насадить еллинскую мудрость среди своихъ соотечественниковъ можно видѣть только съ нѣкоторою натяжкою изъ слѣдующихъ словъ самого полемиста: „по простотѣ нашего благочестія вѣры, бойчися, жебы есте дѣти свои хитростію и ересію латинскою не отравили и не поморили, залецаю вамъ православнымъ правовѣрную школу, и пораду даю, чого ся учити имѣютъ, чтобы дѣти ваши спасли, и по васъ благочестіе задержали, и христіянство своей вѣры не стратили. Въ первыхъ ключь, или грецую, или словенскую грамматику да учатъ. По грамматицѣ же, во мѣсто лживое діалектики (зъ бѣлого чорное, а зъ чорного бѣлое претворяти учащее) тогда бо учатъ богомолебного и празднословного часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силогизмъ и велерѣчивое риторики, тогда учатъ богоугодно молебный псалтырь; во мѣсто философіи, надворные и по воздуху мысль разумную скитатися зиждущее, тогда учатъ плачивый и смиреномудривый охтаикъ, а по нашему церковнаго благочестія догматы, осмогласникъ: таже конечное и богоугодное предспѣяніе въ разумѣ, дѣлное богословіе; тогда учатъ святую евангельскую и апостольскую проповѣдь, съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, не

[1]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I т. VII, стр. 28—30.

Библиотека "Руниверс"

слухи (рѣчь упремудривши токмо) чесати словомъ проповѣднымъ, але силу Духа святаго влагати въ слышащихъ сердца“ [1]).

Между тѣмъ, нападки Вишенскаго на западное знаніе, какъ на одну только мерзость бѣсовскую, въ большинствѣ случаевъ не раздѣлялось его современниками, что и самого Вишенскаго заставило сдѣлать указанія на значеніе для борьбы съ иновѣріемъ печатанія книгъ и нѣкоторыя уступки въ пользу школьнаго дѣла. Да и правда..... времена были уже не тѣ, чтобы можно было удовлетворяться исключительно одною духовною наукою въ формѣ православнаго, апостольскаго вѣроученія. Сознавалось, что „велми много зашкодило панству русскому (въ борьбѣ за свою вѣру) же не могли школъ и наукъ посполитыхъ розширяти, и оныхъ не фундовано: бо коли бы были науку мѣли, тогды бы за невѣдомостію своею не пришли до таковые погибели“ [2]). А еще раньше такъ ясно выраженнаго сознанія въ полезности и необходимости науки въ національной южно-русской борьбѣ одинъ львовскій братчикъ на брестскомъ соборѣ громогласно заявлялъ, что „теперь школы на всихъ мистахъ закладаються, и шпители будуються, и церкви муруються“ [3]).

Вопросы науки, просвѣщенія, школьнаго обученія становятся съ того времени признакомъ національнаго дѣла—борьбы за южно-русскую самостоятельность. Идеалъ Вишенскаго и въ данномъ случаѣ предположилъ идентичность понятій—православіе, наука, но процессъ разединенія этихъ понятій уже начался въ его періодъ, и самому Вишенскому пришлось идти на уступки, вызываемыя самимъ настроеніемъ южно-русскаго общества.

Отмѣченныя нами проявленія общественныхъ воззрѣній Вишенскаго сводятся къ такимъ основнымъ положеніямъ.

Въ южно-русской общественной жизни былъ когда то, до времени Вишенскаго и другихъ литературныхъ дѣятелей его эпохи, моментъ, признаемъ его идеальнымъ моментомъ, когда понятія православія, русской народности и славянскаго языка были синонимичны и объединялись, какъ объемъ національнаго самосоз-

[1]) Голубевъ. П. Могила. Прилож. стр. 72—73.

[2]) Акты Зап. Р. т. IV, стр. 204.

[3]) Ibidem стр. 223.

Библиотека "Руниверс"

нанія южно-русскаго общества. XVI вѣкъ создаетъ историческія условія бурной и многознаменательной эпохи, отразившіяся прежде всего на объемѣ и содержаніи національнаго самосознанія южноруссовъ; начинается процессъ разложенія синонимичности этихъ понятій и раскрытіе содержанія самихъ понятій, вливаются въ сознаніе южно-русскаго общества новыя понятія, осложняется процессъ жизни новыми условіями и борьбой съ внѣшними врагами этого общества. Съ момента, когда этотъ процессъ начался, начинаетъ опредѣляться южно-русское національное самосознаніе, уже не какъ пассивное *я*, а какъ активная сознательная единица племенная и самостоятельная. Это разложеніе цѣльности южно-русскаго національнаго самосознанія сослужило свою службу: на протяженіи всей послѣдующей жизни украинской земли идетъ въ національномъ смыслѣ процессъ постепеннаго разобщенія старой синонимичности понятій націонализма и детальнаго опредѣленія содержанія понятій — православная вѣра, русскій народъ, славянскій языкъ. Этотъ процессъ позже осложнился, когда пришлось опредѣлять уже не „родовыя особенности русской жизни", а „видовыя черты мѣстной малорусской жизни" [1]). Процессъ этотъ не закончился до сихъ поръ, но съ того времени каждый новый періодъ южно-русской борьбы обозначался сознательнѣе, идея національности все больше и больше становилась широкою и крѣпла въ сознаніи современниковъ. Начало указаннаго періода было именно въ эпоху уніи и перваго времени многолѣтней, многотрудной борьбы южно-русса за счастье своей родной земли.

Къ первымъ литературнымъ и наиболѣе характернымъ памятникамъ этого начальнаго момента въ развитіи южно-русскаго національнаго самосознанія относятся сочиненія Іоанна Вишенскаго. Вишенскій зналъ южно-русское общество, когда въ немъ были уже русскіе — неправославные, славянскій языкъ уступалъ все болѣе и болѣе широкому вліянію южно-русскаго языка, одна наука православной апостольской вѣры не удовлетворяла уже пытливости современниковъ и требованіямъ эпохи, а основа

[1]) „Кіев. Стар." 1888 г. № 12 стр. 405.

Библиотека "Руниверс"

всего міровоззрѣнія южно-русскаго общества — православіе — подвергалось сильному и рѣшительному натиску со стороны католической Польши и иновѣрческихъ ученій. Мы говорили, какъ Вишенскій искалъ идеала въ прошломъ, которое казалось ему совершеннымъ выполненіемъ правовѣрія въ византійски—православномъ смыслѣ, какъ современныя мысли и условія жизни поставили Іоанна въ необходимость коснуться въ иномъ смыслѣ общественныхъ, волновавшихъ южную Русь, вопросовъ. И Вишенскій, и его современники, первые начинатели національнаго южно-русскаго дѣла, оставили своимъ наслѣдникамъ завѣтомъ вопросы о народности, вопросы о родномъ языкѣ, о школѣ и о „посполитомъ“ просвѣщеніи, какъ первые признаки національнаго южно-русскаго дѣла; и эти же начинатели напоминаютъ своимъ наслѣдникамъ, что прошло съ того времени три вѣка, и одними этими вопросами ограничиваться теперь нѣтъ у нихъ никакого нравственнаго права.

И. П. Житецкій.

С.-Петербургъ
8-е апрѣля 1890 г.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи польскаго театра въ Кіевѣ. Какъ извѣстно, въ Кіевѣ съ начала нынѣшняго столѣтія до шестидесятыхъ годовъ существовалъ постоянный польскій театръ. Представленія давались въ особоприспособленномъ для этой цѣли домѣ Гудимъ-Левковича, стоявшемъ на мѣстѣ нынѣшней Европейской гостинницы. Описаніе этого зданія находится въ «Описаніи Кіева» Закревскаго.

Въ двадцатыхъ годахъ антрепренеромъ польской труппы, игравшей въ Кіевѣ, былъ нѣкто Александръ Ленкавскій. Среди бумагъ центральнаго архива университета св. Владиміра сохранились театральныя афиши за два года его антрепренерства—1823 и 1827 г. и часть афишъ за 1816-й годъ, всего въ количествѣ 163 нумеровъ [1]). По этимъ афишамъ можно составить нѣкоторое представленіе о ходѣ театральнаго дѣла въ Кіевѣ въ началѣ настоящаго столѣтія.

Особенность репертуара кіевской польской труппы состоитъ въ необыкновенномъ его разнообразіи. Кромѣ драмъ, мелодрамъ, трагедій, трагикомедій, комедій и водевилей, на афишахъ мы встрѣчаемъ довольно часто оперы, комическія оперы, и, изрѣдка, пантомимы, интермедіи и балетъ. Такимъ образомъ польскій театръ замѣнялъ собой нынѣшнія кіевскія оперу, оперетку и драматическое общество, при чемъ одни и тѣ же исполнители выступали на сценѣ то какъ пѣвцы, то какъ драматическіе актеры. Такая всесторонность, свойственная и въ настоящее время нашимъ захолустнымъ театральнымъ труппамъ, гово-

---

[1]) Афиши иныя написаны, иныя напечатаны каждая на двухъ языкахъ—русскомъ и польскомъ. Вверху помѣщается русская часть объявленія, внизу польская, болѣе подробная. Заглавія пьесъ переведены на русскій языкъ иногда очень неправильно, напр.—Теорикъ безъ практики, Мужъ пустынникомъ и т. п. Указаніемъ на нихъ мы обязаны И. М. Каманину.

Библиотека "Руниверс"

ритъ противъ особенно художественнаго исполненія польскими актерами своихъ ролей. На послѣднее качество труппы, повидимому, вовсе не разсчитывалъ самъ антрепренеръ Ленкавскій: въ своихъ объявленіяхъ онъ старается заинтересовать и привлечь въ театръ публику громкимъ именемъ автора пьесы, занимательностью ея дѣйствія, ея сценичностью и, особенно, ея новизною. За исключеніемъ немногихъ, пьесы ставились вторично рѣдко, и почти на каждой афишѣ красуется, что такого то числа актеры польскіе подъ дирекціей г-на Ленкавскаго будутъ имѣть честь представить «въ первый разъ новую еще неигранную на здѣшнемъ театрѣ»... драму, оперу или оперетку. Само собой разумѣется, что для того, чтобы постоянно занимать публику театральными новинками, труппа должна была имѣть значительный запасъ пьесъ и пополнять послѣдній непрерывно [1]).

Большинство драмъ, мелодрамъ и трагедій, разыгранныхъ на кіевской сценѣ въ 1823 и 1827 гг., принадлежитъ къ произведеніямъ романтической школы. Драматическое дѣйствіе ихъ отличается таинственностью, загадочностью и сверхъестественностью, и совершается въ наводящей ужасъ обстановкѣ — ночью, въ горахъ или лѣсу; рѣдкая изъ нихъ обходится безъ таинственныхъ незнакомцевъ, тѣни предковъ, разбойниковъ... Характеръ пьесъ виденъ по самымъ заглавіямъ въ родѣ: «Аббелино или ужасной бандитъ венеціанской», «Заговоръ темпляровъ или ужасной незнакомецъ», «Ужасная тѣнь Кляры», «Ужасная тѣнь Ринальда или фантомъ» и т. под. Большое значеніе антрепренеръ придавалъ сценичности пьесы: на афишѣ заблаговременно отмѣчалось для публики, что въ такой то драмѣ будетъ много живописныхъ картинъ и смѣнъ дѣйствія, будутъ массовыя движенія на сценѣ: марши, танцы, хоры, а иногда и баталіи [2]).

---

[1]) Изъ сохранившагося прошенія антрепренера Ленкавскаго къ кіевскому губернатору видно, что Ленкавскій подалъ въ 1823 году въ цензуру министерства внутреннихъ дѣлъ разомъ 172 новыхъ, еще неигранныхъ въ Кіевѣ, театральныхъ пьесы. Въ скоромъ времени губернаторъ возвратилъ Ленкавскому чрезъ полицію 70 изъ упоминаемыхъ здѣсь пьесъ. Остальныя 102, повидимому, не пропущены цензурой, такъ какъ, передавая черезъ полицію разрѣшенныхъ 70 пьесъ, губернаторъ приказываетъ послѣдней смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ кіевскомъ театрѣ не давалось недозволенныхъ представленій.

[2]) Такъ напримѣръ: „Матильда де-Гизбахъ, героич. драма въ V д. Со сраженіемъ“; въ другой афишѣ объявляется, что въ истор. драмѣ „Блокада Смоленска“ (Вейсентурма) на сценѣ произойдетъ подъ музыку сраженіе, будутъ пѣть козаки и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Гораздо чаще, чѣмъ драмы, мелодрамы и трагедіи, кіевская труппа ставила комедіи, водевили, оперетки и оперы. Большинство оперъ принадлежитъ къ числу „волшебныхъ“ т. е. полны духовъ, нимфъ, музъ, русалокъ, тѣней предковъ, всевозможныхъ превращеній и другихъ чудесъ. Особенно часто повторялась передѣлка длиннѣйшей нѣмецкой оперы: „Donauweibchen“ подъ заглавіемъ „Днѣстровая русалка (Syrena Dniestru)“. Въ оперѣ этой Краснодива, королева Днѣстра, появляется въ восемнадцати перемѣнахъ: въ видѣ русалки днѣстровой, старой гадальщицы, царицы русалокъ, богини рѣки, прабабки семейства Одровонжъ, молодой садовницы, королевы звѣздъ, молодой мазурки и т. д. Почти въ столькихъ же видахъ является на сценѣ дочь Краснодивы Любухна. При всей своей нелѣпости «Русалка Днѣстровая» имѣла подражаніе въ видѣ тоже очень часто ставившейся оперы: «Украинка или волшебной замокъ». Повидимому, публикѣ нравились фантастичность и декоративность дѣйствія, почему актеры не упускали случая вставить отъ себя въ пьесу побольше красивыхъ картинъ и превращеній, какъ это было, напримѣръ, съ оперой Дмушевскаго: «Король Локетекъ или Висличанка» [1]).

Среди обширнаго репертуара труппы Ленкавскаго пьесъ, принадлежащихъ польскимъ авторамъ, очень мало. За указанные два года мы не встрѣчаемъ на афишахъ названія ни одной польской драмы, мелодрамы или трагедіи. Изъ польскихъ оперъ и оперетокъ пользова-

---

[1]) Въ 1823-мъ году опера эта ставилась въ день коронаціи имп. Александра I. Примѣнительно къ высокоторжественности дня въ оперу къ прежнимъ картинамъ прибавлено нѣсколько новыхъ. Всѣхъ ихъ девять. Озаглавлены картины: Cienie czyli sen Hinkona“, и смѣняются во время сна Гинкона Барки, полководца польскаго короля Владислава Локетка (въ 1305 г.). Интересны эти картины. Вотъ какъ онѣ описаны на афишѣ: 1 картина. Во время сна Гинкона привидѣніе прикладываетъ стилетъ къ его груди; видѣнія его окружаютъ; фуріи хотятъ его разорвать, но при пѣніи пѣтуха все исчезаетъ. 2 карт. Являются Нимфы, которыя вѣнчаютъ гирляндами Владислава. 3 карт. Является Казиміръ Великій. 4 карт. Богатырь русскій подаетъ руку польскому. Шведъ на нихъ смотритъ со страхомъ. Нимфы ихъ окружаютъ и строятъ алтарь миру, на которомъ геній приноситъ жертву. 5 картина. Двѣнадцать геніевъ съ флагами съ именами двѣнадцати польскихъ богатырей. 6 карт. Бѣгство турокъ изъ подъ Вѣны. 7 карт. Сатурнъ и Минерва изображаютъ 18-й вѣкъ. 9 карт. Императорскій гербъ Александра I.

Висличане (жители г. Висличы, около котораго происходитъ дѣйствіе) преклоняютъ предъ нимъ колѣна. Гинконъ пробуждается, и опера идетъ далѣе своимъ порядкомъ.

Библиотека "Руниверс"

лись успѣхомъ и чаще другихъ появлялись на сценѣ: опера Дмушевскаго: «Король Локетекъ или Висличанка», опереткя Богуславскаго, музыка Эльснеръ: «Мнимое чудо или краковяки и горали» (Cud mniemany czyli Kracowiacy i Gorale) [1]). Изъ комедій польскихъ авторовъ мы находимъ только три комедіи Дмушевскаго: «Жаль усовъ» (Szkoda wonsów), «Плакса и Веселовскій» (Płaksa i Wiesołowski) и «Уланъ». Комедіи эти часто ставились «по желанію публики» вмѣстѣ съ двумя передѣлками Жолковского: комедіей водевилемъ въ 1 д. съ франц. Левріеръ Шамріона—«Асмодейчикъ или чертенокъ розоваго цвѣта» и «Знатокъ всего безъ пользы или теоркъ(!) безъ практики», съ нѣмецкой комедіи Коцебу. Въ репертуарѣ комедій есть еще десятка два передѣлокъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ и не мало переводовъ. Между тѣмъ, здѣсь, по неизвѣстной причинѣ, отсутствуютъ произведенія оригинальныхъ польскихъ театральныхъ писателей Заблоцкаго, Богуславскаго, Фредра.

Среди переводныхъ и передѣланныхъ пьесъ встрѣчаются, хотя рѣдка, произведенія знаменитыхъ европейскихъ писателей. Такимъ образомъ, мы находимъ драмы Шекспира: «Гамлетъ» и «Графъ Эссексъ», Шиллера: «Карлъ Мооръ или разбойники въ лѣсахъ богемскихъ» («великая историческая, написанная съ дѣйствительнаго приключенія—трагедія»), траг. «Желѣзная Маска или тайна Бастиліи» и буффоморальную комедію «Рѣдкіе невольники или чудное происшествіе днемъ передъ сраженіемъ»; Скриба—ком. «Секретарь и поваръ»; переводы двухъ комедій Мольера: «Скупой», «Два философа» и четыре передѣлки комедій этого писателя: «Лѣкарь въ любви, или слуга въ тревогѣ», «Обманутый опекунъ или школа женщинъ», «Барышни щеголихи», «Судъ войта или оборотный адвокатъ», и драму Расина «Титово милосердіе». Особенно же посчастливилось на кіевскомъ театрѣ изъ иностранныхъ драматурговъ нѣмецкому писателю Коцебу, противъ увлеченія которымъ въ Россіи въ началѣ столѣтія возставалъ Карамзинъ въ «Вѣстникѣ Европы». Драмы Коцебу, его комедіи и водевили, составляютъ значительную часть репертуара кіевской труппы

[1]) Кромѣ того встрѣчаются: Замокъ на Чорной Горѣ или Бойоміръ и Ванда, большая опера въ 3 дѣйств. муз. Курпинскаго, Александръ и Апеллесъ—опера въ стихахъ съ живописными картинами, слова Дмушевскаго муз. Курпинскаго. Судя по содержанію, взятому изъ польской жизни, принадлежатъ польскимъ авторамъ: Деревенскія Героини или возвращеніе съ плѣну въ отечество оп. въ 3 д., Косціушко надъ Секвано оп. въ 2 д. и Благодарность или возвращеніе добраго господина, опера въ 3 дѣйств.

Библиотека "Руниверс"

за указанные выше годы [1]). Изъ другихъ произведеній иностранныхъ писателей встрѣчаются по нѣсколько разъ: переведенная съ нѣмецкаго большая трагедія въ 5 д. «Аббелино или ужасной разбойникъ венеціанскій», бол. героич. опера Дюваля «Іосифъ въ Египтѣ», бол. историч. опера, музыка Херубини «Водовозъ или два дня въ тревогѣ», съ франц. опера въ 1 д. «Два слова или ужасная ночь въ лѣсу", большая комич. опера съ итал., музыка Россини «Цырульникъ Севильской», нѣм. трагикомедія «Донъ Жуанъ или наказанный вольнодумецъ», съ франц. комедія въ I дѣйствіи «Старой комендантъ въ хлопотахъ».

Въ кіевскомъ театрѣ изрѣдка давались представленія на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Въ 1823-мъ году, польская труппа восемь разъ играла на русскомъ языкѣ. Шли по нѣсколько разъ: оперетка Аблесимова: «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ» и оперетка Княжнина (муз. Титова) въ двухъ частяхъ: «Ямъ или Филаткина свадьба ч. I» и «Посидѣлки или Филаткина свадьба ч. II». Оперетки эти ставились «по желанію публики» и, очевидно, удовлетворяли пробуждавшемуся въ то время интересу къ народности.

Кромѣ нихъ давались еще двѣ русскія комическія оперы «Новое семейство» и «Алхимистъ или одинъ за семерыхъ». Въ этихъ спектакляхъ принималъ участіе также русскій актеръ Огаревъ.

Въ 1823 г. 2 марта впервые, какъ сказано на афишѣ, представлена была въ Кіевѣ „новая опера во многихъ явленіяхъ, на малороссійскомъ нарѣчіи, въ 2 дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ «Украинка или волшебной замокъ». Имени автора ея не названо. Опера эта, вѣроятно, понравилась публикѣ, потому что впослѣдствіи ставилась еще не разъ. Въ афишѣ отъ 22 іюня 1827 г. «Украинка» называется большой веселой волшебной оперой, составленной въ подобіе «Русалокъ» при томъ уже въ трехъ дѣйствіяхъ, вмѣсто прежнихъ двухъ, и написанной не на одномъ малорусскомъ языкѣ, но и на польскомъ.

---

[1]) Вотъ названія этихъ произведеній Коцебу: трагедіи—„Карлъ XII подъ Бендерами", „Октавія, или истинная дочь отечества", „Поляки въ Испаніи" („съ истиннаго происшествія"), „Сынъ любви", историч. драма въ двухъ частяхъ—ч. I „Дѣвы Солнца или Кора и Алонзо", ч. II. „Смерть Роллы или Испанцы въ Перу"; пародія на драму Коцебу—„Гусситы подъ Гамбургомъ"; комедіи его: „Разсѣянный", „Провинціалъ первый разъ въ столицѣ или Интермеццо", „Слѣпой зарядъ", „Четыре часовые", „Наука для мужей или ревнивая жена", „Шутки пажа", „Все знающій безъ пользы или теорикъ(!) безъ практики", „Суматоха", „Зеркало или ревнивый мужъ", „Бѣдность и благородство души"....

Библиотека "Руниверс"

Помимо того, сравненіе обѣихъ афишъ показываетъ, что дѣйствующія лица въ «Украинкѣ» не всегда были однѣ и тѣ же[1]). Повидимому опера эта не имѣла устойчиваго содержанія и состояла изъ ряда картинъ и явленій, которыя антрепренеръ измѣнялъ по своему усмотрѣнію «въ подобіе русалокъ», какъ сказано на одной афишѣ, т. е. старался сдѣлать «Украинку» возможно болѣе живописной и фантастической оперой. Замѣчательна эта опера не столько потому, что заимствуетъ свой сюжетъ изъ украинской старины, согласно стремленіямъ тогдашняго романтизма къ народности и старинѣ съ ихъ суевѣріями и преданіями, сколько тѣмъ, что является однимъ изъ раннихъ случаевъ выведенія на сцену малорусскаго языка[2]).

Кромѣ названія представленія, именъ дѣйствующихъ лицъ, обозначенія цѣнъ и т. под., на афишахъ польскаго кіевскаго театра часто попадаются обращенія труппы къ публикѣ. Артистъ въ день своего бенефиса непремѣнно печаталъ на афишѣ болѣе или

---

[1]) Чтобы можно было точнѣе судить объ этой оперѣ, привожу въ подлинникѣ двѣ афиши съ объявленіемъ о ней.

Съ дозволенія начальства. 1823 г. марта 2-го, актеры польскіе подъ управленіемъ г. Ленкавскаго будутъ имѣть честь представить неиграннную на здѣшнемъ театрѣ новую оперу во многихъ явленіяхъ, на малороссійскомъ нарѣчіи, въ 2 дѣйствіяхъ, подъ названіемъ:

Украинка или Волшебной Замокъ:

Дѣйствующія лица:

Графъ Любоміръ, владѣтель имѣній.
Завиша—управитель.
Елена—его жена.
Петръ—камердинеръ графа.
Яковъ—слуга въ замкѣ.
Украинка въ разныхъ перемѣнахъ.
Гулака украинецъ.
Неизвѣстный.
Духъ Адальберта дѣда Любоміра.
Дамы, козаки дворскіе.
Змѣи, духи, рыцари въ огняхъ фейерверковыхъ и разныхъ цвѣтахъ, дворовые, пажи, козаки, крестьяне.

1827 г. іюля 22-го... поставлена будетъ большая веселая волшебная опера на малороссійскомъ и польскомъ нарѣчіяхъ въ 3 дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица:

Рыцарь Гримиславъ, помѣщ. на Украинѣ.
Людомила, его племянница въ разныхъ видахъ, какъ-то: молодого козака, мол. цыганки, хорошенькой пастушки, краковяка, дѣвушки украинки, генія розоваго, королевы волшебствъ.
Любоміръ, князь.
Завиша, дворецкій.
Вислявъ и Буримиръ—рыцари.
Кристина, ключница.
Козаки, дѣвки, дворскія.
Пустынникъ, тѣнь дѣдича замка, рыцари, мары.

[2]) Украинской старины касается также поставленная въ 1823 г. въ первый разъ въ Кіевѣ драма въ 3 д. „Елена или разбойники на Украинѣ“. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ здѣсь выступаютъ Гонта и гайдамаки.

Библиотека "Руниверс"

менѣе длинное и велерѣчивое воззваніе къ публикѣ, въ которомъ, указывая на достоинства и занимательность избранной имъ для бенефиса пьесы, просилъ сдѣлать ему добро—посѣтить театръ въ тотъ вечеръ и быть снисходительной при оцѣнкѣ его игры. Актеръ Рекановскій печатаетъ такое обращеніе къ публикѣ: «Пьеса, выбранная мною на свой бенефисъ непремѣнно доставитъ пріятное зрѣлище и удовольствіе почтеннымъ зрителямъ, счастье же мое зависитъ только отъ васъ, почтенная публика». Другіе бенефиціанты точно также заканчиваютъ свои длинные похвалы бенефисной пьесѣ увѣренностью, что великолѣпіе ея сверхъ ихъ заслугъ сотворитъ имъ многочисленныхъ «благодѣтелей».

Изъ встрѣчающихся на афишахъ обращеній антрепренеровъ кіевскаго театра къ публикѣ можно видѣть, что въ матеріальномъ отношеніи дѣла театра шли скверно. Въ 1816 г. повышеніе цѣнъ на оперу Дюваля «Іосифъ въ Египтѣ» на афишѣ объяснено разстройствомъ дѣлъ труппы. Въ 1823 г., ставя представленіе въ свою пользу, Ленкавскій объясняетъ этотъ поступокъ понесенными имъ большими потерями отъ непосѣщенія театра публикой, при большихъ расходахъ съ его стороны на постоянное улучшеніе театральнаго дѣла. Великій постъ настолько разстроилъ финансы Ленкавскаго, что въ маѣ того же года онъ печатаетъ, выражаясь фигурно, что если публика не поддержитъ его, то: «строеніе, едва начинающее возноситься, неизбѣжно должно будетъ разрушиться». Въ ноябрѣ 1823 года онъ опять жалуется на непосѣщеніе театра публикой и отсутствіе поддержки со стороны кіевлянъ. «Мое желаніе, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать доказательства истиннаго служенія дѣлу, утвердивши пріятную забаву на здѣшнемъ театрѣ. Но безъ поддержки достопочтенныхъ обывателей этой губерніи и просвѣщенной публики города Кіева, это намѣреніе не можетъ достичь цѣли. Посему отдаю судьбу сцены національной и свой трудъ на попеченіе этой публики, которая всегда умѣла хорошо цѣнить намѣренія и возникающіе таланты».

Однако эти воззванія мало достигали цѣли, и мы видимъ, что чрезъ четыре года, 1827 г., Ленкавскій опять говоритъ о своемъ критическомъ положеніи и простираетъ убѣдительнѣйшую просьбу къ высокопочтеннымъ обывателямъ г. Кіева—удостоить по своимъ природнымъ чувствамъ принять участіе въ поправленіи его разстроеннаго состоянія и въ поддержаніи драматической сцены.

По нашимъ сборникамъ афишъ можно замѣтить нѣкоторыя подробности кіевскихъ театральныхъ порядковъ. Мы видимъ, напри-

Библиотека "Руниверс"

мѣръ, что иногда игра актеровъ въ Кіевѣ соединялась съ пѣніемъ и танцами проѣзжихъ артистовъ и танцоровъ. Такъ, въ 1823 г. между дѣйствіями представленія въ театрѣ пѣли артистка львовскаго театра Герлетцъ и пѣвецъ Крулинскій, и давала большой концертъ г-жа Каталани. Въ томъ же 1823 г. въ антрактахъ на сценѣ проѣзжая танцорка Крулинская исполнила русскую пляску и французскую пляску съ шалью, танцовали также нѣкто Матюсскій и нѣсколько танцорокъ.

По высокоторжественнымъ днямъ театръ былъ иллюминованъ и представленіе заканчивалось хоровымъ пѣніемъ трупною гимна: «Ты воцарился царь желанный». Иногда пьесы соотвѣтствовали торжественности дня. Такъ, въ день тезоименитства гос. Александра I-го на сценѣ шла драма Расина «Титово милосердіе», въ день тезоименитства великаго князя Николая Павловича была поставлена опера Дмушевскаго «Александръ и Апеллесъ» съ живыми картинами. Входъ въ эти дни въ театръ или на одну только галлерею былъ безплатный. Годовой абонементъ въ кіевскомъ театрѣ начинался съ 1-го октября. Абонементная плата за сто представленій въ годъ была: за ложу верхнюю—500 руб., за нижнюю—450 р. и за галлерейную 250 руб.; Годовой билетъ въ кресло стоилъ 200 р. и въ партеръ—100 р. При отдѣльномъ посѣщеніи театра ложа верхняя стоила 12—25 р., нижняя—10—20 руб. и галлерейная—4—10 руб., мѣсто въ креслахъ шло въ 4—8 руб., въ партерѣ—2—5 р. и въ галлереѣ всегда въ 1 руб. Частыя повышенія платы за посѣщеніе театра антрепренеръ объяснялъ расходами на постановку пьесы или необходимостью поправить свои стѣсненныя обстоятельства. Представленія давались круглый годъ, даже лѣтомъ, прерываясь только на время великаго поста. Афиши для театра печатались въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ—всего въ сотнѣ.

Сообщаемыя свѣдѣнія о кіевской польской сценѣ, конечно, скудны, по недостатку источниковъ, но, можетъ быть, и онѣ пригодятся для будущаго историка кіевскаго театра. П. Т.

Къ исторіи нѣжинскихъ грековъ. Еще Богданъ Хмельницкій понялъ, что предпріимчивые и оборотливые греки могли значительно способствовать оживленію украинской торговли, а потому онъ разослалъ въ 1657 году по Украинѣ универсалъ, строго запрещавшій кому бы то ни было подавать жалобы на грековъ-купцовъ, «по мѣстамъ и мѣстечкахъ украинныхъ гандле отправующихъ, альбо перемешкива-

Библиотека "Руниверс"

ючихъ,» въ полковые, сотенные и городовые суды, и позволившій грекамъ судиться «въ справахъ купецкихъ» и въ дѣлахъ со служащею у нихъ челядью собственнымъ судомъ, дабы таковою привилегіею пріохотить ихъ пріѣзжать «въ нашу сторону зъ разными товарами» и быть чрезъ это «выгодою людемъ». Въ томъ-же году Богданъ Хмельницкій позволилъ двумъ греческимъ купцамъ безпошлинно торговать по всей Украинѣ, уплативши лишь «належачую повинность» въ гетманскую казну. Гетманъ Иванъ Выговскій распространилъ это частное право въ 1658 году на всѣхъ греческихъ купцовъ, затѣмъ привилегіи эти были подтверждены универсалами Юрія Хмельницкаго и Павла Тетери. Иванъ Брюховецкій нѣсколько ограничилъ права грековъ, подчинивши ихъ въ спорахъ съ украинцами мѣстнымъ судамъ. Иванъ Самойловичъ подтвердилъ всѣ прежніе универсалы, предоставивъ, впрочемъ, греческимъ купцамъ право апеллировать на рѣшенія собственнаго ихъ суда малороссійскому генеральному суду. Мазепа подчинилъ грековъ въ уголовныхъ дѣлахъ генеральному суду, а затѣмъ подтвердилъ всѣ прежнія ихъ права.

Съ 1696 года греки окончательно избрали своимъ главнымъ мѣстопребываніемъ Нѣжинъ: въ этомъ году они получили окончательную санкцію отъ кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго на основанное еще въ 1687 году церковное братство; *основали школу для обученія дѣтей греческой грамотѣ и богадѣльню.* Мазепа со своей стороны подтвердилъ всѣ пункты грамоты митрополита Варлаама Ясинскаго.

Всѣ прежде данныя льготы были подтверждены послѣдовательно въ 1709 году гетманомъ Иваномъ Скоропадскимъ, въ 1729 г. гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ, въ 1741 г. Генеральной Войсковой Канцеляріей, въ 1751 г. гетманомъ графомъ Кирилломъ Разумовскимъ [1]). Въ 1769 г. вышелъ указъ сената о нечиненіи нѣжинскому греческому братству обидъ и притѣсненій [2]). Въ 1775 году 10-го февраля состоялось высочайшее утвержденіе, согласно докладу сената, всѣхъ грамотъ, данныхъ греческому нѣжинскому братству, по представленію Румянцева [3]), о чемъ и были увѣдомлены малороссійская коллегія и Румянцевъ слѣдующимъ указомъ отъ 7 мая 1775 года:

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Правительствующаго Сената Малороссійской Коллегіи. По

[1]) Акты Греческаго Нѣжинскаго Братства. К. 1884.

[2]) Полн. собр. зак. № 13397.

[3]) Полн. собр. зак. № 14247.

Библиотека "Руниверс"

имянному Ея Императорскаго Величества указу, состоявшемуся въ 10-й день февраля мѣсяца сего года на поднесенномъ отъ сената докладѣ, коимъ представлено было о подтвержденіи по мнѣнію генералъ губернатора и кавалера графа Петра Александровича Румянцова и по прошенію живущихъ въ городѣ Нѣжинѣ грековъ, пожалованныхъ имъ грамотъ съ дополненіемъ слѣдующимъ:

1-е Хотя о печати братскаго суда по-нынѣ отъ нихъ прошенія и не было, но какъ оная для коммерческой ихъ корреспонденціи необходимо нужна, то для сего обстоятельства сенатъ разсуждаетъ: братской ихъ судъ снабдить казенною печатью съ гербомъ и съ надписью слѣдующею: «печать Ея Императорскаго Величества суда нѣжинскаго греческаго братства». 2-е. Чтобы всемилостивѣйше дозволено было имъ грекамъ торговать внутри Россіи, однакожъ тѣмъ только, кои состоятъ въ вѣчномъ россійскомъ подданствѣ и живутъ въ Нѣжинѣ домами, и въ вѣрности Ея Императорскому Величеству учинили присягу, торговать свободно внутри Россіи и пользоваться всѣми тѣми преимуществами, каковыми россійское купечество пользуется, на основаніи таможеннаго устава и прочихъ слѣдующихъ о купечествѣ узаконеній. 3-е. Дабы генеральный судъ, въ противность высочайше пожалованныхъ имъ 1710 и 1742 годовъ грамотъ, ни въ какія ихъ дѣла, кромѣ криминальныхъ, отнюдь не вступалъ, то оному суду отнынѣ впредь того не чинить. Въ случаѣ же, когда-бы греческое братство чего—либо собою рѣшить не могло или на рѣшеніе онаго по такимъ дѣламъ, кои имъ самимъ рѣшить дозволено, показано было отъ кого неудовольство и аппеляцію, то имѣютъ быть такія дѣла взносимы и рѣшены прямо въ малороссійской коллегіи. 4-е. А какъ въ вышеупомянутыхъ высочайшихъ грамотахъ о судѣ и расправѣ узаконено, что имъ грекамъ судиться самимъ токмо между собою и челядью ихъ, а того не объяснено, гдѣ должны судиться россійскіе съ греками, или греки съ россійскими людьми, то въ объясненіе тѣхъ грамотъ отнынѣ впредь имъ нѣжинскимъ грекамъ съ россійскими купцами по ихъ купеческимъ обрядамъ разбираться въ нѣжинскомъ словесномъ судѣ, а въ случаѣ формальнаго суда вѣдаться какъ одной, такъ и другой сторонѣ въ надлежащихъ мѣстахъ по законамъ. 5-е. Нѣжинскому магистрату подтвердить, чтобъ онъ съ нѣжинскихъ грековъ, вступившихъ въ вѣчное подданство, проѣзжей пошлины, такъ какъ съ пріѣзжающихъ на время изъ-за-границы, въ противность торговаго устава, не требовалъ и въ дачѣ паспортовъ ни малѣйшей остановки не чинилъ, а поступалъ бы во всемъ по даннымъ имъ жа-

Библиотека "Руниверс"

лованнымъ грамотамъ, не дѣлая отнюдь никакихъ примѣтокъ, обидъ и налоговъ, дабы поступая съ ними во всемъ по точности высочайшихъ грамотъ, тѣмъ удобнѣе можно было въ прочихъ грехахъ возбудить охоту переселяться въ подданство россійское. 6-е. Что же слѣдуетъ до преимущества живущихъ въ Нѣжинѣ грековъ присягою въ вѣрности обязавшихся во всякихъ ихъ порядкахъ предъ пріѣзжающими для торгу и на время въ Нѣжинъ греками, то оное высочайшею грамотою, въ 1742 году данною, имъ уже дозволено, слѣдовательно и остается сіе положеніе на томъ же положеніи, по которому и въ братскомъ ихъ судѣ присутствовать имъ однимъ только вступившимъ въ здѣшнее подданство грекамъ, тѣмъ наипаче, что не вступившій въ подданство и не учиня въ вѣрности присяги не можетъ никто допущенъ быть судьею. Но дабы между живущими въ Нѣжинѣ и временно туда пріѣзжающими греками случающееся несогласіе прекращено, а братская любовь и союзъ возстановлены были, то и пріѣзжающимъ на время въ Нѣжинъ для торгу купцамъ грекамъ пользоваться тѣмижъ выгодами, каковыми живущимъ тамо высочайшими грамотами пользоваться дозволено, кромѣ безпошлиннаго торга и засѣданія въ судѣ. 7-е. Остающееся въ разныхъ россійскихъ городахъ послѣ умершихъ или арестованныхъ грековъ имѣніе отдавать въ оное братство, токмо послѣ тѣхъ умершихъ или арестованныхъ грековъ, кои прямое свое жительство имѣли въ Нѣжинѣ и подлинно записаны въ нѣжинское братство, а на время бы оттуда отлучились оставшееся имѣніе отдавать въ то братство дозвозяется для распредѣленія оного, кому принадлежать будетъ, то есть: наслѣдникамъ ли законнымъ, или кредиторамъ, съ вѣрными доказательствами являющимся, однакожъ въ такомъ только случаѣ, естьли грекъ нѣжинскаго братства, въ которомъ либо россійскомъ городѣ умретъ, а къ имѣнію его въ томъ мѣстѣ отъ кредиторовъ и ни отъ кого никакой претензіи предъявлено не будетъ. Ежели же какая претензія тамо отъ кого либо на то имѣніе окажется, то, не отсылая оного въ помянутое греческое братство, удовольствіе изъ того имѣнія претендующимъ чинить по законамъ въ томъ правительствѣ, гдѣ таковый нѣжинскій грекъ умретъ. До прочихъ же грековъ, кои хотя бы выѣхали и сперва поселились въ Нѣжинѣ, но послѣ выѣхали въ другіе города, тамо поселились и домами живутъ, нѣжинскому братству цѣла не имѣть и изъ оного какъ донынѣ выбывшихъ исключить, такъ и впредь выбываемыхъ исключать же и до остающихся по смерти ихъ имѣній не касатся, но вѣдать оныя въ томъ правительствѣ, гдѣ таковой пріѣз-

Библиотека "Руниверс"

жій умретъ. На которомъ докладѣ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако: быть по сему. Правительствующій Сенатъ приказали: для непремѣннаго по оному Высочайшему Ея Императорскаго Величества имянному указу исполненія къ господамъ генералъ-губернаторамъ малороссійскому и кіевскому, такожъ въ Малороссійскую Коллегію и въ нѣжинскій магистратъ послать указы, кои и посланы. Маія 7 дня 1775 года.

Оберъ-секретарь Алексѣй Ильинъ. Секретарь Иванъ Туманскій. Регистраторъ Яковъ Боровскій».

Н. Стороженко.

Къ вопросу о колонизаціи лѣвобережной Украины. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью обратить вниманіе на одинъ документъ, не безъинтересный, какъ кажется, для изучающихъ исторію колонизаціи лѣвобережной Украины.

Въ москов. архивѣ минист. юстиціи сохранилось нѣсколько *разборныхъ книгъ* черкасамъ, составленныхъ въ 1660 году (ихъ не видали ни Н. И. Костомаровъ, ни Д. И. Багалѣй). Въ этомъ году въ Украину по грамотѣ изъ Разряда за приписью дьяка Василія Брехова явился для разбора черкасъ, поселившихся въ лѣвобережной Украинѣ, московскій дворянинъ Романъ Владиміровичъ Игнатьевъ[1]). Нашлось пока десять разборныхъ книгъ его составленія: четыре отъ 19 марта 1660 г., двѣ отъ 26 марта, двѣ отъ 2 апрѣля и двѣ отъ 18 апрѣля того же года. 20 мая 1660 г. эти книги уже были поданы въ Разрядѣ самимъ Р. В. Игнатьевымъ, что видно изъ помѣтъ на нихъ. Эти книги состоятъ изъ простаго перечисленія именъ черкасъ и представляютъ прежде всего интересъ *статистическій*. Съ этой именно стороны мы ими и воспользуемся.

Г. Путивль.

Книга № 1[2]) перечисляетъ черкасъ *путивльскихъ*, которымъ велено служить полковую службу вмѣстѣ съ черниговцами и путивльцами, дворянами и дѣтьми боярскими.

Полковой службы:	
Атаманъ. . .	1
1) *Сотникъ*. . .	1
Рядовые. . .	62

Кромѣ способныхъ служить полковую службу у разбора объявились пѣшіе *пу-*

[1]) Для руководства Р. В Игнатьевъ получилъ отъ мѣстнаго воеводы списки за рукою послѣдняго.

[2]) Листы 1—13.

Библиотека "Руниверс"

2) *Сотникъ* . . .	1
Рядовые. . .	39
3) *Сотникъ* . . .	1
Рядовые. . .	33
4) *Сотникъ* . . .	1
Рядовые. . .	87
Итого.	226 ч.

тивльскіе, терновскіе черкасы, о которыхъ атаманъ, сотники и урядчики сказали, что ихъ «съ полковую Вел. Государя службу не будетъ». Такихъ оказалось 43 чел.

Такимъ образомъ всего въ Путивлѣ у разбора оказалось 269 черкасъ.

Г. Каменный.

Книга № 2 (съ помѣтой «изъ книгъ... выписать на перечень» [1]) перечисляетъ *каменскихъ* черкасъ, полковыхъ козаковъ (нынѣ с. Каменное, лебединскаго уѣзда, харьковской губ. См. «Списки насел. мѣстъ» хар. губ. № 2644; срв. Географ. слов. Щекатова I, 145 и Семенова II, 463; въ XVII в. городъ см. подроб. у Д. И. Багалѣя «Очерки» М. 1887) на коняхъ и съ ружьемъ, а также пѣшихъ, послѣ осаднаго времени и татарской войны поселившихся въ г. Каменномъ на посадѣ съ женами и съ дѣтьми на вѣчное житье.

Изъ села Подолень:	Изъ села Будищъ:	Изъ села Капустина:
конные . . . 6 чел.		
пѣшіе. . . . 108 »	конные . . . 86 чел.	конные . . . 33 чел.
атаманъ . . . 1 »		пѣшіе . . . 12 »
сотникъ . . . 1 »	атаманъ . . . 1 »	атаманъ. . . 1 »

Изъ дер. Бобрички:	Изъ дер. Роменца:	Изъ села Пилиповой Гатьки:
атаманъ. . . 1 чел.		
сотникъ. . . 1 »	атаманъ. . . 1 чел.	атаманъ. . . 1 чел.
рядовые . . 23 »		
(конные?)	конные . . . 9 »	конные . . . 12 »

Изъ села Плѣшивца:	Изъ села Цепковъ:	Изъ села Подставокъ:
атаманъ. . . 1 чел.	атаманъ. . . 1 чел.	атаманъ . . . 1 чел.
сотникъ . . . 1 »		
конные . . . 87 »	конные . . . 42 »	конные . . . 21 »

Прописанные въ воеводскомъ спискѣ:

изъ села Капустина:	изъ села Плѣшивца:	изъ села Подставокъ:
10 чел.	27 чел.	конные . . . 6 чел.
новики 137 чел.		пѣшіе . . . 15 чел.

[1]) Листы 14—28.

Библиотека "Руниверс"

А всего въ Каменномъ разобрано было 646 черкасъ.

Въ концѣ этой книги приписано: «а у смотру сказали каменскіе атаманы и сотники и урядники и рядовые черкасы-козаки въ осадное (время) и въ татарскую войну побито каменскихъ козаковъ и померло и сошли съ голоду съ женами и съ дѣтьми въ государевы украинные городы 262 человѣка» [1]).

Книга № 3 [2]) перечисляетъ мѣщанъ и пашенныхъ людей, поселившихся въ г. Каменномъ на посадѣ послѣ осаднаго времени и татарской войны. Разборъ произведенъ былъ по допросу атамановъ, сотниковъ и радчиковъ.

Мѣщанъ изъ села Подолекъ	11 ч.	Мѣщ. изъ с. Филиппов. Гатьки	4 ч.
Пашенныхъ людей	7 ч.	Пашенныхъ людей . . .	3 ч.
Мѣщанъ изъ села Капустина	7 ч.	Мѣщанъ изъ села Цепковъ .	3 ч.
Пашенныхъ людей . . .	4 ч.	Пашенныхъ людей	3 ч.
Мѣщанъ изъ села Будищъ .	20 ч.	Мѣщанъ изъ села Плѣшивца	21 ч.
Пашенныхъ людей . . .	10 ч.	Пашенныхъ людей	7 ч.
Мѣщанъ изъ дер. Бобрички.	4 ч.	Мѣщ. изъ села Подставокъ [3])	14 ч.
Пашенныхъ людей	3 ч.	Пашенныхъ людей	17 ч.
Мѣщанъ изъ дер. Роженца .	2 ч.	Мѣщ. изъ с. Капустинецъ (?)	4 ч.
Всего мѣщанъ	90 ч.	Всего пашенныхъ людей	54 ч.

А всего въ г. Каменномъ мѣщанъ и пашенныхъ людей разобрано было 144 чел.

Г. Недрыгайловъ.

Книга № 4 перечисляетъ *недрыгайловскихъ* служивыхъ полковыхъ козаковъ, константиновскихъ черкасъ, которые по указу Великаго Государя поселились въ г. Недрыгайловѣ на вѣчное житье [4]).

Служилые полковые козаки:

сотникъ. . . . 1 ч.	Слободы Берестовки:	Слободы Шпилевки:
	атаманъ. . . 1 ч.	
рядовые. . . . 35 ч.	рядовые . . . 15 ч.	рядовые. . . . 15 ч.

[1]) Слѣд., общая цифра была 908 чел.

[2]) Листы 29—33.

[3]) Въ оригиналѣ „Плешивца", что, очевидно, описка, ибо сейчасъ только что были перечислены лица изъ с. Плѣшивца. Срв. кн. № 3.

[4]) Листы 34—45; на послѣднемъ листѣ помѣчено: „книги белыя недрыгайловскія справлены".

Библиотека "Руниверс"

Села Березниковъ:		Слободы Кулешевки:	
атаманъ	1 чел.	атаманъ	1 чел.
рядовые	20 чел.	рядовые	45 чел.

Итого служ. полков. козаковъ 134 челов.

Пѣшихъ недрыгайловскихъ козаковъ, про которыхъ «у смотру сказали атаманы, и сотники, и урядчики, что ихъ съ полковую Великаго Государя службу не будетъ, а собою они добры», оказалось 35 челов. (нѣкоторые изъ нихъ слободъ Шпилевки и Кулешевки, другіе села Березниковъ).

А всего было разобрано въ г. Недрыгайловѣ черкасъ 169 чел.

Книга № 5 перечисляетъ [1]) *недрыгайловскихъ* черкасъ, поселившихся въ селѣ Ольшанкахъ (въ недрыгайловскомъ уѣздѣ).

Конные козаки:		Пѣшіе козаки:	Новики конные:
атаманъ . . .	1 ч.		
сотники . . .	5 ч.	рядовые. . . . 47 ч.	33 чел.
рядовые . . .	234 ч.		

Всего поселившихся въ селѣ Ольшанкахъ разобрано 320 чел.

Книга № 6 перечисляетъ [2]) черкасъ мѣщанъ и пашенныхъ мужиковъ поселившихся въ г. Недрыгайловѣ.

Мѣщанъ и пашенныхъ мужиковъ (нѣкоторые слободъ Шпилевки и Кулешевки и села Березниковъ) по книгѣ насчитывается всего 92 человѣка (въ томъ числѣ 23 старыхъ и увѣчныхъ).

Въ концѣ книги перечислено 34 человѣка полковыхъ козаковъ, которые стары и увѣчны «отставлены Великого Государя отъ службы, а написаны въ городовой службѣ, а въ ихъ мѣсто написаны, въ козаки дѣти ихъ въ полковую Великого Государя службу»

Г. Сумин ъ.

Книга № 7 перечисляетъ черкасъ [3]) въ г. Суминѣ на посадѣ «которые поселилися съ женами и съ дѣтьми на вѣчное житье».

Конные козаки черкасы, которые объявились у коннаго смотра собою добры «старого и нового уѣзду» и по допросу суминскаго полковника, сотниковъ, атамановъ и «вырядчиковъ»:

полковникъ.	1	полковой есаулъ	1
полковой писарь	1	есаулъ	1

[1]) Листы 46—60.

[2]) Листы 61—65.

[3]) Листы 66—98.

Библиотека "Руниверс"

полковой сотникъ	1	атамановой сотнѣ атаманъ .	1
подписокъ	1	» » есаулъ . .	1
рядовые	19	рядовые	154
разныхъ сотенъ рядовые . .	32	сотникъ	1
		рядовые	215
атаманы, сотники и рядовые трехъ селъ суминскаго уѣзда (именно: Нижней и Верхней Суровицы и Ворожбы) . .	562	сотникъ	1
		есаулъ	1
		рядовые	135
сотникъ	1	сотникъ	1
знаменщикъ	1	есаулъ	1
рядовые	177	рядовые	248

Всего конныхъ козаковъ чернасъ 1557 ч.

Пѣшихъ козаковъ оказалось только 85 чел. Слѣдовательно, и тѣхъ и другихъ разобрано было въ г. Суминѣ 1642 чел.

Книга № 8 перечисляетъ[1]) мѣщанъ и пашенныхъ мужиковъ, поселившихся въ г. Суминѣ съ женами и съ дѣтьми на посадѣ на вѣчное житье «старого и нового уѣзду».

Мѣщане	636	чел.
» села Нижней Суровицы.	78	чел.
» » Верхней Суровицы	72	чел.
» » Ворожбы	274	чел.
Пашенные мужики	38	чел.

Общее число разобранныхъ достигаетъ такимъ образомъ 1098 ч.

Г. Лебединъ.

Книга № 9 перечисляетъ[2]) черкасъ козаковъ, поселившихся на вѣчное житье въ г. Лебединѣ на посадѣ.

Конныхъ козаковъ оказалось 336 чел., пѣшихъ—132 чел. Въ той же книгѣ особо перечислены «лебединскіе черкасы козаки старые, которые государево жалованье имали и прописаны въ списку, который списокъ присланъ въ Лебединомъ за воеводскою рукою и били челомъ Великому Государю, а ко мнѣ (т. е. къ Р. В. Игнатьеву) принесли въ съѣзжую избу челобитную за руками, чтобъ ихъ Великій Государь пожаловалъ велѣлъ приправить въ книги и съ своею бра-

[1]) Листы 99—119.

[2]) Листы 120—133.

Библиотека "Руниверс"

тьею въ рядъ»; ихъ (пѣшіе) оказалось 393 чел. А всего разобрано 861 человѣкъ.

Книга № 10 перечисляетъ [1]) мѣщанъ и пашенныхъ мужиковъ, поселившихся съ женами и дѣтьми на вѣчное житье на посадѣ. По свѣдѣніямъ книги мѣщанъ поселилось 128 чел., пашенныхъ мужиковъ 224 чел. Отставныхъ козаковъ поименовано 42 чел.

Таковы статистическія данныя, которыя мы получаемъ изъ разборныхъ книгъ Р. В. Игнатьева. Они касаются гг. Путивля, Каменнаго, Недригайлова, Сумина (Сумъ) и Лебедина. Припоминая стратегическое значеніе этихъ городовъ въ XVII вѣкѣ (подробности о чемъ желающіе найдутъ въ книгѣ Д. И. Багалѣя), нетрудно видѣть, что сообщаемыя указанными книгами свѣдѣнія имѣютъ нѣкоторый интересъ. Прежде всего нельзя не обратить вниманія на переселенія черкасъ изъ окружныхъ селъ и деревень въ города, вскрываемыя на основаніи этихъ книгъ. Слѣдуетъ также упомянуть, что указанныя книги, повидимому, описываютъ не весь наличный составъ черкасъ, находившихся въ описываемыхъ 5 городахъ, а лишь тѣхъ, которые поселились въ нихъ сравнительно вновь. Для ясности чтенія замѣтки дѣлаемъ въ заключеніе общій обзоръ черкасъ по городамъ.

Г. Путивль . . . . 269 коз.
Г. Каменный . . . . 646 козак.+144 мѣщ. и пашен. людей.
Г. Недригайловъ . . 169 козак.+34 отставн. козак.+92 мѣщ. и пашен. людей.
Село Ольшанки (недриг. уѣзд.) 320 коз.
Г. Сумынь . . . . 1642 коз.+1098 мѣщ. и пашен. муж.
Г. Лебединъ . . . . 861 козак.+42 отст. козак.+352 мѣщ. и пашенныхъ мужик.

Всѣ эти *десять* книгъ, переплетенныя въ одинъ томъ, хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министр. Юстиціи подъ рубрикою кн. дес. № $\frac{\text{нов. 58.}}{\text{ст. 201.}}$

В. Н. Сторожевъ.

Древность малороссійскаго табаководства. Подъ такимъ заглавіемъ В. Г. Котельниковъ напечаталъ въ № 20 «Земледѣльческой Газеты» за текущій годъ статью, въ которой доказываетъ неосновательность ходячаго мнѣнія объ американскомъ происхожденіи разво-

[1]) Листы 134—141.

Библиотека "Руниверс"

димаго въ Малороссіи простаго табака. Авторъ обратился къ намъ съ просьбой «сказать нѣсколько словъ объ этой статьѣ въ «Кіевской Старинѣ», дабы обратить вниманіе изслѣдователей украинской старины на возбужденный имъ вопросъ о происхожденіи табака въ Малороссіи». Исполняя желаніе уважаемаго автора и въ виду интереса затронутаго имъ вопроса, передаемъ въ сокращенномъ видѣ содержаніе статьи В. Г. Котельникова. Еще въ 1888 году г. Котельниковъ высказалъ въ «Трудахъ имп. вол. эконом. общества» (№ 8) сомнѣніе въ американскомъ происхожденіи вида Nicotiana rustica, къ которому принадлежитъ простой табакъ—махорка. Авторъ подкрѣплялъ свое мнѣніе тѣмъ, что во 1-хъ, воздѣлываніе табака, вывезеннаго изъ Америки, въ Европѣ началось около 1610 г. въ Голландіи, а около 1650 г., во время козацкихъ войнъ, табакъ уже былъ неизбѣжнымъ спутникомъ малороссійскаго козака и, нужно думать, являлся не привознымъ, а туземнымъ произведеніемъ; во 2-хъ, въ Америкѣ культуру такого табака, какъ Nicotiana rustica, повидимому, мало знаютъ теперь и едва ли есть основаніе полагать, что она была распространена въ первое время сношеній европейцевъ съ этой частью свѣта и что затѣмъ почему то исчезла или сократилась. Поэтому авторъ склонялся къ мнѣнію Лотара Беккера («Der Bauerntabak (Nicotiana rustica L.) eine Pflanze der alten Welt». 1875), что этотъ видъ табака происходитъ изъ Стараго Свѣта и былъ извѣстенъ въ Европѣ задолго до открытія Америки, мнѣнію, основанному частію на высказанныхъ выше соображеніяхъ, а главнымъ образомъ на изученіи ботаническихъ сочиненій XVI и первой половины XVII в. Далѣе авторъ указываетъ на то, что въ Голландіи не существуетъ воздѣлыванія Nicotiana rustica и нѣтъ какихъ либо слѣдовъ воздѣлыванія ея въ прежнее время. Махорка же, вопреки мнѣнію г. Стебута, несомнѣнно принадлежитъ къ виду Nicotiana rustica, слѣдовательно нельзя производитъ ее отъ американскаго табака, полагая, что она произошла отъ сѣмянъ, вывезенныхъ изъ голландскаго города Амерсфорта, откуда и ея названіе. Дѣло не въ словопроизводствѣ, а въ смѣшеніи совершенно различныхъ видовъ растеній. Махорка есть сортъ Nicotiana rustica, а амерфортскій табакъ—сортъ Nicotiana tabacum. Притомъ, слово «махорка», хотя и народнаго происхожденія, но далеко не распространено въ народной малороссійской рѣчи. Простолюдинъ чаще всего то, что мы называемъ махоркой, называетъ просто табакомъ или тютюномъ, причемъ этими же словами онъ называетъ и всякій табакъ, будетъ ли это махорка, бакунъ, американскій или турецкій табакъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ своей статьѣ г. Котельниковъ приводитъ и историческіе факты о распространенности табака въ Малороссіи уже въ половинѣ XVII в., ссылаясь на Костомарова («Богданъ Хмельницкій», т. III, стр. 377—8 и «Очерки домашней жизни и нравовъ великор. народа въ XVI и XVII ст.,» стр. 207) и «Исторію Руссовъ», приписываемую Конисскому. Авторъ приводитъ и мнѣніе А. И. Ханенка, что начало производства табака въ Малороссіи надо отнести къ половинѣ XVI ст., и что первыми плантаторами его были запорожскіе козаки, перенявшіе его употребленіе и получившіе его сѣмена отъ крымцевъ. Въ заключеніе г. Котельниковъ высказываетъ предположеніе, что табакъ могъ проникнуть въ южную Русь чрезъ монголовъ центральной Азіи во время нашествія ихъ подъ предводительствомъ потомковъ Чингисхана, основываясь на сообщенномъ г. Потанинымъ свѣдѣніи, что въ гробницѣ Тамерлана въ Самаркандѣ, въ числѣ другихъ реликвій, находится его трубка.

Подольское епархіальное церковное древнехранилище. Еще въ 1865 г. высокопреосвященнымъ Леонтіемъ былъ учрежденъ при редакціи Подольскихъ Епарх. Вѣдомостей историко-статистическій комитетъ съ цѣлью описанія подольской епархіи съ исторической стороны. Среди членовъ этого комитета и возникла въ концѣ прошлаго года мысль объ учрежденіи церковнаго епархіальнаго древнехранилища, гдѣ можно было бы сосредоточить какъ предметы церковной древности, такъ и архивные матеріалы, необходимые для разработки исторіи Подоліи. Выработанный особой коммиссіей проектъ устройства древнехранилища былъ утвержденъ преосвященнымъ подольскимъ Донатомъ, а викарій подольской епархіи преосв. Димитрій принялъ на себя ближайшее руководство этимъ устройствомъ. Древнехранилище помѣщается при каѳедральномъ соборѣ и заключаетъ въ себѣ: 1) Библіотеку изъ сочиненій по исторіи Подоліи на русскомъ, польскомъ, латинскомъ и др. языкахъ. 2) Архивъ изъ рукописей, относящихся къ исторіи Подоліи и бумагъ и дѣлъ ист.-статистич. комитета. 3) Вещественные памятники церковной древности или точные снимки съ нихъ. Сюда относятся: а) памятники языка и письма: старопечатныя и рукописныя ц. богослужебныя книги, православныя и уніатскія и т. д.; б) памятники церковной архитектуры Подоліи въ снимкахъ, моделяхъ и образцахъ; в) памятники церковной живописи и скульптуры (старинныя живописныя и др. иконы, картины религіознаго и

Библиотека "Руниверс"

историческаго содержанія, портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи Подоліи, рѣзныя изображенія, снимки съ мѣстныхъ чтимыхъ святынь и др.); 2) церковно-богослужебные предметы (старые антиминсы, облаченія православныя и уніатскія, церковная утварь, интересная въ какомъ-нибудь отношеніе и др.); д) не устраняются и древности не церковныя, имѣющія историческое значеніе, въ особенности уясняющія исторію Подоліи.

Для составленія древнехранилища передаются книги и документы историко-статистическаго комитета, дѣла подольской дух. консисторіи, имѣющія только историческое значеніе, изданія редакціи Подольскихъ Епарх. Вѣдомостей. Сверхъ того, духовенство подольской епархіи и всѣ любители церковной старины приглашаются оказать содѣйствіе комитету пожертвованіями въ древнехранилище предметовъ древности или снимковъ съ нихъ.

Привѣтствуя новое учрежденіе и желая ему полнаго процвѣтанія, не можемъ не высказать пожеланія, чтобы и въ другихъ городахъ нашего края завелись подобные музеи, гдѣ сохранились бы исчезающіе теперь безслѣдно памятники прошлаго.

Г. Ѳ. Карповъ (некрологъ). 24 апрѣля текущаго года скончался въ Москвѣ на 52 году отъ рожденія Геннадій Ѳедоровичъ Карповъ. Покойный былъ воспитанникомъ московскаго университета и ближайшимъ ученикомъ С. М. Соловьева, нѣкоторое время состоялъ профессоромъ русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ, а въ послѣдніе годы своей жизни жилъ въ Москвѣ, занимаясь архивными работами. Труды Г. Ѳ. Карпова относятся главнымъ образомъ къ исторіи Малороссіи. Вотъ ихъ списокъ: 1) Очерки изъ исторіи россійской церковной іерархіи XIV — XV ст. (Чт. м. общ. ист. и др. 1864); 2) Исторія борьбы московскаго государства съ польско-литовскимъ (Ib. 1866. Магист. диссертація); 3) Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время 1654 — 1672 г. (М. 1870. Доктор. диссертація); 4) Г. Костомаровъ, какъ историкъ Малороссіи (М. 1871); 5) Кіевская митрополія и московское правительство въ 1654 году (Прав. Обозр. 1871, №№ 8 и 9); 6) Переговоры о соединеніи Малороссіи съ Великороссіей (Ж. М. Н. Пр. 1871, №№ 11 и 12); 7) Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго (М. 1873); 8) Діонисій Балабанъ, митр. кіевскій. Изъ исторіи отношеній кіевск.

Библиотека "Руниверс"

церк. іерархіи къ моск. правительству 1654—1661 гг. (Пр. Об. 1874, № 1); 9) Меѳодій Филимоновичъ, епископ. мстисл. и оршанскій, блюститель кіев. митрополіи 1661—1668 гг. (Пр. Об. 1875. №№ 1, 2, 4, 6, 11 и 12); 10) Малороссійскіе города въ эпоху соединенія Малороссіи съ Великою Россіею (Лѣтоп. зан. археогр. ком., в. VI, 1877); 11) Въ защиту Богдана Хмельницкаго (Чт. м. общ. ист. и др. 1889, I). Сверхъ того, Карповымъ редактированы томы X, XI и XIV «Актовъ юж. и зап. Россіи», томы XXXV, XLI, LIII, LIX «Сборника императ. руск. историч. общества» и «Изборникъ Святослава Ярославича 1073 г.», изданный въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

КЪ РИСУНКУ ШЕВЧЕНКА.

Въ № 2 текущаго года нашего изданія мы помѣстили четыре снимка съ рисунковъ Шевченка, заимствованныхъ изъ двухъ альбомовъ его, относящихся къ 1843 и 1844 гг., при чемъ нами дано было обѣщаніе въ теченіе этого года помѣстить еще нѣсколько изъ болѣе выдающихся рисунковъ нашего поэта-художника. О самихъ альбомахъ было сказано уже, какъ въ упомянутомъ № 2-мъ 1890 г., такъ и въ № 2-мъ 1886 г., почему и отсылаемъ интересующихся къ этимъ двумъ книжкамъ нашего журнала; теперь же, помѣщая видъ на село *Андрюши*, мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ мѣстопребываніи бывшихъ епископовъ переяславскихъ.

Какъ извѣстно, уѣздному городу Переяславу (полтавской губ.), нынѣ бѣдному, заброшенному и едва лишь имѣющему значеніе мелкаго торговаго пункта, благодаря хлѣбной и пароходной пристанямъ на Днѣпрѣ въ 10 верстахъ отъ него,—пришлось въ старину играть роль виднаго центра въ нашемъ духовномъ просвѣщеніи. Тутъ, во времена крещенія Руси, основана была архіерейская каѳедра, и городъ Переяславъ, имѣвшій значеніе митрополіи, въ этомъ отношеніи превосходилъ столичный Кіевъ, который только въ половинѣ XI вѣка привлекъ митрополичью каѳедру къ себѣ. Очевидно, къ тому же времени, т. е. къ половинѣ XI вѣка, надо отнести учрежденіе въ Переяславѣ особой епископіи, такъ какъ тамъ же учреждалось и особое княженіе. Спустя 200 лѣтъ, а именно въ 1239 году каѳедра епископская въ Переяславѣ была упразднена, по-

Библиотека "Руниверс"

слѣ разоренія этого города и области татарами. Нѣсколько вѣковъ затѣмъ Переяславу пришлось испытывать судьбу, такъ сказать, бродячаго города: то онъ относился къ митрополіи московской (до половины XV вѣка], то причисленъ былъ къ области митрополитовъ кіевскихъ, пока, наконецъ, въ 1700 году не была возстановлена тамъ архіерейская каѳедра, благодаря ходатайству гетмана Мазепы и митрополита Варлаама Ясинскаго. Восемь съ половиною десятковъ лѣтъ существовала здѣсь возобновленная архіерейская каѳедра, вначалѣ, какъ викаріатство кіевской митрополіи, а затѣмъ, какъ самостоятельная епископія, пока въ 1785 году не была опять закрыта по указу Екатерины II, но на этотъ разъ очень не надолго, такъ какъ послѣ раздѣла Польши, въ 1793 году, учрежденъ былъ въ пособіе кіевскому митрополиту особый викарный епископъ, именовавшійся переяславскимъ и бориспольскимъ и жившій въ переяславскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, а четыре года спустя, въ 1797 году, возстановлена опять и епархія переяславская. Хотя въ 1803 г. Высочайше повелѣно было переименовать епархію переяславскую въ полтавскую и перенести самую резиденцію архіереевъ въ Полтаву, когда будетъ тамъ все устроено, но до 1847 года преосвященные полтавскіе прожили въ Переяславѣ, гдѣ пребывала до того времени и консисторія, а семинарія оставалась даже до 1862 г.

Переяславская епископія, подобно тому какъ и почти всякая, имѣла свои угодья и дачи, въ ряду которыхъ не послѣднее мѣсто занимало село Андрюши, расположенное въ 7 верстахъ отъ города по дорогѣ къ Днѣпру. Здѣсь было устроено очень удобное архіерейское подворье съ обширнымъ домомъ, нынѣ совершенно передѣланнымъ, и съ не менѣе обширнымъ корпусомъ для архіерейскаго хора. Особенно извѣстны были Андрюши во времена преосвященнаго *Сильвестра Лебединскаго*, бывшаго епископомъ переяславскимъ съ 1799 г. по 1807 годъ. Онъ устроилъ не дачную, а постоянную резиденцію въ Андрюшахъ и велъ жизнь, болѣе приближавшуюся къ свѣтской, нежели къ монашеской. Помимо того, что онъ любилъ принимать у себя въ подворьи наѣзжавшихъ гостей, которыхъ онъ угощалъ

Библиотека "Руниверс"

всякими развлеченіями, включительно до билліардной игры,— онъ при своемъ громадномъ умѣ и начитанности, былъ большимъ любителемъ остроумныхъ бесѣдъ, изреченій, мѣткихъ остротъ и пр. Свидѣтелями этого послѣдняго были сохранявшіяся до 40-хъ годовъ въ архіерейскомъ домѣ въ Андрюшахъ эмблемы и надписи на латинскомъ языкѣ, разрисованныя и написанныя по приказанію владыки. Заимствуемъ изъ интересной статьи прот. Іоанна Крамаренка (Нѣчто о преосвященныхъ, бывшихъ на полтавско-переяславск. паствѣ въ первой половинѣ текущаго стол.— Полт. Епарх. Вѣд. 1882 г., № 5) нѣкоторыя изъ этихъ эмблемъ и надписей.

При входѣ въ домъ, въ сѣняхъ по правую сторону, на двери, ведшей въ погребокъ, въ которомъ хранились напитки и разные съѣстные припасы, нарисованы два подноса: на одномъ изъ нихъ бутылки, графины и рюмки, а на другомъ виноградныя кисти, красивыя яблоки, груши и другіе фрукты. Дверь эта запиралась огромнымъ висячимъ замкомъ, а у замка надпись: „ardua, quae pulchra“ (то, что прекрасно, трудно достижимо). На дверяхъ въ пріемную залу, въ которую входили просители съ прошеніями и жалобами, по большей части неосновательными, и разные посѣтители безъ всякой надобности, собственно для собесѣдованія съ преосвященнымъ, для переливанія изъ пустого въ порожнее,—изображенъ кустарникъ, на которомъ сидитъ сорока съ разинутымъ ртомъ и у рта надпись: „taliter, qualiter—nihil fundamentaliter“ (такъ да какъ—а ничего основательнаго). На двери въ кабинетъ изображенъ сочинитель, съ напряженнымъ вниманіемъ трудящійся надъ своею работой, а внизу надпись: „non tibi per ventus assa columba venit“ (не къ тебѣ вѣтромъ несется жареный голубь); тутъ же сидитъ другой сочинитель, начавшій свое сочиненіе высокопарно, а кончившій пустякомъ; внизу же подпись: „parturiunt montes, nascitur mus“ (горы мучатся родами и—рождается мышь). На стѣнахъ дома были такія, напримѣръ, изображенія. Изображенъ баринъ, изъ низкаго сословія достигшій высокаго положенія, безчеловѣчно бичующій раба своего; внизу подпись „nihil est asperius, cum humilis surgit in altum“ (нѣтъ жесточе человѣка,

Библиотека "Руниверс"

какъ тотъ, который поднялся на высоту изъ низкаго состоянія). Въ другомъ мѣстѣ изображены два ученика—одинъ сидящій на берегу рѣки съ удочкой, а другой съ клѣткой въ рукахъ, любующійся заключенною въ ней птичкой; внизу подпись „per pisces et aves multi pereunt scholares“ (изъ за рыбъ и птицъ многіе школяры погибаютъ). Но тутъ же можно было найти и такія ѣдкія и глубокія по мысли эмблемы: изображенъ іезуитъ, а внизу подпись „recipe astum gallorum, fastum polinorum, schacher-macher iudeorum, misce, misce sic et ita, inde erit iesuita“ (возьми лукавство французское, надутость польскую, шахеръ-махеръ жидовскій; мѣшай все это, мѣшай и такъ и этакъ—и выйдетъ іезуитъ).

В. Науменко.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Спб. 1890. Въ 8-ю д., стр. XXIV+376+183+одна ненум. Съ одной хромолитографіей (отд. л. послѣ стр. 24), 99 гравюрами (въ текстѣ) и картой (особый листъ въ концѣ).

Высоко-оффиціозный характеръ изданій г. Батюшкова не можетъ служить, по нашему убѣжденію, поводомъ къ снисходительности критики, а напротивъ, налагаетъ на историческій журналъ прямую обязанность относиться къ каждому изъ нихъ болѣе требовательно, чѣмъ это было бы справедливо и умѣстно по отношенію къ труду совершенно частному, не обставленному равными удобствами въ пользованіи матеріалами и не поддержанному ни широкимъ содѣйствіемъ оффиціальныхъ лицъ, учрежденій и цѣлыхъ вѣдомствъ, ни соотвѣтственно благопріятными прочими условіями. Не одинакова тоже должна быть мѣрка для оцѣнки изданій, разсчитанныхъ преимущественно на людей достаточно подготовленныхъ, чтобы самимъ замѣчать недосмотры и случайные промахи, или же для тѣхъ, которыя предназначаются къ широкому распространенію въ массѣ читающей публики, не обладающей спеціальными знаніями и привычкою къ критикѣ. Конечно,—и это почти лишнее пояснять,—требовательность не есть придирчивость, да и странно было бы предполагать въ насъ послѣднюю, какъ въ отношеніи почтенной многолѣтней дѣятельности П. Н. Ботюшкова, такъ и его сотрудниковъ, пользующихся заслуженною литературною репутаціею, и имена которыхъ читатели неоднократно имѣли случай встрѣчать на страницахъ «Кіевской Старины», то въ сочувственныхъ отзывахъ, то въ видѣ подписей подъ статьями нашего журнала...

Библиотека "Руниверс"

«Бѣлоруссія и Литва» составлена вообще по тому же плану, какъ и вышедшія ранѣе: «Холмская Русь» и «Волынь», о которыхъ были въ свое время даны отзывы въ «Кіевской Старинѣ». Настоящій томъ состоитъ изъ пяти частей: 1) предисловія издателя; 2) историческаго очерка Бѣлоруссіи и Литвы съ древнѣйшаго времени до нашихъ дней, составленнаго проф. Н. И. Петровымъ, при сотрудничествѣ проф. И. И. Малышевскаго; 3) многочисленныхъ примѣчаній къ нему; 4) ряда (81) отдѣльныхъ монографическихъ очерковъ, относящихся къ лицамъ и предметамъ, изображенія которыхъ помѣщены въ книгѣ; три изъ этихъ очерковъ составлены г. Малышевскимъ же, а остальные М. И. Городецкимъ; и 5) указателя личныхъ именъ. Мы остановимся здѣсь на главнѣйшемъ, второмъ отдѣлѣ книги и частью на тѣсно съ нимъ связанномъ третьемъ.

Введеніе и девять главъ историческаго очерка своимъ дѣленіемъ и заголовками выясняютъ взглядъ составителей на значеніе различныхъ эпохъ въ жизни разсматриваемаго края и отличающіеся по характеру періоды ея. Съ нѣкоторыми частностями принятой группировки согласиться трудно. Такъ напр., во II главѣ соединены и первоначальная исторія самостоятельнаго литовскаго народа, и исторія постепенно ему подчинявшихся въ XIII и XIV в. русскихъ областей, тогда какъ первую изъ нихъ слѣдовало бы выдѣлить, а взамѣнъ того не разрывать этой вставкой исторіи собственно Руси, въ западной своей части представлявшей даже болѣе близкую и непосредственную преемницу, въ смыслѣ государственнаго уклада и территоріи, княженія кіевскаго, чѣмъ Русь сѣверо-восточная. Иноплеменные Гедиминовичи, ставъ повелителями русскихъ областей, равно какъ и ихъ ближайшая дружина, столь же быстро воспринимали русскую народность и ея культуру, какъ и сами Рюриковичи, не менѣе ихъ иноплеменные ей въ своихъ болѣе раннихъ представителяхъ. Оба княжества, западное и восточное, одинаково были и считали себя русскими, одинаково называли себя, и даже другъ друга, «великими», одинаково, впрочемъ, претендуя на первенство, чѣмъ и объясняется неизбѣжность вѣковой ихъ борьбы. За то первая глава, о русскихъ князьяхъ до татарскаго времени, могла бы быть обращена только во вступленіе къ разсказу о судьбахъ края при князьяхъ литовцахъ,—если бы этому не мѣшало отсутствіе въ цѣломъ всей этой серіи изданій—основного для древней эпохи изслѣдованія, о княженіи кіевскомъ, къ которому примыкали бы остальныя. Періодъ отъ перваго соединенія Литвы съ Польшею въ 1386 до окончательнаго, въ 1569 г., дѣйствительно разнится

Библиотека "Руниверс"

по характеру во времена до Казиміра—и начинаи съ него; но неправильно считать одну первую его половину временемъ государственнаго соединенія Литвы и Подьши «съ особыми государями и съ особымъ внутреннимъ управленіемъ». Персональная унія и позже является не неизбѣжнымъ условіемъ, а только послѣдствіемъ избранія въ польскіе короли наслѣдственнаго литовскаго князя, уже вступившаго на этотъ престолъ, какъ было и съ первымъ изъ нихъ, Казиміромъ, и съ послѣднимъ, Сигизмундомъ-Августомъ. Внутреннее же управленіе было до 1569 г. совершенно раздѣльное, и полное объединеніе не было никогда достигнуто.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи основою дѣленія на періоды приняты перемѣны въ сферѣ отношеній національныхъ и политическихъ, но дѣленіе на главы, основанное на одномъ только ходѣ исповѣдной борьбы,—не соотвѣтствуетъ ему и не вездѣ съ нимъ совпадаетъ. Такъ напр., смерть Сигизмунда III и воцареніе Владислава, ознаменованное оживленіемъ энергіи православнаго населенія, не представляетъ однако такой рѣзкой политической грани, какъ южнорусское возстаніе пятнадцать лѣтъ спустя. Начавшееся съ него неопредѣленное положеніе не заканчивается ни андрусовскимъ миромъ, какъ у авторовъ, ни даже московскимъ трактатомъ 1686 г.; положительное преобладаніе Россіи, перенесшей на себя и задачи прежней Польши по борьбѣ съ мусульманствомъ, обнаруживается только съ началомъ XVIII столѣтія, по укрѣпленіи въ Польшѣ послушной Россіи саксонской партіи, тогда какъ противная, воспользовавшись возвратомъ отъ Турціи Подолья, становится другомъ мусульманскихъ народовъ. Здѣсь болѣе опредѣленный политическій пунктъ поворота и для отношеній, западнорусскихъ, до самаго перваго раздѣла. Исторія края съ 1772 г. тоже подраздѣлена едва ли правильно на время до возсоединенія уніатовъ и послѣ него; оно само предопредѣлилось въ значительной степени поворотомъ въ русской политикѣ съ 1831 г., когда она перестала быть благопріятной полонизму, ранѣе отклонившись въ его сторону со смертью Екатерины II. Послѣднія 60 лѣтъ новѣйшей исторіи края очень рельефно отдѣляются датой 1861,—года освобожденія крестьянъ и начала послѣдняго польскаго возстанія. Такимъ образомъ, съ 1772 г. до настоящаго времени исторія западнорусскаго края представила бы не два, а четыре очерка, и съ совсѣмъ иными точками дѣленія.

Конечно, указанныя различія во взглядѣ на эпохи заподнорусской исторіи зависятъ отъ того критерія, какимъ руководствовались

Библиотека "Руниверс"

на дѣлѣ авторы. Въ общемъ, они стали на вполнѣ правильную точку зрѣнія, поставивъ на первомъ планѣ, какъ основной объектъ своего изслѣдованія,—само населеніе, съ его этнографическими особенностями, и тѣ политическія, культурныя и исповѣдныя воздѣйствія, какимъ оно подвергалось. Но въ исполненіи они не вездѣ соблюли достодолжную перспективу, отвели одному изъ нѣсколькихъ равноправныхъ элементовъ слишкомъ много мѣста,—что, быть можетъ, отчасти зависѣло отъ ихъ собственныхъ научныхъ спеціальностей, и картина получилась съ несоразмѣренными планами...

Другой общій недостатокъ «Бѣлоруссіи и Литвы» заключается въ томъ, что авторы невполнѣ точно опредѣлили задачу собственной работы и пытались удовлетворить одновременно требованіямъ различнымъ, а потому характеръ исполненія неровенъ и непослѣдователенъ. Подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ и въ однѣхъ и тѣхъ же рамкахъ можно было дать: или самостоятельное изслѣдованіе, или работу компилятивную; работу ученую, или изложеніе популярное. По общей задачѣ изданія, одну изъ частей котораго составляетъ «Бѣлоруссія», оно предназначено для круга читателей обширнаго, и потому въ немъ не было бы надобности прибѣгать къ самостоятельной переработкѣ источниковъ. Достаточно было бы дать только изложеніе добытыхъ уже другими результатовъ, избѣгая притомъ такихъ пунктовъ, которые, при нынѣшнемъ состояніи науки, представляются сомнительными. Бѣда, однако, въ томъ, что многія существенно важныя частности русской исторіи вообще, а областной и подавно, такъ еще мало разработаны, что нерѣдко приходится прибѣгать къ изслѣдованію по первоисточникамъ даже для самаго легкаго популярнаго изданія. Естественно, что ни одинъ авторъ не желаетъ скрывать подъ спудомъ и этой подготовительной части своего труда; но ей гораздо умѣстнѣе было бы дать, при болѣе широкомъ развитіи, иное мѣсто и назначеніе, представивъ ходъ ея и результаты въ видѣ особыхъ изслѣдованій въ отдѣльномъ изданіи или на страницахъ спеціальныхъ журналовъ. Таково, напримѣръ, неоднократное перечисленіе въ текстѣ основанныхъ въ томъ или другомъ періодѣ церквей, православныхъ и католическихъ, тогда какъ достаточно указать ихъ число, а многомного—свести эти перечни въ одинъ списокъ, въ видѣ приложенія. Загромождать популярную книгу ученымъ аппаратомъ массы ссылокъ и примѣчаній совершенно неудобно. Источники и пособія слѣдовало бы просто перечислить, и то не внося въ число ихъ весьма многихъ мелочей, носящихъ подчасъ характеръ почти газетныхъ замѣтокъ.

Библиотека "Руниверс"

Примѣчанія со ссылками болѣе точными необходимы только тамъ, гдѣ мало подготовленному, но любознательному читателю надо дать указаніе на разсказъ о томъ-же фактѣ или лицѣ болѣе обширный и подробный, да въ тѣхъ единичныхъ случаяхъ, гдѣ собственное изслѣдованіе составителей привело ихъ къ выводу, рѣзко противорѣчащему общепринятому ранѣе въ наукѣ мнѣнію. 649 примѣчаній, занимающихъ 38 страницъ петита почти исключительно ссылками, для предполагаемаго средняго читателя совершенно излишни, а для спеціалиста—цѣна ихъ значительно умаляется тѣмъ, что въ немъ многое важное перемѣшано съ еще большимъ количествомъ научно совсѣмъ неважнаго.

Отмѣтимъ еще, что изложеніе далеко не вездѣ выдержано въ тонѣ объективнаго историческаго разсказа, а переходитъ мѣстами въ публицистическій памфлетъ по содержанію, а по тону—то въ апологію, то въ полемику. Такъ напримѣръ, страницѣ 313, представляющей въ сущности только прямой выводъ изъ всего предыдущаго разсказа о религіозной борьбѣ въ Польшѣ съ андрусовскаго мира до раздѣловъ, совершенно лишнее было давать особое мѣсто въ оглавленіи, въ формѣ звучной фразы: «Справедливость и законность возсоединенія Сѣверо-Западнаго края съ Россіей». Будто онѣ только одной этой страницей и доказываются, и будто для нихъ такихъ необъемистыхъ доказательствъ вполнѣ достаточно! Апологетическій тонъ приводитъ иногда къ нежелательнымъ недоразумѣніямъ комическаго оттѣнка: разсказывая о тяжбѣ уніатскаго архіепископа XVII в., Селявы, съ православнымъ, Коссовымъ, авторы передаютъ одно рѣшеніе трибунальскаго суда противъ Коссова въ такой формѣ, что онъ былъ приговоренъ къ штрафу «за *мнимое* сопротивленіе прежнимъ рѣшеніямъ трибунала». Конечно, въ польскомъ текстѣ декрета сказано «za sprzeciwienie się», что значитъ «за неисполненіе», но благодаря невѣрному переводу понадобилась смягчающая, а въ сущности совершенно излишняя «мнимость»... Не ограничиваясь смягченіемъ мѣстами тона по отношенію къ одной сторонѣ, хотя оставляя его in crudo для другой, авторы, въ ущербъ исторической вѣрности, иногда умалчиваютъ вовсе о нѣкоторыхъ фактахъ; послѣдніе, по мелкости, можетъ быть и не заслуживаютъ упоминанія, но въ такомъ случаѣ не надо упоминать и однородныхъ съ ними, но противоположныхъ въ смыслѣ партійномъ. Умолчанія только вредятъ защищаемому дѣлу: указывая его, съ несомнѣнными доказательствами въ рукахъ, противникъ обрѣтаетъ сильное оружіе, подрываетъ въ читателѣ довѣріе къ авторитетному ранѣе для него голосу. Едва-ли это полезно и въ видахъ

Библиотека "Руниверс"

истины, и даже съ точки зрѣнія, на какой стоитъ самъ писатель, проводя и защищая ее сознательно или даже безъ намѣренія быть тенденціознымъ.

Въ частностяхъ, въ книгѣ такого характера и назначенія, слѣдовало бы строже относиться и къ точности каждой сообщаемой фактической подробности, и къ выпуклой опредѣленности самыхъ выраженій, которыя безъ этого могутъ быть поняты не въ надлежащемъ смыслѣ и потому дадутъ невѣрное представленіе о дѣлѣ. Недосмотровъ въ обоихъ отношеніяхъ встрѣчается въ книгѣ хотя и не особенно большое количество, но все же замѣтное. Укажемъ изъ нихъ нѣсколько, безъ выбора, такъ какъ въ популярной книгѣ неточности не должны быть допускаемы вообще, даже и въ мелочахъ. Такъ напр., на стр. 16—17 свѣдѣніе о трехъ полоцкихъ епископахъ изложено такъ неясно, что ничуть не соотвѣтствуетъ ближайшему выводу, какой изъ него сдѣланъ. На стр. 90 находимъ указаніе на довольно сомнительный фактъ казни королемъ Ягайломъ двухъ вельможъ за отказъ перейти изъ православія въ католицизмъ, причемъ сдѣлана общая ссылка на «русскую лѣтопись»,—а въ примѣчаніи 125, на которое сдѣлана сноска, упомянуты только общія новѣйшія сочиненія по русской исторіи. Въ началѣ стр. 93, вслѣдствіе неудачной замѣны одного слова другимъ,—совершенно искаженъ смыслъ: «латинство, въ литовскомъ государствѣ, несмотря на *незначительность* своихъ исповѣдниковъ» и т. д., но именно въ разсказываемое время къ латинству принадлежалъ король, нѣкоторые изъ его братьевъ, и проч.,—такъ что авторъ, очевидно, хотѣлъ сказать о ихъ *малочисленности*, а вышло совсѣмъ иное и съ непосредственно слѣдующими словами несообразное. На стр. 108 встрѣчаемъ нѣчто гораздо болѣе важное, именно утвержденіе, будто при Витовтѣ католичество въ Литвѣ являлось *русскимъ католичествомъ* (курсивъ подлинника), отличнымъ и отъ русскаго православія, и отъ католичества польскаго. Мнѣніе очень проблематичное, но если бы даже оно оказалось вѣрнымъ, то оно можетъ имѣть мѣсто только въ качествѣ окончательнаго вывода спеціальнаго изслѣдованія по этому любопытному вопросу; утверждать что либо подобное по новизнѣ въ популярномъ изданіи, мимоходомъ, несмотря на огромную важность факта, если бы онъ подтвердился,—можно только развѣ ради оригинальности. Едвали умѣстно также, въ разсказахъ о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ самомъ описываемомъ краѣ, какъ напр., о военныхъ дѣйствіяхъ въ Бѣлоруссіи въ 1648 г., (стр. 246—248) ограничиваться перифразомъ

Библиотека "Руниверс"

историка, писавшаго хотя спеціально о той же эпохѣ, но объ иной мѣстности,—а въ данномъ мѣстѣ историкъ Б. Хмельницкаго, Костомаровъ самъ руководился для одновременныхъ бѣлорусскихъ событій—не провѣренными свѣдѣніями позднѣйшихъ писателей, которыя разногласятъ съ источниками документальными, послѣдніе же, какъ слѣдуетъ думать по ссылкамъ на ихъ изданія, авторамъ «Бѣлоруссіи и Литвы» были извѣстны, но только въ данномъ случаѣ не использованы. На стр. 252, говоря о массовомъ бѣгствѣ южноруссовъ въ предѣлы Московскаго государства, авторы напрасно включаютъ въ нихъ нынѣшнюю полтавскую губернію, входившую въ эту пору въ составъ польскаго кіевскаго воеводства, и восточную часть екатеринославской, составлявшую часть «Дикихъ Полей», фактическими обладателями которой были татары и запорожцы, и которую отъ московской границы отдѣляла только еще тогда начавшая заселяться Слободская Украина. Что жители нынѣшняго Подолья бѣжали и въ указанныя мѣста—это вѣрно, но политическая принадлежность самихъ мѣстъ—не та.—Русско-польская война 1654 г. происходила главнымъ образомъ въ предѣлахъ описываемой страны (на югѣ дѣйствовали больше козаки), и потому заслуживала бы болѣе подробнаго изложенія, а главное—болѣе точнаго и яснаго: на стр. же, напр., 254 встрѣчаемъ такую несообразность, что одни и тѣ же бѣлорусскіе города и завоевываются московскими войсками, и служатъ (ранѣе!) осѣдлостью союзныхъ съ ними Нечаевыхъ козаковъ: нѣчто подобное было и на дѣлѣ, но только въ совсѣмъ обратномъ порядкѣ, а о чаусовскомъ полкѣ (Нечая) лучше было или не упоминать вовсе, чтобы избѣгнуть путаницы, или же дать болѣе обстоятельное изложеніе, безъ котораго она неизбѣжна.

Несмотря на такія и имъ подобныя погрѣшности, трудъ гг. Петрова, Малышевскаго и Городецкаго имѣетъ значеніе немаловажное, какъ первый (хотя и нѣсколько односторонній) сводъ историческихъ данныхъ о нынѣшнемъ Сѣверо-Западномъ краѣ, написанный вообще очень легко и живо, что особенно важно въ книгахъ такого назначенія, а монографическіе очерки представляютъ вполнѣ достаточный объяснительный текстъ къ обильнымъ иллюстраціямъ. Послѣднія хороши по выполненію, но выборъ ихъ нѣсколько случаенъ: такъ напр. портреты дѣятелей общерусскихъ, но оказавшихъ большое вліяніе на судьбы Бѣлоруссіи, въ *популярной* книгѣ *мѣстнаго* характера если необходимы, то должны быть даны по *лучшимъ* изъ извѣстныхъ подлинниковъ; обнародованіе же мѣстныхъ по нахожденію оригиналовъ должно быть отнесено въ изданія спеціальныя—описа-

Библиотека "Руниверс"

нія древностей и т. под. Библіографія предмета, о недостаткахъ которой уже сказано, имѣетъ неоспоримое достоинство обширности и, можно думать, полноты: она дастъ возможность болѣе совершенной обработки темы не только будущими изслѣдователями, но и нынѣшними же авторами книги, если только она получитъ желаемый успѣхъ и потребуется второе изданіе. Для такой обработки у поименованныхъ лицъ имѣются всѣ учено-литературныя данныя, и недостатки выполненія, повидимому, главнымъ образомъ зависѣли только отъ нѣкоторой поспѣшности. **Ив. Новицкій.**

С. А. Бершадскій. Шауль-Юдичъ Валь изъ Бреста-Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. Историческая легенда. Спб. 1889 г.

Рядомъ работъ по исторіи евреевъ въ Литвѣ и на Руси проф. С. А. Бершадскій заявилъ себя глубокимъ знатокомъ еврейскаго вопроса, который онъ разрабатываетъ на основаніи сыраго архивнаго матеріала, проливающаго много свѣта въ непроходимыя до сихъ поръ дебри мѣстной еврейской исторіи; къ числу непонятныхъ и необъяснимыхъ фактовъ ея принадлежитъ и распространенная среди евреевъ легенда о томъ, что одно время еврей достигъ престола; фактъ этотъ совершился будто бы въ концѣ XVI вѣка. Такъ какъ разборъ этой любопытной легенды сдѣланъ почтеннымъ авторомъ при помощи новыхъ архивныхъ находокъ его о героѣ этой легенды, и такъ какъ авторъ настолько основательно рѣшаетъ вопросъ, что едва-ли когда нибудь потребуется новый его пересмотръ, то мы намѣрены подробнѣе остановиться на содержаніи этого изслѣдованія ради ознакомленія съ нимъ нашихъ читателей.

Прежде всего авторъ отмѣчаетъ то странное явленіе, что, несмотря на собираніе и научную разработку миѳовъ, преданій, сказокъ, легендъ и проч., у всѣхъ европейскихъ народовъ и даже дикихъ племенъ другихъ частей свѣта, до сихъ поръ не сдѣлано собранія миѳовъ, легендъ и проч. въ средѣ еврейскаго народа, а между тѣмъ такое собраніе могло бы дать неисчерпаемый матеріалъ «для освѣщенія многихъ темныхъ сторонъ прошлаго въ жизни тѣхъ народовъ, среди которыхъ пребывали евреи среди своего многовѣковаго скитальчества по европейскому материку». Проф. Бершадскій взялъ на себя трудъ изслѣдовать давно живущую среди польскихъ и литовскихъ евреевъ легенду о евреѣ, избранномъ въ польскіе короли; но прежде чѣмъ приступить къ ея разгадкѣ, авторъ знакомитъ насъ со взгля-

Библиотека "Руниверс"

дами на легенду предшествовавшихъ ему историковъ; такъ Іоахимъ Лелевель, первый обратившій вниманіе на еврея-короля, отнесся съ недовѣріемъ къ этому преданію, не подтверждавшемуся никакими точными данными. Другой историкъ, Штернбергъ, не находя ничего невѣроятнаго въ преданіи, внесъ его въ свою компиляцію по исторіи евреевъ въ Польшѣ. Краусгаръ, разобравъ неосновательность легенды, какъ сообщена она Штернбергомъ, не рѣшился однако же сомнѣваться въ существованіи Шауля Валя и лишь избраніе его въ короли объяснялъ шуткой поляковъ. Не сомнѣвался въ избраніи Шауля въ короли только Гольдбаумъ. В. А. Мацѣйовскій отрицаетъ и лицо, и фактъ, думая, что сказка о еврѣ-королѣ «сочинена на основаніи старинныхъ преданій о корояхъ, избираемыхъ изъ среды народа». Такимъ образомъ, говоритъ С. А. Бершадскій, «никому изъ лицъ, писавшихъ о Шаулѣ Валѣ, не приходило на мысль справиться съ актовыми книгами брестскихъ судовъ и метрикою литовскою за конецъ XVI и начало XVII в.;» этотъ трудъ и предпринялъ авторъ. Приступая къ возсозданію подлинной исторіи Шауля Валя, авторъ сообщаетъ варіанты легендъ, начинавшіе записываться еще въ началѣ XVIII в., и слагавшіеся, конечно, гораздо раньше; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ собираетъ свѣдѣнія о королѣ-евреѣ изъ старопечатныхъ еврейскихъ книгъ, которыя убѣждаютъ, что если Шауль Юдичъ не былъ королемъ ни одной ночи, то несомнѣнно существовалъ и дѣйствовалъ, и дѣятельность его въ интересахъ своего народа увѣковѣчила память о немъ въ потомствѣ. Вотъ эта легенда въ своей древнѣйшей (1714 г.) формѣ, наименѣе разукрашенной фантазіею: «Когда умеръ Стефанъ Баторій, то польскіе паны собрались въ назначенный для того день, для избранія новаго короля. При выборахъ же короля практиковался обычай, въ силу котораго король долженъ былъ быть избраннымъ непремѣнно въ назначенный для того день. Когда же послѣ первыхъ предложеній выяснилось, что достигнуть соглашенія трудно, а день сталъ склоняться безъ всякихъ результатовъ къ вечеру, то паны пришли къ мысли выбрать въ короли на одну ночь, до слѣдующаго утра, Шауля Валя, для того, чтобы былъ исполненъ законъ» [1]). Въ другихъ легендахъ разсказывалось, что избраніе состоялось по предложенію Радзивила, факторомъ котораго былъ

[1]) Другіе варіанты легенды говорятъ, что получивъ въ свои руки государственныя книги и печати, онъ внесъ нѣсколько грамотъ, предоставлявшихъ льготы евреямъ.

Библиотека "Руниверс"

Шауль. Розысканія профес. Бершадскаго въ актахъ литовской метрики и брестскаго суда привели къ слѣдующимъ результатамъ. Первое оффиціальное извѣстіе о Шаулѣ Юдичѣ встрѣчается въ грамотѣ короля Стефана Баторія, данной имъ 17 мая 1578 года этому еврею на солевареніе, которое тогда вводилось имъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ 1582 году Шауль Юдичъ является представителемъ брестской еврейской общины, уполномочившей его вести ея тяжбу съ мѣщанами г. Бреста о правѣ участія евреевъ въ $^1/_4$ части всѣхъ городскихъ доходовъ; хотя дѣло это было рѣшено въ пользу мѣщанъ, но евреи получили важное преимущество—право заниматься въ городахъ ремеслами, безъ принадлежности къ тому или другому цеху. Грамота Сигизмунда III отъ 11 февраля 1588 года указываетъ на давнее, въ царствованіе его предшественниковъ, завѣдываніе Юдича таможенными откупами и признаетъ умѣнье и опытность его въ дѣлахъ, а равно и пользу, которую онъ оказывалъ неоднократно государственному казначейству; всѣ тѣ заслуги были, конечно, основаніемъ для пожалованія Шаулю Юдичу въ слѣдующемъ 1589 г. званія королевскаго слуги; въ 1592 г. онъ не только арендуетъ доходы брестскаго замка, но держитъ на откупѣ и сборъ пошлинъ на брестской таможнѣ, а въ 1593 г. получаетъ право на открытіе воскобойни въ собственномъ домѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, по ходатайству Шауля Юдича, брестскіе евреи освобождаются отъ судебныхъ пошлинъ и за право торговли со столовъ, которыя шли въ пользу старосты; освобожденіе отъ судебныхъ пошлинъ положило начало обособленію еврейскаго національнаго суда; въ послѣдній разъ въ 1596 г. Шауль Юдичъ ходатайствуетъ о подтвержденіи грамоты Витовта, которою мѣщане и евреи г. Бреста освобождались отъ уплаты «стараго мыта» на брестской таможнѣ. Позже имя Шауля Валя не встрѣчается и потому смерть его авторъ относитъ къ 20-мъ годамъ XVII в., когда ему было по преданію около 60 лѣтъ. Указанныя дѣйствительныя заслуги Шауля Валя передъ еврействомъ, вмѣстѣ съ послѣдствіями переворота, произведеннаго въ общественной жизни люблинской уніей, послѣдствіями, которыми съ выгодой для себя воспользовались евреи, послужили причиной того, что личность Шауля ставилась высоко евреями; ему стали приписываться всѣ тѣ реформы, которыя облагодѣтельствовали евреевъ; отсюда, по мнѣнію автора, и создалась легенда о царствованіи Шауля Юдича [1]).

[1]) На личность Шауля Валя авторъ смотритъ по этому, какъ на „опорный пунктъ“, вокругъ котораго группируются опредѣленія литовскаго права о евреяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ заключеніе авторъ резюмируетъ свои прежніе выводы о положеніи евреевъ до и послѣ люблинской Уніи (1569 г.); онъ, на основаніи добытыхъ имъ раньше и теперь данныхъ, повторяетъ то, что «до второй половины XVI в. евреи занимаются откупами таможенныхъ государственныхъ пошлинъ, частью торговлей, ремеслами, отдачею денегъ на проценты и, наконецъ, обработкою земли. Если и встрѣчаются евреи, распоряжающіеся чужой землей, то не иначе, какъ самыми ничтожными клочками и притомъ въ видѣ процентовъ за деньги ссуженныя подъ залогъ земли. Съ люблинской уніи картина совершенно измѣняется: въ концѣ XVI в. не только на богатой Украинѣ, но и въ бѣдной Литвѣ появляются крупные арендаторы — евреи, располагающіе сотнями тысячъ рублей на наши деньги и снимающіе въ аренду огромныя имѣнія на долгіе сроки». Развитіе еврейскихъ арендъ, столь пагубныхъ для христіанскаго населенія страны, авторъ объясняетъ тѣмъ же политическимъ переворотомъ, который вызвалъ и измѣненія въ экономическомъ бытѣ—люблинской уніей и въ частности переходомъ огромной массы литовскихъ помѣщиковъ въ разрядъ вотчинниковъ со всѣми тѣми правами на землю и живущихъ на ней, которыя принадлежали вел. князю; открывшаяся при этомъ возможность взысканія съ населенія всякаго рода налоговъ неудержимо влечетъ евреевъ къ арендѣ имѣній, въ которыхъ крестьяне, благодаря прежнему порядку вещей, отличаются большей или меньшей зажиточностью и представляютъ собой для арендатора—еврея лакомый кусокъ.

Но было бы ошибочно думать, что до люблинской уніи евреи не были обременительны для населенія; напротивъ, вредъ еврейскихъ откуповъ и торговли, захватъ послѣдней въ свои руки въ городахъ, злоупотребленія въ ростовщичествѣ живо чувствовались и въ предъидущіе вѣка, доказательство чего мы видимъ въ законодательствѣ, ограничивающемъ дѣятельность евреевъ то въ одномъ, то въ другомъ направленіи; идеализируя бытъ литовскихъ евреевъ до люблинской уніи, авторъ обходитъ молчаніемъ всѣ сеймовыя постановленія и статьи отдѣльныхъ статутовъ, направленныя противъ евреевъ, хотя, правда, выдвигаетъ крупный и весьма характерный для быта евреевъ фактъ изгнанія ихъ изъ Литвы въ 1496 г. за злоупотребленія по откупамъ таможенныхъ пошлинъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться съ авторомъ, что люблинская унія дала широчайшій просторъ для евреевъ эксплоатировать крестьянское населеніе всѣми возможными средствами; нельзя не согласиться съ доказательствами автора, что

Библиотека "Руниверс"

только экономическое положеніе населенія служило прежде, какъ можетъ послужить и въ будущемъ, тормазомъ для развитія производимаго еврейскими профессіями вреда; этотъ фактъ чрезвычайно важенъ и прочное обоснованіе его авторомъ составляетъ весьма крупную заслугу какъ для науки, такъ и для жизни. Но такъ какъ благопріятное экономическое положеніе кореннаго населенія страны было недостаточно и не могло парализовать вредной дѣятельности евреевъ въ многоразличныхъ финансовыхъ операціяхъ, то сама собою является необходимость и въ историческомъ изученіи финансоваго положенія польско-литовскаго государства, чтобы прослѣдить идущую съ нимъ рука объ руку и развивающуюся, вмѣстѣ съ развитіемъ значенія денегъ, дѣятельность евреевъ въ этой сферѣ; мы не сомнѣваемся, что политико-экономическія и финансовыя изслѣдованія въ прошлой жизни Польши и Литвы въ связи съ исторіей евреевъ дадутъ такіе же плодотворные результаты, какъ и изслѣдованные проф. С. А. Бершадскимъ факты юридическаго и общественнаго положенія евреевъ до люблинской уніи, касаясь которыхъ онъ лишь затрогиваетъ факты экономической жизни, требующіе самостоятельной разработки. **И. Каманинъ.**

Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ. Собралъ П. Ивановъ. Съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Сумцова. (*3-й вып. II-го т. «Сборника Харьк. историко-филологич. Общества»*). *Харьковъ. 1890 г.*

Полстолѣтія уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ этнографы обратили вниманіе, при изученіи народнаго быта, и на игры дѣтей, видя въ нихъ то отголоски языческой старины и слѣды мифа, то указанія на врѣзавшіяся въ народную память тяжелыя историческія событія, то остатки быта болѣе или менѣе далекаго прошлаго; при отсутствіи же въ деревнѣ какихъ-либо воспитательныхъ средствъ, игры служатъ и матеріаломъ для развитія дѣтскаго міросозерцанія; такимъ образомъ, игры имѣютъ значеніе миѳологическое, историческое, этнографическое и педагогическое. Несмотря на то, что игры вотъ уже почти 50 лѣтъ то здѣсь, то тамъ записываются, и записи эти издаются въ свѣтъ со всякими то остроумными, то безосновательными догадками издателей, до сихъ поръ еще проф. Сумцовъ насчитываетъ едва 25 сборниковъ ихъ въ своемъ «предисловіи» въ разсматриваемой книгѣ; такое незначительное количество сборниковъ описанныхъ игръ и притомъ сборниковъ, не бывшихъ главною цѣлью издателей и появлявшихся случайно, какъ часть, и то лишь какъ небольшая часть

Библиотека "Руниверс"

этнографическихъ сборниковъ, вообще до сихъ поръ не даетъ возможности сдѣлать какое-либо изслѣдованіе по вопросу объ играхъ; поэтому, чѣмъ чаще будутъ появляться такого рода этнографическіе матеріалы, тѣмъ скорѣе наука получитъ возможность разработать ихъ и сдѣлать возможные выводы; въ виду сказаннаго, нельзя не привѣтствовать появленіе сборника «Игръ» г. П. Иванова и не пожелать, что бы грамотные люди обратили на нихъ вниманіе и собирали бы ихъ, какъ собираютъ пѣсни; этимъ только путемъ могутъ быть сохранены исчезающія игры, которыя, само собою разумѣется, подчиняются общему закону жизни.

Въ разсматриваемомъ нами сборникѣ г. П. Ивановъ описываетъ 95 игръ, распредѣляя ихъ на 11 группъ: а) игры съ палками (16 игръ), б) игры съ мячемъ (10), в) игры съ дощечками, палочками, камешками, косточками (8), г) игры съ ножичкомъ (4), д) игры съ жгутомъ (3), е) игры въ кражу (5), ж) игры въ куплю-продажу (4), з) игры въ латки, прятки, жмурки и вообще съ ловлею (22), и) игры въ адъ и рай (4), і) игры съ гонкою (6), к) игры съ переговорами, припѣвками и пѣснями (13) [1]). По числу описанныхъ игръ настоящій сборникъ занимаетъ второе мѣсто послѣ сборника Терещенка и превосходитъ сборники Сахарова и Чубинскаго. И это количество игръ описано въ 26 селахъ купянскаго уѣзда. Сколько же ихъ можно описать въ цѣлой губерніи, въ цѣломъ краѣ, во всей Россіи? Притомъ всѣ эти игры записаны въ селахъ. Что же даютъ центры мѣстной цивилизаціи—города? [2]). Какія игры созданы дѣтьми интеллигентнаго общества? Кто у кого дѣлаетъ заимствованія, перенимаетъ? Невольно рождаются эти вопросы при сравненіи города съ деревней, когда обратишь вниманіе на городскихъ, связанныхъ приличіями и уединенныхъ другъ отъ друга дѣтей, и на свободныхъ живущихъ общей жизнью и интересами дѣтей деревни. Мы воздерживаемся отъ рѣшенія этихъ вопросовъ, чтобы не впасть въ ошибку, но тѣмъ съ большимъ интересомъ мы ожидаемъ изслѣдованія объ играхъ, въ которомъ авось авторъ не забудетъ и про городъ, а пока еще разъ пожелаемъ, чтобы сборниковъ подобныхъ настоящему, являлось по больше.

И. Каманинъ.

---

[1]) Изъ 95 игръ 65 распространены по всему уѣзду и лишь 30 игръ принадлежатъ тому или другому селу; быть можетъ это игры нарождающіяся и еще не распространившіяся. Все это предстоитъ разрѣшить будущему изслѣдователю ихъ.

[2]) Хотя издатель и вводитъ въ число селъ и г. Купянскъ, но мы не считаемъ его такимъ центромъ, въ которомъ условія жизни для большинства населенія рѣзко разнились бы отъ условій сельской жизни.

Библиотека "Руниверс"

Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. 1839—1889. Составилъ вице-президентъ Общества В. Юргевичъ. Къ юбилею Общества 14 Ноября 1889 г. Одесса 1889.

Въ настоящее время интересъ къ научнымъ открытіямъ все болѣе и болѣе распространяется въ массѣ русскаго общества; насчитываются сотни людей, посвящающихъ свои досуги ex amore научнымъ занятіямъ, иногда даже затрачивающихъ большія средства на пользу развитія русской науки. Несомнѣнно, это отрадное явленіе есть результатъ дѣятельности какъ выдающихся личностей въ области науки, такъ и русскихъ ученыхъ обществъ, умѣвшихъ привлекать къ себѣ интеллигентныя силы, группировать ихъ около себя и давать направленіе ихъ занятіямъ. Среди ученыхъ историческихъ обществъ, существующихъ въ Россіи, однимъ изъ старѣйшихъ является Императорское одесское общество исторіи и древностей. Въ прошломъ 1889 году 14 ноября оно праздновало свой пятидесятилѣтній юбилей, ко дню котораго и была составлена вице-президентомъ общества В. Юргевичемъ брошюра, рекомендуемая вниманію нашихъ читателей. Весь «Историческій очеркъ» г. Юргевича распадается на двѣ главы. Въ первой мы находимъ свѣдѣнія «объ археологическихъ разысканіяхъ и открытіяхъ въ южной Россіи, предшествовавшихъ учрежденію одесскаго общества исторіи и древностей». Указавъ, насколько полезно было для науки измѣненіе политическихъ условій на югѣ Россіи, явившееся съ присоединеніемъ Крыма къ русскому государству, авторъ перечисляетъ всѣхъ путешественниковъ конца XVIII и начала XIX столѣтій, способствовавшихъ своими сочиненіями изученію исторіи и древностей края. Затѣмъ г. Юргевичъ представляетъ систематическій обзоръ всѣхъ археологическихъ изысканій и находокъ, начиная съ раскопокъ Мельгунова въ 1763 году и кончая послѣдними раскопками въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія. Нужно сказать при этомъ, что г. Юргевичъ дѣлаетъ довольно подробныя описанія раскопокъ и найденныхъ вещей, причемъ указываетъ всѣ ученыя и періодическія изданія, въ которыхъ помѣщались отчеты, или описанія, или новыя изслѣдованія на основаніи добытыхъ данныхъ, точно такъ же, какъ раньше авторъ, говоря о путешественникахъ по югу Россіи, отмѣчаетъ, гдѣ и когда были напечатаны ихъ записки. Словомъ, читатель найдетъ въ брошюрѣ довольно обильныя библіографическія указанія по исторіи и древностямъ юга Россіи. Затѣмъ

Библиотека "Руниверс"

идетъ перечисленіе всѣхъ коллекцій монетъ, отысканныхъ въ Новороссіи и Крыму. Обиліе открываемаго археологическаго матеріала побуждало многихъ къ ученой дѣятельности. Между людьми, посвятившими себя изученію исторіи и древностей юга Россіи, были Кёлеръ, Бларамбергъ, Стемпковскій и Кёппенъ. Въ «Очеркѣ» г. Юргевича мы найдемъ краткія, но обстоятельныя, свѣдѣнія объ ученой дѣятельности каждаго изъ нихъ, съ указаніемъ на ихъ труды; внизу, подъ строкой, помѣщены краткія ихъ біографіи съ обозначеніемъ, гдѣ напечатаны подробныя свѣдѣнія о ихъ жизни. Затѣмъ авторъ переходитъ къ обзору распоряженій правительства, направленныхъ къ поддержанію и сохраненію памятниковъ древности. Глава II содержитъ въ себѣ историческій очеркъ дѣятельности самаго общества. Еще Стемпковскій высказывалъ мысль о необходимости учрежденія ученаго археологическаго общества на югѣ Россіи. Затѣмъ эта мысль встрѣтила полное сочувствіе со стороны начальника края кн. Воронцова. Основателями и первыми дѣятелями общества должны быть признаны Стурдза, Княжевичъ, Фабръ, Кириаковъ и Мурзакевичъ. Общество было открыто въ 1839 году 23 апрѣля, а 14 ноября оно было Высочайше утверждено. Г. Юргевичъ приводитъ уставъ общества и дѣлаетъ извлеченія изъ первыхъ его постановленій, направленныхъ къ осуществленію цѣлей, намѣченныхъ въ его уставѣ. Во все время своего существованія общество неуклонно заботилось объ открытіи и приведеніи въ извѣстность памятниковъ старины, объ ихъ сохраненіи и поддержаніи. Ограниченныя средства общества не дозволяли ему производить раскопокъ, но тѣмъ не менѣе оно содѣйствовало своими средствами мѣстнымъ дѣятелямъ въ этомъ направленіи. Только въ послѣднее время, при пособіи правительства, общество имѣло возможность заняться болѣе обширными раскопками. Особенно подробно г. Юргевичъ останавливается на ходѣ раскоповъ Херсонеса Таврическаго, нашего Корсуня, продолжавшихся съ 1875 по 1889 годъ. Не менѣе важна и другая заслуга общества—собираніе мѣстныхъ древностей въ своемъ музеѣ. За свое пятидесятилѣтнее существованіе общество издало пятнадцать томовъ своихъ трудовъ подъ именемъ «Записокъ». Первый томъ вышелъ въ 1844 году. Въ концѣ брошюры г. Юргевича приложены: 1) «Составъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей къ 14 ноября 1889 года» и 2) Указатель, статьямъ, помѣщеннымъ въ запискахъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей съ 1844 по 1889 годъ. За послѣднее приложеніе нельзя не принести автору особенной благодарности. **П. Г.**

Библиотека "Руниверс"

Е. Сѣцинскій. Бакота, древняя столица Понизья. (Каменецъ Подольскъ, 1889). Стр. 34.

Древнѣйшія православныя церкви въ Подоліи. Церковь-замокъ въ с. Сутковцахъ летичевскаго уѣзда (Каменецъ-Подольскъ, 1889). Стр. 18.

Незначительное нынѣ село Бакота на лѣвомъ берегу Днѣстра въ эпоху татарскаго лихолѣтья выступаетъ въ древнѣйшей лѣтописи какъ центральный пунктъ Понизья, особой области галицкаго княжества. Сколько можно судить изъ сопоставленія скудныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, ко времени нашествія Батыя связь Понизья съ Галичемъ была непрочна: далекая область на пограничьи съ кочевниками являлась удобной ареной для попытокъ захвата со стороны внѣшнихъ враговъ, тюркскихъ кочевниковъ, и враговъ внутреннихъ, бояръ. Послѣ одолѣнія послѣднихъ Даніиломъ Галицкимъ, Бакота, какъ сообщаетъ лѣтопись подъ 1255 г., дважды передавалась татарамъ, господство которыхъ продолжалось на Подоліи вплоть до литовскаго занятія земли при подольскихъ князьяхъ Корьятовичахъ въ союзѣ съ мѣстными атаманами.

Если внѣшнія судьбы Понизья въ 13 и 14 в. возстановлены нынѣ сколько нибудь въ связномъ видѣ, то археологическое изученіе края, имѣющее такую цѣну при историческихъ изслѣдованіяхъ, находится въ положеніи далеко неудовлетворительномъ. Даже многочисленныя «монастырища» по Днѣстру ожидаютъ донынѣ детальнаго изученія. Уже покойный Аѳанасьевъ-Чужбинскій обратилъ было на нихъ вниманіе въ своихъ «Очеркахъ Днѣстра». Предпринятыя въ этомъ направленіи работы гг. Антоновича и Мельникъ (Труды VI археол. съѣзда въ Одессѣ, также «Кіев. Стар.» 1884—5 г.г.) пролили новый свѣтъ на эти драгоцѣнные забытки сѣдой старины. Брошюра г. Сѣцинскаго дополняетъ въ нѣкоторой степени наблюденія указанныхъ двухъ археологовъ. Раскопки блистательно подтвердили правдивость древнѣйшей литовской лѣтописи, которая при разсказѣ о занятіи Подоліи Корьятовичами, отмѣчаетъ, что князья, послѣ отстройки Смотрича, возобновили Бакоту: «у другомъ мѣстѣ были черници у горѣ и въ томъ мѣстѣ (князья) нарядили городъ Бакоту», крѣпостныя сооруженія которой, очевидно, были разметаны татарами. Отлогій полуостровъ у Бакоты и донынѣ носитъ въ народѣ названіе «Монастырища». Произведенныя въ прошломъ году мѣстными крестьянами раскопки въ отвѣсной горѣ противъ Монастырища дали въ результатѣ несомнѣнныя указанія на существовавшій здѣсь нѣкогда

Библиотека "Руниверс"

православный монастырь: мѣстные археологи обнаружили ясные слѣды келій и усыпальницы, человѣческія кости, обломки желѣза, нѣсколько славянскихъ надписей, икону св. Троицы съ надписью и т. п. Если принять во вниманіе, что на вершинѣ скалы, вмѣщающей остатки древняго монастыря, обнаружены присяжными археологами слѣды дохристіанскаго погребальнаго обряда, то оказывается, что начало Бакоты должно быть отнесено еще къ эпохѣ древнѣйшихъ разселеній по Днѣстру тиверцевъ и уличей, лишь вскользь промелькнувшихъ въ лѣтописи.

Крестьяне-археологи въ своихъ поискахъ руководились конечно цѣлями посторонними наукѣ, отысканные на древнѣйшемъ славянскомъ займищѣ предметы разошлись по рукамъ и вѣроятно утрачены для науки навсегда. Владѣлецъ Бакоты, г. Шиманскій (замѣтимъ, давшій отчетъ о произведенныхъ раскопкахъ въ газетѣ «Kraj»), вначалѣ поощрявшій работы крестьянъ, своевременно просилъ Имп. археологическую коммиссію прислать компетентнаго изслѣдователя для руководства изысканіями, но недостатокъ средствъ не позволилъ исполнить просьбу г. Шиманскаго. Правда, дальнѣйшія работы были прекращены по распоряженію властей, и древнѣйшее русское займище съ его драгоцѣнными остатками нѣкогда кипучей жизни ожидаетъ своего Шлимана.

Лично г. Сѣцинскій раскопокъ въ Бакотѣ не производилъ и въ своей брошюрѣ даетъ лишь описаніе монастырища въ томъ видѣ, какъ оно находилось въ сентябрѣ 1889 года, послѣ прекращенія работъ крестьянъ. Кромѣ описанія раскопокъ, г. Сѣцинскій даетъ связный очеркъ судебъ Понизья и Бакоты на основаніи новѣйшихъ историческихъ работъ и сообщаетъ нѣсколько интересныхъ данныхъ о нынѣшней православной церкви въ Бакотѣ, находившейся въ самомъ жалкомъ состояніи на протяженіи почти двухъ столѣтій.

Вторая брошюра г. Сѣцинскаго даетъ подробное описаніе старинной православной церкви въ с. Сутковцахъ летичевскаго уѣзда, начало которой должно отнести никакъ не позже половины XVI в. Уже въ поборовомъ спискѣ 1565 г. отмѣченъ одинъ «поп» въ Сутковцахъ (Яблоновскій, Zródła dziejowe, т. XIX, ч. 1, стр. 189), чѣмъ устраняется всякій споръ о возникновеніи церкви въ концѣ XVI или даже въ XVII в. Церковь замѣчательна своей архитектурой: это церковь-замокъ, каменныя стѣны котораго въ нижнихъ частяхъ достигаютъ болѣе сажени толщины, съ двухъярусной колокольней, тремя башнями съ широкими зубчатыми карнизами и конусообразными крышами,

Библиотека "Руниверс"

множествомъ амбразуръ. Надо думать, что святое мѣсто служило для окрестныхъ жителей защитою при нападеніяхъ татаръ.—Кромѣ внѣшняго описанія храма, г. Сѣцинскій даетъ также подробныя свѣдѣнія о владѣльцахъ Сутковецъ по печатнымъ даннымъ и нѣкоторыя выдержки изъ книги визитъ половины XVIII в., хранящейся въ архивѣ комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи. Въ архивѣ этомъ, какъ извѣстно, находятся матеріалы драгоцѣнные для бытовой исторіи края, но издаются они довольно поверхностно и вяло, о чемъ будемъ имѣть случай сказать въ другомъ мѣстѣ.

Н. М.

Обозрѣніе журналовъ.

1) „Вѣстникъ Европы“ № 4—5; 2) „Журн. Мин. Нар. Просв.“ № 4—5; 3) „Историческій Вѣстникъ“ № 4; 4) „Русскій Архивъ“ № 4—5; 5) „Русскій Вѣстникъ“ № 3—5; 6) „Русская Мысль“ № 4—5; 7) „Русская Старина“ № 4—5; 8) „Русскій Филологическій Вѣстникъ“ № 1; 9) „Сѣверный Вѣстникъ“ № 4—5; 10) „Филологическія Записки“ Вып. I.

Вѣстникъ Европы 1890 г. № 4—5. *Кейстутъ и Бирута, литовская быль изъ XIV-го вѣка. М. Липкина.* (№ 4, стр. 739—784). Это—нѣчто въ родѣ поэмы въ стихахъ на тему изъ литовскихъ преданій. Поэма состоитъ изъ 5 пѣсенъ и снабжена значительнымъ числомъ подстрочныхъ примѣчаній.

Въ *Литературномъ обозрѣніи* помѣщена рецензія о книгѣ „Бѣлоруссія и Литва“. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *П. Н. Батюшковымъ* (№ 5, стр. 392—395).

Журналъ Мин. Нар. Просв. № 4—5. *И. Н. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ* (№ 4, стр. 267—305; № 5, стр. 1—55). Вводная глава этой работы касается стараго вопроса о сѣверномъ или южномъ происхожденіи русскаго былеваго эпоса; все же изслѣдованіе посвящено подробному обозрѣнію тѣхъ эпическихъ данныхъ, которыя связываются съ именемъ князя Романа Галицкаго въ памятникахъ письменности, въ произведеніяхъ южно-русской поэзіи и въ великорусскихъ былинахъ.

Мелкія замѣтки къ былинамъ. А. Веселовскаго. Уже не разъ приходилось отмѣчать эти статьи почтеннаго ученаго, въ которыхъ постоянно наталкиваешься на мелкіе факты, касающіеся или нашей южной письменности, или народной южно-русской поэзіи. Въ настоящемъ случаѣ мы встрѣчаемся съ та-

Библиотека "Руниверс"

кими фактами въ очеркѣ «Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ» (№ 5, стр. 61—73).

Изъ воспоминаній профессора В. И. Лапшина. (№ 5, стр. 120—139). Здѣсь находимъ воспоминанія о харьковскомъ университетѣ въ періодѣ 1835—65 гг., а также о дѣятельности Лапшина въ основанной имъ Ѳеодосійской народной школѣ, начиная съ 1871 г.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о книгахъ: 1) *Любовича Н.* Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ. *Стат. С. Пташицкаго* (№ 5, стр. 164—172); 2) Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской Дружинной Руси. Изслѣдованіе *Е. Барсова.* Т. III-й. Лексикологія слова. *Стат. А. Будиловича* (№ 5, стр. 172—187); 3) Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. *П. Владимірова* (№ 5, стр. 217). *Prochaska A.* Materyały archiwalne, wyięte głównie z Metryki Litewskiej od 1348 do 1607 roku. Lwów (№ 5, стр. 218).

Въ отдѣлѣ «*Современная лѣтопись*» помѣщенъ отчетъ о восьмомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ (9-го—24-го января 1890 г.). *Е. Шмурло* (№ 5, стр. 1—47; окончаніе слѣдуетъ).

Историческій Вѣстникъ № 4-й. *Мордовцевъ Д.* «*Чьи грѣхи*». Здѣсь встрѣчаемъ разсказы о походѣ Брюховецкаго въ 1665 г., о разореніи Черепцкимъ Суботова и о поруганіи имъ праха Хмельницкаго (№ 4, стран. 5 — 21).

Неслуховскій Ф. П. Изъ моихъ воспоминаній. Характеристика Н. И. Костомарова. Закрытіе кіевскаго университета въ 1839 г. Переѣздъ автора въ Харьковъ и поступленіе въ харьковскій университетъ. Жизнь въ Харьковѣ и знакомство съ Срезневскимъ, Метлинскимъ, Рославскимъ, Костомаровымъ. Характеристика профессоровъ. Краткая біографія студента и помощника инспектора Костомарова № 4, стр. 116—153).

Русскій Архивъ, № 4—5. *Шумигорскій Е. С. Императрица Марія Ѳеодоровна.* Здѣсь говорится о пріемѣ велик. князя Павла Петровича и велик. княгини Маріи Ѳеодоровны въ Кіевѣ отъ 11 по 15 окт. 1781 г. по пути ихъ заграницу (№ 5, стр. 34—35).

Русскій Вѣстникъ № 3—5. «Духовная жизнь нѣмецкихъ колоній». А. Велицына (№ 3, стр. 236—260). Авторъ статьи задается цѣлью охарактеризовать особенности религіозной жизни нѣмцевъ—колонистовъ и ея вліяніе на югъ Россіи. Высказавъ общее положеніе, что принципіальныя отличія міра православнаго и протестантскаго имѣютъ большое практическое значеніе, такъ какъ вносятъ различные идеалы въ жизнь, и охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ эти отличія, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ религіозныхъ

Библиотека "Руниверс"

сектъ. Прежде всего онъ останавливается на сектѣ гернгутеровъ, какъ наиболѣе интересной въ бытовомъ отношеніи. Въ статьѣ подробно изложена исторія возникновенія этой секты, ея внѣшняя организація, внутренняя жизнь, условія проникновенія въ Россію и постепенное измѣненіе характера секты въ позднѣйшее время.

Въ статьѣ «О военныхъ поселеніяхъ при графѣ Аракчеевѣ» нѣсколько страницъ (88—95) посвящено исторіи учрежденія военныхъ поселеній на югѣ Россіи въ губерніяхъ харьковской, херсонской и подольской, при чемъ указаны тѣ затрудненія, которыя были встрѣчены при этомъ учрежденіи Аракчеевымъ (волненіе въ харьковскомъ поселеніи).

Въ отдѣлѣ «*Внутреннее обозрѣніе*» (№ 3, стр. 331—337) помѣщена замѣтка объ областномъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Кіевѣ и его задачахъ.

«Еврейскія колоніи» *К. Случевскаго* (№ 4, стр. 201—228). Эта статья касается исключительно колоній екатеринославской губерніи. Начавши съ характеристики внѣшняго вида колоній, авторъ переходитъ къ числовымъ даннымъ относительно количества народа, земли, скота и машинъ въ каждой отдѣльной колоніи, потомъ излагаетъ краткую исторію образованія еврейскихъ колоній, останавливается на нѣкоторыхъ особенностяхъ еврейскаго хозяйства сравнительно съ сосѣдними не-еврейскими и, наконецъ, во 2-й половинѣ статьи, переходитъ къ изложенію историческихъ судебъ евреевъ въ Россіи. Статья заканчивается разсмотрѣніемъ вопроса о чертѣ осѣдлости евреевъ.

«Духовная жизнь нашихъ нѣмецкихъ колоній» *А. Велицына* (№ 5, стр. 212—234). Эта статья, составляющая продолженіе напечатанной въ мартовской книгѣ Русскаго Вѣстника подъ тѣмъ же заглавіемъ, начинается возраженіями по адресу нѣмецкой газеты, издающейся въ Россіи «St-Petersburger Zeitung». Послѣ этого уклоненія въ сторону, авторъ продолжаетъ прерванное разсмотрѣніе религіозныхъ сектъ. Статья этого номера посвящена характеристикѣ секты меннонитовъ, очень распространенной на югѣ Россіи, и ея главныхъ принциповъ, а въ слѣдующемъ номерѣ авторъ обѣщаетъ сообщить свѣдѣнія о сектѣ, особенно интересной для южно русскихъ губерній—штундизмѣ.

Въ отдѣлѣ «Новости литературы» (№ 5, стр. 277—280) помѣщенъ критическій разборъ сочиненія И. П. Филевича «Борьба Польши и Литвы—Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе»—К. Бестужева-Рюмина.

Русская Мысль 1890 г., № 4—5. *Гл. Успенскаго. Крестьянскія женщины.* Приведена выдержка изъ статьи г. Ревы, напечатанной въ «Юрид. Вѣст.» къ прошлому году, касающейся разстройства въ земскихъ порядкахъ и выясняющей вопросъ о поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ кіевской губерніи (№ 4, стр. 146—148).

Библиотека "Руниверс"

Милюкова. VIII археологическій съѣздъ въ Москвѣ. (№ 4). Подробное изложеніе доклада пр. В. Б. Антоновича о классификаціи кургановъ въ кіевской губер. (стр. 173—175); доклада пр. Занитневича: къ вопросу о критеріи для классификаціи кургановъ по типамъ съ сведеніемъ кургановъ средняго Днѣпра къ 4 типамъ (стр. 175—176); краткое изложеніе реферата г. Скадовскаго (распредѣленіе археологическихъ находокъ у днѣпровскаго лимана) и пр. Д. И. Багалѣя (общій очеркъ древностей харьковской губерніи) (стр. 176); дополненія, сдѣланныя г. Смирновымъ къ реферату В. Б. Антоновича—о необходимости связи археологическаго изученія съ данными современной этнографіи (стр. 176); сообщеніе А. А. Ивановскаго—о современныхъ обрядахъ у торгаутовъ, дающихъ полное разъясненіе каменнымъ бабамъ (стр. 177); рефератъ И. М. Ядринцева—о слѣдахъ азіатской культуры въ южнорусскихъ и скиѳскихъ древностяхъ и возраженія В. Б. Антоновича и Д. И. Багалѣя (стр. 180); сообщеніе В. Ѳ. Милдера о новомъ сарматскомъ божествѣ, найденномъ на Кубани (стр. 180—181); рефератъ А. С. Будиловича—къ вопросу о происхожденіи слова Русь (стр. 181—183), и сообщеніе Д. А. Хвольсона о новыхъ варіантахъ Ибнъ-Хордадбе, относящихся къ Руси (стр. 183—184); сообщеніе пр. А. С. Павлова—о церковномъ уставѣ Владиміра (стр. 192—193).

Въ отдѣлѣ библіографіи отзывы о книгахъ:

1) *Сумцова.—Этнографическія замѣтки.* Москва 1889 г. (№ 4, стр. 163—164).

2) *Барсова:—Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси.* Т. III. Лексикологія «Слова». А—М. Москва, 1890 г. (№ 4, стр. 164—166).

3) *Kopernickiego.* O góralach ruskich w Galicyi. Zarys etnograficzny. Kraków. 1889 г.—по вопросу о разновидностяхъ галицкихъ горцевъ (№ 4, стр. 167).

4) «Очерки помѣщичьяго хозяйства въ уѣздахъ золотоношскомъ и кременчугскомъ». Полтава. 1889 г. и «Обзоръ сельскаго хозяйства въ полтавской губерніи за 1889 годъ». Вып. первый. Полтава, 1890 г. Изданія полтав. губ. земства (№ 5, стр. 217).

5) Коротенькая замѣтка о книгѣ: «Матеріалы къ оцѣнкѣ земель полтавской губерніи. Естественно-историческая часть. Выпускъ I. Полтавскій уѣздъ. Отчетъ полтавскому губ. земству, составленный С. А. Георгіевскимъ». Спб., 1890 г. (№ 5, стр. 219—220).

6) Разборъ книги: «Фабричный рабочій. Изслѣдованіе здоровья русскаго фабричнаго рабочаго. Санитарное положеніе фабричнаго рабочаго въ Привислянскомъ краѣ и въ Малороссіи. (Изъ наблюденій фабричнаго инспектора) В. В. Святловскаго». Варшава, 1889 г. (№ 5, стр. 221—225).

Библиотека "Руниверс"

Русская Старина, № 4 и 5. *Дневникъ А. В. Никитенко.* О кражѣ въ Кіевѣ уѣзднымъ казначеемъ 80 т.; казначей скрылся и оставилъ слѣдующаго содержанія письмо: «12 лѣтъ служилъ я честно и усердно: это извѣстно и начальству, которое всегда было мною довольно. Не смотря на это, меня не награждали, тогда какъ другіе мои сослуживцы получали награды. Теперь я рѣшился самъ себя наградить» (№ 4-й, стр. 30).

Гвоздиковъ Е. Гр. Н. И. Костомаровъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ. Николай Иван. преподавалъ одинъ годъ (1837 г.) русскую исторію въ харьковскомъ частномъ пансіонѣ А. И. де-Роберти. Авторъ описываетъ внѣшній видъ Н. Ив. и его методъ преподаванія (207—209 стр., № 4).

Музыкантовъ П. Справка о томъ, что К. Д. Ушинскій былъ уроженецъ юга, а не Тулы (№ 4, стр. 230).

Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго. (№ 5, стр. 381—391). Это—продолженіе ряда статей помѣщенныхъ разновременно въ Русской Старинѣ прежнихъ годовъ, начиная съ 1872 г. Данный очеркъ представляетъ воспоминанія о знаменитомъ польскомъ писателѣ, митрополитѣ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ россійской имперіи, *Игнатіи Головинскомъ.*

Петровскій полтавскій кадетскій корпусъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его воспитанниковъ. *Л. Картавцева.* Это—отдѣльныя замѣтки о случаяхъ въ жизни корпуса въ періодъ 1852—59 гг., написанныя въ видѣ матеріала къ 50-лѣтію учрежденія корпуса (№ 5, стр. 393—409).

Русскій Филолог. Вѣстникъ 1890 г. № 1. *Въ отдѣлѣ «библіографическія замѣтки»* помѣщена корреспонденція о пяти засѣданіяхъ историко-филологическаго общества при харьковскомъ университетѣ, гдѣ между прочимъ сообщается о засѣданіи 8 ноября 1889 г., въ которомъ была сказана г. Багалѣемъ краткая рѣчь о редакторской дѣятельности покойнаго редактора Кіевской Старины А. С. Лашкевича; а также былъ прочитанъ рефератъ А. Я. Ефименко о дворищномъ землевладѣніи въ южной Россіи, вызванный работами И. В. Лучицкаго (стр. 149—150).

Обозрѣніе Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей.

1) Волынскія Губ. Вѣд. 1—32; 2) Волынскія Епарх. Вѣд. 1—14; 3) Екатеринославскія Губ. Вѣд. 1—34; 4) Кишиневскія Епарх. Вѣд. 1—7; 5) Кубанскія Обл. Вѣд. 1—17; 6) Минскія Губ. Вѣд. 1—52; 7) Минскія Еп. Вѣд. 1—10; 8) Подольскія Еп. Вѣд. 1—15; 9) Ставропольскія Еп. Вѣд. 1—9; 10) Таврическія Еп. Вѣд. 1—6; 11) Харьковскія Губ. Вѣдом. 1—103; 12) Херсонскія Епарх. Вѣдом. 1—8; 13) Черниговскія Губ. Вѣд, 1—36; 14) Черниговскія Еп. Изв. 1—9. Сверхъ того

Библиотека "Руниверс"

просмотрѣны, но не вошли въ обозрѣніе по отсутствію въ нихъ матеріаловъ: Бессарабскія Губ. Вѣд. 1—39; Кіевскія Губ. Вѣд. 1—41; Кіевскія Епарх. Вѣд. 1—14; Подольскія Губ. Вѣд. 1—35; Таврическія Губ. Вѣд. 1—19; Херсонскія Губернскія Вѣдомости 1—28.

Волынскія Губ. Вѣдом. № 1—32. № 2. По вопросамъ о новогодіяхъ (объ Юліан. и Григоріан. календаряхъ).

№ 4, 7. *Братчиковъ.* Къ исторіи крестьян. дѣла. Разборъ волынскихъ пословицъ.

№ 10. Взглядъ на нѣмецкую колонизацію.

№ 13. *Братчиковъ.* Мѣстная хроника безснѣжныхъ зимъ.

Волынскія Епарх. Вѣд. № 1—12. № 1—12. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волын. епархіи. (Продолженіе,—начало въ 1889 году).

№ 1—5. Лаврентій Зизаній Тустановскій и его сочиненіе «Большой Катехизисъ».

№ 9. Эпизодъ изъ временъ возсоединенія уніатовъ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Екатеринославскія Губ. Вѣд. № 1—34. № 3. Городъ Александровскъ въ 1837 г. (Начало въ № 101 и 102 1889 г.).

5. *Ю. К.* Къ вопросу объ искусственномъ лѣсонасажденіи въ южнорусскихъ степяхъ.

6—7. *М. Н. Фалькевичъ.* Маріупольское земство (Обзоръ его дѣятельности за минувшее десятилѣтіе).

10—12. *А. Егоровъ.* Араповскій планъ. (Къ исторіи Екатеринославщины).

13, 14, 17, 19. Днѣпровскіе пороги.

14. *Д. И. Эварницкій-Яворницкій.* Къ исторіи края. «Записка повѣсти покойнаго родителя моего Данила Апостола, какимъ образомъ покойный дѣдъ Павелъ Апостолъ зъ Молдавіи въ Полщу, а съ Полщи въ Малую Россію переселился». (Изъ собств. собранія бумагъ Д. И. Эварницкаго).

15. Новомосковскъ въ прошломъ и въ будущемъ.

16. *Ив. Манжура.* Зимняя ловля рыбы «китцями» подъ Екатеринославомъ.

18, 19, 21, 22, 23. Горнозаводская и фабрично-заводская промышленность въ екатеринославской губ.

20. *А. Егоровъ.* Гдѣ искать Жовтыхъ Водъ? (Къ исторіи Екатеринославщины).

22. *А. Егоровъ.* Пропавшая рѣчка. (Къ исторіи Екатеринославщины).

23—25. *И. Шмаковъ.* Побоище на Калкѣ.

Библиотека "Руниверс"

27. *П. Борзаковскій*, инсп. нар. учил. Краткія свѣдѣнія о состояніи еврейскихъ училищъ въ г. Екатеринославѣ въ 1889 г.

29. *И. Шмаковъ*. Рогатинская поповна.

32. *Д. И. Эварницкій*. О найденныхъ запорожскихъ лодкахъ.

33. *Д. И. Эварницкій*. «Араповскій планъ» г-на Егорова.

34. *А. Егоровъ*. Отвѣтъ на замѣтку г. Эварницкаго.

Екатеринославскія Епарх. Вѣдом. № 1—9. 3, 6—8. *Ив. Дементьевъ*. Изъ дневника екатеринославскаго епархіальнаго миссіонера.

№ 8, 9. *К. Корольковъ*. Одинъ изъ видныхъ представителей сектантства (шалопутства) екатеринославской епархіи, отставной солдатъ Григорій Шевченко.

Кишиневскія Епарх. Вѣдом. № 1—7. № 1. Дѣло образованія въ кишиневскомъ уѣздѣ.

№ 4—7. О монастырскихъ имѣніяхъ въ Бессарабіи, принадлежащихъ заграничнымъ восточнымъ монастырямъ.

Кубанскія Обл. Вѣдом., № 1—17. № 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9. Дѣйствія русскихъ крейсеровъ у кавказскихъ береговъ Чернаго моря 1830—1840 годахъ. Матеріалы для исторіи кубанской области, собранные Е. Фелицынымъ.

№ 3. Лѣченіе водобоязни народными средствами.

№ 12. *Е. Фелицынъ*. Геройская защита Михайловскаго укрѣпленія и безпримѣрный подвигъ рядового Архипа Осипова 22 марта 1840 года.

№ 10, 12. О контрабандѣ и ея прекращеніи на черноморской береговой линіи въ 1838—1842 годахъ. (Матеріалы для исторіи кубанской области, собранные Е. Фелицынымъ).

Минскія Губ. Вѣдом. № 1—52. №№ 7, 8. Перепечатка изъ «Одес. Листка» народнаго повѣрья: «Для чего Богъ посылаетъ громъ»?

№ 15. Князь Волхвъ (очеркъ).

№ 15—16. Перепечатка изъ «Прав. Вѣстн.» отзыва объ изданіи Батюшкова: «Литва и Бѣлоруссія».

№ 16. Сельская медицина въ сѣв.-запад. краѣ.

№ 30. Статья о «семейныхъ тайнахъ Радзивиловъ» (милліонное наслѣдство) по газетѣ «Tageblatt».

№ 33. О населеніи западнаго края.

№ 41. Замѣтка объ XI т. «Археограф. сбор. документовъ по исторіи сѣв.-западнаго края.

№ 45. Кое-что о пчеловодствѣ у крестьянъ Полѣсья.

№№ 49, 51. Кустарные промыслы минской губерніи.

Минскія Епарх. Вѣдом. № 1—10. № 6. Св. Макарій митрополитъ кіевскій.

Библиотека "Руниверс"

Подольскія Епарх. Вѣдом. № 1—15. № 1. Распоряженіе епархіальнаго начальства православ. христіанамъ подольской епархіи противъ штундистовъ.

— Обозрѣніе «Подольск. Епарх. Вѣдом. за 1889 г.

№ 2. Проектъ устройства въ г. Каменцѣ-Подольскомъ епарх. церковнаго древнехранилища.

№ 2, 4. Мѣры для охраненія православія противъ штундизма (продолженіе; начало въ 1889 г. №№ 39 и 40).

№ 3. Новыя свѣдѣнія по исторіи Подоліи и новыя данныя о судьбѣ великой княжны литов. Елены (по Monum. Poloniae historica, т. V (1).

№ 5—6. Къ исторіи возсоединенія уніатовъ брацлавскаго воеводства во второй половинѣ прошлаго столѣтія.

№ 9—10. Историческія свѣдѣнія о Каменцѣ-Подольскомъ и его православныхъ церквахъ.

№ 10. По поводу изданія г. Батюшкова «Бѣлоруссія и Литва».

№ 13—15. Штундисты балтскаго уѣзда.

Ставропольскія Епарх. Вѣдом. № 1—9. № 9. М. С. Обычай гадать на книгахъ священнаго писанія (есть кое-что и о малорус. обычаяхъ).

Таврическія Епарх. Вѣдом. № 1—6. № 2—3. О Бахчисарайской Успенской церкви (историч. очеркъ).

№ 4. *Ив. Оболенскій.* О внѣшнихъ отличіяхъ священнослужителей отъ мірянъ (историч. очеркъ).

№ 6. Панагія или Успенскій бахчисарайскій скитъ (историческ. очеркъ).

Харьковскія Губерн. Вѣдом. № 1—103. № 14. Извѣстіе, что въ Казани напечатана пятиактная драма артиста-комика Максимова «Полтавская гроза». Пьеса относится ко времени послѣднихъ лѣтъ жизни Мазепы и очень удачна.

№ 22. Некрологъ проф. всеоб. литер. харьков. универс. Колмачевскаго.

№ 32. Отчетъ о засѣданіи харьков. ист.-филогич. общества, гдѣ были прочитаны: рефератъ проф. Сумцова:—Воронъ въ народ. словесности и отчетъ проф. Багалѣя о VIII археолог. съѣздѣ.

№ 65. Свѣдѣнія о марковской сельской общественной библіотекѣ (харьк. г. лебедин. у.).

№ 67. Подписка на памятникъ Каразину.

— Нѣсколько словъ о П. П. Сокальскомъ—композиторѣ оп. «Осада Дубно» и авторѣ «Рус. народ. муз.» (великор. и малорус.).

№ 70. Сообщеніе проф. Сумцова о полученныхъ имъ писанкахъ и описаніе ихъ.

№ 75. По поводу новыхъ правилъ для чтенія въ читальнѣ харьковской общественной библіотеки.

№ 77. По поводу обычаевъ на вербной недѣлѣ.

Библиотека "Руниверс"

№ 83. Пасха у малорусскаго и южно-славянскаго простонародья (фельетонъ).

№ 88. *Влад. Липскій.* Малороссійскія заклинанія въ харьков. у.

№ 96. Перепечатка изъ «Петербург. Листка» о составѣ петербугской труппы г. Кропивницкаго.

№ 99. По поводу земли основянской школы.

Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости № 1—8. № 1, 2, 5, 6. Историческая записка объ открытіи елисаветградскихъ духовныхъ училищъ. (Начало въ № 20—24 1889 года).

Черниговскія Губ. Вѣдом. № 1—36. № 1—2. Описаніе работъ, произведенныхъ въ 1889 г. по отдѣлкѣ и украшенію Борисо-Глѣбской церкви черниговскаго каѳедральнаго собора.

№ 1, 2, 4, 7—18, 23, 25, 28—30, 34. Списокъ черниговскихъ дворянъ 1783 г.

№ 3. Указаніе на историческое лицо, генерал. судью Ивана Яремовича Носа

№ 10—14, 36. Малороссійское дворянство.

№ 15, 18. Родословная дворянъ Полуботковъ.

№ 16. Памятники мѣстной старины: Родъ Харевичей.

№ 21, 22, 24, 25, 36. Родословная дворянъ Туманскихъ.

№ 26. Лизогубовская лѣтопись.

№ 27. Два неизданныхъ письма А. С. Пушкина къ В. И. Туманскому.

Черниговскія Епарх. Извѣстія № 1—7. № 7. Воззваніе съ краткимъ сообщеніемъ объ исторической судьбѣ черниговскаго каѳедральнаго собора церквей Спасова Преображенія и Борисоглѣбской.

Библиотека "Руниверс"

Библіографическое извѣщеніе.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

МОТЫЖИНСКІЙ АРХИВЪ.

Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в.

ИЗДАНІЕ АНДРЕЯ и АЛЕКСАНДРА САВИЦКИХЪ.

Кіевъ. 1890 г. 8 д. Стр. VI+223+XVIII. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Съ требованіями можно обращаться въ редакцію журнала „Кіевская Старина“, Большая Владимірская ул., д. № 32, А.

Дозволено ценз. Кіевъ, 14 іюня 1890 г.

Библиотека "Руниверс"

1710. Саранча великая была по всемъ сѣверу и задънѣпрю.

Того жъ року, царь Петръ Алексѣевичъ взялъ городъ шведский Рыгу, гражданъ въ ней пощадѣлъ, а воинскихъ людей двана-десять тисячий смерти предалъ всѣхъ.

Того жъ року, Никнъ, архимандритъ новгородский, померъ, мѣсяца февраля числа 2, а на его мѣстцу зосталъ архимандритомъ Антоний Стаховский, еще за живота отца Никона, который то отецъ архимандритъ Никонъ, доброволне уступилъ архимандрию, будучи хорымъ [1]).

1711. Подчасъ зимы, ханъ зо всѣми ордами, мѣючи при собѣ тисячу янчаровъ, запорожцевъ тисячий двѣ или три, вышолъ въ слободы московские, добылъ въ полку харковскомъ городовъ два: Водоловъ, Марехву, прозываемую Сѣрковка; а до города, называемаго Волного, якъ пришолъ, тамъ заразъ сотникъ, называемый Плака, передался до хана; въ томъ городѣ ханъ свое зоставивши призидиумъ, также и въ Кечережкахъ городку, пошолъ въ свою землю никимъ же гонимъ; а напотомъ пришовши Москва до тыхъ городковъ Волного и Кочережокъ, жителей всѣхъ зъ жонами и дѣтми и маетками, и татарское президиумъ въ свою забрали (землю), а городки пречъ поруйновали. На тотъ часъ ханъ ясыру взялъ болшъ пятидесяти тисячий, а гетманъ козацкий Іоаннъ Скоропадский зъ войскомъ козацкимъ стоялъ въ Лубнахъ [2]).

(*Другимъ почеркомъ*).

Того жъ року, за Прутомъ рекою, царь Петръ Алексѣевичъ баталию зъ турками чинилъ; и по окончаніи оной, послани послы при везиру въ Царьградъ, Петръ Павловичъ Шафировъ зъ Михаиломъ Борисовичемъ Шереметомъ, для окончения договоровъ при-

---

[1]) Приписка на сторонѣ: Сего жъ року, моръ великий былъ въ Киевѣ и въ околичныхъ мѣстахъ и въ селахъ.

[2]) Приписка на сторонѣ: Сего року былъ моръ великий въ Чернѣговѣ и въ прочихъ городахъ и селахъ сѣверскихъ.

Сего року въ великий постъ, поихалъ Іоаннъ Максимовичъ, архиепископъ Черн., по указу царскому, на Москву, а оттоль въ Сѣбѣръ, на митрополію.

Року 1722, юля 3 дня, маєтностное ясневелможному его мил. пану гетману Іллѣчу Скоропадскому было.

Библиотека "Руниверс"

мѣрныхъ. На якой баталіи отъ войска малороссійского былъ полковникъ миргородский Данило Апостолъ зъ частю выборныхъ козаковъ, а гетманъ Скоропадский, въ полками козацкими, ходилъ подъ Каменный Затонъ, откуду вивозивши борошенніе припасы до Орла и до другихъ полку полтавского мѣстечокъ, Каменній Затонъ, Кодакъ и Самаръ розорили.

1712. Войска московскіе стояли надъ берегомъ Днѣпровымъ отъ Лоева до Навозу, для которыхъ на Днѣпрѣ козаки мосты робили; попереходячи за Днѣпръ, пойшли къ Смоленску.

1713. Гетманъ Скоропадскій съ полками козацкими стоялъ въ Кіевѣ, где козаки робили фашинами валъ, поузъ Либедь до Подолу, надъ Кожомяками, отъ московского города.

Посли царского величества Петръ Павловичъ Шафѣровъ, Петръ Андреевичъ Толстой, Михайло Борисовичъ Шереметовъ и Безстужей выѣхали зъ Цариграда по заключеніи мирныхъ договоровъ, зъ между которыхъ Михайло Борисовичъ Шереметевъ въ дорозѣ представился и погребенъ въ монастиру Печерскомъ кіевскомъ.

Того жъ часу, за послами пришолъ зъ Бендеру бывшый полковникъ прилуцкій Горленко зъ канцеляристою Іваномъ Максимовичемъ, зъ сынами Ломиковского и зъ протчими на Украину, кототорому, зъ его товарищи, велено ехать въ Москву, гдѣ и понынѣ обретается и живетъ свободно. И отпущени зъ Москвы: Михайло Гамалѣя, Кандиба и протчіи, на Украину.

1715. Ѳедоръ Лисовскій, протопопа гадяцкій, виехалъ зъ Москвы сотникомъ Новгородка-Сѣверского. Іоаннъ Максимовичъ, митрополитъ сѣбѣрскій, въ Тоболску преставился.

Того жъ року, родился царевичъ Петръ Петровичъ октоября 28 и сынъ царевича Алексѣя Петровича, Петръ Алексѣевичъ.

Того жъ року, выехалъ зъ Москвы на полковництво гадяцкое сербинъ Михайло Милорадовичъ зъ братами, а Ивана Чарниша зъ полковництва гадяцкого, учинено судіею енералнымъ.

1717. Взято зъ Кіева къ Москвѣ ректора Ѳеофана Прокоповича, Варлаама Зеленковского и иныхъ учителей.

(*Пропускъ строки на три*).

Библиотека "Руниверс"

1718. Гетманъ Іоанъ Скоропадскій ездилъ въ Москву съ полковниками: чернѣговскимъ Павломъ Полуботкомъ, зъ лубенскимъ Андрѣемъ Марковичемъ, зъ писаремъ енералнымъ Семеномъ Савичомъ, для поклоненія царскому величеству, и тамъ учинилъ сватовство дочки своей за сына Петра Андрѣевича Толстого, Петра Петровича. Тогда въ Москвѣ казнили епископа ростовского ростриженого Демида, Глѣбова, Кикина и протчіимъ многимъ наказаніе чинено, по дѣлу бывшей царицы и царевича Алексѣя Петровича, о чемъ явствуютъ тогда жъ публѣкованные печатные манифѣсты.

Того жъ году, Кіевъ и Чернѣговъ пожаремъ выгорѣлъ.

Того жъ году, іюня 26, Алексѣй Петровичъ въ Санктпітербурху преставился и погребенъ въ соборной церкви Петра и Павла, въ городѣ.

1719. Того жъ и другого 1719, войска великороссійскіе и малороссійскіе робыли подъ Царициномъ перекопъ у степу, отъ реки Дону до реки Олги. Того жъ году, учиненъ зять гетманскій Петръ Петровичъ Толстой полковникомъ нѣжинскимъ.

1720. Былъ въ малороссійскихъ городахъ, въ Нѣжинѣ и въ Гадячомъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, генералъ-фелтмаршалъ и кавалеръ; и въ Гадячомъ чинилъ постановлене зъ гетманомъ Скоропадскимъ, зъ старшиною енералною и полковниками, о расположеніи войска великороссійского въ Малой Россіи, чтобъ росписать на драгуна съ конемъ по 15 дворовъ къ сустентанціи, якъ козацкихъ, такъ и мужицкихъ, не виключая зъ раду и зъ числа, чіи бъ ни были, жадныхъ домовъ духовныхъ и свѣтцкихъ, знатныхъ и мелкихъ персонъ, начальныхъ и простыхъ, шинковыхъ и загородныхъ. Но понеже гетманъ зъ старшиною и полковниками выключали съ того расположенія духовныхъ персонъ, старшинскіе и козацкіе дворы, шинки и футорѣ, церковниковъ, вдовъ и всякихъ неимущихъ людей, не ставлячи оныхъ въ число къ сустентаціи драгунской, а приступали къ тому, чтобы опредѣлить по 15 дворовъ пахатныхъ, господарскихъ, посполитыхъ, безкозацкихъ, охороняючи козаковъ для службы козацкой, того ради тое постановлене не состоялося и въ несогласіи зъ Гадяча розехалися.

Библиотека "Руниверс"

1721. Ходило комендерованныхъ козаковъ по указу, десять тысячъ, опрочъ каштеваровъ, въ Ладогу, на дѣло канала отъ Новой Ладоги до Слюсенбурха дѣлаючагося, при полковнику чернѣговскомъ Павлу Полуботку, также при хорунжому енеральному Івану Сулимѣ и при полковнику лубенскому Андрею Маркевичу; и якъ туда идучи, такъ назадъ поворочаючи, куповалы сѣно и овесъ дорогою цѣною, бо негде сѣна безденежно не давано, отъ чого много коней пропало, и оруже, также одежу козаки позбували за безцѣнокъ, харчуючи коней въ той дорозѣ, еще на каналъ идучи. И не дойшовши Вѣшнего Волочка, Сулима, хорунжій енеральный ,померъ; козаковъ тежъ рядовыхъ, зъ числа десятитисячного, не повернулися въ дони—умерло три тисячи.

Того жъ году, великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ учинилъ миръ вѣчный зъ короною шведскою, на такихъ кондиціяхъ, что всѣ города завоеваные на сей сторонѣ моря Варяжскаго и съ провинціею Ливоніею, Естляндіею и Финляндіею въ сторонѣ его величества остались, яко то: Нарва, Ревель, Рига и протчіи; и того мира отправовалось торжество съ колоколнимъ во всемъ государствѣ звономъ, въ мѣсяцѣ септеврію и зъ всенароднимъ празднованіемъ, недѣлъ двѣ; и при повѣншованю учиненного мира, просили господа сенаторѣ царского величества, дабы изволилъ титуловаться императоромъ, Петромъ Великимъ и отцемъ отечества.

1722. Гетманъ Иванъ Скоропадскій ездилъ въ Москву зъ отданемъ своего поклону імператорскому величеству, где отправовавалося еще болшое того жъ мира торжество и выставленъ былъ ферверкъ зъ различными огнями, привеликимъ коштомъ; тамъ же въ Москвѣ, въ машкарадѣ гуляючи, чрезъ увесь мясоедъ и чрезъ сырную недѣлю ездили кораблями и иншими суднами по улицамъ, медведями, собаками и свинями, зъ немалимъ зрящого народа удивленемъ.

Того жъ лѣта, его императорское величество изволилъ маршъ свой воспріяти въ низовый походъ до Терку и далѣй въ землю персидскую, до Дербента, которого города комендантъ и ключѣ срѣбнѣе его величеству, на срѣбномъ блюдѣ, поднесъ и отдался въ

Библиотека "Руниверс"

протекцію его величества, зъ городомъ Дербентомъ и со всѣми гражданы. Въ томъ же походѣ было козаковъ подъ командою Апостола, полковника миргородского, при полковникахъ прилуцкомъ Галаганѣ и при кіевскомъ Танскомъ, десять тысячей, але пропала ихъ тамъ большая половина. Тамъ же надъ Сулакомъ, между терком и Дербентомъ зволилъ е. і. величество заложить новую фортецу и назвалъ Святій Крестъ.

Въ семъ же году, іюля 3 числа, повернувшися зъ Москви гетманъ Скоропадскій въ Глуховъ, представился; того жъ іюля числа, погребенъ зосталъ въ монастыру Гамалѣевскомъ дѣвичомъ, у трапезѣ, передъ правимъ криласомъ. А по его смерти, по указу государевомъ, принялъ правленіе полковникъ чернѣговский Павелъ Полуботокъ, до котораго зъ Москвы прислана грамота, за подписаніемъ правительствующого сената, чтобъ до избранія гетмана править ему Малою Россіею, по правамъ малороссійскаго народа, обще зъ старшиною енералною.

Того жъ году, стала въ Глуховѣ коллегія и начали збирать всякіе збори, учрежденіе отъ оной коллегіи, зборщики въ казну государеву.

1723. Президентъ коллегіи Малой Россіи брегадиръ Стефанъ Лукичъ Веляминовъ ездилъ въ Москву и въ Пітербурхъ, къ государю, и оттуду возвратившися въ Глуховъ, привѣзъ указъ зъ сената полковнику Павлу Полуботку, чтобъ ему зъ судею енералнымъ Іваномъ Чорнишемъ и зъ писаремъ енералнымъ Семеномъ Савичомъ, ѣхать въ Санктпітербурхъ, куда и поехали іюня 13 числа. А за пріѣздомъ въ Пітербурхъ, подали імперат. величеству сентября 13, въ иностранную коллегію, челобытную съ прошеніемъ милости отъ всей Украины, объ оставленіи зборовъ, о ненарушномъ содержаніи судовъ, правъ и волностей козацкихъ, грамотами отца его величества великого государя царя и в. кн. Алексѣя Михайловича, за гетмана Хмелницкого, утвержденныхъ и отъ самого жъ его імпер. величества при наставленіи на гетманство Івана Скоропадскаго, конфирмованныхъ. А въ сенатъ другую подали такую жъ, слово въ слово, челобитную, зъ особными пунктами о доходахъ гетманскихъ, зъ чого збирались и куда розиходились, о заплатѣ войску комонному и пѣ-

Библиотека "Руниверс"

хотному, о канцеляріи, о слугахъ войсковыхъ и полковыхъ, то есть, трембачахъ и армашахъ, о полковыхъ канцеляріяхъ, о покуховномъ, о станціи войска драгунского, якъ много коштуетъ, и о протчіихъ всѣхъ нуждахъ. А послѣ подания оныхъ челобытныхъ, наряженъ и посланъ того жъ часу на Украину лейбъ-гвардіи маэоръ преображенского полку Александръ Ивановичъ Румянцевъ, для спросу старшини и чернѣ малороссійской о тыхъ челобитныхъ: чи всѣ о томъ вѣдаютъ и просятъ; и уже съ того часу видѣли быть монарху загнѣванного. Потимъ, прислана зъ Украини отъ полковника миргородского Данила Апостола и отъ всего войска малороссійского, за подписомъ рукъ всей полковой и сотенной старшины и товариства бунчукового и значкового, другая челобитная съ Коломаку, чрезъ канцеляристу Ивана Романовича, въ Пітербурхъ, которое когда тотъ канцеляристъ подалъ до рукъ самому імператорскому величеству, зъ церкви святой Тройци по служби божой идучому, ноября 10 числа, такъ заразъ въ кофейный домъ увойшовши и вичитавши, и вишедши зъ того дому, того жъ моменту, изволилъ приказать своими устами, генералу маэору и гвардіи преображенского полку маэору Андрею Івановичу Ушакову, зъ великимъ гнѣвомъ и яростію, взять подъ караулъ полковника Павла Полуботка, судію енералного Івана Чарниша, Семена Савича, писаря енералного, тамъ же при кофейномъ домѣ стоявшихъ, и всѣхъ хто за ими ассистовалъ, отъ которыхъ и отъ всѣхъ отвязавши своими руками шаблѣ, тотъ же енералъ Ушаковъ велѣлъ всѣхъ попровадити въ замокъ мурованій пітербургскій, где, съ перваго часу, порознь были всѣ за карауломъ посажени; потимъ по 4 человѣка случени, а далѣй, знову недель у килка, поединцемъ розведени. А взято тогда при главной старшинѣ, подъ караулъ, въ замокъ полковниковъ наказнихъ трохъ: 1) гадяцкого полкового судію Григорія Грабянку, 2) переяславского есаула полкового Івана Кирпича, 3) стародубовского Петра Корецкого, да бунчукового товариша Димитрія Володковского, канцеляриста войсковой енералной канцеляріи Николая Ханенка, Іосифа Гаврилова, Василія Биковского, стародубовского значкового Стефана Носовича, чернѣговского значкового Івана Римшу, а слугъ всѣхъ на господѣ

Библиотека "Руниверс"

гдѣ стояли, подъ караулъ побрано и всѣ пожитки у кого що было, сукнѣ и денги, одобрано, попечатано, и на Шафѣровъ дворъ запроважено. А въ Чернѣговѣ учинено зъ подполковниковъ полковникомъ коменданта Михайла Богданова. Того жъ времени взято зъ Украини полковника миргородского Апостола, въ Москву и въ Санкпітербургъ, асаула енералного и бунчукового (бунчучного?) зъ Глухова и нѣкоторыхъ полковъ побрано въ Глуховѣ, старшину полковую и держано подъ карауломъ.

1724. Коронована въ Москвѣ въ соборной Успенской церкви, велик. государыня імператрица Екатерина Алексѣевна мая 7, чрезъ самого его імператорского величества и чрезъ архіереевъ великоновгородского Ѳеодосія и псковского Ѳеофана Прокоповича, ей же подай Господи многолѣтное щастливое и тихомирное государствованіе.

Априля 28, преставился въ замку пітербургскомъ, подъ карауломъ, Димитрій Володковскій.

Декаврія 18, преставился въ замку пітербургскомъ, подъ карауломъ, полковникъ чернѣговскій Павелъ Полуботокъ и погребенъ при церкви святого Самсона Страннопріемца, за Малою Невою, декаврія 29 числа.

1725. Преставился государь імператоръ и самодержецъ всей Россіи Петръ Великій, отецъ отечества, Петръ первый, непобѣдимій христіанскій монархъ, благочестивой вѣры христіанской разширитель, стодинъ церкви россійскія, одолѣнъ зосталъ отъ смерти непреодолѣнной, бывши двадесятолѣтнею зъ годомъ тяжкою зъ шведскимъ королевствомъ войною, по безчисленныхъ своихъ трудахъ въ просвѣщеніи своего государства, почилъ отъ рожденія своего 53 году, генваря въ 28 день, ему же подай Господи по земномъ, вѣчное небесное царствіе.

Того жъ году, послано бунчуковыхъ и значковыхъ къ Дербенѣ и въ Гилянъ, зъ Украини. Февраля 6, выпущени зъ замку санктпітербургскаго, съ подъ караулу, судія енералній Іванъ Чорнишъ, писаръ енералній Семенъ и протчіе, а миргородскій полковникъ Апостолъ, Василій Жураковскій, асаулъ енералній, и Яковъ Лизогубъ, бунчучный енералный, тако жъ съ подъ караулу свобожени,

Библиотека "Руниверс"

которимъ всѣмъ у вышнемъ судѣ, при свобожденіи ихъ, отдано шаблѣ; толко указомъ сказано, жебы въ Санктпітербурху жили до указу, съ которыхъ писаръ енералній Савичъ и асаулъ переяславскій Кирпичъ въ скоромъ часѣ, въ Пітербурху, померли.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КОЛОМАЦКІЯ ЧЕЛОБИТНЫЯ. [1]

1. Челобитная объ отмѣнѣ сборовъ.

Всепресвѣтлѣйшій и державнѣйшій императоръ и самодержецъ всероссійскій Петръ Великій, отецъ отчествія, государь всемилостивѣйшій [2]).

Отъ начала воспріятія всего малороссійского народа нашего, Богомъ хранимого, подъ державнѣйшій государствованія своего скипетръ, такъ пресвѣтлѣйшіе святоуспшіе предки вашего императорского величества, яко и ваше всепресвѣтлѣйшое величество при превисочайшой Богомъ увѣнчанной державѣ своей, на насъ вѣрнихъ иоддаиніихъ, за наши и антецессоровъ нашихъ рабскіе службы, всемилостивѣйше призирать и при правахъ и волностяхъ нашихъ доселѣ содержать и впредь непоколѣбимо содержовати обѣщать изволили, многими премощнѣйшими грамотами и привилеями, между которими и въ прошедшомъ 1716 году, на подданское челобите покойного гетмана господина Скоропадского, о облегченіи малороссій-

---

[1]) Во время печатанія Черниговской лѣтописи, нашли мы въ бумагахъ Григ. Андр. Полетики († 1784 г.), недавно пріобрѣтенныхъ В. В. Тарновскимъ, тѣ двѣ „челобитныя“, привезенныя Романовичемъ съ Коломака, которыя были ближайшимъ поводомъ къ аресту Полуботка и его товарищей. Два эти документа, до сихъ поръ неизвѣстные въ печати, мы нашли умѣстнымъ привести здѣсь, въ видѣ приложенія къ нашей „кроничкѣ“, въ которой съ наибольшими подробностями приведенъ разсказъ объ арестѣ въ 1724 г., малороссійской старшины. О „коломацкихъ челобитныхъ“ см. Записки Як. Марковича I, 24 (только слѣд. читать сентябрь вм. августъ).

[2]) Вначалѣ, передъ титуломъ, сдѣлана такая замѣтка: копія списанного слово въ слово. Сія супліка третій разъ писана отъ всего войска, въ Коломаку, 1723 году, октоврія 1

Библиотека "Руниверс"

ского народа въ поносимыхъ тяжестехъ и убиткахъ отъ станціи и преходу войскъ великороссійскихъ, видана зъ Амстардаму предостойнѣйшая вашего императорского величества грамота, зъ таковимъ всемилостивѣйшимъ обнадеживаніемъ, что всѣ тие тяжести и убитки, по окончаніи зъ королемъ шведскимъ войны, награжденни будутъ неотемлемою вашего величества милостию, которой события всежелателно зъ рабскимъ благодареніемъ ожидая, малороссійскій народъ, хотя до зѣла зъ божия посѣщения зосталъ разоренъ и уналенъ, то нашествіемъ непріятелскимъ, то моровою язвою и неурожаемъ черезъ многие года хлѣба и травъ, однакъ тие жъ переходи и станціи войскъ великороссійскихъ, такожъ и небезтяжестную службу, колико возмогли зъ немалимъ убиткомъ, отбували въ пользу интересу вашего императорского величества, чимъ би лутше на вящшую вашего величества заслужитися милость. Прошедшого же 1722 году учрежденная въ Малой Россіи коллегія, въ прилогъ тихъ трудностей, начаянное намъ стала налагать отягощение, вступаючися въ права и суда наши и взимаючи зъ добръ нашихъ никогда небивалие збори, представляя будто тое дѣлаетъ по пунктамъ Богдана Хмелницкого гетмана, въ которихъ пунктахъ просительнихъ и рѣшительнихъ, нѣкому отъ великороссійскихъ началниковъ въ права и суди наши вступатися, такожъ отъ имѣния старшини и козаковъ рядовыхъ, жадныхъ взимать зборовъ не написано, но якъ въ онихъ же пунктахъ изображено, всякую въ добрахъ и судахъ имѣти волность и судитися имъ по своимъ правамъ, такъ тие свободи въ онихъ добрахъ и судахъ милостивѣйшими пресвѣтлѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, блаженной и вѣчно достойной памяти отца вашего императорскаго величества, и вишше писанними вашего жъ величества привилеями Войску Запорожскому утвержденни суть, чого ради хотя тие зъ добръ нашихъ нововзиматися начатие збори, по нашемъ рабскомъ челобитю, прошедшаго жъ году милостиво состоявшимся указомъ вашего императорскаго величества, били одставлени, однакъ теперъ знову за поворотомъ зъ Санктъ-Пѣтербурга господина брегадира Веляминова, до оной коллегіи доправляючи, зъ значною прибавкою, а зъ нашимъ крайнѣмъ

Библиотека "Руниверс"

разрѣшеніемъ, помянутыхъ зборовъ за прошедшій и разомъ за настоящій годъ, безъ битности насъ, однихъ зде при Коломаку, а другихъ въ низовомъ походѣ, при крѣпости Святаго Креста, службу вашего императорскаго величества съ великимъ убиткомъ отправующихъ, у домашнихъ послѣдное забираютъ имѣніе, за розмѣровие приходи, не только съ тихъ млиновъ, якие за служби вѣрние наши по милости вашего императорскаго величества, нѣ на гетмана невзимано, но толко для единаго препитанія нашего мѣлисмо. Тако жъ за табачную и пчоляную десятини, за показанщину и за протчее надто (чого тано дѣди и отци наши и ми по превисокой милости вашего императорскаго величества, не дознавали) старшину и знатное товариство, ради тихъ же сборовъ, указомъ помянутой коллегіи, нарочно посилаючиеся солдати насилно берутъ до Глухова, откуда чрезъ долгое время онихъ не випуская, до немалихъ приводятъ убитковъ и безчестия. Отъ якихъ всѣхъ вишеписанних трудностей толикое учинилося у людехъ умаление, уходомъ особливе въ слободи и на тую сторону, что отъ Днѣпра до самого Днѣстра прежде бившие опустѣлие мѣста, вездѣ населени нашимъ малороссійскимъ народомъ.

Всепресвѣтлѣйшій и всемилостивѣйшій государь! Надѣяся на тую жъ неизреченную вашего императорскаго величества милость, что по оной правое насъ вѣрнихъ вашего величества подданнихъ челобитствие не будетъ презрѣнно и отриновенно, дерзаемъ оное предъ августѣйшій вашего императорскаго величества престолъ на самой истиннѣ и милости утверждаючися, чрезъ нарочнихъ посланниковъ Семена Кгалецкого, сотника новгородского, да Кирила Криштофова, сотника сенецкого, приносити, съ такимъ всепресвѣтлѣшимъ рабскимъ прошеніемъ: да благоволитъ ваше державство, по вишеписаннихъ милостиво состоявшихся своихъ премощнѣйшихъ грамотахъ и привилеяхъ, въ станціи великороссійскихъ полковъ и въ тяжестяхъ отъ коллегіи налагаемихъ, за наши прежние и въ предъбудущие служби, насъ вѣрнихъ подданнихъ благоприятелно помиловати. А что за доношеніемъ на нѣкоторую старшину, поноситъ все войско малороссійское мнѣніе и подзоръ, будто въ судахъ малороссійскихъ волокити и взятки чинятся и ми въ семъ милости вашего импера-

Библиотека "Руниверс"

торскаго величества просимъ, дабы ваше величество соизволили о такихъ судяхъ и малороссійскаго народа обидителяхъ приказать намъ, Войску Запорожскому, доподлина розискати, а ми, по непоколебимой своей вашему императорскому величеству вѣрности, все тое изслѣдовати въ правду и по самой истиннѣ вашему императорскому величеству, хто въ чемъ явится преступнимъ, донести облекуемся, за якую благоутробнѣпризрителную вашего императорскаго величества милость, ми и наслѣдники наши всегда вашему императорскому величеству до потерания здоровья и живота нашего въ непремѣнной вѣрности служити долженствуемъ.

Въ подлиной полковники, вся старшини и черни подписалися. При Коломаку, зъ обозу, 1723 году, октоврия 1 числа писана, а подана...

Вашего императорскаго величества вѣрние подданние и нижайшие раби.

Полковникъ миргородский Данило Апостолъ. Полковникъ гадяцкій Михайло Милорадовичъ. Полковникъ прилуцкій Игнатъ Galaganъ, вомѣсто его я Федоръ Галенковскій, писаръ полковій прилуцкій, по повеленію его жъ полковникомъ и за себе руку приложилъ. Полковникъ киевский Антоній Танскій. Мойсѣй Зарудній, сотникъ полковій миргородскій изъ товариствомъ. Стефанъ Родзянка, сотникъ хорольскій зъ товариствомъ. Федоръ Остроградскій, сотникъ говтянскій съ товариствомъ. Андрѣй Стефановичъ, сотникъ богацкій зъ товариствомъ. Полковникъ охочепѣхотній Гавриѣлъ Бурляй. Василій Родзянка, обозній полковій миргородскій. Матвѣй Ивановичъ, судия полковій миргородскій. Семенъ Galaganъ, асаулъ полковій, за которого и за себе я Антонъ Волевачъ, асаулъ же полковій, руку приложилъ. Вомѣсто Ивана Черкеса и Супруна Семеновича, хоружихъ полков. миргородскихъ, такожъ и за Николая Кгоранескула, сотника сорочинского, подписался Семенъ Максимовичъ, сотникъ чорнускій. Вомѣсто Романа Лесницкого, сотника шишацкого, Самойла Стефановича, сотника яресковского, Ивана Ярослава, сотника бѣлоцерковского, Яреми Юхимовича, сотника остаповского, я, Максимъ Тимошенко, сотникъ наказній устивицкій, за нихъ и за товариство,

Библиотека "Руниверс"

и за себе зъ товариствомъ, подписуюся. За Кондрата Леонтиевича, сотника омелницкого, Юска Росоху, сотника потоцкого, Гаврила Илишенка, сотника кременчуцкого, Ивана Яшевского, сотника наказного власовского, Ивана Жука, сотника наказного городиского, я, Самойло Малинка, писаръ полку миргородского, руку приложилъ за ихъ и за товариство.

Полкъ Гадяцкій. Григорій Гребянка, судия полковій. Александръ Ситенскій, писаръ полковій. Асаулъ полковій Мартинъ Штишевскій. Илия Милорадовичъ, хоружій полковій. Федоръ Цуцкай, прапорщикъ полковій. Василій Велецкій, сотникъ гадяцкій, зъ товариствомъ. Романъ Корицкій, сотникъ опошнянскій, зъ товариствомъ. Василій Рожанскій и Мелетій Жадко, сотники зенковские, зъ товариствомъ. Петро Зеленскій, сотникъ рашавскій, зъ товариствомъ. Василій Павловичъ, сотникъ куземинскій, зъ товариствомъ. Леонтій Масюкъ, сотникъ веприцкій, зъ товариствомъ. Данило Иллѣчъ, сотникъ комишанскій, съ товариствомъ. Демянъ Ивановичъ, сотникъ новалювскій, зъ товариствомъ. Ониско Величай, наказній сотникъ лютенскій, зъ товариствомъ. Я, Василій Велецкій, сотникъ гадяцкій, по ихъ прошенію руку приложилъ. Филипъ Самарскій, атаманъ значковій зо всѣмъ куренемъ по прошенію его Яковъ Сидоровичъ, хоружій сотенній, руку приложилъ.

Полкъ Прилуцкій. Михайло Григоровичъ, обозній полковій. Иванъ Марковичъ, судия полковій. Михайло Мовчанъ, асаулъ полковій. Иванъ Семеновичъ, прапорщикъ полковій. Федоръ Марковичъ, сотникъ полковій, зъ товариствомъ. Михайло Ягелнѣцкій, сотникъ монастырскій, зъ товариствомъ. Марко Михайловичъ, наказній сотникъ варвинскій, зъ товариствомъ Ярема Федоровичъ, наказній сотникъ сребранскій, зъ товариствомъ. Захарій Дмитренко, наказній сотникъ иваницкій, зъ товариствомъ. Иванъ Карпенко, наказній сотникъ красноколядинскій, зъ товариствомъ, за которихъ я, по прошенію ихъ, Федоръ Федоръ Матвѣевичъ, товаришъ значковій, руку приложилъ. Григорій Зеленскій, атаманъ значковій, зъ товариствомъ.

Полкъ Стародубовскій. Семенъ Березовскій, асаулъ полковій и наказній полковникъ. Григорій Скоруппа, писаръ полковій. Фе-

Библиотека "Руниверс"

доръ Данченко, хорунжій значковій. Филипъ Данченко, сотникъ полковій, съ товариствомъ. Семенъ Салецкій, сотникъ новгородскій, съ товариствомъ. Алексѣй Есимонтовскій, сотникъ мглинскій, съ товариствомъ. Антипъ Соколовскій, сотникъ бакланскій, съ товариствомъ. Нестеръ Василиевичъ, сотникъ шептаковскій, съ товариствомъ, за которихъ я, Иванъ Забузкій, писарь сотеній, руку приложилъ. Михайло Янжулъ, сотникъ топалскій, съ товариствомъ, за которого я, Лукянъ Гордѣенко, писарь сотеній, руку приложилъ. Іосифъ Рухлядь, сотникъ наказній погарскій, съ товариствомъ. Михайло Янковскій, сотникъ наказній почепскій, съ товариствомъ, за которого я, Василій Варявскій подписуюсь. Стефанъ Козловскій, сотникъ наказній новомѣскій, съ товариствомъ. Михаило Голенковскій (Голембіовскій), товарищъ значковій, за себе и по прошенію всего товариства значкового, руку приложилъ.

Полкъ Чернѣговскій. Василій Томара, судія полковій и наказній полковникъ. Игнатъ Василиевичъ, обозній полковій. Михайло Мокрѣевичъ, асаулъ полковій. Марко Михайловичъ, хоружій полковій. Федоръ Лисенко, сотникъ березенскій, съ товариствомъ. Іосифъ Семеновичъ, сотникъ студенскій, съ товариствомъ. Яковъ Ждановичъ, сотникъ городницкій, съ товариствомъ. Іванъ Савичъ, сотникъ любецкій, съ товариствомъ. Семенъ Михайловичъ, сотникъ слабинскій, съ товариствомъ. Яковъ Бакуринскій, сотникъ роѣскій, съ товариствомъ. Кардъ Лѣневичъ, сотникъ волинскій, съ товариствомъ. Андрѣй Полянскій, сотникъ синявскій, съ товариствомъ. Тимофѣй Кущинскій, сотникъ полковій наказній, съ товариствомъ. Иванъ Васютинскій, сотникъ менскій, съ товариствомъ. Федоръ Базилевичъ, сотникъ наказній седневскій, съ товариствомъ. Кирило Гавриловичъ, сотникъ наказній сосницкій, съ товариствомъ. Федоръ Тихоновъ, сотникъ наказній понорницкій, съ товариствомъ. Кирило Богунъ, сотникъ наказній бѣлоусовскій, съ товариствомъ. Василь Лаврѣновичъ, сотникъ наказній кисилювскій, съ товариствомъ, за которихъ яко неумѣючихъ писма, наказнихъ сотниковъ я, Иванъ Яновскій, писаръ судовій, руку приложилъ. Стефанъ Славатинскій, товарищъ значковій за себе и по прошенію всего товариства значкового руку приложилъ.

Библиотека "Руниверс"

Полкъ Переяславскій. Антоній Черушинскій, сотникъ золотоношскій и наказній полковникъ. Михайло Турчинъ, наказній обозній полковій. Иванъ Адаменко, наказній хоружій полковій. Стефанъ Афендикъ, сотникъ борисполскій, зъ товариствомъ. Михайло Прохоренко, сотникъ бубновскій, зъ товариствомъ. Федоръ Рудковскій, сотникъ басанскій, зъ товариствомъ. Иванъ Шкиленко, сотникъ наказній полковій, зъ товариствомъ. Иванъ Туръ, сотникъ наказній ирклѣевскій, зъ товариствомъ. Демянъ Горбань, сотникъ наказній кропивянскій, зъ товариствомъ. Андрей Синзовокъ (?), сотникъ наказній золотоношскій, зъ товариствомъ. Мойсѣй Луценко, сотникъ наказній полковій, зъ товариствомъ. Хведоръ Аза, сотникъ наказній глемязовскій, зъ товариствомъ. Кондратъ Кисѣль, сотникъ наказній березанскій, зъ товариствомъ. Лукянъ Бережній, сотникъ наказній яготинскій, зъ товариствомъ. Грицко Головко, сотникъ наказній вороньковскій, зъ товариствомъ. Федоръ Лушня, сотникъ наказній баришовскій, зъ товариствомъ. Семенъ Исаенко, сотникъ наказній домонтовскій, зъ товариствомъ. Федоръ Шаратенко, сотникъ наказній пѣщанскій, зъ товариствомъ. Михаило Яременко, сотникъ наказній лѣплявскій, зъ товариствомъ, за которихъ, яко неумѣетнихъ письма, я Данило Андрѣевичъ, писаръ сотнѣ золотоношской, по прошенію ихъ, руку приложилъ.

Полкъ Лубенскій. Яковъ Марковичъ, наказній полковникъ. Григорій Кулябка, сотникъ полковій лубенскій, зъ товариствомъ. Полковій обозній Павелъ Мартосъ. Писаръ полковій Стефанъ Савѣцкій. Іванъ Гамалѣя, сотникъ лохвицкій, зъ товариствомъ. Семенъ Максимовичъ, сотникъ чернускій, зъ товариствомъ. Сотникъ Сенчанскій Кирилъ Криштофъ, зъ товариствомъ. Василій Жуковскій, сотникъ наказній глинскій, зъ товариствомъ. Василій Кирика, сотникъ городискій, зъ товариствомъ. Лукянъ Лисенко, сотникъ наказній роменскій, съ товариствомъ. Стефанъ Назаренко, сотникъ наказній смѣлянскій, зъ товариствомъ. Гарасимъ Бутъ, сотникъ наказній чигриндубровскій, зъ товариствомъ. Павелъ Кириленко, сотникъ наказній переятинскій, зъ товариствомъ. Петро Сененко, сотникъ наказній лукомскій зъ товариствомъ, за которихъ, яко неумѣетныхъ

Библиотека "Руниверс"

писанія, я Мартинъ Алексѣевъ, писаръ сотнѣ лукомской, по прошенію ихъ, руку приложилъ.

Полкъ Полтавскій. Григорій Буцкій, судія полковой и наказній полковникъ. Вмѣсто Лаврентия Никитовича, обозного полкового, и за себе, я Григорій Бугаевскій, писаръ полковій, подписался. Федоръ Сибѣлиевичъ, асаулъ полковій за себе и за хоружихъ полковихъ: Михайла Руденка и Павла Гарасименка, подписался. Димитрій Самарскій, сотникъ полковій, зъ товариствомъ, за которихъ я Григорій Матвѣевичъ, товаришъ значковій, по прошенію ихъ, руку приложилъ. Павло Ждановичъ, сотникъ новосанджаровскій, зъ товариствомъ. Павелъ Тронѣцкій, товарищъ значковій, за себе и по прошенію всего товариства значкового, руку приложилъ. Іванъ Gаевскій, сотникъ решетиловскій, зъ товариствомъ. Сава Михайловичъ, сотникъ кобеляцкій, зъ товариствомъ. Иосифъ Яковлевичъ, сотникъ орлянскій, зъ товариствомъ. Федоръ Тимофѣевичъ, сотникъ соколянскій, зъ товариствомъ. Григорій Потоцкій, сотникъ кишѣнскій, зъ товариствомъ. Иванъ Сулима, сотникъ великобудинскій, зъ товариствомъ. Иванъ Лишенко, сотникъ келебердянскій, зъ товариствомъ, за которихъ всѣхъ, по прошенію ихъ же, я Павелъ Тройнѣцкій, значковій товаришъ, руку приложилъ. Василій Павловичъ, сотникъ наказній старосанджаровскій, зъ товариствомъ. Яковъ Цесарскій, сотникъ наказній бѣлицкій, зъ товариствомъ. Гордѣй Савичь, сотникъ нехворощанскій, зъ товариствомъ. Федоръ Василкувский, сотникъ наказній царичанскій, зъ товариствомъ. Яковъ Григориевичъ, сотникъ наказній китайгородскій, зъ товариствомъ. Гордѣй Семеновичъ, сотникъ маяцкій наказній, зъ товариствомъ, за которихъ всѣхъ, по ихъ прошенію, я Стефанъ Пѣщанскій, товаришъ значковій, руку приложилъ.

Полкъ Киевскій. Илия Жилка (Жила?), судия полковій. Григорій Немировскій, писарь полковій, за себе и за Николая Савенка, асаула полкового первого, руку приложилъ. Иванъ Кукуринъ, асаулъ полковій. Василій Карасѣйка, хоружій полковій.

Библиотека "Руниверс"

2. *Челобитная объ избраніи гетмана.*

Всепресвѣтлѣйшій и державнѣйшій императоръ и самодержецъ всероссійскій, Петръ Великій, отецъ отечества, государь всемилостивѣйшій.

Прошлого и сего настоящого 1723 годовъ, полковникъ черниговскій Павелъ Полуботокъ и старшина енеральная били челомъ вашему императорскому величеству, зъ покорнѣйшимъ одъ всѣхъ насъ, о избраніи гетмана, прошеніемъ, но понеже по сее время милостивого вашего величества на тое указу не получили, сего ради нинѣ зъ походу, черезъ нарочнихъ посланихъ, отъ всего войска малороссійского, рабское приносимъ челобитствие и нижайше молимъ да повелитъ ваше императорское величество въ войску малороссійскомъ, подлугъ давнихъ правъ нашихъ, волними голосами, зъ малоросиянъ избрать гетмана, безъ продолженія, ибо безъ гетмана въ Малороссіи государственние дѣла и войсковие и всякие порядки въ належитомъ не могуть бити правленіи, а и вся Малая Россія, не имѣючи гетмана, въ особливой темнотѣ пребиваетъ. Сия челобитная писана при Коломаку, одъ всего войска, 1723 году, октоврия 1 числа. Въ подлинной якъ старшина, такъ и все войско подписалися вашего императорскаго величества вѣрние поддание и нижайшие рабы. А подана...[1]).

[1]) Подписей нѣтъ. Вѣроятно, въ подлинной онѣ были тѣ самыя, которыя выписаны на предъидущей челобитной. Время подачи также не обозначено.

Библиотека "Руниверс"

НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ІОАННА ВИШЕНСКАГО.

Печатаемыя ниже сочиненія І. Вишенскаго, до сихъ поръ неизвѣстныя (о Еретикахъ, Загадка, Слѣдъ и Новина), извлечены нами изъ рукописи Императорской Публичной Библіотеки (Рус. Q., № 243), по которой напечатаны были Костомаровымъ четыре посланія І. Вишенскаго въ Актахъ Ю. и З. Р. Вслѣдъ за введеніемъ (напечатанныхъ г. Мироном въ „Кіевск. Стар.“) и четырьмя посланіями слѣдуютъ въ рукописи печатаемыя ниже сочиненія (стр. 155—166), за ними сочиненіе Леонтія о ересяхъ, напечатанное Костомаровымъ въ указанныхъ выше Актахъ. Рукопись Публ. Библ. сохранна, первыхъ 2-хъ листковъ нѣтъ, но нумерація полная. Почеркъ всей рукописи одинъ и тотъ же—полууставъ второй половины XVII в. На кожанномъ переплетѣ отмѣтки: ex Bibliotheka Akcangelina; изъ библіотеки графа Ѳ. А. Толстова, отд. II, № 398.

Любезность и предупредительность завѣдующаго отдѣломъ рукописей и старопечатныхъ книгъ И. А. Бычкова дала намъ возможность напечатать неизвѣстныя доселѣ сочиненія Вишенскаго, за что мы и приносимъ ему искреннюю благодарность.

И. Житецкій.

Библиотека "Руниверс"

1. ѡ еретикохъ.

Но сіе оубо ѡ латинской прелести крⷭкословне речесѧ. ѡ прочіихъ же іереⷭехъ нетребѣ вамъ есть и писати. Сами бо вы извѣстно вѣсте ѡ писаніѧ апⷭкаго, и сⷭтыхъ бгⷭоносныхъ ѡцъ, ꙗко еретици сѫть прⷭидѫщіе ѩжепрци антихристови аще и ѡлатины воскреснѫти хощⷮ, но сѣмѧ прелести ѡединого майстра діавола посѣѧнное всебѣ плода носѧ, и невѣріемъ ꙗвⷭтвенно изѡбразѫютъ. ѡних же Іѡаⷩ Богⷭловъ, Петръ, Іюда и Павелъ, доволно извѣствѫютъ, ꙗко и слѣпомѫ раⷷжденіе имѫщемѫ ѡщѫтити ⷭ мощно. ибо Петръ рече, быша же ѩживи прⷭрци ѩлюдехъ, ꙗкоже и ѩвⷭ бѫдѫть ѩживіи оучители, еже ѩнесѫть ереси погибели, и искѫпивша го ихъ Вѩки ѡтмѣтающесѧ, приводѧще себѣ скорѫ погибель, и мнози послⷭдствѫю ихъ нечистотⷭ, и прочаѧ. семѫже и Павелъ послѣдѫѧ рече, еретика чⷭка поперво и второмъ наказаніи ѡрецайсѧ, вѣдый ꙗко развратисѧ таковы, и есть само ѡсѫжденъ. а понеже еретикⷭ ⷭ ѡсѫжденъ, то что ты хощеши православный христіанине, или ищеши слышати что здраво ѡнего; ничто же дрѫгое, точію да и ты ѡсѫжденъ бѫдеши. глѧ бо рече емѫ радоватисѧ, съобщаесѧ емѫ невѣріемъ. и какѡ небоишисѧ бесѣдовати съ зміею, дали невѣси, ꙗко жало смертоносное, и ꙗдъ гѫбителный въ оустѣхъ носитъ, имъ же послѫшающихъ оумерщвляетъ. Блюди православный хⷮіанине дане ѡтрѫшишся ереси зловѣріⷮ. Вопросъ, что ⷭ ересъ? ѡвѣтъ: ересъ ⷭ нечестіе развращенны оумъ, прелесⷮ мнѣніѧ изнеможеніѧ, помысла, сомнѣніе ѡ истиннѣ, двоедѫшіе, слѣпота мыслънаѧ, конечное же невѣріе. Вопросъ: что ⷭ блгочестіе? ѡвѣтъ: блгочтіе ⷭ безиспытно несѫминѣяна вѣра, оупованіе истинно, крѣпⷮ оумнодѫшевнаѧ, здравый помыслъ, блговⷭтво къ Бгѫ, простота, незлобіе конⷭное: да вѣси оубо рече Тимоѳею, какѡ ти подобаетъ ѣдомѫ Бжіи жити, ⷮаже ⷭ цркви Бга жива, столпъ и оутвержденіе истинны, исповѣдѫемый, велика ⷭⷮ блочтіѧ тайна, Бгъ ꙗвисѧ воплоти и прочаѧ. Апонеже се ⷭ тайна ꙗко Бгъ ꙗвисѧ въ плоти, како оубо еретики невѣрѫютъ Павловомѫ реченію, и прочіихъ апⷭлъ ꙗко се ⷭ тайна, но тщатся земны помыслⷮ паче помысла, сію тайнѫ

Библиотека "Руниверс"

постигнѹти, и ꙗко что ѿ земны҃ѧ вр҃вѣ ѡбносящи҃ извѣ҃но оувидѣти. Видиши ли прелес҃ть ересь, нечестіе, безѹміе, слѣпотѹ, и злонравіе; но что ѡ еретико҃ много требѣ есть гл҃ати, сіи бо аще бы не образъ Бжі҃й трегипостасный оумаслова, и дх҃а, въ плоти ѡбносили, законо҃ и житіемъ ѿсвиніи҃ бе҃словесны҃ ничимиже ра҃знѣѹю҃, где бо вны҃ вѣра, где цр҃ковь, где сщ҃ество, где жертва, где правило, где словословіе, где постъ и ѡбѹзданіе естества, где дх҃ъ, не все ли плоть и кровь, и питаніе бе҃временно свинъскаго законъ; ѡніхже и Петръ рече: сіиже ꙗко скоти животни ест҃вом бывше въ погибель и тлю въ нихже неразѹмѣютъ хѹлѧще, въ истлѣніи своемъ истлѣютъ: и паки, сласть мнѧще вседневное насыщеніе скверители и порочници, питающесѧ лес҃ми своими, ꙗдѹще с вами, очи имѹще исполнъ блѹдодѣѧніѧ и непрестаемаго грѣха, прелщающе дш҃а неоутвержде҃нны и проѧ҃: такожде Іюда рече, сіи елика оубѡ не вѣдѧ҃ хѹлятъ елика же по ест҃твѹ ꙗко бе҃словеснаѧ животнаѧ вѣдѧ҃, вси҃х скверѧтсѧ; и прочаѧ: и паки сіи сѹть ѕлюбова҃ ваш҃и скверители ѕвами ꙗдѹще без болѧзни себе пасѹще, и про҃: и паки, сіи сѹть ропотници, оукорителе ч҃а порочна въ похот҃е свои҃ ходѧще, нечестіе҃ и законопреступленіемъ, и оуста ихъ гл҃ю прегордаѧ, чюдѧщесѧ лицем҃ ползы ради. Выже возлюбленніи, поминайте гл҃ы прежде реченныѧ ѿ апл҃ъ Гд҃а нш҃го Іс҃ Хр҃та; зане гл҃ахѹ вамъ, ꙗко въпослѣ҆днее времѧ бѹдѹть рѹгателе, по своихъ похотехъ ходѧще и нечестіихъ, сіи сѹть ѿтдѣлѧющe себе ѿ единости вѣры, и сѹть телесни дх҃а неимѹще. Видиши ли ѧрость еретическѹю, ꙗко плоть и кровь сѹть, дх҃а не имѣютъ. плоть҃же и кровъ по апл҃а Павла гл҃ю, цр҃твія Бжі҃ѧ не наслѣдѧтъ. Сего ради Іюдино и Петрово квамъ гл҃ю. Выже возлюбленніи, православніи хр҃тіане роде избранный, ꙗзыкѹ с҃тый, ц҃рское сщ҃еніе, людіе обновленіѧ. с҃тою вашею вѣрою, назидающе себе дх҃омъ с҃тымъ, и мл҃щесѧ сами себе҆ѕ любви Бжі҃и соблюдайте. ждѹще мл҃ости Гд҃а нш҃его Іс҃а Хр҃та въ жизнь вѣчнѹю, ележе всѣмъ намъ полѹчити, ѡ самомъ томъ Іс҃ѣ Хр҃тѣ Гд҃ѣ наш҃е. ѕниміже оц҃ю҃ слава ч҃сть и держава и въвѣки вѣкѡ҃ ами҃н҃.

Библиотека "Руниверс"

2. Загадка философомъ латинскимъ латскимъ, также и ослѣпленнымъ погнавшимся, отъ лакомства прелестнаго, младенцемъ бѣлобрадыми, Русскими, Гл. н.

Скажѣте ми о премудріи отъ вашихъ хитростей и художествъ граматычнихъ, діалектичныхъ, риторичныхъ, и философскихъ, какимъ способомъ Христос простакомъ ему послѣдующимъ отверзе оумъ разумѣти писаніе; а то такъ было; Лука мовить; по въскресніи, садши сними рече имъ, сіи сутъ словеса яже глахъ вамъ, еще сый свами, яко подобаетъ скончатися всѣмъ написанымъ взаконѣ Моусеовѣ и пророцѣхъ, и псалмѣхъ о мнѣ. Тогда отверзе имъ оумъ разумѣти писанія. и рече имъ, яко тако писано есть; и пророкъ; почерпѣтеже отъ своея премудрости философское, и открыйте ми тые врата, которіе доразума духовнаго отверзаются. и каковы тые врата и въ которомъ мѣстѣ главно замкнены сутъ, достаточне скажѣте, и како ся отворяютъ, ключъ ми узнаймѣте. Если тое малое скажете ми извѣстно: будь разумѣти яко ползуетъ вас тая брѣтня зачимся гоните. А если незгаданете тое простое и безхитрое загадки, и не отъ вымысловъ практичного; но истны, яко сама всобѣ есть глемое, тогда уставивши философы латинскіе, къ тебѣ, брате мои Русине, съ словомъ ся уборочаю и радъ здоровью, и пожиточнѣю (за писаніе душевное) даю: устанте бѣгати въ слѣдъ латины и оученія ихъ: бо оутолившися трудомъ прелести невѣріемъ, якоже и уни запевне поздыхаете, але лѣпше дома въ блготіи, если и немного знаючи седѣти. да съ отцемъ и сномъ и стымъ духомъ нераздѣлни, и нынѣ, и тамо будете. аминь.

---

3. Слѣдъ къ постыженію и изученію художеста приводящаго къ истинствующей безсмертной и вѣчной правдѣ, глава д.

Первое, убнищати по Христѣ. Второе, отрещися себе и душѣ свою изжизни сей возненавидѣти. Третее, яремъ Христа Христова, искъ-

Библиотека "Руниверс"

совъ борбы, подвиговъ во мысли и плоти къ дховнмъ, лꙋкавы по нн̃ымъ во терпѣніи взявши преплити и тѣснотою алвы и жажды сѣвнманіѧ непресѣкомое мл̃твы Іисо̃вы тиснꙋтисѧ и плоть и кровь поть и подвигомъ мысльнаго вниманіѧ во бдѣніи нощномъ и днев-номъ трезвѣніи и присѣдѣніи мѣстно̃ и бе̃молвно̃ оувлити и изсꙋшити. Четвертое, любовъ и памѧть мира сегѡ оуморити, къ бꙋдꙋщемꙋже вѣкꙋ ѡко мысленое неоуклонно оустремити, црⷭ҃ нбнаго оусерднѡ желати, камтисѧ, плакати, памѧть смертнꙋю всѣгды вклѣти сердечной видѣти и бе̃престанно поминати и навсѧкъ часⷰ чертꙋ и дн̃ь ѡходꙋ надѣятисѧ и готовити. Пѧтое, ѡ всем силы, крѣпости, мысли, дш̃и и ср̃ца волю Бж̃ію погнати, своюже оубити и запамѧтанн̃ погребсти; заповѣди Хр̃товы ѡ всегѡ оусердіѧ и любве хранити и хранѧщи всегда вопр̃ѧнѧѧ оуспѣвати, со̃воренное же забывати, ꙗко ничтоже со̃тор̃н. Шестое, бе̃честіѧ и смерти кр̃тⷭ҃ вомѣнѧти: но оное въ мирѣ семъ желати и искати: аще оубо кой ты слѣдо̃ ко исканію бе̃смертное правды пойдетъ, изоучитъ и ѡбрѧщ̃ѥ прекраснѣйшꙋю и свѣтозарнѣйшꙋю правдꙋ и оузр̃н вней прѣже̃ общаго воскр̃сніѧ воскр̃сніе и всѧ таинства, ихже ꙗзыкъ по Павлꙋ и̃гласити неможѥ̃, и недовлѣетъ, и не постигнетъ. Аще же инако начеже внѣшн̃н оученіе̃м правды таинство постигнꙋти и навыкнꙋти хощетъ и оусилꙋетсѧ, во антихристовꙋ прелесть и гордость, идеже и латинскій р̃о̃ заблꙋдилъ, или вопрочаѧ ереси тоѥ̃ майсторѣ и хꙋдожества кнѧзѧ мистра діавола сына геенскаго, блазнителѧ вѣка сего въпадѥ̃; ѡ негоже да васⷰ сохранн̃ Хр̃ бл̃гословенною простотою аминь. Си бо стꙑй аще и внѣшнее оученіе изоучиша, но ничтоже ѡ истиннѣ ѡ философского кичені̃ѧ навыкнꙋти возмогоша дондеже сіе ѡбе̃честиша, и тѣснаго пꙋти слѣдомъ разꙋма Хрⷭ҃това поидоша, его же ѡбрѣтше тогда истинно навыкоша, смиреніе достигоша, и наставници слѣпымъ и невѣдꙋщ̃н Бг̃а и пꙋти спⷭ҃енѧ быша, нн̃ѣже в латинско̃ родѣ сопротивно творѧ изоучивши грамматичкꙋ и празнослонꙋ велерѣчнꙋю, ѥже ѥ̃ рыторичкꙋ, тогда оу же сѧ дмꙋтъ, даскалами и ѧ̃рыми сѧ зовꙋ, проповѣдаютъ, оучатъ

Библиотека "Руниверс"

а и сами ѣбезꙋміи и бꙋйствѣ премрости мира сего сѣдѧтъ, по Павлꙋ, премрост бо мира сегѡ бꙋйство є̃ пр̃ѣ Бг̃омъ. Зачи̃ бѣдници простоты смиренїѧ, и бе҃злобїѧ николи же навыкнꙋти не могꙋтъ.

---

4. Новина или в҃ѣ̃ о обрѣтеніи тѣла оубитаго Варлаама Архіеп҃кпа ѡхри̃скаго во градѣ велицѣ за истинꙋ пострадавшаго и в рѣкꙋ завомꙋю Вардаръ ѣверженнаго, како обрѣтенъ быст, и послѣди до ѡхрида требл҃женное оно тѣло пренесесѧ, и нн̃ѣ во м҃тр҃твыхъ, паче же ѣживы̃ сꙋщемꙋ чюдо творн̃ и Воскр҃нїѧ Таинство и надеждꙋ бꙋдꙋщаго вѣка проповѣда҃ѥ, мира же и миродержца діавола ѡбличаѥ̃ и ѣ конецъ посрамл҃етъ.

По оубіеніи оубо и ѣверженіи в рѣкꙋ Вардаръ блженнаго онаго ѡц҃а, вто врем҃ гоненїѧ ради и навѣтꙋ и на прочїѧ христіаны, никтоже несмѣѧше слѣдити оное тѣло ꙗко да извлечѥ̃ и̃ но пребы̃с оубо нѣкꙋю с҃ѣмицꙋ ѣводѣ, дондеже мало нѣчто плищъ сей оутишисѧ и оулѧже ѡ̃ діаволовъ зꙋбренны̃ гнѣвно-ꙗростны̃ ср҃цъ тꙋрскихъ, таже пооутишеніи сн̃, ѣнѣкоей веси близꙋ двохъ днїй хода ѡ̃ града Велиса, быст мꙋжъ добръ житіемъ. странно пріемникъ, мл҃тынидавецъ, и нищелюбецъ хꙋдожествѡ̃ рыболовъ, Емꙋже гла҃ быст въ снѣ нощію, пойди гл̃ѧ на тꙋю и тꙋю странꙋ рыбы ловити, бꙋдеши бо имѣти добръ ловъ. ѡнже воставъ ѡ̃ сна оудивисѧ ꙗвленію и абіе оустремисѧ наловленіе рыбъ ѣ реченнꙋю ѡнꙋю странꙋ, идеже емꙋ оузнаменано̃ быст. Таже приближаѧсѧ мѣстꙋ томꙋ набрезѣ рѣки бѣ древо стоѧщее нанемже видѣ птищъ бѣлъ неподвн̃но сѣдѧщъ въ ѡбразъ орла; емꙋже доволно оудивившсѧ, рас҃уждаѧ что се ест, ꙗко николиже бѣ видѣлъ такова видѣніемъ и образомъ. таже повнегда дойти намѣсто то, и близꙋ птища оного, възрѣлъ ѣкрай рѣки оное, и видѣ тѣло бл҃женнаго наверхъ

Библиотека "Руниверс"

воды изнесенное, на единомъ мѣстѣ неподвижно стоящее. Птицъ же оный якоже стражъ нѣкій въпери зракъ просто блюды оное тѣло Архіепископово по ѹказавленіи и по гл҃ѣ томъ оубійства и ѿверженіи ѣрѣкъ. Тогда оубо извлачи сіе, и вноситъ в село то тайно, и при цр҃кви поставлѧ҃ дондеже погребсти сего бѣ оумыслка, птичницъ же отъ вънесеніи оного тѣла ѥсл҃ѣ оного послѣдоваше, и горѣ н҃анимъ летѧше, дондеже тѣло поставлено бѧше, тогда и онъ нацр҃кви сѣдъ тѣло блюдѧше. ꙗвижесѧ емѹ въ снѣ Варлаамъ гл҃ѧ, ѿнѹтръ цр҃кве олтаря погреби мѧ: ибо азъ ѡцр҃кви постражда҃ и оумрѣхъ, таже бл҃олюбецъ свойственны҃ѣ и съгласнымъ извѣсти сѹсѣдомъ, и созва с҃и на погребеніе ѡного тѣла. Егдаже снійдошасѧ оніи мѹжіе и с҃щенникъ, тогда творахѹ обычнаѧ послѣдованіѧ погребѹ належащаѧ. таже по совершенію правила, ѿнегда время приспѣ въ гробъ влагати оное тѣло, тогда начаша мнози прикасатисѧ, ꙗко да подвигнѹтъ и въ гробъ внесѹть ест, имѫже нимало порѹшитисѧ не даде. сіе первое чюдо, таже оудивишасѧ вси бывшемѹ, и недооумѣвахѹсѧ, что быст вина семѹ неподвиженію. послѣдиже смыслиша гл҃ающе, еда како нѣсмы достоини прикасатисѧ, того ради намъ и воѕбранисѧ напогребеніе. тогда оубѡ начаша искѹшати по единомѹ комѹ сѧ даде понести оное тѣло, и комѹ сѧ не даде. въ искѹшеніи же т҃о едва ѡбрѣтесѧ тройца мѹжей бл҃говѣйны҃ѣ, и ѿжитіи добромъ ѿ вс҃ѣ живѹщи҃ свѣдителствованніи, симъ оубо въ гробъ ѿнести҃ невозбранѧетъ его же погребоша ч҃тсно. попогребенію же ѡномъ, птицъ сѣдѧщіи нацр҃кви, и блюдый оное тѣло ѿлетѣ и ктому невиди҃ быст, т҃а егда совершисѧ гѡд въ гробѣ ономѹ тѣлѹ быст ꙗвленіе аг҃лско ѿнѣкоемѹ епк҃пѹ бл҃гоч҃тивѹ, сиротолюбцю, и въ всемъ свѣдит҃ствованѹ ѿ совѣсти и житіѧ, ꙗко ест заповѣдемъ хр҃стовы҃ѣ хранитель. ѿнемѹже воѕгласи гл҃ѧ, изнеси сокровище сокровенное тамо, ꙗко да сѧ славитъ Б҃ъ, ѿсемѹже быст и Варлаамово ꙗвленіе съ негодовані҃ѣ гл҃ѧ; доколѣ мѧ ѿзатворѣ темница сеѧ держите, ꙗко да не подамъ помощь б҃ствѹю҃щи҃ и страждѹщи҃ ѿ различны҃ѣ недѹгъ и искѹшеній бѣсовскі҃. дапознаютъ его же воѕмнѣша ѡбеѕчестити; ѡбезчестѧ҃тсѧ и вѣчне порѹгаю҃тсѧ. Егоже возмнѣша оубити, се нн҃ѣ живъ есмъ, и сихъ оубити начинаю и погѹблю и

Библиотека "Руниверс"

иствари бжіе. дане гнѣздисѧ діаволское племя ижденѹ, и сосѹды жилища Бжіѧ ѡчищѹ, и посвщѹ, и Бга въ мѧти быти сотворю. изнесѣте оубо мѧ на ѥавленіе всемѹ мирѹ; ѡ епкпе, та вставъ епкпъ съ оужасо ѿсна и разѕѹди ѥавленіе бывшее. тогда оубо абіе оустремисѧ до града ѡхрскаго, и созываѥ православны, извѣствѹ имъ слчшамсѧ. ониже се слышавше ревностію огнѧ любовнаго разжегошасѧ, и мѧша епкпа, ѥако да безаконснѣніѧ пойдѹтъ кѹпно съ нимъ, и донесѹть чтсно мощи блженнаго ѿ оное веси до града ѡхрскаго. Епкпъ же совѣтѹ и мѧнію ихъ тощно послѣдова. обаче дане зависть бѣсовскаѧ препнетъ ихъ начинаніе, молвѹ творѧ кбезбожны тѹрцехъ, и дане возбранитсѧ имъ жѧлаемое полѹчити. оухитриша совѣтъ гласны сотворити, ѥако же древле Іосифъ съ Никодимо, оумолиша пилата даповелѣ имъ, ѥако проста странника неимѹща ниѣкѹдѹ промышленіе, се ест Хра погребсти, покрывше же егѡ славѹ. вѣдѧще оубо ѥако Творецъ и строитель всегѡ мира есть. Но того ради покрываютъ, ѥако да скоро полѹчатъ (безпотрѧсеніѧ совѣсти и страха нѣкоего при вшествіи къ Пилата на развѹжденіе) Хтово Тѣло погребсти. аще бо бы ѿ славы прошеніе начинали, небы оубо на погребеніе Тѣло Іисово пріѧли, тѣмже ѿ безчестіѧ начинаютъ, сегѡ ради скоро полѹчаютъ глюще къ пилату, ѡ сѹдіѧ, дай намъ того бника и сирамаха оубитого, неимѹща где главѹ преклонити да его погребемъ. Онъ же повелѣ и произволи. Сице оубо и ѡхридане ѿшедши до кадіи и во прочіихъ строителей тѹрскѣ мѣста ѡхрскаго, покрывше оубо ѥавеніе ѡ Варлаамѣ и чюдо ѥже сотвори и творити хощетъ. ѿтѹдѹ прошеніе начинаютъ глюще, ѡ кадіа, и вы панове начални града сего, слышасте оубо ѥако без вины и грѣха оубіенъ е оубогіи епкпъ нашего града ѿ оубіецъ въ градѣ Велисѣ живѹщихъ, и погребенъ быст тамо и тамо безчестно: нынѣ же мы воспомнѹхо ѥако се сирамахъ бѣ ѿ нашего града рожденіемъ. Здѣже и епкпомъ быти сподобисѧ, мѧмо вас повелѣте оубо намъ да донесемъ своего мертвеца на его ѿчество, вамъ же и мзда бѹдетъ ѿ нас, что въсхощете, точію да на искомое дарѹете. Они же слышавше мздѹ болшей ради ѡное неже ради прошеніѧ, ѿ нихъ же достойное оузѧвши произволиша да донесѹть

Библиотека "Руниверс"

бл҃женнаго Варлаама въ градъ ѡхр҃йскій. тогда оубо ѥ҆зѧвши власт, и произволеніе ѿ҃ властей града ѡхр҃йскаго православніи хр҃тіане ѿидоша к҃упно сѣмъ епк҃помъ зѧшнаго тѣло и доиѯ҃ше сотвориша прежде послѣдованіе м҃твы пожбычаю законном҃. т҃а изнесоша оные мощи ѿ гроба и поставиша ихъ наоутвореннѣ одрѣ, но ѡ чюдеси, егда оубо бѣ ѡбираемо оное тѣло попосѣчены ѧзы҃ сихъ и оубо ѧзвы бл҃хѵ҃ исцѣлены и позарасли, ꙗко ничтоже познаватисѧ сѣчѥнію и кла҆тію и пробіенію, точію малые нѣкіе знаменіѧ, идеже пробіенъ и посѣченъ быст ꙗвлѧхѵ҃сѧ; ѿ҃ ѧзвъ же сихъ, ѡ чю҆на дѣла твоѧ Г҃ди, и не едино слово доволно къ похваленію чюдесъ твоихъ, миро бл҃гооуханное истече; и всѣхъ бл҃гооуханіѧ и радости исполни, ꙗко недооумѣти всѣмъ, коими оусты и славословлѥ҃ми прославити Бг҃а, прославившагѡ с҃тго своего, начнѵ҃тъ и бл҃годареніемъ бл҆г҃тъ и даръ с҃ицевъ даровавшаго имъ бл҃женнаго и ѡц҃ѣненнаго Варлаама въ҃мздѧ҃. но оубо елико въмѣстиша, толико Бг҃ѵ҃ должнаѧ славословіѧ сотвориша. Тогда оубо приходѧтъ болѧщіи и ра҆зличными недѵ҃ги и стра҃ми одержимые въ имѧ с҃тго прикосновені҃е и помазаніемъ мура, абіе здравіе обрѣта҆ю и ѿ҃ недѵ҃гъ и страстей свобождаю҆тсѧ, и ꙗкоже нѣкоимъ ратникомъ ѿ҃ насиліѧ и плѣненіѧ діаволскаго прикосновені҃е телеси бл҃женнаго ѿ҃ сихъ б҆҃ѣ и страданіи ѿ҃емлютсѧ и въ свободѵ҃ здравіѧ ѿ҃силаю҆: и исцѣленіе кождо своемѵ҃ недѵ҃гѵ҃ пріемлютъ. И бѣ видѣти источникъ здраво творенный ѿ҃ мертвыхъ и наг҃ѣ костей исходящъ и животворѧщъ страждущаѧ, и оутѣшеніе, и здравіе дарѵ҃ющъ, и кто оубо не оудивѝсѧ и не прославѧ҃т Бг҃а дивнаго въ с҃тѣы своих, иже толикѵ҃ силѵ҃ даде оуг҆с҃никѡ҃ своимъ, ꙗко и по смерти паче неже въ здравіи жизни сеѧ власть имѵ҃тъ чюдо творити, бѣсы изганѧти, недѵ҃ги врачевати, болѧщаѧ исцѣлѧти. ѿ҃ б҆҃ѣ и приключи҆шѧ҃сѧ напастій избавлѧти. Слава в҆лкѡ твоей неизреченнѣй прем҆ѣрости и силѣ. Слава таи҆нствѵ҃ смерти и Распѧтію Твоемѵ҃, слава Кр҃тѵ҃ и безчтію Твоемѵ҃. Слава въскр҃нію и славѣ твоей, ꙗко Кр҃тѡ҃ и с҃мтію поносноѥ на҃ прославлѧеши; и ѿ҃ лѵкаваго вѣка сегѡ въ цр҃ство н҃сное преносиши да бѵ҃деть слава н҃нѣ и пр҃сно и въвѣки вѣковъ аминь. Таже торжествовавше д҆ховно они, хр҃тоносніи людіе ѡ Варлаамѣ, взѧша

Библиотека "Руниверс"

его въ гр҃а wхр҃искій и положима въ ц҃кви wхр҃ское архіепк҃іи, идеже бе҃престанно точитъ цѣлбы и бл҃гть дарꙋетъ ищꙋщимъ бл҃гти. лици оубо искꙋсомъ реченное видѣти хощете, до града wхр҃ского странствꙋйте, тогда оувѣришасѧ и извѣстиши, ꙗко не басни сꙋть, но еже гл҃ю. Елици же странничества непроизволѧете, и мѣст҃ wтчествъ своѥ҃ присѣдите, дѣломъ вѣрꙋ пожажѣте и добродѣтели, и житію, и п҃свигꙋ, и вѣнцꙋ Варлаамовꙋ поревнꙋйте, да и вы сію бл҃гть съвышше полꙋчите. Еже вамъ пожелати Г҃ди даждъ, аминь.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXIX, 1890 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

		стр.
I.	Первобытный человѣкъ на берегахъ р. Днѣпра вблизи г. Кіева **Н. Ѳ. Бѣляшевскаго**.	1—21
II.	Очеркъ коліевщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ гг. **Я. Н. Шульгина**. . . . . 22—52, 263—306,	409—426
III.	Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. **О. И. Роговой**. . . . . 53—83, 227—254,	409—426
IV.	Культурныя переживанія. Профессора **Н. Ѳ. Сумцова**. . . . . 84—100, 327—341,	478—493
V.	Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г. **Мирона**.	101—120
VI.	Отголосокъ лирницкаго языка. **Ѳ. Д. Николайчика**.	121—130
VII.	Описаніе атласа XVIII ст., подареннаго черниговской гимназіи кн. Н. П. Голицынымъ.	131—147
VIII.	Посольство Шакловитаго къ Мазепѣ въ 1688 г. **А. А. Востокова**.	199—226
IX.	Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ **В. З. Завитневича**	255—262
X.	Милліонеръ. Карт. изъ гал. жизни **Мирона** 307—326,	427—451
XI.	Отъ Случи до Буга. Путевыя замѣтки Эд. Хлопицкаго (Съ польскаго). **Н. М.**	342—362

Библиотека "Руниверс"

стр.

XII. Бѣдствія евреевъ въ южной Руси XVII в. (По поводу книги Гретца: Исторія евреевъ отъ эпохи Голландскаго Іерусалима до паденія франкистовъ). **А. Я. Ефименко** . . . . . 399—408

XIII. Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго **И. П. Житецкаго.** . . . . . 494—532

XIV. Документы, извѣстія и замѣтки. Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго. Бѣгуны отъ науки. **Г.** Замѣтка къ статьѣ «Малорусскіе домашніе лѣчебники 18 в. **А. І. Степовича.** Два документа для исторіи семейства Разумовскихъ. **А. Л.** Къ «повѣрьямъ о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ». **Ив. М—ры.** Свидѣтельство полтавскаго полковаго суда, выданное въ 1683 г. запорожцу, у котораго въ пьяной ссорѣ откушено было ухо, на возстановленіе «чести и доброй славы». Универсалъ гетмана Разумовскаго относительно порядка избранія сотниковъ. Сообщилъ **И. В. Теличенко.** Два письма А. И. Чепы, собирателя к. XVIII в., письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи. **А. Л.** Политическая сатира XVIII в. **И. К—а.** Рѣчь произнесенная малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ княземъ Н. Г. Рѣпнинымъ при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Черниговѣ, 25 сентября 1823 года. Пасхальныя вирши въ спискѣ XVIII ст. Сообщилъ **О. Л.** Евреи-козаки въ нач. XVII в. Къ вопросу о южно-русской колонизаціи. **В. Н. Сторожева.** По поводу библіографической замѣтки г. С. А.—ва о соч. Фр. Ленормана: «Руководство къ древней исторіи востока». **И. Каманина.** Къ исторіи польскаго театра въ Кіевѣ. **П. Т.** Къ исторіи нѣжинскихъ грековъ. **Н. В. Стороженка.** Къ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины. **В. Н. Сторожева.** Древность малороссійскаго табаководства. Подольское епархіальное церковное древнехранилище. Г. Ѳ. Карповъ (некрологъ) . . 148—166, 363—883. 539—553

XV. Полковникъ прилуцкій Иванъ и бунчуковый то-

Библиотека "Руниверс"

стр.

варищъ Григорій Стороженки. (Къ портретамъ). **Н. В. Стороженка**. . . . . 167—173

XVI. Къ рисунку Шевченка. **В. П. Науменка**. . . . . 554—557

XVII. Библіографія A. Szarłowski. Stanisławów i powiat stanisławowski pod względem historicznym i geograficzno-statystycznym. **Н. М.** Русская грекo-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ П. О. Бобровскаго. **Арк. Л—нка.** В. Гошкевичъ. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ **Н. В.** Д. И. Эварницкій. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. **Арк. Л—нка.** A. de Gubernatis. Dictionaire international des écrivains du jour. Livraisons XI et XII. Gul-Zel. **Н. М.** Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи. Составилъ гр. Александръ Бобринскій. **М.** 1) Архивъ Юго-западной Россіи, т. VII ч., 1. Стороженко Н. В. Западно-русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. **Ив. Новицкаго.** Iózef Tretiak, Historya wojny Chocemskiej 1621 r. **Н. М.** Полное собраніе русскихъ лѣтописей. т. XVI. **П. Г.** Tadeusz Sternal, Oblężenie Kamieńca w powieści i historyi. Studym historyczno-literackie **Н. М.** И. Палимпсестовъ. Степи юга Россіи были ли искони вѣковъ степями и возможно ли облѣсить ихъ? Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края. **Ив. Новицкаго.** С. А. Бершадскій, Шауль-Юдичъ Валь изъ Бреста-Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. **И. Каманина.** Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ. Собралъ П. Ивановъ. Съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Сумцова. **И. Каманина.** Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. **П. Г.** Е. Сѣцинскій. Бакота, древняя столица Понизья. **Н. М.** Обозрѣніе журналовъ Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи. . . . . 174—198, 384—397, 558—584

Библиотека "Руниверс"

Приложенія: 1) Лѣтописныя замѣтки о событіяхъ въ Новороссіи (окончаніе).

2) Черниговская лѣтопись по новому списку, съ предисловіемъ А. М. Лазаревскаго.

3) Портретъ прилуцкаго полковника Ивана Стороженка.

4) Портретъ бунчуковаго товарища Григорія Стороженка.

5) Видъ села Андрюши.

6) Неизданныя сочиненія Іоанна Вишенскаго.

Библиотека "Руниверс"

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Грынцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографія» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Стеновича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лищенка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тимпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Социніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. п. 60 к.

— Анна-Алоиза. княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Ист. Общ. Н. Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За пер. прилагается 25 к. Кн. 3 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины“.

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго, рода украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель К. М. Гамалѣй. За редактора Е. Кивлицкій.

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

Библиотека "Руниверс"